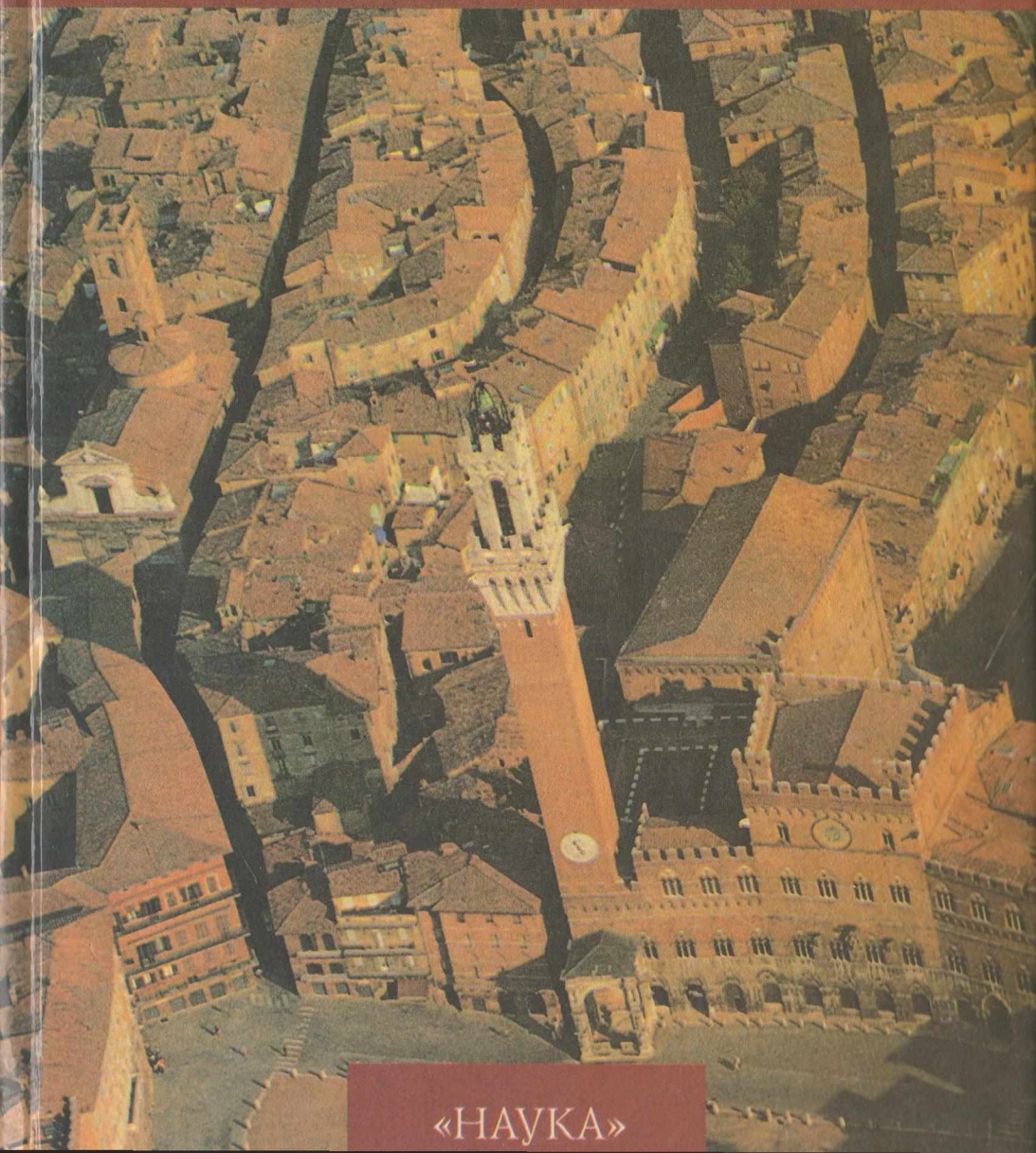

ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Феномен
средневекового урбанизма

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Том 1

Феномен
средневекового
урбанизма

МОСКВА
«НАУКА»
1999

УДК 94/99
ББК 63.3(0)4
Г 70

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-01-16078*

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А.А. СВАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:
А.А. СВАНИДЗЕ (ведущий редактор тома),
О.И. ВАРЬЯШ, П.Ю. УВАРОВ, А.П. ЧЕРНЫХ

Бригадир В.Р. НОВОСЕЛОВ

Рецензенты:
кандидат исторических наук С.Л. ПЛЕШКОВА,
кандидат исторических наук Д.В. ШУШАРИН

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1.
Феномен средневекового урбанизма. – М.: Наука, 1999. – 390 с.,
ил.

ISBN 5-02-008569-3 (т. 1)
ISBN 5-02-008554-5

"Феномен средневекового урбанизма" – первый том (из четырех задуманных) – посвящен наиболее общим проблемам истории городов как общественного явления. В издании город рассматривается как системообразующий элемент средневековой цивилизации. Книга открывается обширной вводной статьей и включает очерки о возникновении средневековых городов, особенностях их развития в разных странах Западной Европы, населении, ландшафте, муниципальном устройстве, системе власти и т.д.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-99-1-№ 29

ISBN 5-02-008569-3 (т. 1)
ISBN 5-02-008554-5

© Коллектив авторов, 1999
© Издательство "Наука", художественное
оформление, 1999
© Издательство "Наука",
Российская академия наук, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАДАЧИ И ОСОБЕННОСТИ ЭТОГО ИЗДАНИЯ	6
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ (А.А. Сванидзе)	9
Предмет рассмотрения	9
Истоки и процесс складывания средневековых городов Западной Европы	19
Города в средневековой общественной системе	25
Этапы средневекового урбанизма	38
РЕГИОНАЛЬНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА	42
Средневековый город Италии (Л.М. Брагина)	42
Города средневековой Франции (П.Ю. Уваров)	60
Города Германии до конца XV века (М.А. Бойцов)	73
Английский средневековый город (Л.П. Репина)	92
Средневековые города в Северных Нидерландах (К.Л. Феркерк, пер. Д.Г. Федосова)	106
Пиренейские города в Средние века (О.И. Варьяш)	117
Средневековые города Северной Европы (А.А. Сванидзе)	133
ОБЛИК И УСТРОЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА	140
Город и ландшафт (Т.П. Гусарова)	140
Города Средиземноморья	144
Заальпийский город	148
Городское ядро: бург, собор, рынок	150
Укрепления	152
Внутригородская топография	154
Городские здания	158
Образ города в немецкой гуманистической культуре XV–XVI веков (Л.Н. Немилев)	161

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА	169
Население городов (<i>Л.П. Репина</i>)	169
Город и его ареалы	169
Динамика роста городского населения	172
Социально-профессиональный состав населения	184
Воспроизводство населения и половозрастная структура	188
"Черная смерть" и демографический кризис XIV–XV веков	195
Городская иммиграция и этнические группы	198
Женщина в средневековом городе	207
Брак и семья в городе: Флоренция XIV–XV веков (<i>И.А. Краснова</i>)	213
ЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ГОРОДЕ	221
Мудехары в испанском городе (<i>И.И. Варьяш</i>)	221
Евреи в средневековых городах европейского Запада (<i>М.А. Юсим</i>)	225
Итальянцы за пределами своих городов	231
Итальянцы во французском городе (<i>П.Ю. Уваров</i>)	231
Итальянцы в пиренейских городах (<i>О.И. Варьяш</i>)	235
Славянское меньшинство в немецких городах XIII–XV веков: статус и самосознание (<i>В.К. Ронин</i>)	237
Немцы в городах Чешского королевства (XIII–XV вв.) (<i>Г.П. Мельников</i>)	243
ЗАМОК И ГОРОД	251
Замок сеньора и город (<i>С.К. Цатурова</i>)	251
Роль замка в возникновении города	254
Топография городского замка	259
Замок изнутри: облик и обитатели	262
Замок в жизни города	264
Замок и город: культурное влияние	268
Каструм и урбанизационные процессы: Италия (<i>Н.А. Селунская</i>)	272
Каструм как особое поселение	272
Каструм – город	280
МОНАСТЫРИ В ГОРОДЕ (<i>Н.Ф. Усков</i>)	284
Город в монашеской теологии	284
Старое монашество в городе	289
Монастырский город	292
Нищенствующие ордена в городах	299

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА (<i>Н.А. Хачатурян</i>)	313
Коммунальное движение и феномен "вольного города"	313
Природа и формы освободительного движения городов	314
Особенности движения. Аналогии с движением за "Божий мир"	317
Результаты освободительного движения городов	320
Городское право и корни "правового общества" в Западной Европе	326
Политическая и социальная реальность городской автономии	329
Феодалы в городе. Война и компромиссы "башен и банков"	329
От демократии к тирании	331
Средневековый город и государство	335
ЭТИ РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ ГОРОДА	341
Лондон – столица и мегаполис (<i>Л.П. Репина</i>)	341
Судьбы Лиможа (<i>П.Ю. Уваров</i>)	348
Рим и Римская провинция (<i>Н.А. Селунская</i>)	353
Кенигсберг – город-крепость Тевтонского ордена XIII–XIV веков (<i>В.И. Матузова</i>)	360
Городской пейзаж Фамагусты в XIII–XIV веках (<i>С.В. Близнюк</i>)	363
Берлин – "средний город" (<i>В.Д. Балакин</i>)	369
Овьедо – город паломников (<i>О.И. Варьяш</i>)	372
Копенгаген: судьба "гавани купцов" (<i>А.А. Сванидзе</i>)	374
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	375

ЗАДАЧИ И ОСОБЕННОСТИ ЭТОГО ИЗДАНИЯ

Труд “Город в средневековой цивилизации Западной Европы” – своего рода эксперимент коллектива единомышленников. Опираясь на достижения современного урбановедения, мы задумали представить свой объект – западноевропейский средневековый город – как исторический феномен, как органичную составную часть и динамичный фактор своей эпохи, один из важнейших источников формирования и развития системы отношений Средневековья, а затем, позднее и шире, – всей цивилизации региона в целом и, наконец, как качественную ступень в общеисторическом процессе урбанизации.

Мы поставили своей задачей показать средневековый город комплексно, в разнообразных его проявлениях и, главное, как одну из основных, несущих структур-конструкций средневекового общества. Такая постановка вопроса, вытекающая из цивилизационного, системно-культурного подхода, является в отечественной медиевистике сравнительно новой. Предложенная мною более десятилетия назад, она пробивала себе дорогу сквозь устарелые, догматические и компромиссные подходы, и данный труд, как мы надеемся, явится весомым аргументом в пользу именно такого, системного и комплексного, подхода.

Работа основана на материале Западной Европы, где средневековый город сумел достичь наибольших успехов как социальная структура и сыграл выдающуюся роль в развитии европейской цивилизации и в формировании многих особенностей ее постсредневекового строя. Но, разумеется, из-за обширнейшего объема темы мы вынуждены оставить за пределами описания ряд важных моментов и сторон, не только заведомо отказываясь “объять необъятное”, но и по причине неравномерной разработки отдельных сюжетов. По тем же причинам в работе основное место уделено периоду полного расцвета средневековых городов европейского Запада: XI–XV векам, когда их свойства проявились с полной отчетливостью.

В то же время наряду с традиционными для урбановедения темами предлагается несколько новых, нетрадиционных, даже необычных сюжетов, еще не прозвучавших или почти не разработанных не только в отечественной, но, подчас, и в мировой медиевистике. Как сможет убедиться читатель, это послужило укреплению нашей общей позиции и привело к ряду новых, иногда неожиданных выводов.

Этот обобщающий труд – особого жанра. Он монографичен, поскольку научно обоснован, подчинен единым исследовательским задачам и единому ритму. Хотя мы стремились по возможности избегать специфически монографического стиля и скрупулезной прорисовки деталей, и работа несет прежде всего нагрузку широкого обобщения, – она, в то же время, демонстрирует множество конкретных явлений внутри общих процессов и множество частных проявлений и признаков, делая выпуклым не только общее и генеральное, но и весьма особенное. Отсюда – сочетание методов и форм макро- и микроструктурного анализа, использование подходов “новой социальной школы”, с ее интересом к уровню повседневности, маргиналам и маргинальным группам, внимание к областям группового и индивидуального сознания, этики и норм поведения, а также “классический” интерес к учреждениям и общественным организациям, межгрупповым и межсословным отношениям, к морфологии и реализации власти и т.д.

Отсюда – и стиль труда: обобщающие, постановочные и просто обзорные очерки общего характера сочетаются с конкретными авторскими наработками по той или иной проблеме на материале отдельных стран, городов, событий, социальных групп, индивидуальных судеб, межличностных и прочих связей и всеобщей изменчивости.

Книга основана на опыте и исследованиях всей мировой медиевистики, и некоторые разделы в ней принадлежат перу известных зарубежных ученых. Но в принципе мы не стремились к интернациональному авторскому составу. Напротив, подавляющая часть текстов задумана и создана отечественными специалистами. Это дает возможность увидеть, оценить национальные школы, их интересы, достижения и подходы, но сразу же обнаруживает немало лакун, которые мы пока не смогли заполнить и, видимо, вправе рассматривать как “задания на завтра”

Труд состоит из четырех томов, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку. Первый том – “Феномен средневекового урбанизма” – представляет город в его основных параметрах и свойствах, включая краткие характеристики регионально-национальных вариантов городского развития. Следующие три тома углубляют, конкретизируют, дополняют постановочные разделы первого тома. Поэтому объем конкретно-исторических очерков в них значительно шире и по многим сюжетам преобладает. Второй том – “Жизнь города и деятельность горожан” – посвящен описанию повседневной жизни обитателей города, прежде всего их труду, но в аспекте городской социальной системы. В третьем томе – “Человек внутри городских стен” – рассматриваются различные стороны и особенности самого городского социума. Четвертый – “Extra muros: город, общество, государство” – посвящен месту и взаимодействию города и бюргерства в средневековом обществе, его участию в важных событиях эпохи. Там же мы надеемся поместить сведения об авторах труда.

Каждый очерк снабжен краткой библиографией, включающей (по усмотрению авторов) основные исследования, иногда и источники по теме. Эти приложения, разумеется, не рассчитаны на специалистов по каждой проблеме, но могут служить общим ориентиром для тех, кто, зна-

комясь с тем или иным очерком, хотел бы дополнить или расширить собранные в нем сведения.

Предлагаемый первый том представляет средневековый город как специализированное поселение со своим ландшафтом, особым составом жителей, со своими интересами, чертами организации жизни и ее вариантами. Во вводной главе тома рассматривается значение и состояние проблемы средневекового урбанизма, вопросы генезиса средневекового города; дается совокупная характеристика города как явления средневековой цивилизации и его типология; содержится краткий общий очерк городской истории средневековой Западной Европы и высказываются определенные идеи относительно его роли в формировании западного менталитета. Затем следуют очерки о средневековых городах отдельных регионов и стран, создающие региональную типологию средневекового города; это первая в нашей литературе общая подборка такого рода. Раздел о городе как особом поселении рисует его внешний облик и топографию. Обширная характеристика городского населения включает очерки демографии, профессионального и социального состава горожан; совершенно новый шаг в этом направлении – специальный анализ таких небюргерских групп жителей города, как насельники монастырей и замков. Проблема “замок и город” решается в книге двояко: и через описание роли городского замка (то есть замка в самом городе или пригороде), и через проявление урбанизационных процессов в замке как особом (политико-стратегического назначения) типе поселения. В разделах об освободительной борьбе городов и их политическом строе основное внимание уделено складыванию “вольного города”, типологии форм власти и вообще политической организации средневековых западных городов. Отдельный раздел тома составляют очерки об этнических и конфессиональных группах внутри городского населения, составлявших его особенность и сыгравших заметную роль при взаимодействии и заимствованиях культур через городскую жизнь. Том завершается “портретами” отдельных городов, что дает известное представление об их многообразном облике, функциях, роли и конкретной истории.

Мы надеемся, что этот труд будет с интересом встречен не только специалистами, но и широкими кругами российских любознательных читателей, а урбановедов побудит к новым исследованиям интереснейшей истории города начиная с раннего Средневековья и включая эпоху Возрождения.

Редколлегия выражает искреннюю признательность Российскому гуманитарному научному фонду, без финансовой поддержки которого этот труд не мог бы выйти в свет, а также дирекции Института всеобщей истории РАН и сотрудникам Центра истории западноевропейского Средневековья – за научно-организационную помощь при подготовке настоящего исследования.

А.А. Сванидзе

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕДМЕТ РАССМОТРЕНИЯ

История городов, городской жизни... Предмет рассмотрения грандиозен. Город возник в глубокой древности, в период разложения родоплеменного строя и зарождения собственно цивилизации как одна из сущностных ее структур – наряду с письменностью, государством, моногамной семьей, классами. И с первых шагов начал концентрировать, стягивать на себя руководящие общественные функции в администрации, финансах, хозяйстве, идеологии, военно-стратегической и культурной областях. И каждый раз являлся показателем достигнутого обществом уровня. По существу все развитие цивилизации можно рассматривать и расценивать как постепенное покорение городом пространства и населения Земли. Возможно, впоследствии общество столкнется с обратным процессом. И не менее справедливо, разумеется, рассматривать историю человечества в свете развития жизни сельской, семейной или, скажем, государственной. Но поскольку речь идет о городе, важно подчеркнуть, напомнить, что состояние городской жизни, ее характеристика, взятые не только в контексте своего времени, но и сами по себе, дают представление об основных сторонах общественного строя. И что мы имеем дело с феноменом, структурой, явлением, так сказать, сквозного, вертикального, общеисторического (с известного времени) типа.

Пока удастся сформулировать лишь развернутое определение города, то есть предложить его описательную характеристику, где складываются, итожатся его свойства, проявления, функции и элементы. Это определение пригодно для всех цивилизаций: ведь город всегда проявляет себя как *общественный концентрат*. Это специфическое поселение, с особой топографией, со значительным плотным, гетерогенным (этнически, социально и профессионально) населением; в нем сосредоточены товарообмен и товарное, преимущественно ремесленное, производство, институты власти, культа и культуры. Вместе с тем, не только формы городской жизни, но и самый вид городов неодинаковы на протяжении каждой исторической горизонтали и резко различаются по исторической вертикали. Особенно качественные отличия отделяют друг от друга города промышленно-индустриальных и патриархальных эпох.

Не менее важно иметь в виду, что город – не просто тип поселения или занятий, но *образ жизни*, со своим бытом, производственным и общественным укладом, формами общежития, наконец, своей значительной и влиятельной субкультурой.

Понятно, что феномен города был и остается предметом живого интереса, бурных дискуссий, разнообразных оценок. Подход к нему вырабатывается обычно в сопоставлении с деревней. При этом в самой разновременной и социально различной среде, включая раннехристианских проповедников, авторов прошлого века и современных отечественных литераторов, оценки города и связанных с ним явлений обычно соответствуют известному идеологическому размежеванию и допускают крайности. Например, сторонники одной точки зрения “поднимают” город как средоточие и двигатель прогресса – в противовес “идиотизму деревенской жизни”. Сторонники другой точки зрения негодуют по поводу города как источника разрушительных, развращающих тенденций и влияний – в противовес естественной чистоте и благородной простоте деревенского бытия.

Подобные крайности в оценках, пусть в преображенной форме, можно обнаружить и у историков, не свободных от эмоций и предрассудков своего времени и своей среды. Но и в области строго научного анализа и выработки общих научных представлений о городской истории еще немало обширных “белых пятен”, нерешенных задач, в том числе у отечественной медиевистики.

При изучении истории города как трансисторического феномена можно и необходимо вычленить по меньшей мере три уровня и аспекта рассмотрения. Первый – это обобщающая характеристика города как явления совокупной человеческой истории, то есть как бы взгляд в целом. Второй – это “горизонтальная” характеристика города на каждом отдельном этапе его собственной и всеобщей истории, в системе связей и условий каждого общества. Третий – сквозной, вертикальный анализ эволюции города на протяжении всей истории, включая переходы между эпохами.

Из этих трех аспектов или уровней рассмотрения отечественная историография располагает лишь относительно разработанным “горизонтальным” уровнем. Относительно – прежде всего потому, что феномен города специально изучался и изучается нашими историками – “западниками” почти исключительно по античной и средневековой эпохам. Поразительный факт: эта столь заметная в мировой историографии проблема мало увлекает новых историков, новейшие же историки и политологи целиком отдали ее социологам, искусствоведам и представителям прикладных дисциплин. И это не случайно.

Дело в том, что традиции урбановедения в нашей стране и на Западе не совпадают, в том числе в отношении средневекового города. Вообще Средние века – время, когда сложилась, наряду со многими другими несущими системами, и городская система Европы. Как известно, романованные европейские территории знали города с античности. Это были социально другие города, но традиции городского образа жизни впитались средневековым обществом на этих территориях вместе с воздухом античной культуры, с античным наследием вообще. Вся остальная огромная Европа, с ее варварским (поздним родоплеменным) строем знала только разного рода урбанистические элементы, зачатки, зародыши, либо, позднее, простейшие формы городов. Как общеевропей-

ская система, как одна из основных, краугольных структур европейских обществ, как особый феномен, со своей социополитической жизнью и культурой, город – это порождение Средневековья. И, хотя в Средние века город нес весьма ощутимые следы сельского быта, в области производства и, особенно, распределения, он доминировал над деревней, распространяя в ней товарные формы. Западный город подарил средневековой монархической эпохе демократические, республиканские формы правления. Противопоставил петушину пению – башенные часы; деревенскому однообразию – живость, предприимчивость, инициативу и многообразие своей среды; а догматическому знанию и мышлению – свободомыслие и вольнолюбие. По преимуществу из городов исходили импульсы и новации, преобразовавшие Средневековье.

Естественно, что западная наука испытывает особое пристрастие к истории своих городов эпохи Средневековья и XVI–XVIII вв., к которым подходит как к одному из важнейших истоков своей современной жизни. Этот интерес давний, и он постоянно возрастает, меняя акценты. Если в XIX и в начале XX в. в подходе к городу преобладал “генеалогический” интерес (поиски типа исходного элемента или ядра), то во второй половине нынешнего столетия речь идет преимущественно о функциях и свойствах города, его месте в средневековом обществе. А в 80-е годы появляется тезис о средневековом городе как части внутрисистемных отношений (Ф. Бродель и др.). На материале средневековых городов складываются и отрабатываются новые методики и теории, в частности, в области локальной истории, истории повседневности, микроструктур и др., подходы и источниковые эксперименты, в том числе на стыке исторических, специальных и смежных дисциплин. Все это позволило западному урбановедению уже с 60-х годов стать особой и заметной отраслью исторических исследований медиевистов. По истории городов издаются специальные журналы, собираются регулярные форумы, действуют национальные центры, работает комиссия при Международном конгрессе исторических наук. Практически во всех западных странах созданы в той или иной мере общие труды по городской истории Средневековья. В результате, как хорошо известно, урбановедение занимает одно из центральных мест в медиевистике и изучении истории раннего нового времени.

Иначе обстоит дело с этим кругом проблем в российской медиевистике, что определяется двумя основными обстоятельствами: во-первых, общественными традициями и, непосредственно, традициями общественной мысли, унаследованными от прошлого столетия; во-вторых, рядом стереотипов, сложившихся уже в наше столетие, прежде всего в рамках советского марксизма.

С истоков отечественной медиевистики, уходящих в середину прошлого века, она сталкивается с тем обстоятельством, что главные сложности жизни России находились в аграрной сфере, и к ней обращалось преимущественное внимание общественных сил и общественной мысли, четким отражением которой была и остается историография. Бюргерство в России не стало особым сословием или сословной группой, оно не имело заметного авторитета в обществе, не было представлено в организациях государственной власти. Города в России не прошли через ком-

мунальные движения, до отмены крепостного права знали лишь ограниченное самоуправление. В городах в Средние века были только купеческие объединения, но не сложились цехи и прочие самостоятельные автономные малые группы, которые на Западе составили заметную черту средневековой цивилизации и впоследствии вошли в основы гражданского общества. Званием “посадские люди” не гордились, тогда как бюргеры были полны достоинства. Короче, в России были во многом иные, нежели в Западной Европе, формы социальной жизни городов, а сами города и мещане занимали иное место в обществе.

Основные идеи общественного переустройства так или иначе связывались в России либо с крестьянской общиной и с аграрными классами вообще, либо с государством. Соответственно формировалась и медиевистика, главные школы и самые крупные авторитеты которой до последних десятилетий сосредотачивались в области аграрной истории и отчасти – государственной.

С изменением общественной обстановки в стране, вполне ощутимым на рубеже прошлого и нынешнего столетий, стало изменяться и отношение к проблеме урбанизации и, в том числе, истории средневекового города. В начале XX века выходят великолепные книги о средневековых западноевропейских городах и торговле А.К. Дживелегова и исследование о парижских цехах Н.П. Грацианского, краткий очерк городского строя средних веков Д.М. Петрушевского, новаторские этюды П. Оттокара, до сих пор не утратившие своего значения. При отсутствии собственной школы урбановедения в ближайшие четверть века публикуются переводные труды ведущих западных историков, главным образом социально-экономического направления, одного из ведущих тогда (Эшли, Кеннингем, Роджерс, Зомбарт и др.), а также М. Вебера, позднее – А. Пиренна, которые обычно базировались на материале города или были прямо ему посвящены (см. также Г. Белов и др.). Эта традиция, к сожалению, прервалась с конца 30-х годов и начала восстанавливаться лишь в последние годы, когда появились переводы трудов Ж. Дюби, Ле Гоффа, Ф. Броделя и др. Но главное – в отечественной медиевистике постепенно стала создаваться собственная традиция урбановедения. За исключением нескольких конкретных исследований и публикаций, этот процесс пришелся на послевоенные годы, когда выросла целая плеяда ученых, занимавшихся различными проблемами средневековой городской истории и все более расширялся круг охваченных этим исследованием стран. Благодаря неустанным трудам урбановедов создавались монографии, статьи, университетские спецкурсы и учебные пособия, разделы в “историях” отдельных стран, посвященные городам, городской жизни и горожанам в Италии, Франции, Испании, Германии, Англии, Нидерландах, Швеции и Дании, Ирландии, не говоря уже о Византии (история которой выходит за рамки этой работы). В течение 1968–1991 гг. в Саратове вышло 10 выпусков сборника “Средневековый город” (под ред. С.М. Стама). Статьи по городской истории регулярно публиковались в ежегоднике “Средние века” и специальных тематических сборниках. Отечественные историки провели ряд специальных форумов, обсуждая природу и разные стороны средневекового города и

бюргерства, а также участвовали в международных конференциях, где эта тематика затрагивалась специально или попутно.

Тем не менее, если судить по “шкале престижей” научных проблем, которая выстроена в обзорах отечественных историографов, урбановедению отводилось место лишь на периферии российской медиевистики, в разделах “а также...”: здесь еще сказывалось отношение к городской тематике как направлению не первого ряда при изучении средневековой эпохи. В новейших же обзорах современного медиевистского урбановедения в Европе и Северной Америке (А.Л. Ястребицкая) труды российских специалистов по западному средневековому городу вообще не фигурируют: они как бы исключены из общего течения мировой исторической мысли – теперь уже, насколько можно судить, по причине господствовавшего в советской науке марксизма.

Судя по всему, мы уже прошли стадию, когда хорошим тоном считалось полное отрицание каких бы то ни было достижений, удач, находок отечественной историографии всего советского периода, вместе с марксистским методом вообще. В той тенденции, несомненно, сказалась тяжкая усталость творческих людей от жесткого методологического нажима и тематического однообразия. Но столь же закономерно проявились при этом все те же, десятилетиями тоталитарного режима воспитанные свойства мышления и поведения: недостаток научной толерантности и попросту нетерпимость, привычка использовать идеологические и “силовые” методы в соревновании научных репутаций. Явления “обратного” знака, равно как роль марксизма для исторической науки, прежде всего отечественной, проанализированы известным ученым-медиевистом Е.В. Гутновой в опубликованной посмертно статье (1996) о советской историографии в условиях тоталитарного диктата. Автор справедливо подчеркивает, во-первых, необходимость исторического подхода к самому марксизму, который в советском государстве был сильно вульгаризирован и клиширован. Между тем, собственно марксизм как метод исторического исследования, возникший в первой четверти прошлого века, благодаря его материалистическому и диалектическому взгляду на историю, еще и в первой половине нашего столетия находился на передних рубежах исторической науки, увлек многих крупных ученых, в том числе на Западе, возможностью широких обобщений и поиском закономерностей процесса истории, проблемами макроструктур, социальной и хозяйственной организации общества, классовой борьбы (особенно крестьянства), что сказалось и еще продолжает сказываться на развитии ряда зарубежных исторических школ. И сегодня этот метод учитывается как одно из важнейших направлений исторической мысли. Во-вторых, даже при советском идеологическом диктате творческая, исследовательская мысль оставалась неугасимой, она прорывалась разными путями сквозь заслоны и прорастала серьезными трудами. Немалое число таких трудов, ставших доступными зарубежным коллегам, например, в виде докладов на международных форумах, вызывали интерес и признание в мировой науке.

Эти обстоятельства в полной мере касаются и урбановедения как части отечественной медиевистики. Преобладающими среди сложив-

шихся здесь направлений стали социальные, социально-экономические и социально-политические исследования: о ремесленном производстве, его организации и социальной эволюции, предпринимательстве, социальных конфликтах в городе, муниципальном строе. Преобладание в течение длительного времени именно таких проблем в отечественной урбанистике отражено в обобщающей книге патриарха этого направления В.В. Стоклицкой-Терешкович (1960) и в известной мере соответствовало интересам и западной медиевистики.

Наряду с ними с 60-х годов активизировались исследования о развитии раннебуржуазных отношений (В.И. Рутенбург, А.Д. Ролова, А.Н. Чистозвонов, М.М. Яброва, С.Л. Плешкова и др.); о роли бюргерства в работе сословных учреждений (Е.В. Гутнова, Н.А. Хачатурян, Л.П. Репина и др.); о возникновении и ранней истории городов (Я.А. Левицкий, С.М. Стам, М.Л. Абрамсон, М.Е. Карпачева-Беляева, Т.М. Негуляева и др.). Одной из “золушек” отечественной медиевистики долго была тема торговли и купечества, “задвинутая”, согласно одному из советских клише, далеко за тему производства. В последние десятилетия появились основательные разработки этого круга вопросов (Г.М. Тушина, А.А. Сванидзе, С.П. Карпов и плеяда исследователей торговых сношений в Средиземноморском регионе).

Несомненно, что господство советского марксизма как единственно допустимого метода исторического исследования ограничивало, а в определенные периоды вовсе исключало применение в отечественной историографии, в том числе медиевистике, известных новых методов и взглядов. Навязчивые стереотипы и догматизированные формулы ограничивали подходы и даже набор сюжетов также в урбановедении. Сплошь и рядом одна и та же тема разрабатывалась на материале разных стран практически по одному плану, а итогом становилось еще одно подтверждение того или иного общего правила: например, что в среде ремесленников господствовал корпоративно-цеховой режим, но отнюдь не было имущественного равенства, или, что так называемый союз королевской власти и городов не имел паритетного характера.

Предпринимались лишь единичные, частичные экскурсы в этническую историю городов, в городскую демографию, историю семьи, разных половых и возрастных групп населения; не изучались слои города, стоявшие за пределами профессиональных ремесел и торговли: все эти домовладельцы “неизвестных занятий”, врачи и аптекари, моряки и грузчики, воры, нищие и проститутки – люмпенские слои города, равно как служащие муниципалитетов и чиновники короля, не говоря уже о придворных кругах с их персоналом, имениях феодалов, городских монастырях, церквях и вообще духовенстве в городе. Экономическая и социальная история средневековых городов оказывалась значительно усеченной. Если обратиться к политической и правовой истории, то придется отметить и здесь существенные лакуны. Недостаточно изучался механизм власти в городах, в частности, как она удерживалась и функционировала, равно как повседневная практика судебных и муниципальных учреждений. Последнее особенно досадно, ведь город сыграл заметную роль в характерном для Средневековья активном правотворчестве,

в создании правовых нормативов, судов присяжных, коллегиальных форм управления и т.д.

Особенно отчетливо проявлялось невнимание к человеку, принципам его мышления и поведения, его повседневной жизни. Долго не получали должного развития исследования специфической городской культуры; действительно, не трудно заметить, что за пределами возрожденческих тем культура средневекового города, особенно в ее широком понимании (т.е., включая менталитет, быт и повседневную жизнь вообще) и, особенно, незлитных слоев, изучались совершенно недостаточно. Это касается даже городских школ, не говоря уже о трактирах, банках, госпиталях, или о жизни на улицах и площадях.

Конечно, в науке всегда есть и будут открываться новые подходы и неизученные, или “не так” изученные темы, в этой бесконечности как методов, так и объекта познания – одна из ее привлекательных сторон. Кроме того, наша историография является частью мировой науки. Обычно каждая национальная историография, при всей регулярности международного интеллектуального обмена, имеет свой круг интересов и прежде всего изучает отечественную историю. Вряд ли стоит и россиянам ставить своей задачей дублировать мировые исследования, делать по каждой проблеме и в соответствии с каждой новой историографической модой свое “домашнее задание”. Другое дело, что и собственную позицию, например, интерес к социальным сюжетам, который всегда был сильным местом российской медиевистики, нам не всегда удавалось выдержать на современном уровне, в том числе в урбановедении.

Так или иначе, но несмотря на “прорывы” 60-х годов – а, возможно, именно благодаря им – непоспевание отечественного урбановедения за динамикой непрерывно меняющегося мирового научного фона стало ощущаться все более болезненно.

Но особенно сказывалась и еще сказывается стандартность, клишированность в постановке и решении общих проблем, начиная с узких, устарелых определений “социального”, “комплексного” и т.д.

Как известно, в мировой урбанистике имеется множество расхождений, и они упираются уже в понимание того, что такое средневековый (западноевропейский) город. В Средние века было как бы два определения города. Официально городом считалось поселение, получившее от властей статус города, закрепленный особыми грамотами. В общественном мнении, кроме того, фиксировались и свойства такого поселения: стена и укрепления, много улиц и жителей, величественная ратуша, собор, много церквей и других больших зданий, порт, рынки и административные учреждения, скопление всевозможных властей, зрелища, пестрая уличная толпа. Так выглядит город во многих традиционных западных описаниях: житиях святых, записках путешественников.

В новое время, включая XIX столетие, не упуская все эти черты, основное внимание уделялось праву и институтам средневекового города, т.е. тем его специфическим свойствам, которые в феодальных условиях были необходимы каждой социальной клеточке и отдельной персоне, оформляли их интегрированность в это строго стратифицированное общество, закрепляли в нем их особое, точно отмеченное место.

Отдавая в самой общей форме должное городу как явлению с чрезвычайно богатым содержанием и широкими функциями, как динамическому началу западного Средневековья, советская медиевистика долгое время основное внимание уделяла его функции “разрыва натуральности”, развития товарно-денежных отношений и взращивания социальных элементов нового, буржуазного строя, а также его техники, технологии производства. И в нашей историографии гранитно закрепились лишь узкое определение средневекового города как центра ремесла и торговли, акцентируя, таким образом, его место в области экономики, разделения труда.

В принципе такое определение, если относить его к хозяйственной области, в целом справедливо. Легко, однако, заметить, что в этом смысле оно справедливо также в отношении античного города или нового и уже поэтому не выявляет его средневековую специфику. И при всех условиях оно обедняет характеристику феномена города, с его мощным многообразием функций и черт, искажает представления о нем, как о сущностной структуре феодально-средневекового общества.

Нельзя не обратить внимание, что такая трактовка, как будто исходящая из исконного марксизма, на самом деле также искажает и сам марксизм. Это происходит из-за заострения свойственных марксизму черт: недооценки политико-правовых, духовных, личностных факторов и, в то же время, абсолютизации экономического детерминизма. Более того, и в области экономических детерминантов выделен лишь один: материальное производство и, в меньшей мере, обращение товаров. А такие важнейшие экономические факторы, как среда, народонаселение, оставлены в пренебрежении – не говоря уже о политических и других, тогда так называемых “надстроечных”, моментах.

Возвращаясь к определению средневекового города, интересно проследить, какой отпечаток это клише наложило на решение отечественными урбанооведами вопроса о социальной природе и месте города в рамках средневековой эпохи. Долгое время советские медиевисты, можно сказать, отказывали ему в феодальности: как центр товарно-денежных отношений он противопоставлялся феодальной деревне, поскольку феодальное понималось исключительно как натурально-хозяйственное, причем в буквальном, узком значении слова. Город связывался с грядущим капитализмом, оценивался как двигатель феодальной формации, но действующий извне ее. (Сегодня, через призму лет, видно, как здесь сказалась общая ситуация в послереволюционной историографии, когда только классовый подход и “польза для пролетариата” считались мерилами истинности научного труда ученого.)

Уже в 60-е годы такая позиция стала смущать, и некоторые медиевисты начали выходить из положения за счет тезиса о “двоесущности”, амбивалентности средневекового города, который “и феодален, и нефеодален” одновременно. Нефеодално в городе его хозяйственное устройство и социальное содержание, прежде всего форма собственности, феодально же все остальное: типы общностей, политическая организация, место в социальной иерархии, наконец, менталитет. Это “остальное” интегрирует город в господствующую общественную систему. Оче-

видно, что здесь имеет место еще одно знакомое клише: узкая трактовка сущности, социальной природы феодализма как общественной основы Средневековья. Он мыслится как одномерный, моноукладный, к тому же снова сводится к хозяйственной жизни и состоянию собственности.

В течение последнего тридцатилетия ситуация вообще стала изменяться. Как и многие ведущие ученые Запада, относящие города к внутрисистемным структурам средневековой эпохи, большинство отечественных медиевистов утвердилось во мнении, что в принципе город того времени был феодальным. Тогда же, с конца 60-х годов, в нашей медиевистике наметились некоторые новые исследовательские аспекты. Это, прежде всего, изучение города в связке “город – деревня” (Я.А. Левицкий, Л.А. Котельникова, А.А. Сванидзе, В.Е. Майер). Позднее, в 80-е годы дошла очередь и до нового осмысления характера городской собственности (Н.А. Хачатурян). Конечно, для всеобщих историков оказался поучительным (хотя он и недостаточно пока учтен) опыт исследователей русского средневекового города, которые видят в нем центр перераспределения ренты, то есть органичный элемент даже узко понимаемого феодального строя, а также труды по городам средневекового Востока (в частности, О.Г. Большакова). В этом кардинальном вопросе еще много неясного, нужны новые и более широкие подходы и углубленное изучение всех сторон городской жизни. Только комплексный подход может стать основой создания новой модели средневекового города, время для которой давно наступило.

Неясности в отечественной историографии (как, впрочем, и в мировой) касаются также определения природы средневекового бюргерства как категории населения. В советское время считалось аксиомой, что средневековое, по своей социальной сути феодальное, общество делилось на два противостоящих класса: феодалы и феодально зависимые крестьяне. Остальное население – это дополнительные слои, прослойки, группы и т.п. В послевоенные годы стали определять средневековых горожан как существующий наряду с “основными классами”, но столь же основной социальный слой и сословную группу (немецкие историки прямо называют их “средним классом”). Как быть с этими дефинициями, да еще имея в виду недостаточную определенность социальной характеристики данного слоя (феодален – нефеодален?). И не пора ли вспомнить, что внутриклассовые и внутрисословные группы и классы-сословия в целом не только противостояли друг другу, но и дополняли друг друга, неся разные, но взаимозависимые социальные функции?

И, конечно же, средневековое общество было не “двучленным”. Не было оно и “трехчленным” в библейском понимании ранних средневековых авторов (“молящиеся, воюющие, пашущие”, где под “пашущими” понимались лишь люди, занятые физическим, преимущественно крестьянским трудом). На самом деле оно не существовало и не могло существовать без города и горожан – так же, как без короля, сеньоров, служителей культа и разного рода крестьян. Города и бюргерство являлись не только закономерными, не только необходимыми, но и системообразующими структурами и социальными силами мира Средневековья.

Убедительные аргументы в пользу такого широкого толкования появились в результате новых работ по генезису средневековых городов. Как известно, в вопросах о времени и общих условиях возникновения средневекового города неопределенность или стереотипы в категориях и позициях сказывались особенно долго, а влияние сложившихся в 30-е годы клише оказалось особенно стойким: средневековый город возник лишь на базе уже сложившихся феодальных отношений, как своего рода их итог – и противопоставление им. Действительно, в раннее Средневековье город не сложился как система – подобно тому, как не сложились еще окончательно и другие структуры феодального строя. Но, согласно убедительным аргументам археологов, в своих предшествующих, а также ранних или зачаточных формах феномен города был известен и первому этапу средневековья, причем он участвовал в общем процессе складывания нового общества, средневековой цивилизации в целом. И это было присуще не только урбанизированным еще в античные времена территориям, но и “варварским” областям Европы (Л.А. Котельникова, А.А. Сванидзе).

Пересмотр важных общих параметров генезиса средневековых городов был одним из первых знамений следующего (после 60-х годов) и еще более решительного поворота к новым взглядам и оценкам в отечественном урбановедении и, что особенно важно, к расширению его круга интересов, что стало характерным для второй половины 80-х и 90-х годов.

Повышается интерес к “запущенным” проблемам средневековой торговли, городского патрициата, организации власти, бюргерскому землевладению и др. Появляются сборники новых по подходам статей о системах малых групп (общностей), об этнических особенностях городского населения, о месте и роли феодалов в городе и их связях с горожанами и городской жизнью. Урбановеды усилили внимание к городскому праву (особенно в рамках ежегодного семинара по средневековому праву во главе с О.И. Варьяш и в саратовской школе), к городской семье, формированию интеллигенции. Предпринимаются попытки исследования городского быта (“круглый стол” в Центре, 1996). Организуются – при обязательном участии медиевистов – конференции по трансторическим урбанизационным процессам (Э.В. Сайко). Одновременно неизмеримо расширяются непосредственные контакты с зарубежными учеными и школами, в том числе в области смежных и вспомогательных исторических дисциплин, что открыло более широкие возможности для изучения мирового опыта современного урбановедения.

Урбанистов по-прежнему привлекает социальная история, но аспекты ее рассмотрения, само понятие социального изменились. В центре интереса встали микроструктуры, непосредственно связанные с человеком, круг и формы общения, конкретные судьбы людей и малых групп. Особое внимание привлекается к повседневной жизни: особенностям трудовой деятельности, поведения и представлений, “культурной истории социального” – преломлению социального и политического через культуру, поведение, связи, мышление (П.Ю. Уваров, И.А. Краснова, Д.Э. Харитонович и др.). Отечественное урбановедение, – возможно,

еще не вполне ощутимо для читателя – проявляет все большее внимание к внутреннему миру человека как необходимому условию познания средневекового общества вообще и городского сообщества в частности.

Очевидно, что исследовательское поле урбановедения заметно расширилось. Вместе с тем, “смены вех” в урбановедении, как и во всей нашей медиевистике, сопровождались, естественно, известными крайностями, в частности, упадком интереса к экономической истории, к составу, механизму действия и взаимодействия макроструктур, что стало приводить к размыванию общих представлений и понятий. Эта опасность была учтена при организации Центром истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени международной конференции “Феномен средневекового урбанизма” (Москва, 1993). Ведущей на ней стала идея об особенностях средневекового города как системной составляющей своей эпохи. Вызванный конференцией широкий интерес специалистов, как и ее результаты, стали импульсом, побудившим Центр начать работу над проектом “Город в средневековой цивилизации Западной Европы” (первый вариант проспекта был составлен уже в 1994 г.) – на основе цивилизационного подхода.

ИСТОКИ И ПРОЦЕСС СКЛАДЫВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

С начала прошлого и до середины нынешнего столетия возникло более десятка теорий происхождения средневекового города: романтическая (Тьерри, Гизо, Савиньи и др.), вотчинная (Нич, Эйхгорн), гильдейская (Вильде, Гирке), иммунитетная (Арнольд), марковая (Маурер), рыночная (Зом, Шредер, Кейтген), из сельского прихода (Белов), купеческая (Пиренн, Ретшель), гарнизонная (Мэтланд), из объединения предприимчивых людей (Ретиг), ремесленная (Левицкий), а также их разновидности. Все они (включая постоянный спор о континуитете или дисконтинуитете средневекового города по отношению к античному предшественнику) имеют, так сказать, биографический характер: речь идет прежде всего о типе первичного ядра или первичных элементов города. На самом деле, если исходить из того, что город – сущностная часть общественной системы своего времени, его генезис может быть понят лишь в рамках сложения, формирования и развития этой системы как продукт всеобщего разделения функций и статусов, охватывающего все сферы жизни.

Конечно, на протяжении Средневековья роль наследия, исходного образца развития во всех странах Европы оставалась значительной. Напомним, что Средневековью предшествовали в Европе две разные общественные стадии, разные культуры. Южные регионы, входившие в средиземноморскую историко-культурную общность, уже прошли первый этап цивилизации в период античности, достигнув поистине блистающих вершин. Остальная Европа – многие германские народы, славяне, балты, угро-финны и др. – не имели этого прошлого, хотя уже отошли от первобытной архаики. Захватив Римскую империю, варвары не толь-

ко колонизовали, разорили и аграризировали ее, но и “окультуривались” сами. Если античный мир с его высочайшими достижениями уподобить горе, одиноко возвышавшейся на краю степной равнины, а нашествие варваров – землетрясению, то последствия его можно представить так: землетрясение срыло верхнюю часть горы, но ее основание осталось; остались традиции, многие наработанные знания, навыки, осколки учреждений и целых структур. Обломки горы частично рассыпались в прах, частично усеяли степь: больше вблизи горы, меньше – в удаленных от нее местах. Поверхность равнины поднялась, образовалось плато с холмиками урбанизированных поселений. С этого уровня и начался путь Средневековья на значительной части Европы.

Обладая мощной собственной культурой, сыгравшей свою, подчас первостепенную, роль в сложении средневековой цивилизации, варвары, однако, не знали городской жизни. И в составе полученного ими великого античного наследия важнейшее место занимали города. Собственно, греческий полис, римский муниципий в социальном смысле – это не просто города, а общины сограждан. И стоит напомнить о том, что античное общество сложилось вокруг городов, господствовавших над деревней как своим придатком. Изначально каждое государство в Греции и Риме представляло собой именно город с его сельской округой, иногда городами-сателлитами. Но основу гражданства в этом комплексе составляло совладение государственной землей. Город не был отделен от деревни и не вел самостоятельную политику, но полностью подчинялся государству, они как бы “растворялись” друг в друге. Начало государственности происходило как раз именно через выделение города и концентрацию общества вокруг него.

Развал античной системы и, особенно, варварские завоевания со страшной силой ударили по античным городам. Полностью сохранились лишь позднеабсолютельческие полисы в Византии, не подвергшиеся столь разрушительному завоеванию: там процветали тогда многие богатые города с прекрасными постройками, искусными ремеслами и оживленной торговлей. Сотни городов Западной Римской империи, в том числе значительные, в разной степени запустели. А главное – в условиях всеобщего упадка хозяйственной жизни они аграризировались и по большей части служили теперь политико-административными центрами или (и) укрепленными пунктами, либо епископскими резиденциями. Площадь и население почти всех городов резко уменьшились. Зачастую гильдии исчезли или влачили жалкое существование, а муниципальные органы либо также исчезли, либо переместились в деревню. Торговля и ремесла сократились, на некоторых городских площадях стали сеять хлеб и выпасать скот. На территории Италии, Испании, Франции, Западной Германии место многих античных городов заняли аграрные поселения, и об их славном прошлом напоминали только имя, незначительные традиции и римские постройки (баня, акведук, укрепления, фонтаны). Наиболее стойкими оказались города на побережьях морей и больших рек – благодаря крупной торговле, особенно с Востоком. Но даже на относительно благополучной территории бассейнов Рейна и Дуная, не испытывавших на себе особенно разрушительных варварских набегов и со-

хранявших значение важных торговых плацдармов, города превратились преимущественно в небольшие административные и военные центры с незначительным ремесленным населением и полуаграрной торговлей.

На остальной территории Европы, где не было античных традиций, существовали отдельные очаги урбанизации в виде мелких ремесленных и торгово-ремесленных поселений, крепостей и коллективных убежищ, а также редких так называемых ранних городов. Среди них главенствовали центры племенных союзов или крупных племен, где находились резиденция местного короля, его дружина, главное святилище и дома родовой знати; там же поблизости селились обслуживающие их ремесленники, местные и приезжие торговцы. В известные дни года там совершались общие религиозные церемонии, созывалось народное собрание племени (сход, тинг, мот), проводились ярмарки. Этот центр, обычно укрепленный, служил и убежищем или воинским опорным пунктом. Таким образом, ранний город имел многие функции, но по преимуществу политические. Другой важной разновидностью раннего города были торговые эмпории – центры межрегиональной и вообще дальней, транзитной торговли. Они возникали в пунктах пересечения торговых путей и, как правило, также неподалеку от культовых центров и резиденций правителей.

В VIII в. крупные ранние города образовали обширное “торговое полукольцо”, которое начиналось от Северной Франции, британских проливов и Фландрии, захватывало побережье Балтийского моря, затем продолжалось вдоль Днепра и Волги: Руан, Амьен, фризский Квентовик, Домбург, Дорестада на Маасе, англо-саксонские гавани Лондон, Хамвих (будущий Саутгемптон), Дорчестер и Дройтвич, затем Бардовик (около будущего Гамбурга), южношотландский Хедебю (Шлезвиг), Экс-торп на о-ве Эланд, Хельге и Бирка шведов (оз. Меларен, неподалеку от будущего Стокгольма), норвежский Каупанг в Ослофьерде, Любек ободритов, вендский Йомсборг, Юмне (Волин), Щецин и Гробин поморских славян, (Старая) Ладога, Новгород, Гнездово, (Старая) Русса, Ростов Великий, Киев русичей, Булгар камских болгар и хазарский Итиль в устье Волги, а также множество более мелких поселений и стоянок по берегам Северного и Балтийского морей и оз. Ладога.

Происхождение ранних городов у многих народов варварской зоны было смешанным, в их генезисе последовательно и (или) параллельно сменялись поселения типа торговой эмпории и убежища.

Итак, с IV–V вв. процесс средневековой урбанизации в Европе прошел путь от эмбриона (в том числе в виде остатков античного предшественника) до раннего города с набором новых функций и признаков. В раннем городе зачастую был марковый строй управления, но иногда и особое социально-политическое устройство; ремесленники выполняли характерную для неразвитого рынка работу на заказ, хотя нередко обслуживали и внешний сбыт. Город имел выраженный аграрный отпечаток и редко обладал особыми правами – за исключением специфических торговых и купеческих привилегий.

Ранние города жили примерно по два века. Многие из них погибали в ходе обычных тогда междоусобиц и набегов и были слишком слабыми, чтобы подняться вновь. Их сменили развившиеся поблизости прием-

ники: место Хамвиха занял Винчестер, Бирки – Сигтуна, затем Стокгольм, Квентовика – Монрэ, Дурстедэ – Тиль, старого Любека – возникший южнее новый Любек и т.д. Однако множество новых городов в бывшей “античной” зоне и немало – в других регионах (те же Руан, Амьен, Маастрихт, Шлезвиг и др.) стали непосредственным продолжением ранних городов. Разрыв между ранним и собственно средневековым городом был не механическим, а качественным.

В раннее Средневековье города и поселения городского типа были редкими и не имели заметного экономического значения. Но они заняли важное место как опорные пункты нарождающейся, развивающейся государственности, церковной организации и общественной элиты. Очевидно, что уже в этот период города (в том виде, в каком они существовали) играли заметную роль в сложении средневековой общественной системы, причем по всему континенту, от Италии до Швеции. Однако города были еще на ранней стадии своего развития и в масштабах континента городской строй как система еще не сложился.

Дальнейшие урбанистические процессы Средневековья были связаны, с одной стороны, с развитием феодальных монархий, завершением христианизации и сложением основных классов-сословий феодального общества: крупных землевладельцев-сеньоров и зависимого крестьянства. С другой – с процессом отделения и специализации ремесленной и торговой деятельности, которая и стала основой процветания средневековых городов. С третьей – с ростом производительности сельского хозяйства, способного теперь прокормить все более значительные группы людей, чьи основные занятия не связаны с непосредственным использованием земли.

Государство и церковь видели в городах свои опорные пункты и источники значительных денежных поступлений. В среде монархов и господ, с их дворами и дружинами, все более возрастал спрос на оружие, предметы роскоши, особые предметы быта, необходимые им для поддержания своего престижа. Несомненно, это способствовало развитию торговли и ремесел.

Ремесло всегда развивалось быстрее сельского хозяйства с его неподвижной производственной основой и традиционной инструментальной базой. Теперь ремесленная деятельность требовала все большей специализации, становилась несовместимой с крестьянским трудом и все более отделялась от него. А по мере складывания крестьянской зависимости в города стала уходить и часть крестьян. Города, городки, ремесленные слободы, рыночные местечки возникают теперь по всему континенту – около замков и крепостей, при крупных светских вотчинах и монастырях, у речных переправ, мостов и на перекрестках больших дорог, около корабельных стоянок и промысловых стойбищ, на приречных холмах, посреди плодородных ополей, среди богатых (урожайных) хлебных или рыбных угодий, – словом, всюду, где имеются благоприятные условия для торговли и ремесленной деятельности, для наиболее безопасного проживания и для прокормления тех, кто занимается несельскохозяйственным трудом. Так, в IX–XI вв. получил необходимую социальную, экономическую и демографическую основу следующий, третий

этап – массовая урбанизация в Западной Европе: складывание *городской системы*, завершившееся в целом в XII–XIII вв.

Итак, в формировании феодально-средневековых структур город и бюргерство заняли свое место: на юге – в числе первых, на севере – последних – после монархии, сословия светских господ, церковных институтов и сословия духовенства и, наконец, разных групп зависимого крестьянства. Завершение этой структурной композиции городом означило вступление эпохи в пору своего расцвета – и позволило его достигнуть.

Давно замечено, что история вообще асинхронна, к тому же ей присуще чередование взлетов и падений. Конечно, рост и развитие городов в отдельных областях также происходил отнюдь не равномерно. Как уже говорилось выше, различие в формах и темпах движения, в частности, урбанизации зависело от ряда конкретных условий, но на раннем этапе в значительной мере от населения, традиций, истоков. Уже к X в. средневековые города как социально-экономическая структура сложились в Италии, где восстановились многие старые города, наново развились Генуя и Флоренция, выросли Риальто (будущая Венеция) и другие новые города. В X–XI вв. сформировались и города Южной Франции: Марсель, Тулуза, Арль, Нарбонна, Монпелье и многие другие. В эти же столетия поднимаются пиренейские города: в Каталонии – Валенсия, Барселона, в Португалии – Коимбра; усиливаются Кордова и Толедо, позднее появляются многие новые города. Их росту способствовали арабы, которые нередко обосновывались в городах, а также подъем торговли в Западном Средиземноморье. Большинство городов в этой зоне имело античную подоснову. Эти традиции, равно как не пересыхавшие потоки торговли с Византией и Ближним Востоком, были основой того, что градообразовательные процессы в средиземноморских регионах проходили наиболее быстро.

В X–XII вв. стали складываться города по Днестру и Дунаю, в Северной Франции, Нидерландах, Англии, Германии, но в первую очередь – рейнские. И в этих районах многие города имели античные корни: Париж (римская Лютеция), Мец, Бордо развивались на месте старых римских городков; Регенсбург, Лорх, Лестер и многие другие – на месте лагерей римских легионов. На Рейне совершенно новую жизнь обрели Майнц и Вормс, на Шельде – Турне, на Маасе – Маастрихт. На развалинах малых соседствующих римских городков в X в. были возведены новые княжеские резиденции, ставшие эмбрионами будущего Будапешта. Заново выросли на месте римских поселений Гент, Антверпен, Куртэ. Однако большинство городов в этой зоне, где воздействие античных и племенных начал было примерно уравновешенным, поднималось совершенно наново. Это прежде всего касалось “классического” региона Средневековья – Северной Галлии (территории между Луарой и Рейном), т.е. будущих Восточной Франции и Западной Германии. Уровень урбанизации в предшествующую эпоху здесь не был столь высок, как, например, в Италии или Греции, но этот регион не испытал и таких разрушений, как европейский юг. Да и буферная, транзитная – как стратегическая, так и торговая – роль этого региона, заметно усилившаяся в раннее Средневековье, весьма способствовала городскому развитию. Здесь определенно преобладали новые города.

Другое дело, что возникающие города сохраняли поразительную верность месторасположению, удачно выбранному предшественниками, античными или варварскими. И примечательно, что город как бы вбирал в себя наследие обоих предшествующих типов. Пример дает хотя бы Англия, где средневековые города сложились в течение X–XII вв. Первичным поселением многих из них было древнее, еще кельтское ярмарочное и культовое местечко, использованное затем для устройства лагеря римскими легионерами; позднее оно служило центром одного из ранних англо-саксонских королевств или опорным пунктом норманнов. Например, Винчестер – это кельтская Вента племени белгов, затем римская Вента Белгарум, англо-саксонский Винтачесестер, где в заглавии уже запечатлен каструм, крепость. Кельтский Глева, затем римский Глевум, англо-саксонский Глочестер превратился в средневековый Глостер и т.д. Впрочем, такой же была картина и на других, даже на собственно римских территориях. Например, французскому городу Сен-Рено предшествовал Ализ (Алезия), предшественниками германских Локра и Виртенберга были древние Локритум и Виродунум, северо-балканского Белграда – Сингидунум и т.д. А итальянскому Милану предшествовал (с I тысячелетия до нашей эры (!)) кельтский Медиолан, имевший, вероятно, еще этрусского предшественника. Так впитывалось, прорастало новым качеством то, что, казалось, давно ушло, похоронено, забыто...

В XII–XIII вв. сложились города на северных окраинах и во внутренних областях Зарейнской Германии, в странах Скандинавии, в Ирландии и Венгрии, т.е. там, где не было зрелых предшествующих социумов и развитие происходило на разлагающейся родоплеменной основе. Здесь города вырастали, как правило, из рыночных, торгово-ремесленных местечек, бывших племенных центров и укреплений – бургов.

Распределение городов по территории Европы, конечно, тоже было неравномерным. Особенно много их было в Северной и Средней Италии, в Северной Франции, Фландрии и Брабанте (где выросли Гент, Брюгге, Ипр, Брюссель, Лувен), по Рейну. На Рейне города стояли так густо, что почти соприкасались предградьями. На Маасе к IX в. города располагались через каждые 15–20 км. Скопления крупных городов, кроме долин Рейна и Мааса, сложились в Центральной Италии, в бассейне Среднего Дуная, на германском побережье Северного моря, в Юго-Восточной Англии, с центром в Лондоне. Мелких городов во Франции, Италии и Германии были тысячи. В Англии, судя по знаменитой книге “Страшного суда”, в 80-е годы XI в. было до 100 городов и местечек; через два столетия они насчитывались сотнями. В целом по Западной Европе плотность размещения разного рода городов была такова, что в зрелое Средневековье житель деревни мог добраться до какого-нибудь из них в течение одного дня, а нередко и вернуться обратно. В XIII в. в совокупности они вмещали уже заметный, а подчас и высокий процент населения: во Фландрии и Брабанте – свыше 60%, во Франции, Италии и западных германских землях в среднем до 25%, в Англии – 9–10%, в Скандинавских странах – 3–5%.

Возникновение новых городов и урбанизированных поселений продолжалось на протяжении всего Средневековья. Однако волна XI–XIII вв. была не только особенно мощной и всеобъемлющей, но и решающей – как акт созидания всей общегородской системы Европы.

ГОРОДА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Принципиальная новизна средневековых городов в сравнении с обобщенными предшествующими типами обнаруживалась, как можно убедиться, уже по мере их складывания; она не могла не проявиться в условиях нового социального строя, в среде которого формировался город.

Средневековый город развивался как органичная часть, как структура феодальной среды – и в целом, и в той ее разновидности, которая была характерна для каждого региона. Но прежде чем мы рассмотрим это положение, необходимо сделать некоторые общие замечания.

Со сложением городов европейское Средневековье вступило в свой новый этап, который с позиций нашей темы может трактоваться как этап распространения городского образа жизни. Теперь ведущей линией общественной эволюции стала динамика взаимоотношений города и деревни. В общеевропейском масштабе этот этап ознаменовался новой “расстановкой” регионов, что четко проявилось как в дальнейшей типологии самого урбанизационного процесса, так и в развитии феодальных отношений в целом. Что здесь имеется в виду?

Как легко заметить, процесс средневекового градообразования имел общеевропейский характер и в целом укладывается в ряд универсальных форм и стадий, которые прослеживаются на всем историческом пространстве Европы. Этот процесс может быть в первоначально общей форме типологизирован по оси *юг–север*, т.е. как бы по старой границе между античным и племенным миром. След и влияние этой оси сохранялось и много позднее. Но, когда процесс средневекового градообразования завершился и городская жизнь плотно вошла в тело общества, основная типологическая ось развернулась по линии *запад – восток* Европы – обстоятельство, которое будет не раз напоминать о себе в ходе дальнейшей истории...

Итак, средневековый город. Его отличие от античного полиса проявилось в том, что (как заметил еще М. Вебер) он сразу же социально стал отделяться от деревни, заняв определенное место в распределении как центр товарного обмена, в административно-политической области – как центр управления и укрепленный пункт, в религиозной жизни – как центр епархий, скопление духовенства, в общественной стратификации – как отдельная общность, со своим судом, правом и самоуправлением, привилегиями и корпорациями. Отличие возникло очень рано тем более потому, что город возникал как сеньориальный, т.е. принадлежащий какому-то господину, будь то отдельное лицо, корона или “учреждение”.

Здесь следует вспомнить о том, что в рамках феодального средневекового строя – и это было его сущностной чертой – каждая структура, группа населения, отдельный человек должны были иметь и знать своего господина, включиться в универсальную систему господства-подчинения. В Западной Европе эта схема приняла очень четкий и фиксированный характер. По одной линии “графика” “откладывались” отношения между сеньором и его вассалами, что в целом, в масштабах общест-

ва составляло стержень, изнутри объединяющий сам господствующий класс-сословие разными уровнями господства-подчинения, начиная с монарха. Но по другой линии “откладывались” отношения между господами и низшими классами-сословиями, прежде всего между каждым сеньором и его крестьянами. Основой всего служила земельная собственность, а формой – личный договор, закрепленный в праве и ритуалах и отраженный в принципе: “вассал моего вассала – не мой вассал” Город возникал на чьей-то земле. И в зависимости от того, на чьей земле он возникал, он подчинялся королю, барону, епископу, монастырю и т.д. На Пиренеях, в Англии, Дании, Швеции подавляющее большинство городов возникало на королевской или государственной земле (что было на практике тогда почти одно и то же), и их господином становился король, который управлял городами через своих должностных лиц. Если в городе находилась резиденция епископа, там складывался епископский сеньориат: такой порядок образовался, например, в регионе Рейна и стал образцом для всех епископских городов к востоку от Рейна, а также многих городов в других странах.

Второй существенной чертой феодального строя было разного вида соединение земельной собственности с судебно-политической властью землевладельцев над подданными и держателями, во многих случаях и над их личностью. Сеньор имел право не только получать разного рода подати с держателей своей земли, но и судить их, подвергать наказанию и вообще распоряжаться их судьбой, в том числе в вопросах брака и наследования. Являясь поневоле держателями или коллективными вассалами какого-либо сеньора, горожане оказывались от него в зависимости: платили ренты деньгами и товарами, подвергались произвольным поборам, нередко принуждались к барщине, даже полевой, были зависимы и лично (вплоть до уплаты брачной и посмертной пошлин) и т.д. Это было несовместимо с городскими занятиями и городской жизнью. И хотя короли, монастыри и отдельные сеньоры были заинтересованы в возникновении и процветании городов на их земле, всячески поддерживали в них развитие промыслов и торговли, власть и произвол сеньоров были обременительны для горожан, а подчас просто невыносимы.

Как известно, феодальная схема, о которой шла речь, включала – естественно, в идеале – четкое деление всего населения на разряды, которые различались по объему и характеру прав и обязанностей, или, точнее, правообязанностей, ибо они переплетались, образуя неразделимое целое как в законах, так и в сознании эпохи. Право рыцаря на несение конной воинской службы взамен тягла было неотделимо от его обязанности воевать по призыву короля; право сеньора на верность вассала было совокупно с его обязанностью защищать того, кто отдал ему свою верность; право господина на труд держателя означало обязанность предоставить соответствующие средства труда, защиту и т.д.

Основные по правообязанностям разряды населения составляли сословия: светские и духовные господа и крестьяне. И хотя внутри каждого сословия складывались группы и страты, каждая со своим статусом (т.е. совокупностью правообязанностей), их положение определялось прежде всего принадлежностью к этим основным сословиям, что в ко-

нечном счете означало место, — т.е. определенный способ участия — в распределении ренты и власти. Буквально каждый человек, группа, структура были обязаны действовать в соответствии со своим сословным статусом, который приобретался по праву рождения или путем получения привилегий. Привилегии, или, как их тогда называли, “свободы” (именно во множественном числе!) означали прежде всего иметь “подключение” к возможностям и правам данного статуса.

Значительное место в этой системе привилегий, как форме распределения и способе обеспечения статуса, занимали иммунитеты: налоговые, судебные, административные. Они означали освобождение от известных обязательств в рамках позиции своего сословия или сословной группы. Как правило, иммунитет формировался в плоскости отношений между государством и личностью, а также учреждением, известной группой или ее частью, которым, таким образом, центральная власть передавала часть своих властных функций и прерогатив. Как правило, иммунитеты, подобно и прочим привилегиям и свободам, постепенно охватывали всю страну. Поскольку привилегии, иммунитеты и свободы являлись способом распределения и, говоря метафорически, входили в состав собственности, они тщательно охранялись каждой владевшей ими группой и стратой. Сословия замыкались. Но еще резче замыкались стабильные малые группы, они превращались в жесткие корпорации, которые обычно оформлялись путем все тех же привилегий. Такой корпорацией мог стать и монастырь, и государев двор, и военное объединение служилых людей на местах, и аристократический род.

Видимо, надо различать два подхода к понятию “корпорация”. Первый — максимально широкий: корпорация — это ограниченного размера группа, общность с известным единством интересов; узкий же это то, что является корпорацией в юридическом смысле слова (строго говоря, союз равных, связанных одной клятвой, чаще всего добровольной), являющийся при этом юридическим лицом, “корпусом”. Корпоративизм сословий и малых групп пронизывал средневековое общество Западной Европы сверху донизу, был его сущностной чертой. Социальная мобильность внутри каждого сословия была нелегкой, между ними — тем труднее, чем выше шел подъем, но она была почти невозможна вне узких групп.

По мере градообразования горожане стали добиваться для себя определенных свобод, привилегий и иммунитетов, что вылилось в анти-сеньориальную, или, как чаще говорят, коммунальную борьбу (борьбу за коммуну). Ее главной задачей была свобода от злоупотреблений сеньориальной администрации — свобода рыночной деятельности и личности горожанина. Сначала борьба шла за отдельные, конкретные привилегии, прежде всего торговые, охраняющие жизнь, имущество и честь купцов и всех, кто выходил на городской рынок со своими товарами. Эти привилегии, как правило, охотно выдавались сеньорами, заинтересованными в рыночных доходах. Но уже вскоре стало ясно, что для развития города ему необходима политическая и финансовая независимость, и горожане потребовали для себя самоуправления. Это привело их к столкновениям с сеньорами.

Коммунальное движение городов началось в X в., т.е. одновременно со сложением городской системы. В XI в. борьба за коммуну охватила, вызывая ненависть господ, всю Западную Европу, оно составило значительные параллели и к фиксации привилегии феодалов (поскольку речь шла в общем о сословной идентификации города и горожан), и к массовым антикрепостническим движениям крестьянства. Собственно, свою демографическую базу, необходимую для достижения зрелости, город получил благодаря притоку крестьян. Крестьянские движения протеста были массовыми и в большинстве своем принимали еретическую окраску; в этих случаях освободительное движение горожан с ними смыкалось (яркий пример – история Камбре). С начала второго тысячелетия протест крестьян, развивавшийся на фоне демографического бума, нехватки земель, закрепления личной зависимости и эсхатологических настроений, выразился также в массовом исходе из деревни, который стал основой двух крупнейших миграционных потоков: бегства в города и крестовых походов. Крестьяне – те, кто двинулся в Иерусалим, чтобы освободить гроб Господень и получить за это свободу, землю и место в Царствии Небесном, были тогда из той же среды, что и те, кто уходил в город. В последнем случае они раскрестьянивались: превращались в ремесленников, мелких торговцев, углежогов, моряков, огородников, наемных работников и т.д. Многие из них переселялись в города с согласия своего сеньора, заинтересованного в денежном оброке. Но и все прочие поначалу сохраняли зависимость от прежнего господина, который имел право разыскать и вернуть их. Обычаи и навыки общинного устройства, перенесенные в города крестьянами, оказали большое влияние на ранние формы внутригородской организации и сплачивали горожан.

Коммунальная борьба длилась три-четыре столетия. В нее вмешивались императоры, короли, князья, папы. По этой и другим причинам она сливалась с другими местными и общегосударственными конфликтами, была важной частью политической жизни всей Западной Европы. Как полагалось в средневековом обществе, каждый город проходил свой путь к свободам самостоятельно, а конечные результаты зависели от условий в стране и могущества сеньора. Но это всегда была борьба не против принципов сеньориального режима и, тем более, существующего строя вообще: города стремились *наиболее удобно разместиться в нем*. Формы коммунальной борьбы также варьировали, они зависели от экономической и стратегической значимости города, положения его сеньора в феодальной иерархии, соотношения социальных и политических сил в данной области и даже во всей стране. Иногда городу удавалось купить вольности и привилегии, иногда приходилось добиваться их вооруженной рукой: так было, в частности, в Италии и в Германии. Так или иначе, но в Италии уже в IX–XII вв. сложилась своеобразная система городов-государств, каждое из которых владело обширной территорией, с городами-сателлитами и многими поселениями. Во Франции в те же столетия наиболее самостоятельными стали города-коммуны, обладавшие своими органами власти, судом, финансами, ополчением и т.д. и зачастую вставшие в позицию коллективного сеньора в отношении прилегающей территории. Одновременно многие из них сохранили вассаль-

ные обязательства финансовой и военной поддержки по отношению к крупным сеньорам. В Германии “вольными” стали крупные имперские города – фактически независимые республиканские общины, формально подчинявшиеся императору и принимавшие участие в его избрании.

Получая свои привилегии и иммунитеты, город превращался в замкнутую общность, полноправие в которой – право гражданства или бюргерства – также имело личный и сугубо местный характер, т.е. касалось лишь данного города.

Впрочем, большинство средневековых городов так и не обрело полной самостоятельности. Очень трудной, ожесточенной и редко результативной была борьба за свободу городов, входивших в сеньории епископов и монастырей. Города на королевской земле, в странах с относительно сильной центральной властью, как правило, контролировались должностными лицами короля, даже если там имелись выборные городские советы и мэры. Так получилось в Англии (в том числе в Лондоне), во многих крупнейших городах Франции (в том числе в Париже), в скандинавских и пиренейских королевствах (в том числе в их “столицах”), которые, тем не менее, пользовались достаточно широкими привилегиями и вели свою политику. Ограниченные муниципальные свободы были характерны для многих городов Германии.

Но множество средних и, особенно, мелких городков, не обладавших необходимыми силами и денежными средствами, остались под властью сеньориальной администрации и в лучшем случае обладали лишь отдельными привилегиями, а их жители нередко несли повинности сеньору, вплоть до барщины.

Наиболее полный комплекс привилегий, которых добились города в результате коммунального движения, включал: политическую самостоятельность (самоуправление), правовую автономию, подсудность своему суду, подвластность своей администрации, право самообложения и распоряжение всем налогом (или значительной его частью), избавление от всего (или значительной части) экстраординарного обложения, рыночное право, монополию в области торговли и ряда ремесел, право на прилегающие угодья, право на городскую округу (обычно в радиусе трех миль) и, наконец, отделение от негорожан, точнее, всех тех, кто не является жителем данного города. Коммунальное движение, особенно в своих силовых формах, отнюдь не было всеобщим. И нельзя не напомнить, что если говорить обо всех средневековых городах, то самыми распространенными среди них были только торговые привилегии – и это отчетливо рисует главную цель города в понимании самих его жителей и всех современников. Вместе с тем итог коммунального движения касался всех городов: он обозначил, закрепил общий статус бюргерства.

Одним из важнейших результатов коммунального движения было освобождение большинства горожан от личной зависимости. В Западной Европе победило правило, согласно которому крестьянин или иной зависимый от сеньора человек, оказавшись в городе и прожив там “год и день”, становился свободным. “Городской воздух делает свободным”, – гласило средневековое правило Западной Европы. Оно обеспечивало не только основы городских свобод, но и необходимый для урбанизацион-

ного процесса приток людей из деревни, без которого города бы неизбежно съезжались и завяли. Не случайно там, где личная зависимость крестьян была ограниченной или недолгой (Англия, Дания), либо отсутствовала вовсе (Швеция), ремесла и торговля продолжали параллельно развиваться в деревне.

Коммунальное движение обозначило полное сложение средневекового города и новый, зрелый этап средневековой цивилизации в целом, выявив ее многоукладность, ее особенные черты. Развившийся город-коммуна был вестником не только личной свободы простолюдина. Он явился носителем республиканских форм правления, что составляло важное нововведение в авторитарно-монархическом средневековом обществе. В городе многообразная деятельность развивалась в форме разделения и специализации труда и самих деятелей. Поэтому он стал центром, двигателем мелкотоварного уклада – торговли, ремесел, денежного обращения. Город утвердил бытие и значение мелкой и средней собственности, основанной не на обладании землей, а на личном труде и товарном обмене. Эта собственность также имела характерный для эпохи корпоративный характер, но в известных моментах была менее условной; и не случайно со взлетом городов совпала более активная рецепция римского права, с его нормами частной собственности. Город стал центром, средоточием наемного труда и новых категорий труда – административного, интеллектуального, обслуживающего и др. Для него стали характерными новый образ жизни и своя культура – повседневная и духовная. Города сделали большой вклад в созидание нового западного менталитета – уже хотя бы потому, что своим саморегулированием образовывали антиномию официальной государственности, ленной (и т.д.) власти. В городе утверждалась идея гражданской добродетели, вошедшая затем в ренессансную этику. Наконец, в большинстве стран города способствовали экономическому единению, политической централизации и складыванию народностей (будь то на территориальном или универсальном уровне).

Коммунальные революции, завершившие оформление городского строя и образа жизни, открыли в XIV–XV вв. широкую дорогу развитию средневекового урбанизма.

Это был следующий его этап. Новые города в это время почти не возникают (и так было до XVI в.); общественный конфликт перемещается внутрь городов. Город не только набирает темпы социально-экономической эволюции, но все больше влияет на общество. Он стал важнейшим каналом этнокультурного взаимодействия – необходимого компонента поступательного развития цивилизации. Эта роль проявилась и может быть рассмотрена в двух плоскостях: социальной и территориально-этнической. Социальный “срез” показывает, что город занимал существенное место во взаимодействии, в том числе культурном, разных сословий, внутри- и межсословных групп, различных профессиональных прослоек, отдельных общностей и коллективов. Территориально-этнический “срез” обнаруживает, что город активно осуществлял общение между разными территориями и населяющими их этнически однородными либо разнородными группами. Действительно, в городах, особенно

крупных, собирались многочисленные иностранцы-торговцы, моряки, бродячие ремесленники, художники, школяры. Через городскую торговлю и торговцев, ремесленные изделия и бродячих мастеров, мореплавание, участие тех же купцов и горожан в колонизации новых и слабо развитых районов, брачные и коммерческие связи город обеспечивал постоянный обмен людьми, вещами, понятиями, знаниями и навыками, идеями, правовыми принципами и всевозможными инновациями. Тем самым город способствовал созданию в Западной Европе единого культурного пространства, “подтягиванию” отстающих окраин.

Несомненно, что влияние городов – сначала мощной Франкской империи, а начиная с XIII в. развитых немецких городов и заимствованного у них магдебургского городского права – значительно убило и подняло процесс урбанизации и общую эволюцию скандинавских стран. Высокоразвитые итальянские города через свои торгово-ремесленные и банковские компании в том же XIII в. способствовали развитию торговли и суконного дела в Англии, что стало одним из главных факторов дальнейшего процветания страны. Благодаря деятельности городов и городского купечества в Западной Европе складывается единое торговое пространство, с двумя тесно связанными между собой зонами (северобалтийской и средиземноморско-черноморской), более того, произошла смена ведущих регионов. Если в раннее Средневековье пальму первенства в торговом, городском и общем развитии монополю держал романизированный юг, то с X в. с ним стал соперничать “классический” регион Восточной Франции – Западной Германии, а с XIV в. произошел взлет Англии и Нидерландов, которые вместе с Италией образовали знаменитый “шерстяной треугольник”, с очагами первого в Европе раннего торгово-промышленного капитализма. Город изменял феодальную округу: он втягивал в товарно-денежные отношения и крестьян, и господ, и самих королей, трансформировал земельную ренту, формы крестьянской зависимости и самих крестьянско-сеньориальных отношений. Не случайно в Англии личная зависимость крестьян изживается уже к концу XIV в., а итальянские города-государства, заинтересованные в рабочих руках для своей промышленности, сами освобождали крестьян в своих округах-контадо, подчас выкупая их у сеньоров. Города многих стран – своими силами и с помощью королей – добивались переселения в свои пределы сельских ремесленников и торговцев.

Коммунальная борьба городов требовала серьезной организации. Эту роль нередко брали на себя внутригородские корпорации – гильдии, “братства”, организованные не по родовому или государственному принципу, а на основе общих профессиональных и духовных интересов. В Англии инициаторами коммунального движения выступала знаменитая “торговая гильдия” (*gilda mercatoria*), которая уже в X–XI вв. объединяла купцов, верхушку ремесленников, видных земле- и домовладельцев во многих английских городах. Городские купцы по всей Европе рано стали организовываться в товарищества – складничества, компаньонажи. С IX в. по всей Западной Европе распространились купеческие гильдии, первоначально связывавшие лиц, занятых в большой, дальней торговле. С XI–XII вв. в некоторых странах, прежде всего в Италии, Франции, Гер-

мании, городские ремесленники стали объединяться в профессиональные братства-цехи. Нередко объединение соответствовало узкой специализации; обычно с выделением новой специализации появлялся и новый цех. В Париже XIII в. их было более 300. Во Флоренции только в производстве тканей участвовали десятки цехов, которые соответствовали всем стадиям производства сукна, шерсти, шелка и т.д. Обычно в крупных городах цехи выстраивались в своего рода иерархию, где так называемые “младшие” (по стадии производства, либо по степени самостоятельности) подчинялись так называемым “старшим”, которые занимались и сбытом готовой продукции. Цехи и гильдии устанавливали жесткую монополию на свои виды деятельности, не допускали к ней неорганизованных ремесленников и торговцев; они боролись с “чужаками” при помощи властей города и государей, утверждающих их особые привилегии. Постепенно цехи и гильдии в наиболее развитых городах превратились в закрытые монопольные корпорации.

Городские братства были согласительным методом выживания, общественной организации и развития личности. Они изначально имели общинно-уравнительные и монопольные задачи. Спустя какое-то время братства обычно оформлялись с помощью уставов, которые принимали форму королевских или городских хартий и представляли собой своеобразное сочетание кодексов трудового и общественного поведения. Обычно уставы братств включали не только подробнейшую, мелочную регламентацию труда своих (индивидуально работающих) собратьев, но и статьи о материальной и моральной помощи друг другу в случае кораблекрушения или потери товара, болезни или смерти, свадьбы и крестин. Большое внимание там обращалось на регламентацию наемного труда и нормы ученичества. Нередко уставы содержали предписания против разгульной жизни, а также грубости и непотребного поведения в общественных местах. Таким образом, братство регулировало не только производительную деятельность, но общественную и личную жизнь людей, что способствовало выработке тех поведенческих навыков, без которых невозможно цивилизованное общество, не действуют законы.

Практика внутригородских объединений-общностей была очень распространена в Западной Европе. По образцу торговых и ремесленных организаций создавались союзы врачей и аптекарей, художников и артистов. Объединялись в свои гильдии профессора университетов, юристы, носильщики и извозчики, землекопы, воры и нищие. По мере замыкания цехов свои братства (отдельно при каждом цехе) стали создавать подмастерья, превращавшиеся в “вечных”: теперь путь во многие корпорации был открыт только для состоятельных людей и родственников мастеров.

Хотя цех стал своего рода образом, символом средневекового городского ремесла, но в отличие от купеческих гильдий ремесленные цехи в некоторых странах возникли поздно (на Пиренеях), не во всех городах (Швеция, Дания) или не возникли вовсе (Южная Франция). Так называемое “свободное” ремесло, широко распространенное, регулировалось городскими властями, а мастера составляли группы, зачастую объединенные соседством или правообязанностями, т.е. формально не организованные.

Наряду с профессионально-трудовыми общностями в городе существовали и другие общности и группы, объединенные по занятиям или по интересам: духовные братства, приходские, соседские, воинские объединения. Они буквально пронизывали городскую жизнь и также выстраивались в своего рода иерархию. Например, среди духовных братств были привилегированные, членами которых являлись представители городской элиты и даже соседние господа, так что членство в них считалось престижным и рассматривалось как средство утвердить или повысить свой статус. В сословном средневековом мире, где все общественные связи были персонифицированы, общности-братства обеспечивали пластичность и прочность организации городской жизни и многообразие общения. Горожанин обычно входил не только в цех или гильдию по своей профессии, но и в приходскую общину, воинскую единицу, объединение соседей (на которое возлагались обязанности по благоустройству их жилого района) и, если он был состоятельным человеком, в духовное братство; все это позволяло ему воспринимать себя и других с самых разных сторон. Так создавался особый круг общения, очень важный для выработки профессионального и личностного самосознания горожан, их политической и личной независимости, общественного авторитета и чувства достоинства, чести, авторитета, не полученных по наследству, но заработанных в результате личных усилий.

Конечно, общность, тем более корпорация, в известной мере ограничивали индивидуальную жизнедеятельность своих членов, подчиняли их групповому стандарту и воспитывали специфическое корпоративно-отстраненное, узкое отношение к миру. Но одновременно они вырабатывали необходимое для жизни общества соотношение личных и коллективных интересов, нормы публичного и бытового поведения, трудовую и личностную дисциплину. Общность помогала человеку труда, давала ему защиту против бедствий жизни, произвола сеньоров и государства, да и городских властей.

Во время праздничных шествий члены каждого братства проходили отдельной группой, в особой одежде, со знаменем-значком и знаком своего святого покровителя. В церковные праздники они собирались на литургию в собственной церкви, часовне или приделе одной из городских церквей, а затем устраивали обед – “пир”. Все это закрепляло единение и достоинство горожан. Многие городские общности, особенно купеческие и торгово-банковские, а также самые богатые ремесленные, обладали большим политическим весом в своих городах и в своих странах.

Как уже говорилось, с оформлением муниципального строя городов сам город, точнее, сообщество горожан превратилось в особое сословие. В этом смысле средневековый западноевропейский город, в отличие от своего античного предшественника, города-полиса, можно назвать *сословным городом*. Историки обычно называют горожан средним сословием, а иногда даже средним классом-сословием, которое, с одной стороны, стояло особняком по отношению к основным по численности аграрным классам-сословиям средневековья, а с другой, – занимало промежуточное положение между ними. В экономическом и социальном отношении это сословие было связано с коммерческой и предпринима-

тельской деятельностью, нацелено на рынок: это собственно торговля, товарное ремесло и промыслы, мореплавание и торговые перевозки, торговое земледелие, использование городской и внегородской недвижимости, продажа разнообразных услуг. Собственность горожан в той или иной мере включала земельную или зависела от нее, но в основном складывалась за счет трудовой деятельности, связанной с рынком. В политико-правовом отношении члены этого сословия пользовались рядом специфических привилегий: личной свободой, правом распоряжаться своим имуществом, подсудностью городскому суду, правом участвовать в формировании органов городского управления и др.

Эти особые правообязанности фиксировались в городских законах и хартиях, иногда в общем законодательстве страны.

Именно привилегии, общие главные интересы, совместные выступления – в составе городских союзов, в парламентах и др. – объединяли на общегосударственном или территориальном уровне в единое сословие весьма гетерогенное население каждого города и разных, отгороженных друг от друга, нередко враждующих между собой городов.

В городских хартиях и законах в числе прочего оговаривались условия принадлежности к городскому сословию – бюргерству. В общем смысле этим термином обозначали всех горожан, связанных со специфическими городскими занятиями. Однако, во-первых, горожане социально становились все менее едиными. В их составе очень рано выделились: городская верхушка, “народ” и все более разрастающиеся низы-плебс. Во-вторых, уже с XII–XIII вв. термин “бюргер” стал обозначать лишь полноправных горожан, в число которых не могли попасть представители низов, отстраненные, таким образом, от городского управления. А с XIV–XV вв. этим термином обозначали уже наиболее зажиточные слои горожан, из которых позднее вырастали первые элементы буржуазии.

Статус бюргера требовал наличия известной собственности, по меньшей мере позволяющей нести городское тягло. Этот статус был либо наследственным, либо приобретался путем особой процедуры, каждым претендентом персонально и в каждом городе по своим правилам. И каждый бюргер был не бюргером вообще, а бюргером именно Барселоны, Любека или Стокгольма. Условия или цензы полноправия варьировали по странам и регионам, но всегда были сопряжены со взносами в пользу города. И если первоначально общим условием нередко было владение землей в пределах города и его округа, то позднее на первое место вышли наличие известного движимого имущества, свидетельство о профессиональном мастерстве и личной благонадежности будущего бюргера, участие в одной из городских корпораций. В результате бюргерство, в свою очередь, приняло замкнутую форму – как объединение известного круга лиц, в полной мере реализующих городские права. Именно они и составляли городское сословие в узком и наиболее точном смысле.

В городском сословии заправляли купцы, особенно крупные, связанные с дальней, международной торговлей. Они составляли верхушку в большинстве западных городов. Из них формировались городские сове-

ты. Вообще социально-политические режимы в городах были достаточно пестрыми. Однако общим правилом стало, что постепенно демократическое начало в городском управлении было вытеснено аристократическими, а в ряде городов Италии к концу Средних веков – даже монархическими режимами. Городские советы представляли собой замкнутые олигархические организации, выборы в них нередко подменялись кооптацией новых советников из того же высшего круга, из патрициата – правящей и наиболее богатой городской верхушки. Но при всем том – и это чрезвычайно важно – преимущественно республиканский политический строй развивавшихся городов, наличие в них гражданской общины с политическими правами и системы выборных органов составляли важный противовес авторитарно-монархическому режиму.

Помимо бюргерства и рядом с ним, подчас равняясь с ним числом, в городе проживали феодалы и их челядь, насельники монастырей (можно напомнить, что например, во Франции XIII в. из 212 францисканских монастырей только четыре располагались вне города), белое духовенство, огородники-крестьяне, рыбаки, студенты университетов. Они участвовали в формировании городской жизни, облика города и его толпы, хотя, в то же время, все эти группы жили по законам своих сословий. Но между городской верхушкой и господами в городе и его округе существовала тесная связь. С одной стороны, богатые и влиятельные горожане обычно имели за городом землю, нередко с зависимыми крестьянами, сеньорами которых являлись. Богатые и влиятельные купцы, городские судо- и землевладельцы стремились получить и нередко получали дворянский статус и соответствующие привилегии. Аноблированные, при гербе и мече мэры, советники и другие высшие бюргеры Лондона, Парижа, Копенгагена могли сделать блестящую карьеру, подчас получали прямой доступ к королевскому двору и влияние на государственные дела. С другой стороны дворяне (да и священнослужители) уже с XIII в. в той или иной мере были втянуты в торговлю, вели отношения с купцами, заводили свои лавки, корабли и мастерские в пределах города. В Италии, Германии, Испании дворяне, в том числе и титулованные, входили в состав патрициата крупнейших городов, активно участвовали в их хозяйственной и политической жизни. Ради этого в ряде городов Италии “гранды” вступали в один из влиятельных городских цехов, хотя бы в “Лану” суконщиков во Флоренции. В той же Флоренции в XV в. тиранами были герцоги Медичи, роднившиеся с французскими королями, но изначально происходившие из средних бюргерских кругов. Наконец, города и аноблированные горожане стали обзаводиться своими гербами.

Возможна самая различная типология средневековых городов: по регионам или областям; размерам; ведущим функциям; расположению; системе укреплений; топографии; способам управления; объему вольностей и др. Действительно, при всем сходстве основных признаков города были очень разнообразными, разной была и жизнь их обитателей.

В XIV–XV вв. большими считались центры с 20–30 тысячами человек, таких в Западной Европе были сотни. Лишь пара десятков насчитывали по 80–100 тысяч человек (Милан, Венеция, Флоренция, Кордова, Севилья и некоторые другие). Париж и Константинополь были еще на-

селеннее. Однако в северных столицах – Копенгагене, Стокгольме – проживало в это время примерно по 9–10 тысяч человек. Средний город имел 3–5 тысяч жителей. Подавляющее большинство городов – от 0,5 и до 1,5 тысяч жителей. Естественно, что если в крупном городе, морском порте, королевской или княжеской резиденции жизнь была ключом, в мелких она была дремотной, сходной с жизнью деревни как по занятиям жителей, так и по стилю их жизни.

Мелкие города зачастую оставались в рамках сеньориального, даже домениального режима. Они несли черты ранней стадии городского развития: сильный аграрный отпечаток, заказная форма ремесленного труда, элементы маркового порядка управления. Однако и в таком городке подчас имела своя ратуша, над торговой площадью возвышался собор, вокруг теснились немногочисленные лавки и мастерские, владельцев которых знали все жители. И все это оберегали стены с воротами, а подчас хранившиеся в сундуке городские привилегии.

Города различались также по своему “профилю”: в одних превалировала торговля, другие славились ремеслами, университетом, ярмаркой, особо почитаемым монастырем. Были города шахтерские, выросшие, например, около центров добычи серебра в Саксонии, или поваренной соли у Бискайского залива, или города у сельдяных ловищ полуострова Сконе. Большой спецификой отличались города-порты и города-крепости, в том числе пограничные, и т.д. Сильно различалось и политическое устройство городов: королевские и частносеньориальные, полностью или частично независимые, республики, тирании и др.

Бюргеры разных городов обычно соперничали между собой. Но при всей социальной неоднородности горожан, противоречиях в их среде и между городами, бюргеры, как уже говорилось, ощущали сословное единство и использовали его. Города заключали соглашения о пошлинах, торговых привилегиях, совместной чеканке монеты. В 1167 г. Ломбардские города-коммуны образовали лигу, которая прекратила немецкое вторжение в Италию, обеспечив ее процветание в следующем столетии. В XIII в. начали объединяться северонемецкие города, составив в XIV в. могущественный торгово-политический союз – Ганзу. Она включала более 160 городов, состояла из четырех отделений. Ганза была активным торговым посредником в Северной Европе, обеспечивала безопасность торговых путей на Балтике и в Северной Атлантике. Она поддерживала политическую стабильность в городах-членах союза, заботилась о привилегиях их бюргеров, применяла для поддержания своей гегемонии многие средства – экономическую блокаду, дипломатические маневры, военные действия. Ее главная ассоциация во главе с Любеком и Гамбургом – северная, “вендская” Ганза – включала города Бремен, Штральзунд, Висмар, Росток, Ревель (Таллинн), Ригу и др. и господствовала в торговле между Германией, Англией, Скандинавскими странами и Северо-западной Русью. Она имела свои конторы в Новгороде, Лондоне, Бергене, склады – в Стокгольме, Брюгге и других центрах северного региона, но ее купцы бывали также в Бордо, Лиссабоне, Севилье и Флоренции. Ганза созывала свои съезды – ганзетаги, вела войны, сносила с королями многих стран и папами, объявляла торговую блокаду,

могла выставить огромный военный флот (более 1000 кораблей) против пиратов. Она сыграла огромную роль в истории балтийской культуры и, особенно, торговли, где была гегемоном по крайней мере до конца XV в., а всего просуществовала более пятисот лет. Во второй половине XIV в. в той же Германии возникли Швабский и Рейнский Союзы (куда вошли более 50 городов).

Одним из самых важных факторов бюргерского взаимодействия было участие с XIV в. в работе органов сословного представительства – парламентов. Собственно, сами парламенты своим превращением из совещательных органов при короле, состоящих из представителей феодальной элиты, в выборные сословно-представительные учреждения были обязаны прежде всего городам. В некоторых странах в парламенты стали допускать и верхушку крестьянских общин. Но повсюду и практически с самого начала на парламентских заседаниях присутствовали депутаты от городов. Там они не только отстаивали свои привилегии, но и участвовали в решении фискальных, судебных и политических дел своей страны. Депутатами парламентов от городов выступали представители городской верхушки, чаще всего те же купцы, нередко мэры (бургомистры), но при всех условиях парламентская деятельность горожан укрепляла их союз с королями – союз общественно необходимый и взаимовыгодный: короли получали от городов деньги и военную помощь; города рассчитывали, что король обеспечит необходимый им мир, защитит от грубого произвола феодалов; обе стороны искали друг у друга поддержки в борьбе против чреватого войной сепаратизма аристократии. Важно также, что в парламентах депутаты от городов чаще всего объединялись с представителями среднего дворянства – рыцарями (так было, например, в Англии). Обе эти страты вместе с верхушкой свободного крестьянства составили корни средних слоев – опору правовых режимов будущих буржуазных государств Запада. А в Средние века они были базой политической централизации, социальной основой складывания наций и национальных государств.

Хотя средневековый город в ряде очерченных выше важных отношений был противопоставлен деревне, еще более важные отношения укрепляли его в феодальной системе в целом. Город развился как характерная феодально-корпоративная структура, а городское сословие – как органичная часть этого мира, расположившаяся в сетке его сеньориально-вассальных координат обоих важнейших линий. Подчинение господствовавшей системе было неизбежным. Поэтому товарный уклад в городе имел патриархально-феодальные черты: преобладание товарного обращения над товарным производством, распространение работы на заказ, личная окрашенность социальных связей (в том числе оформление сделки при свидетелях и т.д.), “связанность” наемного труда. Привилегии были включены в состав собственности и, соответственно, в распределение. Господствовали общинно-эгалитарные установления во внутригородских отношениях. Всю жизнь горожан пронизывал корпоративизм. Иерархия населения имела социально-правовой характер, наследственность и происхождение играли значительную роль в формировании статуса. Обычным было одворянивание бюргерской элиты и бюр-

геризация части дворянства. Наконец, город медленно и неполно отделился от деревни: горожане и города сохраняли связь с землей (аграрные занятия, получение и уплата земельной ренты); с другой стороны, повсеместно сохранялись ремесленные занятия в крестьянских дворах и при господских усадьбах. Все это позволяет говорить о городе и деревне Средневековья в “едином контексте” эпохи.

Противоречия, связанные с социальной характеристикой города, особенно отчетливо проявились на следующих этапах Средневековья.

ЭТАПЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО УРБАНИЗМА

В истории средневекового урбанизма мы уже выделили начальные стадии – эмбрион и ранний город. Развившийся город в свою очередь прошел через два этапа. Первый – когда сложился городской строй с его товарным укладом, с полным комплексом функций и признаков, своей внутренней организацией и системой отношений с государством и господами. Уже в это время урбанистический образ жизни начал воздействовать на деревню. С XIII в. средневековый город постепенно перешел во вторую стадию зрелости. В XIV–XV вв. обнаруживаются и черты разложения феодально-патриархальных отношений, и самые первые следы зарождения буржуазных элементов; а влияние рынка на деревню, на крестьянское и сеньориальное хозяйство стало основной линией экономической и социальной эволюции общества. Как и на предыдущем этапе, средневековый урбанизм проявился не только в виде собственно городов, но и в виде множества градообразных поселений, бургов, торговых местечек, ремесленных слобод, деревенских ярмарок, очагов товарного ремесла и рынка в деревне и замке.

Трансформация урбанизма в XIV–XV вв. стала очевидной и повсеместной. Внутри города появляются две тенденции и два соответствующих им лагеря (их расцветом и жестокой борьбой отмечены уже следующие столетия). С одной стороны, как бы окостеневает расцветший на предыдущем этапе “старый порядок”. С другой, – все более очевидными становятся новые явления. Так, цехи “замыкаются” и проявляют жесткий консерватизм в своей регламентации, – и в то же время под покровом эгалитарных установлений возрастает конкуренция и неравенство между ними и внутри них; неравенство принимает социальный характер и выражается в подчинении одних цехов и каких-то мастеров внутри цеха – другим цехам или мастерам. В цехи начал внедряться купеческий капитал, и там, где система раздачи наталкивалась на запреты, капитал выходил за пределы города, используя крестьян и жителей пригородных слобод. Складывается слой “вечных” подмастерьев, они смыкаются с вытесненным из деревни обездоленным людом, образуя все более расширяющуюся категорию свободных наемных работников, чья неустойчивость все еще узким товарным производством подвергает их кровавому “рабочему законодательству” – законам о бродягах. Старый патрициат окончательно замыкается и аноблируется, активно феодализируется. А на смену коммунальной борьбе приходят новые конфликты:

борьба цехов и средних горожан вообще против старого патрициата; выступления подмастерьев и других наемных работников (образовывавших собственные союзы) против мастеров; города вступают в конфликты с центральной властью.

В XV в. ряд крупных и средних “старых” городов переживают упадок. С другой стороны, к концу периода начинают появляться новые города, обычно мелкие (малые), а также градообразные поселения разного вида и наименования. Эти новые городки часто вырастают на поместьях. Слабые в хозяйственном отношении, они отличались нестабильностью и обычно не обладали городскими правами. Но эти городки играли заметную роль. Они как бы насыщали провинцию мелким, но массовым урбанистическим элементом, служили базой и тылом для больших городов и зачастую позволяли реализовывать в своих пределах новые тенденции, которые не находили применения в старых городах. Наконец, на этом этапе влияние города на деревню заметно трансформирует последнюю. В связи с этим можно назвать такие явления, как распространение в деревне товарных мелких промыслов и ремесел, практика раздачи сырья и скупки товаров, коммутацию или товаризацию ренты, втягивание крестьян и сеньоров в рыночные отношения, коммутацию личных служб, продажу права на феодал. Тенденции в положении крестьян и развитии доменального хозяйства были противоречивыми: в зависимости от того, крестьяне или их сеньоры осваивали рынок, происходила либо коммутация ренты и освобождение крестьян от личной зависимости – либо закрепление барщины и продуктовой ренты, нередко с усилением личной крепости держателей. Все это были уже черты перехода к раннему Новому времени.

Несомненно, что мощные средневековые города и бюргерское сословие – одна из составляющих опор западного менталитета и возникающего гражданского общества (в отличие от менталитета и общества Восточной Европы). Это становится вполне очевидным, если вспомнить известные моменты эволюции общественной мысли и вообще духовной жизни Западной Европы в Средние века и на пороге Нового времени. Уже с XII в. в числе первых проявлений городского развития обнаружился новый культурный тип как человека, так и общества, новый пласт культуры, специфически городской, выработанный в бюргерской среде, светский и, нередко, – отчетливо антиклерикальный. Город стал центром светского школьного обучения, затем университетов, где изучались логика и математика, медицина, юриспруденция и ораторское искусство, а дискуссии на богословских факультетах все дальше выходили за рамки официальной теологии. Новая философия, язык, литература и историописание, естественные и точные науки, многие искусства, в том числе не только архитектура и строительство, музыка, живопись и скульптура, но и театральные действия, а затем подлинный театр, – центром всего этого духовного богатства стал город. Именно в бюргерской среде, на основе городской культуры родилось стремление к новому, индивидуальному проявлению – спутник гуманистической литературы и всей культуры Ренессанса, а затем реформационных учений. Протестантизм, с его демократической церковной организацией и идеей угодного

Господу земного успеха, освятил частную инициативу, растущее предпринимательство. Город открыл Западной Европе широкие ворота в общество Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1988–1992. Т. I–III.

Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995.

Гутнова Е.В. Историческая наука в условиях идеологического диктата: к вопросу об оценке советской историографии // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. Отв. ред. Л.П. Репина. М., 1996.

Котельникова Л.А. Крестьянство и город // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. / Под ред. З.В. Удальцовой и Ю.Л. Бессмертного. М., 1986. Т. 2.

Общности и человек в средневековом мире / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1992.

Проблемы методологии истории средних веков: Европейский город в системе феодализма / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 1979. Ч. 1–2.

Сванидзе А.А. Генезис феодальных городов в раннесредневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европе / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1987.

Социальная природа средневекового бюргерства / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1979.

Средневековый город. Саратов, 1963–1998. Вып. 1–12.

Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М., 1960.

Феодалы в городе / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1996.

Элита и этнос средневековья / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1995.

Ястребицкая А.Л. Европейский город: Средние века – раннее Новое время. Введение в современную урбанистику. М., 1993.

Barel Y. La ville médiévale: système social, système urbain. Grenoble, 1972.

Boockmann H. Die Stadt im späten Mittelalter. München, 1986.

Bordone R. La società cittadina del regno d'Italia: Formazione e Sviluppo delle caratteristiche urbane nei secoli XI e XII. Torino, 1987.

Brunner O. Neue Wege der Sozialgeschichte: Vorträge und Aufsätze. Göttingen, 1956.

Città mercanti dottrine nell'economia europea del IV al XVIII secolo: Saggi in memoria di Gino Luzzato. Milano, 1969.

Civitatum Communitas: Studien zum europäischen Städtewesen. / Hrsg. v. H. Täger et al. Köln; Wien, 1984. V. 1.

Das Leben in der Stadt des Spätmittelalters // Intern. Kongr., Krems an der Donau 20 bis 23 September 1976. Wien, 1979.

Die Stadt. Köln; Graz, 1979.

Die Stadt des Mittelalters / Hg. v. C. Haase. Darmstadt, 1972–1975. V. 1–3.

Die Stadt: Gestalt und Wandel bis zum industriellen Zeitalter. Köln; Wien, 1985.

Duby G.L. L'urbanisation dans l'histoire // Etudes rurales. P., 1973. № 49/50.

Ennen E. Die europäische Stadt: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Lindaw; Konstanz, 1958.

Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1981.

Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. 3. Aufl. Göttingen, 1979.

- Ennen E.* Frauen im Mittelalter. München, 1986.
- Forschungen zum Städtewesen in Europa. Köln; Wien, 1970.
- Fossier R.* Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970.
- Le Goff G.* La civilisation de l'Occident médiéval. P., 1967.
- Haus und Familie in der spätmittelalterlichen Stadt / Hg. v. A. Haverkamp. Köln; Wien, 1984.
- Heers S.* Ville médiéval. P., 1990.
- Histoire de la France urbaine / Sous la direction de G. Duby. P., 1980–1981. T. 1–3.
- Isermann E.* Die deutsche Stadt im Spätmittelalter, 1250–1500. Stuttgart, 1988.
- La città nell'alto medioevo: Lezioni e disc. nella VI Settimana di Studio 10–16 apr. 1958. Spoleto, 1959.
- Les petites villes du Moyen Age a nos jours. P., 1987.
- Maschke E.* Continuité sociale et histoire urbaine médiévale // Annales. Économies. Sociétés. Civilisations. P., 1960. V. 15, № 5.
- Maschke E.* Städte und Menschen: Beiträge zur Geschichte der Stadt, der Wirtschaft und Geschichte 1959–1977. Wiesbaden, 1980.
- Maurer G.L. von.* Geschichte der Städteverfassung in Deutschland // Erlangen, 1969–1973. Bd. 1–4.
- Mollat M.* Villes et civilisation urbaine. P., 1960–1962.
- Mumford L.* City in History. N.Y., 1961.
- Nicholas D.* The domestic life of a medieval city: Women, Children and the Family in Fourteenth century Ghent. L., 1986.
- Pirenn A.* Les villes et les institutions urbaines. Bruxelles, 1939.
- Planitz H.* Die deutsche Stadt des Mittelalters: Von der Römerzeit bis zu den Aufstößen. Wien, 1973.
- Platt C.* The English Medieval Town. L., 1976.
- Renouard Y.* Les villes d'Italie de la fin X-e siècle au début du XIV-e siècle. P., 1969.
- Reynolds S.* An Introduction to the History of English Medieval Town. Oxford, 1977.
- Roux S.* Le monde des villes au Moyen Age, XI-e – XV-e siècle. P., 1994.
- Städteforschung: Veröffentlichungen des Institutes für vergleichende Städtegeschichte in Münster / Hg. v. H. Stoob. Köln; Wien, 1960–1985. Bd. 1–25.
- Städtische Randgruppen und Minderheiten / Hg. B. Kirchgessner, F. Reuter. Göttingen, 1986.
- Stoob H.* Forschungen zum Städtewesen in Europa. Köln; Wien, 1970, Bd. I.
- Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte / Hg. v. A. Brandt (Lübeck), W. Koppe (Kiel), Lübeck, 1953.
- The Medieval City / Ed. by H.A. Miskimin. New Haven; L., 1978.
- Tomlinson R.* Urban Structure: The Social and Spatial Character of Cities. N.Y., 1969.
- Towns and Networks in Early Modern Europe / Ed. by P. Clark. Leicester, 1990.
- Towns in Societies / Ed. by P. Abrams and E.A. Wrigley. Cambridge, 1978.
- Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. / Hg. v. H. Jankuhn et al. Göttingen, 1973, 1974. T. 1–2.
- Weber M.* The City. N.Y., 1958.
- Zentralität als Problem der mittelalterlichen Stadtgeschichtsforschung / Hrsg. v. I. Meynen. Köln, 1979.

РЕГИОНАЛЬНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ИТАЛИИ

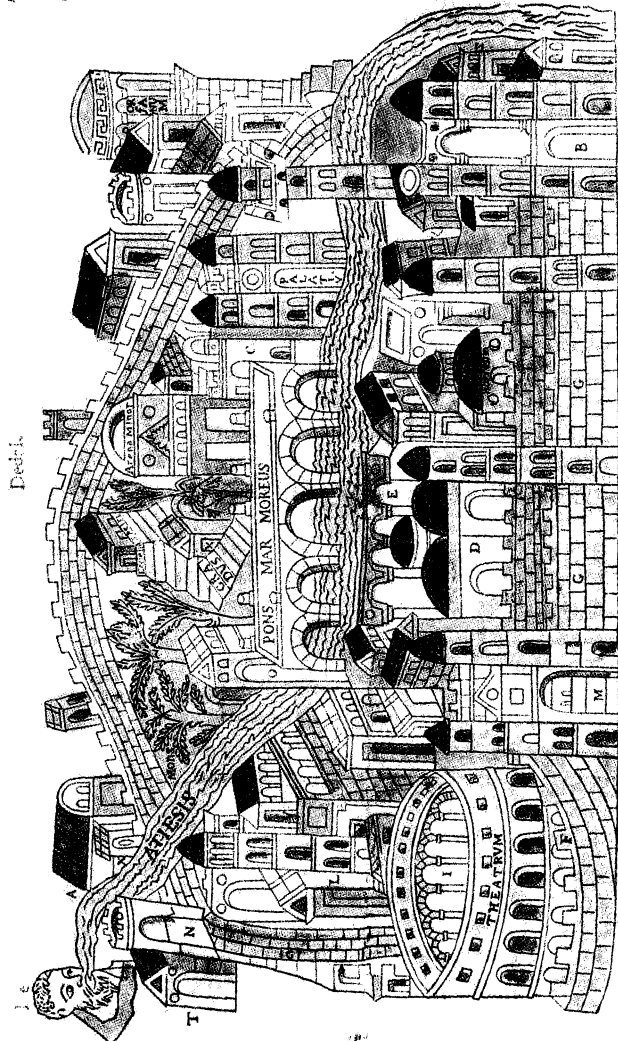
Одна из главных отличительных черт средневековой Италии – более высокий, по сравнению с другими странами Европы, общий уровень урбанизации и городской цивилизации. Иноземцев в разные столетия неизменно поражали необычайная экономическая активность, богатства, политические свободы, само множество процветающих итальянских городов. Эти города представляли собой удивительный феномен феодального европейского мира. Лишь со временем, и только в одном из регионов – в Нидерландах – масштабы урбанизации начали приближаться к итальянским меркам.

В изучении средневекового города Италии исследователей привлекает исключительно широкий круг проблем – от особенностей городского развития разных областей страны в раннее Средневековье – до специфики ее городов как организующих центров цивилизации в эпоху зрелого феодализма, на исходе которого именно Италия стала родиной новой культуры – культуры Ренессанса. Особое значение имеет вопрос о характере политической эволюции итальянских городов, в ряде которых, ставших независимыми государствами, сложились наиболее развитые формы средневековой демократии.

Происхождение большого числа центров Апеннинского полуострова восходит к римской эпохе. Таковы, кроме самого Рима, – Турин, Милан, Верона, Парма, Модена, Болонья, Флоренция и другие. Разумеется, в Италии было немало городов более позднего происхождения. И все же именно для этой страны принципиальный характер имеет проблема континуитета, преемственных связей античного и средневекового города, равно как и вопросы не только сходства, но и различий обоих типов городского развития.

Варварские завоевания и крушение Западной Римской империи, кризис рабовладения, ослабление рыночных отношений и натурализация хозяйства – все это вело к разрушению и запустению в V–VII вв. немалого числа итальянских городов. Торговую активность, хотя и не в прежних масштабах, сохраняли в этот период города Южной Италии, входившей в состав Византийской империи. В варварских королевствах, сначала остготов (493–555), а затем лангобардов (568–774) города, сохранившиеся от римской эпохи, стали административными и церковными центрами, что поддерживало их хозяйственную жизнь. Они обслуживали в основном ближнюю округу (дальняя торговля оборвалась), снаб-

A Chief
B Stefano
C Part
D Anna
E Part
F Part
G Part
H Part
I Part
J Part
K Part
L Part
M Part
N Part
O Part
P Part
Q Part
R Part
S Part
T Part
U Part
V Part
W Part
X Part
Y Part
Z Part

План Вероны. X в.

жая ее ремесленными изделиями. Устройство раннесредневекового города Италии еще долго сохраняло римские черты: собиралось общее собрание горожан, на котором обсуждались вопросы градостроительства и благоустройства, существовал ряд традиционных магистратур, в частности прокураторов, руководивших городской ассамблеей и др. Однако главными представителями власти стали епископы и назначавшиеся при лангобардах королем герцоги (или гастальды). Преемственность античного и средневекового города ощутимо проявилась в совпадении, во многих случаях, пространства, которое они занимали. Турин и Генуя, Бергамо и Римини, Лукка, Перуджа и другие города в раннее Средневековье оставались в пределах стен, воздвигнутых в римскую эпоху или отстроенных на прежнем месте, если они оказывались разрушенными. Очень часто сохранялась и древняя топография города: расположение и названия кварталов, улиц, площадей, ворот, мостов. Заново осваивались и уцелевшие храмы (только при этом базилики римской эпохи превращались в христианские церкви), частные дома, акведуки.

Уже в VI–VII вв. город начал обретать то новое качество, которое отличало его от римских времен. Постепенно исчезала муниципальная земельная собственность в округе. Основным занятием горожан становились ремесло и торговля. В городах сосредоточивалась и судебно-административная власть территориальных правителей – сначала герцогов, а после завоевания лангобардского королевства франками – графов. Многие города сделались местом постоянного пребывания епископов, к тому же активно присваивавших функции светской власти.

VIII–X вв. стали новым этапом в развитии городской жизни Италии. Он был отмечен более ранним, чем в других странах Европы, постепенным экономическим подъемом городов, сохранившихся от античной эпохи, а также возникновением новых городских центров. Последние, как позже это происходило и за Альпами, складывались на оживленных торговых магистралях, вдоль рек или в удобных морских бухтах; нередко в городские поселения разрастались ремесленные предместья замков; известны и другие, сходные с неитальянскими, пути формирования городов. Один из характерных для Италии примеров – история возникновения небольшого тосканского города Сан-Джиминьяно. Он сложился к началу X в. вокруг феодального замка, расположенного на главном торговом пути из северной части полуострова в Центральную Италию. Этот путь был также дорогой направляющихся в Рим пилигримов. Рынок сложился вокруг замка уже в IX в., а когда в 929 г. владельцем замка стал епископ, поселение получило статус города. В конце X в. Сан-Джиминьяно насчитывал более 8 тысяч жителей – немалая цифра по тем временам. Он был обнесен стеной, в центре города, рядом с замком епископа, появился и замок для гражданской администрации, которая стала оспаривать у епископа властные полномочия. В XI–XII вв. город быстро богател на посреднической торговле шафраном. Купцы Сан-Джиминьяно имели тесные связи с Генуей (где они закупали партии шафрана), Пизой, Сиеной, Луккой и включали в торговый оборот также и местную сельскохозяйственную продукцию – вино, зерно, оливковое масло. Удобное географическое положение, облегчавшее установ-

ление торговых связей, было одним из наиболее важных условий возникновения и многих других новых городов в Италии.

В раннее Средневековье в итальянском обществе сложилась иерархия правового и административного статуса городов. Епископские центры – их было около 300 во всей Италии – имели статус собственно города (*citta*). Далее шли бурги (*borghi*), замки (*castelli*) с торгово-ремесленным населением и другие поселения городского типа (*terre*). В XI–XII вв. процесс урбанизации активно набирал темпы, общее количество городов разного статуса исчислялось несколькими тысячами. Росло и число городских жителей за счет переселения в города крестьян и феодалов. При этом в Италии городская политика не только стимулировала приток населения, но и была направлена на то, чтобы вынудить феодальную знать переселяться в город. Крестьян округи – сервов, колонов и других, находившихся в личной зависимости, – освобождали от нее, видя в них надежный резерв пополнения ремесленной массы горожан, а рыцарей принимали на военную службу. В XIII в. численность населения Милана и Венеции превышала 100 тысяч человек. Число жителей Флоренции выросло на протяжении этого столетия с 20 до 95 тысяч человек. Болонья, Палермо и ряд других городов имели около 50 тысяч жителей. Среди различных областей Италии особенно высоким процент урбанизации был в Тоскане, в Центральной Италии. К концу XIII в. он составил 26,3%. Другие страны Западной Европы приблизились к такому высокому уровню урбанизации лишь в XV в., да и то не повсеместно.

Одной из причин быстрых темпов увеличения городского населения в Италии было уверенное возрастание экономической мощи городов, начавшееся уже в X–XI вв. Первыми поднимались к активной торговой жизни морские порты – Генуя, Пиза, Венеция, Амальфи, Бари, ставшие главными посредниками в торговле Западной Европы с Ближним Востоком. Немало способствовали этому их давние связи с Византией. Оживлялись и межгородские торговые контакты на Апеннинском полуострове. Они давали толчок специализации ремесленного производства, сосредоточению усилий того или иного города на ведущей для него продукции. Этот процесс стимулировала и внешняя торговля, которая шла не только через морские порты, но и через альпийские перевалы. Результаты специализации принесли многим городам Италии европейскую известность. Милан славился оружейным делом. Лукка вывозила тонкие сукна, изготовлявшиеся из привозной – испанской и французской шерсти. Венеция поставляла на внешний рынок изделия из стекла, бархат, парчу и соль, которую издавна добывали в лагуне. В XIII в. в число интенсивно развивающихся городов вошла Флоренция, наладившая сначала окраску и отделку привозных грубых сукон, а затем и собственное сукнодельческое производство. Крупные масштабы приобрело кораблестроение в Венеции, Генуе, Пизе. Итальянские суда перевозили на Ближний Восток крестоносцев, что оказалось весьма прибыльным занятием.

Энергичная экономическая деятельность итальянских городов принесла им значительные богатства уже к середине XII в., что во многом обеспечило их успех в борьбе с сеньорами за право самоуправления.

Движение за установление в городах политического строя коммуны, за обретение административной, судебной и финансовой независимости от графа или епископа, обладавших в городе всей полнотой власти, развернулось в Италии в XI–XII вв. В подавляющем большинстве областей, если не считать некоторых альпийских районов, это движение завершилось утверждением в городах коммунального правления. В политическом развитии итальянских городов этот этап борьбы за коммуну оставил яркий след и оказал определяющее воздействие на формирование в дальнейшем городской государственности.

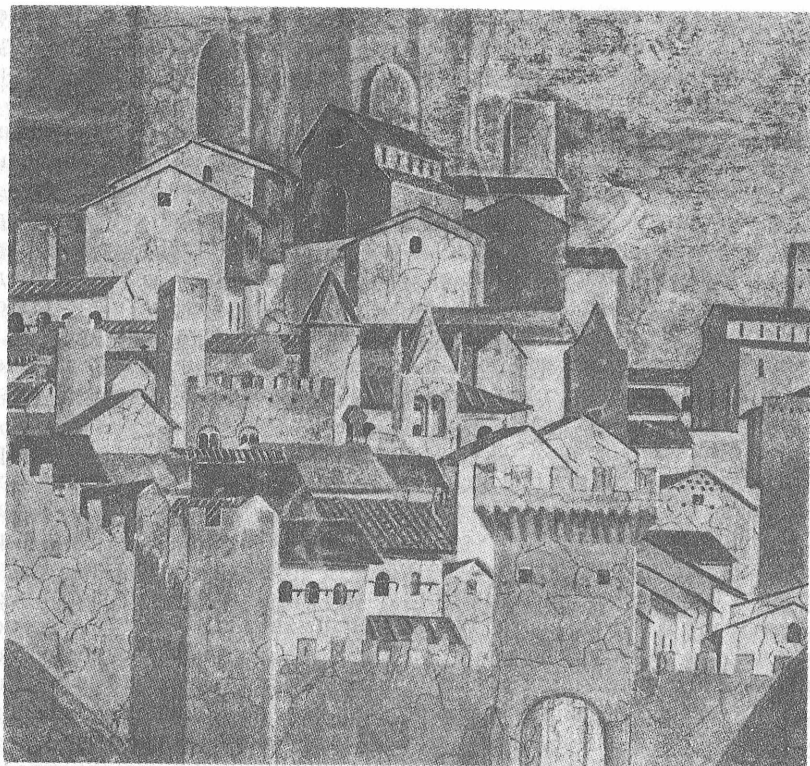
Юридически статус коммуны жаловался хартией немецкого императора – главы Священной Римской империи – как верховного сюзерена большей части земель Северной и Центральной Италии, хотя в ряде случаев в условиях борьбы империи и папства – двух универсалистских сил Европы – свободу предоставляли городам и папы. Этим подчеркивалось сохранение города-коммуны (бурга или иного городского поселения) в системе феодальных связей. Император передавал властные полномочия, принадлежавшие сеньору города, самим горожанам. Коммунальная хартия, как правило, оказывалась итогом длительной и, порой, весьма ожесточенной борьбы городов с сеньорами. Так, в Милане в 30–70-е годы XI в. произошло несколько восстаний, направленных против власти архиепископа и его курии, в которой была представлена городская феодальная аристократия. Миланцы стремились установить коммуну во главе с избираемыми консулами. Движение отличалось широким социальным спектром участников – от купечества и знати до городских низов. Хотя отдельные группы горожан преследовали в ходе движения не только общие, но и свои собственные цели, их объединяло стремление к обретению свободы от засилья в городе феодальной аристократии, опиравшейся на верховную власть архиепископа. Движение за коммуну сомкнулось в Милане с борьбой за церковную реформу: недовольство широких слоев города вызывало обмирщение церкви, рост ее богатств, отход от раннехристианских нравственных принципов. Объединение сторонников реформы церкви получило название “патария” Коммуна была провозглашена в Милане в 1098 г., но правление консулов утвердилось лишь к 1117 г. Коллегия консулов избиралась от трех групп населения – богатого купечества, а также вальвассоров и капитанов, т.е. рыцарей и средних феодалов. Капитаны приобрели в городе авторитет как руководители военных отрядов восставших горожан. Исполнительная власть в Милане перешла в руки консулов, позиции архиепископа в сфере светской власти резко ослабели, а успехи патарии привели к конфискации значительной части церковных имуществ.

Каждый город шел к независимости своим путем. Горожане прибегали не только к вооруженной борьбе, но и широко использовали мирные сделки с епископами или графами – выкуп в свою пользу административных, судебных и финансовых прав. От обретения свободы выигрывала прежде всего городская верхушка – знать и крупное купечество: они получали доступ к решению важных вопросов налогообложения, сбора пошлин, общей политики города и т.д. Средние слои горожан также выигрывали от более широкой возможности экономического разви-

тия города-коммуны и постепенно утверждавшегося в городском законодательстве принципа юридического равноправия (к примеру, в статутах Милана вводился теперь равный штраф за нанесение ущерба нобиллю и пополану).

Уже в первые десятилетия XII в. статуса коммуны добились многие города – Милан, Генуя, Падуя, Кремона, Феррара, Пиза, Сиена, Флоренция, Болонья и другие, менее крупные. Примеру городов следовала и деревенская округа: начали складываться сельские коммуны в рамках одного или нескольких поселений. Сельские жители, стремившиеся к административной и хозяйственной самостоятельности, находили поддержку против своих сеньоров у городских коммун. Позже, в XIII в., города-коммуны Северной и Центральной Италии, уже превратившиеся в независимые государства, резко изменили свою политику по отношению к сельской округе, тесно увязав свою позицию с новыми насущными экономическими и политическими интересами.

Во второй половине XII в. многим городам Италии пришлось выдержать решительное наступление на их свободы германского императора Фридриха I Гогенштауфена, прозванного Барбароссой. В течение 22 лет (1154–1176) он предпринял несколько военных походов против непокорных коммун Северной Италии, которые с оружием в руках упорно отстаивали права самоуправления. Вступив в 1154 г. с войском в Ломбардию, Фридрих I потребовал от городов реализации своих верховных прерогатив, что существенно ущемляло их судебную-административную независимость и финансы. Встретив решительный отказ со стороны Милана, император разрушил несколько подчиненных городу небольших коммун. В 1158 г. он созвал совет (Ронкальский сейм) из представителей ломбардских городов и знати, куда были приглашены и четыре известных болонских юриста. Совет поддержал мнение юристов, ссылавшихся на Кодекс Юстиниана, о правомочности претензий императора на регалии и судебную власть. Однако большинство коммун Ломбардии отказалось подчиниться решениям совета. Первый же город, оказавший сопротивление, – им стала героическая Крема – был разрушен по приказу императора. Столь же решительно и жестоко Фридрих I действовал в 1161–1162 гг., осадив, а затем и разрушив Милан. Такая политика толкнула большинство городских коммун на союз с папой Александром III. В 1167 г. была создана Ломбардская лига, объединившая крупнейшие города Северной Италии: Милан, отстроенный на средства самой лиги, Венеция, Падуя, Верона, Бергамо, Мантуя, Кремона и ряд других. К началу нового похода Фридриха I в Италию (1174) в Ломбардскую лигу входило уже 37 городов. В битве при Леньяно в 1176 г. император потерпел поражение от городского ополчения, выдвинутого лигой против его войска. Заключенный в 1183 г. мир в Констанце юридически закрепил победу городов. Признав суверенитет императора, его право высшей юрисдикции, постоя и формального утверждения консулов коммуны, города, в свою очередь, приобрели чрезвычайно широкие полномочия: право избирать магистратов, чеканить монету, осуществлять суд, иметь собственное войско, объявлять войну и заключать мир. Фактически городские коммуны Северной и Центральной Италии получили статус не-

Пьеро делла Франческа. Ареццо.

Фрагмент стенной росписи в базилике Св. Франциска

зависимых государств. Используя соперничество папства и Германской империи и опираясь на собственные богатства и солидарность – пусть временную – в борьбе с общим врагом, итальянские города одержали беспрецедентную в феодальном мире Европы XII в. и притом весьма убедительную победу. К концу XIII в. на базе городов-коммун в этой части Апеннинского полуострова сложилось около 70 самостоятельных городов-республик – явление уникальное в политическом развитии европейских стран.

В Центральной Италии исключение составили Рим и другие города Папской области – теократического государства, в котором все попытки городов установить коммунальное управление с широкими полномочиями решительно подавлялись. Первая попытка создать коммуну в Риме была предпринята в 1143 г. Восставший народ в союзе с рыцарством захватил главные магистратуры и провозгласил республику. Лишь с помощью Фридриха I Барбароссы папе Адриану IV удалось в 1155 г. ликвидировать римскую республику. Новой попыткой римлян обрести права самоуправления стало республиканское движение во главе с Кола ди

Риенцо в 1347 г. Власть в городе перешла к пополанству, но к концу этого года папе и римской знати удалось вернуть свое господство; все республиканские институты были уничтожены.

Иной, чем на севере, оказалась и судьба городских коммун в Южной Италии. В XI в. города здесь также пользовались значительными правами самоуправления, но их положение изменилось после завоевания этой части Италии норманнами во второй половине XI в. и образования в 1130 г. Сицилийского королевства. В условиях жесткой централизаторской политики, которую начали проводить норманнские короли, даже экономически могущественные города – Неаполь, Палермо, Амальфи, Бари, не говоря о более мелких, – к концу XII в. утратили свои вольности. Судебные и финансовые права городов были резко ограничены, а высшая административная власть перешла к назначаемому королем чиновнику.

В отличие от юга города-коммуны Северной и значительной части Центральной Италии (кроме Папской области) пошли по пути не только укрепления своей самостоятельности, но и формирования государственности республиканского типа с принципами демократического устройства, которые имели, однако, достаточно узкий характер, не охватывая большую часть населения города – его малоимущий рабочий люд. Политическое развитие городов-коммун прошло несколько стадий в период с XI по XV в. С конца XI до начала XIII в. для большинства городских коммун был типичен этап консульского правления. Законодательная власть тогда принадлежала, как правило, двум советам – Большому (или Генеральному) и Малому (креденца). Исполнительная власть находилась в руках коллегии консулов, число которых колебалось от 2 до 20 в разные годы и в разных городах. Избирательное право имело не все население коммуны. Его получали лишь те нобили, рыцари, купцы, ремесленники, которые активно участвовали в движении за городские свободы и давали клятву на верность коммуне. Соответствующие права сохранялись за их потомками. В борьбе с враждебными коммуне феодалами, которая нередко перерастала в вооруженные столкновения, городским ополчением обычно предводительствовали нобили среднего ранга или рыцари-капитаны, вальвассоры. Они играли заметную роль в коммуне. Главные плоды победы городов над сеньорами достались, однако, не рыцарям, не купцам, и тем более не ремесленникам, а городской аристократии. В управлении коммуной участвовали преимущественно представители этого социального слоя. Нобили жили в городах семейными кланами, возводили в городских стенах дома-башни крепостного типа, имели вооруженные дружины. Постепенно включаясь в торгово-финансовое предпринимательство, нобили оказывались тесно связанными с крупным купечеством, обрастали клиентелой из средних слоев пополанства. В городах-коммунах именно урбанизированная феодальная аристократия быстро начинала задавать тон, оказывалась широко представленной в основных городских магистратурах. В XII в. сложился тип аристократической коммуны, где знать оттеснила не только торгово-ремесленную часть населения города, но и средних нобилей и рыцарей. Сама же структура власти даже в этих случаях формировалась в республи-

канско-демократическом русле. Члены советов и консулы избирались на общем сходе коммуны (аренго, парламенто) сроком на несколько месяцев. По истечении полномочий магистраты должны были публично отчитаться о своей деятельности. Не позволялось немедленное переизбрание на следующий срок: вновь занять место в совете или среди консулов можно было лишь после определенного перерыва. Законы предусматривали ряд мер, чтобы воспрепятствовать усилению единоличной власти. Вся эта система сложилась в результате борьбы различных политических сил и интересов.

Стремление влиятельных аристократических кланов, в том числе и противостоящих друг другу, воспользоваться формировавшейся системой управления для обретения господства в городе на долгие десятилетия определило атмосферу его политической жизни. Оказавшиеся у кормила власти магистраты (кстати, они получали жалование) преследовали, как правило, собственные клановые и групповые интересы, лишали противников возможности вмешиваться в государственные дела, а порой под благовидным предлогом изгоняли их из города, обвинив в преступлениях против свободы.

Термин “свобода” (*libertas*) означал права коммуны, зафиксированные в ее конституции – статутах. Они регулировали самые разные стороны городской жизни: от прав граждан и обязанностей магистратов до вопросов благоустройства. Официальная запись статутного права городов относится к XII–XIII вв. Оно аккумулировало предшествующую правовую традицию, идущую от римского и варварского обычного права, и содержало законодательный корпус эпохи коммуны. Каждая новая редакция городских статуты дополнялась постановлениями, принятыми коммуной за десятилетия, прошедшие со времени первой записи. Городское законодательство юридически не дифференцировало граждан: ими были жители города, уплачивавшие налог с собственности. Соблюдение законов было обязательным для всех жителей города, но политическими правами пользовались только граждане. Законы коммуны ставили преграды поползновениям отдельных лиц к установлению единоличной власти, что, однако, не ослабляло политических амбиций влиятельной городской верхушки.

История многочисленных городов-государств Италии в XIII–XIV вв. убедительно показывает, что в борьбе за власть компромиссы между соперничавшими группировками знати и крупного купечества практически почти не имели места, каждая из них упорно пыталась одержать полную победу над конкурентами. К тому же на участие в управлении претендовали не только нобили, но и пополанство. В результате обстановка социальной напряженности стала постоянным фоном политической жизни итальянских городов на протяжении нескольких столетий. Она оказала сильное влияние на эволюцию их государственной системы.

Новым, после консульского правления, этапом политического развития городов-коммун стало время правления подеста: конец XII – середина XIII в. Оно совпало с обретением городами Северной и Центральной Италии полной независимости и превращением их в города-республики. Накопленный коммунами политический опыт, внутригородская

борьба и внешние конфликты имели результатом определенную переустройку прежней системы управления городом. Исполнительная власть от консулов перешла к подеста (от лат. *potestas* – власть). Подеста был чужеземцем рыцарского звания, приглашенным на службу в городе со своим вооруженным отрядом. Его призывали только на один год, он получал от коммуны солидное жалование и выполнял, помимо административных, всю совокупность полицейских функций. Поскольку он был чужеземцем, предполагалось, что ему будут чужды политические пристрастия в городе, которые оказывались неизбежными для его граждан. Деятельность подеста регулировалась особым статутом, его контролировали специально назначенные для этого городские советники, а по окончании срока он представлял подробный отчет о службе. Коммуна бдительно следила, чтобы власть подеста не переросла в военную диктатуру.

Введение должности подеста не привело, однако, к социальной стабилизации в городе, хотя число вооруженных стычек на улицах поутихало. Город по-прежнему жил в атмосфере не утихающей борьбы за представительство в советах, обладавших законодательными полномочиями, и других высших магистратурах. Участие в органах власти означало возможность влиять на решение вопросов налогообложения, взимания пошлин и других проблем, затрагивающих не только имущественные интересы, но и каждодневный порядок жизни всех слоев горожан. В борьбу за власть решительно включились “жирные” пополаны – богатое купечество, а в XIV в. и ремесленные слои пополанства. Политическое соперничество протекало под партийными знаменами гвельфов и гибеллинов – сторонников папы и сторонников императора. Эти группировки – “партии” сложились еще в пору борьбы городов за независимость во второй половине XII в. Они включали представителей не только нобилитета, но и пополанства, а в период обострения конфликтов между ними как гвельфам, так и гибеллинам удавалось порой привлечь на свою сторону и плебс, который довольствовался временными подачками от победителей. За партийными вывесками гвельфов и гибеллинов скрывались самые различные социальные интересы, хотя поляризация сил в ходе открытых, как правило, вооруженных конфликтов, оказывалась достаточно четкой: с одной стороны – нобилитет и связанная с ним родственными и деловыми узами часть купечества, “жирного” народа, с другой – народ (пополо), средние торгово-ремесленные слои. По сути в XIII в. когда практически во всех городах бушевали гвельфо-гибеллинские страсти, борьба шла за превращение аристократической коммуны в пополанскую, более демократическую. В классических формах эти два типа городской демократии сложились во Флоренции и в Венеции. Первая стала к концу столетия пополанской республикой, Венеция к началу XIV в. окончательно оформилась как олигархическая, патрицианская республика. В других крупных городах существовали смешанные формы правления, к власти в тех или иных масштабах были допущены и представители пополанства, преимущественно его верхушки.

Демократия итальянских городов-государств – яркое, уникальное явление, особенно на фоне господства монархических властей в Европе.

Эта демократия имела ряд достоинств, выгодно отличавших итальянские города-республики от систем муниципального управления, сложившихся в других странах, а также в Южной Италии. Сходными с итальянскими были права вольных (или имперских) городов Германии, а также некоторых городов на юге Франции. Формально в итальянских республиках избирательным правом пользовались граждане, обладавшие собственностью и платившие налоги. Граждане составляли лишь малую часть населения города. В их число не входили малоимущие, рабочий люд, слуги, нищие. Избирательное право часто ограничивалось, к тому же, обязательной принадлежностью к какому-либо цеху, притом предпочтение отдавалось “старшим” цехам, а не “младшим”. К первым причисляли обычно цехи мясн, аптекарей, суконщиков, шелкоткачей, ювелиров и ряд других, к “младшим” – корпорации мясников, булочников, сапожников и т.д. В некоторых городах избирательного права лишали представителей нобилитета, особенно в тех случаях, когда верх одерживали пополаны.

Важной чертой городской демократии была краткосрочность магистратур (от 2 до 6 месяцев), невозможность постоянно занимать какую-либо должность. С годами возрастало число магистратур – всевозможных комиссий, занимавшихся вопросами торговли, военными и судебными делами и т.д. Увеличивался численный состав советов, в целом от 200 до 500 членов. Все это позволяло десяткам сотен граждан ежегодно участвовать в управлении государством, что было особенно важно, учитывая крупные масштабы итальянских городов. Рамки городской демократии, доступной прежде всего городской верхушке, могли расширяться в итоге социальной борьбы, когда доступ в главные магистратуры получали и рядовые ремесленники. Во второй половине XIII в. пополаны одержали окончательную победу в Милане, Парме, Болонье, Падуе, Перудже, Флоренции и ряде других городов. Эта победа доставалась нелегко и не сразу, нередко были случаи аристократического реванша. И все же цехам удавалось посылать своих представителей в Совет коммуны, иногда действовали два подеста – от гвельфов и гибеллинов. Но главным итогом политического успеха торгово-ремесленного социального слоя стало расширение рамок городской демократии. Старые магистратуры не упразднялись, но дополнялись новыми: наряду с Советом коммуны (Большим советом), где традиционно заседали представители нобилитета и части купечества, с усилением пополанства стали избирать Совет народа. Он состоял уже только из представителей купечества и цеховых мастеров. Возникла и новая структура пополанской власти: капитан народа с военно-административным штатом, сначала разделявший полицейские функции с подеста, а затем и вытеснивший должность последнего, когда разрушился установившийся при двух главах исполнительной власти баланс сил.

Политическая эволюция городских республик особенно наглядно видна на примере Флоренции. XII век в ее истории прошел под знаком непримиримой борьбы с окрестными феодалами, которые сбором пошлин ставили преграды ее экономическому росту. Большинство замков в округе было разрушено флорентийцами, а семейства нобилей прину-

дительно переселены в город. Здесь начали вырастать дома этой знати: многоэтажные башни-крепости, которые отнюдь не свидетельствовали о покорности их владельцев власти коммуны. Как и повсюду, во Флоренции сложились две партии: гвельфов и гибеллинов. Под знаменами гвельфов объединились рыцари и пополаны, участвовавшие в вооруженной борьбе с нобилиями. Партию гибеллинов сформировала часть нобилей, в противовес папской ориентации гвельфов, искавшая поддержку у германского императора. В 1250 г. во Флоренции была принята первая в истории городских республик пополанская конституция и провозглашена “малая коммуна”. Наряду с подеста и возглавляемым им Советом коммуны были созданы два новых государственных органа: один объединял “12 старейшин флорентийского народа”, другим стал Совет народа. Оба избирались только от цехов. Возникла и должность капитана народа, разделившего с подеста военную и судебную власть. Гибеллины были изгнаны из города, которым правили теперь пополаны. Однако, в 1260 г. в битве при МонтAPERти гибеллины, опиравшиеся на помощь императорского войска, нанесли сокрушительное поражение своим противникам. Пополанская конституция и власть народа были уничтожены. Лишь в 1282 г. гвельфам удалось вернуть пополанское правление, которое приняло теперь новую форму. Законодательная власть по-прежнему принадлежала Совету коммуны и Совету народа (в целом в них представители цехов преобладали над нобилиями), а высшая исполнительная власть перешла к приорату – коллегии из шести приоров, представителей от трех старших цехов, именовавшейся “Синьорией”. Новая государственная система, закреплявшая господствующее положение пополанства, получила официальное название “*Florentina libertas*”. Она была законодательно оформлена принятием в 1293 г. новой конституции – “Установлений справедливости”. Нобили были отстранены от участия в высших органах власти и лишены гражданских прав – ими обладали теперь во Флоренции лишь члены цехов. Впрочем, путь в цехи не был закрыт для знати: многие представители ее вступали в старшие цехи (таких было 7 из общего числа 21), получали избирательные права и могли затем оказаться выбранными на высшие должности в республике. Процесс сближения нобилитета и пополанства в рамках цеховых корпораций подкреплялся родственными узами и деловым сотрудничеством в финансовых операциях, сукноделии, производстве шелковых тканей и т.д. Границы между этими социальными слоями размывались; в XIV в. возобладала тенденция к утверждению единого для них пополанского статуса, чему способствовало законодательство: оно обязывало фамилии нобилей перейти в разряд пополанских.

XIV век стал временем расцвета пополанской демократии во Флоренции. Гарантом ее считалась должность гонфалоньера (знаменосца) справедливости, главы Синьории. Как и остальные ее члены, – теперь Синьория состояла из девяти приоров, – гонфалоньер избирался сроком на два месяца и имел широкие полномочия. Синьория принимала законы, которые подлежали утверждению в Совете коммуны и Совете народа. Члены обоих советов находились в должности 4 месяца. Частая ротация высших магистратур позволяла в течении года многим сотням граж-

дан участвовать в управлении государством. Однако явное преимущество имели члены семи старших цехов – их представители по закону 1387 г. могли занимать три четверти всех магистратур, а 14 младших цехов – лишь одну четверть. Таким образом, власть прочно держали в своих руках “жирные” пополаны, экономически могущественные купеческие фамилии, давно сроднившиеся с нобильскими домами. Решительная попытка средней торгово-ремесленной массы горожан расширить представительство младших цехов в органах власти, предпринятая в ходе восстания чомпи 1378 г., успехом не увенчалась. Это восстание отличалось от многих других городских восстаний в Италии и за ее пределами ярко выраженным политическим характером. Восстание, вовлекшее в свои ряды не только мелких ремесленников и торговцев, но и чомпи – наемных рабочих сукнодельческих мануфактур Флоренции, выдвинуло наряду с экономическими и политические требования: создать три новых цеха, увеличить представительство младших цехов в главных магистратурах. Бурные события лета 1378 г. сопровождались разрушением дворцов “жирных” пополанов, резким обострением активности обездоленных городских низов. В целом восстание чомпи отличалось мало свойственной народным движениям той поры организованностью и, главное, – настойчивым стремлением участников восстания добиться политической цели: расширения рамок пополанской демократии Флоренции. Восстание было жестоко подавлено, но наряду с другими факторами, оно способствовало тому, что Флорентийская республика встала на путь усиления олигархии.

В последние два десятилетия XIV в. участие среднего слоя граждан в управлении государством было сведено к минимуму, а в среде правящей верхушки в конце XIV – первые десятилетия XV в. резко обострилась борьба за власть. Наиболее влиятельные, богатейшие купеческие фамилии – Альберти, Уццано, Альбици, Медичи – стремились к безраздельному господству своих партий, подкупали сторонников, изгоняли из города противников. В 1434 г. победу одержали Медичи, на многие десятилетия установившие свою реальную власть во Флоренции, не занимая при этом никаких постов в главных магистратурах и формально сохраняя ее республиканские институты. Флорентийская государственность прошла, таким образом, длительную эволюцию от аристократической коммуны, через цеховую пополанскую демократию к олигархической республике и фактической синьории Медичи, в середине XVI в. уже юридически ставших правителями государства – Великого герцогства Тосканского.

Подобную эволюцию пережили многие итальянские города, где на определенном этапе борьбы с нобилитетом пополанство одерживало верх, но затем само оказывалось подверженным олигархическому переждению, которое неизбежно вело к утверждению новой формы правления – синьории. Установление синьориального правления во многих городах происходило во второй половине XIII – первые десятилетия XIV в. и знаменовало новый этап в их политическом развитии. Первым шагом к единовластию синьора становилось расширение полномочий капитана народа, командовавшего городским ополчением. Усиление власти капи-

тана народа, призванного охранять интересы пополанства, стало возможным в условиях не прекращавшейся на протяжении всего XIII в. борьбы партий и группировок, причем не только между традиционно враждующими нобилиями и купечеством, но теперь и внутри пополанской верхушки. Капитан и приданные ему отряды оказывались единственной силой, способной умирять страсти и восстанавливать в городе необходимое социальное равновесие. Приобретавших авторитет городских военачальников провозглашали синьорами города, при этом сохранялась должность подеста. В конце XIII в. в Милане, Падуе, Мантуе, Вероне капитаны народа были объявлены бессрочными синьорами, а в первой половине XIV в. власть синьора стала наследственной. Не ликвидируя демократические институты, синьоры, как правило, стремились умалить их роль, присваивая все новые властные полномочия. Иногда синьором города провозглашали кого-либо из влиятельных нобилей, если соотношение сил было не в пользу пополанства. Так в Ферраре в 1264 г. синьором был избран представитель гвельфского феодального рода д'Эсте (партию гибеллинов здесь составляло крупное купечество), которому были предоставлены широкие права, включая издание статуты и назначение магистратов. К середине XIV в. многие города-республики Северной и Центральной Италии приобрели новый государственный статус, республиканский строй уступил место синьории, единоличной власти наследственного правителя. В Милане утвердился синьория Висконти, в Ферраре – д'Эсте, в Мантуе – Гонзага, в Падуе – Каррара, в Вероне – рода Скалигеров. Таким образом, на этом новом этапе политической эволюции городов-государств Северной и Центральной Италии наряду с собственно республиканской сложилась особая форма государственности, близкая к монархии, но с республиканскими институтами.

В XIV в. в ряде крупных городов республиканская форма правления сохранилась в прежнем виде. Кроме Флоренции, это были Генуя, Венеция, Пиза, Лукка, Сиена, Болонья. В них утвердился власть купеческой верхушки, сроднившейся с феодальной аристократией. Классические черты олигархической республика приобрела в Венеции. Со времени возникновения в V в. Венеция имела особый статус островной коммуны: от каждого из островов ее жители избирали трибунов и единого для всех островов дожа (герцога). Институт дожа сохранялся в Венеции на протяжении всего Средневековья (и позднее, вплоть до конца XVIII в.), хотя порядок его избрания и реальные полномочия менялись. К концу XII в. высшим органом власти в коммуне стал Большой совет; несколько сот его членов избирались из граждан города сроком на один год, и выборы дожа стали только его прерогативой. В XIII в. постепенно сокращалось число граждан, обладавших правом избирать и быть избранными в Большой совет. В 1315 г. произошло замыкание Большого совета: в “Золотую книгу” были занесены имена граждан, пользовавшихся исключительным правом выбора в этот орган власти. Полноправными гражданами Венецианской республики в результате стали лишь 2000 патрицианских семейств, часть нобилитета, составлявшая небольшой процент всего населения города. Они передавали свои права по наследству. Олигархическую эволюцию претерпела и исполнительная власть. В XIII в.

она принадлежала Малому совету, а с созданием в 1310 г. еще и Совета десяти перешла фактически к нему. Члены Совета десяти избирались Большим советом сроком на один месяц, остальные магистратуры – также из состава Большого совета – сроком на год. Все остальное население города, кроме внесенного в “Золотую книгу”, было лишено политических прав и не имело доступа к магистратурам.

Власть дожа, ограниченная сначала Малым советом, а затем Советом десяти, постепенно лишалась реальной основы, превращаясь в пышную декорацию. Попытки сделать ее наследственной и более полновесной оканчивались неизменным провалом. Не увенчались успехом и порой весьма решительные действия торгово-ремесленного слоя и отстраненной от кормила правления части нобилитета, направленные на разрушение существующей государственной системы. Олигархия торжествовала, подкрепляя свои позиции изощренной пропагандой: идеалом государственности объявлялась присущая Венецианской республике система “смешанного” правления: дож (единовластие), Малый совет и Совет десяти (олигархия), Большой совет – демократия. В рамках Большого совета, насчитывавшего в разные периоды от двух до трех тысяч членов, неукоснительно действовала сложная, многоступенчатая процедура выборов всех ступеней государственной иерархии, практически исключавшая какие бы то ни было махинации, а значит и складывание группировок с их эгоистическими интересами. Служение государству возводилось в среде венецианцев в ранг высшей нравственной категории. Патриотизм, верность интересам Венецианской республики всемерно культивировались не только в среде жителей метрополии, но и в подчиненных заморских территориях, хотя ни о каком равноправии тех и других не было и речи. Венецианская историография настойчиво обосновывала изначальность республиканских основ города, их совершенствование во времени, подчеркивала их небывалую устойчивость, незыблемость в веках. Торжественные процессии, красочные и пышные, в которых строго по чину выстраивалась вся государственная иерархия (во главе – дож, далее – члены советов, различных институтов исполнительной власти и т.д.), призваны были наглядно подчеркнуть величие и мощь Венецианской республики. Этим же целям служили специальные декорации и убранство зданий, общий архитектурный фон празднеств: грандиозный собор св. Марка, покровителя Венеции, высившийся над центральной площадью города, изысканный по красоте Дворец дожей. Культ государства приобрел в Венеции наиболее законченные и изощренные формы и был предметом пристального внимания, зависти и попыток подражания других итальянских государств.

Нельзя сказать, однако, что в прославлении собственных политических порядков Венеция была исключением. Каждый итальянский город, начиная с эпохи утверждения собственных коммун, стремился к самовосхвалению, пропаганде патриотических идей, к подчеркиванию своих хозяйственных, политических, градостроительных достоинств и нравственного совершенства его обитателей. Об этом свидетельствуют городские хроники XII–XIII вв. Милана, Флоренции, Генуи, Падуи и других городов-республик. В Италии рано стали придавать значение престижу го-

рода, достигнутому за счет величественности, красоты, общественной пользы его архитектурных сооружений, свидетельств богатства, трудолюбия, мастерства его жителей. Особенно важное значение придавалось обустройству центральных площадей города: наряду с грандиозными храмами в романском стиле в XII–XIII вв. возводились и величественные здания коммунальной администрации – дворцы советов коммуны, подеста, капитана народа и другие сооружения, отражавшие своеобразие политической судьбы города.

Завершающий этап в политическом развитии средневековых городов Италии охватывает период с середины XIV до конца XV в., когда шел интенсивный процесс превращения наиболее могущественных из них в крупные территориальные государства. Особую активность в расширении своих владений, которые уже в XIII – начале XIV в. выходили за пределы округа – дистрикто и включали небольшие соседние коммуны, проявляли Милан, Венеция, Флоренция. Вместе с Папским государством и Неаполитанским королевством они в XV в. вошли в состав пяти наиболее значительных итальянских государств. Столкновение их интересов на полуострове часто переходило в войны, которые приносили, как правило, лишь временный успех какой-либо из сторон. Милан и Венеция оспаривали друг у друга власть над городами Ломбардии; Венеция боролась с Папским государством за господство в Романье; Флоренция, шаг за шагом присоединявшая к своим владениям небольшие городские коммуны Тосканы, обрела ярого врага в миланском герцоге Джангалеаццо Висконти, который в конце XIV в. начал успешную завоевательную политику в этой области. Флоренция стала лидером общеитальянского сопротивления экспансии Милана. Военные действия сопровождались нагнетанием с обеих сторон пропагандистского шума: окружение герцога заверяло покоряемые им города, что он несет Италии мир, а власти Флоренции утверждали в ответ, что истинная цель Джангалеаццо – стать господином всей страны. К 1400 г. перевес сил оказался на стороне герцога, которому удалось подчинить многие города не только в Ломбардии, но и в Тоскане: Пиза, Лукка, Сиена признали его власть. Летом 1402 г. положение Флоренции стало критическим: войска Джангалеаццо окружили город. Спасла его смерть герцога во время эпидемии чумы, охватившей его войско. В первые десятилетия XV в. владения Миланского герцогства резко сократились, охватывая теперь лишь небольшую часть Ломбардии, окружавшую город Милан. Падуя, Верона, Виченца, Кремона и многие другие города Северной Италии вошли в состав Венецианской республики (по миру с Миланом в 1454 г.), что сделало ее одним из самых крупных государств Италии: Венецианской республике принадлежали также территории на побережье Далмации, многие острова в Средиземном море и ряд других земель. Флоренция в XV в. продолжала расширять свое господство в Тоскане. В 1406 г. ей удалось подчинить Пизу и получить, таким образом, давно желанный выход к морю.

Формирование крупных территориальных государств на базе ведущих городов-республик сопровождалось централизаторскими мерами, которые особенно заметными были в Миланском герцогстве. Судебно-

административная власть в подчиненных городах передавалась в руки назначаемых правителем Милана чиновников; Флоренция посылала на места избравшихся из числа ее граждан подеста. Делались шаги к унификации законов, финансовой и военной системы, но главным направлением политики Милана, Венеции, Флоренции на завоеванных территориях было получение доходов с них в виде налогов, содержания военных крепостей, разных платежей.

Централизаторская политика продолжалась и в XVI в., так и не выйдя за пределы локальных рамок. В масштабах всей Италии единое государство в Средние века не сложилось, но политический партикуляризм страны имел неоднозначные последствия. В частности, многообразие государственных форм и обилие политических центров в средневековой Италии, бесспорно, позитивно сказалось на ее культурном развитии. В XIV–XV вв. Италия стала лидером в формировании культуры Возрождения в Европе. Средневековый и ренессансный город Италии в полной мере осуществил свою важнейшую функцию организации цивилизационного процесса. Это оказалось возможным не в последнюю очередь благодаря огромным материальным богатствам, накопленным итальянскими городами. Именно в них зарождались новые формы ремесленного производства (мануфактуры), организации торговли (компании) и финансовых операций (банки, векселя, двойная бухгалтерия).

Экономическому могуществу итальянских городов во многом способствовало выгодное географическое положение страны на перекрестке путей между Европой и странами Ближнего Востока. Это придавало особый вес посреднической торговле и открывало широкие рынки для собственных товаров Италии. Сказались и давние торгово-политические связи городов Южной Италии, Венеции, Генуи с Византией. Немаловажную роль в обогащении итальянских городов сыграли крестовые походы. Итальянцы их щедро субсидировали, получая взамен не только огромные деньги, но и торговые привилегии на Ближнем Востоке. Раннему оживлению и последующему развитию ремесла и торговли помогало также то важное обстоятельство, что папский Рим был центром европейского католицизма. Сюда, как и в ряд других городов Италии, стекались ежегодно тысячи паломников, оставлявших и в этих центрах, и в городах, расположенных на привычных путях пилигримов, немалые средства. Рост городских богатств во многом зависел и от эксплуатации деревни. Уже в XI–XII вв. шел процесс подчинения городами сельской округи. Позже, в XIII–XIV вв., города, сломившие сопротивление крупных феодалов, сами активно превращались в новых феодальных собственников земель. И коммуна, и отдельные горожане, причем не только состоятельные купцы, но рядовые ремесленники, приобретали в дистретто как комплексные хозяйства (подере), так и мелкие монокультурные участки (парцеллы), насаждая систему свободной аренды. С этой целью, нередко на основе законодательства, как поступала, например, Болонья, города освобождали крестьян от личной зависимости, связанной со статусом сервов, колонов и некоторых других категорий сельских работников. Если в пору коммунального движения города поддерживали возникновение сельских коммун, то уже в XIII в. начался про-

цесс их подчинения властям города, причем не только в политическом плане, но и экономически. Город начал вмешиваться в вопросы агрикультуры, ориентируя деревню на выгодную ему хозяйственную специализацию (разведение виноградников, оливковых рощ, технических культур и т.д.). Сельскохозяйственная продукция обеспечивала город продовольствием (многие рядовые горожане кормились со своих небольших земельных владений), снабжала сырьем ремесленное производство, порой широко экспортировалась. Освободившееся от личной зависимости крестьянство, которое подвергалось естественной имущественной и социальной дифференциации в условиях рыночных отношений, активно пополняло массу рабочего люда города. Полновластие города в сельской округе, нередко становившейся достаточно обширной в ходе складывания территориальных государств, надежно обеспечивало его благосостояние и создавало благоприятные условия для развития его экономики. Наконец, нельзя не отметить чрезвычайно широкие внешнеторговые связи ведущих итальянских городов с большинством стран Европы и Ближним Востоком. Итальянские купцы были и главными кредиторами коронованных особ и феодальной знати европейских стран.

Все отмеченные факторы обусловили более раннее, чем в остальной Европе, развитие раннекапиталистических отношений в ведущих, связанных с внешними рынками отраслях производства – в сукноделии, шелкоткачестве, кораблестроении. В ткацком деле уже в XIV в., прежде всего во Флоренции, складывалась смешанная мануфактура: рассеянная, с централизацией отдельных производственных звеньев. Она функционировала в рамках цеха, что было ее важной отличительной чертой, предопределившей впоследствии застойность ее форм и технологического прогресса. Сукнодельческие и шелкоткацкие мануфактуры не только во Флоренции, но и в Милане, Венеции, Лукке, Прато, некоторых других городах еще слабо отличались от разных форм подчинения ремесла торговому капиталу. Их основателями выступали компании, получавшие разрешение от цеха и объединявшие капиталы нескольких участников, среди которых, как правило, были крупные купеческие дома, включавшие готовые ткани в свои торговые операции. Купеческий капитал находил комплексное применение – в торговле, промышленном предпринимательстве и финансовых операциях, что приводило к созданию огромных состояний. Крупные купеческие дома Флоренции, Милана, Венеции, Генуи, других городов имели огромные, по европейским масштабам, капиталы. Десятки филиалов итальянских торговых домов были разбросаны по многим городам Европы и Ближнего Востока. Накопленные громадные состояния вкладывались не только в торговобанковское предпринимательство, но также в земельные владения и строительство городских дворцов – палаццо и загородных вилл. В итальянских городах сложилась прочная материальная основа и для благоустройства улиц и площадей, градостроительства и подъема уровня городской культуры в целом. Особенно значительной была роль итальянского города в создании развитой системы образовательных школ на средства коммуны и многочисленных университетов. Самый ранний в Евро-

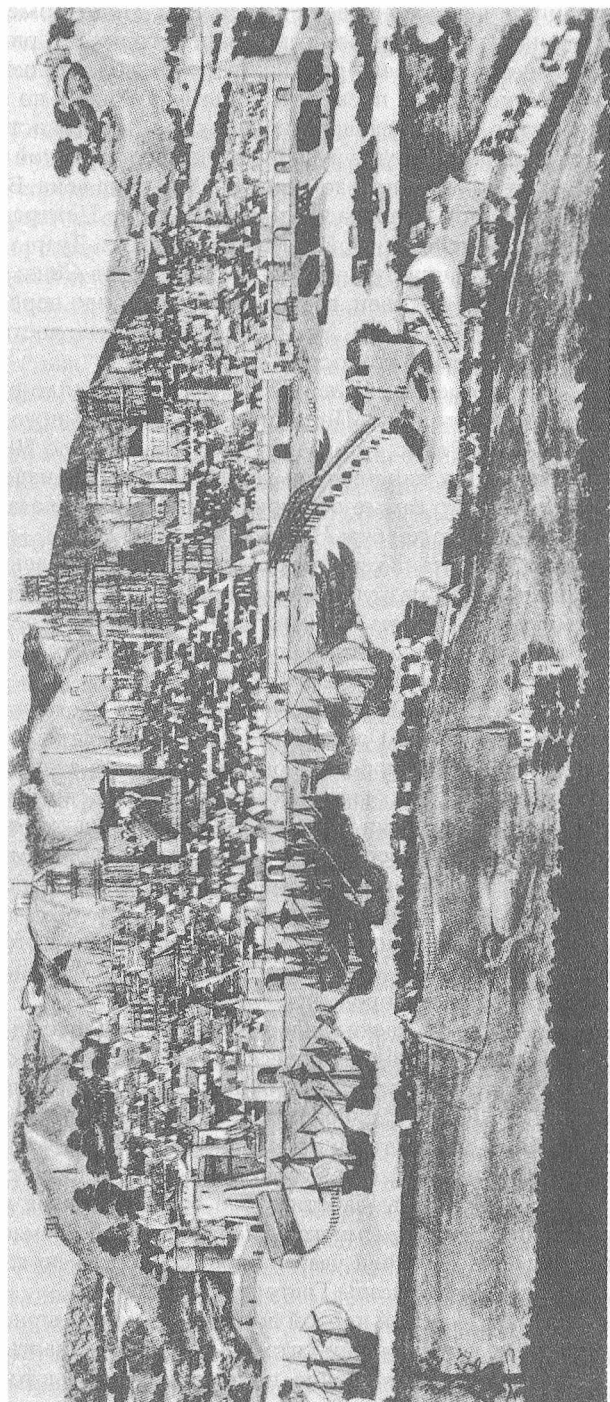
пе университет возник в конце XII в. в Болонье, он стал европейским центром изучения права. В XIV в. в Италии было уже более десятка университетов, привлекавших студентов из многих европейских стран. Огромен и пласт средневековой городской культуры Италии, подготовившей почву для раннего возникновения и яркого расцвета уже в XV в. новой ренессансной культуры. Флоренция, Милан, Венеция, Феррара, Мантуя, Римини становились центрами гуманистической культуры Возрождения, вовлекая в ее орбиту и крупные монархии – Неаполитанское королевство и Папское государство. Богатство форм и направлений культуры Возрождения в Италии не в последнюю очередь было связано с политическим полицентрализмом Италии, с мощью ее городов-государств.

ЛИТЕРАТУРА

- История Италии. М., 1970. Т. 1.
Луццато Дж. Экономическая история Италии: античность и средние века / Пер. с итал. М.Л. Абрамсон. М., 1954.
Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. Очерк. Л., 1987.
Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato – città medievale. Firenze, 1978.
Bocchi F. Ville et campagne dans l'Italie du Nord et du Centre (XII–XIV e siècle). Bologna, 1982.
Bousma W. Venice and the defence of republican liberty. Berkley; Los Angeles, 1969.
Brezzi P. I comuni medievali nella storia d'Italia. Torino, 1959.
Carli F. Storia del commercio italiano. Padova, 1926. Vol. 2: Il Mercato nell'eta del Comune.
Cracco G. Società e stato nel medioevo veneziano (secoli XI–XIV). Venezia; Roma, 1967.
Fasoli G., Bocchi F. La città medievale italiana. Firenze, 1973.
Hale I.R. Florence and the Medici. The pattern of control. L., 1977.
Kent D. The rise of the Medici faction in Florence. 1424–1434. Oxford, 1978.
Lane F.C. Venice; a maritime republic. Baltimore, 1973.
Lopez R.S. Intervista sulla città medievale / A cura di M. Berengo. Roma; Bari, 1984.
Marzi D. La cancelleria della repubblica fiorentina. Rocca S. Casciano, 1910.
Pini A.I. Città, comuni e corporazioni nel Medioevo italiano. Bologna, 1986.
Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Firenze, 1899; Torino, 1960.
Tenenti A. Firenze dal Comune al Lorenzo il Magnifico. 1350–1994. Milano, 1970.
Waley D. The Italian City-republics. London, 1969.

ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

К началу Средневековья Галлия уже была страной городов. На Средиземноморском побережье еще около 600 года до н.э. греческие колонисты основали Массилию (Марсель). Вскоре эллинские эмпории – Антиполис, Агатэ, Ольвия, Нивая – покрыли берег, затем началось их проникновение вглубь Нарбоннской Галлии, где постепенно складывалась сеть городов. Но вся страна была покрыта ею лишь в результате рим-

Панорама Руана. Из "Хроник Нормандии"

ской колонизации в первые два века нашей эры. Некоторые историки, впрочем, склонны относить начало городской истории к доримским временам, так как многие из галло-римских городов возводились на месте старых крепостей кельтских племен. Как бы то ни было, но галло-римские города быстро преобразовывали сельское пространство, придав ему, например, сотенную структуру и перерезав его паутиной удивительных римских дорог, так и не превзойденных в Средние века. В центре сети дорог находился Лион. Отсюда уходил тракт через Центральный массив на Аквитанию и Гиень. Другой путь тянулся вдоль Луары к Арморике – Бретани. К Ла-Маншу путь лежал вдоль берегов Сены или же через Реймс и Булонь. И, наконец, главная ось проходила через Лион, соединяя Нарбонну с устьем Рейна. Эти основные артерии достаточно быстро дополнились системой второстепенных дорог.

Конечно, всякие оценки численности населения галло-римских городов крайне затруднительны. Полагают, что самые многолюдные из них (Лион, Нарбонна, Реймс, Отен) насчитывали от 30 до 50 тысяч жителей. Такой показатель, как площадь города, отнюдь не надежен, однако следует отметить, что самые обширные города располагались именно вдоль этого станового хребта: Нарбонна – устье Рейна.

Первая волна нашествий германских племен обрушилась на Галлию в III в. 60 “столиц” были разрушены варварами. Отныне история городов Франции будет подчиняться ритмам опустошения и возрождения. Естественной реакцией было возведение оборонительных сооружений и сокращение городского пространства. Так, например, площадь Отена сжимается с 200 до 10 гектаров. Повсеместно происходит частичный отказ от линейной планировки; форум застраивается частными домами. Однако большинству галло-римских городов помогли избежать запустения их религиозные функции: ведь они были епископскими резиденциями.

В период Поздней империи центр города перемещается от форума к собору. Порой из-за этого весь город снимался со своего места. Лион, например, спустился с прибрежных высот вплотную к берегам Соны, где ранее был возведен первый собор.

В целом же к концу галло-римского периода ось, на которой располагались важнейшие города, сдвинулась к западу. На первые места выдвигаются Париж, Пуатье, города по Луаре.

В начале меровингской эпохи галльский город представлял собой резиденцию графа и епископа. Он был обнесен каменной стеной, огораживавшей лишь центральную часть некогда обширных агломераций: эта часть называлась “Ситэ” (“Кремль”). Франкские короли ремонтировали городские стены, разбирая для этого на отдельные блоки здания на покинутых окраинах. Они считали города своей собственностью, залогом своего политического влияния, потому-то заботились о сохранности их укреплений. Но, соответственно, во время многочисленных смут, стремясь ослабить своего соперника, они наносили удар в первую очередь по городам. Эти времена достаточно ярко описаны Григорием Турским.

Постепенно за городской чертой возникают монастыри. Им не было места в тесноте укрепленных ситэ. К тому же монастырь был не только местом молитвы и уединения, но и кладбищем, а в то время про-

должал сказываться старый запрет римского времени, согласно которому некрополь должен находиться за городской чертой. Этим монастырем суждено будет сыграть важную роль в биографии средневекового города.

На Юге городская жизнь по началу была более активной. Колонии восточных купцов, собирательно именуемых “сирийцами”, существовали здесь до середины VIII в., связывая Марсель, Нарбонну, Арль, а через них всю страну со средиземноморским регионом. Древняя столица вестготского королевства – Тулуза – оставалась не только административной столицей Южной Галлии при франках, но и важным экономическим центром. Несмотря на явную аграризацию жизни, некоторые города продолжали сохранять роль торговых центров и на Севере – например, город-порт (“вик”) Квентовик, или такие метрополии епископов и резиденции графов, как Орлеан, Пуатье, Тур, Мец и, особенно, Верден.

В период каролингской стабилизации общий хозяйственный и демографический подъем затрагивает и города, они выплескиваются из своих стен, кристаллизуя поселения вокруг пригородных монастырей. Но когда же, между 750 и 850 гг., происходит весьма симптоматичное явление: аристократия и светские власти переезжают в свои загородные резиденции, потеряв интерес к поддержанию городских укреплений.

Обрушившиеся на Запад нашествия, особенно норманнов, венгров и арабов, в очередной раз меняют облик городов, заставляя их обновить свои стены. Но меняется и сама городская жизнь. Старые ситэ перестают быть единственным вариантом городского существования. Роль религиозно-культурного центра с успехом играют монастыри; замки и крепости-укрытия спасают окрестное население во время набегов и занимают важнейшие стратегические позиции. Значение торговых и экономических центров имели вики и ремесленные поселения; некоторые (но далеко не все) из подобных агломераций станут со временем городами. Преимущества будут иметь те из них, которые комбинируют несколько элементов. И с этой точки зрения ситэ обладали несомненными преимуществами. В них продолжали обитать клирики, представители административной власти (но не светские феодалы, обосновавшиеся в своих замках). Поселения, возникшие вокруг пригородных монастырей, порой обзаводятся собственными стенами и не уступают ситэ по своему значению и по численности населения. Примером может служить бург святого Ремигия в Реймсе в конце X – начале XI в., бург святого Мартина в Туре, или целых пять бургов вокруг Пуатье; сезонные паломничества и связанные с ними ярмарки задают особый ритм этим поселениям. Любопытно, что, если за бургами пригородных монастырей было блестящее будущее, гарантирующее их включение в состав городского организма, то поселения, возникшие вокруг сравнительно удаленных монастырей, так и оставались селениями. Исключения составляют лишь два города – Муассак и Сен-Дени. Впрочем, последний пример действительно исключителен: речь шла об одной из резиденций королей, месте хранения королевских инсигний.

Обращает на себя внимание топография городов той эпохи. Если ситэ, епископский город находится на возможно более труднодоступном

месте, на высотах, изгибах рек, островах (для чего иногда приходилось менять старое, с античных времен насиженное место), то рядом возникает порт, торговое поселение. Причем, в отличие от монастырского пригородного бурга, такой порт никогда не был автономен по отношению к ситэ, хотя в нем и жило экономически активное население. Таких “портов” было особенно много между Рейном и Луарой.

Некоторые трудности создает то, что разные типы агломераций – монастырское или призамковое поселение, торговый порт – назывались одним словом: “бург“. Как бы то ни было, бург стал неотъемлемой частью города, и к началу XI в. именно бург обеспечивал его подъем. Впрочем, старые ситэ тоже меняли свой ритм, расширялись их площади, прокладывались новые торговые улицы. В ситэ предпочитали селиться представители определенных ремесел: ювелиры, чувствовавшие себя здесь в большей безопасности, или же оружейники, традиционно обслуживавшие нужды воинов гарнизона.

В отличие от Севера судьба городов Юго-востока была иной. Прежде всего, там слишком долго жили античные традиции. Затем, к набегам норманнов и венгров, которым подвергалась большая часть городов Франции, добавилась угроза со стороны сарацинов, оказавшихся гораздо опаснее. Многие города Средиземноморского побережья так и не оправались от разгромов: древний Антиб (Антиполис греческих времен), Ницца, Фрежюс, Тулон, возникшие кое-где еще в каролингскую эпоху монастырские бургы были на несколько веков стерты с лица земли (Арль, Нарбонна). Ницца смогла возродиться, лишь покинув старое место и перебравшись в новый, труднодоступный район. Ситэ Юга Франции вобрали в себя функции экономической активности, на Севере выполняемые бургами. Кроме того, южно-французские феодалы, опять же в отличие от Севера Франции, предпочитали жить в городах.

Беспрецедентный подъем французских городов XI–XIII вв. был вызван глубокими экономическими сдвигами. И специфика страны проявилась в том, что все теории происхождения городов могут быть в равной степени подкреплены примерами из истории Франции.

Большинство французских городов сформировались вокруг ситэ античного происхождения. Некоторые города, расположенные, главным образом, на водных артериях Северо-востока, сложились вокруг древних портовых поселений, центров транзитной торговли. Достаточно ярко роль властей – воля королей и крупных феодалов – проявилась в возникновении призамковых городов. Оно и понятно, ведь замки строились в стратегически важных районах. И помимо задачи защиты населения, они должны были контролировать торговые пути. Только возле самых что ни на есть “орлиных гнезд”, вроде знаменитого Монсегюра в Лангедоке, не возникло призамкового поселка. Достаточно часто подобные поселения превращались в города. Это относится к городам по Луаре – таким, как Шинон. Но особенно важной была роль замков в основании городов Фландрии. Старых, исторических ситэ здесь было мало, их роль с успехом выполняли замки, основанные могущественными графами Фландрскими. Именно замки лежали в основе таких городов, как Гент и Брюгге, Аррас. Конечно, когда по соседству располагался какой-нибудь

известный монастырь, это также повышало шансы призамкового поселения стать крупным городом. Таков казус Сент-Омера, расположенного по соседству не только с замком, но и с Сен-Бертенским монастырем, важнейшим культурным центром, столицей французского летописания.

В любом случае, как показывают исследования современных историков, город в первую очередь был связан с собственной округой в радиусе от пяти до тридцати километров. Отсюда шел основной контингент иммигрантов в города, крестьяне приезжали на рынок, привлекались к оборонительным работам. Характерный пример представляют собой города-порты на Мозеле или на Луаре. Они, действительно, во многом жили речной транзитной торговлей, служили перевалочными пунктами. Однако они располагались отнюдь не в соответствии с требованиями гидрографии: то есть не около порогов, волоков, не отмечали дневные перегоны речных судов, но подчинялись ритму сухопутных дорог, стекавшихся с ближайшей округи к реке, у бродов, мостов и т.д.

Росту городов несомненно способствовала концентрация в их стенах юридических и административных функций. Даже если крупные сеньоры и не жили в городах, здесь все равно обитали их многочисленные управляющие, клирики, министерялы. Эти группы создавали свой особый образ жизни, демонстрировали более высокий стиль потребления, что придавало дополнительный динамизм городскому рынку и городской экономике в целом.

Все эти изменения подготавливали стремительный и спонтанный рост городов конца XI–XIII в. Из ныне существующих городов Франции лишь 12% были основаны после XIII в. Это означает, что урбанизация достигла тогда своего оптимума. Развитие городов вызывало к жизни специфическую организацию: начиная с 1070 г. (город Ле Манн) возникают клятвенные союзы горожан, жителей бургов (“буржуа”), стремящихся самостоятельно управлять жизнью своего города, распоряжаться доходами от новых форм деятельности и, что крайне важно для феодального общества, требовавших подсудности собственному суду. Порой становление коммун сопровождалось конфликтами с сеньором города (чаще всего с епископом), как это было в Камбре и в Лане. Однако обычно городам удавалось на тех или иных условиях выкупить свои свободы при посредничестве короля. В сущности же не только король, но и местный сеньор были заинтересованы в развитии городов, экономический и социальный подъем которых обогащал казну феодальных властителей. Организация горожан могла иметь разную структуру и разное название: консулат, муниципалитет, “жюри”, “коммуна”. Современные историки-урбанисты с пессимизмом относятся к намерениям установить некоторую иерархию в степени “независимости”: локальные варианты были слишком многообразны. Ясно только одно: во Франции не возникли независимые города-республики, многие города вообще долгое время развивались без какой-либо формальной организации горожан (Париж и Орлеан).

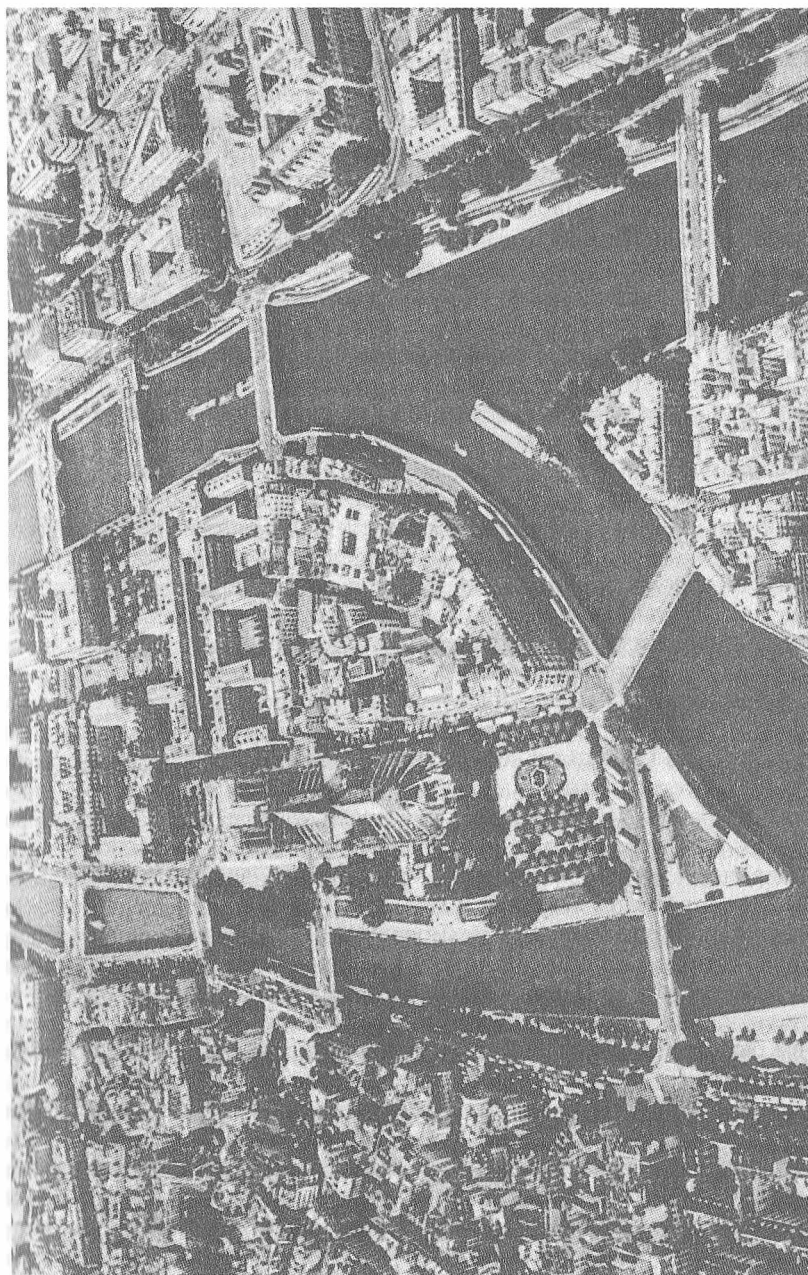
То же можно сказать и о корпоративизме в сфере производства и торговли. В некоторых городах корпоративные организации купцов и ремесленников (ганзы, гильдии, цехи – “metiers”) появляются достаточ-

но рано – уже в XII в. Особенно это относится к таким важнейшим центрам сукноделия, как Лилль, Сент-Омер, Аррас, Руан, Бове, Париж, Шалон-сюр-Марн. Однако подобные организации не только не распространялись на все города Франции, но и никогда не охватывали всех отраслей хозяйственной жизни города.

В период второй половины XII – второй половины XIII в. новые стены сооружаются во всех или основных пригородных бургах. Такие стены, возведенные на рубеже XI и XII вв. вокруг Гента и Брюгге, увеличивают их площадь в десять раз. По времени процесс экспансии городов совпадает и с возведением основных готических соборов, чье величие так и осталось непревзойденным в последующие эпохи.

Пример Парижа может показаться чем-то исключительным: уже к концу XII в. он не знал себе равных; но именно поэтому он и интересен, поскольку ему суждено было стать моделью для остальных городов королевства.

Важный, но все же не самый важный город галло-римской эпохи, Париж-Лютеция, вольготно раскинувшийся на Сене (важнейшие общественные здания, термы, театр находились на Левом берегу), пустеет в период нашествий, сжавшись до Ситэ, уместившегося на одном из речных островов. В эпоху франкских королей здесь был собор, несколько приходских церквей, графский замок. В период каролингской стабилизации население Парижа растет, оно составляет уже 20 тысяч человек. На берегах возводятся монастыри, вокруг них появляются бурги. Последние, сильно пострадав во время нормандских нашествий, вновь оживают в XI столетии. Век спустя Париж становится уже важнейшим интеллектуальным центром Европы, резиденцией королей капетингской династии, успешно проводящих централизацию, важным портом на Сене, центром сукноделия. Он окружен целой серией бургов. На Левом берегу древнейший бург сложился вокруг монастыря Сен-Жермен-де-Пре. Помимо массивного монастырского строения романского стиля, в нем находились четыре приходские церкви, что свидетельствовало о многочисленности поселения. Соседнюю высоту занимал монастырь Святой Женеьевы и окружающий его бург, на юго-восточном склоне того же холма святой Женеьевы разместился бург при небольшом коллегиальном монастыре Сен-Марсель. В XII в. здесь были основаны также обитель уставных каноников Сен-Виктор и монастырь Сен-Медар, но бурги сложатся вокруг них лишь к началу следующего столетия. Несмотря на многочисленное население, пригородные бурги (“фобурги”) Левого берега в значительной мере сохранили свой аграрный характер, среди жителей преобладали огородники и виноградари, склоны холмов до самой реки были покрыты огороженными виноградниками (clos). Виноградарство вообще сыграло огромную роль в развитии городов к северу от Луары. Эта сельскохозяйственная культура занимала исключительно пригородные районы. В силу климатических условий она требовала особого вложения труда, но приносила большую прибыль, так как находилась не только вблизи населенных городов, но и на границе зоны, где виноград уже не произрастал (Нормандия, Пикардия, Артуа, Фландрия). Древнейшей и очень ценной привилегией парижан стало освобождение от налогов на продажу вина “из собственных виноградников”

Париж. Сите

На Правом берегу вокруг монастырей Сен-Мартен и Сен-Жермен-д'Оксерруа были такие же поселения вполне аграрного вида, хотя последний даже имел свою пристань на Сене. Но зато вокруг центральной пристани Правого берега раскинулся самый настоящий город-порт. Портовая Гревская площадь, выходившая к пристани, стала крупнейшим рынком, рядом располагались большие бойни. Мясники были первой торгово-ремесленной корпорацией, получившей привилегию от Людовика VII (1165). Злые языки политических противников французских королей связывали подобную заботу с тем, что Гуго Капет, основатель династии, якобы был сыном мясника (эту версию можно найти в “Божественной комедии” Данте). Портовый квартал Парижа был населен многочисленными агрессивными речниками, крючниками, рыбаками, чуть далее располагались кварталы сукноделов. Рост населения на Правом берегу нашел отражение в создании новых приходов: здесь построили величественную церковь Сен-Жак-де-ля-Бюшри, церкви Сен-Матюрен, Сен-Эташ. В 1137 г. епископ Парижский, считавшийся тогда номинальным сеньором города, дал согласие на строительство нового рынка близ кладбища Невинноубиенных, это был Большой рынок (Аль) – знаменитое “чрево Парижа”

Но и Ситэ переживал в XII в. подъем. Здесь теснились лавки бакалейщиков, аптекарей; на Большом мосту, под защитой предмостного замка Шатле, размещались лавки ювелиров. Вокруг епископской резиденции обитали каноники, их челядь, множество клириков, а также студенты и магистры уже тогда многочисленных парижских школ; в течение века многие из них переберутся на Левый берег, под юрисдикцию аббатства Сен-Женевьев, что послужит началом Парижского университета. Улица Глатиньи, выходящая на соборную площадь, уже в XII в. была известна как район публичных домов, нищих и воров. Трудно сказать, сколько жителей вмещал в себя остров Ситэ. Здесь было шесть приходов, заново отстроенный каменный королевский дворец, и, наконец, во второй половине XII в. началось строительство грандиозного собора Нотр-Дам. Он возводился на пожертвования горожан, что показывает, сколь процветающей была экономика города в ту эпоху.

К XII в. относится создание “ганзы купцов, торгующих по Сене”. За большие деньги они получают от Людовика VII исключительные привилегии: до самого конца Средневековья ни один “иностраный” купец не мог доставить груз из Парижа или провезти его от верховьев реки до Руана, не войдя в компанию с парижскими купцами. Поскольку в Париже так и не сложилось муниципальное самоуправление, то этот союз купцов со временем получил функции городского представительства.

В конце XII в. король Филипп II Август начинает строительство стен сначала на Правом, затем и на Левом берегу. Некоторые бургы оказываются включенными в городскую черту, некоторые так и остались вне ее (бург Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Марсель, Сен-Мартен). Зато в самой городской черте, особенно на Левом берегу, еще некоторое время оставались пустоты – сады, виноградники, огороды.

Неоднородность городского пространства еще долго давала о себе знать. Город был поделен на цензивы, располагавшиеся чаще всего че-

резполосно. Долгие века сеньорам города был Парижский епископ, и Ситэ так и считался епископским городом. Но короли, оценив всю важность Парижа, управляли городом непосредственно, назначая своего чиновника-прево для исполнения полицейских и судебных функций. Примерно с середины XIII в. на основе “ганзы купцов” горожане начинают избирать свой совет – эшевенот и старшину (купеческого прево), в их ведении находится также благоустройство города и, главное, – раскладка налогов. Жители присоединенных бургов долгое время сохраняют свою обособленность, находясь под юрисдикцией своих сеньоров-аббатов и пытаясь сопротивляться городскому налогообложению. В XIII в. появляется университетская корпорация, неподсудная светским властям; ее членами и “подданными” помимо тысяч студентов и магистров являются также многочисленные торговцы и ремесленники, обслуживающие университет.

Подобное юридическое и социальное многообразие дополнялось топографическим. В Париже существовало несколько центров притяжения, несколько полюсов, вокруг которых организовывалось городское пространство – собор и епископская резиденция, королевский дворец, порт, Гревская площадь и здание муниципалитета, Большой рынок, приходские церкви и т.д.

Но такая неоднородность была свойственна пространству почти всех французских городов. Исключение могут составлять лишь города, возникшие вокруг замков – как, например, большинство городов Фландрии.

XIII век явил еще один любопытный тип городов – бастиды. Их специфика состояла в том, что они сразу основывались как городские поселения. Они возникали в областях Юго-Запада Франции: в Аквитании и Гиени, где шло напряженное соперничество между Капетингами и Плантагенетами. По обеим сторонам границы сельских жителей пересекали бастиды, чье пространство отражало оформление идей урбанизма: бастиды были правильной, круглой или квадратной формы, со строгой линейной планировкой, в центре городка помещалась прямоугольная рыночная площадь с крытыми торговыми рядами. Церковь, в отличие от ее положения во всех остальных городках, была сдвинута на периферию. Большинство бастид так и не развились в настоящие города, потому-то их планировка дошла до нас в неизменном виде. Такая же светская урбанистическая идея была заложена в строительство города-порта Эг-Морт в устье Роны. Выстроенный по повелению Людовика Святого, этот порт быстро запустел из-за изменения гидрографической ситуации и занесен песками. Благодаря усилиям археологов мы можем наблюдать его идеально прямые улицы, строгую регулярность кварталов, мощенные площади. Обычай мостить улицы появился во Франции именно в этом столетии – Париж и тут был законодателем мод. Новые мостовые не настилали на старые, но, заботливо сберегая дорогой материал (булыжник или плиты песчаника), перекладывали заново. Поэтому французские средневековые соборы кажутся выше подобных зданий, сохранившихся в городах Восточной Европы – на улицах и площадях не “парос” культурный слой.

К началу XIV в. строительство соборов прекращается, города перестают расширяться. Это может свидетельствовать о том, что урбанизация во Франции прошла точку своего апогея. По переписи 1328 г. в Париже проживало от 200 до 240 тысяч жителей. Вторым по величине был Руан (40 тысяч), дальше шли Тулуза, Нарбонна, Бордо, Лион, Аррас, Орлеан.

Кризис XIV в. поразил города, как и все французское (и европейское в целом) общество. Но есть все основания полагать, что с середины этого века начинается качественно новый период развития урбанизации во Франции. Его хронологические рамки условно ограничены началом Столетней войны (1339) и началом Религиозных войн (1562). В этот период городское население не просто сокращалось (хотя удары эпидемий и неизбежные опустошения в ходе бесконечных войн были очень чувствительными), но было подвержено поразительным колебаниям. Так, сравнительно небольшой город Перигу в 1320 г. насчитывал 2500 очагов; к 1350 – лишь 1000, в 1360 – 1600 и в 1380 – 1100. Далее число очагов колебалось между тысячей и полутора тысячами, пока с 1465 по 1490 г. не возросло стремительно с 1200 до 2300. Примерно столь же скачкообразной была динамика численности населения в таких крупных городах, как Тулуза, Лион и даже Париж. Города перестали возникать спонтанно, и их перестали основывать. Но соотношение городского и сельского населения во Франции оставалось в этот период неизменным, как не изменилось и соотношение между крупными и мелкими городами. По-прежнему, к концу указанного периода, как и к его началу, лишь двое из десяти французских горожан проживали в крупных (от 10 тысяч) городах.

Стремление нищенствующих орденов (доминиканцев и францисканцев) основывать свои монастыри в городах позволило историкам получить любопытный критерий значимости города: в любом поселении, превышающем 1500 жителей, основывался по крайней мере один такой монастырь. В 1330 г. во Франции насчитывалось 226 городов, где обособились либо доминиканцы, либо францисканцы. По странному совпадению список “добрых городов”, подлежащих экстренному обложению на нужды армии, составленный Франциском I в 1538 г., также насчитывает 226 городов. Но их состав и их распределение значительно изменились. Для урбанизации классического Средневековья было характерно неравномерное распределение городов, они концентрировались в особо развитых зонах, прежде всего, в бассейнах Сены, Соммы и Рейна – от Парижа до Фландрии. Другой зоной городов была дуга Ла-Рошель – Лион (через Бордо, Тулузу, Монпелье, Арль). Еще одна узкая цепочка городов тянулась вдоль Луары. Через двести лет картина существенно изменилась: “добрые города” были сравнительно равномерно распределены по всей территории, за исключением труднодоступных районов Центрального массива и Бретани. Каждая “страна” (край, “земли”) концентрировалась вокруг одного, иногда – двух или трех городов, ставших местными “столицами”

Период XIV–XV вв. можно назвать эпохой “добрых городов” Он характеризуется возрастанием воздействия города на свою округу без уве-

личения демографического веса города. Термин “добрые города” связан с практикой созыва представительных собраний – Генеральных или провинциальных штатов. Город полностью идентифицировался со своей “страной”, представлял ее. Никаких “выборов” от “третьего сословия” не производилось – города по приглашению короля присылали своих “послов” на ассамблеи, где вотиrowали налоги или решали иные вопросы от имени своего края. Если поначалу, в период правления Филиппа IV и его сыновей, королевские чиновники испытывали некоторые затруднения при определении круга “добрых городов”, то со временем, как и в большинстве иных социально-политических вопросов, определяющую роль стал играть обычай. Итак, чтобы какому-либо поселению получить право называться “добрым городом”, ему надо было обзавестись надежной каменной стеной, представлять особо важную военную силу, быть достаточно богатым, быть резиденцией одного или нескольких судебно-административных учреждений, быть культовым центром, желательно обладать какими-то оформленными институтами самоуправления, но кроме того... уже “по обычаю” участвовать в тех или иных Штатах, то есть – быть “добрым городом”. Ситуация может показаться тупиковой, но ведь примерно столь же парадоксальной была в ту эпоху и практика обретения дворянства.

Становлению нового порядка вещей способствовала Столетняя война. Города Франции в очередной раз вынуждены были возводить новые стены. Оказалось, что укрепления предшествующего периода, воздвигнутые в XI – начале XIII в., пришли в негодность, поселения давно вытеснились за их стены. Только стратегически важные, приграничные города были надежными крепостями (например, Кале). Начало войны показало беззащитность городов. Так, в 1346 г. Генрих Ланкастерский, выйдя с небольшим отрядом из Гиени, берет штурмом Сен-Жан-д’Анжели, Лузиньян (несмотря на наличие в нем грозного замка), Пуатье. Очевидно, что жители таких крупных городов, как Тулуза или даже Париж, не обновлявшие своих укреплений с начала XIII столетия, чувствовали себя беззащитными перед любой воинской силой.

И города начинают спешно возводить стены. В течение ста лет во французских городах были заброшены прочие виды монументального искусства. Для выполнения этих работ горожане сумели изыскивать средства, придумывали новые способы налогообложения, вступали в конфликты с местными сеньорами, снося близлежащие замки и аббатства, разрушая предместья, мешавшие обороне. Происходит создание (или воссоздание) действенных органов самоуправления. В Орлеане, например, вообще не было коммуны, но она организовалась в ходе оборонительных работ. Горожане формируют ополчения, мобилизуют (игнорируя все привилегии) население на охрану стен, несение ночной стражи. Городское пространство в очередной раз сужается, замыкаясь в своих новых стенах. Именно в этот период город обретает ставший хрестоматийным “средневековый” облик – узкие улочки с нависающими домами, отсутствие архитектурной перспективы, позволяющей окинуть взором собор или ратушу, отсутствие комфорта. Заботу о своих стенах города не оставляют и в период относительного благополучия и стабилизации

– вплоть до самых Религиозных войн. Любопытные изменения происходят в социальной организации города. Характерное для предыдущего периода господство патрициата – семей богатейших купцов, мясников, ростовщиков, суконщиков-предпринимателей, монополизировавших органы городского самоуправления, – проходит. Старые патрицианские роды бледнеют, пресекаются и сходят со сцены. Господствующее положение в городах занимают чиновники, судейские, разбогатевшие горожане, отошедшие от предпринимательской деятельности и живущие “благогородно”. В южных городах очень важную роль в консулатах получают дворяне. И, наоборот, избрание в должность мэра, эшевена или консула давало в некоторых городах права дворянства. Купцы, ростовщики, предприниматели составляют теперь лишь одну из частей городской элиты. Их роль не следует преуменьшать, но, несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что самой желанной социальной целью богатых горожан становится королевская служба и через нее – обретение дворянства. Другое дело, что, добившись нового статуса, горожане далеко не сразу изменяли своим привычкам и образу мысли.

Городское население, пользующееся привилегиями, так называемые “буржуа”, все четче отделяет себя от остальных жителей – “простонародья”. Именно в этот период происходит окостенение структуры города: она оказалась пронизанной сетью корпораций самых разных видов: от религиозных братств до цехов или компаньонажей – организаций подмастерьев. Далеко не всегда они регламентировали производство (этого вовсе не было в большинстве южных городов). Но они обеспечивали в той или иной форме участие горожан в управлении, представительство и защиту интересов в политической структуре города.

Значительную, а иногда и большую часть городского населения составлял “мелкий люд”, жители, не обладавшие правами “буржуа”. Помимо обычных для города маргинальных слоев среди них могли быть крестьяне, укрывшиеся в городах во время нашествий или иных бедствий. Известно, что многие из них так и оставались в городах. Среди них могли быть представители “низких” профессий, поденщики. Далеко не всегда полноправными горожанами считались проживавшие в городах виноградари и огородники. Но порой тем или иным категориям неполноправного населения удавалось добиться своего включения в число привилегированных корпораций (как, например, дижонским виноградарям или парижским мясниками и живодерам в 1413 г.).

Складывание системы “добрых городов” во Франции происходило в условиях социально-политических конфликтов. Города раздирались кровавыми восстаниями, они оказывались втянутыми в борьбу королей с мощными феодальными противниками, и даже сами пытались создать свои городские союзы по типу Швабского союза или Эрмандад (движение 1357–1358 гг.). Но в итоге, примерно с середины XV в. в отношениях между городами и королевской властью, как и между различными слоями городского населения, устанавливается некое равновесие, обеспечивающее новый взлет городов, расцвет городской архитектуры и городской культуры. Этот период получит у французских историков название “прекрасного XVI века”.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937.

Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города. (Тулуза XI–XIII вв.). Саратов, 1969.

Тушина Г.М. Города в феодальном обществе Южной Франции. М., 1985.

Bairoch P., Batou J., Chevre P. La population des villes européennes; banque de données et d'analyses, 800–1850, Genève, 1988.

Cazelles R. Nouvelle Histoire de Paris. P., 1970. Т. 3: De la fin du règne de Philippe-Auguste à la mort de Charles V.

Chevalier B. Les bonnes villes de France du XIVe au XVe siècle. P. 1974.

Favier J. Nouvelle Histoire de Paris. P., 1974. Т. 4: Paris au XVe siècle.

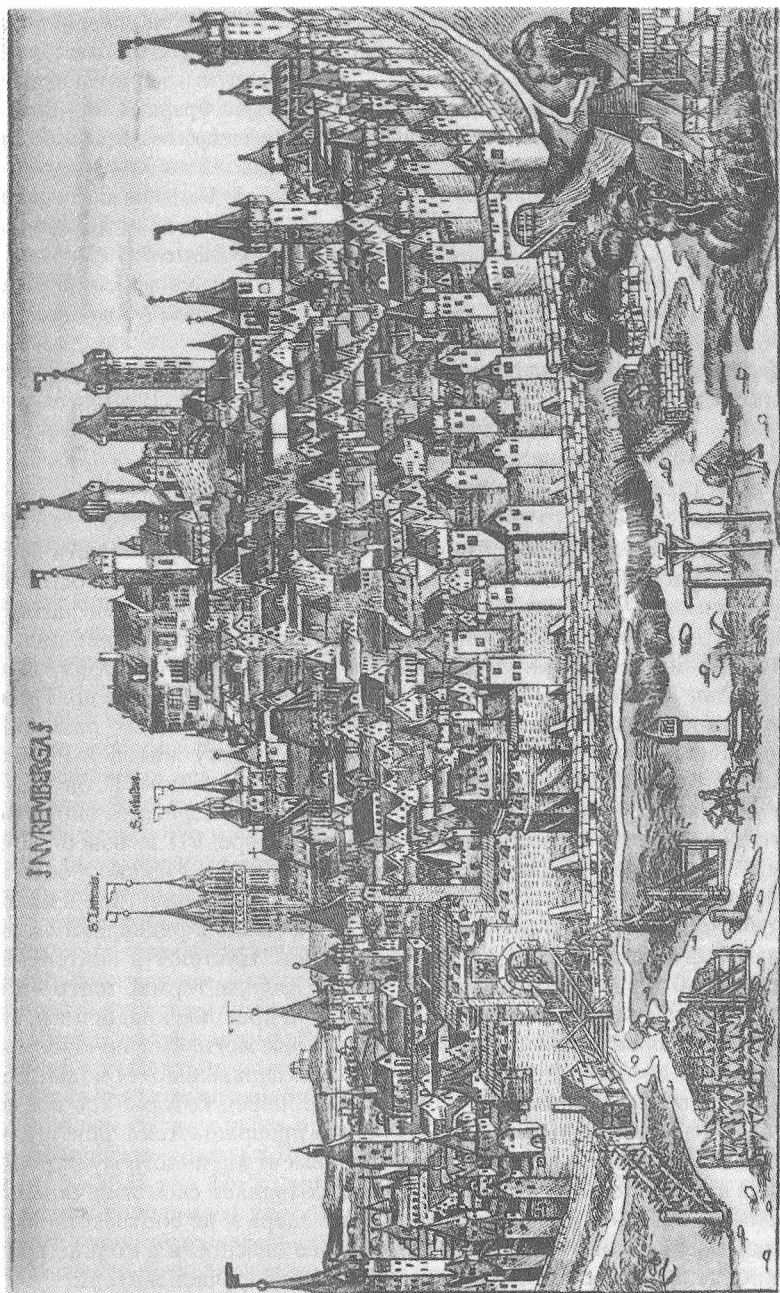
Histoire de la France urbaine. P., 1980. Т. 2: Ville médiévale / Sous la dir. de G. Duby.

Mollat M. Villes et civilisation urbaine. P., 1960–1962. Т. 1–2.

Roux S. Le monde des villes au Moyen Âge XIe–XVe siècle. P., 1994.

ГОРОДА ГЕРМАНИИ ДО КОНЦА XV века

Возникновение городов. Лишь сравнительно небольшая часть будущей Германии – области к западу от Рейна и к югу от Дуная – была затронута римской урбанизацией. Вдоль этих пограничных рек вытянулась цепь римских военных лагерей, опорных пунктов и укрепленных городов, на месте которых выросли современные Кёльн, Бонн, Кобленц, Майнц, Вормс, Страсбург, Аугсбург, Регенсбург, Вена и др. Некоторые из римских муниципиев достигали весьма солидных размеров. Так, античный Трир (Аугуста Треворорум) по числу жителей не был превзойден ни одним средневековым германским городом. И он был в числе тех многих римских городов, которые смогли пережить эпоху Великого переселения народов: не случайно в Трире VII в. известна по меньшей мере одна римская сенаторская фамилия. Однако события V–VII вв. привели, разумеется, к сильной убыли населения (при изменении его этнического и социального состава), а также к радикальным переменам в функциях города и его топографии. Пустеют и постепенно разрушаются общественные здания в центре: форум, термы, театр – жители все больше переселяются на окраины – к древним кладбищам, где у стен монастырей и храмов, воздвигнутых над могилами почитаемых христианских святых и мучеников, постепенно складываются новые жилые кварталы. Епископская церковь – собор, перед которым со временем устраивается главный рынок, – обычно превращается в центр раннесредневекового города. Единственный элемент античного муниципия, который вплоть до X в., а порой и позже, сохраняет свои изначальные функции – это городские стены. Хотя они теперь и не соответствовали границам заселенной территории, но в случае опасности в кольцо древних укреплений, бросая свои дома, отовсюду собирались жители.

Нюрнберг, 1493 г. Гравюра

Центральное положение собора и епископского подворья отражает то, что в Германии, как и в других областях бывшей Западной Римской империи, остатки большинства сохранившихся городов к началу Средневековья превратились в резиденции и владения епископов. Такими центрами диоцезов и провинций были Трир, Кёльн, Шпайер, Вормс, Мец, Страсбург, Майнц, Регенсбург, Зальцбург. Горожане раннего Средневековья – это по большей части несвободные люди, в той или иной форме зависимые от своего сеньора-епископа. Только приезжие купцы пользовались особым, привилегированным статусом.

В той части Германии, где римских поселений не было, говорить о городской жизни до XI–XII вв. в собственном смысле не приходится. Древнегерманские, скандинавские и славянские укрепления, торжища, культовые места и прочие так называемые “протогорода” или “ранние города” могли притягивать значительное число людей, в том числе и ремесленников, но в большинстве случаев так и не стали основой постоянных городских поселений. Основывавшиеся немцами в XII–XIV вв. на колонизируемых ими восточных землях города нередко были отчасти связаны с существовавшими там ранее “протогородами”, хотя и не являлись их прямыми преемниками. Так, скажем города Любек и Бранденбург были основаны на новых местах, в нескольких километрах от старых Любека и Бранибора, и их топография, социальные функции и правовой статус не имели ничего общего с аналогичными параметрами архаичных славянских поселений, передавших им свои имена.

Быстрый рост населения Европы, начиная с XI в., стал одной из важнейших предпосылок постепенного подъема городов. Наиболее урбанизированная область к северу от Альп стала с этого времени складываться по нижним течениям Рейна и Мааса – в “Нижних землях” или Нидерландах, по большей части относившихся к Германской империи.

К востоку от Рейна и северу от Дуная интенсивность городской жизни была на протяжении всего Средневековья несравненно ниже, чем в “Нижних землях”. Но и там, хотя медленнее и реже, торгово-ремесленные поселения начинают постепенно формироваться у стен королевских пфальцев (Гослар), монастырей (Кведлинбург), рыночных мест (Нюрнберг), и, особенно часто, замков (Вюрцбург, Магдебург). К началу XII в. на территории Германии насчитывалось в общей сложности примерно 50 городских поселений. Церковь и светская знать быстро осознали, что собственные города приносят большие выгоды, а потому с середины XII в. германские сеньоры повсеместно основывают города в своих владениях. Далеко не всегда это приводило к такому успеху, как в случае с Любеком, Мюнхеном или Лейпцигом. Однако десятки мелких и средних городов, заложенных сеньорами, существенно изменили облик страны.

Основание новых городов к востоку от Рейна шло как бы волнами. После “волны” XII в. следующая пришлась на вторую половину XIII в. Возникшие в ту пору города, правда, по большей части так и остались небольшими. К началу XIV в. и эта волна прошла, и появившиеся после этого рубежа новые города насчитывают лишь единицы. Общее число городов в Германии к концу Средневековья равнялось примерно тремстам тысячам, но подавляющее большинство из них составляли

весьма скромные по размерам поселения, всего в несколько сотен жителей. Однако немецкий город как форма социальной организации вышел далеко за пределы собственно Германии. Немецких бюргеров приглашали в свои владения многие славянские и венгерские государи и князья, немцы селились в скандинавских странах – и во всех этих областях вместе с поселенцами распространялась привезенная ими с собой “немецкая” модель города.

Между тем, Германия на протяжении всего Средневековья и позднее сильно уступала по уровню развития городской жизни своим более развитым соседям. Крупнейшими городами империи в XIV в. были Кёльн и Прага с населением примерно по 30–40 тысяч жителей. Это в три–пять раз уступало населению Парижа, Венеции, Милана, Флоренции, Брюгге или Гента. Значительно меньшими были Любек, Данциг (Гданьск), Мец, Страсбург, Нюрнберг, Вена и Бреслау (Вроцлав). За ними следовали остальные города. В конце XV – начале XVI в. опережающими темпами росло население Нюрнберга, Аугсбурга и Вены, но и в каждом из них оно тогда вряд ли достигало отметки в 50 тысяч. Бросается в глаза и то, что сеть городских поселений в Германии, исключая долину Рейна, была куда менее густой, чем в более развитых странах к западу и югу от ее границ.

В динамике развития городской жизни в Германии хорошо заметна общая закономерность, определившая многие стороны средневековой истории этой страны. Большинство социальных новшеств в Германии рождалось в областях с относительно сильным значением римского и (или) каролингского наследия и уже оттуда распространялось к северу и востоку с характерными стадийными задержками и нередко во все более упрощенных вариантах. Именно в силу этой общей “векторности” германской истории при описании едва ли не каждого важного явления в жизни немецких городов первые его примеры приходится искать прежде всего в Рейнской области.

Городская община. В старых епископских городах на Западе и Юге Германии процесс складывания городских общин как правовых объединений начинается в XI в. В качестве первых “представителей” горожан нам известны шеффены из числа “лучших” жителей, принимавших участие в суде сеньора-епископа. Однако в относительно развитом виде городская община даже в западных германских землях предстает только с середины XII в. В конце того же столетия встречается соответствующее понятие и в канцелярском языке – *universitas civium*. Горожане начинают претендовать на контроль за городскими укреплениями и их совершенствованием. Изображение городской стены как важного символа городской самостоятельности часто встречается на городских печатях. Сами печати городских общин появляются также в XII в. (Кёльна – между 1114 и 1119, Трира – 1149, Зоеста – 1159, Кобленца – 1198). Стены постепенно становятся и границей особого правового округа, в котором действуют свои – городские – нормы. Единства в представлениях о том, кто является полноправным членом городской общины или при каких условиях кто-либо посторонний может стать таковым, в Германии не было ни в XII в., ни позднее: в каждом городе действовали на этот счет свои правила.

Первые городские советы в германских землях формируются, вероятно, на рубеже XII и XIII вв. По крайней мере, самые ранние ясные свидетельства об их деятельности дошли от 1196 г. (Утрехт) и 1201 г. (Любек). К середине XIII в. уже более сотни городов обзавелись своими советами, причем начиная со второго десятилетия этого века их членов обычно называют по итальянскому и южно-французскому образцу “консулами”. Искоренение императорской династии Штауфенов в середине XIII в. привело, помимо прочего, к образованию советов в многочисленных городах, находившихся в личной власти Штауфенов, то есть, в будущих имперских городах. Чуть позднее городские советы становятся в Германии явлением повсеместным.

Советы создавались, как правило, с согласия сеньоров, чтобы освободить их от мелких забот по регулированию городской жизни. Однако по мере того как городской совет становится выразителем интересов общины, он уже с начала XIII в. мог возглавлять ее выступления против сеньора. Сами же конфликты между бюргерами и их сеньорами, то скрытые, то явные, – явление в средневековой истории Германии постоянное, начиная с 1074 г., когда случилось первое из известных нам восстаний горожан – в Кёльне.

Численность и принципы формирования городских советов очень сильно различались в разных городах. Довольно часто членов совета было двенадцать или же “несколько раз по двенадцать” человек. Вне зависимости от того, было ли членство в совете пожизненным или срочным, круг семейств, претендовавших на участие в городском управлении, оставался очень узким. Это несколько “лучших” фамилий города, обычно из епископских министриалов (что не мешало им кое-где, как в Кёльне, претендовать на происхождение от римских сенаторских родов) или же богатых купцов. В Любеке прямо запрещалось вводить в совет тех, кто добывает пропитание ремесленным производством. И только в нескольких городах уже во второй половине XIII в. доступ в совет получили небогатые купцы и ремесленники (Трир, Дортмунд). Ведущие семейства из разных городов тесно роднились между собой, что делало патрициат силой не локального, а регионального значения, как, например, в области влияния Ганзы. В большинстве германских городов патрициат как четко оформленная социальная группа складывается на протяжении XII–XIII вв., что, впрочем, не препятствует постепенному обновлению состава входивших в него родов. Столь устойчивый патрициат, как в Нюрнберге или Кёльне, на протяжении нескольких столетий состоявший в основном из одних и тех же 40–50 семейств, – исключение.

Совет пополнялся обычно путем кооптации. Степень влияния городского сеньора на состав и деятельность совета была различной в разных городах. Пост бургомистра – главы совета и городской общины в целом – вводится с середины XIII в. сначала в рейнских городах, затем в приморских. Многие германские города, в том числе и весьма влиятельные, обзавелись бургомистрами только в XIV в. Число бургомистров в разных городах могло колебаться от одного до трех и даже более. Срок полномочий бургомистра мог определяться и в четыре недели, как в Страсбурге, и в целую жизнь, как в Любеке.

Внутригородские конфликты в Германии начинаются в XIII в. Один из первых нам известных случился еще в 1216 г. в Кёльне. Во второй половине столетия такого рода столкновения произошли снова в Кёльне, а также в Вормсе, Эрфурте, Штендале, Ростоке, Магдебурге, Брауншвейге. На протяжении XIV в. не было по сути дела ни единого года, когда бы внутренние конфликты не сотрясали какой-либо германский город или даже несколько городов. Самая общая их причина состоит, по-видимому, в растущей дифференциации интересов внутри городской общины, приводящей к борьбе за перераспределение властных полномочий. Представлять эти конфликты только как борьбу ремесленников, организованных в цехи, против старого патрициата не совсем верно. Социальный облик движений был весьма разнообразным, и “восстания цехов” являлись лишь одним (хотя и очень заметным) их элементом. Среди наиболее любопытных городских мятежей иного рода стоит отметить, например, нередкие в первой половине XIV в. (хотя и неудачные) попытки какого-нибудь “старого” патриция, возглавить “народное восстание”, чтобы стать единоличным правителем своего города.

Лишь в нескольких исключительных случаях повстанцам удалось свергнуть власть старого патрициата на сколько-нибудь продолжительное время. Полное сохранение власти патрициев в неизменном виде также довольно редко. Обычным итогом внутригородских столкновений становился тот или иной компромисс, в результате которого сохранялись основные прерогативы старой городской элиты, но вместе с тем расширялся круг лиц или семей, получивших доступ к власти. Полностью власть к цехам переходила лишь там (Аугсбург), где и патриции сочли за лучшее оформить свое объединение в виде цеха — образования в данном случае чисто политического, не имеющего никаких производственных функций. Ведущие посты в городском управлении и позже будут, как правило, принадлежать патрициату, который сможет постепенно включить в свои ряды наиболее богатые и влиятельные семейства из тех общественных групп, что еще недавно не без успеха боролись против “старых” патрициев.

Если весьма ограниченные выборы членов городского управления и имели место (обычно в городах, где цехи получили какую-то долю власти), то с течением времени демократические тенденции в городах не только не укрепляются, но, напротив, слабеют. Хотя изредка и встречаются упоминания о создании комиссий из “обычных” бюргеров с целью проверки деятельности городского совета, а иногда и о прямом выяснении мнения всех полноправных горожан по какому-либо особенно важному вопросу, социальная дистанция между простыми горожанами и членами совета все увеличивалась. К началу Нового времени направление этой эволюции было уже очевидным: члены совета превращались в господ, остальные горожане — в их подданных.

Значительная доля простых горожан, как имевших бюргерские права, так, тем более, таковых не имевших, состояла из людей либо пришедших, либо же тех, чьи предки не в таком далеком прошлом переехали в этот город из сельской округи. В средневековых городах естественное воспроизводство населения не могло компенсировать его естественной

убыли. Отсюда известные нормы права, действовавшие в ряде немецких городов, не допускавшие выдачу хозяину зависимого человека, прожившего в городе “год и день”. Сформулированный позже юристами принцип “городской воздух делает свободным” не стоит, впрочем, принимать за универсальное правило: оно действовало далеко не везде и часто ослаблялось разными оговорками. И все же, начиная примерно с середины XIV в., человека, продолжительное время проживавшего в пределах городских стен, действительно, было уже крайне затруднительно вернуть в прежний несвободный статус.

Внутренняя жизнь городской общины регламентировалась прежде всего нормами, составлявшими городское право. Его источниками могли быть обычаи, грамоты об основании города, королевские и княжеские привилегии, соглашения горожан с сеньором и разных групп горожан между собой, всевозможные прецеденты и пр. Вновь основываемые города нередко получали свое право по образцу уже существующих общин, что приводило к созданию своеобразных правовых “семейств” городов. Таких “семейств” немало на западе Германии, в частности, довольно значительной является группа городов, перенявших право г. Зосста. На юге влиятельным было Нюрнбергское право. Однако по-настоящему большие правовые семейства сложились в зонах активной и относительно поздней городской колонизации. Так, Любекское городское право распространилось на все побережье Балтики вплоть до Ревеля и Немецкого двора в Новгороде. Еще шире оказалось влияние Магдебургского права. Оно преобладало на востоке, причем не только в Германии, но и в Скандинавских странах, в Польше, Литве, зависимых от них землях, “доходя” до Киева и Чернигова.

Торговля. Основной торговый путь в Германии на протяжении всего Средневековья шел по Рейну. По нему на север переправляли прежде всего товары из Византии и с Леванта, а также вино. Восточные товары из Венеции везли через самый удобный из альпийских перевалов – Бреннер в Тироле, что приносило немалые доходы и Тиролю, и Баварии. Когда же около 1230 г. в самом критическом месте другого перевала – Сен-Готтардского – удалось навесить надежный мост на железных цепях, это сказалось на всей торговой конъюнктуре в Германии. Теперь резко увеличилась поставка товаров из Генуи, отчего много выиграли, в частности, верхнерейнские города. В южном направлении вдоль Рейна довольно рано стали транспортировать сукна из Фландрии. Лучше всего сумел воспользоваться преимуществами своего расположения на этом пути Кёльн, постепенно опередивший своего давнего конкурента – Майнц и со временем превратившийся в крупнейший город средневековой Германии. Кёльнцы уже в XII в. держали собственное подворье в Лондоне. На Северном и Балтийском морях преимущество тогда же принадлежало купцам из вестфальских городов. Известно, что уже в 1165 г. они торговали с Данией и северной Русью. Немецкие купцы постоянно бывали на

Готланде с его главным торговым центром г. Висбю, бывшим вплоть до второй половины XIV в. средоточием транзитной балтийской торговли. Не позднее 1192 г. появился Немецкий двор в Новгороде. На рубеже XII и XIII вв. немецкие купцы стали постоянными гостями и в устье

Западной Двины, откуда при их активном участии началось завоевание Ливонии. Немцы, прежде всего из быстро усиливавшегося Любека, к концу XII в. оттесняют готландцев с их ведущих позиций в балтийской торговле.

Организации купцов – гильдии, – вероятно, существовали и в XI в., но первый документ, прямо называющий одну из них, – это привилегия 1106/07 г. гильдии вормских торговцев рыбой. Особый размах купеческая солидарность получила на севере Германии. Купцы из разных северогерманских городов, часто тесно связанные семейными узами и общностью происхождения (многие из них были родом из Вестфалии), действовали совместно, когда затрагивались их общие интересы. Свое объединение они стали называть Ганза (то есть, братство, гильдия). В XIII в. Ганза представляла собой сочетание союза купеческих фамилий, с одной стороны, и объединений некоторых, расположенных в близком соседстве друг с другом, городов, – с другой, что в организационном плане представляло собой нечто весьма аморфное. Но отчасти именно благодаря такой структурной неопределенности Ганза легко приспосабливалась и к менявшимся обстоятельствам, и к не одинаковым в разных зонах ее влияния условиям. Постепенно Ганза становилась ведущей силой в торговле на Балтике и в Северном море.

В Южной Германии роль важнейшего торгового центра в XII–XIII вв. играл Регенсбург. Между 1222 и 1225 гг. в Венеции было основано постоянное подворье (фондако) немецких купцов, прежде всего регенсбургских. Помимо южного торгового пути, важную роль для Регенсбурга и всей Верхней Германии в XII в. играл путь восточный – через Прагу, Краков и Галич в Киев. В Регенсбурге была отдельная гильдия купцов, торговавших с Русью; сохранились свидетельства посещений регенсбуржцами Киева, как и русскими купцами Баварии. Из Руси поступали меха, в обратном направлении везли фландрские и кельнские сукна. Лишь нападения половцев и, в особенности, вторжение монголов положили конец этой торговле. В XIV–XV вв. на юге Германии постепенно возрастает роль купцов из других крупных городов – Нюрнберга, Ульма, Аугсбурга.

Постепенно в Германии складываются три самостоятельных в хозяйственном отношении региона, каждый из которых по-своему принимал участие в мировой торговле. Это северный – контролируемый Ганзой, южный – с многочисленными городами Верхней Германии и западный – вдоль Рейна. По мере начавшегося в XIII в. и углубившегося с началом Столетней войны упадка шампанских ярмарок в Германии возникает все больше новых ярмарок, самой представительной из которых стала франкфуртская. Франкфурт-на-Майне постепенно берет на себя роль главного распределителя товаров для всей Центральной Европы.

С конца XIII в. намечаются новшества в кредитно-финансовом деле. Они связаны с появлением, в основном на Рейне, представителей итальянских банкирских домов, которых в Германии всех одинаково называли “ломбардцами”. Усовершенствованная бухгалтерия и некоторые из форм кредитования довольно быстро перенимаются от “ломбардцев” немецкими купцами. С XIV в., особенно со второй его половины, разви-

ваются торговые товарищества, предполагающие долевое участие разных купцов в торговых предприятиях. Крупной организацией такого рода стала Равенсбургская компания, имевшая свои филиалы не только в Германии, но и в Италии, Франции и Испании. В ганзейском регионе обычным стало паевое участие купцов в организации заморской торговли. В 1402 г. во Франкфурте-на-Майне был основан первый собственно городской банк.

О возросшем объеме торговых операций в Германии свидетельствует начало чеканки с XIV в. гульдена – собственной золотой монеты по образцу флорентийского флорина.

При всей значимости дальней торговли для верхушки городского патрициата, а в ганзейском регионе – и для целых городских общин, судьбы большинства германских городов определяла прежде всего торговля в ближайшей к ним округе. От спроса в соседних аграрных областях и зависел в первую очередь путь развития ремесленного производства в том или ином городе.

Производство. На первых порах немецкие города росли преимущественно на посреднической торговле; производство товаров, которые пользовались бы спросом за пределами непосредственной округи, в XI–начале XII в. практически отсутствовало. Одно из немногих известных исключений – изготовление кельнских мечей (которые, впрочем, не обязательно производились в самом городе). Если во Фландрии уже в XI в. производились сукна, известные по всей Европе, то в германских городах текстильное производство широко распространяется лишь в XIII в.

Однако и на первых порах слабое городское ремесло требовало развития соответствующих форм его организации. К XII в. относится становление цехов: в 1128 г. впервые упоминается один из них – корпорация шорцбургских сапожников, а в XIII в. цехи становятся в городах Германии явлением повсеместным. В середине XIV в. в таких городах, как Нюрнберг или Любек, уже было около полусотни профессиональных организаций, насчитывавших до тысячи-полутора самостоятельных мастеров. Впрочем, число ремесленных корпораций еще не показатель уровня развития города: в Цюрихе только в середине XIV в. возник последний из 15 цехов города, тогда как в некоторых менее значительных городах число их могло достигать и двух сотен.

К числу наиболее уважаемых объединений относились обычно цехи ювелиров, мясников, булочников. В зависимости от особенностей городского хозяйства, на первый план могли выступать различные ремесленные специальности. В приморских городах, естественно, немалым почтением пользовались корабельные плотники. Там же, как и в местностях с развитым виноделием, высокий спрос на разного вида бочки определял социальную значимость бочаров. В Эрфурте, центре области, специализировавшейся на выращивании вайды, влиятельными были красильщики. По мере того как в германских городах – и почти по всей Западной Европе – растет текстильное производство, соответствующие позиции начинают приобретать цехи, в нем участвующие.

Хотя германские города не смогли составить серьезной конкуренции Италии и Нидерландам в производстве качественных экспортных

сукон, они, как правило, были в состоянии по крайней мере удовлетворять потребности своих местных рынков в грубом сукне. Так, относительно большим спросом пользовались дешевые серые сукна, изготавливавшиеся в Гессене и по среднему Рейну, в области с центром во Франкфурте-на-Майне. Существенно больших успехов удалось достичь немецким ремесленникам в других видах текстильного производства. Города Вестфалии и области вокруг Боденского озера в XII–XIII вв. сложились в два специализированных района экспортного производства льняных тканей. Очень успешным оказалось и начавшееся в 60-е годы XIV в. в Швабии изготовление бумазеи из хлопка, поставляемого с Леванта. Хлопчатобумажное производство быстро распространилось почти по всей Южной Германии и перекинулось в начале XV в. на Чехию, Силезию и Венгрию. Изготовление шелковых тканей было хорошо налажено в Кёльне, а также в Цюрихе, Ульме, Регенсбурге, Нюрнберге.

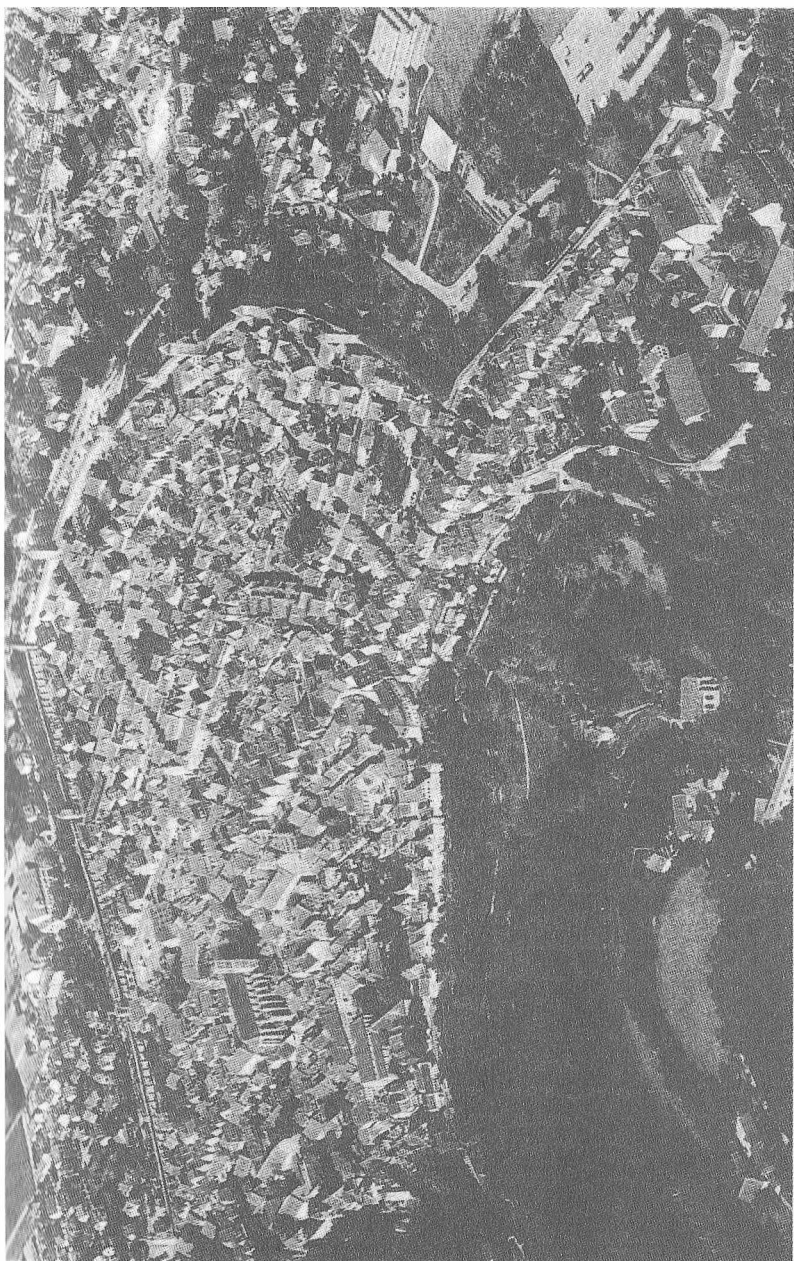
Обработкой металла с раннего Средневековья занимались прежде всего вдоль Мааса и в Кёльне с окрестностями. В Майнце изготавливались доспехи, поставлявшиеся, в частности, в Англию. С XIII в. роль одного из важных европейских центров металлообработки начинает приобретать Нюрнберг.

Германские города стали родиной совершенно особого рода производства – печатного дела. Несмотря на немалые технические, финансовые и организационные трудности в его налаживании, книгопечатание быстро распространилось по стране. Если в 1460 г. типографии действовали только в трех городах (Майнц, Бамберг, Страсбург), то через десять лет таких городов было четырнадцать, а через двадцать – уже более сотни.

При относительно слабом на первых порах (а на Севере страны и постоянно) развитии ремесленного производства немецкие бюргеры в некоторых регионах сумели освоить весьма прибыльные промыслы. Самым выгодным из них занимались жители северных приморских городов: с XIII в. они на широкую ногу поставили ловлю сельди на Балтике – у берегов о-ва Рюген, датской области Сконе и вообще на юге Скандинавского полуострова. Засоленная балтийская сельдь пользовалась высоким и постоянным спросом по всей Европе, что и неудивительно при изобилии постных дней, в которые христианам запрещалось потребление мяса. В немалой степени именно торговле сельдью обязаны северогерманские города своим стремительным подъемом.

Соответственно, немалое значение имел и соляной промысел. В немецких землях славилась своей особой чистотой соль из Лüneбурга. Места расположения крупных средневековых солеварен и сейчас легко определить по названиям городов, в которые включено слово *Hall* – соляной источник (Халле-на-Заале, Швебиш-Халль, Райхенхалль, Халльштат, тирольский Халль) и др.

На юге Германии активно развивался горный промысел. Для нужд расширявшейся европейской торговли требовалось все больше серебра. Помимо известного еще в X в. месторождения в окрестностях Гослара в горах Гарца, на протяжении XII–XIII вв. были обнаружены залежи серебра в Шварцвальде и Тироле. Однако только успехи “внутренней коло-

Ротенбург

низации” позволили основать крупнейшие прииски в Рудных горах (Эрцгебирге), ставшие главными поставщиками серебра в XIII в., а также рудники в Силезии и Чехии, Штирии, Крайне. В XV в. все более заметным становится стремление состоятельных бюргеров из городов, благосостояние которых было основано на торговле или на ремесле, но отнюдь не на горном деле, вкладывать крупные средства в освоение различных месторождений, даже находящихся весьма далеко от стен родного города.

Город и аграрная периферия. Всякий западноевропейский средневековый город был теснейшим образом связан со своей аграрной периферией. Тем более это справедливо для Германии с ее относительно невысоким уровнем урбанизации. Едва ли не каждый сколько-нибудь состоятельный горожанин в Германии владел большим или меньшим по размерам участком земли за пределами городских стен. Что же касается патрициев, то они, начиная примерно с рубежа XIII и XIV вв., весьма активно занялись приобретением земельных владений, отбирая монополию на землю у светской знати и церкви.

Некоторые германские города обзавелись собственными компактными владениями, далеко выходящими за границы так называемой “городской мили”. В таких случаях немецкие города, как и итальянские, становились центрами более или менее обширных территорий, подчиненных городскому совету. Два подобных “города-государства” до сих пор сохраняются на политической карте Европы – это швейцарские кантоны Берн и Цюрих, некогда имперские города с принадлежащими им сельскими округами.

Политический вес и экономическое могущество средневекового немецкого города не было напрямую связано с размерами подвластной ему территории. Процветавший на протяжении всего Средневековья Франкфурт-на-Майне не располагал сколько-нибудь заметными владениями, как, впрочем, и сам Кёльн. Нюрнберг, напротив, держал в своих руках пространство примерно в 1500 кв. км, на котором помещалось шесть городков и множество деревень. Но и скромный по размерам город Швёбиш-Халль сумел собрать весьма заметную территорию в 330 кв. км, население которой раза в четыре превышало число жителей самого города. Такая склонность некоторых верхнегерманских городов к созданию больших “пригородных владений” вызвана, по всей видимости, потребностями городского ремесла: обширные деревенские “пригороды” использовались в качестве поставщиков полуфабрикатов, например, для текстильного производства, как в Ульме, или для металлообработки, как в Нюрнберге. Те же города, что ориентировались на торговлю, а не на развитие собственного ремесла, не проявляли никакой заинтересованности в расширении своих земель. Это относится не только к упомянувшимся Кёльну или Франкфурту, но и к ганзейским городам, огромные ресурсы которых могли бы им позволить обзавестись весьма просторными территориями. На побережье городской патрициат предпочитал приобретать только отдельные замки, позволявшие держать под контролем важные для города пути. Зато овладение водным фарватером могло стать важнейшей целью городской политики, как показыва-

ст пример Гамбурга, с железным упорством добивавшегося полного контроля за всем 135 километровым устьем Эльбы, соединявшим город с морем.

Некоторые небольшие южногерманские города, такие как Мемминген, Юберлинген или Линдау, не сумевшие обзавестись собственными территориями, располагали иным способом контролировать округу. Их городские приюты получали столь щедрые благочестивые дары, что становились едва ли не крупнейшими землевладельцами в окрестностях своего города. Такая форма контроля за территорией имела свои преимущества, поскольку земельная собственность, по сути дела принадлежа городу, формально считалась церковной, и вследствие этого имела более выгодный статус.

Города, не располагавшие и такими видами пригородной собственности, все равно находили способы обеспечить собственные интересы в ближайшей округе, скажем, устраивая свои дозорные вышки, заставы, засеки на дорогах, ведущих к городу. В окрестностях маленького Гёттингена подобные укрепления располагались уже в 11 км от городской стены.

Как и в других областях Западной Европы, города в Германии управляли своей аграрной периферией вполне традиционными способами, являясь по отношению к крестьянам как бы коллективными феодальными сеньорами. Многие “пригородные” деревни попросту переходили в личное владение городских патрициев, как это было, например, в Нюрнберге. В отличие от многих германских княжеств, на территориях, подчиненных городам, не сформировалось никаких органов сословного представительства. Единственное исключение представлял имперский город Эгер (Хеб), во владениях которого вроде бы намечалась тенденция к развитию представительства местных сословий. Этот процесс, однако, был прерван после того, как Карл IV передал Эгер на условиях заклада Чешскому королевству.

Далеко не ко всем жителям близкой и далекой округи города относились одинаково. Широкое распространение в Германии получили “загородные горожане” (Pfeilbürger, Aussbürger). Городские советы предоставляли бюргерские права лицам, проживавшим в близкой или далекой округе, не требуя от них переселения в город. Среди таких “пфальбюргеров” или же “аусбюргеров” встречались и крестьяне, но большинство составляли члены привилегированных сословий: священники, аббаты, мелкие и даже средние светские господа. В Ульме до 1499 г. пфальбюргерами могли стать даже богатые евреи. Все эти люди вместе со своим статусом приобретали покровительство города и могли пользоваться большей самостоятельностью по отношению к князьям, стремившимся подчинить их своему влиянию. Чуть ли не все эльзасское рыцарство состояло из “загородных горожан” Страсбурга к крайнему раздражению страсбургских епископов – традиционных противников городской общины. Зато город Страсбург в минуту опасности всегда мог рассчитывать на сильное рыцарское войско. Естественно, что все большее распространение пфальбюргерства вызывало резкие протесты и противодействие со стороны князей. Им сильно мешало округлять свои владения

само существование многочисленных “загородных горожан” По требованиям князей германские императоры публиковали указы о запрете пфальбюргерства в 1231, 1232, 1274, 1287, 1298, 1341, 1354 гг., но явно безрезультатно. Не произвел большого впечатления и запрет пфальбюргерства в Золотой булле императора Карла IV в 1356 г.

Правовой статус городов. По юридическому статусу средневековые германские города делят обычно на имперские, вольные и земские (территориальные). Самую немногочисленную группу из них составляли так называемые “вольные города”, самую большую – земские. “Вольными” провозгласили себя некоторые старые епископские города по Рейну и Дунаю, которым удалось избавиться от власти своих сеньоров в ходе коммунального движения. К их числу относились Кёльн, Майнц (до 1462 г.), Вормс, Шпайер, Страсбург, Базель и Регенсбург (до 1486 г.). В весьма похожем положении были некоторые другие города, лежавшие в пределах империи: Мец, Туль, Верден, Камбре, Лозанна, Безансон, Констанц, Кур, Аугсбург.

“Свободное” состояние, на котором настаивали города, вышедшие из-под власти своих сеньоров-епископов, исключало в принципе прямое подчинение кому бы то ни было, включая самого императора. Однако само название “вольный город” выражало более претензию, нежели реальный, юридически четко оформленный и общепризнанный статус. С течением времени часть “вольных городов” вновь теряет самостоятельность и подпадает под власть князей (Майнц, Регенсбург), остальные же постепенно деградируют в своем правовом положении до уровня имперских городов и сливаются с ними в одну категорию. В результате сближения в раннее Новое время (но не ранее!) появляется понятие “вольные имперские города” (*liberi imperii civitates, Freie Reichsstädte*).

Имперскими (*Reichsstädte*) стали называться первоначально города, лежавшие на домениальных землях Штауфенов, прежде всего в герцогстве Швабском. После исчезновения Штауфеновской династии в середине XIII в. и распада Швабского герцогства оставшиеся без своего сеньора города, числом около сотни, стали провозглашать себя подчиняющимися непосредственно империи. В качестве своего единственного сеньора они признавали только главу империи – императора или же Римского короля. Происхождение большинства имперских городов из домона Штауфенов естественно означало сосредоточение основной их массы в Верхней (т.е. Южной) Германии. К северу от Майна их было всего 25. Из числа городов на севере страны, приобретших со временем статус имперских, заслуживают упоминания только Любек, Дор-тмунд и Гослар.

На протяжении XIV–XV вв. имперские города накапливали всевозможные привилегии, прежде всего королевские, закреплявшие и расширявшие их свободы. Оставаясь в принципе подданными королей и императоров, бюргеры имперских городов смогли постепенно добиться очень широкой автономии. Разумеется, никакой унификации отношений между королем, с одной стороны, и разными имперскими городами, с другой, не было, да и не могло быть. В каждом конкретном случае эти отношения отличались своими особенностями.

Количество имперских городов колебалось от десятилетия к десятилетию, от века к веку, по мере того, как некоторые из них передавались государями (обычно в качестве закладов) князьям и тем самым медиатизировались, а некоторые сеньориальные города, напротив, освобождались от власти своих господ и добивались имперского статуса. Но в XV (и особенно XVI) в. тенденция к сокращению числа имперских городов стала очевидной. Это вызывалось и утратой империей ряда земель на западе, и закладами (которые испытывавшие постоянную нехватку средств германские государи обычно не могли выкупить обратно), и тем, что императоры из династии Люксембургов и Габсбургов передавали некоторые имперские города в состав своих собственных княжеств, да и просто подчинением имперских городов все более усиливавшимся в это время могущественными соседями-князьями.

Самой многочисленной группой германских городов были так называемые земские или же территориальные, то есть, находившиеся в подчинении у сеньоров – духовных и светских князей. Среди территориальных городов были резиденции влиятельных княжеских династий, постепенно собравшие в своих стенах очень большое по меркам империи население: Вена, Мюнхен, Прага. Однако подавляющее большинство – несколько тысяч сеньориальных городов – сохраняли на протяжении всего средневековья весьма скромные размеры. Реальный политико-правовой статус княжеских городов, впрочем, мог иметь мало общего с “официальным”. Так, в Германии XIV–XV вв. трудно найти городские общины, пользовавшиеся большей свободой и самостоятельностью, чем так называемые “приморские” города – члены ганзейского союза. И тем не менее почти все они считались городами земскими.

Стремление к автономии – тенденция вполне заметная в истории разных территориальных городов. Однако даже в тех случаях, когда горожанам удавалось добиться независимости де-факто, ее никак не удавалось закрепить де-юре. Правовой статус некоторых сеньориальных городов в XIV–XV вв. вообще не был вполне ясен. Бюргеры всячески настаивали на своей независимости, но эта независимость то вроде бы уже признавалась, то вновь начинала оспариваться. Такие территориальные города как Брауншвейг, Люнебург, Гёттинген, Магдебург и Эрфурт временами были представлены на имперских собраниях и платили имперские взносы, что, собственно, относилось к привилегиям и обязанностям имперских городов. Однако постепенно все они лишились этих почетных обязанностей.

Городские союзы. Небольшие региональные объединения городов в Германии известны с XIII в. Около 1226 г. в соглашения между собой вступили некоторые прирейнские города, несколько позже – отдельные города в Швабии, а также вдоль северного морского побережья. Именно в этих трех областях города и на протяжении последующих веков будут проявлять наибольшую склонность к организации широких союзов. В течение XIII–XV вв. в разных частях Германии возникали региональные городские союзы. Они оказывались особенно устойчивыми в тех краях, где горожане производили примерно одинаковую продукцию, а еще лучше и совместно ее экспортировали из региона. Примерами тому

служит городской союз Швабии и Верхний Франконии с Ульмом во главе, союз городов вокруг Боденского озера, в котором главную роль играл Констанц, и союз верхнепфальцских городов, ориентировавшийся на Нюрнберг. Постоянно воспроизводилась схема, когда города определенной исторической области сплачивались вокруг одного, самого сильного из них, игравшего роль регионального центра. Характерные примеры – союзы имперских городов в области Веттерау вокруг Франкфурта-на-Майне и эльзасских городов вокруг Страсбурга. Союзы сходного типа заключали порой между собой и города земские, причем подчас с соизволения сеньора, как в Верхнем Лаузице (Верхних Лужицах), где центром объединения стал Герлиц.

Особая роль в истории Германии принадлежит обычно не столь устойчивым, но политически влиятельным межрегиональным городским союзам. Первым из них стал Рейнский, возникший в 1254 г. в условиях глубокого политического кризиса в империи и объединивший до 60 имперских и вольных городов от Цюриха и Регенсбурга на юге до Бремена и Ахена на севере. Столь широкую политическую интеграцию городов вызвал упадок королевской власти в Германии после поражения Штауфенов в борьбе с папами. Чисто политические причины (нажим со стороны внешних сил – князей, рыцарства и короля) стали причиной организации сильных межрегиональных городских объединений и в XIV в. Хотя Золотая Булла 1356 г. и запрещала самостоятельные городские союзы, именно после ее издания и возникали самые широкие из них. В 1376 г. военный союз заключили между собой имперские города в Швабии, а в 1381 г. они объединились с созданным в том же году союзом городов по Рейну. В этот союз в итоге вошли почти все имперские и вольные города империи, правда его организация была довольно рыхлой. Объединенный союз городов вступил в войну с князьями, но проиграл ее и распался (1389). Вторая война между объединенными городами и князьями состоялась в 1449–1451 гг. И закончилась так же. Это поражение положило конец попыткам бюргеров создать межрегиональные союзы. Правда, “имперский союз в Швабии” (1488–1533/34) доказал свою эффективность, но это было уже объединение нового типа – наряду с городами в него вошли местные дворяне и некоторые князья, а император стал его главой.

На севере Германии в XIV в. характер межрегионального городского союза (или конгломерата различных союзов и объединений) постепенно приобретает Ганза. Уже в силу того, что территории, на которые распространяются интересы ганзейцев, были огромными, союз не мог иметь четкой организации и структуры. Единственным общеганзейским “органом власти” являлось с 1356 г. “Собрание Ганзы” (Hansetag), собиравшееся нерегулярно и не принимавшее обязательных для всех решений. Тем не менее гибкая система отношений между разными городами – членами Ганзы – оказалась и в XIV–XV вв. весьма эффективной, принеся ганзейцам успехи, в том числе и в военных предприятиях против их противников (1358–1360, 1388–1392 – успешные блокады Фландрии, 1370, 1435 – выгодные мирные договоры с Данией, 1474 – с Англией, 1483 – с Францией). Однако и на севере городские союзы не смогут в

длительной перспективе противостоять все усиливавшейся власти князей и государей. Свидетельство тому – постепенное угасание Ганзы. Характерно, что сильные прусские города во главе с Данцигом и Эльбингом, победив в восстании против своего коллективного сеньора – Тевтонского ордена, вместо того, чтобы укреплять свою самостоятельность, немедленно признают зависимость от польского короля (Второй Горуньский мир 1466 г.).

Городские союзы доказали свою относительную эффективность в обеспечении торговых интересов бюргеров и поддержании регионального мира и порядка, они способствовали развитию сословного самосознания у некоторых групп горожан, однако эти объединения не играли сколько-нибудь существенной роли в складывании германской государственности. Даже ставить вопрос о теоретической возможности политического объединения Германии городскими союзами (в частности, Ганзой) – не что иное, как грубейший анахронизм. Тем более лишены смысла встречающиеся в литературе сожаления о том, что ни Ганзе, ни любому иному объединению городов “так и не удалось” в силу “определенных причин” добиться централизации страны.

Города и центральная власть. Первые выступления горожан в поддержку германских королей относятся к концу XI–началу XII в. Тогда, в годы так называемой “борьбы за инвеституру” ряд городов, и прежде всего Вормс, не раз в самые критические моменты делом доказывали свою преданность королю Генриху IV. Подчас выступления за короля сливались с выступлениями против городского сеньора-епископа. В награду за верность горожане Вормса получили широкие императорские привилегии.

Случаи активной помощи горожан государям известны и позднее. Так, в начале XIII в. во время борьбы между императором Оттоном IV Вельфом и королем Филиппом Штауфеном большинство городов активно помогало Филиппу, зато Кёльн столь же решительно до последней возможности стоял на стороне императора. В 1300 г. король Альбрехт Габсбург сумел победить всех рейнских курфюрстов, объединившихся против него. Столь редкая в германской истории победа стала возможной благодаря поддержке горожан Рейнской области.

И все-таки было бы неверно не только говорить о складывании союза между королевской властью и горожанами в средневековой Германии, но даже ставить вопрос о возможности его возникновения “по французскому образцу”. На протяжении как XII в. – времени широкого распространения городской жизни в Германии, – так, тем более, и в последующие столетия немецкие государи, в отличие от французских, не преследовали (да и не могли преследовать) политики централизации. Положение германского короля или императора зависело в первую очередь от характера его отношений с князьями. Но поскольку подавляющее большинство городов Германии находилось или хотя бы считалось под властью князей, то любая поддержка коммунального движения со стороны государя втянула бы его в совершенно бесперспективный конфликт с теми, кто располагал самой большой силой в империи. Подобно императору Генриху V, еще в 1107 г. не пожелавшему признавать

коммуну в Камбре (этот город относился тогда к империи), или Фридриху II, требовавшему распустить городской совет в Вормсе, германские государи меньше всего были склонны поддерживать стремление горожан к освобождению от власти их сеньоров. Только полным отчаянием короля Вацлава можно объяснить его беспрецедентный шаг: оказавшись перед сплоченным фронтом княжеской оппозиции он вдруг провозгласил все города одного из своих недругов – вюрцбургского епископа – имперскими. Эта мера ничего не изменила в положении горожан, но зато укрепила князей в их намерении низложить Вацлава, что и было успешно осуществлено (1400). Самые свободные из всех княжеских городов – ганзейские – лежали слишком далеко на севере, и большинство германских государей не поддерживали с ними почти никаких связей.

По отношению к имперским и вольным городам (вне зависимости от претензий последних на самостоятельность от любых властей) король сам чувствовал себя их сеньором, а значит, вовсе не был склонен поощрять свободолюбие у “своих” горожан. В этих городах король располагал определенными правами юрисдикции, мог требовать в некоторых ситуациях от магистратов предоставления в свое распоряжение воинских контингентов, и разумеется, всегда рассчитывал на гостеприимство городских властей для себя и двора. Кроме того, каждый имперский город ежегодно платил установленный денежный взнос и “подать с евреев” – это были самые регулярные поступления в королевскую казну. Иногда королям удавалось добиться дополнительных выплат или же кредитов. Магистраты имперских городов обычно старались ставить короля в известность о важных новостях и своими силами пересылали срочные послания, составленные в королевской канцелярии.

Вряд ли можно говорить о какой-либо “городской политике” германских государей. Их отношения с разными городами (или с их объединениями) складывались весьма различно и легко менялись в зависимости от колебаний общей ситуации. Легко можно также заметить, что разные короли покровительствовали разным имперским городам. Так, Рудольф Габсбург имел особенно тесные отношения с Базелем, Людвиг VI Баварский – с Франкфуртом-на-Майне, Люксембурги – прежде всего с Нюрнбергом. Кроме того, каждая позднесредневековая королевская династия была прежде всего связана со “столицей” собственного княжества, хотя эти города, естественно, не были имперскими. Такими династическими центрами были Гейдельберг и Мюнхен для Виттельсбахов, Прага для Люксембургов, Вена для Габсбургов. В империи так и не появилось настоящей столицы. Помимо экономических оснований (в империи не сложилось единого хозяйственного центра) и частой смены королевских династий, у каждой из которых были свои предпочтения, для этого была еще одна важная причина: королевский двор в Германии (как почти повсюду в Европе) так и не стал “оседлым”. Государь и в XIV–XV вв. должен был постоянно странствовать по стране, чтобы актуализировать свою власть в той или иной ее области. Поэтому часть функций столицы на время брали то города, в которых месяцами заседали рейхстаги (например, Вормс в 1495 г.) или годами – церковные соборы (Констанц в 1414–1418 гг.), то излюбленные “династические” рези-

денции королей, то крупные центры, наиболее тесно связанные с монархией (Нюрнберг). Примерно с середины XV в. императоры Габсбурги начинают терять интерес к имперским городам. Это связано с окончательной “территориализацией” имперской власти, когда главной ее опорой становится обширный комплекс собственных династических владений.

Отношение к союзам имперских городов было у королей холодным и даже враждебным. Лишь в отдельных случаях они проявляли заинтересованность в сближении с такими объединениями. На имперские собрания представители городов были впервые приглашены в 1255 г., нерегулярно бывали они на таких встречах и позже, в XIV–XV вв. Городской совет (или, в соответствии с более поздней терминологией, городская курия) в составе имперских собраний выступает в четком виде с 1489 г. Однако только Вестфальский мир 1648 г. уравнивал права посланцев городов с правами других участников рейхстагов. Подчиненное положение горожан на средневековых имперских собраниях очевидно: бюргеров вызывали не для ознакомления с их мнениями, но главным образом чтобы сообщить размеры суммы, которую им предстояло внести. Существенно большим весом пользовались городские представители в некоторых из ландтагов – собраниях сословий отдельных германских земель.

“Имперские реформы” рубежа XV и XVI вв., шедшие в направлении определенной модернизации властных отношений в Германии, не устраивали некоторые города. В новых тенденциях бюргеры не без основания усматривали угрозу потери ряда городских привилегий и увеличения финансовых обязательств перед империей. Поэтому некоторые достаточно сильные городские общины, особенно расположенные на окраинах страны, предпочли всеми силами отстаивать свой прежний, ставший к тому времени уже довольно архаичным, статус, а значит, по мере возможности увеличивать дистанцию по отношению к остальной медленно видоизменяющейся Германии. Наиболее удачливыми на пути выхода из политического союза, который представляла собой империя XV в., оказались Мец в Лотарингии, а также имперские города Цюрих и Берн, к которым в 1501 г. примкнул и вольный город Базель. Они смогли оружием подкрепить свое нежелание идти тем же путем, что и остальная часть империи.

ЛИТЕРАТУРА

Beiträge zum spätmittelalterlichen Städtewesen / Hg. B. Diestelkamp. Köln; Wien, 1982.

Boockmann H. Die Stadt im späten Mittelalter. München, 1986.

Die Stadt am Ausgang des Mittelalters / Hg. W. Rausch. Linz, 1974.

Die Stadt des Mittelalters / Hg. C. Haase. Darmstadt, 1976–1984. Bd. 1–3.

Die Städte Mitteleuropas im 12. und 13. Jahrhundert / Hg. W. Rausch. Linz, 1973.

Engel E. Die deutsche Stadt des Mittelalters. München, 1993.

Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. Goettingen, 1979.

Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1981.

Europäische Stadtgeschichte im Mittelalter und früher Neuzeit / Hg. W. Magdefrau. Weimar, 1979.

Haus und Familie in der spätmittelalterlichen Stadt / Hg. A. Haverkamp. Köln; Wien, 1984.

Heinig P.-J. Reichsstädte, freie Städte und Königtum 1380–1450. Ein Beitrag zur deutschen Verfassungsgeschichte. Wiesbaden, 1983.

Holtz E. Reichsstädte und Zentralgewalt unter König Wenzel 1376–1400. Warendorf, 1993.

Isenmann E. Die deutsche Stadt in Spätmittelalter, 1250–1500. Stuttgart, 1988.

Maschke E. Städte und Menschen. Beiträge zur Geschichte der Stadt, der Wirtschaft und der Gesellschaft. Wiesbaden, 1980.

Mitterauer M. Markt und Stadt im Mittelalter. Beitrag zur historischen Zentralitätsforschung. Stuttgart, 1980.

Moraw P. Zur Verfassungsposition der Freien Städte zwischen König und Reich, besonders im 15. Jahrhundert // *Res publica. Bürgerschaft in Stadt und Staat*, Berlin, 1988. S. 11–39.

Moraw P. Reichsstadt, Reich und Königtum im späten Mittelalter // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1979. Bd. 6.

Österreichische Städte und Märkte in der Geschichte / Hg. E. Zollner. Wien, 1985.

Pitz E. Europäisches Städtewesen und Bürgertum. Von der Spätantike bis zum hohen Mittelalter. Darmstadt, 1991.

Stadt im Wandel. Kunst und Kultur des Bürgertums in Norddeutschland 1150–1650. / Hg. C. Meckseper. Stuttgart u.a., 1985. Bd. 1–4.

Stadt und Krieg / Hg. B. Kirchgassner und G. Scholz. Sigmaringen, 1989.

Stadt und Städtebürgertum in der deutschen Geschichte des 13. Jahrhunderts. / Hg. B. Topfer. Berlin, 1976.

Stadt und Stadtherr im 14. Jahrhundert / Hg. W. Rausch. Linz, 1972.

Stadt und Umland / Hg. E. Maschke und J. Sydow. Stuttgart, 1974.

Stood H. Forschungen zum Städtewesen in Europa. Köln; Wien, 1970. Bd. 1.

АНГЛИЙСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Список английских городов, составленный в XIV в., содержит сто названий, в том числе многих мелких местечек, но это, конечно, не исчерпывающая опись. По самым тщательным подсчетам историков-урбанистов второй половины XX в., включивших в свой список все населенные пункты, которые хотя бы однажды были названы в источниках “бургами” или облагались налогами по квоте “бургов”, а также такие, в которых имелись городские держания, к началу XIII в. в Англии было 214 городов. Уже к 1250 г. их стало 349, к 1300 г. — 480, а к 1400 г. насчитывалось 575 городов.

Географическое положение и характер местности в значительной степени определяли и планировку, и особенности генезиса города, а нередко и его последующую историю. Многие города средневековой Англии имели на своей территории предшественников — укрепленные поселения кельтов доримской эпохи и так называемых темных веков. Устройство римлянами своих лагерей и муниципиев на месте бывших кельтских племенных и региональных центров и просто укрепленных пунктов

было обычной практикой, впоследствии некоторые из них стали англосаксонскими бургами: сквозь цепь преобразований прошли, в частности, Йорк, Винчестер, Линкольн, Кентерберри, Глостер, Солсбери, Колчестер, Сент-Олбанс и другие английские города.

Возникновение собственно средневековых городов в Англии обычно датируется X–XI столетиями. В это время – как на новых местах, так и на месте старых поселений – появляются не только бурги, но и обладавшие торговыми привилегиями порты, население которых в правовом отношении отличалось крайней неоднородностью и распадалось на множество групп и слоев: министриалов, свободных, членов торговой гильдии, вилланов и т.д. Первые документальные свидетельства о составе городского населения Англии содержатся в знаменитой “Книге страшного суда” (1086 г.), в которую были сведены данные, полученные в результате предпринятой по приказу Вильгельма Завоевателя уникальной переписи земельных держаний и доходов с них. Всего в ней насчитывается до сотни городов, в которых проживало около 5% всего населения страны. Здесь также впервые упомянуты *burgenses*, то есть лица, владевшие свободным городским держанием (*burgagium*). Не обремененное барщиной и другими вилланскими повинностями, свободно отчуждаемое держание с невысокой фиксированной рентой предоставляло горожанину самые необходимые условия свободы личности, времени и имущества, имевшие чрезвычайно важное экономическое содержание. Не случайно именно владение городским держанием долгое время (вплоть до конца XIII в.) было условием городского гражданства.

В течение XI–XII вв. старые города набирают силу и рядом с ними появляются все новые и новые городские центры. Этот процесс приобрел беспрецедентные масштабы между 1150 и 1250 гг., на которые приходится пик средневековой урбанизации. Если по “Книге страшного суда” в Стаффордшире насчитывалось всего три города, то к 1300 г. их стало двадцать два. В Девоншире число городов увеличилось с пяти в 1086 г. до восемнадцати в 1238 г. Археологические раскопки, производившиеся во многих английских городах, показывают, что в течение XII–XIII вв. города разрастались, их границы расширялись, поднимались новые дома и церкви, на ранее неосвоенных земельных участках возникали новые рынки и целые предместья. Таким образом, в городах происходила реорганизация внутреннего пространства, формировалась совершенно особая социальная и культурная среда.

Особый тип городских поселений средневековой Англии составляли так называемые новые, или основанные города, то есть те, которые появились в результате планомерной и целенаправленной градостроительной деятельности крупных землевладельцев – феодальных сеньоров, и в первую очередь – английских королей, которые основали 1/8 новых городов в Англии и 1/3 – в Уэльсе. Речь идет о городах, основанных после нормандского завоевания 1066 года. Уже к концу XIII в. в Англии существовало более 120 основанных городов, расположенных в разных графствах и хорошо знакомых английским и иностранным купцам. Те же экономические факторы, которые являлись решающими для органического развития городов из уже существовавших поселений (рост произ-

водства и населения в сельских районах, развитие обмена), побуждали сеньоров, в том числе и короля, основывать новые города. Именно продолжительный демографический рост дал возможность в очень короткий срок заселить новые города, не опустошая округу.

Деятельность короны и английских землевладельцев по основанию новых городов имела в своей основе серьезный материальный интерес. Сеньоры получали от основанных городов дополнительные доходы в виде торговых пошлин, городских рент и судебных штрафов. За счет получения новым контингентом подданных статуса горожан значительно увеличивались и поступления в королевскую казну, так как повышенная налоговая квота на движимое имущество горожан (по сравнению с сельским населением) распространялась на все города, лежали ли они в пределах королевского домена или находились на сеньориальных землях. Кроме того, основание городов положительно влияло на доходные поступления в бюджет сеньоров и вне городских стен. Независимо от особенностей местного хозяйства, новый город способствовал внутренней колонизации и своей округе: во-первых, город стимулировал производство сельскохозяйственных продуктов, а во-вторых, он сам мог принимать участие, причем зачастую довольно активное, в расширении площадей обрабатываемых земель, приобретая таким образом собственные поля.

Разбросанность поместий короны и других крупных землевладельцев по всей стране побуждала последних заботиться о поддержании коммуникаций. На карте Англии, составленной около 1360 г., показана довольно густая сеть дорог, пересекающих всю страну в разных направлениях. Лондон на ней является центром, от которого как лучи расходятся во все стороны главные дороги. Эта система дорог связывала многие отдаленные города, порты и внутренние рынки Англии, обеспечивала если не постоянное, то по крайней мере регулярное сообщение между ними. Состояние дорог позволяло, например, совершать путешествие из Оксфорда в Лондон летом за один день, а зимой – за два.

Сами города на той же исторической карте обозначены – в зависимости от того, как современники понимали их статус и роль в жизни своей страны, – значками трех видов. Названия Лондона и Йорка вписаны золотыми буквами. Как города второй категории отмечены 38 городов: Бристоль, Кентербери, Карлайл, Дарем, Глостер, Линкольн, Ладлоу, Ньюкасл, Норидж, Ноттингем, Рочестер и др. Остальные попадают, таким образом, в третью категорию. В Англии несомненно преобладали и имели огромное значение малые города, выполнявшие функции рыночного центра сельской округи, радиус которой обыкновенно не превышал 20–25 км. Находясь на очень небольшом расстоянии друг от друга, рыночные местечки и мелкие городки полуаграрного типа играли решающую организационную роль в осуществлении повседневного товарообмена. Буквально вся сельская “глубинка” была пронизана ими (исследователи насчитывают между 1199 и 1350 г. около двух тысяч грамот, жаловавших право на рынок, из них более шестисот – в городах), вплоть до того, что даже приходилось издавать специальные постановления о том, что нельзя учреждать рынок на расстоянии меньше мили от уже существующего.

Несмотря на все обычные сложности, связанные с состоянием

транспортных средств и системы коммуникаций, особая многочисленность малых городов в средневековой Англии обеспечивала жизнеспособность и эффективность региональной городской сети. Частота и относительная равномерность распространения этих формирующих ее промежуточных узелков задавала ей необходимую прочность, даже в отсутствие гораздо более притягательных своим богатством и блеском гигантов средневековой урбанизации, которыми славились, например, Фландрия и Северная Италия.

В отличие от малых и средних городов английские провинциальные центры, и в первую очередь “столицы” графств, были по-настоящему многофункциональными, они предлагали населению этих крупных территориальных округов развернутый комплекс услуг в экономической, административной, духовно-религиозной сфере. Особое место занимали среди них те города, в которых располагались резиденции епископов и светских магнатов, обладателей широких имунитетных привилегий.

Как правило, большинство средневековых английских городов получали, вернее, выкупали королевские хартии, предоставлявшие им важные экономические привилегии, например, свободу от поборов и пошлин и различные торговые монополии. Мелкие города, принадлежавшие светским феодалам и, в особенности, епископствам и аббатствам, как правило, довольствовались лишь отдельными экономическими привилегиями. Но, кроме того, города также покупали право иметь привилегированную корпорацию – *Gilda mercatoria* (торговую гильдию), организацию, фактически осуществлявшую контроль над городским управлением. Ее членам предоставлялась монополия на торговлю, а стать ими могли не только жители города, участвовавшие в торговле, но и лица, которые проживали в прилегающей округе и даже на всей территории графства (в том числе господа и крестьяне): уплачивая вступительный взнос, они получали право торговать на городском рынке. Этот своеобразный институт английского средневекового города существовал как в городах королевского домена (крупных, средних и совсем небольших), так и в тех, которые принадлежали светским и церковным землевладельцам. До конца XIV в. хартии на право иметь торговую гильдию получили более ста городов в Англии и 30 – в Уэльсе.

Многие города также приобретали так называемое право фирмы, освобождавшее их от обременительных феодальных платежей благодаря уплате сеньору ежегодной фиксированной денежной суммы, которая распределялась между горожанами и собиралась ими самостоятельно. Таким образом уже благодаря откупу фирмы серьезно ограничивалась компетенция королевских или сеньориальных служащих. С течением времени на повестку дня становилось приобретение более широких привилегий, которые даровали городу право частичного самоуправления. Дальнейшее расширение городских вольностей, на которое, разумеется, требовались дополнительные материальные ресурсы, могло и вовсе избавить жителей от повсеместного вмешательства королевского шерифа, а также органов местного управления сотен и графств во внутригородские дела.

Практически все значительные города королевского домена были инкорпорированы в XII–XIII вв. Всего к началу XIII в. хартии имели око-

ло восьмидесяти городов, к началу XIV в. – уже 192, а к началу XV в. – 234 города. Наряду с экономическими привилегиями они получали и дополнительные вольности судебно-административного характера, обеспечивавшие их обладателям разную степень автономии: право иметь городской суд, право избирать собственных должностных лиц, право иметь выборные органы самоуправления: городской совет, мэра и олдерменов и т.д. Только в течение XIII–XIV вв. 117 городов получили право иметь свой суд, более ста хартий, пожалованных в этот период, ограничивали или запрещали вмешательство в городские дела королевской администрации, а 67 – предоставляли горожанам право избирать своих должностных лиц. Следует, однако, иметь в виду, что судебные привилегии городов касались лишь низшей юрисдикции, а городские суды – за единичными исключениями – не выходили за рамки компетенции сотенного суда.

Наиболее развитые и богатые города Англии были расположены на территории королевского домена, и их сеньором являлся сам король. Это осложняло борьбу горожан за политическую автономию, поскольку противостоять такому сверхмогущественному сеньору отдельным, даже крупным – по английским масштабам – городам, было явно не под силу. И хотя еще Генрих I пожаловал лондонцам привилегию назначать своих собственных шерифов и судей, а с XIII в. они уже избирали мэра, тем не менее ни один из английских городов так и не смог добиться статуса типа французской коммуны. Максимальный уровень их административной автономии – это присвоение статуса графства, которым обладали к началу XV в. всего пять городов: Лондон (с XII в.), Бристоль (1393), Ньюкасл (1400), Норидж (1404), Линкольн (1409). Получив хартию, даже с весьма широкими привилегиями, английские города вовсе не становились независимыми “вольными городами” или “городами-сеньорами” – слишком сильна была английская централизованная монархия, в отличие от раздробленных Германии и Италии. В условиях ускоренной государственной централизации не существовало ни серьезных стимулов к вооруженной борьбе с могущественным сюзереном, ни реальной перспективы для политической автономии городов. Речь могла идти только о том или ином объеме иммунитетных прав в сфере администрации и судопроизводства, не затрагивавших важнейшие королевские прерогативы.

Все города находились под властью короны, несли перед ней тяжкие обязанности фискального и военного характера и подчинялись ее высшей юрисдикции. Король юридически и практически оставался сеньором городской общины, уплачивающей фирму. Каждый горожанин держал свой земельный участок непосредственно от короны или от какого-либо другого крупного землевладельца (в так называемых сеньориальных городах). Городская корпорация не являлась земельным собственником. Городские должностные лица выполняли все функции шерифа: осуществляли поставки королевскому двору, оценку имущества горожан и взимание с него государственных налогов, проводили королевские расследования, исполняли королевские указы и т.д. Обладая иммунитетными привилегиями, города фактически оставались королевскими административными центрами. По вопросам реализации королевских преро-

гитив, а позднее и парламентских статутот, английская средневековая монархия рассматривала мэра и городских бейлифов как своих чиновников, призванных на деле обеспечивать непосредственную связь между центральной властью и местным самоуправлением. Кроме того, корона продолжала осуществлять в городах свои публично-правовые функции и без привлечения аппарата городского управления, периодически назначая специальные разъездные комиссии королевских судей с разными полномочиями, в том числе для разбирательства в рамках общего права по делам заключенных городских тюрем (gaol delivery), для слушания и завершения уголовных дел (oyer et terminer), для судебного преследования лиц, обвиненных в беспорядках и злоупотреблениях на местах (trail-baston).

С ростом городов последние становятся важным объектом финансовой эксплуатации. Королевская власть применяла различные способы для пополнения казны за счет накопленных в городах богатств. Самым удобным из них было прямое парламентское обложение движимого имущества горожан, которое постепенно вытеснило особенно ненавистную городам произвольную талью – старинный феодальный побор с домениальных владений короны. Но и в рамках парламентских субсидий английские города платили значительно большую квоту налога, чем графства. Помимо этого, корона выкачивала деньги из городов и через косвенные налоги, особенно таможенные пошлины, самыми доходными из которых были экспортные пошлины на шерсть, а позднее – на сукно.

В военное время короли требовали с городов натуральные поставки, города были обязаны за свой счет снаряжать военные отряды или корабли, возводить укрепления, обеспечивать все необходимое для обороны города. Особых масштабов мобилизация городских ресурсов на военные нужды достигла в период Столетней войны. Только лондонцы наняли и экипировали в 1344 г. 400 лучников, 200 конных воинов и 100 пехотинцев, а для осады Кале в 1347 г. Лондон снарядил 25 судов и 662 матроса, Бристоль – 24 судна и 608 матросов, Дартмут – 31 судно и 757 матросов, Плимут – 26 кораблей и 603 матроса, Уэймут – 20 кораблей и 264 матроса и т.д. В 1360 г. порты и города внутренней Англии предоставили короне восемьдесят кораблей и 14 тысяч человек, включая лучников, для военной экспедиции во Францию. В случае необходимости все торговые суда, приписанные к английским портам, могли быть арестованы для военных целей.

Бесспорно, финансовая эксплуатация городов государством – в любой ее форме – причиняла им значительный ущерб, и поэтому законопослушные горожане старались использовать все легальные рычаги для ее смягчения. Однако иногда, в критические минуты, они давали жесткий отпор королевским чиновникам, излишне усердно осуществлявшим на практике фискальную политику короны. Так, в 1321 г. большая группа горожан Ипсвича (в том числе ряд представителей городской верхушки) была обвинена в оказании сопротивления королевским бейлифам при сборе пошлин. В 1358 г. “многочисленные злоумышленники в городе Ярмуте, объединившись”, совершили нападение на бейлифа, коронера и сборщиков налога, отчего последние не сумели собрать его в поло-

женный срок. Эти и многие другие аналогичные случаи, разумеется, не оставались без последствий и могли повлечь за собой не только индивидуальное наказание провинившихся, но и поражение в правах самой городской общины. В такой ситуации, а также выступая как арбитр в случае внутригородских конфликтов, король мог смещать с должностей негодных ему лиц и требовать избрания новых. Вольности городов совершенно не были гарантированы, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные петиции городов, а также внесение статей о соблюдении городских вольностей и обычаев в парламентские петиции общин и длинные вереницы спорадических подтверждений городских хартий.

В целом пренебрежение городскими вольностями было довольно широко распространено в административной практике, но нарушались не только отдельные привилегии городов. По различным поводам любой город мог быть временно “взят в королевскую руку”, то есть лишен всех прав самоуправления: эту процедуру испытали на себе многие города Англии, в том числе и самые крупные (Лондон, Йорк, Бристоль, Ньюкасл, Нортгемптон, Скарборо, Оксфорд и др.). Иногда лишение города прав самоуправления приводило к вооруженным столкновениям между горожанами и представителями центральной власти. Ярким примером тому является известное Бристольское восстание 1313 г., вспыхнувшее в результате возмущения горожан несправедливым, на их взгляд, решением комиссии королевских судей, расследовавшей конфликт между городской общиной и олигархическим “советом четырнадцати”. Зачинщиками мятежа, во время которого погибло двадцать человек, а королевские судьи едва спаслись бегством, были признаны восемьдесят горожан, объявленные вне закона. После повторного разбирательства в Вестминстере Бристоль был “взят в руку короля” и охрана порядка в городе поручена констеблю королевского замка.

Однако непокорные мэры и бейлифы отказались признать это распоряжение и продолжали выполнять свои должностные обязанности. Горожане препятствовали констеблю в осуществлении возложенных на него королем функций, избили и ранили его парламентаров, построили баррикады, осадили замок, произвели несколько атак. Они также арестовали королевских сборщиков талей, прибывших в город. Более двух лет горожане Бристоля сопротивлялись королевским приказам. В конце концов Эдуард II счел это “дурным примером” и велел осадить город. Только после того, как городские стены были разрушены осадными машинами, бристольтцам пришлось сдаться. Подавив восстание и объявив вне закона трех его лидеров, король даровал прощение общине города, поскольку, как выразился хронист, “невозможно наказать такое множество людей”. Но королевская милость обошлась городу очень дорого, она была куплена за огромную по тем временам сумму – 4 тысячи фунтов стерлингов.

Этот экстремальный случай по контрасту усилий и достижений, пожалуй, как никакой другой, прекрасно подтверждает общее для английских городов правило: отстаивать свои вольности и привилегии и добиваться их расширения предпочтительнее легальными способами, а всего лучше – с помощью толстой мошны и профессионального умения тор-

говаться, благо растущие материальные потребности короны, определившие по существу всю ее политику по отношению к городам, предоставляли им достаточное пространство для маневров. Понимая бесперспективность силового решения своих проблем с центральной властью и несмотря на частое нарушение ею же “дарованных” свобод, горожане редко выступали на свою защиту с оружием в руках. В XIV в. помимо подкрепляемых весомыми денежными “аргументами” сепаратных переговоров с королевским советом у них появляется новый и достаточно эффективный метод, переводящий многократно испытанную и доказавшую свою состоятельность процедуру торга в сферу публичной сословной политики: горожане стали активно использовать в своих интересах парламентскую трибуну. Содержащиеся в десятках парламентских петиций XIV–XV вв. статьи о подтверждении и соблюдении привилегий и хартий всех городов и бургов выразили общее требование всего городского сословия английского королевства.

Итак, в течение XIII–XIV вв. развитие сложной системы городских вольностей и привилегий создает необходимые условия для юридического закрепления особого статуса горожан в государственном масштабе. При этом важной особенностью истории городского сословия в Англии явился прямой путь его консолидации, отсутствие в ней промежуточных территориальных или региональных стадий. Становление всего корпуса городских привилегий шло в русле общегосударственных процессов. Развитие центрального аппарата, осуществлявшееся параллельно с поэтапным приобретением городами дополнительных вольностей и привилегий, компенсировало их, восстанавливая необходимый баланс сил. Со временем городские судебные-административные органы все жестче интегрировались в национальную систему местного управления, но сама эта система достаточно гибко учитывала государственные и локальные интересы, позволяя до известных пределов гармонизировать развитие хозяйственных, административных и других общественных функций в процессе урбанизации. Одним из проявлений такого трудного и не всегда однозначного согласования интересов являлась повсеместная политика правительства в отношении торговли и ремесла, которая в конечном счете руководствовалась соображениями здравого смысла: стремление к максимальной эксплуатации городских богатств сдерживалось пониманием того, что само их накопление требует соответствующих условий и стимулов.

Во многом именно поэтому в средневековой Англии сложились исключительно благоприятные условия для развития внутреннего рынка. Ведь ему способствовали не только наличие удобных водных путей и ранняя хозяйственная диверсификация регионов, но и – не в меньшей степени – интенсивный процесс освобождения городов от пошлин по всей территории страны, сопровождавший процесс ее государственной централизации. Экономическая специализация городов и сельских районов создавала предпосылки для активного обмена между ними. Предметы роскоши, произведенные лондонскими ремесленниками, распространялись по всей стране. В то же время крестьяне внутренних графств привозили продукты питания и сырье на рынки Лондона, Кентерберии,

Колчестера, Кембриджа, Хантингдона, Ипсвича и других городов. Горожане Бристоля и Честера вели торговлю с Уэльсом. Торговцы из Ньюкасла доставляли уголь в Лондон, в восточные и южные графства Англии. Купцы Йорка, Ноттингема, Халла, Ньюкасла и Линкольна вели регулярную торговлю в долине Трента.

Уже в раннее Средневековье в английских городах достигли высокого уровня, а впоследствии продолжали динамично развиваться металлообработка, строительное дело, обработка камня и дерева, кожи и меха. Ювелирное дело процветало во всех больших городах Англии и особенно в Лондоне, где на протяжении XIV в. число мастеров-ювелиров выросло с четырнадцати до 186 человек. На всю страну славился мастер литейного дела из Кентербери и Йорка. Ряд английских городов был известен своим сукноделием еще в X–XI вв. В XII–XIII вв. оно было уже распространено не менее чем в 40 городах, в том числе в Лондоне, Уинчестере, Йорке, Линкольне, Кембридже, Норидже, Лестере, Вустере, Глостере, Оксфорде, Ноттингеме и др. К концу XIV в. на первое место по объему производства в этой отрасли выходит Солсбери, за ним следует Бристоль, далее – Йорк и Ковентри.

Что касается населенности английских средневековых городов, то приходится констатировать, что практически все имеющиеся подсчеты и оценки весьма относительны. Суммарные оценки колеблются от 5% до 10% всего населения страны. При отсутствии точных цифр, многие историки предпочитают говорить о ранге того или иного города, который определяется по спискам налогоплательщиков. По подушной подати 1377 г. (т.е. после демографической катастрофы середины XIV в.) население Лондона оценивается примерно в тридцать пять–сорок тысяч человек, Йорка – более десяти тысяч, Бристоля – около десяти тысяч. Ниже располагаются Ковентри (около 7200 человек), Норидж (около 6000 человек), и далее по нисходящей – Линкольн, Солсбери, Линн, Колчестер, Бостон, Беверли, Ньюкасл, Кентербери, Сент-Эдмундсбери, Оксфорд, Глостер, Лестер и Шрусбери (от 5200 до 3000 человек). Менее значительные провинциальные центры, такие как Херефорд, Кембридж, Вустер и Ноттингем, насчитывали от двух до трех тысяч жителей, а за ними уже шло множество средних и малых английских городов.

В мелких городах ремесленники обслуживали очень ограниченный местный рынок, а до 50% населения занималось сельским хозяйством. Экономическая структура средних городов была более сложной, большие группы населения были заняты в ремесленном производстве, торговле и в “сфере услуг”. В крупных городах важную роль уже играла торговля на дальние расстояния, а иногда и экспортные отрасли производства. Важнейшие английские порты специализировались по отдельным направлениям и отраслям внешней торговли. Саутгемптон являлся главным портом южного побережья, он вырос и существовал благодаря торговле с южными странами и никогда не был крупным производящим центром. За ним шли Дартмут, Плимут, Уинчелси, Уэймут и конфедерация Пяти Портов (Дувр, Сэндвич, Хастингс, Хит и Ромни). Они были связаны торговлей с Францией, Испанией и Италией. Восточные порты – Бостон, Халл, Линн, Ярмут – занимались торговлей с Фландрией, Бра-

бангом, Голландией и Зеландией, а также с немецкими городами. На севере Йорк был центром торговли с балтийскими странами, Ньюкасл – каботажной (до Саутгемптона) торговли углем. На западе выделялся своими экспортно-импортными операциями Бристоль. Во второй половине XIV в. он был главным портом Англии по вывозу сукна, через Бристоль также экспортировались железо и строевой лес, а ввозились вино, соль и другие товары. Бристольский порт посещали корабли из Гаскони, Португалии, Испании, Ирландии, Уэльса, Бретани, Нормандии, Фландрии и Пруссии. Основными центрами торговли рыбой были Ярмут, Скарборо и Гримсби.

Начиная с XII в. в результате роста производства и разделения труда в средних и более крупных городах возникают новые специализированные торгово-ремесленные корпорации, каждая из которых, защищая насущные экономические интересы своих членов, монополизирует занятие тем или иным ремеслом (или отраслью торговли) в городе и регламентирует качество продукции, часы работы, цены и заработную плату подмастерьев и приказчиков, систему ученичества, а также выполняет основные социальные функции общения и взаимопомощи. Чтобы стать полноправным членом цеха, необходимо было пройти семилетнее ученичество и заплатить вступительный взнос. Совет во главе с олдерменом следил за выполнением цеховых статутов и налагал штрафы за их нарушение. Взносы и штрафы составляли общий фонд, из которого не только покрывались текущие расходы цеха, но и основывались часовни, указывались обедни, оказывалась помощь нуждающимся.

Чем активнее была торговая и ремесленная деятельность в городе, тем быстрее возникали специализированные ремесленные цехи и происходило разложение торговой гильдии, а впоследствии и образовавшихся ранее крупных корпораций, охватывавших целую отрасль ремесленного производства. Вообще нужно иметь в виду, что многообразие занятий – вполне обычное явление в профессиональной структуре населения даже не очень крупных средневековых городов: например, в начале XIV в. в городских документах Честера и Кембриджа упоминается более 50 специальностей, в Кентербери – около 70, а в Бристолье и в Лондоне, как и в Йорке к концу века, – более 120.

Как и в других странах Западной Европы, население английских городов, особенно в политико-административных, военных и церковных центрах, было гетерогенным по своему составу, и столь же пестрой была карта городской недвижимости: в источниках имеются указания на городские владения феодалов разных рангов, светских и духовных, начиная с короля и архиепископа, епископов, аббатов, баронов и кончая мелкими вассалами. Земельные держания и дома феодалов в городах разного типа сохранялись на протяжении всего средневековья, их площади и число росли по мере превращения второстепенных городов в более крупные, а также с усилением притягательности городской жизни. Естественно, что в крупных политико-административных центрах потребность представителей аристократии в собственной городской резиденции многократно возрастала.

Поскольку верховный суверенитет всегда оставался за короной, городскому управлению принадлежала лишь часть публично-правовой

власти, но и она распространялась не на всю городскую территорию, внутри последней и в прилегающих предместьях имелись существенные и обширные изъятия – иммунитетные территории трех видов: королевский замок, светский фьеф и церковный фьеф. Такие изъятия могли значительно урезать ареал городской юрисдикции. Пожалуй, наиболее ярко проблема иммунитетных зон проявилась в Винчестере, который только к середине XII в. окончательно перестал быть столицей королевства (хотя казначейство оставалось здесь вплоть до конца XII в.).

Через весь Винчестер от восточных к западным воротам тянулася Хай-стрит, делившая город на две равные части. К югу от Хай-стрит мэр города практически не имел власти: у западных ворот располагался королевский замок, рядом с ним – конвент, а затем кафедральный собор. Они были огорожены стенами, за которыми кончалась светская юрисдикция и исключалось любое вмешательство извне. Ближе к восточным воротам находился дворец епископа, на который также распространялся иммунитет. Епископ имел верховную власть над расположившейся за воротами так называемой епископской сокой и собирал пошлины со всех товаров, переправляемых по реке. Держатели епископа, оставаясь вне муниципального контроля, имели тем не менее право откупать и продавать все виды товаров в городе. Сока была удобным прибежищем для лиц, уклоняющихся от уплаты городских податей.

Но и в северной части имелись зоны, полностью изъятые из городской юрисдикции. Напротив резиденции короля у западных ворот располагался дворец королевы. Этот дворец передавался королеве в качестве традиционного “утреннего дара”, она же получала ренты и пошлины с примыкавших ко дворцу торговых рядов. У восточных ворот располагался другой пояс церковной недвижимости, принадлежавшей францисканцам и доминиканцам. Прямо в центре города, напротив Гилдхолла, находилась собственность конвента – иммунитетная территория Голдбит, на которой предписания королевской администрации и городских властей не имели никакой силы.

Власти Винчестера не имели контроля даже над городскими воротами: за одни нес ответственность епископ, двое других были в руках конвента. Кроме того, раз в год на время большой ярмарки епископ получал высшую юрисдикцию в Винчестере, и все городское управление отменялось. В другое время, если король находился в городе, королевские камергеры и клерки собирали все рыночные подати и въездные пошлины.

Это, конечно, экстремальный случай, но в подобном положении, в той или иной мере, находились очень многие города Англии. Постоянное давление со стороны соперничающих сеньориальных юрисдикций и естественное стремление муниципальных властей обеспечить себе полный административный контроль в городских границах приводили к конфликтным ситуациям: нескончаемым тяжбам, которые, как правило, кончались для городских властей провалом, а иногда и к вооруженным стычкам. Особенно сложно развивались отношения с церковными корпорациями, которые имели иммунитетные анклавы в каждом достаточно крупном городе. Споры между городом Кентербери и монастырем продолжались более трехсот лет. Многолетние конфликты имели

место между горожанами Йорка и аббатством св. Марии. Споры между горожанами Колчестера и аббатством св. Иоанна, между горожанами и настоятелем собора св. Марии в Линкольне неоднократно рассматривались в королевском совете. Конфликты на этой же почве не прекращались в Эксетере, Уинчестере, Солсбери, Чичестере и других городах. Общая модель была такова: вооруженное насилие со стороны горожан, затем длительная рижба в Вестминстере и, наконец, провал. И так до Реформации.

Что касается собственно сеньориальных городов, то им было трудней, чем большинству королевских городов, добиваться привилегий, но пользуясь постоянной нуждой светских феодалов в деньгах, такие города, накопив определенные средства, тоже имели возможность постепенно приобретать хартии, предоставляющие им необходимые условия для дальнейшего развития. Многие из них освободились от сеньоров еще в XIII в., но некоторые продолжали борьбу и позднее, например, Лестер, Ливерпуль. В особенно тяжелом положении находились города, принадлежавшие духовным сеньорам: Линн, Бери, Рединг, Сайренсестер, Сент-Олбанс, Саттон, Мальмсбери, Леоминстер, Гластонбери, Айл, Питерборо, Данстебл, Дерби, Абингдон и др. Их борьба за самые скромные вольности длилась веками. Обычно епископы, а иногда и аббаты монастырей, “жаловали” своим городам экономические привилегии, в том числе освобождение от некоторых пошлин, но никакого самоуправления, никаких вольностей судебно-административного характера. Особенно трудно давалась эта борьба монастырским городам, поскольку богатые монастыри не имели острой нужды в дополнительных средствах и не шли на торг с горожанами, добывавшимися экономических и иных свобод. До XV в. в Англии еще было двадцать монастырских городов и еще пять городов, большая часть территории которых принадлежала монастырям.

Интересно сложилась судьба города Ковентри. Его территория принадлежала двум сеньорам: одна половина монастырю, а вторая, как и весь манор Ковентри, с 1330 г., – королеве Изабелле. В 1341 г. было объявлено, что ей передается вся власть над городом. С 1334 по 1348 гг. королева выдает городу одну хартию за другой. В 1340 г. Эдуард III даровал горожанам право иметь торговую гильдию, в 1341 г. – судебные привилегии, в 1344 г. – освобождение от всех пошлин, а королевская хартия 1345 г. закрепила и значительно расширила городские вольности. С 1355 г. власть приора ограничивалась лишь одним небольшим районом. Ковентри, часть которого принадлежала королеве, занимал, конечно, исключительное положение, и щедрость короны объяснялась борьбой с приором за контроль над городом. В общем же отношение королевской власти к борьбе городов за вольности и привилегии и к конфликтам между городами и сеньорами не было столь однозначным, оно всегда осложнялось дополнительными факторами. Многое зависело от личности и положения сеньора, от степени его влияния в королевском совете, от его политической платформы в данный момент.

Социальный спектр городских обитателей был весьма широк и неизменно включал представителей разных сословных групп. Заметное место занимали дворянство и духовенство, многие из которых владели значительными комплексами городской недвижимости. В XIV–XV вв., в благоприят-

ных условиях высокой социальной мобильности складывается ситуация, стимулирующая матримониальные союзы, деловое партнерство, сотрудничество в местном управлении и в сфере парламентского представительства между купеческой верхушкой и городским дворянством-джентри и даже их частичное сращение. Младшие сыновья дворянских семей стремились получить городское гражданство и становились юристами, купцами, предпринимателями, вступали в городские профессиональные корпорации и религиозные братства. Немало новых дворянских родов были основаны удачливыми отпрысками старого дворянства, которые начинали свои карьеры в городе учениками, делали здесь все свое состояние, скупали обширные поместья, получали титул и, оставив дела, возвращались в родное графство.

Купеческая верхушка крупнейших английских торговых центров, захватив контроль над органами городского самоуправления, в конце XIII в. сближается по своему положению с патрициатом континентальных городов, но о фиксации права наследственной передачи статуса и говорить не приходится. В подавляющем большинстве английских городов, мелких и средних по европейским масштабам, ориентировавшихся главным образом на внутреннюю, преимущественно местную торговлю, и не обладавших не только полной автономией, но зачастую и сколько-нибудь значительными правами самоуправления, такая группа и не могла сложиться. Существовавшие социально-имущественные градации осознавались современниками, но были слишком подвижными и не находили отражения в действовавшем праве. Полноправные горожане различного имущественного положения принадлежали к единой публично-правовой категории – фрименам. Это были те, кто владел городским земельным держанием и уплачивал городские налоги, а позднее был и полноправным членом одной из городских корпораций-гильдий. В городе выделяются различные профессиональные группы купцов и ремесленников и социально-имущественные категории (высший, средний и низший слой), а также статусные группы с различным объемом юридических прав, а именно полноправные члены гильдий – с одной стороны, и ученики и подмастерья – с другой.

В XII–XIII вв. социальная мобильность в среде горожан не была ограничена: переход из подмастерьев в мастера был довольно обычным явлением. Но со второй половины XIV в. эта ступень становится заметно круче: в связи с усилением конкуренции со стороны мелких городов и сельского ремесла затрудняется доступ новых мастеров в цехи, а контроль над заработной платой снижает объективные возможности для повышения социального статуса подмастерьев. В некоторых провинциальных центрах, не говоря уже о Лондоне, появляется значительный разрыв между высшим и низшим имущественными уровнями внутри гильдий и рост социально-имущественного неравенства в городской общине в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Богодарова Н.А. Средневековый Лондон глазами современника // *Городская жизнь в средневековой Европе.* М., 1987.

Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV веке // *Уч. зап. МГПИ.* 1969. № 321.

Кириллова А.А. Завещание как источник истории средневекового английского города XIV–XV вв. // Из истории западноевропейского средневековья: Сб. статей. М., 1972.

Кириллова А.А. Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV–XV вв. // Средние века. 1969. Вып. 32; 1971. Вып. 33.

Левицкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.; Л., 1960.

Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.

Мосолкина Т.В. Организация ремесла в Бристоле в XIV–XV веках // Бристольские ремесленные цехи в XIV–XV веках: Сб. текстов. Саратов, 1995.

Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.

Сванидзе А.А. Налоговые описи Колчестера как источник по истории английского средневекового города // Средние века. 1961. Вып. 19.

Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI веков). Саратов, 1983.

Beresford M.W. New towns of the Middle Ages: Town plantation in England, Wales and Gascony. N.Y., 1967.

Beresford M.W. English medieval boroughs: A hand-list. Newton Abbot, 1973.

Bonney M. Lordship and urban community: Durham and its overlords 1250–1540. Cambridge etc., 1990.

Britnell R.H. Growth and decline in Colchester, 1300–1525. Cambridge, 1986.

Dobson R.B. Urban decline in late medieval England // Transactions of the Royal Historical Society. 1977. V. 27.

Dyer C. Standards of living in the later Middle Ages. Cambridge, 1989.

Hemmeon M. de W. Burgage tenure in medieval England. Cambridge (Mass.), 1914.

Hilton R.H. Small town society in England before the Black Death // Past and Present. 1984. №. 105.

Hodges R. Dark Age economics: the origins of towns and trade A.D. 600–1000. L., 1982.

Keene D. Cheapside before the Great Fire. L., 1985.

Kowaleski M. The commercial dominance of a medieval provincial oligarchy: Exeter in the late fourteenth century // Medieval Studies. 1984. V. 46.

The Map of Great Britain circa A.D. 1360, known as the Gough map / With introd. by E.J.S. Parsons. Oxford, 1958.

Martin G.H. The English borough in the thirteenth century // Transactions of the Royal Historical Society. 1963. V. 13.

Martin G.H. Domesday Book and the boroughs // Domesday Book. A Reassessment / Ed. by P. Sawyer. L., 1986.

Ottaway P. Archaeology in British towns: from the Emperor Claudius to the Black Death. L., 1992.

Phythian-Adams Ch. Desolation of a city: Coventry and the urban crisis of the late Middle Ages. Cambridge, 1979.

Raftis J.A. A small town in the medieval England: Codmanchester, 1278–1400. Toronto, 1982.

Reynolds S. An introduction to the history of medieval English towns. Oxford, 1977.

Rogers A. The making of Stamford. Leicester, 1965.

Rosser G. Medieval Westminster 1200–1540. Oxford, 1989.

Rubin M. Charity and community in medieval Cambridge. Cambridge, 1987.

Russell J.C. British medieval population. Albuquerque, 1948.

Shaw D.G. The creation of a community: the city of Wells in the Middle Ages. Oxford, 1993.

Swanson H. Medieval artisans: an urban class in later medieval England. Oxford, 1989.

Tait J. The medieval English borough: studies on its origins and constitutional history. Manchester, 1936.

Towns and townspeople in the fifteenth century / Ed. by J.A.F. Thomson. Gloucester, 1988.

The Transformation of English provincial towns // Ed. by P. Clark. L., 1984.

Trenholme N.M. The English monastic boroughs. Columbia, 1927.

Urry W. Canterbury under the Angevin kings. L., 1967.

Weinbaum M. The incorporation of boroughs. Manchester, 1937.

Williams G. Medieval London, from commune to capital. L., 1963.

Winchester in the early Middle Ages / Ed. by F. Barlow, M. Biddle et al. Oxford, 1976.

Young Ch. The English borough and royal administration, 1130–1307. Durham, 1961.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА В СЕВЕРНЫХ НИДЕРЛАНДАХ

Современные Нидерланды – прежде Нидерланды северные – страна с высокой плотностью городов. В некоторых районах урбанизация достигла таких пределов, что, например, вся западная часть страны – средневековое графство Голландия – обозначается термином “Randstad”, т.е. “пограничный город”, поскольку конгломерат поселений в этом пограничном краю образует почти непрерывную цепь городов и деревень. Процесс развития, приведший к этому, завершился сравнительно недавно. Только со второй половины XIX в. города стали вырываться из своих средневековых стен, часто буквально сметая их. Но и большинство средневековых городов выросли здесь довольно поздно по сравнению с Южными Нидерландами (Фландрия, Брабант и область Мааса) и особенно с Северной Италией. Зутфен удостоился хартии от своего сеньора, графа Гельдерна и Зутфена лишь в 1190/91 г., а в 1217 г. Мидделбург получил хартию от соправителей – графини Фландрской и графа Голландского; этот документ, согласно новым данным, восходит к концу предыдущего века, т.е. тоже примерно к 1190 г. Кроме них, единственными городскими центрами в то же время были епископские резиденции Утрехт и Девентер, а также то, что оставалось от более раннего поселения в Тиле. Развитие городов в Средних Нидерландах ускорилося с середины XIII в., так же как в графствах Голландия и Зеландия, Гельдерне, Зутфене и Оверстихте, части епископства Утрехт, и этот процесс определил также облик Северных Нидерландов. Что же тогда привело к возникновению этих городов, и какой процесс, или процессы, ему предшествовали? Иными словами, кто основал города Северных Нидерландов, в какой среде они выросли, какими были их первые жители, кто и почему предоставил им поддержку и защиту? Вопросы, занимавшие несколько поколений историков-урбанистов, стоило бы поставить вновь.

Развитие городов в Римскую эпоху. Малонаселенность этих мест препятствовала развитию городов северо-западнее Ксанта (Colonia Ulpia Trajana), основанного римским императором Траяном около 100 г. н.э. Только главный центр германского племени батавов на берегах реки Ваал – Batavodorum смог вырасти в городское поселение, когда там разместили римский легион in castra после восстания батавов при Клавдии Цивиле в 69 г. Поселение было определено Траяном как vicus и получило статус муниципия от Марка Аврелия или позднее. Этот муниципий называли Noviomagus (Новый рынок), от чего произошло название Неймеген. Проходящие там раскопки открывают изменчивую картину: его центр постоянно перемещался вследствие запустения и восстановления в позднеримский период.

Ранг муниципия был также дарован Антонином Пием или Марком Аврелием поселению в Форбурге, на дороге с севера на юг между Рейном и дельтой Ваала, Мааса и Шельды, т.е. между Ромбургом на Рейне и Хелиниумом у дельты. Это поселение тоже возникло как племенной центр, вероятно, населенный кананефатами. Адриан пожаловал ему право иметь рынок, после чего местечко стало известно как Forum Hadriani. К 162 г. поселение достигло статуса муниципия с официальным названием Municipium Aurelium Cananefatum. Оба муниципия оказались недолговечными. Около 270 г. во время вторжения франков они были разрушены. Forum Hadriani (Municipium Cananefatum) исчез навсегда, а Неймеген пережил несколько кратких периодов возрождения.

Кроме этих “городов”, другие центры возникли при кастеллах, на перекрестках дорог, при таможенных и сторожевых постах, слиянии рек или римских храмах. Иногда рост таких центров поощрялся властями, а порой они появлялись спонтанно в зависимости от обстоятельств. Римляне обозначали эти центры словом vicus, как Траян называл Неймеген. В голландском языке оно превратилось в wijk или wic, что нередко указывало на поселение с особыми функциями, например на торговое или иное неаграрное назначение. Здесь я хотел бы высказать гипотезу, что какие-то из многочисленных рейнских топонимов с окончанием – wijk происходят к vici, которые складывались возле римских кастелл на оборонительном рубеже Рейна (limes); по крайней мере память об этих местах и их особом характере сохранялась.

Эмпории раннего Средневековья. Из всех римских поселений один лишь Levaforum, впоследствии Дорестада, приобрел значение после того, как римляне покинули эти места. Его важность определялась главным образом положением вблизи нескольких крупных рек, что позволяло контролировать их устье. Роль Дорестада, возможно, еще более возросла благодаря сохранению позднеримской налоговой системы, главный администратор которой – procurator rei publicae – обосновался там при господстве фриз и франков.

Около 603 г. в Дорестаде действовал монетный двор. Во время попыток меровингского короля Дагоберта проникнуть в рейнскую область “монетарий” Маделин чеканил золотые “триенты” в Дорестаде, оставшем, несомненно, под властью франков. В пору расцвета Дорестада, очевидно, был довольно велик и тянулся по берегу реки на протяжении не менее трех километров, хотя и не имел стен.

Это поселение можно разделить на три части. Самое старое поселение, вероятно, находилось на юге, где и *castellum*. На речных лугах севернее Рейсвейка были обнаружены редкие римские и раннесредневековые предметы, но почти все унесла река при изменениях русла, так что мы никогда не сможем воссоздать его облик. К сожалению, археологи не сумели доказать преемственность между позднеримским и раннесредневековым поселением. От V–VI вв. следов не осталось совсем. Раскопки в Дорестаде выявили только следы второй четверти VII в.

В основном раскопки сосредоточились на третьей части поселения - северной. Пока она изучена лишь на одну четверть. Удалось установить, что здесь берег реки был впервые освоен между 675 и 725 гг. Шестнадцатиметровые деревянные платформы или причалы были сооружены на разных уровнях болотистого берега реки, чтобы принимать, загружать и разгружать речные суда. Эти платформы-причалы, похоже, соответствовали земельным участкам, обычно шириной в 20 метров, на дальней стороне прибрежной дороги трехметровой ширины, где стояли дома, развернутые продольной осью к реке. Таким образом, каждому наделу земли как будто соответствовал участок набережной. Три ряда домов такого типа располагались параллельно реке в северной части города. Этот торговый центр был определен Ван Эсом как *vicus* – поселение с довольно высокой плотностью жителей, шириной примерно в 100–125 метров, или чуть более, и по крайней мере в один километр длиной. Подальше от реки существовал другой пояс, около 100–150 метров шириной, с разрозненными жилищами явно аграрного вида.

Южная часть северного квартала, по-видимому, использовалась вплоть до XII в. Тогда она была известна как *villa* Вейк, и источники от 948 г. упоминают, что раньше она называлась Дорестада. С XIII в. новый город Вейк вырос на месте прежнего аграрного поселения Дурстедде, а в 1300 г. ему была пожалована городская хартия. Частично этот город возник из центрального квартала Дорестада, который должен был находиться на берегах Рейна. Поскольку этот район был уже полностью застроен, когда Ван Эс начал раскопки в 1967 г., его исследование было весьма ограничено.

Упадок Дорестада, вероятно, начался около 830 г. Ряд набегов викингов пресек возможности для торговых связей. Контакты города со Скандинавией и Англией были прерваны, и шедшие из этих стран корабли встретили серьезное препятствие в лице викингов. К тому же была потеряна и большая часть округа. Сто лет спустя от громкой славы Дорестада осталось одно воспоминание, как явствует из записи о вилле Вейк под 948 г. До 830 г. коренные жители – вероятно, батавы, франки и хамавы, которыми недолго правили фризы, – поддерживали межобластные и внутренние торговые связи, но их истинный размах не поддается точному определению. Калабаш [сосуд из тыквы] из района Средиземноморья, найденный в колодце VII–начала VIII в. близ Дорестада, указывает также на торговые отношения с югом. В письменных же источниках отражены лишь контакты с севером – с Биркой, Хайтхабу, Гамбургом и Бременом. Археологический материал свидетельствует о связях с Южной Норвегией, Швецией, Юго-восточной Англией, районом Везера и среднего Рейна.

Региональные связи также должны были существовать в VII–VIII вв. Другие торговые поселения в устьях рек, где я искал таможенные пункты, подчиненные каролингскому управляющему в Дорестаде, несомненно, были в тесном взаимодействии с этим центром.

Не обнаружено каких-либо следов ни от Вальхерена (Домбург) в устье Шельды, ни от Витлы в устье Мааса, ни от безымянного селения в устье Рейна (Аккасторп?), но признаки поселения были недавно открыты Бестеманом в дельте рек Фехт, Алмере и Фли – в Медемблике, который, возможно, зависел от Дорестада.

Основываясь на находках вдоль ныне засыпанного канала Мидденлек, по которому названо поселение, Бестеман определяет раннесредневековый Медемблик как “дочерний город” Дорестада. Здесь вдоль набережной выявлена такая же городская структура, как и в северной части Дорестада.

После эпохи викингов, когда река изменила свое течение, и Дорестад стал недоступен для судоходства, голландские города начали развиваться из все еще обитаемых каролингских поселений. Первым из них был Тил, ставший преемником Дорестада; именно туда переместилась королевская таможня. Центром налоговых сборов служил, вероятно, королевский суд в Тиле, но местоположение этого суда в точности неизвестно. 24 июня 897 г. король даровал освобождение от пошлин и некоторых других налогов, которые прежде взимались с жителей Дорестада на земле диоцеза Утрехт и с тех, чьи суда там приставали; привилегия распространялась и на всех жителей Тила, Девентера и других владений диоцеза Утрехт.

Это позволяет предположить, что к 897 г., после упадка Дорестада, пошлины собирали и в Тиле, и в Девентере, к которому мы вернемся ниже. Прежде всего они состояли из рыночных сборов; в отношении купцов осуществлялось *ius emporii*, по которому они были обязаны сгружать и продавать свои товары в указанном месте. Прекращение поставок в Дорестад и исчезновение его самого привели к переносу королевской таможни в Тил, где вокруг суда и таможни вырос город не только местного значения. Об облике этого города известно немного, поскольку исследования там почти не проводились. Но хотя о дорестадах не осталось практически никаких известий, о жителях Тила кое-что рассказывает нам Альперт из Меца; он дает характеристику населения такого импортия. Альперт дважды упоминает тилских купцов. В 1006 г., когда большой флот викингов – “*pyrate ex diversis insulis oceane*” – прибыл из Англии и поднялся по Мерведе до Тила на реке Ваал, его жители в панике бежали выше по реке, бросив все имущество чужеземцам (*alienis nimis*). Однако здесь Альперт замечает: “Кроме своих денег, ибо прежде всего они были купцами” (*sua pene omnia preter pecuniam quia mercatores erant*). Викинги беспрепятственно вошли в Тил, где они спустили паруса. Там они нашли большое количество припасов и похитили все ценности из Вальбургской церкви. По рассказу Альперта они дотла сожгли поселение (*vicus*), уцелела только каменная церковь.

Через несколько лет фризы переселились из своих родных мест к устью Ваала (а также Мааса и Лека) в Мерведский лес. Они объедини-

лись с голландцами, промышлявшими там грабежом во главе с графом Голландии Дирком III и его людьми, и причинили большой ущерб тилским купцам. Жители Тила постоянно одолевали короля жалобами, каковые, по словам Альперта, “они, сравнительно с прочими, весьма склонны заявлять по любому поводу”

В таких условиях ни тилские купцы не могли торговать с соседями, ни британцы приезжать в Тил. В итоге они не могли доставлять королю никаких пошлин (*vestigialia*), как от них требовалось. Они просили короля защитить их от несправедливости: “Не ради того, дабы очернить его имя, но из сердечного сочувствия”, – говорит Альперт и добавляет несколько слов о нравах и обычаях обитателей Тила. “Это люд грубый, не слишком порядочный. Они сами творят себе законы, утверждая, что так им позволил император. Они безнаказанно лжесвидетельствуют там, где дело идет о захватах имущества или о займах, за кои первоначальный владелец требует уплаты или возмещения в должный срок. Колы скоро последний плотно сжимает предмет займа в одной руке, если он достаточно мал, чтобы поместиться в кулак, то другою он клянется, что у него ничего нет” (речь о деньгах). “Они прелюбодействуют и устраивают попойки ранним утром (*summo mane*), где высшие почести выпадают тем, кто вопит громче всех и передает самые похотливые рассказы. Эти попойки устраивают в определенное время года; с сей целью они вместе собирают деньги, и каждый вносит свой вклад, дабы нажиться и оплатить попойки”. Величайшее раздражение Альперта вызывает их привычка “предаваться пьянству с некоей торжественностью в самые важные праздники”. Это, очевидно, относится к купеческим братствам и гильдиям, члены которых собирались в Тиле по заведенным рыночным дням и праздникам, обычно совпадавшим с сезонными миграциями торговцев из одного региона в другой.

Хотя Альперт и говорит, что в этом отношении жители Тила отличались от населения других торговых центров (*ab aliis vicis*), я уверен, что подобное поведение было обычным среди купцов Дорестада, Медемблика, Витлы и Вальхерена в более ранние времена, до периода расцвета Тила.

В середине XII в., опять же из-за изменений речного русла, Тил, похоже, стал менее привлекателен для короны как таможенный центр, так как между 1152 и 1174 г. Фридрих Барбаросса перенес таможню в Кайзерсверт к северу от Дюссельдорфа, чтобы обложить пошлиной всю торговлю Кёльна, включая речной путь, который начал действовать по новому притоку Рейна – Эйсселу и связал Англию и Скандинавию с растущими рейнскими городами. Поэтому Тил превратился в небольшой речной городок, подобный многим другим, возникшим в XIII–XIV вв. Он стал предметом раздоров между епископом Утрехта, герцогом Брабантским и графом Гельдерна; наконец, последнему удалось присоединить город к своим владениям в 1334 г.

Развитие городов после эпохи Каролингов. Мы подходим к ряду совершенно новых явлений в городах Северных Нидерландов, которые были всецело обусловлены развитием международной торговли и экономики, новыми географическими и демографическими возможностями

и осушением земель, поощрявшимся духовными и светскими правителями, в частности в Голландии и Утрехте.

В каком-то смысле все эти факторы взаимосвязаны, и они оказывали сильное влияние друг на друга. С другой стороны, можно утверждать, что лишь по случайности реки изменяют свое течение, правители делают целину пригодной для использования, а бури расчищают заболоченные устья рек, обеспечивая их судоходность. Проблема избытка воды вынуждала строить насыпи и дамбы, что делало целинные земли более доступными.

Осушение земель началось еще в первые годы X в. Упомянутые мною фризцы, покинувшие родные места и осевшие тогда в Мерведском лесу, могли быть первыми на этом пути. Как передает Альперт из Меца, они были приведены к покорности голландскими разбойниками, последние “поделили землю между собою, так что каждый получил участок для осушения и с повелением застроить его и внести вклад в их доходы”. Хендерикс полагает даже, что еще в X в., до 1000 г., систематические работы по осушению велись в районе дельты Мааса-Мерведе, в области Лека и Эйсселла, по Рейну и Фехту, словом, почти по всем долинам голландских рек.

Равномерно проследить развитие всех ста с лишним северо-нидерландских городов в этот период невозможно. Очевидно, решающим временем для тех городов в Нидерландах, что сохраняют значение и сегодня, был XIII в. Почти все они возникли из поселений каролингской эпохи. Некоторые выросли среди руин римского периода, как Утрехт и Неймеген, другие же сложились вокруг усадеб королей, епископов или графов – Девентер, Гронинген, Харлем, Лейден, Делфт, Мидделбург, Зирикзее, Зутфен, Арнем, Рурмонд, Хардервейк, Вагенинген, Хертогенбос и т.д.

Даже Амстердам, выделившийся сравнительно недавно (подобно Дордрехту, Кампену и многим другим городам он возник из аграрного поселения на отвоеванной у моря земле), имел сеньориальный центр близ главной дамбы на реке Амстел. Лишь немногие из этих городов имели значение в “прото-урбанистический” период, как называют эту фазу развития современные нидерландские археологи. Однако именно так обстояло дело с Утрехтом: внутри заброшенных стен, где стоял римский *castellum* Трайектум, Дагоберт построил церковь, позже перестроенную англосаксонским миссионером Виллибрордом, основателем монастыря Эхтернах близ Люксембурга.

Девентер также начал развиваться как епископский центр, когда епископ Утрехта после краткого периода ссылки под Рурмондом (Сент-Одилисберг) избрал местом резиденции королевский манор Каролингов. Да и Гронинген возник из центра королевского домена, попавшего в руки епископа Утрехта. Домен короля находился на дальней оконечности песчаного Хондсруга и держал под контролем низины, населенные фризами. В 1040 г. король Генрих передал этот домен епископу Бернольду вместе с областной юрисдикцией и правом чеканить монету и взимать пошлины.

Из этих трех епископских городов Девентер, кажется, имел старейшую хартию как город с соответствующими функциями. В 877 г. это поселение именовалось *portus*. Археологические раскопки показали, что в то время оно имело такую же структуру, как Дорестади и Медемблик: широкая полоса обжитой земли, растянувшаяся почти на 600 метров вдоль берега Эйсселла, положила начало развитию города. Однако на ос-

новании местных находок археологи склонны датировать возникновение торгового центра в Девентере еще второй половиной XIII в. Я же рассматриваю урбанизацию Девентера в связи с его дальнейшим развитием, начиная с XI в., когда горожанами были построены первые каменные здания и когда Эйссел стал важным судоходным путем к долине Рейна.

Та же датировка может применяться и к Утрехту, важнейшему церковному центру. Епископ Бернольд (1027–1054) основал ряд храмов во круг собора. Вследствие этого протоурбанистское поселение в основном состояло из имунитетных церковных земель, на которых селились и многие миряне: строители и другие ремесленники, моряки и торговцы, Утрехт стал также рынком для излишков сельского хозяйства с осушенных полей к западу от него. Еще в начале XII в. вспыхнули споры между владетельным епископом и светскими жителями города, и в 1122 г. последним удалось отвоевать у епископа городские права, включая самоуправление и судебную систему. Город рос так быстро, что в XII в. единый приход разделился на части.

В свете раскопок последних лет сходный прото-урбанистический этап можно выделить и у Неймегена. К юго-востоку от места, где Карл Великий возвел *palatium* на заброшенных римских руинах, на возвышении у реки Ваал появилось небольшое аграрное поселение (*villa*). В меровингскую эпоху жилища стояли и с западной стороны. Ближе ко дворцу, там, где ныне проходит “большая дорога” между низменным берегом Ваала и высоким плато, в XI в. выросли жилые кварталы, что можно считать начальной фазой средневекового города. Далее к югу город продвинулся только в XIII в. В 1247 г. это владение короны было передано королем Вильгельмом II своему родственнику, графу Отто Гельдернскому, вскоре после пожалования Неймегену ахенского права в 1230 г.

В последующий период городского развития Нидерландов водные пути сохраняли свое значение. Гронинген вырос у слияния рек Дрентзе и Хунзе; Харлем – на Спарне и на стратегической дороге вдоль дюн; Лейден – на Старом Рейне; Дордрехт на болотистом ручье, связавшем системы Рейна и Мааса; Амстердам – на Амстеле.

Итак, наряду с другими обстоятельствами (например, факторами власти), ход городского развития обычно определялся водными путями, хотя и не всегда в равной степени. Скажем, Мидделбург сложился вокруг цитадели или крепости, возведенной около 880 г. для защиты от викингов, и возле находившегося там монастыря норбертинцев (до 1127 г.). Однако изучение карты с расположением рек и стоящих на них городов в самом деле показывает тесную связь между ними, особенно если учитывать историческую эволюцию ландшафта.

Различия между городами востока и запада. Период между 1150 (в случае с Утрехтом – 1122) и 1350 г. характеризуется как этап роста городской автономии в прото-урбанистических поселениях. Процесс становления города венчался получением, покупкой или завоеванием права собственного управления и юрисдикции, хотя бы и в малых пределах. Крупнейшие города, естественно, добивались самых широких привилегий в обеих сферах или присваивали их. Я хотел бы привлечь внимание к некоторым особенностям этого процесса: во-первых, рассмотреть, ка-

ним образом автономия и привилегии достигались, и, во-вторых, ближе приглянуть на один из аспектов городской администрации.

Итак, приобретение городской хартии. На основании документов в ряде недавних статей утверждается, что в Зеландии и Голландии городские хартии получались по инициативе самих горожан. Грамота, пожалованная Мидделбургу, вероятно, в конце XII в., была статутом городского права, составленным самими жителями. Несколько новых статей были добавлены городскими сеньорами при подтверждении хартии в 1217 г. Либо первоначальный статут, либо его дополнения 1217 и 1245 гг. позже были восприняты другими городами Зеландии и представлены на подпись графу Голландскому.

В Голландском графстве ведущая роль принадлежала Харлему. В 1245 г. харлемцы занялись поиском подобающей городской хартии и нашли ее в грамоте, дарованной жителям Ортена герцогом Брабантским ок. 1185 г.; он назвал этот город на реке Маас – Bossche, ныне Хертогенбос (Герцогский лес). Его городская грамота основывалась на тексте хартии Лувена и послужила примером также для хартий Делфта (1246) и Алкмара (1254). Кроме того, Крюйсхер исследовал грамоты Гертруденберга, Дордрехта (1220), Гравезанде и Лейдена. Он заключил, что во всяком случае до второй половины XIII в. регистрация городских хартий и их утверждение графом происходили по инициативе снизу. Заинтересованные в этом горожане брали регистрацию в свои руки и стимулировали процесс утверждения, а нередко и сами добивались его, тогда как правитель, очевидно, не играл главной роли в окончательной формулировке хартии. Поэтому Крюйсхер ставит большой знак вопроса по поводу мнения, что роль графа Голландского в возникновении городов на его территории была решающей.

В моих же исследованиях в графстве Гельдерн и Зутфен, особенно на примере Арнема, я столкнулся с прямо противоположным явлением. Арнем возник на месте двух домениальных центров: один из них принадлежал графу, а другой монастырю Спасителя в Прюме (область Айфель). 13 июня 1233 г. граф даровал всем, населявшим его *oppidum* Арнем, свободу личности и имущества, а также право на самоуправление. Он мог это сделать для населения собственного домена, но в качестве попечителя аббатства не был уполномочен жаловать подобный статус жителям монастырских владений. Однако оба домена не были четко разделены. Прюмские подданные жили на своей земле рядом с соседями из бывшего графского домена. Предоставленные графом вольности привели *oppidum* (отныне *civitas* и вольный город) Арнем в великий беспорядок. Землю, принадлежавшую Прюму, скупали бывшие обитатели графского домена, которым теперь позволялось свободно владеть своими участками. Наследники, обретшие свободу и связанные по женской линии родством с держателями прюмского домена, получали их землю. Оставленные Прюмом земли расхватывались вольными горожанами. Поэтому конфликты с настоятелем аббатства стали неизбежными. В 1281 г. последовали два особых решения. Первое было призвано в какой-то мере возратить под юрисдикцию монастыря утерянные, но некогда принадлежавшие ему наделы, и добиться признания прав Прюма

на эти земли. Их покупатели и незаконные владельцы объявлялись вассалами монастыря, и устанавливался размер налога (*relevium*) на собственность в случае смерти или наследования. Второе положение гласило, что держатели остальных домениальных земель в будущем утратят свой зависимый статус. Они станут свободными, но земля по-прежнему будет принадлежать прюмскому домену, который не будет упразднен. Держатели этих земель останутся под юрисдикцией монастыря и будут соблюдать обычаи и обязанности, принятые в домене. Эти обычаи, касающиеся заключения брака, платежей, порядка наследования и прочего, были вновь подробно записаны.

Держатель домена выигрывал от этого соглашения, поскольку становился свободным и, таким образом, мог стать полноправным горожанином. Но остается вопрос, мог ли он также свободно владеть своей землей, поскольку она все еще рассматривалась как часть домена. В решении графа Отто Гельдернского даровать Арнему привилегии личной и имущественной свободы и самоуправления я вижу сознательный политический акт. При том, что многие его владения обладали иммунитетом, целью политики графа было вернуть под свою юрисдикцию и власть как можно больше людей, ускользнувших из-под нее, даже если для этого было необходимо пожертвовать домениальными правами. Времена менялись. Пожалование городской хартии Арнему указывало на изменившуюся форму власти, с надеждой на прибыль при успешном развитии молодого города. Очевидно, именно это имел в виду молодой граф Гельдерна.

Первым из графов Гельдернских, кто применил такую политику, был, насколько мне известно, дед Отто, тоже по имени Отто, который предоставил городскую грамоту Зутфену в 1190/91 г. Значительная часть Зутфена принадлежала Вальбургскому капитулу диоцеза Утрехт, так что и здесь было два домена, и граф также даровал жителям свободу личности и имущества без дальнейших пояснений, хотя и с некоторыми ограничениями для его людей и доходов. Его сын Герард, похоже, использовал тот же прием по отношению к Рурмонду, где находились многочисленные церковные владения как епископа Утрехта, так и цистерцианского аббатства. Отто-младший продолжал эту политику, возвысив до городского статуса не только Арнем, но и Хардервейк, где располагались владения утрехтского капитула Св. Марии; небольшие селения Лохем и Гендт, в первом из которых помещался домен Вальбургского капитула Зутфена, а во втором – собственность Лоршского аббатства; и Вагенинген, где многие участки относились к домену капитула Св. Иоанна в Утрехте.

Вопрос состоит в том, как графы Гельдерна пришли к этой политике. Вероятно, ответ кроется в их связях с германскими государями. Примером могла служить, в частности, политика последних в отношении иммунитетных прав церкви.

Далее о становлении администрации и патрициата. Два типа городов к востоку и западу от речной области Нидерландов, в графствах Голландия и Гельдерн, различаются и в другом отношении. В этих районах сложились разные типы административных структур. На западе, в Харлеме, Лейдене, Дордрехте, Бриле, Алкмаре и Амстердаме, городское управле-

ние вначале осуществлялось сеньориальным шерифом и старостами (*scabini, schepenen*), которых обычно было семеро. С быстрым ростом этих городов возникла необходимость более широкого участия жителей в управлении, и в ходе XIV в. в большинстве городов Голландии представители бюргерства вошли в магистраты и получили звание советников-ратманов; как явствует из звания, они должны были подавать совет в вопросах администрации и законодательства. Затем этим советникам были поручены дополнительные обязанности, например, оборона городов, сбор налогов, финансы и попечение о сиротах. Это весьма упрочило их влияние в городах и в округе, тогда как старосты (*schepenen*) все более ограничивались своими первоначальными судебными функциями. 16 января 1400 г. Альбрехт Баварский дал Амстердаму привилегию ежегодно избирать трех членов совета большинством голосов бывших старост и ратманов. Этим трем советникам позволялось совместно выбирать одного из бывших членов магистрата, чтобы обеспечить преемственность в совете. Чуть позже эти советники стали называться бургомистрами, и в течение XV–XVI в. в стремительно растущем Амстердаме совет четырех бургомистров стал важнейшим органом власти, которому подчинялись все остальные. Подобный процесс происходил и в других городах Голландского графства.

В Гельдерне же, в городах Зутфен, Арнем, Эммерик, Вагенинген и Хардервейк (королевский город Неймеген составлял исключение) господствовала иная система. Итоги моих исследований по Арнему показывают, что по крайней мере с XIV в. там после ежегодных выборов двое из вновь избранных или переизбранных старост назначались распорядителями финансов. В Арнеме ими почти никогда не были те же люди, что и годом раньше. Двое из старост именовались бургомистрами (*borgermeester, burgimagistri*), но они состояли в должности лишь один год, даже когда Средневековье давно уже завершилось. Правда, в XV в. их положение в магистрате упрочилось, но они все же оставались членами судебного совета, который вместе с ними осуществлял городское управление и правосудие. Данные почти по всем городам, и не только в Нидерландах, свидетельствуют, что эти старосты происходили из немногих родов, называемых городским патрициатом. Многих историков давно интересует, на чем основывалось могущество этих родов, и что позволяло им сохранять свое положение так долго. Изучение Лейдена было недавно предпринято Ван Каном. Он пришел к выводу, что старейшие патрицианские фамилии Лейдена нажили состояние торговлей и ремеслом; затем они делали карьеру на службе правящей аристократии и укреплялись большим притоком провинциальной аристократии и министериалов. В отличие от Гента, где Ф. Блокмансу удалось установить происхождение правящей элиты от горожан-землевладельцев (*virii hereditarii*) на графском домене, в Лейдене, как полагает Ван Кан, владение землей внутри города или за его границами не приводило к господству. Среди старинного лейденского патрициата он обнаружил множество родов, чей престиж был основан на торговле и ремесле. Таким образом, на примере Лейдена Ван Кан подтверждает теории и догадки Пиренна, казалось бы, давно опровергнутые в других случаях.

Однако мое изучение восточнонидерландских городов Гельдерна соотвечает новым взглядам. В Арнеме совет двенадцати старшин, похоже, надался на две родственные группы, которые я назвал бы кланами. Они или должности между собой, чтобы постоянно поддерживать силовое равновесие: по шесть представителей от каждого клана. При таком распределении власти оба клана получали по одному посту бургомистра. С XIV в. эти старшины образовали своего рода совещательный орган; как и в городах рейнской Германии, они назывались советниками (*consules*), по итальянскому образцу. И хотя число советников то и дело менялось, но было почти всегда четным, так что бывшие старшины от обоих кланов имели равное представительство в этом органе.

Мне кажется, я могу объяснить зарождение этой системы, которая сложилась вскоре после получения городом хартии. Весьма вероятно, что она была следствием двойственного домениального характера Арнема. Мне удалось установить, что влияние рода арнемских министриалов и его кланов исходит к их земельным правам в графском домене Арнема, а клан Ван Грютхюйс был обязан своим могуществом предшественникам, чьи поместья находились в составе домена прюмского аббатства Спасителя. При этом в середине XIV в. члены обоих кланов, возглавлявших городское управление, располагали одинаковыми по размеру и стоимости участками в этом городе Арнем, что указывает на раздел власти, основанный на землевладении. Это доказывает, на мой взгляд, домениальное происхождение двойной системы. Есть признаки похожей структуры и в городах Зутфена, Эмерика и Вагенингена, поскольку городские хартии Арнема, Эмерика и Вагенингена, а вероятно и другие, гласили, что городское управление и судопроизводство должно иметь такое же устройство, как в Зутфене. О двойственном домениальном происхождении этих городов уже говорилось.

В заключение я хотел бы выдвинуть гипотезу, что многие города Северных Нидерландов, возникавшие обычно у торговых (особенно водных) путей, выросли из поселений каролингской эпохи, или же более ранних, или же из остатков домениальных структур. В отдельных случаях домены такого рода появились в районах, населенных в римские времена, или рядом с ними. Это значит, что зарождение и развитие города зависело не столько от его исторического прошлого, сколько от местонахождения, которое привлекало жителей со времен Рима и затем обеспечивало формирование или частичную самостоятельность домениальных структур. Но в большинстве случаев именно домениальные центры или поселения, сложившиеся близ королевских резиденций, породили города Средневековья (кроме нескольких польдерных поселений XI–XIII вв. вроде Дордрехта, Кампена и Амстердама) и определили урбанистический характер современных Нидерландов, где на пространстве менее чем в 30 тысяч кв. км насчитывается 197 городов.

ЛИТЕРАТУРА

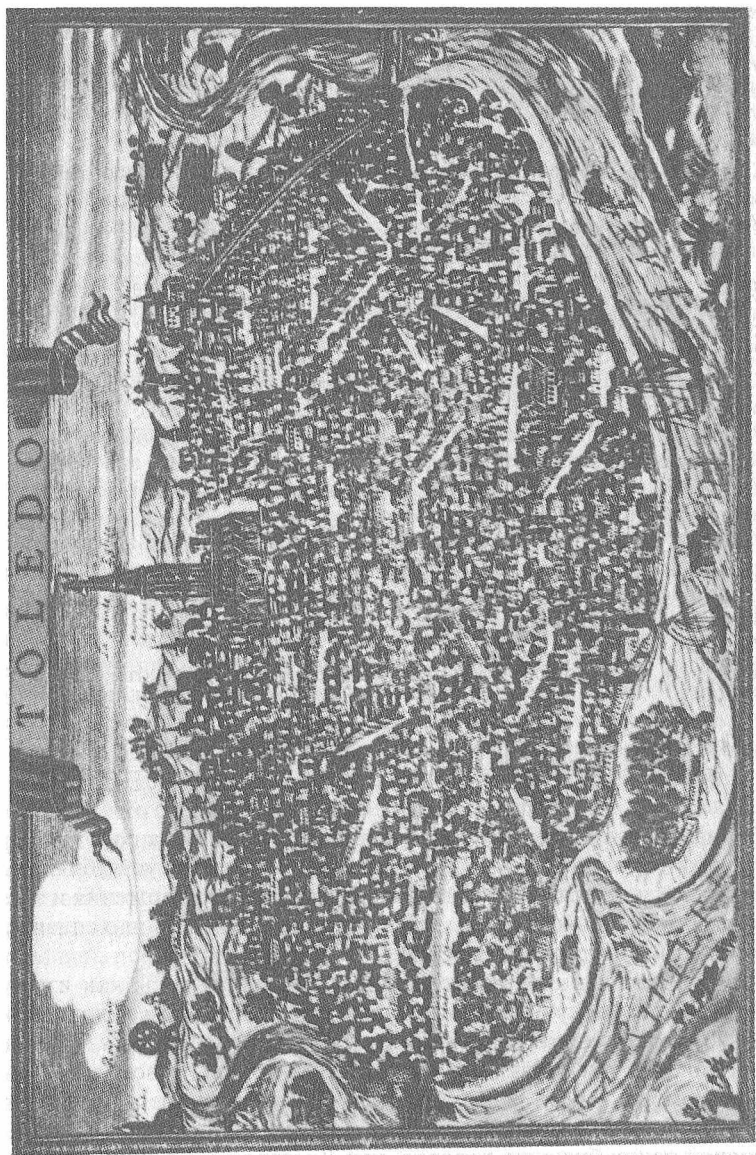
- Blok D.P.* De Franken in Nederland. Bussum, 1979.
Blockmans F. Het Gentsche stadspatriciaat tot omstreeks 1302. Antwerpen: Van der Stoep, 1938.
Diestelkamp B. Staufische Privilegien für Städte am Niederrhein // Königtum und Krieg am Niederrhein / Hg.K. Flink und W. Janssen. Kleve, 1983.

- Van Doorselaer A.* De Romeinen in de Nederlanden // Algemene Geschiedenis der Nederlanden. Bussum, 1986. V. 1.
- Van Es W.A.* Dorestad centred // Medieval Archaeology in the Netherlands. Studies presents to H.H. van Regteren Altena / Ed. by J.C Besteman, J.M. Bos and A.H. Heidinga. Assen; Maastricht, 1990.
- Henderikx P.A.* De Beneden-Delta van Rijn en Maas: Landschap en bewoning van de Romeinse tijd ca. 1000. Maastricht, 1986.
- Irsigler F.* Jahrmärkte und Messen im Rhein-Mosel-Raum // Publications de la Section Historique de l'Institut Grand-Ducal de Luxembourg. Luxembourg, 1992. T. 108.
- Van Kan F.J.W.* Sleutels tot de macht. De ontwikkeling van het Leidse patriciaat tot 1420. Hilversum, 1988.
- Kruisheer J.G.* Het ontstaan van de oudste Zeeuwse stadsrechtsoorkonden // Ad fontes. Opstellen aangeboden aan prof. dr. C. van de Kieft. Amsterdam, 1984.
- Van der Laan P.H.J.* De autonomie van Amsterdam in de middeleeuwen // Holland. Regionaalhistorisch tijdschrift. 1969. V. 1.
- Lebecq S.* Marchands et navigateurs frisons du haut Moyen Age. Little, 1983.
- Van der Linden H.* De Cope. Bijdrage tot de rechtsgeschiedenis van de openlegging der Hollands-Utrechtse laagviakte. Assen, 1955.
- Sarfatij H.* Verborgene steden. Stadsarcheologie in Nederland. Amsterdam, 1990.
- Sarfatij H.* De vroege topografie van middeleeuws Nijmegen (7e–13e eeuw.) // Peestbundel aangeboden aan prof. Dr. D.P. Blok / Red. I.B. Berns a.o. Hilversum, 1990.
- Van Uyten R.* Stedtgeschiedenis in het Noorden et het Zuiden // Algemene Geschiedenis der Nederlanden. Haarlem, 1982. V. 2.
- Verkerk C.L.* Arnhem. Van koningsoord tot stad // Bijdragen en mededelingen van de Vereniging Gelre. 1983. T. 74.
- Verkerk C.L.* Les tonlieux carolingiens et ottoniens aux Pays-Bas septentrionaux, aux bouches des grandes rivières // Publications de la Section Historique de l'Institut Grand-Ducal de Luxembourg 104. Luxembourg, 1988.
- Willems W.J.H.* Romans and Batavians. A regional study in the Dutch eastern river area. Amsterdam, 1986.
- Willems W.J.H.* Romeins Nijmegen. Vier eeuwen stad en centrum aan de Waal. Utrecht, 1990.

ПИРЕНЕЙСКИЕ ГОРОДА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Социальная многослойность, гетерогенность города вообще и средневекового в частности, на Пиренейском полуострове усугублялась самой историей полуострова, не только пережившего вторжения и заселения со стороны разных народов, но впитавшего и органично сплавившего воедино их культурное наследие.

Первые поселения городского типа появились здесь, как известно, еще в античную эпоху и были обязаны своим появлением колонизационной деятельности финикийцев и греков, затем карфагенян. Как правило, их колонии, будучи заняты прежде всего торговлей, располагались по средиземноморскому и, частично, атлантическому побережью, не проникая в глубь территорий местных племен. Именно такие колонии стали основой таких будущих городов, как Лиссабон и Кадис, Картахена и Валенсия.

Панорама Толедо

Положение изменилось после победы римлян в Пунических войнах в конце III в. до н.э. Со свойственным им напором римляне начали продвигаться к центру полуострова, основывая все новые укрепленные пункты. Здесь они, однако, столкнулись не только с сопротивлением кельтиберов, но и существованием неких протогородских образований, нередко с мощными крепостями, которые были религиозными и политическими центрами конфедераций племен. Примером может служить шаменитая Нуманция, поднявшая восстание против римлян в 152 до н.э. и в течение 20 лет не склонявшая голову перед империей, пока в результате долгой осады и поджога войскам Сципиона не удалось взять город по уже его развалины.

Римское завоевание было длительным и постепенным, и к концу существования империи весь полуостров в той или иной степени был романизован, за исключением, пожалуй, Кантабрийского побережья и Басконии. Римское политическое устройство уничтожило племенной принцип территориального деления, но сохранило города, сделав их своей опорой. Сильно романизированные городские поселения имели и римскую муниципальную организацию. Города туземного происхождения обладали внутренней автономией, но при этом делились на три категории: одни подчинялись губернатору провинции, другие только платили налоги, третьи были обязаны лишь военной помощью. И, разумеется, именно города были прежде всего проводниками романизации. В этом смысле нужно учитывать не только оппозицию “римской город – туземный город”, но и “город – округа”, ибо города римского типа и – постепенно – города туземные отличались от окружающих территорий и по административно-политическому строю, и по экономической деятельности, и по языку, и по обычаям, обрядам, и по религии, и по этническому составу населения. Передача городам земель ближайшей округи способствовала взаимному влиянию и постепенному приобщению сельской местности к римской культуре. В то же время туземные города все больше трансформируются в духе римского муниципия, что было закреплено пожалованием при Веспасиане римского гражданства всем испанским городам подобного рода. И по другим параметрам – образу жизни, архитектурному облику, планировке, социальным и профессиональным градациям – города полуострова, при всем своеобразии, воспроизводили римскую модель. Следы античного периода пиренейской истории и сегодня видны во многих городах Испании и Португалии: дороги, цирки, акведуки, фонтаны. Особый интерес в этом отношении представляют раскопки древней Конимбриги, поскольку средневековая Коимбра возникла в стороне от античного города, и теперь археологи имеют возможность увидеть “проекцию” древнего городского пространства, не искаженного позднейшими перестройками.

Вписанность полуострова в целом и городов – в частности в общеримское развитие сказалась и на их эволюции в конце эпохи империи. Происходит упадок муниципального строя, постепенно сокращается городская автономия, растет вмешательство в городскую жизнь представителей государственной администрации. Как и в других регионах, наблюдается процесс прикрепления куриалов. С IV в. значительным ста-

новится влияние епископов на городскую администрацию. Испанский город Средневековья – город вестготской монархии – отталкивался фактически не от полиса в его классическом варианте, а от его позднеримской модификации.

Кризисные явления Поздней империи охватили и экономику пиренейских городов. Однако вряд ли возможно говорить только об упадке городской жизни – скорее, о ее видоизменении. Хотя пиренейские города этого времени меньше галльских, тем не менее Гадес (Кадис) насчитывал в это время около 65 тысяч жителей, Кордуба – 20 тысяч, Тарракона – 27 тысяч, Гиспал (Севилья) – 8 тысяч.

Барварское завоевание Пиренейского полуострова и образование Вестготского королевства не изменило положения городов кардинально. Несмотря на возросшее значение аграрных видов занятий в городе, и в V, и в VI вв. большинство из них сохраняли свою экономическую функцию, будучи центрами ремесленного производства и торговли, не говоря уже о других видах деятельности: здесь располагались епископские кафедры, сюда съезжались духовенство и светская знать на соборы (в частности, общегосударственные съезды такого рода проходили в Толедо), в городах размещались резиденции короля. Готская знать, поначалу традиционно сторонившаяся городов, постепенно приобрела привычку к городской жизни и помимо загородных имений владела и городскими усадьбами.

В Вестготском королевстве долго сохранялась монетная римская система и развитое денежное обращение. Еще в VI в. здесь продолжали чеканить монету в 81 городе. Товары, в том числе ремесленные, шли и на внутренний, и на внешний рынок. Григорий Турский отмечал как привычный факт прибытие в Массилию кораблей из Испании с “обычным грузом”.

Сохранялось и сословие куриалов. Кроме того, по унаследованной от римлян традиции в городах продолжал существовать особый привилегированный слой купцов, в том числе иноземных – сирийцев, греков, евреев. Их сообщества обладали и собственной юрисдикцией. Многие черты позднеримского города были усилены византийским завоеванием на юге полуострова в VI в.

О значении городов говорят и факты политической истории начала Средневековья, когда, с одной стороны, их позиция влияла на исход борьбы за престол между разными партиями и претендентами, а с другой – именно город был ареной этой борьбы. Особенно это характерно для середины и второй половины VI в. – правления Агилы, Атанагильда, Леовигильда. Тем же кипением отмечена и повседневная жизнь пиренейского города V–VI вв.: здесь сохранились свободные цены и торговля в кредит, действовали торговые товарищества; продолжали работать городские рынки; города украшались многоэтажными домами, цирками; существовали не только епископские, но и светские школы.

Изменения, однако все же наступили – в VII в. Муниципальная система практически сошла на нет, во главе города оказались королевские должностные лица. Куриалов становилось все меньше, сокращался объем торговли и ремесленного производства. Характерным знаком изме-

шшегося значения городов стал приказ короля Сисебута скрыть захваченные у византийцев города.

Дальнейший процесс развития пиренейских городов был прерван мусульманским вторжением и завоеванием. Несмотря на то, что в состав инновсителей и переселенцев входили разные племена и народы (и “горожане”-кельбиты, и номады-кайситы, и берберы), они принесли с собой цивилизацию в целом, тяготевшую к урбанизму, для которой были характерны развитая торговля, денежная система, городские ремесла, а город всегда осознавался как центр политической и судебной власти, религиозного и культурного притяжения.

Уже в раннее Средневековье города мусульманской Испании поражали европейских путешественников и своим числом, и видом, и городским образом жизни. Однако, долгое время, до X–XI вв., основное население городов мусульманской Испании составляли потомки готто-римлян. Многие из них уже в первые десятилетия после завоевания приняли ислам, сохранив благосостояние и положение в обществе. Среди них были и знатные готто-римляне, и верхушка городского сословия, и простые горожане. До правления Абд-ар-Рахмана III (X в.) многие города практически сохраняли независимость от номинального центра эмирата. Пример тому – Толедо, которым управляли местные знатные фамилии, вплоть до печально знаменитой Толедской бани, когда по приказу эмира и его посланцев были казнены приглашенные на пир во дворец представители всех крупнейших родов в городе. Впрочем, город и позднее не раз отказывался подчиняться центральной власти. Другая часть исконного наследия мусульманских городов сохранила христианскую религию и, наряду с иудейской общиной, составляла особую автономную единицу внутри города, со своим правом, администрацией и судом, официально подчинявшуюся самому главе государства.

Постепенное переселение в города местных мусульман, приток поселенцев с Востока, с одной стороны, берберские вторжения альморавидов и альмохадов, отличавшиеся религиозным фанатизмом и потому вызвавшие отток христианского и иудейского населения на север – с другой, изменили соотношение в мусульманских городах мусульман и немусульман, особенно в XII – начале XIII в. Однако к этому времени городская цивилизация исламской Испании – Аль-Андалуса уже была создана, впитав в себя древнюю местную традицию и обогатившись опытом всех завоеванных исламом земель, от Багдада до Магриба; считается, что города мусульманской Испании – высшее выражение средневековой исламской культуры.

Жемчужиной Аль-Андалуса по праву считалась его столица – Кордова, один из крупнейших городов своего времени: его население определяется современными исследователями в 200–300 тысяч человек. По сообщению средневековых свидетелей (X в.) в городе было 1600 мечетей, 900 публичных бань, 80 тысяч лавок. Как и многие другие испанские города, тогдашняя Кордова была оснащена водопроводом; в мусульманских городах была создана и система отопления домов теплым воздухом, шедшим по трубам. За глухими стенами домов скрывались внутренние дворы с садами, фонтанами, бассейнами. Извилистые улицы, казалось

бы, беспорядочно проложенные, в любое время давали возможность путнику найти тень. Эти улицы через многочисленные, заполненные торговым людом площади перед мечетями и медресе сходились к цитадели, возвышающейся над городом и окруженной мощной стеной. Крепости, построенные мусульманами в Лиссабоне, Сарагосе, Гранаде, Толедо, так и не были взяты христианами: они были сданы им по договорам о капитуляции.

Управление городами осуществлялось должностными лицами, которых назначал эмир, позднее халиф. Правитель имел неограниченную административную власть и отправлял часть судебных функций, ведал защитой и охраной города. В его распоряжении был штат чиновников, одно из первых мест среди них занимал мухтасиб – смотритель рынка. Огромную роль играл в городе, как и вообще на востоке, судья-кади, иногда фактически возглавлявший администрацию местечка. В эпоху распада халифата на мелкие государственные образования – тайфы – управители городов стали их правителями, а сами тайфы нередко представляли собой практически город с округой.

Мусульманские города Испании славились своими ремесленниками, и многие новшества в этой области пришли к испанским христианам от них. Уже в X в. здесь появились бумагоделательные мастерские; довольно рано было освоено производство шелка; толедская оружейная сталь, как и кордовские кожи, были известны во всей Европе; иранская традиция так называемой “золотой керамики” обрела на Пиренеях второе дыхание, и здешних умельцев приглашали к папскому двору, а их изделия мы встречаем и в далеком Азове.

Потомки уроженцев пустыни, арабы стали блестящими мореходами, и их купеческие караваны бороздили Средиземное море, контролируя морские пути на Восток. Не менее удачливы были и мусульманские пираты.

Типичная для любого города разнородность, разнообразие жизни и в испанском мусульманском городе приобретала особые формы, тяготевшие к смешению. Это касалось разных сторон повседневности. Так, городское население Аль-Андалуса, как правило, пользовалось сразу несколькими языками. Это объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, горожанам было необходимо знать классический арабский – язык не только Корана, но и государственного делопроизводства. Во-вторых, свою роль здесь играл и состав населения: при сохранении большой массы местных жителей, в том числе и христиан, происходил постоянный приток берберского элемента и иудеев. Грамоты, фиксирующие разного рода сделки, написаны на двух языках: латыни и еврейском, арабском и латыни. Такие грамоты дошли до нас из разных районов полуострова. Писцами в городской администрации могли быть и грамотные иудеи, и христиане. Психологическим последствием такого полилингвизма была открытость индивида воздействию иных культур. Наиболее яркое воплощение это явление нашло в известном случае длительного использования христианами и мусульманами одновременно одного культового здания, “высшей школе”: если начальная школа существовала в городах в виде медресе для мусульман, латинских школ для христиан и иудейских

Авила. Средневековая часть города

— для евреев, то лекции в высшей школе мог читать и посещать любой человек, независимо от вероисповедания. На бытовом уровне смешения и взаимодействие культур проявлялось во всякого рода заимствованиях одежды, убранства и меню, в совместном праздновании иконоконфессиональных праздников, существовании смешанных браков.

Таким образом, для городов значительной части Пиренейского полуострова пресловутая проблема континуитета приобрела еще большую сложность: при явной непрерывности развития города как феномена внутренняя его трансформация прошла через некоторые этапы и формы, неведомые большинству западноевропейских городов.

Развитие городов христианских областей полуострова также отмечено спецификой и привязано к Реконките. После мусульманского завоевания VIII–IX вв., на окраинах бывшей вестготской монархии, на севере и северо-востоке полуострова, в города превращаются поселения, до той поры не имевшие большого значения или игравшие роль просто укрепленных пунктов. Среди них особое значение сохраняли старые епископские центры, например, Брага.

Уже в это время появляются два термина, относившиеся к поселению городского типа: *civitas* и *villa*. Первый термин первоначально по преимуществу относился к городам-резиденциям епископов. Впоследствии терминологические различия приобрели статусный характер, независимо от размера, привилегий или экономического значения поселения, хотя нередко современники употребляли оба обозначения применительно к одному городу. Число городов, обладавших статусом *civitas*, постоянно росло. В Кастилии в начале XI в. было всего два таких города, в конце столетия — очень много. В Арагоне к концу XV в. существовало 10 *civitates*.

С IX в. по северным землям полуострова проходила знаменитая “дорога франков”, путь, который вел западноевропейских паломников через Пиренейские перевалы, Басконию и Кантабрийские горы к гробнице апостола Иакова. Вдоль этой дороги довольно быстро возникли городки, население которых обслуживало нужды путников, в том числе их потребности в ремесленных изделиях повседневного спроса. В XI–XII вв. эти города получают новый импульс в связи с крестоносным движением на полуострове.

Вообще XI в. ознаменовался новым этапом в развитии пиренейских городов. В этом, конечно, сыграли роль факторы, общие для всей Западной Европы — рост населения, совершенствование аграрной и ремесленной технологий, определенная политическая стабильность, повлекшая за собой большую безопасность дорог и т.д. Однако были и факторы, характерные именно для Пиренеев. Реконкиста XI в. принесла христианским государствам земли до Тахо и Эбро — практически половину полуострова, резко увеличив число подданных, подвластных земель и, в том числе, городов. Среди них были и такие древние городские центры, как Толедо, Коимбра, Сеговия, временно Валенсия. В то же время именно тогда города начинают играть роль и осознаваться как военно-политические опорные пункты и центры организации пространства. На просторах плоскогорья Месеты и старые, и вновь возникшие поселения об

падали значительной внутренней автономией. Стоявший во главе городской администрации совет – консехо (consejo; португ. – конселью; от этого названия происходит и термин, обозначающий подобный тип городов), разный по составу и полномочиям, тем не менее решал большинство городских дел и ведал огромной округой, на которую распространялись власть и право города. Здесь же складывается тип города-крепости, со своим особым правовым статусом, оформившимся в фуэро и форалах, дарованных королем. Он был характерен преимущественно для пограничных районов; однако граница между исламскими и христианскими государственными образованиями в эти столетия постоянно сдвигалась к югу, расширяя тем самым сферу существования таких городов.

В XII в. с продвижением на юг, христианская городская традиция все больше обогащалась исламским элементом. Такие крупные города, как Сарагоса, Лиссабон, Эвора, Бежа, переходили в руки христиан на разных условиях. Но в любом случае здесь в большей или меньшей степени сохранялось мусульманское население, не говоря уже об иудеях и христианах-мосарабах (как их называли единоверцы-завоеватели), общины которых далеко не сразу органично влились в новое христианское население, состоящее из переселенцев с севера или из-за Пиренеев, и нередко в разных областях жизни удерживали влияние в городах.

Вторжения в конце XI–XII в. альморавидов и, особенно, фанатичных альмохадов в Аль-Андалус исторгли из исламских регионов поток мигрантов на север, в христианские королевства. Среди них были и мосарабы, и иудеи, по большей части, видимо, городские жители. Восприятие мусульманской урбанистической традиции прекрасно иллюстрируется языковыми заимствованиями: в эти столетия термины, обозначающие должностных лиц городской администрации и суда уступают место соответствующим арабским, равно как и масса орудий и изделий ремесленного производства и сами отрасли производства приобретают арабские наименования.

Вторжения одновременно осложняли связи исламских и христианских городов, в результате чего возникла тенденция ориентироваться на страны Западной Европы в большей степени, чем на Восток. Этому способствовало появление крестоносной идеи и движение крестоносцев в Европе, рассматривавших Аль-Андалус как одну из возможностей приложения сил. В городах по “дороге франков” возникают устойчивые общины ремесленников-иностранцев; во многих местах в возведении стен и соборов участвуют мастера из французских земель; крестоносцы из Англии, Фландрии и Франции помогают завоевать и частично заселяют Лиссабон; наконец, нередко города основываются цистерцианскими монастырями.

В XI–XII вв. в восточных районах – Наварре, Арагоне – набирают силу торговые отношения с Западнеейшей Европой: в обмен на восточные и испанские шелка, ковры, золото, рабов везут шерстяные ткани, оружие. В XII в. начали действовать ярмарки в Белорадо, Вальядолиде, Мойе, Саагуне и др.; многие из них в XIII в. получили статус *feria franca* – свободных от налогов. Сюда добирались и купцы-”европейцы”.

XIII век по сути завершил эпоху Реконкисты, в состав христианских государств вошла вся Андалусия (кроме Гранадского королевства), с такими городами, как Севилья, Кордова, Кадис, Валенсия, Мурсия и т.д., не говоря о десятках более мелких. Присоединение их могло осуществляться в результате штурма или в форме капитуляции; от этого зависело, в какой степени в них сохранялось мусульманское население. Сразу же после завоевания в них появилось много переселенцев с севера и востока полуострова, с Месеты.

Включение мусульманских городов в государственную систему христианских королевств принимало форму пожалования королевской властью грамоты либо по типу фуэро Толедо, либо по образцу фуэро Куэнки, т.е. для пограничных городов. Первое из известных фуэро такого рода было даровано Мурсии в 1252 г. Альфонсо X, стремившимся централизовать и унифицировать свое королевство. Фуэро включали в себя нормы взаимоотношений как с королем, так и внутри города, и города с округой, т.е. северная, устоявшаяся модель городского устройства была как бы наложена поверх местных отношений.

Таким образом, к концу XIII–началу XIV в. сложилось несколько региональных типов городов. Северные города, как правило, были невелики по размеру (от 100 до 1500 очагов в XIV–XV вв.), с ремесленным производством местного масштаба, местной же по преимуществу торговлей (за редким исключением: например, соль отсюда вывозилась по всему полуострову). Среди них выделялись города, в которых пребывал кочующий королевский двор – Овьедо, Леон, Бургос, Вальядолид, Самора, Памплона, или графские резиденции. Большое число городов к югу от Дуэро заселялись прежде всего как пограничные, хотя довольно скоро стали заметны различия и в размерах, и в социально-профессиональной их структуре. Во всяком случае, Сепульведа, Пласенсия, Куэнка, Теруэль могут считаться достаточно крупными и экономически развитыми для этого времени городами. Наконец, города Андалусии резко отличались и по размеру (2–5 тысяч очагов в XIV–XV вв.), и по уровню производства, и по характеру урбанизации. Особняком, пожалуй, стоят крупные порты Атлантического побережья (Порту, Лиссабон) и города Старой Каталонии, бывшей Испанской марки, всегда более близкой к французской модели.

Дальняя торговля и морское дело издревле были освоены жителями каталонских городов и сохраняли свое значение на протяжении всего Средневековья. Слава каталонских моряков дошла даже до византийского императора, взявшего их к себе на службу. Уже в XI–XII вв. каталонцы и, особенно, Барселона соперничали с арабскими и итальянскими купцами и моряками Средиземноморья. В XIII в. здесь возникли морские торговые компании – “коменды”. Неудивительно, что именно каталонский свод торгового морского права стал основой для взаимоотношений и образцом для создания других подобных законодательств Средиземноморского торгового региона. После Реконкисты к городам Каталонии “присоединились” Валенсия, Малага, Мурсия, Аликанте и др.

Влиянием моря, океана была окрашена и жизнь городов Атлантического побережья полуострова – Португалии и Галисии. Здесь всегда бы

ии развиты рыболовство и разные ремесла, связанные с мореплаванием, способствовавшие развитию городов. Среди них с самого начала выделялись и успешно развивались Порту и Лиссабон; последний в XIII в. вмещал около 10% населения всей страны. Королевская политика покровительства торговле и навигации способствовала тому, что в XIV в. появляются торговые товарищества, растет количество крупных судов, а в XV в., с началом заморской экспансии, португальский флот становится одним из лучших в Европе по оснащению и техническим данным. Отсюда в морское дело пришло много полезных новшеств, от косоного паруса до особого рода пресного хлеба.

Пиренейские города заключали в своих стенах население, весьма разнородное и в социально-правовом отношении. Военно-политическая их роль, весьма высокая в связи с Реконкистой, обусловила зачастую изначальное присутствие в городе лиц привилегированного статуса – так называемых инфансонов, а также формирование в уже существовавших городских поселениях военно-служилой, рыцарской группы – кабальеро (кавалейру, милитес), долгое время остававшейся открытой во многих областях полуострова. Разные фуэро позволяют любому лицу, имеющему коня и снаряжение, вести образ жизни кабальеро и пользоваться правами этой группы. Она приобретает широкие полномочия в городе: в XIII в. городской совет мог наполовину состоять из кабальеро (например, в Саморе). В XII в., как предполагается, в королевстве Леон определенные должности могли отправляться только лицами этого статуса. Альфонсо X, стремясь заручиться поддержкой местной элиты, даровал налоговые льготы и свободы кабальеро многих городов, одновременно запретив им заниматься иными видами деятельности, кроме военной, что привело к размежеванию общей массы горожан и этой группы. Альфонсо X также ввел институт прямой вассальной зависимости от короля части городских кабальеро. Крупные, особенно портовые города Средиземноморского и Атлантического побережий шли скорее по пути взаимодействия этих групп с собственным городским населением – и на деловом, и на родственном уровне.

В Арагоне и Каталонии уже в XIII в. наметилось деление городского сообщества на патрициат и плебс. Верхушка города складывалась из бюргерских, и из привилегированных слоев, и из должностных лиц. Удельный вес кабальеро в городе и их влияние возросли в конце XII–начале XIII в., с возникновением пиренейских духовно-рыцарских орденов, которым принадлежали в городах целые кварталы, а иногда и целиком небольшие городки – например, Авиш в Португалии, Калатрава в Кастилии; в них же располагались и резиденции орденов.

В пиренейских, так же как и в других европейских странах, жить в городе не означало быть полноправным членом городского сообщества. Для того, чтобы стать им, т.е. пользоваться полным правом этого места, чаще всего выдвигалось требование обладать недвижимостью в городе, быть домохозяином. А в целом, городское сообщество оформлялось как таковое, приобретая автономную юрисдикцию и управление, подчас длительным и сложным путем (например, в Порту борьба за право иметь собственного судью длилась десятилетиями).

Различия между этими городами затрагивали и другие аспекты городской жизни. Так, среди городов первого типа, северных и восточных, было относительно много сеньориальных; а консехо кастильской Месеты, центральных португальских земель или западных арагонских, как правило, принадлежали королю. В период становления и расцвета пиренейского города – до XIV в. – именно такие королевские города составляли основу городской сети. Король сохранял в них значительный объем прав и властных полномочий: горожане платили королю налоги; они должны были выставлять воинов в королевский поход; королевская власть регулировала пошлинные сборы, создание ярмарок и рынков; должностные лица короля – при отсутствии особой привилегии – могли вмешиваться в управление городом, а его представители нередко держали городской замок и командовали во время военных предприятий; наконец, за королем оставалась высшая юрисдикция и правотворчество.

Военное и политическое значение городов, и именно королевских, выразилось в раннем возникновении сословно-представительных учреждений. Впервые кортесы зафиксированы здесь уже в XII в. (в Леоне). В XIII в. они действовали уже во всех пиренейских королевствах.

Но уже в том же XIII в. ситуация меняется. В Кастилии при Альфонсо Мудром и Санчо IV усиливается роль знати и ее экономической мощи за счет получения от казны земель, нередко из городских фондов. (С середины XIV в., при первых королях Трастамарской династии, многие города были розданы в синьории; этот процесс продолжается и в XV в., сопровождаясь одновременно количественным ростом знати и ее властных полномочий. На протяжении XV в. королевские города стали ареной соперничества между королевской властью и знатью, которая постепенно сконцентрировала в своих руках большинство городских должностей. В Арагоне та же ситуация сложилась уже в XIV в.

Иной характер приняло развитие португальских городов. Положение Португалии предопределило большую роль торговли, в том числе дальней, и торгового сословия. В XIV в. это дало возможность городским патрицианским слоям, состоявшим прежде всего из крупного купечества, закрепить свое положение и в городском управлении, и в политической структуре общества в целом. Способствовали этому также противоречия и войны с Кастилией, в которых города заняли самостоятельную позицию и во многом обеспечили успех борьбы португальской короны за самостоятельность королевства. Только в XV в., когда набрала силу заморская экспансия (а вместе с ней придворная и служилая знать), города теряют свои политические и экономические позиции.

С характером основной массы городов Пиренейского полуострова связана и форма их правового конституирования. Оно осуществлялось в виде жалованных королевских грамот – фуэро, фиксировавших отношения короны с городами и права городов в сфере управления, суда, распоряжения своей территорией. Король мог даровать дополнительные привилегии городу, стремясь заселить его, привлечь мигрантов в город и его округу. Такие грамоты появляются одновременно со складыванием городской сети. Основная их масса приходится на XI–XIII столетия, особенно на правления королей Альфонсо VI Кастильского, Альфонсо За-

пователя, Диниша. Компетенция фуэро распространялась и на округ. Чаще всего, особенно в том, что касается городов центральных районов полуострова, фуэро представляли собой не специфически городское право, а скорее право местное. В то же время фуэро были различны по своему содержанию: одни из них концентрировали внимание на торговых и ремесленных свободах, другие делали акцент на привилегиях служилого сословия, третьи имели в виду город как сообщество. Использование тех или иных фуэро соответствует и типам городов, о чем говорилось выше.

Как фуэро не были рождены только и в первую очередь городом, так и управление городом было как бы встроено в политическую систему монархии. В городах-консехо периодически созывалась ассамблея, в которой (в зависимости от традиции и фуэро) имели право участвовать либо все домохозяева, либо все мужчины, достигшие определенного возраста; иногда существовал имущественный ценз. На ассамблее избирался городской совет, а тот, в свою очередь, наделял полномочиями судью, его помощников и должностных лиц городской администрации. Совет следил за поддержанием стен и укреплений в должном порядке, обеспечивал городское ополчение.

Наибольшей самостоятельностью пользовались города пограничного типа в XII в. Напротив, в городах-резиденциях двора королевский контроль всегда был достаточно силен. Впрочем, любой город мог ожидать вмешательства короны в свои дела. В южные города Аль-Андалуса система консехо пришла в своем позднем варианте, когда участие в ассамблее стало ограничиваться, а сам совет и другие должности оказались в руках кабальеро и зажиточных горожан.

Дело в том, что кризис королевской власти при Альфонсо X и Санчо IV в Кастилии привел к усилению знати, в том числе и в городах, где кабальеро боролись за контроль над советами. Чаще всего они и побеждали в этом противостоянии. Эта тенденция была усилена реформами Альфонсо X, который, стремясь подчинить себе города, но опасаясь отпора со стороны старых городов, начал вводить новую систему управления именно в Андалусии и Мурсии. Здесь советы были заменены на *режимьенто* (управления), члены которых назначались королем. Так, в Севилье “управление” состояло из 24 кабальеро.

Складывающаяся таким образом олигархия в городах старалась оградить свой круг от проникновения новых членов и новых семей, не допустить их к политической власти. Также и в Арагоне именно среди представителей патрициата, значительную роль в котором в XIV в. играла знать, стали распределяться городские должности. Постепенно складывается система сосредоточения городских должностей внутри нескольких родов. В то же время вокруг отдельных родов возникают объединения – банды, выполняющие функции и организации, и защиты. Борьба банд окрасила кровью историю Кастилии, Португалии, Арагона XIV в., опустошая города, но укрепляя олигархическое правление.

Становлению и победе последнего в Кастилии сильно помогли так называемые *Эрмандады* – союзы городов и земель, которые создавались для защиты короля и трона, в противовес кликам, борющимся за

престол. Отличительной чертой этих союзов был их гетерогенный характер: в них входили города и знать, епископы и монастыри. И если первоначально существовала оппозиция “плохой король” (“плохой регент”) плюс часть знати – против городов и другой части знати, то в первой четверти XIV в. Эрмандады выстраивались по иному принципу: каждая включала в себя и знать, и горожан, каждая поддерживала своего политического ставленника при дворе. В этой борьбе города утратили собственную позицию и собственные интересы, тем более, что одновременно внутри городов возобладала олигархическая модель управления.

В XIV в. эти тенденции закрепляются и оформляются. Полностью складываются родовые структуры; в городах возникают братства кабалеро. Указом Альфонсо XI лица с определенным имущественным цензом должны были переходить в сословие кабалеро, что значительно повысило долю этого слоя в городском обществе. В то же время это стало осознаваться как привилегия. Замена советов пирехимьенто уничтожила остатки городской демократии, а активное правотворчество Альфонсо XI свело на нет прежние установления фуэро.

Сходные процессы шли и в Португалии, но здесь, как уже говорилось, гораздо большую роль в XIV в. играли городской патрициат “добрые люди”. Король стремится контролировать деятельность городских советов, назначая туда своих представителей. Участие городов в становлении новой Ависской династии вызвало ряд новых городских привилегий и подтверждение старых.

В XV в. описанные тенденции нарастают, и, несмотря на то, что города в это время участвуют в кортесах, возрождают эрмандады (уже иного, организационно-хозяйственного типа), деятельность и политика городов были включены в русло интересов высшей знати.

Как и в городах других регионов Западной Европы, организационным началом в пиренейском городе был приход. Обычно ему соответствовало и территориальное деление города, но так было не всегда. В Толедо, например, долго сохранялось шесть приходов, придерживавшихся так называемого мосарабского обряда, и мосарабы города посещали их независимо от местонахождения их дома.

Документы фиксируют названия улиц, видимо, соответствующие профессиям населявших их горожан. Историки подчас пытались увидеть за этим существование цехов или иного рода профессиональных объединений. Однако сведения о подобных институтах до нас не дошли. Цеховая организация ремесла и соответственно социума не была характерна для пиренейского города вплоть до XV в., когда она возникла в качестве скорее фискальной единицы, чем социально-производственного организма. Прихожан, соседей объединяли в общности прежде всего социальные и сакральные сферы жизни и лишь во вторую очередь – профессиональные интересы.

В городах действовали разного рода сообщества и братства, как правило, на религиозной основе. Они могли создаваться при храмах, в память о каком-либо святом, имея целью помощь членам братства

или любимым страждущим и умирающим, либо создание фонда милостыни, либо учреждение богадельни, больницы или приюта.

Опасная близость мусульманского противника стала причиной возникновения религиозно-военных братств, когда город, оказавшийся перед угрозой нападения, бросал клич по другим землям о поступлении в своего рода срочные военные ордены для “борьбы с неверными”.

К этому надо добавить и наличие не только иноконфессиональных групп со своей организацией и автономией, но и общин христиан-пиренейцев, в значительном числе расселившихся и по городам “дороги франков”, и в приморских городах, и в центре полуострова. Происхождение их могло быть постепенным, но иногда короли пиренейских государств жаловали для заселения “франкам” целые города или их части. Так было при взятии Лиссабона, Силвеша, Толосы в Португалии; а Альфонсо VI Кастильский, решив заселить Саагун, позвал туда ремесленников из Гаскони, Бретани, Англии, Бургундии, Нормандии, Ломбардии. Их общины жили “по своему праву” и размывались достаточно медленно. Известны случаи конфликтов между исконными жителями городов и пришельцами (Коимбра, 1111 г.; Саагун, 1112 г. и др.).

Сильны были различия во внешнем облике городов разных регионов Пиренейского полуострова. В северных городах долго сохранялась приверженность к романскому стилю, который сменила готика. Для центральных районов полуострова характерна архитектура так называемого стиля мудехар, впитавшего черты мусульманского орнаментального искусства. Застройка южноиспанских городов сохранила отпечаток восточного влияния.

Христианский север и мусульманский юг обладали разными представлениями о том, что такое город, и разными концепциями городского пространства. Если мусульманский дом (и город) обращен внутрь себя, в свои внутренние дворы и покои, то христианский город распахивает соседям окна и балконы. Теснота южных городов иногда не устраивала пришельцев с севера, и в XV–XVI вв. известны случаи сноса домов в Андалусии для сооружения площадей.

Дома строились из дерева, реже (и позднее) из камня, крылись черепицей. С XII в. мы встречаем упоминания о мощеных улицах (Лиссабон). Характерной чертой на юге, как и в центре, остаются внутренние дворы – и в домах, и в городских монастырях, и при соборах.

Согласно королевским и церковным постановлениям, иудеи и мусульмане должны были жить изолированно, однако они далеко не всегда это соблюдали. Точно так же и христиане нередко имели дома в иудейских и мусульманских кварталах. Это, естественно, продлевало традицию сосуществования и культурного обмена на повседневном уровне, которая сложилась еще в мусульманский период. До конца XV в. горожане разных конфессий подвержены одной и той же моде, вместе ходят на бой быков, поют и пляшут друг у друга на свадьбах, сообщая отмечают некоторые праздники (Новый год, солнцеворот и др.).

В это время праздники приобретают и новое значение – некое объединяющее всю городскую общину действа. В XIV–XV вв. города “выбирают” себе святого-покровителя, ко дню которого были приурочены шествия – ромерии, с тщательно расписанным церемониалом. Праздники в некоторых городах (например, Успения в Эльче, сопровождавшийся исполнением религиозной драмы) притягивали паломников из далеких краев, становятся в определенном смысле символом города. Характерно, что иногда такие праздники приурочиваются к историческому событию, например, победе над маврами. И том же ряду стоит и складывание в XIV–XV вв. легенд о происхождении городов и появление городских гербов, что говорит о росте городского самосознания. Одновременно этот процесс, в сочетании с демографическими и политическими трудностями и ростом нетерпимости христианской церкви, привел к недовольству существованием иноконфессиональных общин-конкурентов, выражавшемуся и на обыденном уровне, и в виде городских конфликтов и даже погромов – чем дальше, тем больше.

Тем не менее до конца XV в. пиренейский город оставался полиэтническим и поликонфессиональным, все еще переживая инокультурное и многоязычное – в широком смысле слова – наследие.

ЛИТЕРАТУРА

Дуарте Л.М. Торговый город меняет своего сеньора // Становление капитализма в Европе. М., 1987.

Корсунский А.Р. Города Испании в период становления феодальных отношений // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965.

Корсунский А.Р. История Испании IX–XIII вв. М., 1976.

Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987.

Червонов С.Д. О правовой основе взаимоотношений кастильских городов и королевской власти на рубеже XII–XIII вв. // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.

Червонов С.Д. Ремесло и ремесленники в городах Центральной Испании на рубеже XII–XIII вв. // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.

Carlé M.C. Del concejo medieval castellano-leonés. Buenos Aires, 1968.

La ciudad hispánica durante los siglos XIII al XIV. Madrid, 1985. T. I–III.

Concejos y ciudades en la Edad Media Hispánica. Madrid, 1990.

Da Cruz Coelho M.H. Magalhães J.R. O poder concelhio. Coimbra, 1986.

Gautier-Dalche J. Historia urbana de León y Castilla en la Edad Media: s. IX–XIII. Madrid, 1979.

Mattoso J. Feudalismo e concelhos: A propósito de uma nova interpretação // Estudos medievais. Porto, 1986.

Valdeavellano L. García. Sobre los burgos y burgueses en la España medieval. Madrid, 1960.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Городская история каждой из стран Северной Европы имеет свои особенности. Средневековая Швеция стала в XIV в. единственной европейской страной с общегородским правом; неудачная попытка создать такое же законодательство в Дании относится лишь к началу XVI в. Норвежские города развивались с трудом из-за бедности страны и ее подчинения с конца XIV в. Дании. Финские города подчинялись городским уложениям Швеции, в состав которой входили, но речь, собственно, может идти об одном городе Або (будущий Турку). В средневековой Исландии городов не было: это страна сельских общин. Вместе с тем, в городской истории Скандинавии много общего.

Скандинавский Север не обладал прямым античным наследием. В Средние века развитие феодальных отношений там началось непосредственно в недрах и на развалинах варварского, позднего родоплеменного строя и проходило относительно замедленно. Благодаря успехам археологических изысканий последних десятилетий установлено, что первые элементы градообразовательного процесса в скандинавских землях относятся к III–IV вв. и представлены в виде рыночных местечек, центров дальнего, транзитного обмена и некоторых ремесел. В VI в. появились и другие типы городских “ядер” – в виде центров племенных объединений. В VIII–IX вв., в начале эпохи викингов, скандинавы расширяют связи с различными регионами Европы. Ведущую роль в сфере обмена северного региона тогда играл торговый народ – фризцы, которые осуществляли обмен между скандинавами, их соседями по Балтике и Северному морю и с франками, откуда Север черпал многие образцы для своих изделий.

Тогда же возникают предгородские поселения и так называемые ранние города. Это были торговые эмпории, обычно приморские, с устойчивым торговым и ремесленным населением, подобные ранним городам всей Европы. Они обладали специфической градообразной топографией, нередко особой общественной организацией и своим правом и были укреплены, либо находились под защитой расположенных неподалеку укрепленных пунктов. Такими в Дании были широко известный в свое время балтийский (фризско-франко-саксонский) порт Хедебю (Хайтхабю)-Шлезвиг в Ютландии и город Риге (топография которого обнаруживает удивительное сходство с топографией тогдашней Ладоги в Северо-Западной Руси); Скирингсаль или Каупанг на западном берегу Осло-фьорда, в будущей Норвегии; торговые местечки: шведский (собственно, гетский) Ледесе и норвежский Кунгахэлла на юго-западе Скандинавского полуострова; ряд торговых центров в Сконе; Бирка, затем Сигтуна в центральной Швеции и др.

Об устройстве раннего скандинавского города можно судить по данным археологии и таких содержательных памятников, как записки гамбург-бременских епископов-миссионеров, посещавших скандинавский

Север в IX–XI вв. В жизнеописании епископа Ансгария (середина XI в.), многие детали которого подтверждены археологами, рассказывается о богатом раннем шведском городе Бирке (латинизированная форма названия острова Бьёркё, “Березовый”, где располагался этот город), на оз. Меларен. Это был укрепленный торговый порт, тесно связанный со столицей фризов Дорестадом (в устье Рейна) и датским Хедебю. В Бирке встречались купцы и товары из многих стран Европы и Ближнего Востока. В городе действовали нормы самоуправления, городской сход и выборные префекты, без согласия которых правитель-конунг этих мест не мог проводить в городе свои реформы. Именно в Бирке была построена первая в Швеции католическая церковь, впрочем, вскоре разрушенная местными язычниками. Но многие купцы Бирки уже были христианами.

Наследницей Бирки в X–XII вв. стала выросшая неподалеку Сигтуна, где существовала “фризская гильдия” купцов – то ли фризов, то ли торговавших с Фризией. Но вообще к концу эпохи викингов и сразу же после нее, в XI–XIII вв., почти все ранние скандинавские города исчезли. На их месте либо неподалеку от них выросли новые, уже собственно средневековые города. Это Упсала, Скара, Линчёпинг, Телье (Сёдертелье), Кальмар в Швеции; Рибе, Шлезвиг, Роскилле, Виборг, затем Копенгаген (Зеландия), Орхус и Ольборг (Ютландия), Оденсе (Фюн), Луид и Мальмё (Сконе) – в Дании; Нидарос-Тронхейм, Берген, Ставангер, Тенсберг и Осло – в Норвегии, а также более мелкие и просто крошечные города.

Города с самого начала стали центрами администрации и фиска и вообще опорой королевской власти, а также церковной организации. Особенно заметны их функции как центров внутреннего и внешнего обмена. И затем, вплоть до конца Средневековья, в их экономической деятельности функции обмена, торговли, в том числе транзитной, были в экономическом отношении ведущими, они обгоняли концентрацию там ремесел и промыслов. Вместе с тем, особенностью Северной Европы было повсеместное распространение и активное развитие сельских ремесел и промыслов, многочисленных деревенских торжищ. Скандинавские крестьяне-бонды постоянно участвовали в товарном обмене, вплоть до торгового посредничества, и отваживались даже на заморские торговые путешествия. Такими “торговыми бондами” особенно славился о. Готланд. Практически все население острова было втянуто в торговлю, он превратился в республику торговых бондов. Самостоятельные, крепкие домохозяева, населявшие разбросанные по острову хутора, были втянуты в морскую торговлю на Балтике. Готланд был известен своим богатством; он являлся крупнейшим торговым перекрестком Балтики.

Но и по всей Скандинавии деревенские ремесла и торговля составляли значительную конкуренцию городским занятиям. Правительство, заинтересованное в контроле за коммерческой жизнью через городские органы власти, не раз принимало указы о переселении сельских ремесленников и торговцев в города, о запрете сельских “незаконных” торжищ и торговли в деревне “купческими товарами”, т.е. предметами ввоза и вывоза.

Другой примечательной чертой скандинавских городов была их большая роль в качестве центров и проводников немецкой колонизации, принявшей в Северной Европе в XIV–XV вв., в период расцвета Ганзы, весьма широкий характер. В круге немецко-ганзейского влияния Северная Европа занимала очень важное место. Вообще природные богатства, приморское расположение и обилие водных связей с более глубинными территориями издавна привлекали в северные страны иноземных купцов; и они нередко оседали в местных городах. Там же, в резиденциях знатных людей, работали иноземцы-ремесленники (первоначально рабы из числа военнопленных). Иноэтничные вкрапления в население скандинавских городов хорошо прослежены археологами уже на материале раннегородских поселений. В XIII–XV вв. немцы заняли в городах Северной Европы особенное, привилегированное положение.

Северные товары (шведская медь, железо и изделия из них; шведское и датское масло; шкуры; скот; норвежская и сконская рыба; лесоматериалы, меха и др.) имели постоянный спрос в Европе; Север представлял, в свою очередь, прекрасный рынок сбыта для восточноевропейского зерна, вина, соли и других товаров из западных стран. Торговый доминиум северо-немецких городов начал складываться на Балтике конца XII в., ему предшествовала и сопутствовала политическая, военная, миссионерская, экономическая экспансия в Восточную Прибалтику, откуда пошел сильный поток колонизации в собственно Скандинавию; в Данию это движение шло также через голштинско-шлезвигские провинции. Немецко-ганзейское бюргерство проникло в страны Северной Европы через города, в Швецию – также через горные разработки. Первым крупным объектом северо-немецкого интереса стал, видимо, остров Готланд, где немцы колонизовали единственный город острова – Висбю. Этот город вскоре превратился в один из важнейших на Балтике, а впоследствии стал практически членом Ганзы. В XII–XIII вв. торговое землячество Готланда, так называемый Готский двор, было в Новгороде, а на Готланде размещались землячества русских и немецких купцов. “Готский берег” выступал тогда как один из равноправных партнеров в торговых договорах Балтики, и скорее всего здесь имелся в виду Висбю. С Висбю торговали купцы из русских городов, любечане, рижане, купцы из Англии, из Саксонии и других немецких земель.

В течение XIII в. немецкие колонии были созданы в главных портах Швеции, включая финский Або, во всех заметных городах Дании и Норвегии. Норвежский Берген вообще попал под власть ганзейцев. Еще столетием раньше получил первые привилегии на Севере Любек – будущий глава вендской Ганзы. В XIII и особенно со второй половины XIV в. немецкие бюргеры массами стали переселяться в скандинавские города. В результате ремесленники, торговцы и судовладельцы из ганзейских, прежде всего, вендских городов составили заметную часть скандинавских горожан, особенно их более состоятельных слоев. Они заняли господствующие экономические и властные позиции не только в Стокгольме, Копенгагене, Бергене, где они имели свои конторы, но и в менее известных городских центрах. Они дирижировали скандинавским судоходством, тесно связанным с городской торговлей.

В немалом числе ведущих городских цехов и гильдий немцы составляли большинство. Были и чисто немецкие по составу цехи. О позиции немцев, например, в крупном шведском городе Кальмаре говорит уже тот факт, что тамошние городские книги в XV в. велись на немецком языке. Висбю вообще был населен преимущественно немцами.

Несомненно, что ганзейцы были важной бюргерообразующей силой северных городов, во всяком случае, в XIV–XV вв., и сыграли огромную роль в вовлечении скандинавского бюргерства и всего общества в большой мир общеевропейского бизнеса и культуры. При этом они, разумеется, до известного времени теснили местных бюргеров, менее самостоятельных и влиятельных.

Скандинавские города возникли преимущественно на королевской земле. Это обстоятельство, а также их недостаточный социально-экономический потенциал обусловили неполный объем городских прав и сравнительно мирный характер их приобретения. Жизнь городов и торговля в Северной Европе издревле регулировались на основе обычного права, широко распространенного на Балтике, которое в XIII–XIV вв. было кодифицировано. Это так называемое “Право Бирки” – Биркрэттен (латинизированная форма от скандинавского Бьеркезреттен, возможно, происхождением своим связанное с древней Биркою), где зафиксировано муниципальное устройство, первые городские привилегии и правовые нормы. Судя по этому праву, скандинавские города могли обладать самоуправлением: выбирать бургомистров и советников-родманов, которые имели местные законодательные, административно-исполнительные, судебные и отчасти финансовые функции. Но главная роль отводилась королевскому фогду, который не только имел решающий голос на заседаниях муниципалитета, но и утверждал его состав. Биркрэттен, как впоследствии и городское уложение Швеции – Стадслаг, даровался каждому городу или группе городов отдельно особой грамотой (“письмом”, дипломом) короля. Позднее объем городских прав значительно расширился, но никогда не поднимался до полной городской самостоятельности. К этому надо добавить, что, хотя лены в Скандинавии имели срочный характер, т.е. не были ни наследственными, ни пожизненными, города, входившие в состав крупных ленов, фактически попадали под власть ленников, иногда весьма ощутимую, особенно если ленником был представитель королевской семьи или лен располагался в отдаленных, либо пограничных районах – в датском Шлезвиге (Южная Ютландия), на шведско-финских территориях (Выборгский лен и др.). Некоторые города, в частности, в Дании, постоянно находились под властью сеньора-епископа: тот же Копенгаген долго входил в Роскильдскую епархию и фактически лишь с XV в. стал превращаться в столицу государства.

Уже при беглом взгляде на средневековую карту Северной Европы обнаруживается весьма неравномерное распределение городов по этой территории. Города Дании и Норвегии жмутся к побережьям. Датское побережье “усеяно” городами, их много, но они мелкие, а более значительные центры единичны. В Швеции немало городов располагается в глубинке, но вблизи больших озер и судоходных рек, с удобными выхо-

дами к морю. Здесь заметных городов больше, и между ними идет ожесточенная борьба за право активной внешней торговли, т.е. возможность не только ввозить, но и вывозить товары. Стокгольм, опираясь на поддержку правительства, пользовался методом так называемого “торгового принуждения”, вынуждая другие города вывозить ряд важных экспортных товаров, в частности, металлы, только через свой порт, и в результате резко оторвался в своем развитии от прочих городов страны.

В целом средневековые скандинавские города были по европейским меркам не велики и имели в лучшем случае по несколько тысяч жителей. В XIV–XV вв. население самых крупных городов региона – Стокгольма и Копенгагена – не превышало 9–10 тысяч человек.

Почти вся жизнь скандинавского города была связана с морем, морская торговля и мореходство оставались наиболее прибыльной частью городской экономики. Торговые товарищества и купеческие гильдии известны в Скандинавии с ранних времен, еще с эпохи викингов. Но ремесленные цехи, напротив, начали складываться только с XIV в., скорее всего, под немецким воздействием. Они получили распространение лишь в ограниченном числе городов и ремесел. Остальные ремесленники подчинялись городскому и правительственному регулированию.

По мере развития городов углублялась внутрисословная дифференциация и сужался круг горожан, имевших полноправие, т.е. дозволение пользоваться городскими привилегиями и свободами в полном объеме. Бюргерским правом располагали только “самостоятельные” жители – члены цехов и гильдий, владельцы недвижимости, которые были в состоянии нести городское тягло. Особенно резко отделялась городская верхушка: богатые купцы, горные предприниматели, домо- и землевладельцы. К XV в. они сосредоточили в своих руках всю полноту власти в городах, прежде всего наиболее заметных. В Стокгольме ремесленники почти не встречаются в составе муниципалитета, за исключением, разве что нескольких “аристократов ремесла” – ювелиров и других представителей ремесленной элиты. В мелких городах состав органов городского управления был более демократичным.

Скандинавские города по-прежнему находились в ведении королевских чиновников – фогдов, которые контролировали управление и судебные процедуры, надзирали за сбором налогов, состоянием городского ополчения и бытом, но уже не ведали выборами бургомистров и советников.

Короли высоко ценили стратегические позиции городов как укрепленных пунктов и центров коммуникации и дорожили материальными поступлениями от горожан в казну. Они постоянно укрепляли свои позиции в городах, продуманно строили свои отношения с бюргерами. Через своих чиновников правительства строго надзирали за поступлениями от торговли, особенно внешнеторговыми пошлинами. И одновременно регулярно даровали городам общие или частичные привилегии. Наиболее широкими привилегиями обладали так называемые “торговые города” (köpstad, kjobstad), которых было по несколько десятков в Дании и Швеции: собственные органы муниципального управления и свои законодательные установления (“свое право”), саморазверстка налогов, право активной внешней торговли и др.

Вообще городская жизнь в средневековой Скандинавии регулировалась по городскому праву Магдебурга, согласно которому горожане могли судиться по своим законам и в собственном суде, платили особые городские налоги и пошлины, следили за порядком в своем городе, состоянием построек и укреплений, составляли собственное ополчение. Сохранившаяся “Должностная книга” (Ämbetsbok) Стокгольма позволяет понять систему формирования и удержания власти в северном городе. Дело в том, что бургомистр и советники формально (по Стадслагу) избирались на общегородском сходе. Фактически же они кооптировались старым советом по его выбору из той же среды, из того же круга семей. Поэтому советы представляли собой довольно замкнутый патрицианский орган. Патрициат в скандинавских городах состоял в абсолютном большинстве из крупных торговцев, много реже (как отчасти уже говорилось) – лиц из ремесленной верхушки и представлял главным образом богатые семьи немецкого происхождения, что позволяет историкам говорить о “немецком патрициате скандинавских городов”. Эти семьи на протяжении нескольких поколений сохраняли постоянные и тесные связи с родными немецкими землями. Их родичи и компаньоны трудились в самых разных городах Северной Германии, Скандинавии, Прибалтики, что стало заметным фактором формирования балтийской торговой и культурной общности. Еще в середине XIV в. шведский Стадслаг пытался ограничить власть немецкой верхушки в муниципалитетах, указав, что лишь половину мест советников и бюргеров могут занимать немцы, другую же половину – только шведы. Шведом считался горожанин, у которого отец был шведом (происхождение матери во внимание не принималось), который признавал шведские законы и “считал себя шведом”. На деле же некоторые патриции немецкого происхождения занимали места в муниципалитете то “от немцев”, то “от шведов”. И только с середины XV в., по мере расширения народно-освободительного движения против возглавляемой Данией Кальмарской унии (1397–1523) и благодаря ряду правительственных декретов, направленных на усиление позиций национального бюргерства, в правящих органах шведских городов бюргеры-немцы были потеснены шведами. Однако важное место, роль, влияние немцев сохранялось в Швеции и позднее. В других скандинавских странах они тоже сохраняли свое влияние и вес, включая Данию, которая ожесточенно боролась с той же Ганзой за господство на Балтийском море.

Скандинавские города были важным элементом экономического и политического объединения своих стран, особенно в Швеции. Понимание их важной роли отразилось, в частности, в создании в середине XIV в. общегородского уложения – Стадслага, т.е. одновременно с Земским уложением – Ландслагом. Бюргеры принимали неперемutable участие в деятельности сословно-представительного ригсдага (с 1435 г.), сыграли важную роль в событиях, сопутствовавших распаду Кальмарской унии, поддерживая идеи национальной государственности. В дворянской Дании роль городов была менее ощутимой, еще менее заметной в подвластной ей Норвегии.

Скандинавские города были важными культурными центрами. Там развивалось каменное строительство, создавались светские школы.

В последней трети XV в. в Упсале и Копенгагене возникли университеты. Скандинавские студенты, в том числе из бюргерской среды, постоянно уезжали на учебу в прославленные университеты Западной Европы. Уже к концу XV в. в городах Дании и Швеции, прежде всего при университетах, начали складываться гуманистические и реформаторские течения, тесно связанные с соответствующими культурными очагами Германии, а также Франции и Италии.

ЛИТЕРАТУРА

Сванидзе А.А. Швеция в период Кальмарской унии: Начало сословной монархии (конец XIV—начало XVI в.) // История Швеции / Отв. ред. А.С. Кан. М., 1974.

Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции: XIII—XV вв. М., 1980.

Сванидзе А.А. Города и торговля // История Дании с древнейших времен до начала XX века / Отв. ред. О.В. Чернышева. М., 1996. Гл. 4.

Сванидзе А.А. Бюргерство // Там же. Гл. 5.

Цивилизация Северной Европы: Средневековый город и культурное взаимодействие / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1992.

Andren A. Den urbana scenen., Malmö, 1985.

Bull E. Byene i Norge i middelalderen // Nordisk Kultur. Oslo, 1933. Bd. 18.

Christensen A.E. Scandinavia and the Advance of the Hanseatics // The Scandinavian Economic History Review. 1957. V. 2.

Cohen S. The Earlier Scandinavian Towns // The Medieval City. New Haven; L., 1977.

Odhner C.Th. Bidrag till Städernas och Borgareståndets Historia före 1633. Uppsala, 1860.

Schück A. Sveriges stadsväsen under medeltiden // Nordisk Kultur. Oslo, 1933. Bd. 18.

Simonsen K. Danske byer. København, 1977.

Urbanisering processen i Norden. Trondheim, 1977. Del. I: Middelaldersteder. Det XVII nordiske historikermøte.

ОБЛИК И УСТРОЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

ГОРОД И ЛАНДШАФТ

Одним из основных критериев дефиниции средневекового города считается его топографическая обособленность от сельской округи. Города не возникли в одночасье, ведь удобные для обитания места заселялись людьми еще в древности. Поэтому большинство средневековых городов как населенных пунктов имеют богатую и долгую предысторию, выступая в облике сельских, городских, военных, религиозных и прочих поселений. Специфическая задача историка-географа состоит в том, чтобы, во-первых, выявить этапы этого внешнего обособления от округи; во-вторых, проследить нарастание во внутренней топографии поселения тех компонентов, которые делали средневековое поселение городом и отличали его от городов других эпох. В классическое Средневековье сформировался новый, при всем бесконечном разнообразии в принципе единый тип города. В нем свое место нашла традиция римского градостроительства и городских поселений раннего Средневековья.

Античным городам в значительной степени были свойственны универсальная структура, систематическая планировка, открытость по отношению к округе. В отличие от них средневековые городские поселения характеризовались ярко выраженной индивидуальностью, тесной зависимостью от географической среды, замкнутостью и физической обособленностью от сельского окружения.

В непосредственном виде эта зависимость особенно остро ощущалась в ранний период существования города или городского поселения и ослабевала к концу Средневековья, в условиях технического прогресса, принимая более опосредованные формы. Удобство и безопасность служили исходными предпосылками при выборе места как в древности, так и в Средние века, а они гарантировались в первую очередь особенностями ландшафта данной местности. Такую защиту в равной степени могли предоставить и возвышенность (холм, скала, плато и т.д.) и островок на реке, озере, близ морского побережья, а также реки и даже болота, окружавшие поселение. Так, естественную крепость являл собой Толедо, расположенный на высоком скалистом плато с крутыми обрывами по краям, которые с трех сторон омывались водами Тахо. Античная Лютеция, будущий Париж, возникла в римскую эпоху как укрепление племен паризиев среди болот на одном из холмистых островков Сены. Венеция берет свое начало на нескольких островках лагуны, служивших надежным укрытием благодаря отделявшей их от суши воде. Этот город

надежно защищала вода, поэтому он не нуждался в оборонительных сооружениях в виде городских стен и башен. Но и своей своеобразной оборонительной системой Венеция подтверждает общее для средневековых городов положение: более поздние искусственные укрепления – стены, башни, ворота, рвы, валы и т.п. – не только отрывали город от естественного окружения, но и как бы усиливали, завершали то, что первоначально давалось природой.

Между тем не всякое укрепленное природой или человеком место становилось впоследствии городом. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные и по сей день одиноко возвышающиеся на холмах и скалах средневековые замки и крепости. Перспективу превращения в город имели те поселения, в месторасположении которых активно использовались данные природой преимущества. Поскольку жизнь средневекового города обеспечивалась прежде всего за счет ремесла и торговли, то такие географические факторы, как близость к источникам сырья и удобные коммуникации, играли важную роль при возникновении и дальнейшем развитии города. Среди последних могли быть удобная гавань на морском побережье или в устье реки (Гавр, Амальфи, Лиссабон), места выхода из горных долин на равнину. Так выросли многие города по обе стороны Альп: Турин, Бергамо, Брешиа, Тренто в Италии, Инсбрук и Филлах в Австрии, Женева, Лозанна в Швейцарии. Подъему поселения способствовало его нахождение на важных торговых и военных путях, “проектировщиком” которых была природа, особенности ландшафта местности. Исключительная роль обеспечена Страсбургу, расположенному в месте слияния Иля и Рейна в узкой Рейнской долине. Здесь сходились важнейшие дороги с юга на север и с запада на восток. Каркассон, лежавший на пересечении путей в долине реки Од, контролировал коммуникации между Лионским и Бискайским заливами. Буда стала важным узлом водных и наземных путей на среднем Дунае – в том месте, где река круто поворачивает с запада на юг. Доминирующие позиции Буды усиливались благодаря тому, что она гнездилась на высокой горе. Отсюда было легче вести наблюдение за дорогами и отражать нападения неприятеля.

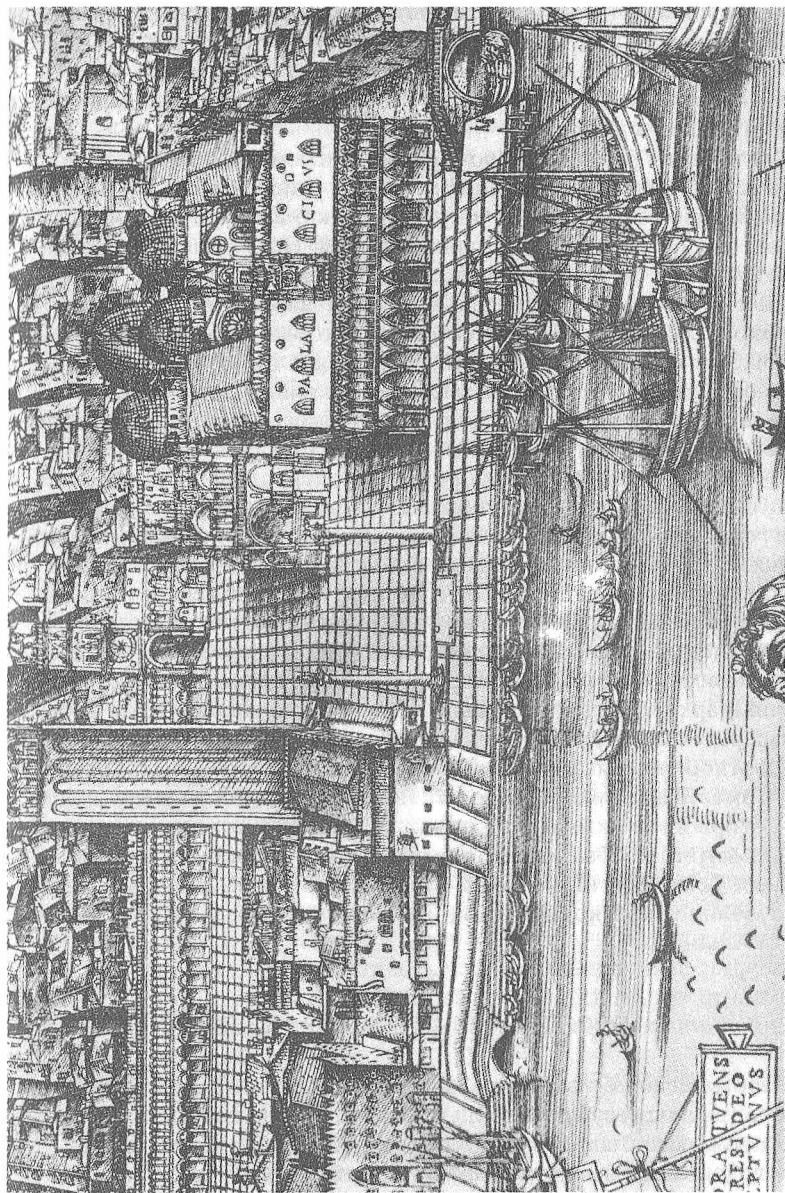
В богатой судоходными в Средние века реками Шампани, ставшей связующим звеном на торговых путях из Прованса и Италии на север Франции и в Нидерланды, выросла целая сеть городов: Бар, Труа, Провен, Ланьи, Шалон и др. Графы Шампанские удачно использовали выгоды географического положения своих владений и покровительствовали ярмаркам, собиравшимся в этих городах. Множество городов (Франкфурт-на-Майне, Клагенфурт, Оксфорд, Брюгге, Оснабрюк, Саарбрюккен, Кембридж, Брук-на-Лайте и др.) в качестве отправного момента для поселения имели мост, переправу, брод. Эти истоки города, как видим, отражены в топонимике: “брюк”, “бридж”, “брук”, “фурт” – часто встречающиеся компоненты в названии городов. Связь с природной средой, зависимость от нее проявились и во внешнем облике городов Средневековья. Они органически вписывались в ландшафт, максимально приспособлялись к географическим условиям, благодаря чему отличались исключительным многообразием и неповторимостью форм. В них отсут-

ствовала присущая городам других эпох целостность и спланированность, место которых заняли неправильности, нерегулярность, незавершенность, противоречивость застройки. Не подлежит сомнению, что преобладание этих черт было обусловлено не только природными факторами, но и военными, социальными, производственными, конфессиональными. Однако природа, особенно на первых порах, была одним из “главных архитекторов”, определявших внешний вид и внутреннюю структуру городских поселений, целесообразность тех или иных строительных решений. Обратимся к примеру той же Венеции. Сохранился ее план XIV в., из которого видно, что город полностью следовал форме местности, то есть лагуны. Но и сама лагуна не представляла собой единого водного пространства и образовывала сложную систему многочисленных природных и искусственных островов и каналов. Берега каналов и песчаная почва между морем и лагуной укреплялись и этим обеспечивались соответствующие рамки застраиваемой суши. Город Ротвейл (Германия, область Баден-Вюртемберг) располагался на почти прямоугольном плато над рекой Неккар и повторял его форму: в основе планировки лежали две пересекающиеся под прямым углом улицы, которые делили город на четыре квартала.

Средневековый город и его географическое окружение представляют собой пример единства противоположностей. Город складывается как антипод сельской округи. Это укрепленный островок, убежище перед лицом опасности безграничных пространств, открывавшихся за стенами города и враждебных ему. Вместе с тем именно города становятся звеньями, которые связали ближние и дальние концы огромного мира. Город покоряет его разрастающейся сетью коммуникаций. Пядь за пядью он поглощает территорию сельской округи, о чем в первую очередь свидетельствуют стены, возводившиеся вокруг новых районов. Отчужденный от внешнего мира город в то же время не может существовать без него: этот мир в прямом и переносном смысле кормит его, дает средства к существованию. Он активно осваивается городом. Со временем горожане меняют свое отношение к окружающей среде. В их сознании враждебность уступает место покровительству: появляются законы в защиту ландшафта.

Средневековые города Запада развивались на малых площадях, и их топография настолько индивидуальна и разнообразна, что ее систематизация чрезвычайно затруднена. Специфические географические условия местности в сочетании с региональными особенностями этно-политического развития существенно влияли на внешний облик города, равно как и сила античной городской традиции, в той мере, в какой она имелаась. Складывался город спонтанно или он был создан по воле и под контролем какого-то лица или организации? Так называемые “спонтанные” города чаще встречались в более раннее время, “созданные” – во второй период классического Средневековья, причем иногда уже по готовому проекту. Какие общественные и политические силы участвовали в становлении города и как впоследствии складывались отношения между ними?

Несмотря на многообразие, в большинстве городов, независимо от их происхождения, места и времени основания, складывались общие

Якопо де Барбари. Венеция

принципы организации пространства и его атрибутика. Как правило, город располагал кафедральным собором, одним или несколькими рынками, зданиями городской администрации (ратуша, мэрия, синьория), укрепленным центром (бург, сите), дворцами-замками знати, системой внешних фортификаций (стены, рвы, валы). К городу примыкали торгово-ремесленные предместья, а также сельская округа, где отдельные горожане и городская община в целом владели землями и угодьями. Внутри городских стен также находилось место для пахотных участков, виноградников, огородов и выпасов.

В отличие от римского города с монументальной упорядоченностью его геометрически спланированных прямых улиц, площадей и кварталов в средневековом городе царит хаос узких и кривых улочек и переулков, тупиков, беспорядочно разбросанных зданий. Но в этой бессистемности просматривается внутренняя логика: различные социальные, профессиональные, этно-конфессиональные группы населения концентрировались вокруг своих центров и на своей территории (бург, епископская резиденция, гетто, специализированный рынок и т.д.), защищая свои права и свободы внутри города. Бессистемность и индивидуализм в застройке соседствовали с правилами и предписаниями, строго ограничивавшими и регулировавшими частную инициативу. В результате город образовывал единый организм, в котором тесно переплетались и уживались сферы общественного и частного. Так, главное место общественной жизни города – рыночная площадь – складывалась в ансамбль из обрамляющих ее частных бюргерских домов, основные параметры и внешний вид которых регламентировались властями. Крайний дефицит площадей внутри городских стен вынуждал городских строителей вырабатывать новые представления о пропорциях трехмерного пространства. Не случайно расцвет средневекового города совпадал с торжеством готического стиля в архитектуре. В средневековом городе иначе, чем в античности, распределялись строительные и символические акценты, а вместе с этим соотношение между различными частями городского организма. Все это вместе взятое создавало тот типичный облик средневекового города, который мы видим на картинах художников того времени.

Рассмотрим особенности топографии средневекового города в двух основных регионах, на которые принято разделять Западную Европу при изучении городской истории: Средиземноморье и территории к северу от Альп.

ГОРОДА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В этом регионе – в Италии, Южной Франции и Южной Испании в эпоху античности существовали многочисленные цветущие города. Запас их прочности был настолько велик, что они пережили период упадка, последовавший за крушением Западной Римской империи, сохранили основы хозяйственной деятельности, особый политико-правовой статус и топографические признаки, выделявшие эти поселения и их жителей из сельского окружения. Эти города раньше других в Европе – уже

IX–XI вв. – возродились к жизни в новом качестве: как центры ремесла и торговли. Античное наследие оставило в них глубокий след, в том числе в топографии. К северу от Альп римляне также строили города – вплоть до Британии на севере и Паннонии на востоке. Однако в раннее Средневековье лишь в единичных случаях в них сохранялись рудименты городской жизни. Даже если населенный пункт не исчезал, топографическая связь с предшествующим поселением в результате сокращения, разряжения и перегруппировки городского пространства ослабевала, а зачастую и вовсе прерывалась вследствие перенесения центра древнего города на новое место. Иногда следы античного города окончательно стирались. В заальпийском регионе в Средние века возникло значительно больше, чем в Средиземноморье, совершенно новых городов, совсем не отягощенных грузом античности.

Глобальное деление Западной Европы на Трансальпийскую и Средиземноморскую не исключает существование подвариантов городского развития в этих регионах. Так, города Южной Италии и особенно Испании испытали на себе сильнейшее арабское влияние. В континентальной Европе выделяются области между Сеной и Рейном, между Рейном и Эльбой, к востоку от Эльбы.

В Италии многие оставшиеся от римского времени города сохранили основы античной планировки, ядро древнего города, отдельные кварталы, улицы и строения (Павия, Пьяченца, Рим). Средневековый город продолжал разрастаться вокруг античного ядра. Дворцы королей и знати, церкви и монастыри нередко строились вдоль римских стен, а торговая деятельность по-прежнему протекала рядом с форумом.

Однако постепенно возобладала иная топография. Даже в крупных городах бывшей Римской империи население иногда предпочитало старому центру новое место обитания. Так, пережившие много варварских нашествий римляне переселились с холмов на равнину по обе стороны Тибра. Постройки же на холмах вплоть до дальнего конца стен Аврелия опустели и постепенно разрушились. На окраине папского города оказался форум. Колизей продолжал доминировать в городском пейзаже, но утратив свои функции, превратился во что-то чуждое и враждебное в воображении современников – в пристанище демонических сил и разбойников. Часто античные общественные сооружения (форум, амфитеатр, термы, акведуки и др.) приспособлялись для иных нужд. Они служили жильем, укреплениями. Древние колонны и капители использовались при строительстве христианских храмов. Античные сооружения по камню растаскивались для частного и общественного строительства. Все это нанесло античным городам не меньший урон, чем войны и варварские нашествия.

В связи со строительством новых кварталов в городах сильно изменилась сеть улиц. Появились узкие, неровные улочки, маленькие площади. Квадратно-геометрические решения пространства заменялись концентрическими. Часто река становилась тем фактором, который делал второстепенной античную планировку. Новый город мог полукругом опираться на реку, поглотив прямоугольник римского поселения (Тулуза, Бордо). Однако в тех местах, где город стоял на слиянии рек, как, на-

пример, Лион, или вдоль берега широкой реки, как это было в Вероне, римская прямоугольная планировка сохранялась и в Средние века, и возникшие по обоим берегам районы четко отличимы от античного центра. В городах, расположенных в гористой местности, также легче нарушалась римская планировка, а новая подчинялась рельефу, задававшему ей формы. Так, Сиена, восходящая еще к эпохе этрусков, была заново основана в VII в. королем Ротари. Она расположилась в холмистой местности и приняла форму буквы “Y” в соответствии с направлением трех расходящихся хребтов. В центре, на их пересечении, на одном из двух главных холмов был возведен кафедральный собор, ставший центром средневекового города. С этого холма сбегали в долину две застроенные с обеих сторон домами дороги. Внизу они встречались и, замкнувшись в кольцо зданием дворца Коммуны, образовывали площадь. Город по мере роста неоднократно обносился стенами: в 1150, 1220, 1260 и 1326 гг. Античный город органично вошел в него, но занимал лишь незначительную часть в центре.

Формирование новой топографии средиземноморских городов происходило в разное время. Так, в Генуе она сложилась уже в IX в., в Пизе и Милане в XI в., в Болонье, Тулузе и Флоренции – в XII в., в Альби и Бордо – к концу XII–началу XIII в. Уже к XIII в. основная масса городов этого региона приобрела средневековый вид.

Города Северной и Средней Италии имели много общих черт в планировке. В центре города находилась площадь, на которую выходили синьория и кафедральный собор. Переселенные в город феодалы строили там башни-замки. С XIV в. появляются частные палаццо крупнейших пополанских семей. Рынки, в более раннюю эпоху располагавшиеся с внешней стороны городских ворот, со временем оказывались внутри города. Как и повсюду в Европе внутри итальянских городов создавались как бы микрогорода – кварталы, улицы, районы, – объединяющие разные социальные, профессиональные группы населения и даже родственные кланы.

Судьба южноитальянских и испанских городов складывалась иначе. Южная Италия переходила из рук в руки: византийцев сменили норманны (а в Сицилии еще и арабы), затем немцы, французы. На Пиренейском полуострове надолго установилось господство ислама. Существовавшие в этом регионе города римской эпохи в той или иной степени испытывали на себе все эти влияния. Так, Неаполь в ходе различных войн заметно сократился в размерах: в X–XI вв. территория, обнесенная стеной, занимала лишь малую часть греко-римского города. Позже Неаполь стал вновь разрастаться, но не по регулярному античному плану, а беспорядочно и фрагментарно, к тому же на манер арабских городов. Попав под власть Анжуйской династии в 1266 г., Неаполь затем развивался как западноевропейский город, и при его строительстве за образец был принят Париж.

Арабы существенно изменили внешний облик попавших под их власть западноевропейских городов, особенно там, где оставались надолго. Римское наследие сохранялось здесь фрагментарно. Возобладал принцип последовательного построения городского пространства. Зда-

ния и целые архитектурные комплексы открывались в сторону внутренних дворов, снаружи же образовывали почти или совсем глухую стену. Пространства между этими комплексами складывались в площади, связанные между собой системой переходов. Внутри города в целом и внутри каждого городского двора много места занимали сады. Неотъемлемым элементом городских площадей и дворов были бассейны, фонтаны, дававшие прохладу в жарком климате. В городах строились многочисленные мечети, дворцы-крепости правителей и знати (Альгамбра в Гранаде, Алькасар в Кордове, Севилье), башни (знаменитая Хиральда и Золотая башня в Севилье).

Отвоевав у мусульман пиренейские и сицилийские города, христиане оказались перед задачей, как обойтись с наследием чуждой по конфессии культуры. Многие (особенно мечети) были разрушены и перестроены. Так, на месте минарета всемирно известной кордовской мечети оказалась колокольня. В 1072 г. Палермо от арабов попал в руки норманнов. Постепенно ему придается вид европейского города: комплексы зданий, обращенные внутрь, открываются наружу. Повышается их этажность. Зеленые пространства застраиваются. Вокруг города возводятся новые мощные, усиленные многочисленными башнями, стены. Тем не менее полностью изжить арабское влияние Палермо не удалось. Еще сильнее оно сказывалось в городах Андалусии – Гранаде, Севилье, Кордове, Альмерии, Малаге и др., которые дольше находились под властью мусульман.

Помимо городов, ведущих свое происхождение от античности, в Средиземноморском регионе в средние века появилось немало городов, которые явились плодом планомерной и целенаправленной деятельности различных феодальных сеньоров и организаций: королей, крупных феодалов, церковных орденов, богатых городов. Это были прежде всего города-крепости, они родились в условиях войны, на границах, в целях обороны. Так, в ходе Реконкисты возникли в Испании *robblaciones* (Авила, Сеговия, Виллареал). В Юго-Западной Франции бастиды, *salvitates* создавались как оборонительные пункты в англо-французском соперничестве в этом регионе и как опорные центры королевской власти в ее борьбе с южнофранцузскими городами (Монсегюр, Монтобан, Монпазье, Каркассон, Кувертуарад). Многие служили укрепленными станциями на дороге пилигримов в Сантьяго-де-Компостела (Масан, Кувертуарад). В Италии крупные коммуны стремились основать поблизости, как правило, на торговых путях, для защиты и регулирования товарного потока укрепленные *borghifranchi*, *terrenuove*, (Семифонте близ Флоренции, Кастельфранко ди Сотто близ Лукки, Виттория близ Пармы). Особенно много городов-крепостей появилось при содействии властей на пограничных территориях. Так, Пальманова защищала Венецию со стороны суши (Террафермы).

Общие причины и условия создания сказывались на планировке городов-крепостей. Их форму и топографию могли определять основатели еще до закладки и оставлять в дальнейшем неизменной. При их строительстве чаще внедрялись знакомые и испытанные строительные типы. Основатель мог вмешиваться в вопросы планировки городского

пространства, укреплений, распределения участков среди поселенцев. Несмотря на многообразие форм, “основанные” города-крепости во многом схожи. Обычно они занимали ключевые позиции на местности, имели относительно регулярную планировку, даже более или менее схожий план (особенно в зрелых примерах), модифицировавшийся в зависимости от природных условий места. Одни города располагались на вершине плато или одинокого холма, в других главные улицы следовали направлениям дороги или долины, третьи соответствовали четкому плану на бумаге.

В бастидах и подобных им поселениях проектировщики и строители со временем стали находить принципиально иное, чем в традиционных средневековых городах, построение пространства. Если позволял рельеф, предпочитались прямоугольные формы. Главными элементами являлись укрепления: стены, ворота, бастионы. Из соображений обороны бастиды строились от окраин внутрь, а не наоборот – от центра к периферии, как обычно; расположению улиц придавалось большее значение, чем домам. Все пространство города делилось на равные участки, на них в геометрическом порядке располагались прямые кварталы и улицы. Улицы бастид были короткими и часто прерывались боковыми улицами или соединялись друг с другом переходами посредством аркад. В таком строго продуманном виде бастиды явились предшественниками идеального города эпохи Возрождения. Классический пример зрелого города-крепости представляет французский город Монпасье в Дордони, основанный в 1284 г. Его кварталы и улицы вычерчены в шахматном порядке. Прямые улицы с обеих сторон застроены зданиями одинаковой высоты, обращенными узкими фасадами к улице. В центре располагалась прямоугольная общественная площадь, куда выходил собор.

“Основанные” города-крепости редко превращались в крупные. Но их огромное число составляло существенный элемент урбанизма в Средиземноморье. В разных вариантах они распространились по всей Западной Европе.

ЗААЛЬПИЙСКИЙ ГОРОД

Вопрос о топографической преемственности античных и средневековых городов на континенте к северу от Альп не стоит так остро, как для Средиземноморья. Не меняет общей картины и то обстоятельство, что вдоль Рейна, а также между Рейном, Маасом и Шельдой в некоторых бывших римских центрах, таких, как, например, Кёльн, Майнц, Вормс, Шпайер, Маастрихт, Мец, несмотря на большие потрясения, городская жизнь до конца не затухла и в раннее Средневековье, и там частично сохранялась римская планировка. Однако к тому времени, когда на континенте сложилась система средневековых городов, значение этой преемственности, в том числе и топографической, сошло на нет. В целом средневековый город в этом регионе строился на новой основе, независимо от того, существовал он в римскую эпоху или возник позднее. На первое место здесь вышел комплекс таких факторов, как благо-

приятные природные условия, существование догородского укрепленного поселения, рынка. Такими догородскими поселениями могли быть бург (как древний, так и новый), крепость (*castrum*), остатки римского города или лагеря, обнесенные стеной, замок феодала, королевский пфальц, укрепленные монастырь, аббатство, соборная церковь. В раннее Средневековье они служили резиденциями светских и духовных сеньоров, особенно графов и епископов. Очень много укрепленных королевских дворов и военных станций возникло в Каролингскую эпоху по инициативе центральных властей на северных и северо-восточных границах империи для ведения военных действий против славян и контроля за торговлей (Магдебург, Бардовик, Эрфурт, Дортмунд и др.). Уже в это время около них появляются поселения странствующих купцов (*vicus, portus, emporium negotiatorum, claustrum*). Со временем здесь возникал рынок (*mercatus*). Эти предшествующие городам поселения-эмпории занимали очень маленькую территорию и представляли собой единственную застроенную с одной стороны улицу, которая тянулась, например, вдоль реки или шла от нее. Стихийно сложившийся рынок располагался вдоль улицы, повторяя ее форму. В XI–XII вв., когда на континенте создались объективные предпосылки для массового возникновения городов, при благоприятных обстоятельствах подобные поселения составили основу новых городов – центров ремесла и торговли. К началу XII в. на континенте было признано около 100 городов, из них около половины – в империи. Через двести лет только в Германии насчитывалось уже около 500 городов.

Итак, основу средневекового города составило его укрепленное догородское ядро и окружавшие его торгово-ремесленные предместья, которые назывались по-разному: *portus, suburbium, burgus*. На первых порах эти поселения разделялись как юридически, так и физически, и лишь позже были объединены общей стеной и юрисдикцией. Это явление – существование двух центров в раннем городе – в историографии носит название топографического бицентризма. Примером такой структуры служит средневековый Аррас, который сложился на базе, с одной стороны, епископской резиденции, расположившейся на месте древнего кельтско-римского города, а с другой – торгового поселения, зависимо-го от графов Фландрских. В Лиможе догородским ядром была укрепленная резиденция виконта – представителя герцогов Аквитанских, а в XI в. рядом появилось тоже укрепленное поселение ремесленников и купцов. Однако лишь в редких случаях город складывался только из двух центров. Больше были распространены так называемые “многоядерные” города, основанные на сложном комплексе укреплений, например, нескольких замков, монастырей, крепостей. Так, Льеж возник к востоку от епископского замка и трех укрепленных монастырей.

Обнесенный стеной город не останавливался в своем росте. Рядом с ним складывались новые предместья и поселения. Они появились у предместных укреплений на противоположном от города берегу реки, близ городских ворот, у рынков и вдоль основных магистралей, ведущих из города, около построенных за городской чертой монастырей. В Вюрцбурге, на правом берегу Майна, напротив епископского бурга Мариен-

бург в XI–XIII вв. возникли монастырь св. Бурхарда, шотландский монастырь св. Якова, церковь Тевтонского ордена. Они стали центрами предместий, которые в 1260 г. были соединены с левым берегом каменным мостом, что свидетельствовало о силе посадского люда. Нередко рынок вызывал к жизни новое предместье. Обычно конские рынки выносились за городские ворота. В 1264 г. возникшее ранее вокруг конского рынка поселение близ Гамбурга было обнесено стеной и присоединено к городу. Таким же образом включались в город предместья, сложившиеся из деревень. Принцип “многоядерности” распространялся на предместья. В Бове вокруг двух укрепленных центров – древней крепости и меровингского монастыря св. Лусьена – возникло четыре предместья.

Случалось, что предместья вырастали в самостоятельные города со своей администрацией и юрисдикцией (Унд и Штайн около Кремса в Нижней Австрии). Иногда они перехватывали ведущую роль у своего более древнего патрона, как это произошло в Венгрии с Будой, ставшей столицей королевства и затмившей Обуду (Старую Буду).

ГОРОДСКОЕ ЯДРО: БУРГ, СОБОР, РЫНОК

Как уже говорилось, важнейшими факторами, определяющими облик заальпийских городов, помимо рельефа, были укрепление (бург и т.п.), собор и рынок. Первенство задач обороны на долгое время определило особый статус укрепленного городского ядра. Сначала предместья тянулись к нему за защитой – и бург, замок, монастырь и т.п. предоставляли ее. Но по мере того, как из предместий начинает вырисовываться самостоятельный новый город со своим торгово-ремесленным населением, укрепленный центр обращается против него, даже если их объединяла общая стена. Такому обособлению способствовало выгодное расположение укрепленного ядра, – как правило, на острове посреди реки, полуострове, на холме, скале и т.д. В последнем случае, занимая стратегические высоты, оно становилось “верхним” городом по отношению к расположенному у его подножья торгово-ремесленному поселению – “нижнему” городу. В Нюрнберге, на высокой горе в XI в. возникли два бурга: императора и бургграфа, объединенные в 1167 г. От “нижнего” города “верхний” отделялся двумя рядами мощных, вросших в скалу стен с крепкими воротами и имел сложную систему внутренних укреплений. Нередко пространство перед бургом специально не застраивалось со стороны города, во избежание неожиданных действий горожан (Гослар). В противоположность старым городам, в которых высокий бург спонтанно оказывался в центре города (Трир, Вормс, Бремен), в новых, основанных по чьей-либо инициативе, бург чаще занимал маргинальное положение. Оттуда властям было удобнее управлять горожанами и при необходимости защищаться от них. Так, в 1290 г. горожанами были взяты штурмом и разрушены замки в городах Гослар, Мюльхаузен и Нордхаузен.

В старых городах соборы строились в укрепленном месте и сами становились бургами. Не случайно их название *Domburg*. В епископских

центрах они включались в укрепленную епископскую резиденцию и нередко топографически совпадали с римским ядром. В качестве бургов соборы разделили судьбу прочих укрепленных центров в городе, где сосредоточилась сеньориальная власть: они враждебно обособились от торгово-ремесленного поселения. По мере усиления последних соборы нередко начинают строить на их территории. Они становились центром нового города, как это было в случае с собором св. Стефана в Вене. Развитие крупного средневекового города не мыслилось без собора. Он символизировал не только церковь как таковую, но был также центром универсума, в котором индивид растворялся и чувствовал связь с вечностью. Соборы строились, разрушались временем и людьми, заново возводились, переделывались, достраивались. Их сооружение продолжалось десятилетиями, а иногда затягивалось на века. Так, собор Нотр-Дам в Страсбурге складывался в течение XI–XVI в.: основное строительство было начато в конце XII в., в конце XIII в. был закончен готический неф, в конце XIV в. – фасад; в начале XV в. была надстроена северная башня, а в 1439 г. – шпиль, венчающий собор. С XIV по XVI в. в соборе строились капеллы. Таким образом собор, окруженный лесами, становился символом растущего и развивающегося города.

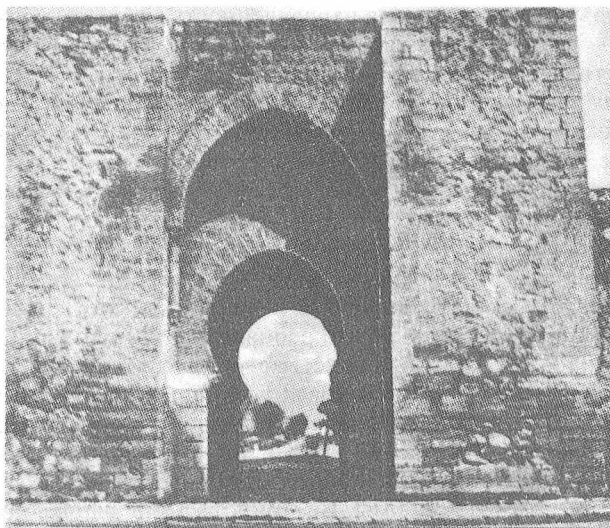
Положение третьего важнейшего элемента средневекового города – рынка – также не оставалось неизменным. Если в первых предгородских купеческих поселениях рынок, как упоминалось, стихийно собирался вдоль единственной улицы, то в городах классического Средневековья для него специально выделяют место на главной улице (Штайр в Австрии). Со временем на главной улице появляется расширенное пространство в форме прямоугольника для рынка (Данциг-Гданьск). Наконец, прямоугольные рынки стали возникать независимо от главной улицы. Чаще всего они располагались около перекрестка главных улиц, то есть в центре города. Это в меньшей степени относится к старым городам, хотя, например, в Вене в первой половине XIII в. в самом центре, в пределах бывшего римского лагеря была устроена прямоугольная площадь для рынка (Hobre Markt). Зато начиная с XIII в., в первую очередь в городах, созданных к востоку от Эльбы, даже планировка города подчас становится в зависимость от рынка. Город с его улицами и кварталами строится от центра, где на прямоугольной площади расположен рынок, – и принимает вслед за ним форму прямоугольника. Часто прямоугольная форма являлась результатом возникновения города вдоль дороги. Вдоль дороги появлялась одна улица, параллельно ей складывались другие, перпендикулярно пересекавшиеся третьими. “Дорожный” фактор прослеживается особенно отчетливо там, где улицы воспроизводят кривизну дороги.

Как правило, город не ограничивается одним рынком. В местах компактного поселения ремесленников разных профессий (кожевников, горшечников, кузнецов, ткачей) возникали специализированные рынки. Наиболее распространенными специализированными рынками были те, что обеспечивали город продовольствием, фуражом, топливом и прочими предметами первой необходимости: сеной, дровяной, угольный, хлебный, овощной, мясной и др. Они могли быть разбросаны по всему городу, некоторые выносились за его стены.

Важнейшим компонентом средневекового города были его стены. Они не только защищали поселение, но и символизировали его свободы и привилегии. В венгерском праве четко определялось, что свободными королевскими городами считаются те, которые окружены каменной стеной. В средневековой терминологии прослеживается прямая связь между словом “*civitas*” и укрепленным стеной городским поселением. Слово “*oppidum*” реже встречается в этом значении. В то же время известны случаи, когда “*oppidum*”, будучи окруженным стеной, переходил в разряд “*civitas*” (часть основанных королями городов на территории Германской империи). Тяжелейшим наказанием для города было разрушение его стен. Стены являются свидетельством роста городов, их слаботи и могущества. Строительство фортификаций означало большое испытание для городского бюджета и было под силу не каждому городу. Поэтому многие из них довольствовались укреплениями из земляных валов и частокола. Там же, где стены возводились, ими окружалась по возможности меньшая территория. Новые стены строились лишь тогда, когда все пространство внутри старых стен было использовано. Этим объясняется крайняя теснота внутри города.

Раньше всего стены поднялись вокруг итальянских и южнофранцузских городов (в IX–X вв.); за ними последовали прирейнские области и Фландрия (Кёльн – 948 г., Намюр – 938 г., Льеж – 1002 г., Брюгге, Гент, Дуэ – конец XI в.). У основной массы германских городов стены начали появляться в XII–XIII вв. (Трир – вторая половина XII в., Фрейбург – 1200 г., Аугсбург 1156 г., Нюрнберг – XIII в.). Города, возникшие в колонизованных землях Северо-Восточной Германии, были укреплены в XIII–XIV вв. (Люнебург – 1297 г., Шверин – 1340 г., Берлин – 1307 г.). Стены могли возводиться сначала вокруг отдельных предместий и лишь потом окружали новое пространство целиком. Иногда стены предместья присоединялись к старой, ранее существовавшей крепости (Орлеан, Труа) и лишь позже одной стеной охватывалось все городское пространство (Кёльн – 1180 г., Мец – XIII в., Туль – 1240 г., Регенсбург – 1230 и 1320 гг.). История крепостных стен Тулузы прекрасно иллюстрирует этапы развития этого города. До конца XI в. его предместья ограничивались палисадами, а в 1098 г. были укреплены каменной стеной. В 1140 г. весь город вместе с предместьями, сите и бургом был обнесен каменной стеной. При этом власти позволили себе оставить много свободного пространства внутри новых стен – для будущего строительства. Это была эпоха наивысшего могущества Тулузы. В 1346 г. возникла необходимость в новых стенах. Но ослабевший в войнах город уже не мог осилить каменных стен. Участки из кирпича чередовались в них с фахверком. В 1443 г. в Тулузе начал работать парламент Лангедока, что сильно оживило жизнь города. В 1555 г. были построены новые стены – уже из кирпича и камня.

Во многих городах территориальной границей (вплоть до начала XIX в.) стали стены, возведенные в первой половине XIV в. Черная Смерть настолько опустошила города Европы, что в них возникли об-

Толедские ворота в Сюдад Реаль

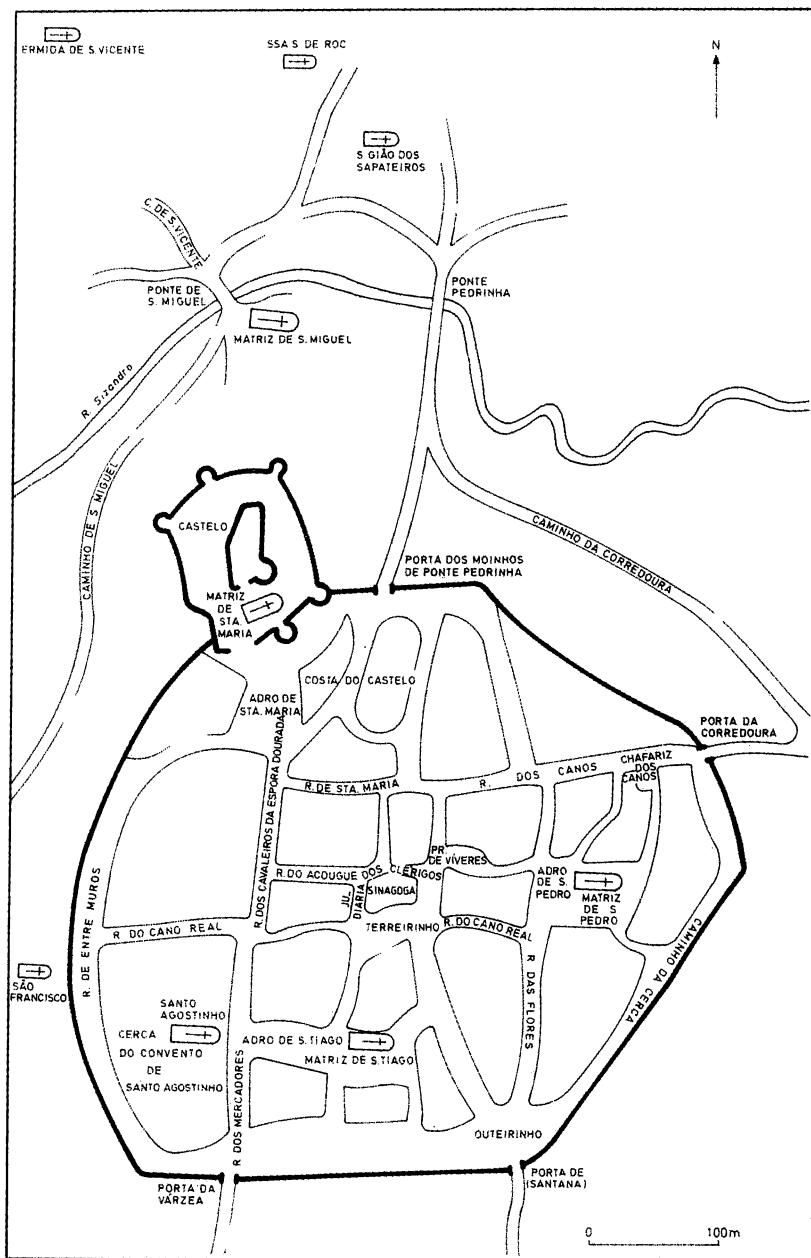
ширные, веками не застраивавшиеся пустыри. На них горожане устраивали сады и огороды, пасли скот.

Ворота также входили в систему городских фортификаций. Они открывали и закрывали доступ в город. Наиболее часто средневековые города имели двое или четверо ворот. В первом случае предполагалось, что ворота запирали главную, проходившую через весь город, магистраль. Как правило, это были маленькие города. Четверо ворот стояли на выходе из города двух пересекающихся главных улиц. Помимо этих распространенных типов известны города с одними, тремя, пятью и т.д. воротами. В Магдебурге, с его предместьями Нейштадт и Юденбург, насчитывалось 17 ворот. О расположении и функциях ворот говорят их названия. Ворота ориентировались на части света (Западные ворота в Дортмунде, Восточные – в Ульме) или же стояли на дороге, ведущей в другой город (Майнцкие ворота во Франкфурте-на-Майне, Венские ворота в Буде). Через Соляные ворота в город доставляли соль и т.д. Над наиболее важными воротами воздвигались массивные башни, увенчанные шатрами, зубцами, дополнительными башенками. Иногда ворота помещались между двумя башнями (ворота Хольстентор в Любеке). Для защиты ворот перед ними ставились привратные укрепления. Число сторожевых башен на стенах значительно превышало число ворот и порой достигало нескольких десятков. В Кёльне помимо десяти надвратных башен на стенах возвышалось 50 башен. Башни не только обороняли, но и украшали город, символизировали его силу и богатство.

Четко выраженная линия и направленность главных улиц – от ворот к воротам – и их продолжение за чертой стен в сторону других городов свидетельствовали о том, что город участвовал в транзитной торговле, и число таких улиц и ворот говорят об интенсивности этого участия. Пример обратного представляет собой Шартр. В нем отсутствовала “большая” улица, которая вливалась бы в торговую магистраль и только от одних из восьми городских ворот прослеживалась четкая направленность дороги.

Наиболее распространенными формами поселений в Средние века, как и в древности, были прямоугольник и окружность. Та или иная конфигурация может свидетельствовать о времени и условиях возникновения города. Так, в римскую эпоху преобладал прямоугольник (квадрат), поскольку города в своем большинстве строились по плану. В первой половине классического Средневековья доминировали круг и близкие к нему формы, что соответствовало спонтанному характеру первых средневековых городов. Поселение концентрировалось вокруг какого-нибудь притягательного центра (собора, бурга), нарастало по кругу и обносились стеной подобной формы. Внутри круга мог царить полный беспорядок застройки. Среди бессистемной сети мелких улиц выделялись одна-две более широкие главные улицы, которые могли пересекаться или идти параллельно друг другу и т.п. В Ротенбурге на р. Таубер одна из улиц вела к замку, возвышавшемуся на скале над рекой; другая служила рынком. Другой вариант – радиально-концентрическую планировку – иллюстрирует баварский город Нордлинген: пять неправильных радиальных улиц вели от центра, где находились церковь и ратуша, к воротам. Стены замыкали город в круг. Там, где в центре сохранялось римское ядро, прямоугольная конфигурация центра могла дополняться концентрической застройкой за его пределами, а поселение в целом заключаться в стены, по форме близкие к овалу или кругу (Страсбург, Регенсбург). Наконец, начиная с XIII в., стали все чаще возвращаться к прямоугольнику, как основе продуманной планировки. Это в первую очередь относится к “созданным” городам – поселениям колонистов, возникшим в Англии в ходе норманнской колонизации (Ливерпуль, Нью-Солсбери), во внутренней Фландрии – по инициативе графов Фландрских и в Брабанте на валлийской границе – по инициативе герцогов Брабантских (Мон-Сен-Гибер). Особенно же много таких городов появилось в Восточной Германии и Пруссии. По условиям возникновения и принципам планировки они близки к городам-крепостям Средиземноморского региона. Таким образом, в обоих регионах Западной Европы прослеживаются одинаковые тенденции развития градостроительства.

Площадь заключенных в стены средневековых городов была невелика. Даже крупнейшие из них в эпоху расцвета не превышали нескольких сотен гектаров. В XIV в. Лондон занимал около 290 га, Париж – около 400 га, Кёльн – около 450 га, Флоренция – около 500 га, Гент – больше 600 га. Такие большие города как Вена и Нюрнберг, заметно отставали от них (соответственно 110 и 160 га). Однако все же площадь пода-

План г. Торреш Ведраш. Реконструкция

вляющего числа городов достигала нескольких десятков гектаров (Туллон – 18 га). Несмотря на незначительную численность населения (в среднем от 2 до 20 тыс. человек), города были очень плотно заселены, что, конечно, отражалось на их застройке.

Застройка средневековых городов отличалась большой теснотой и иррегулярностью. Исследователь средневекового города Э. Гуткинд назвал эту иррегулярную планировку “шедевром функциональности” (N.Y., 1970. Т. 5. Р. 52), потому что “строители, будучи реалистами, адаптировали улицы к сложностям роста города”. В средневековом традиционном городском строительстве в качестве основного элемента выступал дом, а не улица. Этим домом в разной мере могли быть собор, приходская церковь, дворец, ратуша, здание гильдии, госпиталь, дом бюргера. При том, что город складывался в течение очень долгого времени, в нем нужно было найти соответствующее место не только для отдельных домов, но и для целых комплексов (дворцов, монастырей, госпиталей и т.д.), а также для зданий городских корпораций.

В соответствии с общественной иерархией и функциональной значимостью в центре города находился бург или собор; позже – собор, ратуша, рыночная площадь. Если бург сохранял свое центральное положение в городе, то обычно он превращался в дворец и все больше утрачивал характер неприступной крепости (эрцгерцогские бургы в Граце, Вене). Как чисто городское учреждение ратуша составляла предмет гордости горожан, что подчеркивалось ее местоположением на центральной площади или недалеко от нее и богатым убранством. Здания ратуши внизу имели открытые арочные галереи; в них, а также в специальных торговых помещениях шла торговля. В верхних этажах располагались залы для заседаний, канцелярия и прочие служебные помещения. Зал заседаний в ратуше Регенсбурга был так велик, что в нем устраивались рейхстаги. Рядом с ратушей (отдельно или в качестве пристройки) возвышалась городская башня – символ городской свободы, противовес высоким башням бурга. Название башни происходит от латинского слова “berefreadus” (“защищенное место”), что соответствовало ее первоначальной функции. С ее высоты велось наблюдение за окрестностями, она давала защиту. В случае опасности колокола на башне били тревогу, и горожане сбегались на главную площадь. Со временем на городской башне установили большие часы. Они объединяли горожан, обозначая время труда и отдыха, работы рынка, строго регулируемое властями. По звону колокола на башне горожане сходились на общее собрание, проходившее на площади. Здесь же отмечались основные события городской жизни, устраивались карнавалы, происходили казни и т.д. Как на наиболее престижном месте, на центральной площади стремились построить свои здания самые влиятельные и богатые организации. Так, во фландрских центрах шерстяного производства Лувене и Брюгге на главной площади нашло место здание гильдии суконщиков.

В связи с бурным развитием общественной и деловой жизни в городе появилось множество общественных сооружений: зданий цехов и гильдий, цейхгаузов, мытных и весовых дворов, таможен, различных складов, коллегий, школ, библиотек, госпиталей, танцевальных и бан-

стных залов. Нередко их строительство поручалось известным мастерам, создававшим из этих сугубо функциональных построек выдающиеся памятники архитектуры, в которых перерабатывались традиции оборонительного, церковного и жилищного зодчества. Так, возведение складских зданий (так называемых “императорских конюшен”) и таможни в Нюрнберге было заказано в конце XV в. известному строителю Гансу Бехайму. До сих пор это лучшие здания в городе. Рост территории города и обогащение городской казны сделало необходимым и возможным строительство мостов, соединивших разные части поселения и еще больше сплотивших самих горожан. Наиболее богатые города строили каменные мосты (Кёльн, Регенсбург, Бамберг, Нюрнберг).

Город делился на кварталы, заселенные различными социально-профессиональными группами. Строившиеся в городе монастыри нищенствующих орденов, госпитали обрастали различными службами, к ним тянулось население, в результате чего формировался специальный район. Так, возникший в 1322 г. на острове посреди реки Пегниц в Нюрнберге госпиталь св. Духа (Heilig-Geist-Spital) со временем расширился и занял большое пространство на правом берегу реки. Особый район в Париже представлял университетский Латинский квартал. В нем размещались коллегии, школы, монастыри. В Латинском квартале селились студенты, школяры, преподаватели, торговцы книгами, переплетчики, иллюстраторы, писцы и т.п. Обособленно селились в городе евреи. Совершенно изолированно от всех жил палач. В Зальцбурге вокруг его дома под бурговой горой простиралась огромная, несмотря на дефицит земли, незастроенная территория. По кварталам и улицам группировались клирики, юристы, купцы, служащие двора, иностранцы, ремесленники различных специальностей. Проживавшие в городе феодалы, городской нобилитет также концентрировались по отдельным районам вместе со своими семьями, многочисленными родственниками, зависимыми людьми, и укреплялись за стенами донжонов и замков.

Центрами этой “концентрированной корпоративности” служили специализированные рынки, церкви цехов и корпораций, замки, монастыри, здания гильдий и т.д., вокруг которых селились люди, входившие в данную общность. При этом жилые дома и производственные помещения, лавки, мастерские находились вместе или рядом. Эта структура города отражена в его топонимике. Во всех средневековых городах можно найти горшечные, кузнечные, ювелирные, мясницкие, оружейные, рыбацкие, шляпные, зеленые и многие другие улицы с характерными названиями, отражающими социально-профессиональную топографию.

Население города объединялось также по приходам. Обычно городские районы назывались по имени приходских церквей. Их число невелико. Например, в Вене в начале XIV в. было всего два прихода: св. Стефана и св. Михаила. Зато в Кёльне в конце XIII в. их насчитывалось 13, а к концу XIV в. – уже 20. Количество приходов не всегда соответствовало величине и значению города. Такие города, как Франкфурт-на-Майне (120 га), Ульм, Бамберг, Вюрцбург, ограничивались одним приходом. Приходские церкви были скромнее кафедральных соборов, но в иных случаях, в особо богатых приходах, могли соперничать с ними. Они

располагались на периферии города и вместе с собором, башнями ратуши, замками знати, надвратными башнями составляли силуэт средневекового города.

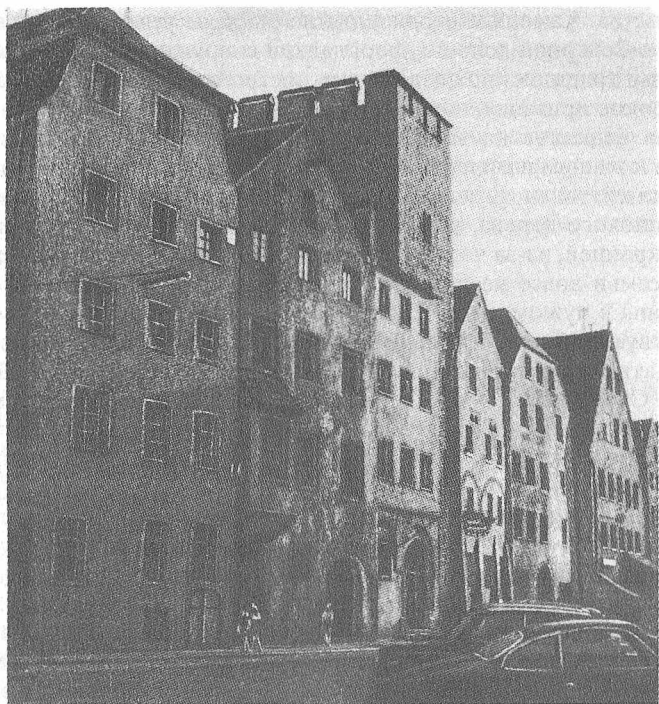
Новая социальная топография способствовала успешной обороне города от внешнего врага, поскольку в случае внешней угрозы военные силы горожан формировались по корпорациям. В то же время новая топография отражала беспокойную обстановку внутри самого города, в котором не прекращались конфликты между различными имущественными, социальными, этническими, родственными группами и кланами.

Итак, на небольшой территории города нужно было предоставить ответственное место всем проживающим там общественным группам и учреждениям, а также обеспечить условия их жизни. Этой внешне хаотической, но внутренне логичной и социально обоснованной функциональной топографической структуре и соответствовала сеть городских улиц.

ГОРОДСКИЕ ЗДАНИЯ

Улочки были настолько узкими, что по ним не всегда могли проехать повозка и разойтись два человека. Земля стоила дорого, к тому же в условиях стремления городской общины к эгалитарности было трудно добыть лишний участок. Их размеры сокращались. Односторонняя застройка улиц осталась в далеком прошлом; дома теснились по обе стороны улицы. Дефицит площадей вынуждал строителей наращивать этажи построек. Верхние этажи нависали над нижними и затемняли улицу настолько, что даже днем на нее почти не падал свет. Городские власти безуспешно пытались бороться с этим, регламентируя как ширину улиц, так и размеры выступов этажей и эркеров. Особенно плотно застраивалась главная площадь. На ней возводились не только общественные, но и частные здания. Жить здесь было престижно. Дома состоятельных бюргеров высотой в несколько этажей вплотную примыкали друг к другу. Ширина увенчанной фронтоном торцевой стороны, выходящей на площадь, по правилам ограничивалась тремя окнами, что компенсировалось длинными боковыми фасадами. Постройка дома не на центральной площади обставлялась меньшими ограничениями, что позволяло городской верхушке показать себя в полном великолепии, уподобляясь феодалам.

Дома светской и духовной знати, а также самой богатой части патрициата строились из камня, снаружи украшались ажурными парапетами, зубцами, угловыми башенками, балкончиками и эркерами. В заальпийских странах они имели высокую двускатную или четырехскатную крышу, крытую черепицей. По нижнему этажу шла арочная галерея. Внизу располагались комнаты для жилья и приемов, кухня, чулан и другие подсобные помещения, над ними – парадная зала, иногда капелла; еще выше располагались спальни. В богатых домах со временем появились отдельные комнаты для членов семьи, а также каминные для отопления помещений. Внутренние дворы, объединявшие иногда различные по функциям корпуса, по первому этажу также обводились арочной галереей.

Средневековые здания в Регенсбурге

Дома массовой застройки, несмотря на чрезвычайное разнообразие по странам и регионам, имели некоторые общие черты. В них ярче всего проявилась функциональность композиционных решений. Стиснутые с боков соседними домами жилые здания тянулись вверх на 2–4 этажа и завершались мансардой или жилым чердаком. Однако чаще всего чердаки использовались под склады, куда товары поднимались на укрепленных на кронштейнах веревках и загружались через оконные проемы. Со стороны улицы и во внутреннем дворе часто строились галереи на деревянных столбах или каменных аркадах. На первом этаже располагались лавки и ремесленные мастерские, кухня, а над ними жилые комнаты. Хозяйственные постройки нередко находились во внутреннем дворике. На переднем фасаде (торцевой стороне) дома находилась входная арочная дверь; по обе стороны от нее – по одному окну.

В Южной Европе в условиях теплого климата устремленность зданий вверх, несмотря на тесноту городского пространства, не была так четко выражена: здесь преобладали плоские или покатые, а не высокие двускатные крыши. Кроме того, на Юге были больше распространены крытые и открытые галереи. Для Южной Италии и Южной Испании было характерно использование в жилищном строительстве мавританских традиций: замкнутым внешним противопоставлялись открытые внутри

пространства. Каменное строительство быстрее утверждалось в Южной Европе, в Северной дольше преобладали сооружения из дерева. К северу от Альп традиционно возводились постройки фахверковые, со временем широкое применение в строительстве нашел кирпич.

Дома бедняков насчитывали не больше одной комнаты, которая служила и жилым помещением, и кухней, и кладовкой; тут же работали, держали мелкий скот, если он имелся. Эти лачуги строились из ивняка, глины, плохого дерева, плохо пригнанных камней, покрывались соломенной крышей, из-за чего в городе часто случались пожары. Часто бедняцкие семьи вовсе не имели собственного дома, а занимали одно-два помещения в чужом доме. Число домохозяев в определенной мере свидетельствует о благосостоянии горожан и города; однако при этом следует делать серьезную поправку на разницу в качестве домов. Половина семей в Страсбурге, Ростоке и Дрездене и почти все в Нюрнберге и Кёльне в XV в. жили в своих домах. Каждый горожанин стремился обзавестись собственным, пусть плохоньким домом, ибо это символизировало его свободу и права.

Особое отношение к дому в средневековом городе выражалось также и в том, что он не обезличивался, попадая под систему нумерации, как сейчас. Почти каждый дом имел свое “лицо”: герб над входом, скульптурную фигурку святого, рыцаря, Девы Марии, льва и др. Они помещались в нише между окнами или на уровне второго этажа на углу дома и ставились на консоль. Домам давались названия: “Белый олень”, “Черная лошадь”, “Три лебедя” и т.п. По этим названиям и знакам, а также по каким-нибудь отличительным архитектурным признакам (“Три сестры” – сросшиеся фасады трех домов) или особому месторасположению (“у болота”, “у кладбища”, “на горе” и т.д.) дом узнавали и находили. В этом сказывался растущий индивидуализм горожан.

Несмотря на тесноту застройки, город долго сохранял аграрный отпечаток, а его население не порывало с сельскими занятиями, особенно на ранних этапах жизни средневекового города. В город постепенно включались и прилегающие деревни; между предместьями, присоединенными к основному ядру, оставались свободные пространства; после эпидемий население города сокращалось, на незаселенных участках возникали пустыри. В условиях нестабильности снабжения продовольствием горожане, многие из которых не имели городских профессий, заводили в пределах городской черты маленькие поля и сады, огороды и виноградники. Немало горожан держали скот, который выпасался на городских пустырях. Мелкий скот без присмотра бродил по улицам; нередко свиньи, расположившиеся перед домом, мешали проезду и проходу на и без того узкой улице. Городские власти пытались бороться с этим, определяя время, когда можно выпускать скот, и места, где его можно пастись. Но эти распоряжения приносили мало результатов (в том числе потому, что правильной канализации не существовало, как и регулярной мусоросборки), и улицы города оставались грязными.

Итак, внутригородской ландшафт, его последовательное созидание вполне логично отражали сущность развивающихся городов как очень сложных организмов, в которых тесно переплетались разные начала: аг-

рарное и промышленное, светское и духовное, военное и гражданское, общественное и индивидуальное. Город складывался на протяжении долгого времени в результате усилий различных общественных сил и конкретных людей: королей, феодальных сеньоров, церкви, рыцарства, купечества, ремесленников, крестьян. Он строился подобно готическому собору: в процессе его созидания отразилась та же “необходимая сложность общественных связей феодального общества, сковывавшая каждого его члена групповой зависимостью, за которой пряталось сознание личности как индивида”.

ЛИТЕРАТУРА

Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы средневекового города X–XV вв., М., 1960.

Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. М., 1987.

Benevolo L. La Città Nella Storia d'Europa. Roma; Bari, 1993.

Beresfors M. New Towns of the Middle Ages. L., 1967.

Dickenson R.E. The West European City. L., 1961.

Egli E. Geschichte des Städtebaues. Erlenbach; Zürich, 1967. Bd. 1–3.

Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1972.

Franchetti-Pardo V. Storia dell'urbanistica, dal Trecento al Quattrocento. Roma; Bari, 1982.

Friedman D. Florentine New Towns. Cambridge, 1988.

Ganshof G. Etude sur le développement des villes entre Loire et Rhin au Moyen Age. P., 1943.

Géographie historique des villes d'Europe occidentale: Actes du colloque tenu des 10, 11 et 12 janv. 1981 à l'Université de Paris-Sorbonne / Etudes réunies par les soins de Claval P. P., 1984.

Gutkind E.A. International History of City Development. N.Y., 1964–1972. Vol. 1–8.

Hiorns F.R. Town-Bilding in History. L., 1956.

Histoire de la France urbaine / Sur la red. de G. Duby. P., 1980–1983. Vol. 1–4.

Lavedan P., Hugunay J. L'urbanisme au Moyen Age. Gent, 1984.

Morris A.E.J. History of Urban Form. L., 1972.

Paris, genèse d'un paysage / Sur la red. de J. Bergeron. P., 1989.

Planitz H. Die deutsche Stadt im Mittelalter: Von der Römerzeit bis zu den Zunftkämpfen. Weimar, 1980.

ОБРАЗ ГОРОДА В НЕМЕЦКОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ XV–XVI ВЕКОВ

Люди того времени, в том числе и прежде всего – сами горожане, неоднократно осмысливали понятие “город” и описывали его при помощи самых разных средств. В выступающей из их трудов изменчивости образа города отражено прежде всего представление о нем, как об особом типе поселения (что отражает и черты ментальности самих горожан). Конечно, чтобы понять это нужно не ограничиваться одним типом ис-

точников – скажем, описаниями городов. К ним следует добавить изобразительный материал, причем и здесь мы имеем место с различными жанрами: наряду с ведуттами, являющимися спекулятивными изображениями, важны и метафорические образы конкретного города, и изображения типические, в известной мере особенно ценные для общих выводов. Строго определяя как хронологические, так и территориальные границы данного сюжета, я по необходимости избрал источники, связанные с Нюрнбергом, одним из крупнейших и наиболее прославленных городов и центров гуманистической культуры. Фигура Альбрехта Дюрера, величайшего гения своей эпохи в Германии, благодаря своему таланту и прижизненной славе стоявшего вне узких сословных ограничений, даст нам особенно благоприятные возможности для подобного исследования.

Интерес в европейской историографии к теме представлений о городе человека той же эпохи Средних веков имеет свою традицию, при самом общем взгляде на которую заметна тенденция перехода от публикаций описаний городов, преобладавших в середине и второй половине XIX в., к анализу этих текстов и изображений городов с точки зрения особенностей строя мысли и мировосприятия того или иного исторического периода и социального круга. Я позволю себе воспользоваться удачным примером, заимствованным мной из одного современного исследования, для демонстрации принципиальной разницы в подходе к описанию города в Средние века и в самом раннем произведении немецкого гуманиста старшего поколения. Речь идет о Бамберге, одном из старейших епископских городов-резиденций, сохранявшем еще и в начале XVI в. заметное положение в числе торговых и ремесленных центров. Автор хроники конца XII в. Готтфрид из Виттербо начинает свое описание словами: “Город расположен на горе и между двумя склонами простирается наподобие креста (*in crucis ergo modum posuit sibi*)”. Далее следует прославление императора Генриха II и императрицы Кунигунды, донаторов, основавших Бамбергский собор, и описание связанных с ним чудес. В 1452 г. каноник Бамбергского собора, один из первых немецких гуманистов Альбрехт фон Эйб, получивший образование в Италии, пишет в своей “Речи во славу и восхваление города Бамберга”: “Город расположен на горе, и на окружающих горах можно хорошо поохотиться”, и дальше описывает плодородие почв и качества виноградников, полей лакрицы и лука, во всем этом видя благосклонность к городу Цереры и Бахуса. В речи Эйба легко узнается послужившая ему образцом речь его учителя Бальтазара Разинуса во славу города Павии, где он учился. Следуя этому образцу, Эйб строит свою речь из трех частей: сначала описывает расположение города и природные условия окружающей его местности, откуда в город поступают продукты питания и частично материал для ремесел; затем он перечисляет наиболее значительные строения в городе, создающие его красоту. Этот эстетический элемент как бы вытесняет служившее главным аргументом восхваления для Готтфрида из Виттербо перечисление атрибутов благодати и знаков благочестия. Наконец, завершается речь описанием городского устройства и некоторых обычаев, отличающих город. Заслуживает упоминания тот факт, что Эйб особое внимание уделяет слабости городских стен, видя в этом при

мак большой свободы в городе (“Omnia quippe sunt ad nobis sufficientiam praeterquam munibus et muro caret in maxime libertatis signum”). В этом замечании Эйба особенно заметно принципиальное отличие от средневекового представления о том, что именно городская стена, укрепления и являются главным отличием города от деревни: “горожанина и крестьянина отличает только обувь и стена” (“Einen burger und einen gebuer scheid nicht me wen ein czuhen und ein muer”), как гласит широко распространенная пословица.

Наличие теснейшей традиционной связи между Бамбергом и основанным позже, но необычайно быстро развившимся и значительно обогнавшим Бамберг по своему значению и масштабам Нюрнбергом, объясняется в первую очередь тем, что вся северная половина этого имперского города, разделенного рекой Пегницем, в отличие от южной, входила в диоцез Бамбергского епископа. Это делает понятным появление (вдохновенного, несомненно, латинской речью Эйба) немецкоязычного произведения народного поэта-певца, мейстерзингера старшего поколения Ганса Розенпльута (его настоящее имя Шнеперер). Произведение озаглавлено буквально так же: “Слово о Бамберге” (“Spruch auf Bamberg”). Изданное в Нюрнберге в 1491 г., оно, несомненно, было составлено значительно раньше: сам Розенпльут умер приблизительно за двадцать лет до того. Мастер-ремесленник, литейщик, в период Великой войны городов защищавший Нюрнберг от маркграфа Ансбахского в качестве пушкаря, первый мейстерзингер Нюрнберга, повторяя вслед за Эйбом описание красот городских зданий, вводит еще один аспект: все в городе служит на пользу (Nutz) горожан. Город окружен “венком плодородных садов”, эти сады – одна из пяти “благородных мелочей”, которыми обладает город: река Пегниц, святые реликвии церквей, право отпущения грехов и покровительство 14 святых, чьи мощи хранятся в соборе. Наивное благочестие мейстерзингера в полной мере характеризует восприятие гуманистической культуры рядовым бюргерством Нюрнберга – города, несомненно, стоявшего уже в это время в числе наиболее значительных центров Северного Ренессанса.

В 1447 г., именно тогда, когда уже обострились отношения между Нюрнбергом и маркграфом Альбрехтом-Алцибиадом, Розенпльут создает одно из своих лучших произведений: “Похвальное слово Нюрнбергу”, в котором, в отличие от несколько шутливого тона “Слова о Бамберге”, поэт переходит на более торжественный тон. И все-таки через эту торжественность, не без известного бюргерского самодовольства, звучит прежде всего стремление подробно перечислить все красоты города, его мастерские со “знаменитыми мастерами”. В отличие от описания Бамберга, здесь идет речь и о неприступном Кайзербурге, и о твердыне городских стен. Этот образ города ремесленников и купцов, защищенный крепкими стенами, со стремительными водами Пегница, которые вращают мельничные колеса, приводят в движение камнедробилки и молоты, тянут проволоку и отмывают пряжу и ткани, дополняется еще и хвалебным панегириком в адрес городских властей, мудро правящих городом. Гордость города составляют имперские клейноды (они были в 1420 г. переданы в Нюрнберг на постоянное хранение последним импе-

ратором люксембургской династии Сигизмундом I). В этом панегирике Розенплюта отчетливо выступает разница между городом-резиденцией одного из князей церкви и имперским городом, и эта типологическая черта делает самый образ города еще более реальным.

Эта осязаемая, почти зрительная реальность особенно понятна при сопоставлении с приблизительно в те же годы написанным Гансом Плейденвурфом “распятием” – центральной доской большого алтаря. Возможно, он предназначался для церкви св. Лаврентия, которую напоминает своими очертаниями изображенная в глубине левой части пейзажного фона церковь с двумя башнями. Справа возвышается скала, на которой высятся башни, и одна из них особенно близка знаменитой “Зинвелльтурм” – круглой, кеглевидной башне. Таким образом, этот городской пейзаж напоминает вид Нюрнберга с востока: выделены одни из кафедральных церквей города и Кайзербург, с приобретением которого в 1437 г. город полностью освободился от зависимости от Гогенцоллернов и в то же время укрепил свое положение имперского. Городской пейзаж на изображении в алтаре Плейденвурфа – не портрет города, а в гораздо большей степени сконструированный его образ, и таким он должен быть в соответствии с концепцией художественного образа, предназначенного раскрывать идею “следования Христу”. Город реальный представляется подобием или замещением Иерусалима. К числу “портретных” черт здесь, однако, принадлежит, конечно, мощная, подробно изображенная городская стена с башнями (что, кстати, совершенно исключает предположения о том, что Плейденвурф изобразил свой родной город Бамберг).

Следующий хронологический рубеж – конец XV в. К этому времени гуманистическая ренессансная ментальность проявилась во всей своей полноте, и высшим ее выражением была деятельность и творчество Конрада Цельтиса.

Здесь очень интересно отметить бесспорное – и очень важное, на наш взгляд, для понимания новой ментальности в ее практическом отражении, – одновременное и взаимосвязанное создание трех, как бы на трех уровнях общественной мысли находящихся, описаний города.

Конрад Цельтис был удостоен торжественной коронации лаврами из рук императора Фридриха III в Нюрнберге в 1487 г. и вскоре после этого получил от правящего в городе патрицианского совета заказ на описание города и его истории. Тогда же у него, вместе с его друзьями, нюрнбергскими гуманистами, зародилась идея создания – по образцу “Italia illustrata” Флавио Бьондо (1448–1453), впервые изданной типографски в 1482 г., и отчасти имея в виду описание Германии Энея Сильвия Пикколомини, – коллективного труда немецких гуманистов “Germania illustrata”, в котором описание Нюрнберга явилось бы разделом, и вместе с тем, образцом для других глав. Отражением этого проекта явилась “Всемирная хроника” (“Chronica mundi”), задуманная как своеобразная энциклопедия, где помимо исторических сведений (включая почерпнутых из Библии!) имеются описания важнейших городов, особенно немецких. Для уже ставшего в это время знаменитым типографа Антониса Кобергера (кстати, крестного отца Дюрера) это было первым богато

иллюстрированным изданием: в нем было помещено 1484 гравированных на дереве иллюстрации. Субсидировал издание образованный меценат, купец и патриций Зебальд Шрейер, автором и составителем стал гуманист Гартманн Шедель (что дало основание традиционному названию Хроники – “шеделевская”). Рядом с ним вскоре встал один из интереснейших людей той эпохи, тоже гуманист и патриций, получивший медицинское образование и одержимый страстью к путешествиям, Иероним Мюнцер (прозванный Монетарием). Все художественное оформление книги выполнено художником Михаэлем Вольгемутом с учениками, сам же он был учеником упоминавшегося выше Ганса Плейденвурфа. Совместный труд этих талантливых людей сделал “Шеделевскую хронику” своего рода “поэмой немецкого города на исходе средних веков”. Конечно, здесь не только немецкие города – есть и Париж, и Константинополь, и Венеция. Но реальный портрет города наиболее рельефен и точен в описаниях городов Германии. Вот Бамберг, с его остроконечными башнями церквей и слабенькой городской стеной. А вот и Нюрнберг, эффектно развернутый своей южной стороной к зрителю – тем самым Вольгемут избрал аспект, более выгодный для почти топографического описания города, включая подробности, вроде “Голгофы” и заграждений с рогатками из шипов при подходе к висячему мосту через ров у въезда в южные ворота. Такая документальность описания города отличает и изданное в 1490 г. (тогда же, когда было издано и произведение Розенплюта) стихотворение мастерезингера Кунца Хаза под названием “Ein new gedicht der loblichen stat Nürnberg”. Совпадение здесь едва ли случайно: правители Нюрнберга прекрасно понимали важность воспитания любви к городу и его “отцам” в тот период, когда по существу решалась судьба многих независимых имперских городов, постепенно попадавших под власть территориальных суверенов – светских и духовных князей. Это подтверждается и выполненным одновременно переводом “Шеделевской хроники” на немецкий язык, осуществленным городским чиновником, секретарем лозунгера (то есть главы коллегии “старших господ” города) Георгом Алтом; немецкий вариант был отпечатан почти без изменений в том же 1493 г. Таким образом, создавался наиболее популярный вариант, предназначенный для достаточно широкого круга людей. В этом усложненном понимании задачи описания города особенно важно видеть отличие образа конкретного города от общего представления о городе как феномене. Любопытно, что именно иллюстрированный материал Шеделевской хроники дает возможность сделать и такое сопоставление. В ряде случаев в книге использованы многократно (до 10 раз!) одни и те же гравюры для разных городов. При этом в большинстве случаев сами эти изображения являются фантастическими, ни с одним из объектов в действительности не связанными, хотя текст дает более или менее адекватное представление о данном городе. К числу таких фантастических изображений относится, например, использованное для Дамаска, Неаполя, Перуджи, Вероны, Сиены, Мантуи, Феррары, а также расположенное в начале разделов стран (или провинций): Македонии, Каринтии, Гессена и Испании. Здесь есть стена с башнями, расположенный на горе выше остального города собор с двумя башнями, в самом городе

однобашенная, очевидно, приходская церковь и другая, с купольным покрытием башни. Взгляд несколько сверху делает все эти “ведутты”, как реальные, так и фантастические, подобием плана: действительно, дома располагаются так, что между ними ощущаются улицы, иногда видны и площади, а фигура Роланда на изображении Магдебурга поднята на такой высокий постамент, что, превосходит даже церковные шпили; но это соответствует тексту, гласящему, явно ошибочно, что Магдебург основан Карлом Великим, и в нем возвышается “прекрасный образ Роланда, друга императора Карла...”

Впрочем, в отношении Нюрнберга, огромное изображение которого располагается на двух раскрытых листах, к тому же с номером 100, какой-либо упрек сделать трудно, хотя наивность с точки зрения перспективы и значительного обобщения пространства, как бы поднимающегося в гору вплоть до Кайзербурга, очевидна. Не являясь рисунком с натуры, этот образ обладает безусловной портретностью. Описание города отличает помимо почти протокольной точности очерка внешнего вида еще и явное стремление показать самую суть городской жизнедеятельности. “Нюрнберг возведен на неплодородной и песчаной почве. Все, кто принадлежат к обычному народу, суть либо ремесленники, изобретатели или мастера различных удивительных по тонкости изделий, либо купцы и хозяева производства” Шедель писал текст, следуя советам Целтьиса, но сам гуманист, вновь посетивший Нюрнберг в 1493 г., остался недоволен изданной книгой, раскритиковал ее, поэтому с ним был заключен договор о написании нового текста. Этот договор сохранился, он касается всего текста хроники, и известно, что этот текст был издан. Он упоминается в знаменитом библиографическом труде Иоганна Тритемия. К сожалению, ни одного экземпляра этого издания не сохранилось. Обида гуманиста на жалкую оплату его труда Советом известна по гневной оде Целтьиса. Но она интересна еще более потому, что отражает саму задачу, которую ставил перед собой автор.

“Описал я Герцинии все дали,
Город с жившими в нем, их нравы тоже,
Стены, крепости, портики, жилища
Частных лиц и богов небесных храмы,
И какое любого назначение,
Рынки, улицы все, сады, истоки,
И какая звезда свой видит город,
Прямо в блеске ее внизу лежащий,
И поток, что колеса быстро вертит,
И как ловко различные металлы
Он кует, и еще Зебальд как дивный
В наших песнях на небо вознесен был.”

После перипетий, которых мы не будем здесь касаться, новый, значительно переделанный текст Целтьиса, нацеленный уже не столько на заказ города (второй вариант этого текста сохранился в переводе на немецкий язык, выполненном тем же Георгом Альтом), сколько на планы “*Germania illustrata*”, был опубликован 1502 г. вместе с главным поэтическим произведением гуманиста – его элегиями, причем в качестве иллю-

рации в этом издании помещена лишь слегка подправленная копия с тиражировки Вольгемута. Характерно, что на ней добавлены маленькие фигурки работающих строителей – тем самым усиливается образ города с трудовой деятельностью горожан.

В своем окончательном тексте, озаглавленном “De origine situ, moribus et institutis Norimbergae libellus”, Цельтис следует классической менаандровской” схеме описания города, разделив изложение на 16 глав. Начиная с описания расположения Нюрнберга среди западных отрогов Герцинского леса, где некогда обитали древние друиды, его возникновение на неплодородных почвах, но зато на богатом рыбой Пегнице, то и дело задерживаясь на разных эпизодах, – то из жития св. Зебальда, то на изображении волочения проволоки или на якобы имевшей место попытке Карла Великого соединить каналом Майн и Дунай, попутно – на изобретении в Майнце книгопечатания как величайшего дара человечеству или на строительстве башни “Лугисланд” с подземным карцером, – особое внимание уделяет он борьбе против разбойничавшего рыцарства и вообще на поддержании порядка в городе и на принадлежавших Нюрнбергу землях. Отдельная глава посвящена астрологическим выкладкам, определением небесных тел, покровительствующих городу, и своеобразным гороскопом Нюрнберга. Сразу после этого автор непосредственно переходит к сюжетам демографии, представляющим ему неразрывно связанными с астрологическими расчетами: определяет число жителей города, находящихся там реально (в отличие от всякого рода списков – податных и т.п.), притом весьма остроумным путем: исходя из количества хлеба, выпекаемого ежедневно хлебопеками. К числу благоприятных для города обстоятельств Цельтис относит месторасположение Нюрнберга в самом центре Европы: “...от этого зависит, что город оказывается не только центральным пунктом для всей Германии, но и для всей Европы, поскольку он так же удален от Балтийского, как и от Адриатического морей, подобно тому, как от открытого Океана так же, как от берегов Дона” Вслед за этим автор снова возвращается к мысли, что красоты и дары природы совмещаются с трудолюбием горожан, примером чему служит остров Шютт (Schütt, от Schutt – мусор, щебень), действительно насыпанный посреди реки Пегниц, благодаря чему образовались два рукава, на которых стоят мельницы, приводящие в движение колеса для волочения проволоки и мощные молоты; но здесь же, на лугах, покрытых душистыми цветами, отдыхают и наслаждаются красотами природы нюрнбержцы, “...и удивительно сказать, что на этом месте никогда не проливалась кровь и не вспыхивала вражда и ненависть, так велико здесь созвучие души и природы” Как и поэзия Конрада Цельтиса, его “Norimberga” принадлежит к сокровищам творчества и мысли немецких гуманистов. И хотя это сочинение, написанное по латыни, было доступно далеко не всем, гуманистическая культура Нюрнберга проявилась в том, что оно было вслед за тем пересказано (или точнее “перепето”) последним великим нюрнбергским мастерзингером, Гансом Саксом, не забывшим – даже подробнее, чем это было сделано Цельтисом, – остановиться на достоинствах городского управления и на справедливости суда: “Судить слугу или господина для наших судей все едино”.

Коснемся еще того образа города, который нашел свое отражение в гуманистическом искусстве. Теперь, рядом с Цельтисом и после Цельтиса, – это уже полностью реальный “портрет” города в том типе изображений, к каким относятся замечательные ранние акварели Дюрера, в том числе и его скучноватый своей документальностью “Проволочный завод на о. Шютт”, и полные воздуха виды городов (Инсбрука, или Нюрнберга), а также обобщенно-поэтизированные, метафоричные образы городов в гравюрах художника. Пожалуй, наилучшим примером может служить небольшая гравюра на меди “Св. Антоний” (1519) – страшная твердыня, сплошное нагромождение башен и стен, презираемое босоногим отшельником, погруженным в чтение книги: образ города, которому противостоит “ученое отшельничество”, – типичная для гуманистов идея.

Но, конечно, в начале XVI в. уже развивались реальные научные концепции города. Они нашли свое воплощение в юридическом описании городского устройства Нюрнберга в письме Кристофа Иоганн Кохля (Леффельгольца) и Франциска Иреника, а также в поэтическом латинском пересказе (несколько сокращенном) Цельтиса в произведении его достойного преемника поэта-гуманиста Гелия Эобана Гесса. В годы Реформации вырабатывался постепенно новый, все дальше уходивший от гуманистического, образ города, который правильнее всего назвать эрудитским. Ему соответствовали географически уточненные карты и приведенные в соответствие с ними виды городов, созданные Мерианом и его сыновьями, отразившие новую концепцию эпохи Просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

Мажуга В.И. Культурные идеалы античности в средневековой Европе: Город как их смысл // Городская культура / Под. ред. В.И. Рутенбурга, Л., 1986.

Kugler H. Stadt und Land im humanistischen Denken // Humanismus und ökonomie / Hg. v. H. Lutz. Weinheim, 1983.

Theuerkauf G. Accipe Germanam pingentia carmina terram: Stadt- und Landbeschreibungen des Mittelalters und der Renaissance als Quellen der Sozialgeschichte // Archiv für Kulturgeschichte. 1983. Bd. 65.

Rücker E. Die Schedelsche Weltchronik. München, 1973.

Zahn P. Neue Funde zur Entstehung der Schedelschen Weltchronik // Renaissance Vorträge 2/3 / Hg. von d. Museen der Stadt Nürnberg. München, 1977. V. 3: Panofsky H. Das Leben und die Kunst A. Dürers.

Anzelewsky F. Dürer-Studien. Berlin, 1983.

Albrecht Dürer 1471–1971: Ausstellung des Germanischen Nationalmuseums. München, 1971.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ

ГОРОД И ЕГО АРЕАЛЫ

В самом понятии “городской центр” имманентно заложено представление о некоей принадлежащей ему периферии. Разность потенциалов этих отнюдь не автономных, а взаимно соотнесенных структур, составляющих целостность, обеспечивает функционирование всей системы. Города жили в контекстах разной конфигурации и масштаба, охватываемых связями различного характера, плотности и интенсивности. Иными словами, город выступает как центр различных пространств: в одном случае они ограничиваются минимальным хинтерландом с несколькими деревушками, в другом – могут включать всю страну. В целом сфера влияния города условно образовывается последовательностью concentric окружностей, внутри которых располагаются его зона снабжения продовольствием и сырьем, зона повседневных торговых контактов, зона иммиграции, зоны посреднической или дальней торговли, административный округ, информационно-культурное пространство. Собственно совокупность этих разных, лишь частично перекрывающих друг друга пространств и определяла город как таковой, его величину, богатство и специфику, его место в пространственно-поселенческой структуре региона. Базовое значение в этой системе ареалов, очевидно, имела зона регулярных социально-экономических связей, которая вмещала в себя целый ряд примерно совпадавших или незначительно дополнявших друг друга пространств и придавала им определенное единство и относительную самодостаточность. Чем больше был радиус базового ареала, тем дальше проникали и шире распространялись устойчивые хозяйственные, управленческие и культурные функциональные связи города, тем больше было его значение и выше статус как городского центра. Основными эмпирическими показателями для определения размера и типа города могут служить масштабы зоны его регулярных товарообменов, радиус притока иммигрантов, площадь и число населенных пунктов его административного округа. Эти параметры достаточно четко отражают ранг и роль города в его региональной сети – иерархической системе городских поселений: рыночных местечек, локальных, провинциальных, региональных, надрегиональных центрах, обладавших соответствующими сферами влияния. Огромное значение в такой сети имели малые города, выполнявшие функции рыночного центра сельской округи, радиус которой обыкновенно не превышал 20–25 км. Находясь на не-

большом расстоянии друг от друга (не случайно издавались даже специальные постановления о том, что нельзя учреждать рынок на расстоянии миль от уже существующего), мелкие рыночные городки играли решающую организационную роль в осуществлении повседневного товарообмена: они создавали постоянный рынок для излишков продукции крестьянского и домениального хозяйства, для местного специализированного товарного производства. Локальные центры тоже обслуживали главным образом ближайшую округу, и аграрный элемент занимал в их экономической жизни очень важное место, но они производили и довольно широкий ассортимент ремесленных изделий массового потребления, снабжая ими свой хозяйственный ареал, участвовали в низовых структурах местного управления. Привлекая на свои рынки крестьян и мелких торговцев, они выполняли также функции посредника между округой и другими, более крупными городскими центрами. Многочисленность малых городов, равномерность и необходимая частота этих промежуточных узелков, формирующих прочную основу региональной городской сети, обеспечили ее жизнеспособность и эффективность, несмотря на все сложности, связанные с состоянием транспортных средств и системы коммуникаций средневековой эпохи. Тысячи мелких городов, покрывавших территорию Западной Европы (в большей или меньшей степени – в зависимости от региона) компенсировали эти недостатки. Так, в Германии, где в XV в. насчитывалось около трех тысяч городов разных размеров, они располагались на юго-западе страны в 4–5 часах пути один от другого, а на северо-востоке – в 7–8 часах пути.

Важным моментом, привлекавшим к городу население и богатство, было его административное значение. Провинциальные (областные) центры были по-настоящему многофункциональными, они предлагали населению своего округа развернутый комплекс услуг в экономической, административной, духовно-религиозной сфере. Особое место занимали среди них те города, которые являлись резиденциями епископов, графов, князей и других светских и духовных магнатов, обладателей широких имущественных прав и властных полномочий. В административных территориальных подразделениях централизованных государств их управленческие функции были существенно ограничены.

Чем обширнее и интенсивнее становились хозяйственные связи, тем сильнее росло притяжение города, тем больше людей стекалось в него, тем дальше отодвигались пределы зоны его влияния, а само ее пространство уплотнялось. Уже в XI–XII вв. выделяются крупные торгово-ремесленные центры, политическое и экономическое воздействие которых охватывало более или менее обширный регион. В более позднее время постепенно формируется развитая региональная сеть со множеством узлов и переплетающихся связей разного радиуса. Максимального развития такая сеть достигла в самых урбанизированных регионах средневековой Европы – во Фландрии и в Тоскане. В Германии сложились три зоны урбанизации: южно-германская, северогерманская и прирейнская. Площадь региона в огромной степени зависела от природных условий (в первую очередь от разветвленности и протяженности судоходных речных и морских коммуникаций), от географического положения отно-

ительно исторически сложившихся зон международной торговли, от политического статуса главного города, доминировавшего в регионе его “метрополии”. Определяя территориальные границы региона, безусловно, нельзя забывать о том, что он не сводится к чисто географическим параметрам, поскольку пространственные характеристики выражают лишь один из аспектов того социума, частью которого являлись города всех типов. Внутренняя связанность региона проявлялась в движении людей в город и из него, в перевозке товаров в город для потребления на месте или для дальнейшего перераспределения, в специализации сельского хозяйства или эксплуатации других природных ресурсов, в распространении информации и новых идей и т.д. Крупные региональные центры вели также активную внешнюю торговлю, некоторые из них являлись важными перевалочными пунктами на главных торговых путях и таким образом участвовали в межрегиональном и международном обмене. Даже города средних размеров были неспособны жить исключительно за счет непосредственно прилегающей округи. Крупные города обычно имели разветвленную систему снабжения продовольствием и сырьем, выходящую на дальние, внешние рынки. Центры экспортных ремесел и дальней торговли с внешним миром образовывали, таким образом, узлы более просторной, европейской сети. Эти контакты, конечно, не ограничивались хозяйственной сферой, они имели и социальное, и политическое, и культурное измерения.

Для региональных сетей средневековой Европы была характерна некоторая модель расселения. Городское население региона обычно было разделено между “метрополией”, которая господствовала над регионом, двумя-тремя городами второго ранга, несколькими городами среднего размера в соотношении примерно 6:2:1, и многочисленными малыми городами. На последние (в совокупности) могло приходиться около трети всего городского населения области. Принято также считать, что население столицы средневекового государства составляло около 1,5% всего населения страны (такова была доля Лондона в 1377 г.), население крупного регионального центра – около 4% жителей области. В “метрополии” высоко урбанизированного региона могло быть сосредоточено до 10% его населения, например, во Флоренции в XIII в. – 9%.

Разумеется, подобные модели весьма условны, как, впрочем, и статичные схемы городских сетей. Жизнь не стояла на месте. Ареалы городов то расширялись, то съеживались, конфигурация сети изменялась, в ней возникали новые города и приходили в упадок старые, многие центры перемещались вверх и вниз по ее иерархической лестнице. Почти все крупные города Западной Европы были основаны до 1300 г. и некогда прошли в своей эволюции через последовательные стадии, соответствовавшие различным типам. На протяжении всего Средневековья новые малые города, в зависимости от местных хозяйственных потребностей, заполняли лакуны, оставшиеся в городской сети в областях запоздалой и поверхностной урбанизации, образовавшиеся в период Черной Смерти и демографического спада или открывшиеся в результате изменения торговых маршрутов, появления новых промыслов и перестройки региональной экономики в XIV–XV вв.

Все имеющиеся сведения о численности населения средневековых городов относительно. Систематические поголовные переписи населения в ту эпоху не проводились, и историки вынуждены опираться в своих оценках на косвенные свидетельства, в лучшем случае на более или менее достоверные данные частичных переписей отдельных кварталов или приходов, списков групп горожан (например, способных к воинской службе), налоговых описей и списков домохозяйств, “очагов”, “домов” горожан, составлявшихся властями в фискальных целях. Во всех этих случаях исследователи исходят из гипотетических, зачастую оспариваемых другими специалистами предположений относительно коэффициентов исчисления населения на основании количества домохозяйств или на основании данных об одном лишь взрослом населении. Применение этих коэффициентов и различных методик расчета позволяет в той или иной мере устранить очевидные пробелы источников и сделать поправки на число неучтенных квартиросъемщиков, членов семей, лиц, пользовавшихся налоговыми льготами, неимущих и др.

Для большинства городов более или менее достоверные данные о численности и составе населения ограничиваются периодом конца XIII–XV вв. В лучшем положении находятся города Италии и Южной Франции, в архивах которых с конца XII – начала XIII в. сохранились податные поочажные списки (т.е. списки лиц, живущих одним домохозяйством), или списки глав домохозяйств. Принято считать, что в крупных городах “очаги” налогоплательщиков составляли от 50 до 70% общего числа домохозяйств, в городах с населением менее 10 тысяч – до 85%. Однако, в любом случае, все существующие оценки условны и нередко расходятся. Тем не менее, эти оценочные цифры, если не воспринимать их как абсолютные, дают представление о масштабах средневековой урбанизации, о соотношении размеров отдельных городов, а иногда и о динамике городского населения.

В прилагаемую к разделу таблицу сведены имеющиеся данные в со временной средневековой историографии приблизительные оценки населения средневековых городов (табл. 1).

Представления о размерах городов нуждаются в коррекции относительно их исторического контекста. Даже крупнейшие города Средневековья с точки зрения городской цивилизации конца второго тысячелетия, естественно, покажутся совсем небольшими. Для своего же времени они были городами-гигантами, “городами-солнцами”, по удачному выражению Фернана Броделя. Они представляли собой исключительное явление, предельный вариант мобилизации демографического потенциала своего аграрного окружения. Понятно, что размеры городов имели довольно жесткие ограничители: общие темпы прироста населения и продовольственные ресурсы. Именно поэтому размеры подавляющего большинства западноевропейских городов были невелики, и их население, как правило, насчитывало не более 5 тысяч жителей, или до 8–10 тысяч жителей, в зависимости от региона.

Разнообразие конкретных городских форм усугублялось неравномерностью, различной интенсивностью и скоростью региональных ур-

организационных процессов. В одних областях они начались рано и протекали бурно, в других припозднились или имели вяло текущий характер, в зависимости от исторически сложившихся условий.

Два фактора в значительной степени благоприятствовали раннему началу и активной урбанизации в средиземноморском районе: географическое положение на главных торговых путях Европы и наличие городской инфраструктуры, унаследованной от позднеантичной цивилизации. В старых городах центральной части и освоенных провинций бывшей Римской империи, несмотря на упадок и поредевшее население, сохранилась основа их застройки (оборонительные и хозяйственные сооружения, церкви, административные здания), а также некоторые, хотя и изрядно поблекшие, традиции городской жизни. Известно, например, что по крайней мере в сорока итальянских городах античного происхождения городская жизнь не прерывалась на протяжении всего раннесредневекового периода. В XI–XII вв. на сравнительно небольшой территории Италии насчитывалось 278 только епископских городов, оставшихся административными и духовными центрами. В их мощные стены вдохнуло новую жизнь восстановление торговых связей в Средиземноморье. Раньше всего, уже с X в., расцветают, конечно, города Италии и Южной Франции, наблюдается также подъем городов Фландрии, прирейнских городов Германии, старых городских поселений, оказавшихся в главных узлах европейской торговли. Имея серьезное позиционное преимущество, они получили еще и крупную фору за счет раннего старта. В XII – начале XIV в. процесс образования городов набирает темпы по всей Европе, но ведущие позиции в средневековой урбанизации пока прочно занимают вырвавшиеся вперед фавориты.

Рост городов протекал как бы в трех измерениях: появлялись новые города, увеличивалось население, размеры и функции отдельных городов. Как генезис новых городов (спонтанно возникших или основанных сеньорами), так и бурный рост старых центров были возможны лишь при определенных хозяйственных условиях и благоприятной демографической ситуации.

Само возникновение в массовом масштабе городов может служить показателем мощного и продолжительного демографического подъема. А ведь число новых городов было очень велико. Даже если считать только поселения, имевшие особый правовой статус, то лишь в одной Германии в XIII в. было основано около 400 городов, и еще около 300 – в XIV в. Наиболее активный период создания новых городов во Франции приходится на вторую половину XII – начало XIV в. В Англии абсолютное большинство городских центров известно с XIII в. Аналогичные процессы, с небольшим временным лагом, охватывали все регионы Западной Европы, включая и наиболее отдаленные.

Рост городов обнаруживает зависимость не только от общей динамики, но и от достигнутой плотности населения: увеличение населения в регионах с большой плотностью было способно обеспечить “критическую массу” новоселов, необходимую для превращения “старых” средних или крупных центров в “очень крупные” и “гиганты”. Высокой степени насыщения достигли в начале XIV в. городские сети плотно насе-

ленных и уже сильно урбанизированных областей: в десяти городах Голландии сконцентрировалось более 26% всего ее населения, а в трех крупнейших городах Фландрии – около 18% населения графства.

Самые высокие общие темпы прироста населения имели место, по всей вероятности, во второй половине XII – начале XIII в. Интенсивный и непрерывный приток населения заставлял городские власти в это время учреждать все новые и новые приходы, по которым мы можем судить о темпах прироста городского населения.

Итак, XI–XIII вв. были временем ускоренного образования городов, увеличения городского населения, интенсивного городского строительства. К концу XIII в. темпы прироста населения вообще стали ослабевать. В сельских районах они замедлились уже с 1280 г., хотя в городах прирост еще продолжался (за счет иммиграции накопившегося из деревни) до начала XIV в. На рубеже XIII–XIV вв. был достигнут демографический максимум в большинстве средневековых городов. Но уже с начала XIV в. в них наметилась тенденция к сокращению населения. В связи с общей демографической динамикой и экономическим спадом, уже в первой половине XIV в. сокращается число вновь основанных городов, возможности их появления существенно ограничиваются. Прекращается и рост многих старых центров.

Разумеется, в рамках отмеченных общеевропейских тенденций отдельные города могли “раздуваться”, а затем вдруг “сжеживаться” по причине войн, местных недородов и экологических бедствий (например, заиливание бухт или эрозия береговой линии), экономических неурядиц, чрезмерного фискального гнета и т.п. соответственно своим индивидуальным жизненным ритмам. Очень важное значение, несомненно, имели изменения в международной и региональной торговле. Бурный рост сменялся глубоким упадком, когда структуры, сложившиеся в результате прежних успехов, становились препятствием в перестройке, необходимой для того, чтобы приспособиться к новым условиям. Это неизбежно сказывалось на населенности города, поскольку ухудшавшаяся экономическая или политическая конъюнктура тормозила иммиграцию, а то и разворачивала миграционные потоки в сторону более удачливых соперников.

В целом же, как уже говорилось, остается неоспоримым то, что в течение примерно полувека между 1275 и 1315 годами города средневековой Европы находились на пике своего демографического роста. Опираясь, главным образом, на данные о численности населения в этот период, их обычно классифицируют, выделяя следующие группы: города-гиганты (более 50 тысяч жителей), очень крупные города (от 25 до 50 тысяч жителей), крупные города (от 10 до 25 тысяч жителей), средние города (от 2 до 10 тысяч жителей) и малые города (менее 2 тысяч жителей).

В первую группу попадает менее десятка городов, и большинство из них итальянские: Флоренция, Милан, Венеция, Генуя. В эту же категорию зачисляют города мавританской Испании: Севилью, Кордову и Гранаду. На Пиренейском полуострове процесс урбанизации имел существенные особенности, связанные с Реконкистой и наличием “живых” го-

родов мавританского происхождения с иной цивилизационной основой и демографическими характеристиками. К северу от Альп в группу городов-гигантов наверняка попадает только Париж, имевший по современным оценкам до 250 тысяч жителей.

Ко второй группе относятся два десятка городов, опять же в большинстве своем итальянских: Падуа, Болонья, Лукка, Рим, Неаполь, возможно, Верона, Павия. В Испании было по крайней мере два города этой категории – Барселона и Валенсия. Лиссабон, Кёльн и Нюрнберг, а также важнейший из ганзейских городов Любек, вероятно, достигли этого уровня к концу XV в. В эту же группу определенно попадают Лондон, Брюгге, Гент, Брюссель, Тулуза, Бордо, Авиньон, по всей вероятности, Руан и, возможно, Лион.

В третью группу входит большинство городов Ломбардии: Кремона, Мантуя, Модена, Парма, Римини и др., а также Орвьето, Перуджа, Сиена, Пистойя, Пиза, Бари, Мессина, Палермо. Кроме того, испанские города – Сарагоса, возможно, на нижнем пределе, Вальядолид, Саламанка, Сеговия и Бургос; нидерландские города – Амьен, Аррас и Дуэ, Ипр и Лилль, Валансьен, Лувен, Льеж, а также быстро растущий Антверпен; французские города – Бове, Шартр, Мец, Дижон, Лион; немецкие города – Франкфурт-на-Майне, Майнц, Шпайер, Вормс, Страсбург, Базель, Бремен, Гамбург, Мюнстер, Магдебург, Росток, Аугсбург, Ульм, Цюрих, Эрфурт и др.

Разумеется, подавляющее большинство средневековых городов принадлежало к двум последним категориям. В малых городах проживало до 60% всего городского населения Европы.

Конечно, эта классификация, как и многие ей подобные, не в состоянии учесть динамику последующего развития отдельных городов, которое было очень неравномерным, а иногда и трудно объяснимым. Проведя подобное ранжирование для других хронологических периодов, можно было бы увидеть “знакомый” город в совершенно иной “весовой категории”. Кроме того, общеевропейская классификация, безусловно, не способна отразить положение города в его региональной сети, где были свои, сугубо относительные “гиганты”, “главные города”, и “очень-очень крупные центры”. Поэтому важно иметь в виду, что категории “крупный”, “средний”, “малый” и др. имеют разное конкретное наполнение в зависимости от изучаемого ареала или временного интервала.

Тем не менее, эта группировка позволяет сделать некоторые самые общие выводы и наблюдения. Во-первых, совершенно очевидно, что в Средиземноморском регионе городские центры были более многочисленными и крупными, чем в Северной и Центральной Европе. Для Франции средним можно считать город с населением от 5 до 10 тысяч человек, а для Италии – и до 20 тысяч человек. Если для этих двух стран нижний предел малого города обычно фиксируется на планке 1–1,5 тысяч человек (изредка – от 800 человек), а иногда и выше, то для Англии и Скандинавских стран он спускается до отметки 500 человек. Немецкие историки, классифицируя 4000 германских городов средневековой эпохи, относят к “ведущим городским центрам” Нюрнберг и Любек с населением в 20–25 тысяч человек, к “крупным” – 20 городов, насчитывав-

ших более 10 тысяч жителей, к “средним” – 200 городов с 2–10 тысячами жителей, а основную массу – к мелким (менее 2 тысяч жителей), включающим подгруппу “карликовых” – с населением менее 500 человек.

Во-вторых, обнаруживается, что численность населения города и характер выполняемых им функций находятся в тесной зависимости друг от друга: малые города обслуживали повседневные потребности близлежащей округи, средние, как правило, ограничивались функциями центра ремесленного производства, работавшего на местный рынок, и обеспечивали обмен товаров и услуг в “областном масштабе”. Шанс попасть в категорию крупных получал только город, который, имея разностороннее высокоразвитое ремесленное производство или какое-либо из особо преуспевающих экспортных ремесел, одновременно осуществлял перераспределение потоков транзитной торговли. И, наконец, все очень крупные города либо сосредоточивали в своих руках важнейшие направления международной торговли, либо, обладая широкими хозяйственными функциями, являлись политическими центрами – столицами территориальных государств. Чем масштабнее и разностороннее были функции города, тем большему числу людей он мог предоставить занятия, способные прокормить семью или повысить ее социальный статус и уровень жизни. Интенсивность иммиграционных потоков в большой степени определялась именно этими возможностями, которые существенно возрастали вследствие разветвленной инфраструктуры, необходимой для обеспечения активных торговых операций (особенно связанных с оптовыми закупками, перевозками на дальние расстояния и организацией сбыта), а также в результате расширения сферы обслуживания придворных кругов, государственных учреждений, формирующейся бюрократии, многочисленного духовенства и др.

Таким образом, потенциал и динамика роста того или иного города зависели от множества факторов: от его географического положения и природно-экологических условий, от преобладания в нем торговой или ремесленной деятельности, от условий получения сырья и сбыта готовой продукции, от силы или слабости соседних городов-конкурентов, от политической обстановки и от многого другого. Но есть одна очень сильная зависимость, без которой не “работали” все перечисленные. Это, конечно, люди, а, следовательно, и движение народонаселения. Глубокая демографическая депрессия, охватившая почти все регионы Европы с середины XIV в., перечеркнула возможные перспективы дальнейшей урбанизации. Если судить по доле городского населения в стране или регионе, то урбанизационный процесс был остановлен: так, в 1377 г. городское население Англии составило по максимальной оценке примерно 10%, т.е. всего лишь повторив показатель второй половины XIII в. Многие города были отброшены назад, к началу XIII в., как, например, Экс в Провансе, население которого с начала XIII в. до середины XIV в. выросло вдвое, а за двадцать лет, с 1346 по 1366 г. вдвое сократилось.

Как же это произошло? Последовательное ухудшение условий жизни ощущалось еще с конца XIII в. В начале второго десятилетия XIV в. признаки неблагополучия нарастали, а начавшаяся с 1312 г. серия неурожадов завершилась небывалыми дождями, погубившими посевы, и Ве-

ликим Голодом 1315–1317 гг. Почти повсеместно цены на зерно взметнулись, десятки тысяч людей, находившихся на грани выживания (их численность в начале XIV в. сильно возросла), погибли от голода и дистентрии. В особенно пострадавшем Ипре за полгода (с мая по октябрь 1316 г.) смертность составила почти 10%. Английские данные показывают увеличение смертности и в 1315–1317, и в 1322–1324 гг. А спустя поколение после Великого Голода пришла Черная Смерть...

Что касается плотности городского населения, то существенную роль в ее формировании играли стены – обязательный атрибут городов континентальной Европы. Выше (и в другой связи) уже говорилось о городских фортификациях. В данном случае мы снова обратимся к данной теме – но уже в связи с проблемами городской демографии.

Как известно, легкоузнаваемый облик средневековых городов создавался, прежде всего, их фортификационными сооружениями – высокими стенами с массивными башнями и воротами. Стены физически отделяли город от непосредственно прилегающего к нему пространства и служили интересам безопасности.

Вокруг стен, окружавших первоначальный городской центр, постепенно возникали предместья, населенные главным образом ремесленниками и мелкими торговцами. Со временем стены становились тесными для растущего городского населения, тогда периметр стен расширяли и сооружали новые укрепления. Те предместья, которые сложились неподалеку от городских стен в XII–XIII вв., в XIV в. присоединялись к старому городскому центру и, в свою очередь, обносились кольцом стен и укреплений. Динамически развивавшиеся города, периодически испытывая нужду в пространстве, перемещали свои стены столько раз, сколько требовалось по обстоятельствам – как это было, скажем, в Генте, во Флоренции, в Страсбурге. Следы этих перемещений и строительства дополнительных укреплений дают возможность историкам судить о движении населения во многих городах, начиная с середины X в. Так, в Женеве и Руане новые стены появились в XI в., в Ангулеме, Бурже, Гренобле, Марселе, Пуатье, Монпелье – в XII в. К XIII в. относятся первые расширения периметра стен в Бордо, Кагоре, Клермоне, Лиможе, Лилле, Меце и уже повторные – в Женеве и Марселе, а в начале XIV в. были вторично дополнены фортификации Женевы, Гренобля и Лиможа. Вторая стена, построенная в Монпелье, увеличила площадь города в несколько раз, по сравнению с территорией, занимаемой им в конце XI в. В Страсбурге кольцо городских стен пришлось расширять трижды: в 1202, в 1228–1230 гг. и в самом конце XIII в.

В Италии пик этого процесса приходится на период с 1150 по 1250 гг., когда появились новые укрепленные стенами районы в Болонье (1203), в Брешии (дважды в течение XII в.), Флоренции (в 1172 г. и еще дважды на рубеже XIII–XIV вв.), в Лукке (1200), Мантуе (1242), Парме (1250), Павии (дважды в X в. и трижды в XII в.), в Пизе (в 1156 г.), в Пистойе (дважды в XII в.) и многих других городах. В Прато, например, в ходе стремительного роста населения к началу XIII в. сооружаются две линии стен периметром соответственно один и два км, а затем возникают новые предместья, окруженные рвами и валами, по линии которых начинается сооружение третьей стены периметром около 4,5 км.

В Германии и Нидерландах расширение городских фортификаций зафиксировано в Кёльне, Вердене, Льеже уже в X в., в Брюгге, Антверпене, Турине, Генте, Дуэ, Ипре – в XI в., в Утрехте, Ахене, Брюсселе, Лувене, Малине, Дижоне и вновь в Антверпене – в XII в., в Бонне, Маастрихте, Констанце – в XIII в.

Однако, строительство новых стен и укреплений было делом весьма трудоемким, обременительным для городского бюджета и долговременным, градостроители не поспевали за ростом населения. Горожане постоянно жили, стесненные своими стенами, в условиях большой скученности. Площадь “малого города” колебалась обычно в пределах от 5 до 15 га. Он в среднем насчитывал 500–600 жителей и состоял из 100–150 домов, стоявших вдоль единственной улицы с несколькими переулками за ней или группировавшихся вокруг рыночной площади или перекрестка. Крупные города имели площадь не менее 40 га, при этом, как правило, в городах, которые возникли в XI начале XIII в. она была больше, чем в тех, что появились во второй половине XIII – начале XIV в. Плотность же населения в городе достигала в старых кварталах крупнейших городов нескольких сотен человек на гектар. В среднем для городов средиземноморского побережья была характерна более высокая плотность населения, чем в других регионах и, особенно, в Северной Европе. В частности, в некоторых кварталах Генуи плотность застройки превышала 150 домов на гектар. Плотность населения Парижа в конце XII в. составляли приблизительно 100 человек на гектар, а в Страсбурге в начале XIII в. 141 человек на гектар. Специалисты оценивают плотность населения Брюсселя в 56 человек на гектар. В конце XIII – начале XIV в. этот показатель достигал в Брюгге 81, в Генте – 100, в Лилле – 137, в Тулузе – 138, в Нюрнберге – 142, в Росток – 158, в Париже – 180, в Любеке – 210, в Арле – 416, в Тулоне – 500, в Генуе – 545 человек на гектар. В XV в. в Генуе в пределах городских стен обитало 84 тысячи человек, а включая предместья – около 100 тысяч человек. Население Шартра за период с 1260 по 1328 г. практически удвоилось, тогда как его площадь внутри городских стен, составлявшая в XIII в. 60 га, оставалась неизменной.

Плотность населения в городах заметно уменьшилась в результате долговременной депопуляции после Черной Смерти, многие прежде застроенные домами участки в XV в. запустели (та же тенденция отразилась и в падении цен на городскую недвижимость). В Экссе (Прованс), где застроенная площадь увеличилась к началу XIV в. по сравнению с XI в. в 5–6 раз, она к концу XIV в. сократилась на треть. Во Франкфурте-на-Майне в конце XIV – начале XV в. только центральная часть города, расположенная у рынка, была заселена, в то время как все остальные кварталы представляли собой массу опустевших, развалившихся домов. В Винчестере, насчитывавшем в 1148 г. 1100 домов, в 1417 г. их стало всего 800, но плотность населения, которая в среднем внутри стен составляла 72 человека на гектар, в центре достигала 202 человека на гектар, что превышает плотности населения в английских городах XIX в.

Таблица 1. Население городов (приблизительные оценки)

Город	Год/век	Население, тысяч человек
Авиньон	первая половина XIV в.	30–50
Амальфи	ок. 1000	35
Амстердам	1470	7,5
Амьен	начало XIV в.	20
Антверпен	начало XIV в.	5
	1437	14
	1440	20
	1496	27,5
Ареццо	1390	6,5
	1427	4
	вторая половина XV в.	5–7
Арль	1270–1320	15
Аррас	начало XIV в.	10–20
Аугсбург	1364	7,5
	1408	8,2
	1428	9,5
	1461–1471	11,5
	1475	18,3
	1498	12,3
Базель	1429	9–10
	1444–1446	10–12
	1454	8
	1471–1475	8,7
	1497	9
Барселона	1340	50
	1359	27
	конец XIV в.	35
	1477	20
Бeverли	1377	4–5,9
Бери-Сент-Эдмундс	1377	3,7–5,4
Берлин	1450	6
Берн	1448	5
Бове	начало XIV в.	10–20
Болонья	1206	64
	вторая половина XIII в.	52
	1370	40
	1371	32
Бордо	начало XIV в.	20
Бостон	1377	4,3–6,3
Бремен	начало XV в.	20
Бреслау	1403	14–15
Бристоль	1377	9,5–14
Брунсвик	1403	15–17
Брюгге	1314	45
	1339/40	35–40

Таблица 1 (продолжение)

Город	Год/век	Население, тысяч человек
Брюссель	первая половина XIV в. 1435–1437 1472–1480	30 30–56 54
Бурж	начало XIV в. 1487	10–20 32,5
Валенсия	1238	13,5
Вена	начало XIV в. 1391	25 4
Венеция	ок. 1000 ок. 1200 ок. 1300 1338 1363 1368 начало XV в. 1509	45 70 110 90–120 78 65 100–150 110
Верона	1320 конец XV в.	30 50
Висмар	1475	8–9
Вольтерра	1227 1427	4 3,5
Вустер	1377	2,3–3,4
Вюрцбург	1409	2,8
Гаага	1370	5,4
Гамбург	начало XIV в. 1419 середина XV в.	30 22 16–18
Гейдельберг	1439	5,2
Гент	до 1315 середина XIV в. 1400 конец XV в.	80 50–60 70 45
Генуя	ок. 1300 до 1348 середина XV в.	100 85–90 100
Глостер	1066 1377	3 3,5–5
Гослар	XV в.	10
Гранада	ок. 1300 1400	150 100
Гренобль	1383 1475	2 2,2
Гулль (Халл)	1377	2,4–3,5
Данциг	1416	11,8
Дижон	начало XIV в. 1376–1381	10–20 8,2–8,6

Таблица 1 (продолжение)

Город	Год/век	Население, тысяч человек
	1423–1442	ок. 8
	1461–1490	12,4
Дрезден	1396	3,8
	1501	2,3
Дуэ	начало XIV в.	10–20
Женева	1404	4,2
Зальцбург	1497	7
Ипр	1315	22
	1360	14
	1412	10,7
	1431	10,5
	1437	9,4
	1491	7,6
	1506	9,6
Йорк	1066	ок. 9,5
	1377	10,9–16
Каркассон	1304	8,2–9,5
	1372	5
Кёльн	ок. 1000	20
	ок. 1200	50
	первая половина XIV в.	40–50
	конец XV в.	30
Кембридж	1377	2,9–4,2
Кентерберри	1066	3
	1377	3,9–5,7
Ковентри	1377	7,2–10,6
Колчестер	1377	4,4–6,5
Куртре	1440	5,3
Лаон	XIII в.	6,7
Лейпциг	1474	2,1–4
	1489	ок. 3
Лестер	1377	3,2–4,6
Лилль	XIII в.	ок. 10
	начало XIV в.	20
Линкольн	1066	5,6
	1377	5,4–7,9
Линн	1377	4,7–6,9
Лиссабон	конец XIV в.	ок. 50
Лондон	ок. 1000	25
	1066–1086	ок. 18
	конец XIII в.	40
	1377	35–50
Лувен	начало XIV в.	45
	1374	10,9
	1435–1437	14,3–30
	1472–1480	26,4–29

Таблица 1 (продолжение)

Город	Год/век	Население, тысяч человек
Лукка	1300 1331–1333	ок. 20 14,3
Льеж	1470	8
Любек	начало XV в. 1460–1461	20–25 18
Люнебург	ок. 1300	8
Маастрихт	первая половина XIV в.	10
Майнц	конец XV в.	5,8
Мантуя	1463 1511	26,4 27,7
Мейссен	1481	2,1
Мекленбург	1380	11
Мессина	вторая половина XIII в. 1501	26–27 31,4
Мец	ок. 1325	25
Милан	1288 ок. 1300 вторая половина XV в.	ок. 75 ок. 100 85–100
Модена	1482	8
Монпелье	середина XII в. начало XIV в.	12 40
Мюльхаузен	XV в.	7–9
Мюнстер	XV в.	ок. 10
Нарбонна	начало XIV в.	25
Неаполь	XIII в. конец XV в.	25–50 ок. 100
Ним	1368	5,3
Нордлинген	1459	5,3
Норидж	1066 1311 1377	7,5 17 5,9–8,7
Ньюкасл	1377	4–5,8
Нюрнберг	начало XIV в. середина XV в.	25 16,6–22,8
Оксфорд	1066 1377	5,4 3,5–5,2
Орвието	1296	11,3
Орлеан	начало XIV в.	25
Оснабрюк	1425	4,8
Павия	1250	30
Падуя	первая половина XIV в.	33–41
Палермо	ок. 1000 вторая половина XII в. XIII в.	75 50 44

Таблица 1 (продолжение)

Город	Год/век	Население, тысяч человек
Париж	1374	16,2
	конец XV в.	40–50
	ок. 1000	20
	начало XIII в.	70–80
Парма	начало XIV в.	ок. 100
	1395	20
	1404	15
	1421	11,5
Пиза	1509	19
	1228	13–15
	вторая половина XIII в.	15
	1300	20
Пистойя	1427	7,4
	1300–1310	11
	1351	6
	1399	8
Плимут	1401	4
	1415	3,9
	1427	4,5
	1377	2,7–3,9
Порту	конец XIV в.	ок. 10
Прато	конец XIII в.	14–18
	1325	14
	1339	10,5
	1351	ок. 7
Пьяченца	1394	5,2
	1402	4,2
	1427	3,5
	1470	ок. 4
Равенсбург	1447	25
Регенсбург	XV в.	5
Реджо Эмилия	ок. 1000	40
Реймс	1473	9,2
	ок. 1270	20
	1328	16–18
	1363	11,1
Рим	XV в.	10,5
	ок. 1000	35
	конец XII – начало XIII в.	35
	конец XV в.	50
Росток	1375	10,8
	1410	14
Руан	XIII в.	ок. 50
	начало XIV в.	40–70
Саттон	1377	4,6–6,7
Севилья	ок. 1000	90
	1400	70

Таблица 1 (продолжение)

Город	Год/век	Население, тысяч человек
Сиена	1300	20
	1380–1390	16,7
Солсбери	1377	4,8–7,1
Стамфорд	1066	2,6
	1377	1,9–2,7
Страсбург	начало XIV в.	25–30
	1477	20,7
	конец XV в.	25
Трир	XIV в.	10
	XV в.	8–9
Тулон	1285	1,5
	1332	2,8
Тулуза	1262	20–25
	начало XIV в.	35–50
	1385–1405	22,1–26
Тур	начало XIV в.	30
Ульм	1427	ок. 20
Утрехт	первая половина XIV в.	20
Флоренция	1300	ок. 95
	1336–1339	ок. 90
	1347	ок. 120
	1349	32
	1352–1355	42
	1362	70
	1364	54
	1374	60
	1379–1380	57,7
	1424	37,2
	1441	37
	1458	38,9
	1469	37,4
	1470	40,3
	1480	41,6
	конец XV в.	50
	1520	70
Франкфурт-на-Майне	1387	ок. 10
	1406	7
	1410	9,8
	1440	9
Фрейбург (Швейцария)	1444	5,2
	1447	5,8
Фрейбург (Саксония)	1390	ок. 9
	1470	5
	1500	ок. 6
Хаарлем	1470	9,1
Херефорд	1377	2,9–4,2
Цюрих	1357	7,4–12,4

Таблица 1 (окончание)

Город	Год/век	Население, тысяч человек
	1374	11,1
	1410	8,6–10,6
	1467	4,7
Шартр	XIII в.	ок. 10
Шрусбери	1377	3,1–4,6
Штеттин	1350	9
	1470	9,5
Укс	1320–1340	7–15
	1356–1357	4–10
	вторая половина XV в.	3–6
Уксетер	1377	2,3–3,4
Урфурт	1493	18,5
Урмут	1377	3–4,3

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Население города изначально и, можно сказать, по определению, отличалось от сельского разнообразием занятий и гетерогенностью социального состава. Как правило, среди жителей средневекового города выделяются категории, отличающиеся по своему статусу и образу жизни: торгово-ремесленное население, включая представителей так называемых свободных профессий; светские и духовные феодалы; другие лица духовного звания; зависимые люди феодалов и городских монастырей; деклассированные маргиналы; этнические меньшинства.

Основную производящую группу городского населения составляли ремесленники. Ремесленные специальности можно условно разбить на три большие группы: производители товаров и услуг первой необходимости для местного рынка; сектор производства относительно стандартизированной массовой продукции на экспорт за пределы города или региона, с более развитым разделением и производительностью труда; производители предметов роскоши и специализированных услуг, требовавших вложения высококвалифицированного, а также художественного и интеллектуального труда. В средневековом городе, работавшем главным образом на местную округу, больше всего ремесленников было занято в производстве товаров повседневного потребления: продуктов питания (булочники, пивовары, мясники и др.), одежды и обуви (портные, скорняки, сапожники и пр.); затем – в производстве металлоизделий, в деревообработке и строительстве. Например, в Гамбурге в 1376 г. первое место по численности мастеров занимали пивовары (свыше 70), за ними шли 69 пекарей, 57 мясников, 31 торговец рыбой и т.д. Города, ориентированные на более широкий рынок и на дальнюю тор-

говлю, имели более развернутую и даже перевернутую профессиональную структуру, с преобладанием экспортных отраслей. Так, в крупных фландрских городах подавляющее большинство составляли ремесленники-сукноделы – до 60%. В Нюрнберге в 1363 г. первое место занимали металлообрабатывающие отрасли (в них было занято 377 человек), и второе – кожевенное производство (152 работника). Напротив, для Парижа начала XIV в. при высокой степени специализации и уровне развития ремесла была характерна хорошо сбалансированная структура без явного преобладания какой-то одной отрасли. При наличии 156 специальностей была широко распространена практика совмещения профессий, как правило, за счет присоединения к основной профессии второй, в сфере услуг (прежде всего, содержание таверн и гостиниц).

Число специальностей и, соответственно, цеховых объединений, существенно различалось в зависимости от типа города, экономической конъюнктуры, региональных особенностей. Например, в Монпелье в XII в. жили ремесленники не менее семидесяти специальностей. В Страсбурге в середине XIII в. был зарегистрирован тридцать один цех, а к концу этого столетия их стало тридцать семь. Столько же ремесленных гильдий насчитывалось в английском городе Беверли во второй половине XIV в., а в Йорке в то же время – более шестидесяти. В Аугсбурге в середине XIV в. было 17 цехов, в Гамбурге – 22, в Нюрнберге – 50, а в Вене в 1405 г. – 77. Во Франкфурте-на-Майне в 1355 г. было 14, а в 1474 г. – 28 цехов, в Кёльне – 42, а в Любеке – 50.

Поначалу ремесленник сам продавал свои изделия на рынке, контролируемом сеньором или городскими властями, или – между рыночными днями – в лавке, примыкающей к своей мастерской. Булочники и мясники, портные и башмачники, кузнецы и многие другие ремесленники торговали в розницу каждый “в своем окне” – в буквальном смысле.

Но для значительной части населения городов основным занятием являлась торговля. В среде профессиональных торговцев преобладали мелкие лавочники и разносчики, близкие к ремесленной среде. Они выполняли очень важную посредническую функцию на местном уровне. Ассортимент разносчиков был весьма широк, охватывая практически весь спектр обыденных потребностей. Но наряду с ними существовали специализированные лавки суконщиков, бакалейщиков, скобянщиков и других профессиональных торговцев. Элиту составляли собственно купцы, то есть богатые торговцы, преимущественно занятые в дальнем транзите и оптовых сделках. Наиболее богатыми и влиятельными были купцы из столичных и портовых городов: Лондона, Марселя, Венеции, Генуи, Любека. Во многих странах в течение длительного времени купеческую верхушку составляли иноземцы. Нередко именно они становились одновременно менялами или банкирами и крупными ростовщиками. В Палермо менялы упоминаются уже в X в. В течение XII в. менялы, объединенные в корпорации, встречаются в Генуе, Венеции, Болонье и других итальянских городах, где они обычно устанавливали свои конторки, столы или скамьи (“банки”) прямо на площадях перед церквями. Размен и покупка монет были весьма доходным делом. Очень скоро итальянские банкиры заняли ведущее положение во многих городах Европы.

Важную роль в жизни крупных городов играл и третий сектор (“сфера социальных услуг”) и его многочисленные представители: возчики и водопосы, цирюльники и повитухи, аптекари и врачи, хозяева постоянных дворов, пиверн и харчевен, писцы и нотариусы, адвокаты, университетские преподаватели и т.д. Рост числа занятых в этой сфере был напрямую связан с демографическим и культурным подъемом второй половины XIII в. Нотариусы составляли и регистрировали частные акты и торговые операции, вели протоколы купеческих тяжб, состояли при торговых подворьях за границей. В книги марсельского нотариуса Амальрика только за 1248 г. было внесено свыше тысячи актов. По статутам Венеции, Генуи, Пизы, Марселя, Барселоны XIII в. на каждом судне торговых караванов должен был находиться корабельный нотариус. Вполне естественно, что в городах Средиземноморского региона насчитывалось большое число нотариев. Подсчитано, например, что в 1268 г. в Вероне на 40 тыс. жителей приходилось 495 нотариев, в 1288 г. в Болонье на 50 тыс. человек – 1059, а в Милане на 60 тыс. горожан – 1500 нотариев. В итальянских, французских, каталонских городах корпорации нотариусов занимали видное место в городской иерархии.

Интересную картину представляют различия в балансе сфер хозяйственной деятельности городов Тосканы в зависимости от их места в региональной иерархии: если в мелких городах преобладали лица, связанные с сельским хозяйством (почти 50% населения), затем шли занятые в торговле, а за ними – ремесленники наиболее распространенных специальностей (сукноделы, кожевники, скорняки, булочники, мясники, кузнецы и т.д.), то во Флоренции и других крупных центрах на первом месте стояли лица, связанные с кредитно-денежными операциями, экспортной торговлей и “сферой услуг”, а ремесленники занимали второе место.

Образование маргинальных групп было обусловлено системой норм и ценностей, регулировавших жизнь в средневековом городе, в частности, предубеждением против некоторых профессий и лиц, рожденных вне законного брака. Это предубеждение обуславливало дискриминацию как отдельных лиц, так и целых групп, и распространялось на палачей, комедиантов, живодеров, проституток, золотарей, знахарей, банщиков, брадобреев и других, профессиональная деятельность которых, несмотря на жизненную необходимость выполняемых ими функций, вступала в определенное противоречие с общепринятыми представлениями о добропорядочности. Кроме того, к маргиналам, безусловно, относились люди иного вероисповедания и вообще всякого рода чужаки. В то время как средневековый город зависел от притока иммигрантов, не все из новопришельцев интегрировались в городское общество: многие из них, даже прожив в городе долгое время, так и оставались аутсайдерами.

В городе находили себе пристанище и средства пропитания множество людей со всевозможными телесными недостатками, делавшими их нетрудоспособными, а доля инвалидов в средние века была весьма велика: многочисленные войны поставляли огромное число безруких и безногих калек, состояние медицины и общепринятые представления не оставляли надежд на излечение широкого круга болезней. Например, очень высок был процент слепых: во Франкфурте в XIV в. их приходилось от двадцати до сорока двух человек на каждые 10 тыс. жителей, а в Ипре в 1431–1501 гг. –

36–39, то есть в 5–8 раз больше, чем в среднем в XX в. Постоянным расходом для городского бюджета как в крупном центре, так и в небольшом местечке, было содержание лазаретов и специальных заведений для душевнобольных. Прокаженных не лечили, а просто изолировали от общества. В одной только Франции в XIII в. насчитывалось около двух тысяч лепрозориев.

Условия социальной нестабильности, вызванной демографическим и экономическим кризисами XIV–XV вв., привели к небывало резкому росту городских маргинальных групп. Город, занимавший особое место в общественной структуре средневековья, был прибежищем и объектом устремлений для многих людей и групп, вырванных из традиционных связей. Хотя и здесь они оставались вне официальной городской общности, но шансов выжить было все же больше, чем в деревне. Новопришельцы пополняли и без того наиболее крупные городские маргинальные группы бродяг и нищих, уплотняя криминальную среду.

Нищие, живущие подаянием, несомненно составляли самую многочисленную маргинальную группу городского населения, причем стремительный рост нищенства в XV в. стал явлением повсеместным, общим для всех европейских городов. Отношение к нищим городских властей было дифференцированным: нищие делились на “своих” и “чужих”, которые и попадали в категорию бродяг. Последние рассматривались как антисоциальный элемент, их следовало выдворять из города или, по крайней мере, ограничивать их приток. А городская система благотворительности была рассчитана на известный контингент местных нищих. Их поведение было строго регламентировано, им предписывалось носить на одежде отличительный знак или иметь специальное удостоверение, подтверждающее их право жить на милостыню. Во многих городах кварталы, где обитали нищие, имели дурную репутацию и превращались в своеобразные резервации.

Город был и центром профессиональной проституции. Здесь для этого были все необходимые условия: большое скопление людей, в том числе приезжих солдат; наличие множества учеников и подмастерьев, имевших возможность создать семью только в позднем возрасте; преобладание незамужнего женского населения, главным образом деревенских девушек, приходивших в город на заработки. Публичные дома были легализованы и находились под контролем городских властей, которые регулировали и деятельность уличных проституток: последние могли искать клиентов только в определенных местах и должны были носить специальную одежду или знак (желтого, зеленого или красного цвета), дабы у добропорядочных горожан и у потенциальных клиентов не было сомнений в том, с кем они имеют дело. На городского врача возлагалась обязанность осуществлять санитарный контроль.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА

Реконструкции сложных демографических процессов, происходивших в городах Европы в эпоху Средневековья, во многом препятствуют скудность и фрагментарность достоверной информации. Дело осложняется еще и тем, что почти вся она относится к периоду демографическо

то кризиса XIV–XV вв., а попытки экстраполировать полученные сведения на более ранний период чреваты опасностью серьезных искажений. Тем не менее, осознавая ограниченную репрезентативность средневековых “демографических” источников и скептически относясь к абсолютным цифрам, нельзя не признать их несомненную ценность как общих ориентиров для понимания тех аспектов городской жизни, которые были связаны с воспроизводством населения. К сожалению, имеющийся в распоряжении специалистов документальный материал распределяется крайне неравномерно по разным регионам. Лучше всего представлена и обстоятельно изучена демографическая история некоторых городов Италии, в которых уже в начале XV в. появляются полные обследования населения и ведутся систематические регистрации смертей. Но в целом накоплено немало данных (хотя и менее представительных), характеризующих основные параметры и особенности воспроизводства населения в отдельных городах Франции, Германии, Англии и других стран.

Главные демографические характеристики – рождаемость, брачность, смертность – регулировались многими природными, социальными, моральными и материальными факторами, а также находились в определенной зависимости друг от друга.

Ключевым моментом репродуктивного процесса являлся брак, модель которого имеет два главных критерия – возраст первого брака (отдельно для мужчин и для женщин) и индекс брачности (процент вступающих в брак). Оба этих показателя зависели как от сложившихся культурных традиций, так и от конкретных социально-экономических условий, облегчающих или затрудняющих формирование новой семьи и домашнего хозяйства. Уровень брачности в средневековом городе был существенно ниже, чем в деревне, и обычно колебался в пределах от 30% до 50%: в провинциальных английских городах в 1377 г. он составлял в среднем около 40%, в Лондоне – 33,4%, во Флоренции в 1427 г. – 34,4%, в Ипре в 1431 г. – 34,6%, во Фрейбурге и в Базеле в 1454 г. соответственно – 34,6% и 32,8%. Уровень брачности варьировал в соответствии с размерами городов и в менее населенных городах был выше. Кроме того, он различался по социальным группам и заметно изменялся со временем.

Низкий индекс брачности в городах объясняется прежде всего спецификой социально-профессионального состава их населения: присутствием большого числа слуг, учеников, подмастерьев, поденщиков, монахов и монахинь, солдат. Таким образом, речь может идти как о постоянном безбрачии, так и о временно отложенных браках, что естественно предполагает достаточно продвинутый возраст при вступлении в первый брак, прежде всего для мужчин, которым требовалось немало времени, чтобы достичь экономической самостоятельности и обеспечить своей будущей семье соответствующее материальное положение. Очевидно, что сокращение или увеличение профессионально-хозяйственных вакансий оказывало влияние не только на уровень брачности, но и на возраст первых браков, соответственно его повышая или понижая.

Существовали и ярко выраженные культурно-религиозные различия, особенно в возрасте первого брака у женщин, который на юге был, как правило, ниже, чем в Северной Европе. В XIV–XV вв. брачный воз-

раст женщин здесь в меньшей степени реагировал на изменение социально-экономической обстановки: в городе, как и в деревне, считалось обычным выходить замуж в 16 лет, хотя средний возраст в городе был выше – около 20 лет. Жених оказывался значительно старше невесты. В городах Южной Франции средний возраст брака для мужчин в XV в. составлял 26–27 лет, а разница в возрасте между супругами – почти 8 лет. В Реймсе невесты были значительно моложе: средний возраст 15–16 лет, а возрастной интервал с супругом составлял 10 лет. Вдовы нередко повторно выходили замуж, и в этом случае жены часто были старше своих мужей – разница могла доходить до 10 лет.

Во Флоренции в XII–XIII вв. жених обычно был зрелым мужчиной около 40 лет, а невеста – от 24 до 26 лет. С резким уменьшением продолжительности жизни сразу после Черной Смерти брачный возраст мужчин сильно снизился, но затем, с 1371 г. и в XV в. снова поднялся. После 1427 г. он стабилизируется на отметке около 30 лет. Возраст первого брака для мужчин во Флоренции в 1427 г. в богатых семьях был значительно выше, чем у неимущих: соответственно 31,2 и 27,7 лет, что, совершенно очевидно, было следствием разницы в средствах, необходимых для начала карьеры купца или банкира и просто ремесленника, а также для содержания их семей.

Средний возраст вступления в брак для женщин из обеспеченных семей составлял 18 лет, более 75% из них вступали в брак до 20 лет. Уровень брачности женщин в этой социальной категории составлял 80–85%. Возрастной интервал между супругами (примерно 13 лет) при невысокой продолжительности жизни приводил к ситуации, когда 97% женщин становились вдовами, едва отметив свое двадцатипятилетие, и вынуждены были снова искать себе мужей. Поскольку довольно значительная часть населения города оставалась вне брака в наиболее репродуктивном возрасте или в течение всей жизни, постольку прослойка юного поколения оказывалась здесь уже, чем в деревне.

Религиозная мораль поощряла высокую естественную рождаемость у супружеских пар, и вообще-то уровень рождаемости был высоким: например, во Флоренции в 1470 г. он составлял около 4% (в ее сельской округе 6,1%), а в Барселоне в 1494 г. – 4,4%. Но в целом, даже при очень высокой рождаемости, в живых, как правило, оставалось не более двух-трех детей. В большинстве же семей горожан трудности выживания в младенческом и детском возрасте преодолевали всего один-два ребенка.

В Арле в 1340–1440 гг. среднее число детей в семье не превышало двух, а с конца XIV в. начало уменьшаться. В Тулузе в первой половине XV в. в среднем на каждого завещателя приходилось ко времени его смерти от двух до трех живых детей. В Нюрнберге в середине XV в. в одной семье вырастало в среднем менее двух детей – 1,64; во Фрейбурге – 1,74, в Ипре – 2.

Данные Флорентийского кадастра позволили исследователям установить определенную зависимость числа детей в семьях горожан от их имущественного положения: в состоятельных семьях оно оказалось значительно выше, чем в неимущих (соотношение в среднем 2,5:1), что обуславливалось как более поздним вступлением в брак женщин из бедных семей и худшими условиями выхаживания детей (что играло особую роль именно в первые годы жизни ребенка), так и внутрисемейным контролем над рождаемостью:

сознательным воздержанием, продлением лактационного периода, абортами, примитивной контрацепцией и другими традиционными средствами. Не исключена и преднамеренная небрежность при родах и уходе за новорожденными. Не только демографическая статистика, но также и обличения церковных моралистов в первой половине XV в. свидетельствуют о рациональном ограничении рождаемости бедными супружескими парами из-за стесненных материальных условий в экономически неблагополучные периоды.

В состоятельных семьях, напротив, высокий уровень жизни, лучшие гигиенические условия и использование кормилиц (что приводило к сокращению периода лактации и ускоряло наступление новой беременности), а также раннее вступление женщин в прокреативный период – все стимулировало рождаемость. Женщины рожали детей примерно каждые два года. Семьи, в которых (от одной или от целого ряда последовательно умиравших при родах жен) рождалось 10, 12, 14 детей, в этой социальной категории считались обычными.

Смерть при рождении ребенка была достаточно частой (около 20% от общей смертности замужних женщин), чтобы сформировался устойчивый стереотип, побуждавший, в частности, состоятельных венецианок во время первой беременности составлять свое завещание. Даже в случае легких родов без осложнений, для ослабленного организма оставалась угроза инфицирования, влекшего за собой затяжные болезни; частые роды могли привести к истощению и туберкулезу. Тем не менее, во главе 15,6% всех флорентийских домохозяйств стояли женщины-вдовы, пережившие своих более старых мужей.

Какие факторы оказывали наиболее ошутимое воздействие на изменение коэффициента рождаемости в городской популяции? Здесь следует отметить войны, голод и эпидемии. Пожалуй, самым сильным было влияние резких колебаний в уровне смертности в эпидемический период. Как правило, во время эпидемии рождаемость сокращалась и оставалась низкой в следующем году, зато в этот год резко возрастало число браков, и, естественно, на второй и на третий год отмечалось значительное увеличение числа рождений. Этот механизм, настроенный на восстановление численного равновесия после внезапных тяжких потерь, срабатывал особенно эффективно после эпидемий бубонной чумы, поскольку потери от нее в молодом взрослом населении были меньше, чем в других возрастных группах, и популяция сохраняла свою способность к прокреации. Более того, вследствие эпидемий, преждевременно уносящих с собой старшее поколение, создавались условия, способствующие снижению брачного возраста (более раннее вступление в наследство или возможность получить приданое) и дающие шанс тем, кто в других условиях был обречен на безбрачие. Естественным результатом омоложения брака и роста уровня брачности было повышение рождаемости.

Чума стимулировала воспроизводство и в сохранившихся брачных парах, потерявших своих детей. Итальянский хронист, в частности, сообщает о том, что до 1399 г. женщины Флоренции “долгое время были бесплодны”, а после чумного 1400 года многие сразу забеременели. В периоды, непосредственно следующие после эпидемий, уровень рождае-

мости фактически достигал биологически возможных пределов. В конечном счете, при благоприятных обстоятельствах численность населения могла восстановиться с удивительной быстротой благодаря повышению рождаемости в самом городе и использованию людских ресурсов сельской округи, переживавшей аналогичные демографические процессы. Однако во второй половине XIV–XV вв. эпидемии слишком часто повторялись, и прирост населения в городах, несмотря на временное повышение рождаемости, выражался величиной отрицательной. Хотя коэффициент смертности в средневековых городах в нормальные годы составлял около 3%, а нормальный коэффициент рождаемости – около 4%, тем не менее до Нового времени европейские города практически не знали сколько-нибудь продолжительного превышения рождаемости над смертностью. Последняя была особенно велика среди рожениц и младенцев в первые недели жизни, а также в детском и юношеском возрасте. Вообще, средняя продолжительность жизни была на много десятилетий короче, чем в наше время. Лишь немногие доживали до 70-летнего возраста; 60-летние и даже 50-летние считались “старцами”

Около 40% мужчин и женщин в итальянских городах умирали до 30 лет. Средняя продолжительность жизни во Флоренции в XIV–XV вв. составляла примерно 35 лет (37,2 года для мужчин и 33,1 года для женщин). До 1300 г. средняя продолжительность жизни была выше – около 40 лет, но во второй половине XIV в. она сократилась вдвое, а в XV в. снова выросла, особенно после 1450 г.

По костным остаткам средневековых захоронений детская смертность в Йорке оценивается приблизительно в 30%. Из взрослых женщин 56%, а из взрослых мужчин – 36% умерло в возрасте до 35 лет, и только 9% жили до 60 лет и более. В 1276–1300 гг. в Англии средняя продолжительность жизни была около 31 года, в 1348–1375 гг. – около 17 лет, в 1426–1450 – около 33 лет.

Детская смертность во время эпидемии вдвое превышала взрослую. В итальянских, французских, испанских городах XV в. новорожденный имел 50% шансов дожить до отроческого возраста. В Арле детская смертность в бедных семьях была в 2–3 раза выше, чем в зажиточных.

Как распределялось городское население по полу и возрасту? Соотношение полов, или индекс пола, обычно определяется как число мужчин на каждые 100 женщин в популяции. Нормальное соотношение при рождении – около 105. Ученые-демографы констатируют заметное превышение нормы соотношения полов во Флоренции до Черной Смерти (115 младенцев мужского пола на 100 девочек) и, опираясь на эти данные и на некоторые церковные документы, предполагают наличие практики детоубийства, дискриминации и невыхаживания новорожденных девочек. Флорентийский кадастр 1427 г. обнаруживает преобладание мужчин над женщинами в двух возрастных категориях: до 4 лет (индекс 124,6) и от 23 до 27 лет (индекс 117,6). Это подтверждает вероятность преднамеренного избавления от девочек в младенческом возрасте и значительную смертность женщин в период высокой репродуктивности.

В некоторых возрастных группах соотношение женщин и мужчин было еще более аномальным из-за притока из деревни молодых женщин, а также в возрасте от 45 до 55 лет, что заставляет предположить,

меньшую продолжительность жизни для мужчин и большую для женщин, преодолевших репродуктивный период.

В течение 50 лет после 1451 г. по регистрациям крещений фиксируется нормальное соотношение: индекс пола при рождении 103,5–105. Та же тенденция прослеживается и в других городах Тосканы.

Первоначальный индекс пола, как правило, уменьшается с увеличением смертности мужчин до примерно равного соотношения для популяции в целом (конечно, при условии отсутствия миграции).

В городах средневековой Европы большей частью преобладали женщины. В XIV–XV вв. здесь было в среднем на 20–30% больше женщин, чем мужчин. Например, в английских городах среднего размера, согласно подушной подати 1377 г., индекс пола составил от 93 до 95; во Франкфурте-на-Майне в 1385 г. – 91, а в 1440 г. – 85; в Болонье в 1395 г., в Реймсе в 1422 г. – 91,3; во Флоренции в 1437 г. – 88,5; во Фрейбурге в 1444–1448 гг. – 81,9; в Нюрнберге в 1449 г. – 83,5; в Базеле в 1454 г. – 93; в Ипре в 1506 г. – 83; но вот в Цюрихе в 1467 г. – 139. К сожалению, здесь невозможно проследить динамику.

Половозрастная структура населения – это комбинация двух демографических срезов общества: полового и возрастного, составляющих одновременно условия и результаты процесса воспроизводства населения. Население, как правило, разделяется на возрастные группы разной дробности, среди которых главными являются три большие “естественные” группы: от 0 до 14 лет – дети, от 15 до 49 лет – молодые и средние возрасты, 50 лет и старше – пожилые. Идеально сбалансированной, нормальной структуре соответствовало бы равномерное распределение населения по всем трем группам. Те отклонения, которые наблюдаются в реальной картине, отражают фактические особенности воспроизводственного процесса. Все дошедшие до наших дней поочажные списки населения городов или отдельных приходов, содержащие сведения о возрасте их обитателей, относятся ко второй половине XIV–XV в. и демонстрируют аномалии кризисного периода, последствия череды жестоких эпидемий.

В 1422 г. в Реймсе (по данным прихода Сен-Пьер) примерно четверть населения составляли дети моложе 15 лет, 59% – лица от 15 до 45 лет и около 16% – лица старше 45 лет. Такая деформированная структура с усеченной младшей группой сложилась в результате высокой смертности детей в эпидемии 1420–1421 гг.: в группе до 7 лет ее уровень достиг 50%. Редуцированность одной из средних возрастных групп (от 25 до 34 лет) по сравнению с соседней группой (от 35 до 44 лет) – итог региональной эпидемии, унесшей много детских жизней из поколения 1390-х годов. Еще одна аномалия в половозрастной структуре: разновысокая продолжительность жизни у мужчин и женщин, которым удалось пережить по несколько атак чумы. И наконец, типичная для городов особенность: если в группе от 10 до 14 лет преобладают мужчины, то в следующей – от 15 до 25 лет – женщины, что является следствием дифференцированности состава миграционного потока из деревни в город: в нем имела непропорционально большой вес группа молодых женщин от 15 лет, пополнявшая контингент домашних слуг.

Данные источников о половозрастной структуре населения городов почти всегда отрывочны. К очень немногим исключениям относятся пере-

Таблица 2. Возрастные структуры населения Прато и Вероны, %

Возрастные группы	Прато			Верона	
	1371	1427	1470	1425	1502
0–14	39,7	36,1	38,7	28,6	35,3
15–64	56,5	54,3	54,2	62,8	58,8
свыше 65	3,8	9,5	7,1	8,6	5,9

писи домохозяйств Вероны, Флоренции и Прато, проанализированные ведущими специалистами в области демографической истории западноевропейского Средневековья Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер. Три переписи Прато за 1371, 1427 и 1470 гг. позволяют судить о динамике половозрастной структуры в период глубокого демографического кризиса, в котором город потерял за столетие 72% своих домохозяйств.

В 1371 г. в поколениях, рожденных до Черной Смерти (возрастные группы свыше 25 лет), хотя и существенно прореженных уже двумя эпидемиями чумы (1348 и 1363 гг.), наблюдается, тем не менее, взвешенное соотношение между полами: индекс 98. В возрастных группах моложе 15 лет обнаруживается резкий контраст между “узкой” группой, пережившей “детский мор” 1363 г., и многочисленным поколением 1364–1371 гг. рождения, т.е. моложе 8 лет. Возрастная структура 1427 г. кардинально отличается для нее характерны “расширенные” группы взрослых, по сравнению с молодежью и подростками – детьми тех, кто выжил в 1390–1410 гг.

В последний период, характеризующийся относительной стабильностью, нормальная возрастная структура частично восстановилась: кадастр 1470 г. вновь демонстрирует многочисленные когорты детей и подростков. Однако потери последней трети XV в. привели к общему постарению населения: доля когорт “третьего возраста” увеличилась вдвое, по сравнению с 1371 г. Кроме того, изменилось соотношение полов в пользу мужчин: индексы пола в 1371, 1427 и 1470 гг. – соответственно 97,9; 106,6; 107,3. Именно многократное последовательное сокращение детских возрастных групп и соответствующее постарение населения в начале XV в. обусловили глубину и продолжительность демографического спада: воспроизведение в следующих поколениях деформации половозрастной структуры, как и дальнейшие разрушения, производимые в ней новыми эпидемиями, создали множество препятствий на пути из кризиса и надолго задержали его преодоление.

Попробуем сопоставить возрастные структуры населения Прато и Вероны (табл. 2). При сравнении представленных возрастных групп следует иметь в виду, что население Вероны в 1425 г. находилось на самой нижней точке, а к 1502 г. оно утроилось, в основном за счет увеличения рождаемости в бедных семьях. Таким образом, выправление возрастной структуры к 1502 г. было связано с улучшением экономических условий. В то же время она сама содержит необходимый потенциал для движения населения в позитивную сторону. В 1502 г. снижается средний возраст брака для мужчин и разница в возрасте между супругами, увеличивается фертильность. Остается ждать вступления новой, расширенной группы детских возрастов в репродуктивный период.

“ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ” И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС XIV–XV ВЕКОВ

Губительная эпидемия чумы в 1348–1350 гг., названная народами погрясенной Европы Великим Мором или Черной Смертью, была самой грандиозной эпидемической катастрофой средневековой эры, а, возможно, и всей истории человечества до наших дней. По всеобщности охвата этому событию нет равных: для миллионов людей всех этносов и сословий оно стало фактом их личной жизни – или смерти. Великий Мор за три года триумфального шествия по Западной Европе опустошил ее, унес в небытие каждого третьего, около 25 млн человеческих жизней.

Одни жертвы эпидемий чувствовали сильную боль в груди, у них появлялись твердые опухоли – бубоны в паху или подмышками; других рвало кровью, лихорадило, начинался бред. Иногда человек, прекрасно чувствовавший себя утром, к сумеркам уже был мертв, его собратьям по несчастью предстояло три-четыре дня страданий. Болезнь протекала главным образом в двух формах, из которых самой страшной и смертельной была бубонная чума, а самой заразной – легочная, или черная.

Чума предположительно пришла в Европу из пустыни Гоби в Центральной Азии. По торговым путям через Ближний Восток она проникла в крупнейшие порты Италии. В октябре 1347 г. генуэзская торговая флотилия прибыла в гавань Мессины с экипажем, который состоял из мертвых и умирающих. Крысы – носители вируса (со своими блохами – его переносчиками) разбежались с кораблей по всему городу. В течение нескольких дней эпидемия охватила Мессину и ее сельскую округу, а через месяц – всю Сицилию. В городах, отличавшихся антисанитарией и кишевших крысами, смертность достигала 50 и даже 60%.

Венецианские галеры из Каффы принесли чуму на родину в конце 1347 г. Несмотря на установленный карантин, за полтора года, начиная с декабря 1347 г., богатейший город Европы потерял 60% своего населения, во время самой сильной вспышки болезни зимой и весной 1348 г. специальные суда отвозили для захоронения на отведенный для этой цели остров в лагуне по 600 трупов ежедневно.

К декабрю 1347 г. Черная Смерть через десятки портов распространилась на Южную Италию. В Центральную и Северную Италию она проникла главным образом через порты Пизы и Генуи; оба города потеряли 30–40% своих жителей. С городов плотно заселенной и урбанизированной Тосканы она сняла, пожалуй, самую большую свою жатву: от 40 до 50% населения в средних и крупных городах (в Сиене, возможно, более половины). По сообщению хронистов, в Пизе и Орвието летом 1348 г. ежедневно гибли от чумы по 500 человек. Город-гигант Флоренция уже в первые полгода – весной и летом – потерял треть населения, а всего Черная Смерть, по разным оценкам, унесла жизни от 50 до 70% его жителей. Из крупных городов Италии меньше всех пострадал Милан (около 33%), а больше всех, вероятно, Болонья (около 66%).

В январе 1348 г. чума появилась и в главном французском порту – Марселе. Здесь смертность от легочной формы достигла 50–60%. Из Марселя эпидемия распространилась на запад через порты Лангедока в

Испанию, где уничтожила от 30 до 40% населения Барселоны и Валенсии, на север до папской резиденции – Авиньона, где в разгар эпидемии умирало по 400 человек в день, и смертность превысила 50%. Весной-летом инфекция проникла в Монпелье, Нарбонну, Каркассон, Тулузу, Бордо – уровень смертности там оценивается в среднем от 40 до 50%. В закрытых учреждениях, таких как монастыри, приюты, тюрьмы, и заболевание одного обитателя могло разом решить судьбы всех остальных: так случилось, например, в конвентах францисканцев Марселя и Каркассона, где в живых не осталось никого.

Вскоре настал черед Бордо, Лиона, Парижа. В ноябре–декабре в столице Франции ежедневно умирало 800 человек, эпидемия продолжилась и в следующем году; в итоге ушло из жизни 50 тысяч человек, или половина парижан. Для двух крупнейших городов Нормандии – Руана и Кана – смертность определяется в 40–50%.

Из Северной Франции Черная Смерть перенеслась во Фландрию и Нидерланды, а через Ла-Манш – на Британские острова. Относительно низкие показатели смертности в Генте, Брюгге, Ипре, Брюсселе, Антверпене – около 20–25%, что лишь немногим выше, чем во время Великого Голода – остаются пока загадкой.

Гасконские суда привезли чуму в Юго-Западную Англию в августе 1348 г. В Бристоле чума особенно свирепствовала весной 1349 г., а осенью начала ослабевать: смертность составила 35–40%. Это был средний уровень по стране: в Линкольне – тоже более 35%, в Йорке – более 40%, в Норидже – около 45%, в Уинчестере – около 50%. В Лондон Черная Смерть пришла в сентябре 1348 г. сразу с трех сторон: с запада из Бристоля, с юга из Саутгемптона и с кораблей по Темзе. Разгар эпидемии наступил летом 1349 г.: ежедневные потери составляли в среднем 290 человек. Смерть продолжала косить людей до поздней весны 1350 г., результаты ее работы историки оценивают по-разному – от 35 до 50%.

Из Англии путь лежал в Шотландию и Ирландию, а также в крупнейший норвежский порт Берген, затем из Норвегии в Швецию, Данию, Исландию. В редко заселенной Скандинавии смертность оказалась неожиданно высокой: в Швеции около 42%, а в некоторых районах – более 50%. Некоторые специалисты объясняют это осложненным течением легочной формы чумы в холодном климате.

В Германии чума появилась, перейдя через Альпы из Италии и переправившись по Рейну из Нидерландов и Франции. Смертность здесь варьировала в широких пределах от 10% в “благополучном” Нюрнберге, с его уникальной для средневекового города санитарно-гигиенической службой, до 65% в Бремене.

Повсюду городские власти пытались бороться с эпидемией, не зная способов ее распространения и опираясь на средневековые представления о заражении через “испорченный воздух”. Во многих городах первоочередное значение придавали карантинным мерам, порядку захоронения трупов и уничтожения вещей и одежды погибших. Все магистраты ужесточали в период эпидемии контроль над соблюдением традиционного санитарного законодательства. В Пистойю, Лукку, Пизу, Венецию был запрещен въезд из мест, где более всего свирепствовала Черная

смерть, а также импорт товаров и продовольствия из этих районов. В Венеции особая комиссия нанимала людей на специальные суда для транспортировки трупов на острова в лагуне, минимальная глубина захоронений устанавливалась на уровне 175 см от поверхности земли. В Пистойе горожанам запрещалось входить в дома, где были жертвы эпидемии, и собираться в похоронные процессии. В каждом районе города были наняты по 16 человек, чтобы перевозить умерших из домов в церковь для последующего погребения. Совершенно драконовские меры были приняты в Милане, где первые дома, в которых была обнаружена чума, обнесли глухой стеной, замуровав в этом общем склепе всех их обитателей – здоровых людей вместе с больными и умирающими.

Но все эти меры имели очень низкую эффективность. Пожалуй, более надежным средством спасения было резкое ограничение контактов или отсутствие из охваченного эпидемией города в сельскую местность, как произошло, в частности, молодые патриции из “Декамерона” Боккаччо. У бедняков, однако, такого выхода не было. И хотя возбудители болезни не различали бедного и богатого, тем не менее не приходится сомневаться, что огромные масштабы смертности от чумы были во многом подготовлены предшествовавшими голодными годами, эндемическими заболеваниями и физическим истощением малоимущих слоев населения.

Черная Смерть завершила свой поход по Европе в 1351 г., нанеся по городам свой наиболее сокрушительный удар. Демографическая ситуация, однако, еще более осложнялась тем, что этот удар был не последним, хотя конечно, самым неожиданным и мощным.

На протяжении последующих полутора веков периодически повторяющиеся эпидемии купировали демографический рост во всех регионах Западной Европы. В городах они случались чаще, чем в сельских областях, и давали более высокие показатели смертности. И это была не только настоящая чума. Под этим общим страшным именем в средневековых источниках XIV–XV вв. фигурировали и другие эпидемические болезни: оспа, дизентерия, инфлюэнца, сыпной тиф. Нередко эпидемии имели комбинированный или перемежающийся характер. В XIV в. эпидемии оспы и инфлюэнцы случались раз в 25–30 лет, пандемии инфлюэнцы – в 1323 и 1367 гг. В отличие от чумы, смертность при оспе и инфлюэнце была дифференцированной по возрастам: оспа выкашивала поколение, родившееся после ее предшествовавшего визита и поэтому не приобретшее иммунитета, а инфлюэнца забирала жизни только очень старых, очень юных и физически ослабленных. Во второй половине XV в. бубонная чума посещала крупные города каждые 15–20 лет, а в XV в. некоторые из них – например, Венецию и Флоренцию – каждое десятилетие. В 1477–1480 гг. к эпидемии чумы присоединился и сыпной тиф.

Следующая после Черной Смерти эпидемия 1361–1363 гг. получила названия “вторая чума”, или “детский мор”. Она была второй и по уровню смертности в городах – около 20%. В последующих волнах с 1369 по 1479 гг. смертность обычно не превышала 15% (за исключением эпидемии 1400 г. в городах Тосканы – 20% и эпидемий 1438–1439 гг. в городах Англии – до 30%). Эпидемия 1400 г. унесла ог-

ромное число детей: 70% всех погибших в итальянских городах приходилось на эту возрастную группу.

“Детский мор” свел на нет тот относительный прирост, который был достигнут за счет брачности и рождаемости через несколько лет после Черной Смерти. Повторные и более частые эпидемии (по 2–3 и даже 4 на следующие друг за другом поколения) не давали никакой возможности восстановить равновесие и выйти из кризиса.

В большинстве регионов Европы во второй половине XV в. произошло не менее пятнадцати крупных эпидемий. Только за период между 1414 и 1439 гг. Париж столкнулся с ними 8 раз, Барселона между 1396 и 1437 гг. – 11 раз, Перуджа в течение XV в. – 19 раз, Гамбург, Нюрнберг и Кёльн – по 10 раз. Демографический спад шел с ускорением, с 1380 и его темпы немного замедлились, однако, низшая точка (в среднем 40% от численности населения до эпидемического периода) была пройдена только в середине XV в. Конечно, были немалые региональные различия. Так, во Флоренции после восьми эпидемий чумы в 1427 г. численность населения составила всего 27% от той, что была перед Черной Смертью. Примерно с 1440 г. начинается некоторая стабилизация, а затем рост возобновляется, но с очень низкого старта и с меньшей силой.

К 1500 г., по имеющимся – весьма гипотетическим – оценкам, доля городского населения в Западной Европе составляла около 16%.

ГОРОДСКАЯ ИММИГРАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Статистический анализ дошедших до нас переписей населения отдельных городов и областей показывает, что города обычно имели более высокий коэффициент смертности и более низкие коэффициенты брачности и рождаемости, чем сельские районы. Все эти показатели и прежде всего высокий уровень смертности, связанный с неблагоприятными условиями жизни, свидетельствуют о том, что практически ни один город не мог поддерживать численность своего населения за счет внутренних ресурсов и, следовательно, зависел от притока новых жителей из сельской округи, где темпы воспроизводства населения были гораздо выше. Постоянная иммиграция из деревни, которая была одним из важнейших факторов возникновения городов, продолжала обеспечивать воспроизводство городского населения в течение всего Средневековья. В целом, масштабы миграционных потоков показывают, что, несмотря на все ее минусы, городская жизнь имела относительную привлекательность для многих людей.

Для роста городов между X и XIII в. был необходим продолжительный и интенсивный приток населения извне. Главным источником роста населения средневековых городов в этот период была иммиграция крестьян из ближайшей округи, стимулировавшаяся перенаселением деревни и обезземелением части крестьянства, а также выделением из его среды сельских ремесленников и торговцев, перебивавшихся в бурно развивающиеся города. Этот процесс характеризовался не только значительными региональными особенностями, но и определенной ритмич-

ностью. Неравномерной миграцией крестьянства отчасти объясняются очень большие колебания городского населения в течение всего периода. Сеньоры, основывающие города и стремившиеся привлечь в них жителей, всячески поощряли иммиграцию, издавая специальные грамоты, предоставлявшие переселенцам различные льготы и привилегии.

Демографический подъем старых и новых городов в XI–XIII вв. по всей Европе обеспечивался активной иммиграцией крестьян из деревень, находившихся обычно в радиусе 30 км от города. За счет них происходит главным образом рост численности малоимущих горожан. В конце XII–XIII в. с увеличением мощности миграционного движения, направленного в город, в него вовлекается не только сельская беднота, но и выходцы из более состоятельных и профессионально ориентированных групп населения, склонных к дальней миграции. Расстояние, которое мигранты были готовы преодолеть до того или иного города, отражало сложившееся представление о значении последнего и об открывавшихся в нем жизненных перспективах.

Новопришельцы нередко сохраняли в своих личных прозвищах название своей родной деревни, что дало возможность ученым определить глубину миграционных потоков. Так, на основании изучения личных имен жителей французских городов до Черной Смерти были установлены три модели распределения миграционных потоков. В небольшие городки, например, в Монбрисон в середине XIII в., примерно 40% иммигрантов приходили из десятикилометровой зоны, столько же – из зоны с радиусом от 10 до 20 км, и лишь около 20% – из более отдаленных населенных пунктов. Во второй половине XIII – начале XIV в. около 80% новопришельцев происходили из деревень тридцатикилометровой зоны, причем места происхождения почти двух третей мигрантов, ставших горожанами в 1300–1349 гг., находились уже на расстоянии до 40 км от города.

Города с населением около 10 тысяч человек – например, Аррас, Мец, Реймс – притягивали в XIII в. основную массу своих новых жителей из области радиусом в 40 км. 35% граждан Реймса в 1304–1328 гг. происходили из деревень, располагавшихся на расстоянии более 30 км от города. Лишь очень незначительная часть новоприбывших граждан Амьена, Тулузы, Бордо и других городов преодолевала расстояние в 100 км и более, а большинство – от 2/3 до 3/4 – иммигрировало из ближайших населенных пунктов, лежавших в пределах одного дня пути от города. Эти люди, естественно, могли с легкостью перемещаться между городом и родной деревней по хорошо знакомой им дороге и поддерживать регулярные контакты с родственниками и бывшими соседями, оставшимися дома.

Иной характер имеет распределение иммиграционных потоков в Ла-Рошель, крупный торговый портовый город, который согласно списку горожан 1224 г. в период экономического подъема рекрутировал своих жителей из большей части Франции, включая Фландрию, Нормандию, Бретань, а также из Италии, Испании и Англии.

Эти и аналогичные исследования поставили, в частности, под сомнение давно укоренившийся в историографии стереотип иммигранта: вчерашнего крестьянина, пустившегося в бег без ведома и согласия своего

сеньора. Они также показали, что с ростом города он становился центром притяжения для все более расширявшейся округи.

Антропонимический анализ позволил историкам определить направления и состав городской иммиграции и в других регионах Европы. Однако этот метод имеет существенное ограничение: предположительно именно в середине XIV в. “говорящие” личные прозвища сменяются унаследованными фамилиями, и, соответственно, круг источников, дающих достоверную информацию об иммигрантах, значительно сужается и ограничивается – для дальнейшего периода – книгами новых бюргеров и другими аналогичными материалами, содержащими непосредственные указания на места происхождения лиц, получавших права горожан. Кроме того, к сожалению, как и во многих других случаях, средневековые документы не дают равномерной картины по всем социальным группам, поскольку как списки налогоплательщиков, так и нотариальные акты игнорируют бедных, неимущих иммигрантов, и таким образом, в действительности фиксируют лишь состоятельных пришельцев, мотивы иммиграции которых были несомненно более амбициозными, отличными от мотивов тех, кто искал в городе средства пропитания.

Главным образом именно по таким источникам были определены основные направления и расстояния миграции в английские города в XIII–XIV вв. Выяснилось, в частности, что больше половины иммигрантов в административные центры графств, такие, как Йорк, Норидж, Лестер, происходили из мест, находившихся в радиусе 30 км от города, для Уинчестера и Бристоля – соответственно 35 и 32%, а примерно половина иммигрантов прибыла из округи около 65 км. Лондон далеко превосходил все остальные города Англии: его источники иммиграции располагались достаточно равномерно вплоть до зоны радиусом около 100 км. Более 20% его новых горожан происходили из миграционной зоны примерно в 30 км, еще около 27% – в 65 км, 18% – около 100 км, 7% – около 130 км и более 11% – в 160 км. Очевидным объяснением этого факта является столичная роль Лондона, как в политическом, так и в экономическом разрезе. При этом доля иммигрантов – выходцев из Восточной Англии и Восточного Мидленда – была столь велика, что в конечном счете определила сам характер лондонского диалекта. Преобладание этой зоны было определено тесными торговыми связями, дающими выход на межрегиональный и международный рынок шерсти и сукна.

Резкое снижение численности городского населения в XIV–XV вв. сопровождалось его непрерывным обновлением вследствие иммиграции из сельской округи. Несмотря на то, что вследствие высокой смертности от эпидемий в течение XIV–XV вв. во многих крупных городах не только не наблюдается рост населения, но, наоборот, происходит его сокращение, наплыв населения из деревень в города (а в XV в. и переселение из мелких городов в крупные) был весьма значительным.

В годы эпидемий города, как правило, широко открывали свои ворота перед иммигрантами. Если в десятилетия, предшествовавшие Черной Смерти, в списках бюргеров Любека ежегодно появлялось в среднем 175 новых имен, то в 1350 г. – год чумы – только за пять месяцев – 196 и еще 422 за 1351 г., а в последующие годы их средняя норма вновь

сократилась до 200 человек. В течение нескольких лет после эпидемии чумы население Любека обновилось на 13%.

Потребность в восстановлении демографического равновесия сняла ограничения на иммиграцию в город и там, где они существовали. Об этом свидетельствуют документы о приобретении статуса горожан Гента и Ипра. В этих городах, несмотря на попытки воспрепятствовать переселению из деревни ремесленников, занятых в текстильной промышленности, наблюдалась широкомасштабная иммиграция, которая составляла во второй половине XIV в. в Ипре до 113 человек в среднем ежегодно.

В XIV в. население Арля обновлялось в среднем на 13% в десятилетие. В XV в. степень обновления арлезианского населения достигала 14% в десятилетие.

В конце XIV – начале XV в. перемещение населения из сельской округи в города нередко приводило к массовому запустению и даже исчезновению деревень: так, в 1471 г. в округе Экса было покинуто около половины всех деревень.

Во Франкфурте-на-Майне среднее число новых граждан в период с 1430 по 1500 г. увеличилось по сравнению с периодом с 1351 по 1400 г. более чем втрое и составило около 90 человек в год.

В процессе иммиграции в германских городах к западу и к востоку от Эльбы обозначаются резкие контрасты: в западных областях иммигранты прибывали в города главным образом из соседних районов (в Дортмунде в XIV в. – 88%, во Франкфурте в XV в. – 77%), в то время как население северо-восточных городов пополнялось в большей мере из дальних западных областей (в Любеке в XIV в. около 40% иммигрантов составляли выходцы из Нижней Саксонии и Вестфалии и лишь 12% – из Мекленбурга и т.д.).

Специальное исследование бюргерских книг ганзейских городов XIV–XV вв. показало, что после массовых эпидемий в течение нескольких лет происходило почти полное обновление состава населения за счет иммиграционного потока, который резко усилился в конце XIV и в первой половине XV в., в последующие годы замедлился, а в некоторых местах и сильно сократился и вновь наращивал силу после больших эпидемий и в периоды войн. Иммиграционный поток в ганзейские города исходил как из близлежащей округи, так и из отдаленных внутренних областей и в целом был ориентирован с запада на восток, причем часто протекал поэтапно: на промежуточных стадиях переселенцы из сельской местности оседали на короткое время в близлежащем малом городе, а затем уже мигрировали дальше – в крупный торговый центр. Чем сильнее город был втянут в систему дальней торговли, тем выше было число переселенцев из наиболее отдаленных внутренних областей и тем выше их социальный статус.

Впрочем, это последнее явление было характерно и для других регионов Европы. Практически повсеместно состав иммигрантов и границы иммиграционной зоны изменяются со временем и в зависимости от места того или иного города в региональной городской иерархии.

Уже на стадии возникновения и первоначального роста, когда новыми переселенцами были главным образом крестьяне – жители ближай-

шей округи, из более отдаленных мест прибывали купцы и ремесленники. Число таких дальних мигрантов из переживавших экономический застой малых и даже средних городов, в том числе и странствующих подмастерьев, увеличивается со временем, особенно в XIV–XV вв., когда избыточность населения ближайшей округи идет как раз на убыль. В результате их доля среди иммигрантов значительно возрастает. Так, около 650 подмастерьев поселилось в Констанце между 1489 и 1501 гг., и большинство из них жили до этого в городах, а 72% членов купеческой ассоциации Кёльна иммигрировали из других городов, причем 56% происходили из отдаленных мест, находящихся за пределами рейнской области.

Дальняя иммиграция в основном поставляла богатых купцов, представителей ремесленной аристократии, лиц свободных профессий. Безусловно, межгородская миграция была подвержена таким факторам, как различия в уровне материальных условий жизни или войны и междоусобные конфликты в регионе. Вместе с тем, видимо, важнейшим фактором в миграции купцов и высококвалифицированных ремесленников была ориентация на поиск наиболее благоприятных условий для социального продвижения. Эта добротная миграция тех, кто надеялся на жизненный и профессиональный успех, на повышение общественного статуса, была весьма отлична от вынужденного перемещения безземельной и безработной бедноты, которая и создавала массовые миграционные потоки в XIV–XV вв.

Для иммигрантской верхушки, в частности, совершенно по-иному стояла задача укоренения в городской среде. В олигархических кругах многих городов быстро происходило слияние недавних состоятельных пришельцев с местной элитой, что существенно облегчалось вымиранием и исчезновением старинных городских фамилий, особенно со второй половины XIV – начала XV в.

Говоря об обновлении и изменении состава городского населения за счет пришлых элементов, следует иметь в виду обманчивый характер абсолютных цифр, отражающих численность новоявленных горожан. Сами по себе масштабы иммиграции не гарантировали адекватного восполнения городской популяции, которая продолжала подвергаться регулярно атакам эпидемических заболеваний и перепадам экономической конъюнктуры.

Непосредственно связан с проблемой миграций и вопрос о соотношении различных этнических элементов в среде городского населения. Относительно массовая дальняя иммиграция могла заметно изменить этнический состав горожан. Такие изменения, в частности, отмечаются в городах Прованса в XIV–XV вв. Так, значительно изменилась – до 60% – доля иммиграции, резко сократился ее средиземноморский элемент и значительно возросла – до 75% – доля дальней иммиграции. В ставшем папской резиденцией Авиньоне уже в XIV в. основная роль принадлежала дальней иммиграции: от 55 до 65%. Потоки иммигрантов направлялись из Савойи, Северной, Западной и Юго-Западной Франции, Италии, Германии, Фландрии. Вследствие усиленного притока населения в сжатые сроки разнообразные этнические элементы авиньонской иммиграции не растворялись в городской среде, а напротив, кристаллизовались в

общины по принципу землячества и сохранили длительную обособленность в виде деления авиньонцев на три “нации”: итальянцев, альпийцев и коренных жителей. Несмотря на всю исключительность положения нанского Авиньона, аналогичная ситуация складывалась и во многих других крупных городах – практически повсюду.

В земляческие общины объединялось многочисленное непостоянное население городов, в основном приезжие купцы и студенты. Таким образом, это было характерно для крупных портовых и университетских городов, где всегда было много иностранцев.

Чужеземцы составляли важную часть населения английских городов. В Лондоне проживали купеческие семьи германского, французского, фламандского и еврейского происхождения. До XII в. закон ограничивал срок пребывания иностранных купцов в Лондоне сорока днями. Исключение делалось для датчан и норвежцев, которые могли оставаться здесь в течение года. Подобные законы действовали и в других городах Англии. В XII–XIII вв. в Лондон переместилась значительная часть итальянской иммиграции. Эти иммигранты обживались на новом месте, сшивались с верхушкой английского городского общества. Лишь в конце XIII – начале XIV в. рост английского купечества изменил этнический состав бюргерской верхушки. Но одновременно в лондонских предместьях в XIII–XV вв. осело много ремесленников – иммигрантов из Франции, Фландрии, Италии, Германии.

Колонии иноземных купцов в крупных торговых городах вносили дополнительное разнообразие в этносоциальную структуру их населения. Особый интерес с этой точки зрения представляют ганзейские форпосты в Северной Европе. В торговле Скандинавии ганзейские купцы начинают занимать все более заметное место с середины XIII в. Муниципальные советы крупных шведских и датских городов в XIV в. наполовину состояли из немцев. Немцы, в большом числе оседавшие в приморских шведских городах, относились к наиболее зажиточным слоям населения: купеческой и чиновничьей верхушке, представителям художественных ремесел. Интересно, что в составе крупнейшей гильдии Стокгольма – гильдии св. Гертруды – шведские имена составляли лишь 40%, а среди ювелиров крупных приморских городов, связанных с ганзейской торговлей, подчас вообще встречались только немецкие имена. Массовое переселение немецких купцов и ремесленников в шведские города началось еще в XIII в. Многие из них жили в Швеции из поколения в поколение и породнились с местными жителями. Но и в XV в. большая часть немецких купцов и некоторая часть ремесленников в Швеции не порывала семейных и деловых связей с немецкими городами, они сохраняли там недвижимость, конторы, бюргерские права и нередко уезжали туда кончать свои дни. Их место занимали младшие отпрыски ганзейских купеческих домов, начинавшие свою карьеру в посреднической торговле.

Хотя абсолютная численность чужеземцев в западноевропейских городах никогда не была преобладающей, они естественно группировались в сплоченные группы и были заметны в городе. Они жили кучно, оказывали друг другу услуги в качестве доверенных лиц, душеприказчи-

ков, поручителей, свидетелей. Ремесленники-иммигранты из разных стран концентрировались главным образом в предместьях, подальше от надзора монопольных цехов, доступа в которые они, как правило, не имели. Иностранцы образовывали неформальные или полуформальные сообщества. Их взаимоотношения с местными горожанами были далеки от гармонии. Стремление иностранцев селиться отдельно, их непривычная и поэтому странная манера одеваться, их чуждая речь делали их очень заметными, подозрительными и уязвимыми. В кризисные моменты они становились трагически очевидными жертвами преследования, подспудные трения перерастали в серьезные конфликты и насилия на почве ксенофобии.

Наиболее показательна в этом отношении история еврейских общин, которые существовали во многих старых городах Западной Европы еще с римской эпохи. С началом оживления городской жизни в X–XI вв. еврейские ремесленники, купцы, ростовщики и менялы сразу же выступают на ее сцену.

Евреи, как правило, жили в специальных кварталах, более или менее четко отделенных от остального города. Их общины пользовались значительной автономией и особым статусом, не допускались к городским службам. Но были и исключения. В Монпелье в XII в. была довольно большая еврейская община, причем евреи жили и в самом городе, и в его предместьях. Земельную собственность в городе им иметь запрещалось, и они выступали в качестве съемщиков домов и других помещений. Они не платили городских податей, но ежегодно вносили сеньору города определенную сумму, которая раскладывалась на членов еврейской общины пропорционально имуществу каждого. В 1160 г. в Нарбонне жило не менее 300 еврейских семей, в Марселе – столько же, в Арле 200, в Монпелье от 200 до 300 семей.

В Вормсе в XIII в. евреи платили налоги, несли некоторые повинности: они имели возможность приобретать и передавать недвижимость на тех же основаниях, что и христиане.

До XIII в. неизвестно о каких-то формальных ограничениях профессиональной деятельности евреев. Тем не менее их роль в ремесленном производстве уменьшается уже начиная с XII в.: в организующиеся ремесленные цехи доступ им был закрыт. Главными занятиями евреев в европейской экономике стали, с одной стороны, мелочная торговля, а с другой – крупные денежные операции. Хотя большинство членов еврейских общин были бедными людьми, многие еврейские купцы и менялы нажили большие богатства. Короли и герцоги, князья и графы, епископы и аббаты оказывают им свое покровительство и обращаются за ссудами, а в обеспечение и погашение долга отдают им на откуп таможенные доходы, различные подати и т.п. Нередко государи и прелаты сами снабжали их деньгами, получая затем большую долю того ростовщического процента (20% и более), который позволялось брать у должников только свободным от ограничений христианской морали кредиторам.

Период активных погромов начался в эру крестовых походов (они сопровождали оба первых похода), когда накопившиеся в обществе внутренние противоречия были умело развернуты в русло борьбы против

северных в Палестине, а попутно – в буквальном смысле – вылились в расправу с еврейскими общинами Западной Европы. Структурно обусловленные предубежденности против чужаков, против иноверцев, ростовщиков наложились друг на друга и многократно усилились в обстановке социальной напряженности, способствующей обострению массовых фобий.

Однако, несмотря на спорадические преследования властей и всплески враждебности со стороны горожан во второй половине XI – первой половине XII в., еврейские общины в общем процветают до XIII в. Единственной страной, где евреи всегда жили спокойно и продолжали заниматься ремеслами, была Италия. Но по мере выдвижения на международную арену ломбардских фирм позиции еврейских банкиров по всей Европе и раньше всего, естественно, в самой Италии ослабевают. Их положение значительно ухудшается в XIII в., в связи с ростом религиозной нетерпимости и обвинениями евреев в ритуальных убийствах детей. Евреям запрещается строить новые синагоги, лечить христиан, нанимать слуг-христиан, заключать смешанные браки, продавать муку, хлеб, вино, масло, одежду, обувь христианам. В 1215 г. декретом папы Иннокентия III для них вводится обязательное ношение на одежде отличительного знака, обычно в форме колеса или круглой латки желтого цвета, как бы символизирующей монету, а позднее – шляпы с рогом, символизирующим дьявола. Усилиями церкви возрастает изоляция еврейских общин от окружающего христианского мира, их численность постепенно сокращается, богатство оскудевает. Начинается период хронических притеснений, принудительных крещений, проскрипций и конфискаций.

Уже в конце XIII в. евреи были изгнаны из Англии, в начале XIV в. из Франции. Изгнание евреев, сопровождавшееся погромами, было выгодно как их должникам, освобождавшимся таким путем от обязанности возвращать долги, так и королям и князьям, присваивавшим себе имущество убитых и изгнанных. Однако в целом юдофобия была одним из проявлений более общего неприятия чужаков, их непонятных нравов и обычаев, которое составляло характерную черту эпохи и которое обнаруживается везде в отношении иностранцев, а тем более иноверцев, в особенности во время массовых психологических стрессов, сопровождавших Черную Смерть и последующие катаклизмы “века эпидемий”. В середине XIV в. преследование со стороны соседей и власть имущих и вытеснение еврейских общин из городов становятся хроническими и отмечаются почти повсеместно. Враждебные действия в отношении евреев вспыхивали в городах в разгар эпидемии чумы. Несмотря на то, что церковь рассматривала ее как божью кару, потрясенному сознанию обывателя требовался более доступный для мщения виновник постигшего их бедствия и удобная, во всех отношениях чуждая им, жертва. Евреев обвиняли в отравлении колодцев и источников с целью “уничтожить всех христиан и захватить власть над всем миром”. Погромы начались весной 1348 г. в Нарбонне и Каркассоне, где евреев выволакивали из домов и сжигали на кострах. В Швейцарии взрыв антисемитизма перерос в геноцид. Кампания началась в сентябре 1348 г., когда городской совет Цюриха изгнал всех евреев из города.

Не помогла и изданная в то время папой Клементом булла, доказывавшая, что евреи, как и христиане, сами гибнут от чумы, и призывавшая духовенство взять их под свое покровительство. В Базеле в январе 1349 г. вся местная еврейская община, состоявшая из нескольких сотен человек, была собрана на рейнском островке и сожжена в специально сооруженном для этой цели деревянном доме. Был принят декрет, запрещающий евреям селиться в Базеле в течение двухсот лет. В Страсбурге городской совет, пытавшийся предотвратить расправу с местными евреями, был смещен и избран новый его состав, более расположенный слушать “глас народа”. В феврале 1349 г., еще до того, как Черная Смерть докатилась до города, две тысячи евреев Страсбурга были заживо сожжены на веренице разведенных в кладбищенской ограде костров. Весной и летом 1349 г. погромы еврейских общин усилились под влиянием движения флагеллантов, характерной чертой которого был дремучий антисемитизм. Эскалация насилия сопровождала приход процессии флагеллантов в город, независимо от того, началась ли в нем эпидемия или до него дошли только слухи о ее приближении. Одних слухов было достаточно в наэлектризованной атмосфере истерии и религиозного экстаза для начала массовых погромов. В марте 1349 г. была уничтожена крупная еврейская община во Франкфурте-на-Майне. В Майнце, где была крупнейшая и самая богатая еврейская община в Северной Европе, ее члены предприняли попытку самообороны. Будучи атакованы обезумевшей толпой, они вступили в схватку, в которой убили более двухсот нападавших. Но на следующий день, собрав по окрестностям подкрепление, погромщики уничтожили гетто и всех его обитателей, по имеющимся оценкам – около шести тысяч человек.

Погромы имели место в Антверпене, Брюсселе, Золингене, Штутгарте, Меммингене, Фрейбурге, Ульме, Айзенахе, Дрездене, Вормсе, Кёльне, Бадене, Эрфурте, Шпайере, Аугсбурге, Нюрнберге, Мюнхене, Кенигсберге, Регенсбурге и многих других городах. Из прирейнских областей погромы перекинулись в ганзейские города балтийского побережья вместе с Черной Смертью в конце 1349 г. Спаслись лишь немногие принявшие крещение и небольшие группы беженцев, получившие защиту и кров у некоторых князей. К концу эпидемии очень мало евреев осталось в Нидерландах и в германских землях. В 1351 г. было ликвидировано 60 крупных и около 150 более мелких еврейских общин и произведено более 350 массовых убийств. Оставшиеся в живых евреи из Германии мигрировали дальше на восток, в Польшу и на Русь. Однако небольшая часть из них впоследствии все-таки вернулась. Так, в 1365 г. в Эрфурте, где в 1349 г. было уничтожено 3 тысячи евреев, “восстановленная” община насчитывала 86 облагаемых налогом очагов и еще ряд бедных домохозяйств, не подлежащих налогообложению. Все же в Германии еврейские купцы до самого конца XIV в. проводят крупные кредитные операции, в том числе и с городскими властями: например, заем Франкфурту в 10 тысяч гульденов. Но в 1425 г. евреи окончательно изгоняются из Кёльна, затем из Зальцбурга, Эрфурта, Нюрнберга и других городов. Напротив, в Вормсе и Франкфурте им оказывалось покровительство, и здесь нашли приют многочисленные беженцы из Юго-За

падной Германии. Вместе с тем и здесь они постепенно исключаются из торговой деятельности, их имущественные права в отношении недвижимости существенно ограничиваются. Даже в сфере ростовщичества активность резко падает: теперь главную категорию должников составляют ремесленники, которые берут мелкие ссуды под заклад материала.

На Иберийском полуострове, где долгое время, несмотря на спорадические инциденты, многочисленные еврейские общины процветали, Черная Смерть также покончила с терпимостью. Несмотря на то, что короли Кастилии и Арагона быстро приняли ряд мер для защиты своих еврейских подданных, потребовалось два года, чтобы восстановить порядок, и к этому времени численность еврейских общин сократилась вчетверо. Тем не менее в 1474 г. их насчитывалось 305, и не только в городах, но и в селениях. В Испании вплоть до конца XV в. в руках еврейских откупщиков находился сбор податей и управление финансами (должность главного казначея). Из Испании и Сицилии евреи были изгнаны в 1492 г.

ЖЕНЩИНА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

Во многих европейских городах XIV–XV вв. женщин было на 20–30% больше, чем мужчин. Во Франкфурте в 1385 г. на каждую тысячу мужчин приходилось 1100 женщин. В Нюрнберге в 1449 г. на 1000 взрослых мужчин приходилось 1168 женщин. Флорентийские кадастры XV в. показывают различное соотношение полов в разных возрастных группах: мужчины преобладают в категории от 23 до 27 лет (результат резкого увеличения в этом возрасте женской смертности от родов и сопутствующих заболеваний), женщины – в категории от 13 до 17 лет (следствие более высокой иммиграции девушек из сельской округи) и после сорока лет, что предполагает большую продолжительность жизни у женщин, благополучно преодолевших опасности детородного периода.

Множество молодых девушек, крестьянских дочерей иммигрировали в город из ближних деревень. Их было больше, чем иммигрантов-мужчин, приходивших в город, как правило, издалека. Статистические данные свидетельствуют о большом числе одиноких женщин, что естественным образом проявлялось в фактах социальной жизни. Перевес женского населения наблюдался во всех слоях городского населения, но более всего – в низших. Неимущие вдовы и девушки-сироты проживали обыкновенно в семье своих близких или дальних родственников, где и занимались разными работами. Но немало вдов сами возглавляли домохозяйство. Так, во Флоренции в 1427 г. во главе 15,6% домохозяйств стояли женщины.

В состоятельные семьи нанимались в качестве домашней прислуги юные иммигрантки и бедные незамужние горожанки. К концу XV в. до 60% женщин, работавших за плату, попадало именно в эту категорию. В крупных домохозяйствах с многочисленным штатом слуг женщины обычно составляли более 60%.

Множество женщин и девушек работало в собственных или чужих ремесленных заведениях либо как наемные работницы, либо как само-

стоятельные предпринимательницы. Если данное ремесло было цеховым, то женщины могли принадлежать к цеху на тех же правах, как и мужчины; если же оно было нецеховым, то они не подвергались никаким ограничениям.

В течение совместной жизни жены ремесленников участвовали в производственной деятельности, помогая своим мужьям, а также присматривали за подмастерьями, учениками, наемными работниками и таким образом получали доступ к цеховым привилегиям. Домохозяйство ремесленников всегда прежде всего опиралось на трудовые ресурсы семьи (например, жены и дочери ткачей готовили пряжу и т.д.). Многие жены отвечали за реализацию продукции непосредственно из мастерской, на рынке, либо разнося ее по домам.

Городские документы XIII–XV вв. (Париж, Арль, Лондон и др.) свидетельствуют о самостоятельном членстве женщин (как замужних, так и вдов) в гильдиях, занимающихся розничной торговлей. Уплачивая за лицензию, они приобретали право на выбор места на рынке и на приобретение товара у оптовиков. Женщины торговали рыбой и пряностями на рынках Парижа и Гента. Интересно, что именно жены, а не их мужья, имели прилавки на гентском суконном рынке. По всей Европе женщины продавали изделия, вовсе не имевшие отношения к занятиям их мужей. Супруга лионского ювелира специализировалась на продаже вуалей, а жена кёльнского столяра продавала рыбу, масло и сыр.

В Средние века женщины практически участвовали во всех отраслях производства, соответствовавших их физическим силам. Они имели право учиться ремеслам в установленном порядке, работать в качестве помощниц и даже мастериц. В Париже в 1300 г. более 80 цехов из двух сот числили в своих рядах не только мастеров-мужчин, но и женщин. Из сорока цехов Кёльна в 1397 г. в двадцать восемь, специализировавшихся на обработке дерева, кожи, металлов (в том числе цех кузнецов) был открыт доступ женщинам. Документы многих других городов, таких, как Брюссель, Гент, Лондон, Бристоль, Саутгемптон, демонстрируют еще более широкое разнообразие занятий местных жительниц, которые были портными и пивоварами, медниками и свечниками, седельщиками и шорниками. В большинстве своем это были вдовы покойных мастеров. Лишь в XV в. происходит вытеснение женщин из ряда цеховых ремесел. Что касается нецеховых промыслов, то в них женский труд никогда, вероятно, не подвергался каким бы то ни было формальным ограничениям. Однако, в целом, женщины были, как правило, заняты в наименее престижных профессиях и получали более низкую заработную плату, чем мужчины.

Наконец, были такие ремесла, которые находились исключительно в руках женщин, например, двенадцать “женских” цехов в Париже (включая вышивальщиц, булавочниц, шляпниц, белошвеек), особые цехи шелкомотальщиц и шелкоткачих в Париже, Флоренции, Лондоне, Кёльне. “Книга ремесел” прево Парижа Этьена Буало (около 1276 г.) насчитывает семь “шелковых цехов”, три из которых принимали только женщин. Во Франкфурте, Майнце и других среднегерманских городах для

женщин в XIV в. была установлена незначительная приемная плата с целью облегчить им вступление в цех: например, во Франкфурте женщина, желавшая заниматься ремеслом, платила 30 шиллингов и ставила полчетверти вина, мужчина же, чтобы получить цеховые права, должен был уплатить 3 фунта и поставить четверть вина.

Самый легкий путь женщины к членству в цехе пролегал, как и у мужчин, через ученичество. Городские торговцы и ремесленники очень рано отдавали своих детей учиться ремеслу в другие семьи. Парижские девчонки и мальчишки XII–XIV вв. начинали свое ученичество в возрасте от восьми до десяти лет. В XIII в. девочки учились на шпильщиц в течение шести лет, в конце XIV в. на мотальщиц шелковых нитей – четыре года с 11-ти лет. Обычно девушки после окончания ученичества оставались работать у своей мастерицы до замужества. Их судьбы складывались по-разному: одним приходилось отсуживать полагающееся им жалованье, другие получали по завещаниям своих щедрых хозяек значительные средства, которые позволяли сразу начать свое собственное дело. Согласно эдикту Людовика IX, замужние парижанки могли сделать это лишь с согласия своего супруга, который также должен был представить их при судебных разбирательствах по гражданским делам.

Наконец, жены представителей городской элиты – членов крупных купеческих гильдий в Италии, Германии, Франции, Нидерландах нередко выступали как доверенные лица своих мужей, не только вели их обширные хозяйства, управляли поместьями, составляли отчеты, платили по долговым обязательствам, но иногда осуществляли крупные торговые сделки в их отсутствие: например, в XIV в. гентская горожанка Клара ван дер Понтен получила от своего мужа формальные полномочия на операции по закупке шерсти и продаже земли. Некоторые из этих женщин, овдовев, возглавляли семейное предприятие и добивались значительных успехов на деловом поприще, как например Мабилия Лекавелла, ставшая официальным поставщиком вина французскому королю, а также целый ряд купеческих вдов Гёнуи, Флоренции, Любека, Лондона и многих других городов.

Однако уже в XV в., в новой экономической ситуации возможности производственной активности горожанок начинают сокращаться: постепенно для них закрывается доступ как в новые, так и в старые цехи, которые теперь отдают предпочтение мужским родственникам перед вдовами и дочерьми покойных мастеров. Монополии “женских” цехов подрываются интенсивным использованием более дешевого наемного труда в сельских текстильных промыслах. После так называемых демократических революций XIV в., когда ремесленные и торговые корпорации захватили контроль над городским управлением, новое городское законодательство оформило исключение женщин из числа полноправных горожан. Одновременно представительницы богатых и привилегированных семейств в результате расширения королевской юрисдикции потеряли и без того ограниченные городским обычаем права на распоряжение своим имуществом (как приданым, так и вдовой частью).

Приданое и предполагаемая вдовья часть занимали важнейшее место в брачных контрактах, с которых начиналась супружеская жизнь большинства горожанок. На приданое копили деньги многочисленных служанки, в качестве приданого дочери городских ремесленников получали от родителей при замужестве свою часть наследства. В некоторых цехах, например, в английских ремесленных гильдиях XIV в., существовали кассы взаимопомощи – фонды, из которых мастера могли взять необходимую ссуду на приданое для своих дочерей. В 1425 г. во Флоренции был создан специальный фонд, в который отцы семейств вкладывали деньги на накопительные “свадебные” счета с момента рождения дочерей. Чем зажиточнее была семья невесты, тем большую роль в выборе брачного партнера и составлении контракта играли ее родители и другие родственники и, как правило, тем раньше этот брак заключался и больше была разница в возрасте будущих супругов. Богатые купеческо-патрицианские семьи использовали браки своих детей и внушительно-е приданое как инструмент упрочения своего финансового положения, расширения торговых операций и деловых связей, повышения социального статуса, создания и закрепления политических союзов.

Повторные браки были обычным явлением. Вдова получала в свою собственность половину общего имущества, которым она владела вместе со своим покойным мужем, и вдовьи права, предполагавшие пожизненное пользование, на половину оставшейся половины. Таким образом, вдова состоятельного человека имела хорошие шансы на брачном рынке, при этом ее финансовые интересы могли не совпадать с интересами ее детей. Эта проблема хорошо осознавалась. Вот почему родня была заинтересована в том, чтобы обеспечить интересы детей при повторном браке. В средневековом Генте супруги не могли передавать собственность друг другу без согласия своих наследников. Наследник мог дать согласие отложить раздел общей собственности, но сохраняя право на немедленный раздел в случае, если выживший родитель желал вступить в повторный брак. Аналогичные ограничения существовали и в других странах.

Развод средневековая церковь признавала только в случае, если обнаруживались препятствия к продолжению брака, а это случалось редко. Но реальная жизнь очень отличалась от того, что предписывалось церковным правом. Если супруги не могли ужиться друг с другом, у них было три варианта действий: продолжать ссориться или сожительство-вать с другими вне брака, что и делали многие, либо добиваться официальной сепарации через церковный суд и раздела имущества при утверждении городскими властями. Последнее было все же прерогативой высших слоев. Из 89 сепараций, зафиксированных в Брюсселе с 1448 по 1459 г., в качестве причины 14-ти была указана просто несовместимость, в 75-ти случаях несовместимость указывалась наряду с другими причинами, главным образом адюльтером, иногда жестоким обращением или импотенцией.

Уделом одиноких женщин, особенно тех, кто не имел каких-либо профессиональных навыков, была бедность. Немалое их число зарабатывало проституцией. Публичные женщины почти везде должны были

жить на определенных далеких улицах или в предместьях. “Женские дома” устраивались самим городом, а также сеньором или верховным сувереном (епископом Страсбурга в 1309 г., герцогом Альбрехтом IV в Вене в 1390 г. и т.д.) и представляли немаловажный источник доходов. Ими управляли особые городские чиновники. Эти заведения также сдавались в аренду частным предпринимателям, которые подчинялись известным предписаниям и находились под наблюдением городских властей. Представители ремесленных цехов и других профессиональных ассоциаций городов Южной Франции в XIV–XV вв. стремились получить монопольное право на управление местным борделем.

Публичные женщины создавали в городах свои собственные корпорации (например, в Париже, Женеве и др.). Обитательницы “женских домов” пользовались исключительным правом заниматься своим ремеслом; подобно тому, как цеховые мастера выступали против пещеховых, так и они боролись с незаконной конкуренцией “тайных” женщин, имевших свои углы в частных домах, и нередко расправлялись с ними самосудом. В Лейпциге публичные женщины составляли союз с собственным уставом, сами выбирали себе настоятельниц и ежегодно во время поста устраивали процессии. На общенародных празднествах, особенно во время княжеских приемов, они фигурировали рядом с другими корпорациями как особая группа. Им разрешалось присутствовать также на пиршествах и танцах, устраиваемых именитыми гражданами и магистратом.

Жизнь в “женских домах” регулировалась особыми статутами, которые защищали женщин от грубого обращения со стороны хозяев, обеспечивали им свободу передвижения, право посещения церкви и соблюдение праздников. Очень рано мы находим и санитарный надзор за ними. Так, в Ульме хозяин был обязан каждую неделю вносить по два гроша во вспомогательную кассу, в которую и сами женщины платили по грошу в неделю. Собранные деньги предназначались для поддержки больных или потерявших заработок обитательниц дома.

Однако с начала XV в. цехи и союзы подмастерьев запрещают своим членам сношения с публичными женщинами. Впоследствии к ним присоединяются муниципальные власти. Со временем публичным женщинам, как и некоторым другим категориям, все чаще начинают предписывать особое платье или другие знаки, чтобы легко было отличить их от честных женщин и чтобы можно было “обращаться с ними соответственно их достоинству”. Им запрещают появляться на танцах и свадьбах; в церкви им отделяют особые места; после смерти их не хоронят на общих кладбищах, а закапывают трупы на живодерне. XVI век прибавил еще выставление у позорного столба и публичное бичевание.

Существовали “божьи дома” для падших женщин, основанные на частных средствах или на деньги церкви. В 1302 г. один шпейерский гражданин устроил подобное учреждение, где публичным женщинам давались квартира, пища и платье. Известен “Союз кающихся сестер” в Страсбурге, основанный в 1309 г. Подобное же учреждение было основано в 1384 г. тремя венскими гражданами. Такие “божьи дома” существовали также в Италии и во Франции.

- Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. Л., 1987.
- Сванидзе А.А.* Средневековый город и рынок в Швеции: XIII–XV вв. М., 1980.
- Ястребицкая А.Л.* Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Средние века. 1988. Вып. 51.
- Boockmann H.* Die Stadt im späten Mittelalter. München, 1986.
- Britnell R.H.* Growth and Decline in Colchester: 1300–1525. Cambridge, 1986.
- Carmichael A.G.* Plague and the Poor in Renaissance Florence. Cambridge, 1986.
- Cohn S.K.* The Labouring Classes in Renaissance Florence. N.Y., 1980.
- Cohn S.K.* Death and Property in Siena: 1205–1800. Baltimore, 1988.
- Demographie urbaine (XVe–XXe siècle).* Lyon, 1977.
- Desportes P.* Reims et les Reimois aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1977. Т. 1–2.
- Dyer C.* Standards of Living in the Later Middle Ages. Cambridge, 1989.
- Ennen E.* The Medieval Town. Amsterdam etc., 1979.
- Geremek B.* The Margins of Society in Late medieval Paris. N.Y., 1985.
- Goldthwaite R.A.* Private Wealth in Renaissance Florence. Princeton, 1968.
- Gottfried R.S.* The Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe. L., 1983.
- Herlihy D.* Medieval and Renaissance Pistoia. New Haven; L., 1967.
- Herlihy D.* Medieval Households. Cambridge (Mass.), 1985.
- Herlihy D.* Pisa in the Early Renaissance: A Study of Urban Growth. New Haven, 1958.
- Herlihy D., Klapisch-Zuber C.* Tuscans and Their Families: A Study of the Florentine Catasto of 1427. New Haven; L., 1985.
- Hibbert C.* London: The Biography of a City. L., 1979.
- Hohenberg P., Lees L.* The Making of Urban Europe 1000–1950. Cambridge (Mass.), 1985.
- Hook J.* Siena: A City and Its History. L., 1979.
- Hyde J.K.* Padua in the Age of Dante. N.Y., 1966.
- Lavedan P., Hugueney J.* L'urbanisme au Moyen Age. P., 1974.
- Lorcin M.-T.* Société et cadre de vie en France, Angleterre et Bourgogne 1020–1250. P., 1985.
- Mols R.* Introduction a la demographie historique des villes d'Europe du XIVe au XVIIIe siecle. Louvain, 1955. Т. 1–2.
- Mundy S.H., Riesenberger P.* The Medieval Town. Huntington, 1979.
- Nicholas D.* Town and Countryside: Social, Economic and Political Tensions in Fourteenth-century Flanders. Bruges, 1971.
- Phythian-Adams C.* Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. Cambridge, 1979.
- Renaissance Venice* / Ed. by J.R. Hale. L., 1973.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe: 900–1300. Oxford, 1984.
- Reynolds S.* An Introduction to the History of English Medieval Towns. Oxford, 1977.
- The Rise and Decline of Urban Industries in Italy and in the Low Countries (Late Middle Ages–Early Modern Times)* / Ed. by H. Van der Wee. Leuven, 1988.
- Rorig F.* The Medieval Town. L., 1967.
- Rosser G.* Medieval Westminster: 1200–1540. Oxford, 1989.

- Russell J.C.* The Control of Late Ancient and Medieval Population. Philadelphia, 1985.
- Russell J.C.* Late Ancient and Medieval Population. Philadelphia, 1958.
- The Scottish Medieval Town / Ed. by M. Lynch et al. Edinburgh, 1988.
- Die Stadt des Mittelalters / Hg. von K. Haase. Darmstadt, 1975. Bd. 1–2.
- Swanson H.* Medieval Artisans: An Urban Class in Late Medieval England. Oxford; N.Y., 1989.
- Towns in Societies / Ed. by P. Abrams, E.A. Wrigley. L., 1978.
- Troedsson C.B.* The Growth of the Western City During the Middle Ages. Göteborg, 1959.
- Tuchman B.W.* Distant Mirror: The Calamitous XIVth Century. Harmondsworth, 1979.
- Uitz E.* Die Frau in der mittelalterlichen Stadt. Leipzig, 1988.
- Urban Life in the Renaissance / Ed. by S. Zimmerman, R.F.F. Weissman. N.Y. etc... 1989.
- Waley D.* Medieval Orvieto. Cambridge, 1982.
- Wolff P.* Commerce et marchands de Toulouse (1350–1450). P., 1954.

БРАК И СЕМЬЯ В ГОРОДЕ: ФЛОРЕНЦИЯ XIV–XV ВЕКОВ

Вопрос об эволюции семьи во Флоренции XIV–XV вв. не имеет однозначного ответа в исторических исследованиях. В этот период продолжали сохранять значение крупные семейные кланы – консортерии, внутри которых шли сложные процессы распада, дробления на отдельные ядра, и одновременно создавались новые объединения и группы по экономическим или политическим соображениям. На этом фоне сложно прийти к определенному заключению о поступательном обособлении малой семьи и увеличении ее роли в городской среде. Вместе с тем можно отметить факты, свидетельствующие о возрастании роли малой семьи, начинающейся с момента заключения брака.

Заключение брака являлось одним из самых ответственных поступков в жизни торгово-ремесленной среды Флоренции. Авторы писем, мемуаров и дневников не допускали критических замечаний в отношении брака и никогда не отказывались от брачного союза без достаточно веских обоснований. В принципе, вступление в брак являлось обязательной нормой в кругах зажиточных флорентийцев, занимающихся различными формами предпринимательства. Однако само это событие для мужчин откладывалось на второй период жизни: оптимальным возрастом для заключения законного брака считали время от 33 до 40 лет. Это был возраст возвращения в отечество после долгого пребывания за его пределами, в филиалах различных компаний, возраст, когда был приобретен деловой опыт и собственный капитал, на который закупалась недвижимость во Флоренции и за ее пределами, когда достигался определенный профессиональный и социальный статус в деловой среде и открывалась возможность занять ведущие должности в государственном

управлении. Именно в этом возрасте можно было рассчитывать на значительную сумму приданого и престижное родство. Возраст невест был низким: 12 лет считалось во Флоренции законной возрастной границей для вступления девушки в брак, а 14 лет – идеальным возрастом. Джованни Морелли наиболее подходящим возрастом для свадьбы дочерей считал 15 лет. По подсчетам Д. Херлихи, средняя разница в возрасте между мужьями и женами составляла в этом городе 13,5 лет. Вопрос о месте женитьбы был не менее ответственным, поскольку было принято (и) заводиться семьей обязательно во Флоренции, в источниках практически не встретилось упоминаний о случаях женитьбы в чужих странах. Зато большинство бастардов у флорентийцев рождалось за пределами Флоренции: во Франции, Бургундии, Испании и других странах.

Эти тенденции указывают на тесную связь брака с деловой или политической карьерой и заставляют думать, что решающую роль в matrimonioальных вопросах играли именно эти соображения. Среди них явно доминировала проблема приданого, являющаяся актуальной для всех семей в любой период времени: не случайно побывавшие во Флоренции иностранцы отмечали, что “флорентийцы торгуют дочерьми, как штуками сукна”. В первой половине XIV в. максимальная сумма приданого составляла от 600 до 1000 флоринов. Маттео Корсини считал свой брак очень счастливым, поскольку юная невеста (ей было 16 лет, а мужу – 40, когда они вступили в брак) принесла 600 флоринов приданого и затем произвела на свет много детей, в том числе и сыновей. Приданое, оцениваемое в 1000 флоринов, фигурировало в брачных контрактах девиц из дома Перуцци, которые считались самой богатой семьей в городе до 40-х годов XIV в. В середине XV в. монна Алессандра Строцци сетовала, что приданое в 1000 флоринов (именно столько она давала за своими дочерьми) считается приличным лишь для бедных ремесленников, а более знатный и почтенный жених затребует 1400–1500 флоринов – “это станет нашим разорением, и девушке не принесет ни пользы, ни чести, ибо свекор и свекровь все равно будут ее упрекать, что она не равня им”. В конце XV в. эта ситуация еще более обострилась. Вокруг суммы приданого обычно велись долгие (до 6 лет) споры и происходили судебные тяжбы. Величина приданого тщательно фиксировалась во всех свадебных контрактах и публично регистрировалась нотариусом в присутствии многочисленных свидетелей в доме, на площади или на церковной паперти (*sposalizio* или *mogliazzo*). Тогда же жених и невеста могли впервые увидеть друг друга и обменяться кольцами, а их отцы, скрепляя клятву, обменивались рукопожатием (*impalmare*), после чего чета считалась связанной друг с другом нерасторжимо. Разрыв помолвки, тем не менее, мог иметь место. В 1215 г., после того, как жених из дома Буондельмонте отказался от невесты, происходящей из рода Адимари, консорты невесты сочли, что смыть такую обиду можно только кровью, и убили бывшего жениха в день его свадьбы с другой женщиной. Во второй половине XIV в. отец невесты вернул кольцо Джованни Морелли, найдя более выгодного жениха, и, несмотря на то, что Джованни испытал унижение и позор, он не воспринял этот случай как нечто из ряда вон выходящее. Возможно, по мере изживания тра-

ний консортерии разрыв помолвки перестал иметь следствием обязательную вендетту.

Джироламо Савонарола неоднократно обращался в своих проповедях к проблеме приданого, требуя ее отрегулировать, ибо “часто беднеют дома и семьи от чрезмерных размеров приданого” Его последователь Доминико Чекки решительно призывал для нормального функционирования флорентийской экономики ограничить суммы приданого: для членов старших цехов – не более 500 флоринов, для средних – не более 300, для прочих флорентийцев – не более 100, а для жителей contado – 50 флоринов. “И под угрозой тяжелого наказания никто не должен предлагать или требовать больше” Как представлялось реформаторам, ограничение размера приданого позволило бы избежать крайне неблагоприятных ситуаций в семье: содержание старых дев в доме отца и помещение молодых девушек в монастырь по необходимости. Кроме того, это не подрывало бы основной семейный капитал, не изымало его из производительной сферы семьи. Проблема была столь значительна, что потребовала решения в государственном масштабе, что привело к созданию в 1425 г. во Флоренции “Банка приданых” (Monte delle doti), руководимого специальными должностными лицами Коммуны. Туда вносили вклады, обеспечивающие дочерей к свадьбе необходимой суммой из расчета от 3% до 7% годовых на срок от 6 до 15 лет в зависимости от возраста девушки; при вкладе 800 флоринов через 10–12 лет получали 1200 флоринов.

В сознании представителей купеческой среды практические выгоды женитьбы и соображения о приданом явно доминировали над влечениями сердца, даже к личности супруги не проявлялось особого интереса. Купец Грегорио Дати женился четырежды, всякий раз деловито констатируя дату свадьбы, имя жены, количество рожденных ею детей и дату ее смерти, добавляя лишь трафаретную формулу о ее достоинствах. Рассуждениям о размерах приданого консул шелкового цеха отводил гораздо больше места в своей “Секретной книге” Сугубо практический подход к браку, очень одобряемый будущей тещей, проявлял второй зять монны Алессандры Строцци, который не изъявил никакого желания познакомиться с невестой до свадьбы, но зато вел весьма обстоятельные переговоры относительно размеров приданого, методично добываясь 1200 флоринов вместо обещанных ему 1000 флоринов.

Помимо надежды на приданое, важным побудительным моментом для вступления в брак являлось стремление к повышению социально-политического статуса за счет нового родства, и в этом случае интерес к предстоящему браку проявляла вся консортерия, к которой принадлежали жених или невеста. Джованни Морелли заявлял по этому поводу: “Прежде всего ищи родственников в своем приходе, добивайся того, чтобы они были богатыми купцами, происходили из старинного рода Флоренции, принадлежали к партии гвельфов, принимали участие в управлении и государственных делах” Когда отец невесты Джованни Морелли расторг их помолвку, оставленный жених страдал не только по причине отвергнутой любви (“я очень хотел именно эту женщину и долго тосковал по ней”); чувства отступали на второй план перед признаниями

другого рода: “Я имел намерение породниться с многими прекрасными и знатными людьми”

Однако во Флоренции понятие о престижном родстве не исчерпывалось только связью со знатым и старинным родом, входящем в слой приходящей олигархии, как в Венеции. Жених должен быть “опытен в делах, знать, как управлять богатством, хранить его и правильно помещать”, он должен быть “купцом, который сведущ в своем деле и известен, потому что именно среди них чаще всего встречаются люди, умеющие хорошо наживать богатство, правильно помещать его и разумно тратить”.

Таким образом, брак в этой среде становился средством накопления капитала и создания материального фундамента семьи, равно как средством социально-политического возвышения и проникновения в элитарные группы общества, что и вызывало столь серьезное и ответственное, бес всяких проявлений критики и нигилизма, к нему отношение. Брак представлялся несомненной ценностью всем авторам мемуаров и домашних хроник, отвергающим безбрачие по религиозным или каким-либо иным мотивам. Подлинным апологетом супружеской семьи выступал Джованни Морелли, высказывания которого А. Тененти вполне резонно сопоставлял с идеями трактата Леона Баттиста Альберти. Морелли сформулировал три основных принципа управления семьей: приращение или сохранение семейного достояния, приобретение политического престижа и доступа к государственной власти и, главное, – физическое продолжение рода, которого следует добиваться, производя на свет сыновей.

На этой третьей функции малой семьи хотелось бы остановиться более подробно и рассмотреть, в частности, ту роль, которую играли в семьях богатых купцов и ремесленников жена и дети. Богатые флорентийцы, занимающиеся торговлей и предпринимательством, были далеки от идеалов куртуазной любви и не одобряли стремления руководствоваться в отношениях с женщинами чувствами. “В любом случае постарайся, чтобы изъяснение нежных чувств обходилось тебе не более 2 флориннов в год”, – методично наставлял потомков Джованни Морелли. Признавая ценность брака по причинам, которые уже изложены, представители этой среды могли проявлять антифеминистские настроения, подчеркивая слабость и греховность женской природы, к которой они испытывали традиционную, освященную церковью подозрительность. Паоло да Чертальдо советовал при выборе жены проверять ее родословную чуть ли не до четвертого колена, такие же рекомендации давал Джованни Морелли. Их отношение к женщинам уподоблялось отношению к малым и неразумным детям, которые постоянно должны находиться под контролем и руководством. “Женщина пуста и склонна к переменам... Если у тебя в доме есть женщины, то держи их строго, в страхе и дрожи, всегда пристально следи за ними, устраивай их так, чтобы у них постоянно была в доме работа, и они не пребывали бы в праздности”. Джованни Морелли советовал вести себя по отношению к женщинам в доме, включая жену и дочерей, строго и сдержанно, “чтобы они не смели падать с воплями в кровать”, поскольку мужчину, как хозяина дома и управителя, крайне отрицательно характеризуют громкие домашние скандалы – “доводят его до лихорадки и смерти, не говоря уж о том, что де-

ляют его скучным и печальным в обществе и начисто отбивают у него охоту к делам". Главными женскими добродетелями в этой среде считались традиционные набожность, покорность и страх перед людской молвой. Флорентиец Донато Веллутти в середине XIV в. крайне отрицательно относился к любым попыткам женщин-вдов как-то проявлять свою самостоятельность, категорически требуя не допускать ситуации, чтобы дети после смерти отца оставались на попечении вдовы. Такие же советы давал и Паоло да Чертальдо, "даже если она (вдова) приходится детям матерью", дети считались принадлежностью семьи – консортерии отца и должны были оставаться на попечении его родственников-мужчин, а вдове возвращалось ее приданое и вдовья часть, с которыми она должна была вернуться в свой клан, к отцу или братьям. Джованни Морелли в начале XV в. уже допускал ситуацию, когда мать может остаться с детьми, поскольку изведаль горечь раннего сиротства, но со значительными оговорками: "Если женщина не очень умна, не обладает любящей душой, пуста, привержена к роскоши, имеет нуждающихся родственников, то пусть лучше она сразу вступит во второй брак".

Но еще в конце XIV в. стали обнаруживаться и другие оценки положения женщины в семье и обществе, которые говорят о возрастании роли малой семьи: в сознании купцов и банкиров возникают два женских образа, которые они не только оценивают позитивно, но даже превозносят. Это идеальная хозяйка дома, разделяющая с мужем его заботы и преуспевшая в умении экономить флорины, а также самоотверженная вдова, отказывающаяся от перспективы второго замужества ради воспитания детей, рожденных в первом браке. Примерные жены и идеальные хозяйки (Бартоломея Морелли – старшая сестра Джованни, монна Маргарита Датини – супруга Франческо Датини, монна Мариэтта Строцци, жена мессера Палла и др.) отличались, помимо прочих, миротворческими качествами, умением идти на компромисс, без команд, насилия и жестокости управлять большой семьей и слугами. Но особенно внимательно представители деловых горожан присматривались ко второй роли, учитывая остроту проблемы сиротства, обусловленную, во-первых, особенностями семейных отношений во Флоренции (отцы уходили из жизни гораздо раньше матерей, потому что были значительно старше их), во-вторых, волнами эпидемий, которые обрушивались одна за другой на город во второй половине XIV в. Джованни Морелли уже допускал возможность того, что в семье, оставшейся без отца, "следует постараться сохранить мать, так необходимую детям" Авторы же конца XV в. считали такую ситуацию весьма желательной. Проповедник-доминиканец Джованни Доминичи весьма одобрял свою духовную дочь Бартоломео Альберти за ее решение остаться с детьми после смерти мужа и отказаться от второго замужества, на котором настаивала ее семья. Несмотря на занятость, проповедник согласился написать для своей духовной дочери инструкцию по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, и в 1405 г. "Наставления в управлении семейными делами" были закончены и широко распространились в городских кругах.

Рассматривая отношение к женщинам со стороны деловых людей Флоренции, можно констатировать возрастание роли малой семьи не

только в деле накопления капитала, но и в процессе воспитания потомства, что обуславливало потребность в матери, которая могла бы выполнять функции главы семьи при отсутствии или смерти отца. Это не умаляло значения патриархального начала, поскольку именно через отца проходила передача сыновьям традиций и жизненного опыта.

Данные купеческих записок показывают, что в семьях богатых горожан испытывали сильные эмоции в отношении детей и заботились о их живании как сыновей, так и дочерей, что не согласуется с мнением, высказанным в свое время Ф. Ариесом. Но проявление эмоций и любви к детям отличалось своими особенностями. Представители рассматриваемой среды почти не проявляли скорби, если дети умирали в младенческом или раннем возрасте, до 2–3 лет, ограничиваясь в этом случае лишь стереотипной фразой о божьем промысле. Исключение в этом смысле составляли лишь первородные сыновья. Ранняя смертность детей была очень высока даже в богатых городских семьях: у Грегорио Дати из 20 рожденных детей в раннем возрасте умерло 14, у Джованни Морелли из 6 произведенных на свет сыновей до зрелого возраста дожил только один. При таких обстоятельствах можно согласиться с мнением Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер, что родители сознательно стремились избегать чрезмерных потрясений и скорби из-за частой смерти детей, поэтому среди зажиточных горожан распространился обычай найма кормилицы. Родительские чувства проявлялись, главным образом, в отношении сыновей и чаще всего спустя много лет после их рождения, когда они уже достигали зрелого возраста и появлялась надежда на то, что они продолжат род и приумножат семейное достояние. В этих случаях родители, в частности, отцы не скупились на проявление родительской любви и гордости за свое потомство. По отношению к дочерям заметна еще большая экономия родительских чувств, перерастающая в нескрываемую досаду, если их рождалось слишком много, что объясняется особенностями брачных отношений в этом городе.

С полной определенностью можно утверждать, что самый большой взрыв горя и скорби в купеческих семьях Флоренции вызывала смерть сыновей, если они умирали раньше отцов, преодолев наиболее опасный период раннего детства. Когда у Джованни Морелли умер сын – подросток Альберто, к тому же первенец, отец от горя не мог спать много ночей, изливая свою печаль в признаниях в любви к сыну и описании видений, которые представлялись ему то божественным откровением, то дьявольским наущением. Жизнеописание мессера Палла Строцци посвящено описанию скорби отца, пережившего всех своих сыновей. Автор биографии Веспасиано да Бистиччи утверждал, что человека на земле не может постигнуть большего горя. Богатым горожанам Флоренции были свойственны сильные родительские чувства, средоточием которых становилась малая семья, которая играла не только роль организации для воспроизводства рода, в ней осуществлялось целенаправленное воздействие на личность с раннего возраста, что повышало интерес и внимание к женщинам, без которых невозможно было обойтись на этой стадии жизни детей.

Главная цель воспитания в такой семье состояла в том, чтобы сформировать деятельную и трудолюбивую личность, владеющую профессией.

нальными навыками и стремлением доводить их до совершенства. Как бы ни была богата семья купца или банкира, детей с раннего возраста приучали к жесткой экономии и ограничению собственных запросов и желаний, что нашло свое отражение на страницах дидактических наставлений, написанных горожанами. Воспитание в этой среде было направлено на подавление эмоций и чрезмерной возбудимости, агрессивности и воинственности. Представители торгово-ремесленных кругов были озабочены развитием в детях рациональных начал и высокой степени коммуникативности, для чего стремились выработать приветливость, общительность, умение идти на компромисс. Связь между отцами и сыновьями являлась стержнем малой семьи, в ней заключался ее основной смысл. Тем не менее, необходимо учитывать потребность в формировании независимости, ведущую к ослаблению авторитарных принципов и патриархального начала. В записках горожан, относящихся к концу XIV–XV в., часто идет речь о нежелательности физических наказаний, воспитывающих дух раба, и о предоставлении экономической и социально-правовой самостоятельности детям и, в первую очередь, сыновьям (обычай эмансипации), что широко практиковалось в семьях деловых людей тех столетий.

Наряду с факторами, говорящими о возрастании роли малой семьи, необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что деловая среда Флоренции отличалась мобильностью и коммуникативностью, и ее представители не обладали склонностями замыкаться в узком домашнем мире. Поэтому нельзя отрицать значения цехов, торгово-банковских компаний, политических фракций и группировок, различных сообществ, которые не менее активно влияли на формирование молодых поколений.

ЛИТЕРАТУРА

- Antonetti P.* La vie quotidienne a Florence au temps de Dante. Firenze, 1979.
Aries Ph. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Regime. Paris, 1973.
Brucker G. Renaissance Florence. N.Y., 1975.
Da Certaldo P. Il libro di buoni costumi. Firenze, 1945.
Dati G. Il libro segreto. Bologna, 1869.
Fanfani A. Sull'economia domestica dei Peruzzi e dei loro compagni // Storia dell'economia italiana. Torino, 1959. V. 1.
Goldtwaite R. The Building of Renaissance Florence. Baltimore; L., 1984.
Herlihy D. Vieillir a Florence au Quattrocento // Annales. 1969. № 6.
Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Les Toscans et Leurs familles. P., 1978.
Kent D. The Rise of the Medici. Faction in Florence 1426–1434. Oxford, 1978.
Livi G. Dall'archivio di Francesco Datini. Firenze, 1910.
Macinghi Strozzi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figlinoli esuli. Firenze, 1877.
Morelli G. Ricordi. Firenze, 1956.
Pandimiglio L. Giovanni di Pagolo Morelli e la ragion di famiglia // Studi Sul Medioevo cristiano offerta a Raffaello Morghen. Roma, 1974.
Savonarola S. Prediche sopra Aggeo. Roma, 1965.
Tenenti A. Credenze, ideologie, libertinismi tra Medioevo ed Etá Moderna. Bologna, 1978.
Velluti D. La cronica domestica. Firenze, 1914.

Городской дом в Сигуэнсе

ЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ГОРОДЕ

МУДЕХАРЫ В ИСПАНСКОМ ГОРОДЕ

Средневековый город, в том числе и испанский, включал в себя разнообразные этнические меньшинства, которые, существуя в нем одновременно и как самостоятельные общности, до известной степени даже обособленно, в целом составляли часть его организма. Одной из таких общностей были мусульманские общины, появившиеся на территории христианских городов в X в. С этого времени начинается история так называемых мудехарских альхам (общин), просуществовавших на Пиренейском полуострове вплоть до эдиктов о принудительном крещении мавров в конце XV–XVI в.

Сам термин “мудéхар” происходит от арабского слова, означающего “тот, кто платит налог”; он использовался в кастильской и арагонской королевской документации для обозначения мусульманских подданных.

Существенным элементом городского населения мудехары становятся в XI в. Особенно много их было в Арагоне, благодаря благоприятной политике арагонских королей, даровавших им широкие фуэро и привилегии, ставшие впоследствии образцом и для кастильской короны. С успехами Реконкисты в XIII в. число мудехаров, как это ни парадоксально, быстро растет. Отвоєванные у мавров города, как правило, сохраняли большую часть мусульманского населения. Бежали на юг полуострова и в Африку только самые влиятельные и богатые мавры, — например, после взятия Толедо в 1085 г. Поскольку в альхамах сосредоточивались основные ремесленные и торговые силы, короли, понимая их экономическое значение для города, всячески старались сохранить старое население, вернуть бежавших во время военных действий, привлечь новое население, чему служили и новые привилегии.

Права альхам фиксировались сразу после взятия или сдачи города и входили в капитуляции, которые наравне с фуэро составили основу правового положения мудехарских альхам. Впрочем, условия капитуляций были различными и зависели от степени сопротивления города христианскому властителю и от количества проживающего в городе мусульманского населения. От этого зависел и внешний вид мусульманских кварталов (морерий). Арагонские мудехары в XI–XII вв. сами окружали свой квартал земляным валом, стараясь обезопасить себя. С XIII в. эта практика исчезает — по-видимому, потому, что сосуществование иноконфессиональных общин в рамках христианского города стало нормой, повседневностью. После завоевания новые власти, как правило, остав-

ляли мудехарам их традиционные кварталы и имущество на всей территории города. Однако бывали случаи, как, например, в Уэске, когда мудехарскую общину принудительно выселяли за стены города. Таких прецедентов, впрочем, мало. Намного чаще встречается совместное, смешанное проживание мусульман, христиан, иудеев (с последними мудехарские общины вообще могли сливаться, как это было распространено в Каталонии), без жесткого соблюдения границ расселения.

Мудехарские альхамы существовали не только на отвоеванном юге. Во многих северных городах полуострова в XIII–XIV вв. возникают или разрастаются, укрепляясь, морерии.

По своему размеру и количеству проживающих в них мудехаров альхамы были разными. Во второй половине XIII–XIV в. самыми крупными были общины юга (Андалусии, Мурсии, Валенсии) и Арагона. К концу XV в. картина несколько изменилась в результате королевской политики, которая была направлена на ослабление мусульманского элемента на юге. Именно поэтому к 1495 г. в Севилье и Кордове насчитывается только по 45 хозяйств мудехаров, в Толедо – 43. Зато в других городах, в том числе северных, морерии значительно больше и потому, что они были способны воспроизводить себя, и потому, что подпитывались за счет иммиграции из южных городов. Так, в том же 1495 г. в Авиле значится 251 домохозяйство мусульман, в Вальядолиде – 103. В Арагоне средний размер морерии для этого времени – 500 домов. В Сарагосе альхама достигала 3968 домохозяйств, в Калатаюде – 1027.

Таким образом, мудехары являлись весьма значительной группой городского населения. В то же время их этническая и конфессиональная обособленность ставила перед завоевателями-христианами задачу организации местной администрации и создания законодательных механизмов управления. Если до XII в. мудехарские общины существуют в христианских городах на тех же правах автономии, на каких традиционно существовали христиане и иудеи в восточных городах, то в XII и, особенно, с XIII в. активно проявляется стремление королевской власти Испании выработать собственные нормы правового регулирования положения мудехаров.

Начало этому, как уже было сказано, положили арагонские короли, издав такие фуэро, как, например, фуэро Туделы (1115–1122) или Калатаюда (1120). В том же духе составлялись и общие законодательные своды XIII в. – Валенсийские Фуэро 1251 г. или кастильские Семь Партид и др. – и большое число местных фуэро, данных на основе капитуляций. В последних оговаривались права мудехарских альхам, которые королевская власть обязывалась соблюдать: отправление мусульманского культа, управление по своим законам и обычаям, свобода передвижения, включая право менять место жительства и право эмигрировать из страны, безопасность личности и имущества, свобода торговли, наличие собственной системы образования и т.д. Мудехары получили полную автономию, они сохраняли свои мечети, школы, кладбища, имели своих муниципальных чиновников (аламин, альгвасил, факи, кади). Кроме того, в мудехарские альхамы назначались и королевские чиновники – байли, сальмедина, альмотасен; эти должности могли замещать и мусульмане.

Вот типичный пример, взятый из капитуляции Альфандека: ...И чтобы оставались и пребывали в законе и сунне своей, и могли бы учить детей по своим книгам в своих мечетях... И могут совершать молитву свою и творить милостыню, по обычаю со времен сарацинов... И могут из своих выбирать и назначать алькальдов и аламина, которые бы судили их согласно сунне и их книгам... И чтобы любой сарацин, который бежит на войну или из пределов нашего королевства, мог вернуться... и поселиться и остаться там безопасно и без ущерба, так, что никто не может требовать с него выкупа за плен. И чтобы могли носить оружие по всей земле и в пределах юрисдикции господина короля..." (1298).

Нередко в капитуляциях и фуэро постулировалось правовое равенство христиан, мусульман и иудеев. Мусульмане в XI в. традиционно пришивались прямыми вассалами короля, находящимися под его покровительством и защитой. Это положение не раз встречается и в более поздних источниках – королевских грамотах XIV–XV вв.

Таким образом, если не считать некоторых репрессивных мер, принятых в Арагоне и Кастилии в связи с восстаниями мудехаров, королевская политика в течение XIII и XIV вв. отличалась большой терпимостью.

Данью традиции можно считать капитуляции конца XV в., составившиеся Католическими королями при завоевании Гранадского королевства: в них фиксировались перечисленные выше права. Несмотря на то, что гранадские города редко сдавались без боя и осады. Однако капитуляция Гранады действительно представляет собой следование установившейся и уже традиционной правовой формуле. В реальности же к концу XV в. ситуация сильно изменилась; изменилось и положение мудехаров. Свободы стали ограничиваться. Если сразу после завоевания ни корона, ни сеньоры на практике не придавали большого значения решениям церковных соборов и папы, которые требовали жесткого соблюдения изолированного проживания мудехаров в альхаме, ношения ими отличительного знака, то к середине XIV в. намечается тенденция к применению старых запретов и обнародованию новых, выходящих уже из королевских канцелярий. С одной стороны, это было связано с интересами христианской церкви, которая стремилась подчинить себе “еретическую секту” или хотя бы ограничить ее контакт с христианами. С другой стороны, городское христианское население иногда выступало намного радикальнее церкви и проявляло недовольство соседством мечетей с домами христиан или мудехарских мастерских с церквями, так как разница в праздниках и обрядах оскорбляла чувства верующих. Наконец, знать, которая продолжала придерживаться более терпимой позиции, желала закрепить за собой права на своих вассалов, что лишало их свободы передвижения.

В этих условиях королевская власть стремилась максимально выгодно использовать свое положение верховного арбитра и законодателя. Будучи непосредственно сеньорами мудехаров, короли облагают альхамы налогами и поборами, дарят целые морерии другим сеньорам. На протяжении XIV в. периодически появляются эдикты о запрете публичного призыва на молитву, о требовании жить в отдельных кварталах, но-

сить определенную одежду, прическу и отличительный знак, о запрете паломничества к святыням, свободы эмиграции и передвижения по королевству. За нарушение постановлений назначались высокие штрафы, наказание рабством; вводился специальный набор с эмигрантов. Все эти меры были направлены на пополнение казны за счет мудехарского населения, которое стало подвергаться гонениям со стороны местных властей, вымогательствам и ущемлению прав, прямым посягательствам на свободу и собственность со стороны пиратов, на деятельность которых корона закрывала глаза.

Для мудехаров это означало разрыв тех договоров, которые были заключены раньше, и являлось причиной недовольства и страха. Все это привело к усилению тайной эмиграции в Африку и дальше, на Восток.

Издание сегрегационных законов преследовало, конечно, не только экономические цели. Оно было проявлением определенной идеологической политики, направленной на искоренение чуждого, инородного. С этим были связаны и законы, запрещающие смешанные браки, постройки новых мечетей, получение общественных должностей, совместное обучение и прочее. В этом плане мудехары оказались практически в том же положении, что и иудеи. Они тоже вошли в понятие “внутреннего врага”, тоже подвергались погромам и насильственному крещению. Враждебная королевская политика, особенно отчетливо проявившаяся в начале XV в., смягчившаяся ненадолго при Католических королях до взятия Гранады, набирает все большую силу после 1492 г. В 1502 г. появляется предписание об изгнании мудехаров, которое, однако, не было полностью приведено в исполнение. Под давлением силы мудехары переходили в христианство или уезжали.

Однако на протяжении всего этого периода (даже несмотря на запреты) были распространены смешанные браки; дети разных конфессий могли учиться в одной школе; между представителями разных религий заключались договоры об арендах и наймах, осуществлялись торговые сделки, велись беседы и диспуты. Христианские города во многом стали преемниками мусульманских городов. В них сохранилось множество мусульманских построек, сохранилось и мусульманское население, и его традиционные занятия. Испанские города славились мастерами-мудехарами, которые продолжали заниматься прежними ремеслами. Мудехары принадлежали к самым разным профессиям: были башмачниками, кожевниками, мясниками, ткачами, гончарами и т.д. Но особенно ценились оружейники, мебельщики, каменщики, кузнецы, красильщики, медики и специалисты по осадным машинам. Среди мудехаров было много торговцев. До определенного времени мудехары могли занимать и общественные должности, даже назначаться королевскими чиновниками и получать от короля жалованье, пенсии и титулы.

Уровень культуры и образования в мудехарских общинах был довольно высок хотя бы потому, что ислам требовал от каждого мусульманина знания священного арабского языка. Из среды мудехаров поэтому вышло немало хороших переводчиков, знавших древнееврейский, арабский и латынь. Именно в их переводах Европа познакомилась со многими античными и восточными авторами. Особенно в связи с этим

следует отметить Толедскую школу переводчиков, в которой работали и мудехары, и иудеи.

Таким образом, мудехары представляли собой этно-конфессиональную общность, включенную в средневековый город, жившую его жизнью и творившую его жизнь. Ярким подтверждением этому служит оставшийся после них особый архитектурный стиль “мудехар”, памятники которого можно видеть до сих пор.

XV век поставил точку в истории мудехаров, на смену которым пришли мориски, т.е. крещенные потомки мусульман. Это само по себе означало смену эпох: эпоха тесного взаимодействия разных религиозно-правовых систем уступила место эпохе отчуждения и замкнутости. Однако до сих пор испанские города хранят следы того времени, когда соседство и общение мусульман, христиан и иудеев было повседневной практикой.

ЛИТЕРАТУРА

Arié R. España musulmana. Barcelona, 1984.

Basañez Villaluenga. La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona, 1989.

Burns R.I. Muslims, Christians and Jews in the Crusader Kingdom of Valencia: society in symbiosis. Cambridge, 1984.

Ferrer i Mallol M.T. Els sarraïns de la corona catalano-aragonesa en el siglo XIV. Barcelona, 1987.

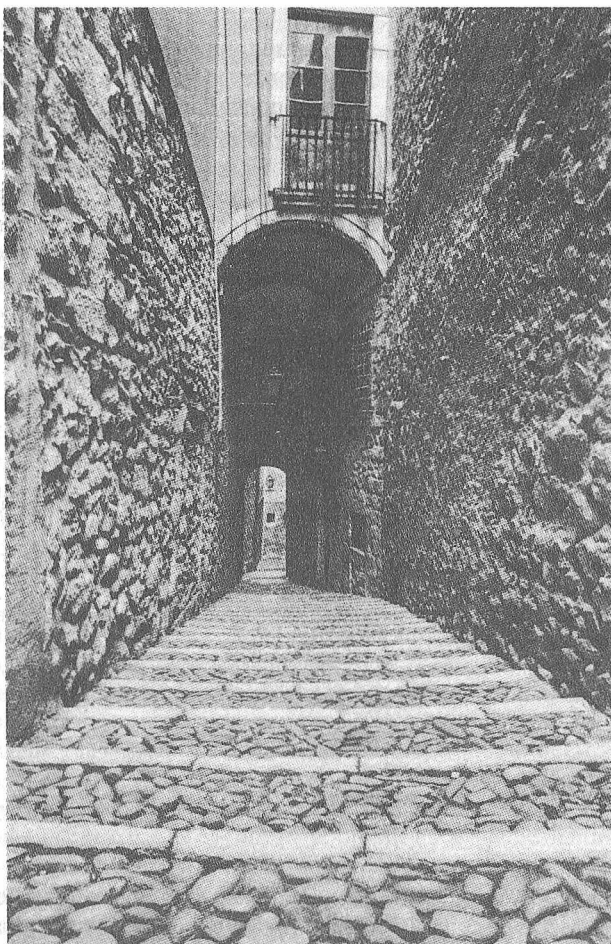
Harvey L.P. Islamic Spain: 1250–1500. Chicago, 1990.

Ladero Quesada M.A. Los mudéjares de Castilla en tiempos de Isabel. Valladolid, 1969.

ЕВРЕИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗАПАДА

История еврейских общин неотделима от истории европейского города. В ней тесно переплелись идеологические и экономические факторы, так что неверно было бы относить отторжение евреев только на счет первых, а терпимость к ним — на счет вторых, хотя в основном картина именно такова.

В древности евреи никогда не были преимущественно городскими жителями. Талмуд и, особенно, Ветхий Завет (танах) обращались, главным образом, к земледельцам и скотоводам, определяя их жизненный уклад, и при любых благоприятных обстоятельствах — на Востоке, в Иране, в Южной Европе — еврейские поселенцы возвращались к сельскохозяйственному труду. Еврейское землевладение было достаточно распространено в первые десять веков христианской эры. Но по мере того, как церковь набирала все большую силу в Европе, ее враждебное отношение все сильнее сказывалось на положении евреев.

Улица в иудейском квартале Жероны

Как народу гонимому, им не полагалось владеть собственной землей; запрещалось иметь христианских рабов, длительное время сохранявших свое значение в хозяйстве; в идеале христиане вообще должны были как можно меньше общаться с евреями и пользоваться их услугами, терпя их только в ожидании окончательного суда. До конца XI в., а в таких странах, как Испания, Италия, Южная Франция и позднее, враждебная позиция церкви не вела к крайним результатам, и запреты далеко не всегда соблюдались. Тем не менее опасность гонений, разбросанность еврейских общин по всему свету, невозможность врастания в феодальную иерархию привели к тому, что евреи все в большей степени были вынуждены посвящать себя важной и прибыльной сфере хозяйства

торговле, в том числе торговле рабами и восточными пряностями. В VI в. даже ярмарки переносили с субботы на другие дни, чтобы евреи, которым их закон запрещал заниматься делами в субботу, могли в них участвовать.

Поскольку торговля в раннем Средневековье была одним из главных занятий городских жителей, роль евреев оказалась в городах довольно заметной. Еврейские торговцы селились на пересечении торговых путей, в долинах рек Северной Франции, Германии. Названия городов Вилльжюиф, Юденбург и другие свидетельствуют, что они образовались на месте еврейских торговых факторий. Местные власти быстро оценили выгодность торговли и денежного обращения, способствовавших росту и процветанию городов, и часто покровительствовали евреям. Так, в 1084 г. епископ Рюдигер призвал их в Альтшпайер и наделил привилегиями владеть землей, свободно торговать, иметь свой суд, пользоваться трудом рабов и слуг-христиан, благодаря чему Шпайер вскоре стал крупным городом. Перед началом крестовых походов в Европе, в том числе в северной ее половине, было много процветавших еврейских общин, сюда переместился и центр культурной жизни с Востока, хотя в количественном отношении эти общины, включавшие несколько десятков семей, не составляли обычно более чем несколько процентов всего населения.

Однако с развитием городов и начатками их самоуправления торговые верхи стали видеть в евреях конкурентов, которые к тому же воспринимались как закоренелые враги христианской веры, упорствующие в своих заблуждениях. Эта вражда с небывалой силой проявилась, начиная с Первого крестового похода, и привела к уничтожению целых общин, особенно в городах Германии. В эпоху крестовых походов евреи были вытеснены из крупной торговли, в частности, левантийская торговля перешла к итальянским купцам. С образованием купеческих гильдий лицам, лишенным их защиты, торговать стало почти невозможно, а евреям туда доступа не было.

Оставалось другое естественное для городских жителей занятие, хотя и менее почетное в еврейской среде, чем торговля: ремесло. Ремесла и промыслы были всегда необходимы для внутренней жизни общины, так как бытовые ритуальные ограничения требовали особой обработки некоторых продуктов: приготовления кошерного мяса, очищенного от крови, чистого вина, несмешанной пряжи (Писание запрещало соединение волокон шерсти и льна). Но часто ремесленная деятельность получала размах, далеко выходящий за рамки внутренних нужд. В Византии и Южной Италии евреи занимались кожевенным делом (Константинополь), шелководством (Салоники, Сицилия), крашением тканей. Распространены были ювелирное дело, пошив одежды и обуви, позднее перешетные работы. Известны евреи-оружейники.

Но в области ремесла произошли те же перемены, что и в торговле. Когда в городах сформировались ремесленные цехи, строго следившие за устранением конкуренции и регламентацией производства, они стали жестокими противниками евреев и добивались запрещения, а часто и полного устранения соперников из городской жизни.

Если в еврейской среде ремесленники были самыми твердыми защитниками веры и устоев, то и их противники вместе с нецеховым плетсом были основной движущей силой жесточайших погромов и преследований на протяжении нескольких столетий, особенно в XIV в. — некоей Черной Смерти, когда евреев обвиняли в отравлении колодцев. Городской патрициат при этом занимал чаще нерешительную позицию, как и другие власти: местные сеньоры, император; они могли поживиться имуществом изгнанных евреев, но в долгой перспективе было выгодно защищать их: помимо множества поборов и повинностей (даже обязанности участвовать в городском ополчении), исполнения самых тяжелых и презираемых работ, евреи оживляли торгово-промышленное развитие, без них нередко приходившее в упадок.

Покровительство властей дорого обходилось гонимому народу в буквальном и в переносном смысле. Вытесненные из сельского хозяйства, торговли и ремесла, евреи были вынуждены и даже принуждаемы законодательным путем заниматься ростовщичеством. Христианам давать деньги в рост было запрещено Писанием (что не очень соблюдалось), тот же запрет действовал и у евреев, но он не был так строг в отношении иноверцев. Благодаря ростовщичеству евреи сделались “королевской губкой”, по тогдашнему сравнению, — с ее помощью правители вытягивали деньги подданных, а потом “выжимали их досуха”. Таким образом, это необходимое, но презираемое занятие было предоставлено наиболее бесправной группе феодального общества.

С раннего Средневековья селившиеся в городах и выпадавшие из иерархической системы подчинения евреи оказывались подданными непосредственно императора или короля, что давало даже некоторое преимущество, но так как господствующее мировоззрение не допускало для них нормальных прав и, напротив, обязывало к преследованию евреев, и в Германии государи стали рассматривать их как коронную собственность, рабов императора (каммеркнехтов), с которыми можно было обращаться совершенно произвольно. Императоры продавали свои права на евреев и закладывали целые общины со всем имуществом. Помимо особых налогов, в любой момент можно было потребовать с них выкуп за проживание в данной стране или в городе, хотя невзирая на уплату выкупа их все равно периодически изгоняли, а затем призывали обратно, чтобы не лишиться этого источника дохода. Любопытно, что императоры строжайшим образом требовали взыскания долгов и процентов по обязательствам, данным их подданными изгнанным евреям, в свою пользу.

Периодические избиения и грабежи настолько ослабили еврейские общины, что они не могли конкурировать с итальянскими (ломбардцы) и французскими (кагорцы) банкирами, и их уделом оставалось мелкое ростовщичество, что и обусловило ненависть к ним со стороны основных клиентов — бедных ремесленников и мещан. В конце концов евреи были вытеснены из большинства крупных городов Германии — после нескольких волн погромов, начиная от крестовых походов и чумы 1348–1349 гг. до судебных процессов, в которых они обвинялись в ритуальных убийствах и осквернении причастия; позднее многие города при

или законы “О недопущении евреев”. С XVI в. евреи оставались лишь во владениях мелких помещиков и в небольших городках, где занимались скупкой сельскохозяйственных продуктов и разносной торговлей.

Из Англии евреи были окончательно изгнаны еще в 1290 г., из Франции – в XIV в.; в конце XV в. очередь дошла до Испании и Португалии, где существовали самые процветающие городские общины и где евреи пользовались временами практическим равноправием. Сходным было их положение в других южноевропейских городах. В Провансе евреи становились даже мэрами, лишь в XIII в. альбигойские войны покончили с этим рассадником ересей. В Италии главы католической церкви стремились, в основном, соблюдать меру в гонениях на евреев (а многие из них пользовались услугами еврейских врачей, ювелиров, переплетчиков), и здесь притеснения редко принимали изуверские формы. Римская еврейская община была единственной, сохранявшейся на протяжении всех Средних веков (и позднее) без перерыва. Правда, и в Риме с течением времени и ростом конкуренции евреям было запрещено заниматься чем-либо, кроме старьевщичества и перепродажи подержанной (чуждой) одежды. В 1527 г. в Риме жили около 3% евреев (более 1700 на тысячу населения), причем по записям о профессии половина из них была портными. Именно папы ввели требование, чтобы иудеи носили особые отличительные знаки (потому что для христиан считалось опасным общаться с ними) и жили в особых кварталах – гетто (название происходит от старинного еврейского квартала в Венеции).

Из-за гонений и нужды массы евреев в XV–XVII вв. переселились в менее развитые страны на востоке Европы – Чехию, Венгрию, Польшу, Литву, где они пользовались покровительством властей и знати и получали иногда значительные привилегии. Но и здесь истории было суждено повториться...

Средние века были в самом деле мрачным периодом еврейской истории, хотя и не исключением в этом смысле. Именно тогда закрепилось отчужденное положение евреев, способствовавшее их этническому сохранению, но мешавшее нормальному общению с другими народами. Тенденция средневекового жизнеустройства к обособлению общественных групп и личностей, включению их в замкнутую систему, регламентирующую образ жизни, но и защищавшую своих членов, усиливала объединение евреев и вместе с тем сплачивала их вокруг национально-религиозной идеи. Но отлучение от нормальной жизни делало их и одним из самых гибких элементов средневекового общества.

Основной самоуправляющейся единицей у евреев была община: собрание верующих вокруг синагоги. В отличие от христианства в иудаизме национальный момент почти сливался с религиозным. Весь уклад жизни, строгое соблюдение заповедей и предписаний Талмуда, вера в избранность народа и грядущее спасение отличали евреев от непосвященных. Церковь, со своей стороны, усугубляла разъединение. Еврейская пасха совпадала с днями траура у христиан, во время же христианской пасхи евреи не должны были показываться на глаза христианам. Сложился ряд обычаев пасхального гонения евреев: бросать камни в их окна, сжигать соломенное чучело еврея; в Тулузе до XII в. граф ежегодно

отвешивал ритуальную оплеуху главе еврейской общины. Впоследствии эти порядки замещались выплатой особых налогов. Когда в период раннего и позднего Средневековья враждебность к евреям получила солидное экономическое подкрепление, она стала выливаться в столь бесчеловечные формы, что возникает вопрос: как возможно было само существование евреев в таких неприемлемых для жизни условиях?

Дело в том, что раздробленность, рассеянность, не связанность во времени и пространстве, идеологическая нетвердость гонителей, заигрыванность властей в наличии источника доходов и козла отпущения мешали полному уничтожению и изгнанию евреев. Сами они, как мы знаем, часто возвращались туда, где не было никаких гарантий безопасности. Это говорит, во-первых, о том, что гонения перемежались мирными периодами, которые бывали и длительными, а во-вторых, о неустойчивости враждебных стереотипов, которые соседствовали с терпимым отношением, приводившим к культурному взаимопроникновению.

Не надо забывать и о связи христианства и иудаизма. Из жалоб сионистов мы узнаем, что христиане посещали синагоги, слушали проповеди раввинов, выступавших на местных языках – кстати, знаменательным фактом их усвоения евреями. Известны и случаи перехода в иудаизм, хотя они не были массовыми, как и обращение евреев, совершавшееся под давлением церкви. Последняя прилагала много усилий для поглощения единственного независимого от нее религиозного очага в обществе – в отличие от еретиков, евреи были даже неподвластны инквизиции. Пропаганда, диспуты, сожжение священных книг, как правило, не давали результата. Евреи крестились только под страхом смерти или изгнания без средств к существованию – таково было обращение марранов в Испании, но и оно закончилось трагедией, так как христианская среда не смогла растворить их в себе.

Общение евреев и христиан шло и на духовном, и на бытовом уровне. Они жили рядом, устраивали совместные трапезы; известны случаи использования евреями в своих обрядах христианской музыки – и, наоборот, использования еврейских мелодий христианами. Требования отличий в одежде и раздельного поселения возникли сравнительно поздно и не всегда выполнялись.

Высокий культурный уровень еврейских общин – а мужское их население было почти поголовно грамотным – не остался без влияния на развитие культуры Средневековья. Отчужденность и замкнутость жизни евреев, особый язык из Писания, почти религиозное преклонение перед мудростью создавали у окружающих представление о еврейском знании как сокровенном, мистическом, связанном с потусторонними силами.

Вместе с тем, еврейские переводчики, особенно активно работавшие в Провансе в XII–XIII вв., в Италии и Кастилии, познакомили европейцев со многими светскими сочинениями античных, а также арабских и еврейских авторов. Их деятельность была важной и для эпохи Возрождения, когда гуманисты, наряду с латынью и греческим, обратились к изучению древнееврейского языка.

В Средние века евреи стали преимущественно европейским народом, и здешняя городская цивилизация стала для многих их поколений

одновременно матерью и мачехой. Культура евреев с начала новой эры оказалась тесно переплетенной с европейской культурой, и закономерно, что именно здесь, в эпоху слома архаичных сословных перегородок, создавались условия для освобождения ранее отверженных групп европейского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Лозинский С.Г. Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время. Л., 1929.
- Abbott G.F. Israel in Europe. L.; N.Y., 1972.
- Aspetti della storiografia ebraica: Atti del IV Congresso Internazionale dell'Assoc. Ital. Stor. Giudaismo 1983. Roma, 1987.
- Baron S.W., Kahan A. Economic history of the Jews. N.Y., 1976.
- Church, State and Jew in the Middle Ages. N. Y., 1980.
- Keller W. Diaspora. The postbiblical history of the Jews. N.Y. 1969.
- Marcus J.R. The Jew in the medieval world. Westport, 1975.
- Oberman H.A. The roots of antisemitism in the age of Renaissance and Reformation. Philadelphia, 1976.
- Parker J. The Jew in medieval community. N.Y., 1976.
- Roth C. Der Anteil de Juden an der politischen Geschichte des Abendlandes. Hannover, 1965.

ИТАЛЬЯНЦЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СВОИХ ГОРОДОВ

ИТАЛЬЯНЦЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ГОРОДЕ

Выходцев из Италии во Франции всегда было много, и они достаточно органично интегрировались в местное общество, ничем не отличаясь от прочих горожан в правовом отношении. Но начиная со второй половины XII в. во французских городах появились колонии “ломбардцев” – так здесь (как и по всей Европе) называли итальянских купцов-ростовщиков. Сравнительно дешевый кредит, которым располагали компании итальянских купцов, в сочетании со сплоченностью и эффективностью их деловой сети вызвали стремительное развитие банковской деятельности. Уже Шампанские ярмарки периода своего апогея контролировались итальянским капиталом, в частности сиенцами Буонсиньери (знаменитая Magna Tavola – “Большой стол”). Вскоре конторы итальянских компаний распространились по городам Франции, умело сочетая торговлю предметами роскоши с ростовщическими операциями. Они не пользовались полнотой городских прав, находились под достаточно жестким контролем королевской администрации, испытывая постоянную угрозу конфискаций и репрессий. И хотя их судьба сложилась не столь трагично, как у тамплиеров и евреев, они неизменно осуждались общественным мнением. Не только разоряющиеся аристократы, но и горожане видели в “презренных ломбардцах” стяжателей, погрязших в пороке бого-

мерзкого ростовщичества. “Ломбардцы” становились мишенью в период социальных взрывов (особенно после изгнания евреев), как, например, во время резни 1418 г. в Париже. В свою очередь, они платили своему окружению презрением. Видимо, таково свойство всякого меньшинства, но о настроениях итальянцев, уже сильно затронутых гуманистической культурой, мы осведомлены несравненно полнее. Исследователи констатируют своеобразный “комплекс превосходства” (экономического, политического и культурного), вполне эксплицитно выраженный, например, в многочисленных хрониках и письмах флорентийцев, действующих в странах к северу от Альп. “Чужие должны оказаться в зависимости от меня”, – так резюмируется алгоритм действия банкира на чужбине. Отсюда – столь обильные займы феодалам Франции и Англии, несмотря на высокую степень риска (что и привело к чудовищному кризису флорентийских банков в 40-х годах XIV в.). В городах “ломбардцы” обладали корпоративной структурой: имели своего консула или прокурора, были связаны взаимной присягой, что, разумеется, не исключало жесткой конкурентной борьбы в их среде. При необходимости община прибегала к самообложению: в Париже, например, в Книгах Талли “ломбардцы” не расписывались поименно, но указывалась лишь общинная сумма их платежа. Некоторые землячества (флорентийцы, лукканцы, сиенцы) при этом имели свои особые структуры. Вообще же решения консулатов метрополии имели силу закона для парижских, авиньонских или лондонских колоний. Дружба, завязавшаяся на чужбине, была особенно прочной. Так, молодой Лоренцо Строцци, оказавшись в Брюгге, на всю жизнь сдружился там с одним из молодых Медичи, несмотря на то, что в самой Флоренции между этими семьями шла бескомпромиссная вражда. Как и в других городах, в Париже итальянцы жили кучно: в “ломбардском квартале” вокруг церкви Сен-Жак-де-ля-Бушри, и чтили своего патрона – святого Вольта, сохраняя приверженность итальянским вкусам в одежде и мебели. Браки колонистов с француженками были практически исключены: семью можно было заводить только дома. Впрочем, детей, рожденных на чужбине вне брака, можно было взять домой и дать им “правильное” образование. Так, фактор компании Барди – Боккаччио ди Челлио забрал сына, рожденного в 1313 г. от связи с парижанкой, домой, воспитав из Джованни истинного флорентийца. Но и те итальянские семьи, что выбрали путь натурализации во французском королевстве, долгое время, на протяжении трех-четырех поколений, сохраняли свой особый культурный облик, не теряли язык, подерживая контакты с исторической родиной.

Французские короли не могли мириться с вопиющим грехом и, начиная с 1269 г., периодически издавали ордонансы об изгнании ломбардских ростовщиков. Но всякий раз необходимость в срочных займах брала верх, и монархи соглашались терпеть банкиров в своих землях. Ломбардцы платили особый налог со своих операций кредита и обмена, и при необходимости выплачивали единовременные “дары” королю. Муниципалитеты стремились включать их в раскладку общих налогов, не желая при этом признавать за ними прав “буржуа” – на том основании, что они не стремились осесть во Франции, но представляли интересы

иностранных компаний. При Филиппе IV ломбардцы обычно выходили победителями из таких споров. Это связывают с тем, что с 1295 г. представители клана флорентийских Гвиди (Биччи и Маччи, или “Биш и Муш”, как звали их парижане), становятся королевскими казначеями и добиваются освобождения своих земляков от всех муниципальных налогов.

Несмотря на то, что позиции флорентийских домов Барди и Перуцци были во Франции весьма сильны, им не удалось добиться такого монопольного преобладания, как в Лондоне, и компании сиенцев, лукканцев и жителей Ломбардии сохраняли свое значение. Итальянцы наряду с торговлей и займами частным лицам предоставляли кредиты королю, охотно брали налоги на откуп, в качестве экспертов привлекались к работе монетных дворов и финансовых ведомств. И хотя короли предпочитали иметь дело с собственными подданными, итальянцы привлекали их своей способностью мгновенно предоставить необходимые средства.

Династия Валуа попыталась ужесточить меры против ростовщиков. Филипп VI велел в 1330 г. свезти “ломбардцев” со всего королевства в парижский монастырь Сен-Мартен де-Шамп, откуда они были выпущены под крупный залог, поклявшись не превышать в своих займах “королевский процент” (1 денье с ливра в неделю, что составляет около 16% годовых). Община выплатила тогда королю колоссальную сумму – 120 тысяч ливров. Для сравнения: требование выплаты 32 тысяч ливров косвенных сборов с Парижа поставило в ту пору четвертьмиллионный город на грань восстания. Итальянцы же собрали эту сумму в самые сжатые сроки.

В XIV в. короли охотно “продавали” итальянцам статус “королевских буржуа”, уравнивающий их в правах с жителями любого города королевства. Впрочем, за проступки (например, за превышение королевского процента) это право могло отбираться, а долги взыскиваться (правда, без процентов) и конфисковываться в королевскую казну. Так, долги разорившейся в 1346 г. компании Барди старательно взыскивались королевскими чиновниками еще в 1363 г. И французские, и английские монархи все чаще прибегали к конфискациям и изгнаниям банкирских компаний. Так, в 1338 г. факторы Барди и Перуцци были арестованы Филиппом VI, не без основания обвинившим их в финансировании французской кампании Эдуарда III. Они были выпущены лишь два года спустя после вмешательства папы Бенедикта XII и выплаты солидных вознаграждений королю. В правление Карла V итальянские банкиры получают значительные привилегии, их роль возрастает по мере активизации итальянской политики французской монархии на рубеже XIV и XV вв. Новый виток Столетней войны, парижский погром 1418 г. в значительной мере подорвали позиции “ломбардцев”. Их община перестает существовать как автономная единица не только в городах Севера, но и Юга страны. Однако уже с 50-х годов итальянский капитал усиливает свое присутствие в Лионе. Именно ему знаменитые ярмарки обязаны своим расцветом. Однако в XV и в XVI столетиях итальянские финансисты, столь важные для развития французской монархии, выступают в городах уже не в виде этнических общин, наделенных особым статусом,

но на правах королевских подданных, способных использовать свои исторические связи с городами Италии.

В качестве примера такой “двойной идентичности” мы можем рассмотреть семью Спифамов. Они встречаются в списках нобилей города Лукки уже в XII в. В результате попланского переворота 1308 г. Спифамы были вынуждены на время покинуть Лукку и, видимо, в это время они достаточно активно включились в торгово-финансовую деятельность. Они возвратились в родной город в 1331 г., значительно богаче, чем прежде. Здесь им удается сохранять места в городском Совете вплоть до XVII в. Но одна из ветвей семьи связала свою судьбу с Францией. Так, Бартоломео (Бартелеми) Спифам в 1342 г. за особые заслуги перед королем, уплатив в казну 100 ливров, получает права буржуа городов Парижа, Нима и Монпелье, дополненные освобождением от налогов на продажу галантерейных товаров. Контора Спифамов помещалась в Париже, ее филиалы были открыты в Брюгге, Авиньоне, Дижоне, Венеции, Флоренции, Пизе и Лондоне. Бартелеми Спифам выступает в роли поставщика двора, помогает организовать переговоры о выкупе плена Иоанна Доброго, принимает участие в финансировании морского путешествия Урбана V в Авиньон. Наконец, в 1378 г. он назначается одним из хранителей королевской казны. Несмотря на то, что выбивать деньги из своих аристократических должников было делом сложным, род Спифамов богател: Бартелеми скупил несколько домов в “ломбардском квартале” Парижа, приобрел сеньории в долине Марны, в окрестностях Ланьи. Почести, богатство, престижные браки (первая и вторая его жены были дворянками) свидетельствовали о блестящей карьере лукканца, который не порывал связей с земляками, входя в братство Св. Вольта, часто беря парижских лукканцев в компаньоны. Сын Бартелеми – Симон Спифам, с малых лет приобщенный отцом к торгово-финансовым операциям, становится советником Палаты косвенных сборов. Его старший сын Бартелеми II продолжает финансовую карьеру, заняв должность мэтра монет Парижа, другой сын – Антуан вступает в орден рыцарей Иоаннитов, третий – Жан становится капитаном города Конфлана и женится на дочери известного французского гуманиста и дипломата Гонтье Коля.

После убийства герцога Орлеанского в 1407 г. в начавшейся гражданской войне одни “лукканцы” – Спифамы и де Л’Эсклаты – ориентировались на партию Арманьяков, в то время как другие – Ченами, Избары, Рапонди – поддерживали Бургиньонов. В 1418 г. Спифамы успевают бежать из Парижа, избежав трагической участи де Л’Эсклатов, но их имущество было конфисковано Карлом VI и передано Антуану Избару в счет уплаты трехтысячного королевского долга. После этих событий итальянская община в Париже так и не возродилась, однако Спифамы, верой и правдой служившие Карлу VII, были вознаграждены за верность. Недвижимость возвращается семье, и следующие поколения Спифамов восстанавливают утраченные позиции. На исходе XV столетия Жан IV Спифам (правнук Бартелеми) владел четырьмя сеньориями, возглавлял Парижский монетный двор и был обладателем должности королевского нотариуса-секретаря. Именно ему было поручено обеспечить

финансирование Итальянского похода Людовика XII. Его сыновья – Гайард, Жак и Руаль – в XVI в. сыграют важную роль в становлении абсолютистской монархии, во французском гуманизме и Реформации, то есть в процессах, которые определяют сущность французской истории раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1947–1961.
Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. М.; Ставрополь, 1955.
Ч. II.
Boyer-Xambeu M.T. et al. Monnaie privee et pouvoir des princes. P., 1986.
Cazelles R. Nouvelle Histoire de Paris. P., 1970. T. 3: De la fin du regne de Philippe-Auguste à la mort de Charles V.
Picot E. Les Italiens en France au XVI siècle. Bordeaux, 1928.
Renouard Y. Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. P., 1968.
Sapori A. Le marchand italien au Moyen Age. P., 1952.

ИТАЛЬЯНЦЫ В ПИРЕНЕЙСКИХ ГОРОДАХ

На протяжении всего Средневековья итальянцы стремились на Пиренеи, и их присутствием здесь отмечена вся эпоха. В IX–XI вв. они часто скрывались под общим названием “франки”, прибывая из-за Пиренеев и оседая в городах по “дороге франков”, – ремесленники, монахи, клирики, торговцы. Достаточно их было и в городах мусульманской Испании, среди иноземного купечества и наемников (в войске и при дворах).

Однако ощутимым в городской среде итальянский элемент стал с завершением Великой Реконкисты XIII в. Существенной становится и его роль в экономике, прежде всего в городах юга полуострова, прибрежных городах Андалусии. Более слабое их проникновение в другие средиземноморские и атлантические области полуострова вполне понятно и объяснимо, ибо в Португалии и Каталонии существовали древние традиции морского дела и дальней торговли, которые поддерживались на протяжении веков Реконкисты. Каталонские моряки и купцы серьезно оспаривали у итальянцев первенство на море в Западном Средиземноморье. Андалусия же, войдя в состав “сухопутного” Кастильского королевства, утратила прежние традиции, не обретя новых. И во второй половине XIII в. сюда устремились каталонские и итальянские купцы, стараясь снискать расположения – и добыть привилегии – кастильского короля. Особенно много итальянцев было в Севилье – любимом городе Альфонсо X, фактически его столице. Сюда съехались ломбардцы, пьемонтцы, тосканцы, но больше всего, что естественно, было генуэзцев. Они и победят в этом соперничестве и своих земляков, и каталонцев, получив от короля лицензии на торговлю и привилегии (1262). В результате они если и не прибрали к рукам всю торговлю страны, то во многом диктовали правила игры своим пиренейским партнерам.

Генуэзцы обосновались по всему средиземноморскому побережью Пиренеев. В Кадисе, Сан-Лукаре, Хересе и других городах существовали общины выходцев из Генуи или их потомков. Такие известные фамилии, как Спинола, Гримальди, Боканегра, вели торговлю со внутренними районами Кастилии и с северной Африкой, и с Италией. В середине XV в. они добились монополии на добычу в Альмаденских рудниках ртути, в то же время контролируя ввоз золота из копей Судана.

С XIV в. генуэзцы освоили также банковское дело в Андалусии и Кастилии. Банки возникли не только в южных Севилье и Хересе, но и в Бургосе, Толедо, Вальядолиде. В 1445 г. Хуан II разрешил свободный обмен денег, что привело к увеличению числа банков и меняльных лавок. Банки, принадлежавшие генуэзцам, с охотой предоставляли ссуды городским властям и государю.

В XIV–XV вв. генуэзцы господствовали в этом регионе Средиземного моря; преимущественно их корабли осуществляли торговлю с Италией, не допуская каталонцев на эти морские дороги. В 1420 г. король Арагона Альфонсо Великодушный попытался изменить положение вещей, напав на Корсику, где базировались генуэзцы, и разграбив многие их колонии. Но через 15 лет в битве при Понсе арагонский король был наголову разбит генуэзцами, восстановившими статус-кво. Они стремились освоить и сухопутные дороги во Фландрию. Но главное, им удалось закрепиться у Гибралтара, и они, вместе с кастильцами, стали, таким образом, монополистами в атлантической, а в будущем – в “заморской”, американской торговле.

Этому очень помогло то, что генуэзцы издавна освоили и португальское побережье. Характерно, что знаменитый хронист начала XV в. Фернан Лопеш, перечисляя общины иностранцев в королевстве, на первое место поставил именно их; затем следуют выходцы из Пьяченцы, Ломбардии, после каталонцев – миланцы. Среди португальских генуэзцев были и семьи, имевшие родичей в Севилье, например, Узодимаре. Жили здесь и венецианцы, консулом “нации” которых был Конти, но, видимо, в меньшем числе.

Итальянцы в Португалии сыграли огромную роль не только и не столько в торговле, сколько в развитии мореплавания, хотя это и трудно отделимо для той эпохи. В XV в. в Лиссабоне жила целая группа одаренных мореходов и картографов из Генуи, среди них и брат Христофора Колумба – Бартоломе, у которого Колумб прожил некоторое время. Среди имен организаторов и участников первых заморских экспедиций много итальянских: Песанья, Кадамосто, Пизано, Узодимаре, де Ноли. Совместными усилиями португальские, кастильские и итальянские (генуэзские) мореходы вытеснили каталонцев из атлантической торговли и навигации.

Как правило, общины “франков” жили более или менее автономно, во внутренних делах пользуясь своим правом и обычаем. Это зафиксировано в фуэро и форалах, пожалованных им королевской властью. В то же время они часто заключали браки с местными жителями, не говоря уже о деловом и повседневном общении. Генуэзцы достигали больших должностей в пиренейских королевствах: так род Боканегра и род

Песанья подарили (соответственно) Кастилии и Португалии адмиралов.

Купцы, ремесленники, банкиры – итальянцы и воспринимались именно как иноземцы-итальянцы местными горожанами-пиренейцами. Однако был небольшой слой лиц итальянского происхождения, как бы оторванных от национальной принадлежности. Это – законоведы, нотариусы, легисты, профессора университетов, появившиеся здесь в XIII–XIV вв. И если они сами, растворяясь в космополитической профессиональной среде, не так уж и выделялись, их деятельность подчеркнута окрашена “итальянскими” цветами: именно они (вместе с португальцами, арагонцами, кастильцами – выпускниками итальянских и французских университетов) принесли в города новое издание римского права и новую латинскую ученость.

ЛИТЕРАТУРА

Azevedo P. Documentos para a história marítima e comercial de Portugal // Arquivo de História y Bibliografía. Lisboa, 1976. T. 1923–26.

Burns I.R. The Crusader Kingdom of Valencia. Cambridge, 1967. V. 1–2.

Cabestany A. Expansió catalana per Mediterranea. Barcelona, 1967.

Collantes de Teran A. Sevilla en la Baja Edad Media. Sevilla, 1977.

González Gallego I. El libro de los privilegios de la nación genovesa // Historia. Instituciones. Documentos. Madrid, 1974. V. I.

La presenza italiana in Andalusia nel Basso Medioevo. Bologna, 1986.

Presencia Italiana en Andalucía, siglos XIV–XVII. Sevilla, 1989.

СЛАВЯНСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В НЕМЕЦКИХ ГОРОДАХ XIII–XV ВЕКОВ: СТАТУС И САМОСОЗНАНИЕ

Города между Эльбой/Заале и Одером и в Восточных Альпах были в XIII–XV вв. по своему социокультурному облику близки к другим немецким центрам империи. Однако возникли эти города, как известно, в зоне колонизации, на землях, издавна заселенных славянами. Поэтому в этих городах с самого начала существовало славянское население, статус которого, естественно, прямо определял и степень, и темпы ассимиляции. Не только в различных регионах, но даже в различных городах положение славян было разным и к тому же существенно менялось на протяжении XIII–XV вв. Мы отметим лишь те особенности юридического и социального статуса славян, которые заметно выделяли их как этническую группу из массы городского населения и, несомненно, влияли на их самосознание.

Латинские и немецкие грамоты XIII – начала XIV в. и “Саксонское зерцало” содержат немало элементов особого персонального права славян, отличавшего их от других групп населения. Однако в городе в этот период этническая обособленность славян менее заметна, чем в деревне.

Растущие центры торговли и ремесел нуждались тогда в притоке населения, в том числе из ближайших деревень. Так что в Мекленбурге, Бранденбурге или Нидерлаунице славяне могли в то время получать статус полноправных горожан, доступ в самые уважаемые цехи и даже в городской совет. При основании города Пархим в 1225 или 1226 г. жителям были полностью подтверждены их права на земли, “которыми отцы их владели со времен язычества” Речь здесь шла, конечно же, именно о славянах.

С дальнейшим развитием городов появляется все больше свидетельств этнического размежевания. В ряде городов славяне, за исключением получивших бюргерские права, подлежали до начала XIV в. особой юрисдикции. Во Фридланде они имели свою судебную инстанцию (*iudicium Slavorum*), подчиненную непосредственно фогту маркграфа Бранденбургского, а в Ростоке была специальная должность “славянского фогта (*aduocatus Slavorum*)”, наделенного, несомненно, судебными полномочиями.

В других местах жители города и его окрестностей, будь то славяне или немцы (*Teutonici sive Slaui; sie wendisch edder dutsch*), подлежали обычному городскому суду, хотя и сохраняли некоторую правовую специфику, связанную и с их языком, и с пережитками особой юридической традиции местных славян. Так, в постановлении 1261 г. в составе магдебургского городского права говорится о предъявлении в суде иска “по славянскому обычаю (*nach windischen site*)” и на “родном языке” славян. В то же время эта норма отражает уже определенный этап ассимиляционного процесса. Речь идет о тяжущихся, которые “оба славянского происхождения и, однако, не славяне (*beide von windischer art sin here komeu, und doch nine winede sin*)”. Причем процессуальное право скорее способствовало ассимиляции: обвиняемый мог не отвечать на иск, предъявленный ему “по славянскому обычаю”.

Уже в XIII, но, особенно, с начала XIV в. проявляется стремление городских властей локализовать славян в определенных кварталах. Рыночные поселения в предместьях, где жили те, кто не имел бюргерских прав, не случайно назывались *Wendesche Wiken*. В городах возникли и сохранялись еще несколько столетий особые “славянские” улицы (*platen Slavorum* в Ростоке, Штральзунде, Штендале; *Windische Gasse* в Веймаре, Дрездене и Баутцене), ворота (*Wendische Tor* в Баутцене) и даже кварталы (*Wendische Viertel* в Луккау). В Баутцене, городе с большим сорбским населением, бытовало предание, восходящее к первой трети XIII в., будто острые распри между немцами и славянами в городе вынудили тогдашнего властителя края, чешского короля Пржемысла I, указать каждой этнической группе особое место для проживания. Хотя уже в XIV в. славяне жили не только здесь и, напротив, многие обитатели этих улиц и кварталов были немцами, такое локальное обособление, отраженное в микротопонимии, также могло быть фактором сохранения славянами в городах своего этнического самосознания. Такие “*Windischgassenn*” обитатели “славянской улицы” известны и в подвластной Габсбургам Нижней Крайне, в городах Марибор и Птуй.

Фактором этнического обособления славян можно считать также сосредоточение в их руках тех или иных промыслов или ремесел. С кон-

ца XIII в. в Росток славяне были известны как торговцы салом, пастухи – арендаторы лугов, цирюльники. Со славянами ассоциировались во многих местах профессии мясников (поэтому в Штральзунде дешевое мясо называли “славянским” – “wendeflesch”, а рынок, где его продавали, – “wendemarket”; слово же “Wendschlachter” сохранялось там до XIX в.), смолокуров (wendische Teerschweler) и льноткачей (отсюда – уникальное слово “die leyneweberwyndischen” в начале XVI в.). Конкуренция горожан-немцев со славянами в этих сферах деятельности приводила к конфликтам, неизбежно окрашенным этнически. Однако до середины XIV в. подобные конфликты не порождали здесь каких-либо дискриминационных правовых мер против славян в городах.

С почти полным исчезновением на этих землях в XIII–XIV вв. свободного славянского населения и притоком германских (а в восточно-альпийских областях также романских) колонистов юридическая специфика славян в деревне, еще сохранявшиеся элементы их правовой традиции сошли почти на нет. Новое вотчинное право устраняло социальные и юридические различия между этническими группами зависимого крестьянства. В городах же между Эльбой и Одером именно в это время усиление ремесленных цехов создало, напротив, новые могучие факторы этнического размежевания. В 1353 г. в цеховом статуте сапожников города Беесков впервые появляется знаменитый “славянский параграф”: наряду с лицами “недостойного” происхождения и занятий в цех запрещалось принимать также славян (wende). В 1387 г. этот запрет повторили беесковские пекари. Постановление шерстоткаческого цеха в Шверине в 1372 г. показывает, что еще до внесения этого ограничения в цеховые грамоты прием в цех только “немцев, а не славян” существовал там как “обычай” (wanheuyth). В самом деле, уже в 1385 г. в Любеке было предъявлено свидетельство о происхождении его подателя “не из славянского рода [...], но от добрых и честных немцев”

Однако только после 1400 г. “славянский параграф” стал широко применяться в цеховых статутах городских ремесленников, особенно на землях Бранденбурга. Но и в Любеке с 1410 г. вступавший в цех портных, а с 1414 г. и шорников, должен был доказать, что он сын не славянина (van nener wendischen ardt; nynes wendes sone sy) и не льноткача. Низкими, “нечестными” считались также занятия пастухов, гончаров, пасечников, т.е. профессии, в основном также сосредоточенные в руках славян.

Экономические, политические, социально-психологические причины и смысл этого требования цехов толковались историками по-разному. Наряду с желанием горожан-немцев закрыть конкурентам из еще большей частью славянских деревень с их ремеслами доступ к цеховым привилегиям, подобный запрет, составлявший, напомним, лишь часть ограничений на вступление в цех, отражал, на наш взгляд, и возросшее корпоративное сознание цеховой верхушки. Требование, чтобы члены цеха происходили “от добрых и честных немцев”, могло быть внушено чисто средневековым желанием “облагородить” корпорацию, сделать ее замкнутой, элитарной. Особенно наглядно это проявилось в том, что “славянский параграф” очень скоро стал ритуальной формальностью:

его включали в цеховые грамоты даже там, где никаких славян не было, например, в Вестфалии.

Как бы то ни было, “параграф” обострял межэтническую напряженность, вновь и вновь напоминая славянам, а по некоторым цеховым стату там – даже их детям от смешанных браков об их происхождении. Это усиливало этническое самосознание славян и вело зачастую к конфликтам между славянскими ремесленниками и немецкими цехами. Об этом говорят попытки территориальных правителей в конце XV – начале XVI в. примирить обе общины в городах, несколько расширив для славян доступ в цехи. Так, уже в 1488 г. курфюрст Саксонский, вопреки протестам городского совета в Герцбергене-Эльстере, распорядился принимать там славян в цехи. В 1525 г. его примеру последовал курфюрст Бранденбургский, даровав “нашим горожанам вендской нации (unsern Bürgern von der wendischen Nation)” в Коттбусе “особую милость”: детям от браков “с девицей или вдовой вендской нации” путь в цехи там был отныне открыт. В конечном счете все эти меры ускоряли ассимиляцию славянского меньшинства в городах.

Уже упомянутое стремление к замкнутости, повышению своего престижа и утверждению своей самостоятельности по отношению к центральной власти проявилось и в попытках некоторых городов с конца XIV в. ограничить доступ славян к бюргерским правам. Хотя, например, в Любеке славянин мог стать полноправным горожанином, “если он того достоин”, тем не менее, с понятием “славянин” уже традиционно ассоциировалось представление о небюргерской части городского населения. Еще в XIV в. в документах появилась оппозиция “граждане” – “славяне” (cives et Slavi). В 1490 г. суд в Любеке отказал некоему ребенку в праве на наследство, так как его мать-немка вступила в брак “со славянином, который не равен сй по рождению (mit dem wendischen Manne, der ehr nicht enbordig en were...)” Запретов на смешанные браки в XV–XVI вв., однако, еще не было.

По-видимому, славян подозревали также в нелояльности к интересам города: в 1409 г. городской совет Люнебурга (на границе ганноверского Вендланда, где была высокая концентрация славянского населения) постановил, что отныне ни один славянин (wendesche man) не может стать бюргером, “иначе город может дойти до гибели из-за неверности (untruwe) этого [народа]”. В XVI в. желающий стать гражданином Люнебурга должен был доказать, что он “по рождению немец, свободный человек и порвал с местностью, откуда происходит”. Славяне же, “венды”, явно воспринимались в городе как элемент, связанный с деревнями и рыночными поселениями вне города. Недаром в сложенной не ранее 1457 г. в Люнебурге сатирической народной песне о политических распрях в городе один из их участников говорит такие слова:

Do sprak ut sinnen Clement:
“de lude seggen, ik si ein Wenth,
dat wil mi in schaden bringen”.

И вот сказал себе Клемент:
“Люди говорят, будто я венд.
Это принесет мне немалый вред”.

В 1466 г. в Гамбурге из списка горожан вычеркнули некоего Ханса (Свинегеля – с припиской: “Вычеркнут, ибо славянин (*deletus est, quia Slavus*)”). Еще три года спустя около другого имени в списке появилось замечание: “Если окажется славянином, деньги [видимо, взнос за приобретение гражданства. – *B.P.*] должны быть ему возвращены (*Si fuerit Slavus, debet sibi restitui pecunia*)”.

“Славянский параграф” в цеховых статутах дополнялся в ряде случаев другими дискриминационными мерами. Так, в XV в. в некоторых городах Бранденбургской марки славянам запрещалось владеть домами с патентом на пивоварение. В Ютербоге стоимость дома, которым владел “венд”, не должна была превышать определенной величины, а в Гарделегене носить дорогую меховую одежду женщинам разрешалось только при условии “немецкого, а не славянского происхождения (*dudesg und keyner wendischen art*)”. Города тщательно фиксировали славянское происхождение части жителей: в городских книгах, в частности в Берлине, при упоминании некоторых участников той или иной сделки, покупки бюргерских прав (там, где это допускалось), поручительства или уголовно наказуемых деяний часто добавлялось: “славянин (*Slavus*)”, “некий славянин” или даже “чистый славянин (*purus Slavus*)”.

Все это касается лишь северного региона. В городах Каринтии, Штирии, Крайны славянское меньшинство юридически никак не выделялось, а за границей всех горожан-купцов восточноальпийских областей воспринимали как немцев. В гостиничных книгах итальянских городов XIV–XV вв. к их именам всюду прибавлены прозвища “*Teutonicus*”, “*Teotonico*”. Но и на землях к западу от Одера своего рода сегрегация в отношении славян отнюдь не была повсеместной. Так, компактно проживавшее в Нидерлаузице сорбское население находилось в более благоприятном положении, чем небольшие группы славян в Бранденбурге или Мекленбурге. В городах в Лаузице “славянский параграф” в цеховых грамотах появился намного позднее и был куда менее распространен.

Даже в северном регионе никакой единой политики в отношении славян в городах не было. Была лишь тенденция. В 1421 г., когда, например, в Люнебурге славяне уже не могли становиться полноправными горожанами, неподалеку оттуда, в Зальцведеде, их еще легко принимали в бюргеры. Однако уже в 1486 г. в том же Зальцведеде магистрат Старого и Нового города постановил вообще не допускать проживания славян в городе и даже лишить их прав на уже занимаемые ими дома. В целом же статус славян в городах был далеко не худшим по сравнению с другими меньшинствами. Так, в Берлине в середине XV в. славянин мог купить права бюргера довольно дешево, во всяком случае в 3 раза дешевле, чем еврей. Тем не менее, представления о славянах как о неполноправной, социально приниженной части населения к концу XV в. заметно усилились. Характерно для того времени судебное дело, разбиравшееся в 1537 г. в Цербсте: некий подпасок “по имени Брюсс, славянин (*ein Wendt*)”, избил 10-летнюю девочку, крикнувшую ему: “Эй, венд, поцелуй меня в заднее место!”

Все это делало межэтнические отношения здесь напряженными и драматичными. Помимо уже названных конфликтов между славянскими

ремесленниками и немецкими цехами в одном и том же городе, были и другие, более крупные. В 1501 г., по словам любекского хрониста Реймара Кока, дошло до распрей между гамбургскими и любекскими горожанами, с одной стороны, и люнебургским князем и местными славянами, – с другой. Неблагоприятный этнопсихологический стереотип славян в обыденном сознании иноэтнического населения этих территорий, несомненно, действовал и на сознание самих славян. К сожалению, если не считать истории с подпаском Брюссом, мы ничего не знаем об их реакции. Объективно же дискриминация славян в городах лишь ускоряли ассимиляцию, приведшую в XVI–XVII вв. к исчезновению значительной части славянского этноса к западу от Одера.

И все же главным фактором, выделявшим славян в глазах их соседей и их собственных, оставался язык. В Восточных Альпах повсюду, где жили словенцы, их диалект сохранялся как язык церковной проповеди, молитвы и исповеди, причем и в деревне, и в городе. Например, в каринтийском Фелькермаркте, где словенцы в 1483 г. составляли явное меньшинство, они слушали проповедь на своем языке. В XVI в. в подвластном Габсбургам графстве Герц (Гориция/Горица, на нынешней итало-словенской границе) говорили на трех языках, проповеди же читали только на двух – “италийском”, т.е. на романском наречии фриулов, и “иллирийском”, т.е. языке славян Северной Адриатики (*sed conciones tantum italice et illyrice habentur*). Это должно было делать местный словенский диалект в глазах его носителей, главным образом, крестьян и отчасти низшего слоя горожан, особенно значимым. На севере, в Лаузице, в 1490 г. епископ Майссенский приказал священникам “вендских” приходов иметь капелланов – славян. В 1495 г. упомянута особая “*capella Sclavorum*” в Коттбусе, в 1504 г. – в Зорау. Слушая проповеди на своем языке, славяне, несомненно, дольше чувствовали себя особой этнической группой, прежде всего, разумеется, в областях со смешанным населением. Недаром в тех местностях, где в социальной жизни (например, в церкви) заметную роль играл тот или иной славянский диалект, славянское население сохранялось по крайней мере до начала Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Ронин В.К. Проблемы этнического самосознания словенцев // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.

Ронин В.К. Проблемы этнического самосознания полабских славян // Там же.

Ahlens O. Die Bevölkerungspolitik der Städte des “wendischen” Quartiers der Hanse gegenüber den Slawen. Berlin, 1939.

Ankershoven G., Hermann H. Handbuch der Geschichte des Herzogthumes Karnten bis zur Vereinigung mit den österreichischen Fürstenthümern. Klagenfurt, 1843. Bd. 2.

Bilek J. Die Herkunft der slawischen Minderheiten in den mittelalterlichen Städten Mecklenburgs // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. 1961.

Boguslawski W. Dzieje Słowianszczyzny północno-zachodniej. Poznań, 1900.

Die Slawen in Deutschland: Neubearbeitung. Berlin, 1985.

Hopp D.G. Die Zunft und die Nichtdeutschen im Osten, insbesondere in der Mark Brandenburg. Marburg, 1954.

Jachnow H. Die slawischen Personennamen in Berlin bis zur tschechischen Einwanderung im 18. Jahrhundert. Berlin, 1970.

Koeppen H. Gewerbe, Stand und Volkstum im Spiegel der Straßennamen von Stralsund // Festschrift Adolf Hofmeister zum 70. Geburtstage. Halle, 1955.

Lehmann R. Geschichte der Niederlausitz. Berlin, 1963.

Lehmann R. Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Organisation und Verwaltung der Lausitz im Mittelalter. Berlin, 1974.

Metsk F. Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deutschen Feudalismus. Bautzen, 1968.

Metsk F. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik im Kreise Cottbus. Berlin, 1962.

Pirchegger H. Der deutsche Bevölkerungsanteil in den untersteirischen Städten Halburg a.d. D. und Pettau im Mittelalter und in der frühen Neuzeit // Südostdeutsches Archiv. 1961. Bd. 4.

Steie F. Potovanje skozi Slovenijo v 1571 in 1574 // Glasnik Muzejskega drustva za Slovenijo, 1939.

Strzelczyk J. Slowianie i Germanie w Niemczech srodkowych we wczesnym sredniowieczu. Poznan, 1976.

Vogel W. Der Verbleib der wendischen Bevölkerung in der Mark Brandenburg. Berlin, 1960.

Wehrmann C. Die alteren Lübeckkschen Zunftrollen. Lübeck, 1872.

НЕМЦЫ В ГОРОДАХ ЧЕШСКОГО КОРОЛЕВСТВА (XIII–XV вв.)

Так называемая “немецкая колонизация” – процесс, охвативший многие страны Северной, Центральной и Восточной Европы с XIII в., с наибольшей интенсивностью проявился в Чешском королевстве. Этот процесс придал своеобразный характер становлению и развитию чешского средневекового города, обусловил основные тенденции эволюции городской экономики, социальной жизни, этнического состава населения, во многом определил специфику городского права и городской культуры. Можно утверждать, что нигде за пределами собственно немецких земель немецкий этнический элемент не участвовал столь интенсивно и результативно в формировании городского средневекового организма, как в Чехии. Земли Чешской короны, входившие в состав Священной Римской империи, в XIV в. благодаря государственным преобразованиям императора и чешского короля Карла VI стали занимать, согласно Золотой булле 1356 г., первое место в системе Германской империи. Ее столицей фактически стала Прага. Однако постепенно, к началу XV в., набирает силу процесс этносоциальной конфронтации между немецким и чешским населением городов Чешского королевства. Резкий социально-политический и религиозный взрыв – гуситское движение – в интересующем нас аспекте стал поворотным пунктом в истории немцев в Чехии. В результате городских восстаний в начале 1520-х гг.,

имевших во многом антинемецкую направленность, начался резкий отток немецкого городского населения из страны. Хотя ряд городов остался этнически немецким, можно говорить о конце “немецкого периода” и развитии чешского города.

За два столетия безусловного господства в городской сфере немецкий элемент в Чешском государстве достиг значительного развития и во многом способствовал превращению Чехии в наиболее экономически развитое, сильное и богатое государство региона Центральной и Восточной Европы, в страну с чрезвычайно обширной сетью городов, с большой долей горожан в общем населении страны, с развитой городской культурой. Именно развитие городов выделяло Чехию на фоне соседних восточноевропейских стран и придавало ей черты общности с западноевропейским типом развития европейской цивилизации.

Городская колонизация XIII в., значительно изменившая всю структуру чешского феодального общества, обеспечила большой приток немецкого элемента, ставшего постоянным городским населением, участвовавшим не только в непосредственном производстве продукции городского хозяйства, но и в организации городской экономики и управления. Отсутствие точных цифровых данных, характеризующих немецкое население, не препятствует обоснованным утверждениям о том, что в конце XIII в. оно было весьма значительным. Необходимо учитывать, что в XIV в. все городское население составляло около 20% жителей страны.

Немецкая городская колонизация приводит к возникновению этнически немецких городов – своеобразных этнических анклавов – прежде всего, в пограничной с Германией Западной Чехии (Хеб, Пльзень), а также в Силезии и Моравии. Значительный приток немецкого населения в Среднюю Чехию был вызван интенсивным освоением рудных месторождений. В города, формировавшиеся как центры горнорудных разработок (Иглава, Кутна Гора), немцы приносили свой богатый опыт в добыче и переработке серебряной и медной руды. Соответственно, они приносили с собой и правовые нормы, регулирующие производственные и социальные отношения в горных городах.

Конечно, поселение немцев в городах Чешского королевства юридически основывалось на правах, даваемых им чешским королем. Немецкое городское право в Чехии – это сумма привилегий, разработанных специально для немцев чешскими государственно-правовыми органами, поэтому в данном смысле это право не “немецкое”, а “чешское”. Однако оно во многом учитывало собственно германские юридические нормы. В особенности это относится к внутригородскому праву, которое, как правило, брало за образец право того или иного крупного города Германии (Магдебург, Нюрнберг, Аугсбург, Регенсбург). Так, на севере Чехии распространились нормы “Саксонского права”. Поэтому утвердилась практика, согласно которой высшей судебной апелляционной инстанцией по городским делам городов Чехии был магистрат того города в Германии, откуда были заимствованы правовые нормы.

Немецкое население в городах не представляло собой социально однородной группы. В первые десятилетия колонизации, когда приток этнических немцев был особенно значителен, они являли собой весьма

дифференцированный социум. Из наиболее богатых горожан, занимавшихся торговой деятельностью, а в горных городах – организацией добычи руды, постепенно формируется патрициат. До конца XIV в. этнически он исключительно немецкий. Средние городские слои (ремесленники и мелкие торговцы) также преимущественно состоят из немцев. Однако постепенно увеличивается число чехов-бюргеров, что приводит к росту этнической конфронтации в городах. Наряду с чисто немецкими цехами возникают чешские, а в этнически смешанных цехах выбирают два цехмистра – немец и чех. Городская беднота вначале также состояла из немцев. Чехизация этого социального слоя происходила постепенно под воздействием двух факторов: притока чешского населения из сельской местности и прекращения миграции необеспеченного немецкого населения в Чехию в связи со стабилизацией социально-экономической структуры чешских городов. В итоге на рубеже XIV–XV вв. четко обозначилась этно-социо-экономическая дихотомия чешского города: верхний слой и значительная часть средних слоев – немцы, меньшая, но интенсивно увеличивающаяся и наиболее экономически, социально и политически активная часть средних слоев и беднота – чехи.

В городах, возникших ранее XIII в., немецкое население составляло лишь часть жителей. Характерный пример – Прага. В пражском подграде – предгородской агломерации – в XI в. жило местное чешское население, иноэтничный элемент состоял из евреев, романцев и немцев. Последние занимались, кроме торговли, также ремеслом: изготовлением оружия, драгоценностей, одежды и т.д. Постепенно сформировался квартал компактного проживания немцев – слобода На Поржичи, получившая от князя Собеслава II в 1174–1178 гг. письменное подтверждение своих прав и привилегий. В дальнейшем, с ростом немецкого населения, кварталы в центре Старого Города Пражского, около центральной рыночной площади, заселяются немцами. Естественно, что это самая престижная часть города, населенная самыми богатыми горожанами, сохраняет свой этнически немецкий характер до начала XV в. В других городах Чешского королевства с этнически неоднородным населением немцы также проживали компактно, образуя “немецкие улицы” или “немецкие четверти” в центре города. Современные чешские историки отрицают старую точку зрения на развитие городского права, согласно которой именно Собеславовы привилегии немцам заложили юридическую основу чешских городов, указывая на то обстоятельство, что городское право формировалось из торгового, а торговая площадь не знала национальных перегородок.

Другой тип представляли собой города, основанные в ходе колонизации “на чистом месте” на основе локационной грамоты, дававшейся феодалом. Как правило, такие городские поселения основывали немецкие колонисты, которые затем добивались от номинального владельца города утверждения городских прав и привилегий, заимствованных из юридической практики германских городов. Городская колонизация вначале была более интенсивной в Моравии, где в 1220-е гг. возникает ряд городов. Именно в этом регионе появилась первая в Чешском королевстве городская привилегия (для города Уничов). В собственно Чехии

до середины XIII в. было основано лишь 20 городов. Процесс урбанизации резко усиливается при “золотом и железном” короле Пршемысле Отакаре II (1253–1278), когда в Чешском государстве появилось свыше 50 городов, что было связано как с финансовыми, так и с политическими интересами короля, создавшего сильнейшее государство в Центральной Европе и претендовавшего на императорскую корону.

Во второй половине XIII в. пражский немецкий патрициат играет значительную роль в экономике страны. Показательна карьера купца Эберхарда, который стал сначала локатором, основав еще один городской квартал, примыкавший к торговой площади св. Гавла в Праге, а затем занял должность королевского управляющего монетным двором. Многие пражские патриции становились откупщиками королевских доходов от горнорудных разработок и кредиторами чешских королей, что позволяло им оказывать существенное влияние на экономику таких горных городов, как Иглава и Кутна Гора. К концу XIII в. многие из них уже владеют не только домами и земельными участками в городе, но и приобретают целые деревни с крестьянами, как семья Вельфловицей. Также растут объемы банковских операций пражского патрициата.

В целом, в конце XIII – первой половине XIV в. развитие городов Чешского королевства идет в общем русле урбанистических процессов в Центральной Европе. Эмансипационные тенденции приводят к росту политических амбиций патрициата, обладающего фактически всей полнотой власти в городе. Это нашло свое выражение в росте городского самоуправления и в том, что должность рихтера – королевского управляющего в городе – традиционно стали занимать, а точнее, покупать, представители патрициата. Затем институт рихтера почти во всех королевских городах был выкуплен городской коммуной и власть юридически полностью перешла в руки магистрата, целиком состоявшего из патрициев.

В начале XIV в., в период ожесточенной борьбы за трон крупнейшие патрицианские семьи активно вмешиваются в политику, идут на прямую конфронтацию с дворянством, этнически чешским. Так, в 1309 г. коалиция семей Вельфловицей из Праги, Пушей и Рутхардов из Кутной Горы захватила в плен лидеров “дворянской партии”, включая одного из крупнейших чешских магнатов, претендента на корону Индржиха из Липы. В борьбе различных группировок за чешский трон немецкий патрициат Праги часто вставал на сторону германских претендентов. В 1309 г. он открыл ворота города наемным войскам из Мейсена, приведенным другим претендентом – Генрихом Корутанским. Именно бесчинства немецких ландскнехтов в начале XIV в. и поддержка германской кандидатуры патрициатом стали мощным импульсом для развития чешского этнопатриотизма. Четко обозначилась этносоциальная конфронтация в масштабе всей страны: против немецких городов выступило все дворянство и чешское крестьянство. Наиболее ярко ненависть к горожанам-немцам воплотилась в стихотворной Хронике так называемого Далимила.

Политическим носителем чешского этнопатриотизма стала та часть дворянства, которая встала в оппозицию королю, поддерживавшему немецкое бюргерство. Именно это дворянство воспрепятствовало сколько-нибудь значительной германизации страны. Сами города также уже не могли служить опорой немецкого этнического элемента, тем более его усиления, так как демографически они росли за счет притока новых жителей, среди которых уже с конца XIII в. преобладали выходцы не из Германии, а из чешской деревни.

Исторические процессы, происходившие в чешском обществе в середине – второй половине XIV в. во время правления Карла IV и Вацлава IV, лишь усилили эти тенденции. Города полностью исключаются из политической жизни страны. Король оказывает поддержку лишь городской экономике. С основанием в Праге в 1348 г. Нового Города, огромного по площади, резко увеличивается чешский этнический элемент в столице, так как в заселении Нового Города участвовали в основном чехи. Вся Прага превращается в крупнейший город Европы с населением около 40 000 человек. Карл IV решительно выступал против стремления цеховых ремесленников к власти в городе, запрещая их участие в работе магистратов. Тем самым он поддерживал сохранение всей полноты власти в системе городского самоуправления в руках патрициата, остававшегося немецким. Крупнейшие городские бунты, вызванные ухудшением положения низших и средних слоев городского населения, подавляющую часть которого уже составляли чехи, умело направлялись не против немецкого патрициата, а против еврейского населения, обвинявшегося во взимании чрезмерно высоких ростовщических процентов. В этом отношении наиболее характерно пражское восстание 1389 г.

Значительные изменения в XIV в. происходят внутри патрициата. Старый родовой патрициат, разбогатевший благодаря откупам королевских должностей и колонизации, уже имел мало общего с городской экономикой, поэтому старые немецкие роды постепенно теряют интерес к городским занятиям, хотя сохраняют власть в городе. В среде патрициата начинают проникать предприимчивые торговцы и ремесленники. Среди них были и новые переселенцы из Германии, и разбогатевшие чехи.

Постепенно складывается ситуация, когда социальная дифференциация в городе совпадает с этнической. Столкновение интересов патрициата и бюргеров-ремесленников соответствует оппозиции немцы – чехи, что приводит к обострению конфронтации и окрашивает ее в тона национальной борьбы. Позиции патрициата ослабляются еще и тем, что представители нового патрициата из чехов уже не стремятся онемечиться, но наоборот, отстаивают свою этноязыковую аутоидентификацию. В этом процессе наступающей стороной были чехи, стремившиеся к вытеснению или ограничению немецкого элемента, в особенности в городском самоуправлении. Интересно отметить возникновение тенденции к чехизации у части немецкого бюргерства. Об этом свидетельствует тот парадоксальный факт, что первую городскую грамоту частноправового характера, написанную на чешском языке,

составил 27 декабря 1370 г. горожанин Нового Града Пражского, которого звали Петр Ноймбургер.

Отдельные представители немецкого патрициата при Вацлаве IV проникали в верхние эшелоны государственного управления. Так, Зигмунд Гулер из Хеба стал членом королевского совета, доверенным лицом короля и его любимцем. Как знаток городских дел, он долгие годы (1387–1405 гг. с перерывами) занимал должность подкоморжего, и обязанности которого входило управление королевскими городами. Конец его был печален, за свои махинации он поплатился головой. Публичная казнь по королевскому приказу состоялась 23 июня 1405 г.

В Праге в начале XV в. доля немецкого населения сокращалась. Значительный отток немцев был вызван Кутногорским декретом 1409 г., по которому вся власть в Пражском университете переходила к чешским магистрам. В ответ на это немецкие преподаватели и студенты, составлявшие университетское большинство, покинули Прагу.

Социальный рост и внутригородские политические амбиции чешских бюргеров привели к тому, что немецкий патрициат был вынужден защищать свои старые права. Прежде всего это касалось представительства в магистрате. Так, в 1413 г. Вацлав IV по настоянию немцев-патрициев Старого Города Пражского издал привилегию, по которой в городском совете устанавливалось паритетное представительство чехов и немцев.

Благодаря недавним работам чешских историков Я. Мезника, Ф. Шмагеля, Ф. Хофмана и немецкого исследователя Э. Шварца вырисовывается эволюционно проходивший процесс вытеснения немцев из городского управления и уменьшения процента этнически немецкого населения в городе из-за роста чешского населения. К взрыву гуситского движения в Праге в 1419 г. магистрат Нового Города, с убийства членов которого и началось само движение, состоял уже из чехов, правда, противников гусизма. Последовавшее за бунтом изгнание немцев из Праги затронуло прежде всего патрициат Старого Города. Примеру столицы последовали ряд других городов, хотя, некоторые из них, где немцы составляли большинство, сохранили существовавшее ранее положение. Вопрос о том, почему немецкое бюргерство не восприняло доктрины гусизма, в начале лишенной какой-либо этнической окраски, остается пока не решенным. Таким образом, гуситское движение лишь ускорило и драматизировало процесс утраты немецким бюргерством городов Чешского королевства своих экономических и социальных позиций.

В ходе начавшихся гуситских войн города, сохранявшие немецкое население, оказывали поддержку войскам императора Сигизмунда Люксембурга и чешского католического дворянства. Военная конфронтация с гуситами при постоянных победах последних обуславливала расправу с немцами и их изгнание с конфискацией имущества из тех городов, которые брали войска гуситов. Немецкое бюргерство удержалось лишь в Моравии, которую гуситские войны затронули незначительно. В целом, гуситское движение положило конец длительному периоду превалирования немцев в городской сфере.

Оценивая положение и роль немецкого бюргерства в Чехии, необходимо учитывать, что в экономике городов немцы занимали ключевые позиции и во многом способствовали экономическому благосостоянию городов в целом. Немцы занимались теми видами торговой деятельности, которые приносили наибольшие доходы. Через систему налогов часть денег шла на общегородские нужды и в королевскую казну. Немцы занимались ремеслами, такими технологически сложными, как металлообрабатывающие; в некоторых городах они были заняты в сукноделии; горное дело с его технологическими сложностями, требовавшими больших специальных знаний и квалификации, благодаря немцам стало основой экономического благосостояния государства, чья серебряная монета – пражский грош, чеканившийся в Кутной Горе, стала эталонной в Европе.

Процесс чехизации городов имел объективный характер, принимавший драматический оттенок благодаря росту чешского самосознания. Что касается самосознания немецкого бюргерства, то здесь необходимо подчеркнуть его иерархичность. Сознавая себя этническими немцами, они считали себя подданными чешского короля, то есть у них было чешское (по-немецки – богемское) государственное сознание. Это тонко уловило чешское королевское законодательство, еще с XII в. отличавшее “немцев-чужеземцев”, то есть торговых гостей-купцов, и “домашних немцев” – подданных короны. Первым запрещалось участие в городском самоуправлении. О чешском государственно-правовом сознании вторых говорит тот факт, что Хроника Далимила, характеризующаяся острой антинемецкой направленностью, была переведена с чешского на немецкий язык и имела хождение среди немецкого патрициата, так как в ней отстаивались некоторые городские интересы.

Также интересно отметить, что пик германизации чешских городов приходится на XIII в., когда Чешским государством правят последние представители национальной династии Пршемисловцев. В XIV в., при династии Люксембургов начинается чехизация городов, причем чешский монарх, становящийся одновременно главой Священной Римской империи, не выражает заинтересованности в особой поддержке немецкого бюргерства в Чехии. Предоставленное самому себе, оно постепенно утрачивало свои позиции, пока не было окончательно сметено революционной волной.

ЛИТЕРАТУРА

Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М., 1981.

Bohac Z. Narodnostni pomery v zemich Ceske koruny v dobe predhusitske a do tricetilete valky // Hustitstvi. Reformace. Renesance: Sbornik k 60-narozeninam Frantiska Smahela. Praha, 1994. Т. 1.

Hoffmann F. Ceske mesto ve stredoveku. Praha, 1992.

Hoffmann F. Struktura mestskeho obyvateľstva v českých zemích do počátku 16. století // Struktura feudalni společnosti na území Československa a Polska do přelomu 15. a 16. století. Praha, 1984.

- Janaček J.* Male dejiny Prahy. Praha, 1983.
- Mezník J.* Karel IV., patriciat a čechy // Československý časopis historický. 1961. Seš. 13.
- Mezník J.* Narodnostní složení předhusitské Prahy // Sborník historický. Praha, 1970. Seš. 17.
- Mezník J.* Praha před husitskou revolucí. Praha, 1990.
- Prehled dejin Československa. Praha, 1980. D. I/1.
- Schwarz E.* Die Volkstumsverhältnisse in den Städten Böhmens und Mährens vor den Hussitenkriegen // Bohemia, 1961. N 2.
- Spevaček J.* Václav IV. Praha, 1986.
- Šimák J.V.* Středověká kolonizace v semích českých // České dejiny. Praha, 1938. D. I/5.
- Šmahel F.* Idea národa v husitských Čechách. České Budějovice, 1971.
- Šmahel F.* Výsledky a výhledy výzkumu národnosti skladby českých měst od konce 13. do počátku 15. století // Národnosti a vývoj měst na Slovensku do roku 1918. Martin, 1984.
- Trestík D.* Proměny české společnosti ve 13. století // Folia historica Bohemica. Praha, 1979. V. 1.
- Uhřel Z.* Národnosti a proměny 13. století a český nacionalismus // Folia historica Bohemica. Praha, 1988. V. 12.

ЗАМОК И ГОРОД

ЗАМОК СЕНЬОРА И ГОРОД

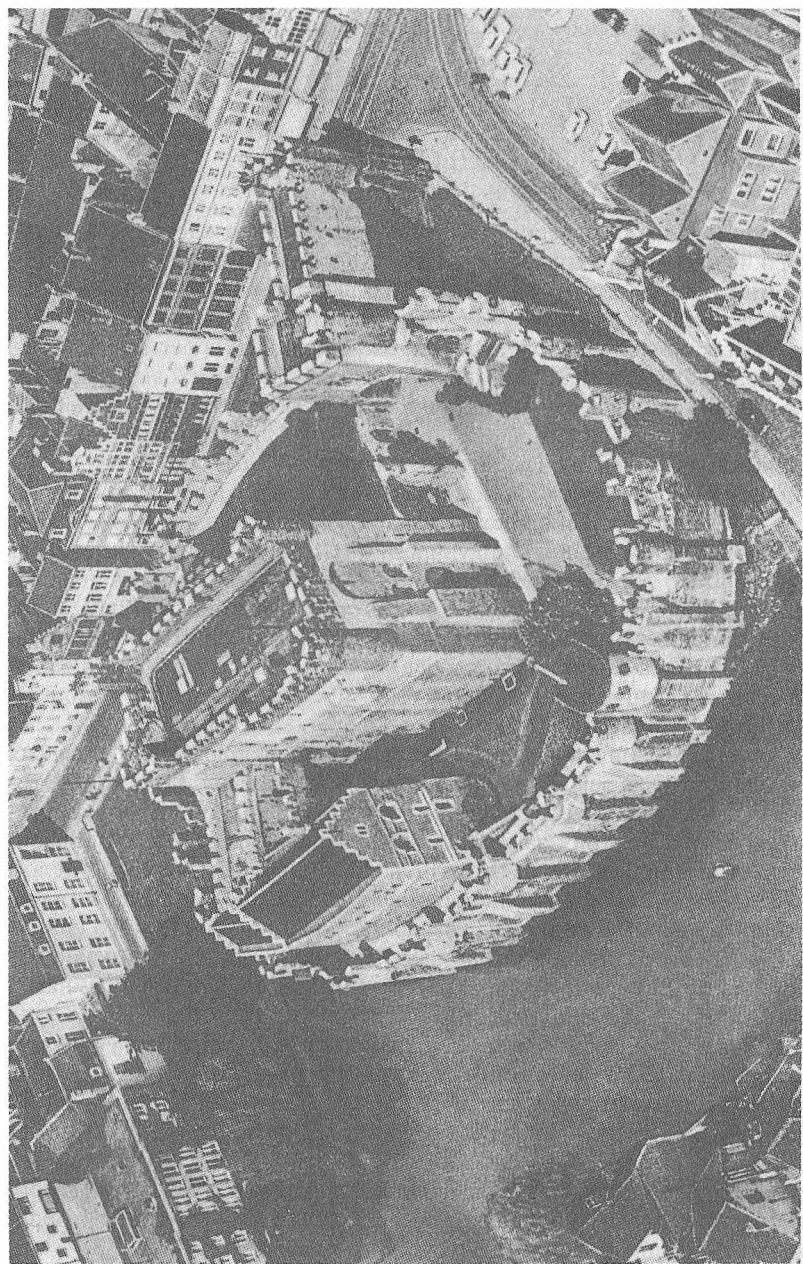
Сегодня кажется невероятным, что в горах исследований о внутренней жизни средневекового города с трудом можно найти хоть какие-то сведения о знати или дворянах и далеко не часты вообще упоминания о них. Дело здесь не только в природе источников, традиционно использовавшихся в трудах о городе: разумеется, дворян нет в регистрах налогов, собираемых с города, в списках городских служб, в цеховых документах и т.д. Характер письменных источников обусловил замалчивание роли сеньоров в возникновении и укреплении городов Западной Европы, но и смещение акцента – выпячивание роли суверенов в этом процессе.

Однако в “умолчании” этой темы лежат и более глубокие, “идейные” причины. Традиционно историография рассматривала процесс развития города как спонтанный, идущий либо от повышения роли торговли, прежде всего, межрегиональной, либо от отделения ремесла и торговли от чисто аграрных занятий. Отсюда город трактовали в духе социального конфликта, преимущественно в терминах оппозиции: сеньор жил своей жизнью (если жил в городе), а вокруг него город жил своей жизнью, создавая новые социально-экономические структуры и политико-культурные ценности.

А между тем ничто в городе не могло происходить без согласия сеньора, ибо это его земля, его подданные и его доходы. Более того, топография свидетельствует, что почти все города Западной Европы организованы вокруг центра – замка или монастыря, а это не могло произойти незаметно для владельца этого центра. Феодализм не был уделом только деревни: сеньоры имели широкие права в городе и после получения им коммунальной хартии. Противопоставление купеческого города и деревенского сеньора односторонне и поверхностно, хотя оно занимает прочные позиции на страницах книг и учебников, искажая так называемую “коммунальную эпоху”

Деревня и город жили во многом сходной жизнью: везде был укрепленный дом сеньора с его работниками вокруг. В куртуазных романах город и замок часто синонимы. Феодальный режим существовал в городе и способствовал глубокой трансформации сети городов, форм жизни в них. Но идея включенности города в феодальную систему утверждалась в историографии нелегко, поскольку признание роли сеньоров в укреплении городского строя корректировало излюбленное представление о “буржуазном” городе и снимало тезис об антагонизме купеческого города и сеньора.

Гнет. Замок графов

Первыми начинали изучать аристократию в городе, ее образ жизни и деятельности историки Италии. Разрозненные и косвенные данные хроник, частные собрания документов, нотариальные акты позволили им увидеть сходство города и деревни. Идеи итальянских историков начали завоевывать сторонников по ту сторону Альп. На помощь пришли археологи, которые могут сегодня дать наиболее существенный материал по проблеме “замок и город” для большинства стран Европы. Но различия в характере источников у стран письменной и устной традиции смещает акцент в сторону преобладания сеньоров в Италии и на Юге Франции, что следует иметь в виду при обобщающих выводах. В настоящее время существуют три главных опасности в изучении этой проблемы: рассматривать город либо как часть сеньории, либо как оппозицию ей, либо как самостоятельную новую структуру внутри нее и союзную ей.

Так или иначе, но замок и город – относительно новая тема в историографии, по ней нет ни обобщающих, ни даже специальных трудов, однако есть уже перекосы: от исключения сеньоров из города – в сторону превращения дворян в решающую силу городской истории Средневековья. И все же ясно, что роль сеньоров была значительна, меняясь от трансы к стране, от эпохи к эпохе, от города к городу.

Здесь возможно наметить лишь ключевые проблемы истории замка сеньора в городе, оговариваясь, во-первых, что речь идет о замке светского сеньора, не суверена и не его чиновника. Такое деление весьма условно, поскольку процесс создания централизованных государств в Европе проходил в условиях соперничества крупных сеньоров, многие из которых могли, при иных обстоятельствах, стать главами этих государств. Во-вторых, тема рассматривается преимущественно на материалах Франции.

С точки зрения типологии замка в городе выделяются те же три зоны, что и для городской истории в целом: Северная Европа и Англия, где сеньоры преобладают в городах, имеющих военное значение; Западная и Центральная Европа, где сохранились античные традиции, но преобладают новые города, возникшие в местах экономической активности; Средиземноморье, где старые римские города перерастают в иное качество. В них, как правило, замок возникает из античного строения (форума, цирка, театра, термы). Например, в Ниме в стенах римского амфитеатра был основан Замок Арен (*castrum arenarum*). В Каркассоне рыцари (*castellani*) помещались в фортах неприступной цитадели (*castellum*). В Экс-ан-Провансе рыцари жили в мавзолее по *via Aurelia*.

В других случаях замок служил центром образования города. Жилище сеньора находится на возвышении (*rocca castri, domus major*). Топонимия настаивает на наличии такого возвышения, вокруг которого создается город (*mons, poggio, castro*). Этот город можно смело называть “замковым”, и для его обозначения употреблялись термины *castrum/chastel, castellum, oppidum, villa/ville, burgus/bourg, fermete, vicus*. На замковую природу городского ядра могут указывать и соответствующие топонимы в его названии (во Франции – *chateau, castel, ferte, comte, duc*). Однако

не менее распространен и третий тип складывания города: многофункциональный, имеющий не один, а три центра: античное или раннесредневековое поселение, новое городское образование с рынком в центре, замок сеньора (пример – Тулуза).

РОЛЬ ЗАМКА В ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОРОДА

В каждом регионе Западной Европы в той или иной мере присутствовали обозначенные выше типы складывания городов, однако соотношение их было разным, что определяло специфику региона.

Примером перерастания античного центра в средневековый замок была Италия, где все крупные города – римского происхождения (среди немногих исключений – Венеция, сложившаяся в Средние века). Там знать традиционно жила в городе. В раннее Средневековье ее численность сократилась, к тому же старые античные города тогда были не столь значимы. К началу коммунального движения свое значение сохранили лишь Орсини в Риме, Висконти в Милане, Фьечи в Генуе. Активно участвуя в коммерции, главные свои доходы они получали от земельных владений в городе и его округе. Волна притока дворян в города поднялась после указа 1037 г. императора Конрада II (*Constitutio de feodis*), в результате которой лены стали наследственными, и мелкое дворянство начало приобщаться к коммерции и сливаться с купечеством. Однако и высшая аристократия стремится отныне жить в городе, предпочитая комфорт и большую безопасность.

Так, с начала XI в. в Милане ощущался большой приток феодалов, и город украсили пышные замки с башнями. При всей пестроте населения Милана в нем явно выделялся слой высшей аристократии. Они же входили в судебную курию архиепископа Милана, наряду с вассалами самого архиепископа. Образование коммуны в конце XI в. привело к исходу большей части аристократии из Милана. И тем не менее, замок *Porta Giova* может служить образцом роли сеньора в эволюции города. Расположенный на северо-западе Милана, на возвышении, он как тень нависает над городом. Галеазо II Висконти в 1368 г. основал *castrum portae Jovis* вначале как простую крепость, которая была разрушена после образования республики. И хотя по договору с горожанами, для которых замок был символом тирании, Сфорца не имел права его восстанавливать, в 1450 г. он возродил этот замок как знак преемственности его власти в Милане.

Процесс создания новых городов в Италии (в основном, на Севере и в Центре полуострова) был намного слабее, чем в других странах Европы. Сами города основали новые поселения для расширения своей власти и для борьбы с сеньором. В ответ сеньоры также окружали себя городами, строя их вокруг замка для обороны дорог и фиксации населения. Генуя, расширяя свое влияние, купила замок и старый бург *Porto Venere*, а построив город вокруг, начала вытеснять сеньора, раздавая земли, цена которых напрямую зависела от приближенности к замку. Наконец, Венеция своим расцветом обязана не в последнюю очередь сеньорам, обратившим свои взоры к торговле и морю.

Таким образом, замки сеньоров в Италии помогали развитию города, который, окрепнув, старался вытеснить их. Северная и Центральная Италия служит примером “сеньориальных” городов, где родовые фамилии доминировали в административной, хозяйственной и военной областях деятельности города.

По своему характеру города Юга Франции схожи с итальянскими: в них традиционно проживали дворяне, именуемые в источниках *milites*. Городские замки здесь представляли собой перестроенные античные поселения. Вместе с тем, они приобретали ярко выраженный военный, оборонительный характер: строится новая система защиты – рыцари охраняют резиденцию сеньора, которая находится у въезда в город, тем самым прикрывая его. Замки служили местонахождением власти и защитой города: функция убежища являлась для знати сутью города (так, Ренн изображался в виде башни на возвышении). Город был прежде всего крепостью, частью уместаясь в античных укреплениях, и служил убежищем для окрестного населения в случае опасности. Но Юг Франции был затронут и процессом создания новых городов. Очень яркий пример – успех Монтобана, основанного в 1144 г. графом Тулузским Альфонсом Журденом. Напротив бурга располагался монастырь Монториоль, откуда окрестные жители перебрались постепенно в новый город. Если XII в. – век убежищ (*salvatin, sauverte*), то XIII столетие – эпоха строительства бастид. Создания крупных сеньоров Тулузы, Альби, Перигора – бастиды долгое время считались “лебединой песней” коммунального движения. Однако в основе их создания не социальные, а военно-стратегические факторы: укрепление границ. Не случайно многие были построены на границе владений Плантагенетов и Капетингов. Все политические процессы на Юго-Западе Франции связаны с основанием новых городов, уточнением с их помощью границ и перераспределением населения. Уже Раймунд VII, граф Тулузский, основал против Франции 40 бастид. Пик создания бастид – 1230–1350 гг., когда выросло около 400–500 бастид для охраны сельского населения. Даже не имевшие искусственных укреплений бастиды служили военным целям, ибо находились на возвышении (Монсегюр). Будучи маргиналами в городской истории Франции, они внесли в нее заметный вклад. После Альбигойских войн Альфонс де Пуатье продолжал создание новых городов; от имени короля Франции Эшташ де Бомарше, сенешаль Тулузы и Альбижуа, основал 23 города.

На Севере Франции рождение городов напрямую связано с политикой сеньоров. Наиболее характерны для этого региона так называемые “замковые” города (*bourg castraux*). И хотя замок моложе монастыря, в создании городов они сравнивались (только между Луарой и Гаронной их было основано около 40). Иногда собственно замок становился городом, включая в свои укрепления пришлое ремесленно-торговое население. Даже временная резиденция сеньора была привлекательной для каменщиков, ювелиров, купцов, постоянная же практически решала судьбу города.

Большинство бургов возникло по свободной воле сеньора привлечь туда, куда ему угодно, население, давая ему различные привилегии (эко-

номические, фискальные, юридические). Основывая города, сеньоры стремились увеличить свой авторитет и богатства, ибо кутюмы фиксировали, но не уменьшали власть сеньора. “Воздух города” не стоил сеньору дорого, зато давал преимущества. Кроме того, основав бург, было легче укрепить гарнизон замка или быстро провести строительство укреплений.

Создание бургов явилось трансформацией сеньории в новых условиях: сеньоры давали ровно столько свобод городу, сколько обеспечивали им политический и экономический успех. Строившиеся дюжинами, эти *castelli* контролировали все сельское пространство, однако маленькие образования не получили развития и исчезали. Укрытия (*sauvete*) привлекали к стенам замка крестьян с их семьями, орудиями и скотом на несколько дней, иногда навсегда. Так рождались *castelnaux*, где две-три улицы составляли городок. На Севере и Востоке Франции вблизи замка развивается ремесло, связанное с домениальным хозяйством. В Туле, Сан-Троне, Динане ремесленники располагались не внутри стен замка, а рядом с его воротами. Замки служили фиксации населения, его перегруппировке между сеньорами. Был и другой путь: исходя из своих потребностей, ремесленное и торговое население группируется вокруг известного места, зачастую – замка. Замковый город показал, как сеньориальный режим изменил пейзаж, основав новые центры обитания. Одни развивались слабо, другие стали крупными городами (Нанси, Люксембург, Брюссель). Вот в хронике Сен-Бертен (XIV в.) описан процесс рождения бурга рядом с замком: “Чтобы удовлетворить тех, кто жил в замке, начали стекаться к воротам торговцы дорогими вещами, затем кабатчики и держатели постоялых дворов, чтобы накормить и приютить тех, кто имел дело к сеньору, который часто находился там, построили дома, постоялые дворы – так возник большой город”.

Замковых городов было много еще и потому, что замки не строились в случайном месте: во внимание принимались выгодное положение, торговые пути, реки, традиционные торжища. Лучшие места заняты самими старыми замками. Любопытно, что в пограничных зонах замки строились друг против друга (граф Блуа – Шинон, Сомюр, граф Анжу – Амбуаз, Лош). По мере разрастания бурга там появляются церковь и рынок. Так город, возникнув вокруг первоначального центра – замка становится полицентричным.

Среди областей Северной Франции наиболее заметную роль в этом процессе сыграла Бретань, чьи герцоги Пьер Моклер и Жан I были великими строителями городов как укреплений от внутренних и внешних врагов. В X–XII вв. у подножий замков возникло 40 городов (в том числе Орей, Монкотур, Монфор, Витре). Три города здесь остались от римских времен – Ренн, Ванн и Нант. Импульс развитию городов Бретани дали замки-резиденции сеньоров и их свиты, гарнизона. Одни города создавались для охраны границ, другие – на важных дорогах, в сердце владений для защиты фьефов (Клиссон, Шатобриан), в административных центрах (Ламбаль, Монфор, Жосселен). Бретань была большой военной стройкой, где многое сделали крупные сеньоры. Так, виконты де Рога ны строили укрепленные стены в Ля Шезе, Понтиви и Рогане. Пьер Мо-

клер в 1223 г. возвел крепость в лесу Ренна, тем самым защитив большой город бастионом, на несколько лье отодвинутым от рынка, и привлекая сельское население “свободами” с целью колонизации этих земель. Через два года он повторил этот опыт в лесу Гавра, около Нанта, теми же целями. Перестраивались и галло-римские стены: Нант был реставрирован и расширен. Тур-Нев, замок герцогов, реконструирован, как и галло-римское укрепление Ренна, его известное строение “Старый Замок” с шестью башнями и валом. В итоге, когда в 1341 г. началась война за наследство, многие города смогли выстоять и отбить атаки армий нападающих.

Почти все города Фореза были замковыми. Конечно, они строились на важных торговых дорогах в Шампань, в Париж, но неизменно усилими графов Фореза. Поэтому сеть городов здесь повторяла сеть замков.

Не менее значительна роль герцогов Бургундии в строительстве городов. Наибольшее развитие получили те города, которые были выбраны герцогами в качестве столиц своих владений (Дижон, Нанси, Ган). Дижон с самого начала был замковым городом: его постоянное население с X в. составлял гарнизон воинов этого замка. Каstrум выполнял роль убежища для жителей деревень, но там был и рынок. В Сатур-ан-Оксуа каstrум остался от античных времен, но герцог перестроил и расширил город, в котором периодически проходили заседания его суда. Для Бургундии менее характерен такой путь возникновения города, когда нижний двор замка трансформируется в каstrум с добавлением мастерских и жилищ купцов, как в большинстве регионов страны. Большую роль сыграли здесь и ярмарки, рядом с которыми вскоре обосновываются ремесленники и купцы под прикрытием стен замка. Со второй половины XIII в. герцог Бургундии передает часть бургов своим вассалам.

Для Северо-Запада Франции следует иметь в виду следующие две характерные черты. Процесс строительства замков и городов вокруг них не прекращался на всем протяжении изучаемого периода, поскольку Столетняя война дала новый импульс таким образованиям, служившим укрытиями от англичан, грабителей. И второе: формирование централизованного государства во Франции происходило путем присоединения сеньориальных владений к короне, а это, в свою очередь, нередко сопровождалось разрушением замка как символа прежней власти.

Фландрию можно смело считать эталоном целенаправленной политики сеньоров по созданию городов, чей подъем начался с 1050 г. В правление Бодуэна I были основаны Ипр, Мессина, Лилль и Брюгге; Роберт Ле Фрисон создал Эр и Кассель. Сеньоры Фландрии прямо насаждали замки в городах: самый старый из них возведен в Ипре. Сеньоры активно привлекают население, которому графский замок обеспечивал безопасность. На Востоке герцог Брабанта пытался укрепить и оживить жизнь на восточной границе владений путем создания новых городов рядом с замками (Мон-Сен-Гибер). Графы Фландрии основывали города и с политическими целями: например, Филипп Эльзасский в конце XII в. основал новые города Гравелин, Ньюпорт, Дюнкерк как важные порты. Наконец, три самых крупных города – Брюссель, Брюгге и Ган – созданы вокруг замка сеньора. Рассмотрим подробнее Брюгге. В основании

города лежит ясное понимание сеньорами выгод этого места как укрытия для местного населения за стенами замка, а затем как поощрения графами Фландрии сообщество граждан, занимающихся сукноделием. Заметим, что здесь, как и в других регионах, импульс профессиональной специализации ремесленников исходил из разделения обязанностей между слугами сеньора (министериалами), обслуживавшими двор.

В Германии морфология городов сходна с французской: большинство городов находятся рядом с замками и так же велика роль ландшафта в их структуре. Можно сказать, что нигде на Западе сеть городов не знала такого развития, как в Германии. Около 1200 г. на западе от Эльбы существовало почти 250 агломераций и только 12 по другую сторону реки. А уже в 1400 г. было по 1500 с обеих сторон. На Западе сотни образований находились вокруг римских каструмов или франкских укреплений. Например, в устье Эльбы существовал замок с 944 г., реконструированный в 984 г., и наконец, в 1000 г. возник бург, когда герцог Саксонии установил там свою резиденцию и двор. Затем он расширился за счет порта и рынка, и наконец, около 1150 г. Генрих Лев разрушил два соседних поселения и окружил город новыми укреплениями. В Саксонии герцоги поощряли города, делая там свои резиденции, строя стены, покровительствуя рынкам. Новые города создавались по определенной схеме, с перспективой их роста. За Эльбой колонизация земель требовала больших усилий сеньоров для закрепления власти. В Риге, Ревеле (Таллинне), Ростоке, Данциге (Гданьске), теutonские рыцари и датчане начинают со строительства замка, затем возникает город по плану. Так, в Мариенбурге рыцари в 1274/75 г. построили укрепленный монастырь, затем собственно замок, потом бург, и в 1276 г. Stadt (и рынком). Небольшие бурги получили развитие на северо-западе Германии, откуда в XII–XIII вв. распространились на Восточную Германию. Их было больше, чем крупных городов: только в Эрфуртском районе на каждые четыре деревни приходилось по одному бургу. С XIII в. началось соперничество между центральной властью и территориальными князьями, и по мере строительства бургов племенные герцоги становятся ландграфами, и столицы их владений находятся под их покровительством.

История городов Испании напрямую связана с Реконкистой. Repartimientos в городах юга Испании не давали больших преимуществ дворянству, ибо, как и в Германии при колонизации, сопровождалась евангелизацией; отсюда преобладающая роль церкви. Но в целом Реконкиста весьма стимулировала образование городов, сначала как резиденций чиновников графа или сеньора, затем обставивших ремесленно-торговым населением. Еще одна особенность Испании – строительство городов на путях паломников, для их защиты, ночлега, пропитания и т.д.

В Англии города в наибольшей степени были королевскими созданиями и использовались для закрепления власти. Процесс создания новых городов (planted towns), пусть и королевских, был не менее интенсивен: к 1290 г. их было около 120. Крупные сеньоры, как и церковь, имитировали в своих владениях этот процесс, основывая города. Замковые образования, бурги, непосредственно примыкающие к замку, менее изучены здесь, но занимают немалое место в урбанизации многих английских графств и эволюции их пейзажа.

Тип замковых городов, где в истоке рождения города лежит функция защиты населения стенами замка, предполагал нахождение замка в центре города. Однако с целью защиты населения замок мог пристраиваться и к уже существующему городскому поселению, как и в случае необходимости контроля сеньора над городом. Планы замковых городов очень разнообразны: укрепленное место имело решающее значение, так и строился замок. В основном было два типа замковых городов. Первый: замок возвышается над городом; второй, город и замок оба находятся на возвышении.

При всем кажущемся хаосе внутри городских стен, город имеет четкую структуру, особенно в случае либо сохранения остатков позднеантичного города или старых укреплений, либо наличия предгородского образования, каковым зачастую был замок (Ницца, Монлюсон – замок в центре, Лош – верхний и нижний город). Но где бы она ни находилась, сеньориальная крепость доминирует, угрожает, нависает над городом, больше отгораживаясь, чем включаясь в город, поскольку власть ее владельца проявляется прежде всего в репрессивных функциях: верховный суд, тюрьма и плаха зачастую размещаются в замке. При строительстве замка учитывались также боевые преимущества, однако по мере развития города все больше внимания уделялось удобству и красоте, ибо город стал излюбленным местом времяпрепровождения сеньора. Нередко замок в городе подстраивался под рельеф местности. Вместе с тем, сеньоры строили свои замки, не всегда заботясь о рисунке города, нередко не сохраняли дорог или даже специально их перегораживали, пытаясь контролировать пункты следования. Отсюда большее, чем в деревне, разнообразие городских пейзажей. Наиболее развитые города полицентричны. Общественная жизнь города не организуется вокруг одного-двух мест. Наоборот, каждый мир себя охраняет, закрывается от других: каждый молится, печалится, празднует отдельно.

В топографии города четко отражена его эволюция. Ее этапы часто таковы: в раннее Средневековье рядом с главным *cité* появляются города – *castra*, вокруг развиваются пригороды. Затем *castra populata* продолжают укрепляться, особенно если становятся резиденцией сеньора. Нижний двор замка объединяет также весь персонал администрации, гарнизон, ремесленников. Наконец, последний этап – строительство стен, укреплений. При этом могло объединяться несколько бургов.

Строительство укреплений ускоряло процесс урбанизации. Замок изменял пейзаж города особенно там, где сеньор – завоеватель, пришелец, не принимаемый горожанами. Тогда столкновение замка с городским пейзажем становилось драматичным. Пример – Неаполь анжуйцев. Короли избрали этот город столицей королевства Сицилии. Укрепив две крепости (*Castel Capuano*, *castel di San Salvatore*), король и его двор поселились в новом замке, творении Пьера де Шоля (*Castel Nuovo*). Грандиозное строение осуществлялось много лет и находилось вне стен города, у моря, в квартале священников. Замок защищал город, но и символизировал отчужденность сеньора от города. В таких “городах принцев”

всегда существовал замок и квартал дворян. Некоторые сеньоры хотели создать новые города – символы своей власти, но было сложно подчинять чуждые, недавно враждебные города. Увеличение органов управления и свиты двора, числа родственников и должностных лиц привело к архитектурному обновлению городов, строительству новых домов. Заметим, что даже в Париже вовсе не короли обустроивали город. Двор короля привлекал в город крупных сеньоров, строивших здесь резиденции, что обогатило архитектуру города. С 1200 г. излюбленным районом сеньоров был левый берег, рядом с Пале-де-ля-Ситэ, а с XIV в. они переместились на другой берег.

В городах, контролируемых сеньором, богатые слои селятся отдельно. Все эти High Street, Grande Rue, Hausstrasse и особенно красивые площади городов Севера Франции и Бельгии – итог этого процесса. В графском Дижоне и герцогском Шамбери с одной стороны жили нобили, с другой – простые горожане. В Лангедоке и Провансе, иногда в Италии, дворянские жилища собирались в компактные блоки (два-три квартала) вокруг большого строения – арены или капитолия. В Каркассоне рыцари размещались в фортах неприступной цитадели. В Нарбонне рыцари переделали старый капитолий в коллективный замок; рыцари Арсен и Ниме уже упоминались. Круговые деревни вокруг этого старого центра определяли топографию городов Юга Франции: концентричные улицы с замком в центре, на вершине. Отсюда специфика пейзажа южных городов: множество башен и укрепленных домов. Известно, что Людовик VIII, овладев в 1226 г. Авиньоном, приказал разрушить 300 укрепленных домов.

Такие кварталы дворян вокруг замка напоминают Италию, где дворяне селились по строго определенным правилам, и такая солидарность давала им силу. Не меняя сети улиц, эти кланы проживали компактно, “блоками”. По источникам сложно установить степень их власти над городом и даже кварталом, поскольку они вели замкнутое существование. Переселяясь в город и получая земли, они обустроивались там вместе с родственниками, друзьями, протеже. Иногда контракт с городом регулировал условия этого поселения, в основном, в плане верности коммуны. Но дворяне были большой силой ввиду численности их кланов, свиты, слуг, готовых объединиться вокруг патрона в случае угрозы. В Пизе и Генуе им давали внутри стен большие площади, где строились их дворцы. Графы Лаванья занимали вместе с подчиненными им группами жителей целый квартал в Генуе. В Пизе подобное поселение имело характер завоевания: с 1197 г. император Генрих VI даровал Буанакорсо ди Чиконья право строить в городе дома с окнами, дверьми, лестницами, галереями. Вскоре здесь обосновались и другие кланы (di Caprone, di Valdere, Poreare, Borvara). Все кланы (в 1188 г. клятву коммуне принесли 45 глав кланов) были организованы в мощные консортерии. Среди них Клан Рипафратта включал 40 семей: одни держали укрепленный замок, колыбель семьи, на перекрестке стратегических дорог; другие обосновались в торговой части города, построив дворец и укрепленные башни, объединив клиентелу из горожан с меньшими доходами. Слово “castellare” в Сиене означало коллективную крепость, и ее топография ясно

свидетельствует о “феодалной экспансии” в сеть города. В 1200-е гг. сеньоры обосновались в кварталах, которые позволяли легко поддерживать связь с родовыми замками, т.е. на выходе из города. Кроме того, крупная консортерия организовывала вокруг своих дворцов и построек сеть маленьких улиц, которые их связывали с подчиненными им домами, с общественными местами, рынками; эти частные дороги фиксировали жилища и вскоре определили рисунок городских дорог.

В центре каждого дома-крепости (*castellare*) был двор, по типу деревни. Фискальные документы свидетельствуют, что все консортерии, альберго, *domus famiglia* обосновывались в городе на своих землях, старых фьефах или новых приобретениях. Так складывался очаг коллективной жизни группы горожан: *cugia, rua, platea, domoculta, fondaco*. В Генуе эта концентрация владений дворян хорошо вписана в план города с первых же лет коммуны: около 1200 г. можно с уверенностью локализовать 30 консортерий, причем все они расположены в центре города, в стратегических местах власти и деловой активности, рядом с портом. Пинелли владели около 30 объектами недвижимости: *piazza di Pinelli* – итог целенаправленных покупок земли для приезжающих родственников. Объединение сеньоров происходит не только в городе (квартал), но и в пригородах (виноградники, виллы отдыха по соседству).

Везде в Италии сеньоры владели большинством недвижимости в городе. Эти “топографические блоки” нашли отражение и в языке. В Риме такие районы шли от античности и назывались *palatium, domus, accasamenta*, где дворец, дома челяди, башни, сады и виноградники находились рядом. Слово *gionì* заменяется *platee, piazza, seggi*, с добавлением имени сеньора. Такие районы объединяли также общие предки, праздники, обряды. В Центральной Италии, Тоскане и Умбрии каждая семья стремилась обзавестись дворцом как символом собственного успеха. Большие системы построек требовали последовательных акций покупки, сделок с окружающими владельцами. Поэтому, например, дворец Медичи имел неровную форму, так как состоял из 20 кусков на 20 улицах. Дворцы тиранов, кондотьеров выдавали характер завоевания, и располагались они около стен коммуны города. Подобное положение помогало держать город, а в случае бунта – сбежать. Отсюда появление новых и широких улиц: люди курсировали от замка к рынку и экономическому центру. Урбанизация по Висконти – это завоевание города, высокая дань с горожан на строительство стен, ворот и резиденций. Маттео Висконти в 1313 г. полностью изменил старый коммунальный дворец Бролетто около собора, изгнал многих владельцев из соседних домов, снес их дома и построил 4 башни. После него Лукино Висконти построил другую резиденцию – огромную крепость Кастелло Висконтео, возвышавшуюся над городом. В 1347 г. он захватил коммунальную площадь в центре города и построил здесь замок. Здесь видно, что сеньоры-тираны обустраивались в центре города и на выходе и из него, контролируя, таким образом, весь город.

Замок на одном конце города, а не в центре, служил в любом случае удобству административного управления, о чем свидетельствуют примеры Фландрии. В Германии также возвышались замки сеньоров в центре

городов, дворяне хотя и не селились рядом, но все же жили в нескольких замкнутых блоках, не всегда связанных друг с другом, как в Италии. При этом члены одной группы собирались в один квартал. Поэтому центр города представлял собой мозаику не связанных друг с другом очагов. В бургах вокруг замка всегда находились кварталы его министерялов.

В городах Иберийского полуострова дома знати были распределены беспорядочно. В Кастилии, Андалусии дворяне не собирались в блоки, но жили в разных кварталах (*colaciones*). А в Португалии после 1330–1350 гг. четко обозначился процесс “зонирования”: богатые горожане селились на лучших улицах и площадях, наиболее посещаемых (*Ruas novas*, по образцу *Rua nova* в Лиссабоне). Наконец, в Англии, где в 1066–1100 гг. – 80%, а в 1101–1135 гг. – 50% новых городов возникло вокруг замков, замок, тем не менее, не играл определенную роль. Так, Оксфорд развивался вдоль большой улицы *High Street*, которая доходила до замка и продолжалась дальше. Ось города была перпендикулярна, а не параллельна реке. Городской ансамбль был в XII в. заключен в крепостную стену: прямоугольник, чьи длинные стороны параллельны двум главным дорогам. Таким образом, главным структурным элементом был не замок, а *High Street*. То же самое можно сказать о городах, находившихся на излучинах рек, где замок стоял на возвышении, а город развивался не вокруг него, но в отдалении, вдоль улицы, связывавшей возвышение с началом излучины (Шрезбурн, Бристоль, Дархем и др.). В Бристоле маленькое поселение существовало с X в., т.е. до замка, который был построен в XI в. Замок преграждал вход в излучину (город развивался благодаря речной торговле), и здесь улицы (Винная, Зерновая) были главными элементами развития города.

ЗАМОК ИЗНУТРИ: ОБЛИК И ОБИТАТЕЛИ

К сожалению, этот интереснейший аспект истории городского замка не только наименее изучен, но и ввиду имеющихся возможностей, прежде всего, характера источников, не поддается глубокому анализу. Мы можем сегодня очертить лишь в самых общих чертах внутреннюю жизнь замка и его обитателей.

Начнем с размеров замка и системы его внутренних построек. Данные археологии свидетельствуют, что в тех случаях, когда сеньоры перестраивали под свои нужды античные строения (театры, одеоны, триумфальные арки, мавзолеи), как правило в Италии и на Юге Франции, замок в основном повторял первоначальное здание. Если же речь идет о так называемых “народных бургах” (местах укрытия населения в случае опасности), то они занимали площадь в 5–8 га, не превышая в диаметре 25 кв. м. Они были рассчитаны на пребывание там семьи сеньора с прислугой и незначительным гарнизоном.

Если в IX–X вв. большинство бургов были деревянными, то в XI–XIII вв. все они были заменены на каменные. Так было в Германии, так было и во Франции. Например, в Брюгге чиновник графа в 1127 г. имел каменный дом с укреплениями и мостом через реку. Формы камен-

ных бургов тоже не были одинаковыми, учитывая рельеф местности. Бурги во Франции были примерно таких объемов: Сен-Фуа-ля-Гранд – 28 га, Монпасье – 16 га, Монсегюр – 16 га, Лаленд – 5 га.

Внутри замка форма обустройства пространства также менялась от региона к региону: помимо архитектурных традиций влияла и социальная функция жилища. Так, в землях Германии дом дворянина имел широкий фасад, много этажей и окон, т.е. разделен на комнаты, что свидетельствует о различном предназначении помещений и об разделенности жилого пространства. При этом дом служил символом престижа семьи, и дворяне соревнуются, кто оставит по себе большую память. В Италии дом растет в высоту, фасад уже. В Пизе, например, дом в две-четыре секции по 10–20 м высотой соединялся арками. Дома эти, в два-три этажа, узкие, походили на башни.

Центр общественной жизни – внутренний двор за высокими стенами характерен для всех стран и пережил эпоху господства сеньориальных кланов. Исток его – римский атриум. Теперь это – сеньориальный двор, где осуществляется суд, место, руководимое и охраняемое каким-то главой. В Германии такой двор назывался “хоф” (Hof). Сеньориальные дворы определяли городской пейзаж Средневековья и на Иберийском полуострове, где они охранялись наглухо закрытыми стенами. Дома группировались вокруг этого двора, где происходили семейные праздники, различные сборища. Коммуна строила свои здания рядом, ибо это был центр города. Здесь важно подчеркнуть, что дворянские постройки не отделены, а окружены жильем либо их слуг, либо просто небогатых людей, которые ищут их покровительства. В Кастилии слабо изучено жилище аристократа, известно лишь различие между Севером и Югом в материалах построек, во внутреннем расположении и возможностях защиты. Дворяне в городе не всегда строили укрепленный дом. В Севилье и Кордове есть также двухэтажное жилье. Чем ближе к границе, тем лучше были укреплены дома. Сеньоры времен Реконкисты жили уже в укрепленных домах. В городах Португалии “casatoges” с высокими стенами, которые укрывали сеньоров, хозяев крепостей, могли выдержать атаки королевских войск (Жоао I в 1385 г.), а затем были разрушены по приказу короля, также составляли основной элемент городского пейзажа.

Помимо сеньоров и их семей, которые часто отсутствовали, переезжая из одного замка в другой, в круг обитателей феодального замка следует включать его постоянную службу и свиту сеньора, путешествующую с ним. В окружении герцога Берри их было в общей сложности около 400 человек, у герцога Бретани – 500; двор герцога Бургундского Филиппа Доброго включал 1299 человек. Свита герцога Бретани включала например, канцлера, членов герцогского Совета и Палаты счетов. Все они сопровождали его в переездах из Нанта в Ванн, из Ренна в Фужер и т.д. При Жане IV архивы Палаты счетов, до того переезжавшие вслед за герцогом, были помещены в Ванне. Монетные дворы, с их чеканщиками, до того разбросанные, были размещены в трех центрах: Нанте, Ренне и Ванне. Каждый монетный двор, помимо чеканщиков, имел своего главу, хранителя монет и контролера. В замке графа Люксембургского в Арлоне в 1309 г. источники называют среди лиц, по-

стоянно проживающих в замке, капеллана, писца, лесничего, привратника, хранителя башен, хранителя моста, возчика, рыбака, ловчего, кроуельщика. Определить точную численность насельников замка трудно, ибо они упоминаются только в связи с дарами, которые делают городу. Но число их было значительным. Кстати, многие из них меняли имена, а вместо области рождения называли замок, где они служат (например, *chevaliers d'Arlon*). Позднее они оседали в городе, покупали недвижимость и включались в городскую жизнь, составляя нередко преобладающий слой горожан.

ЗАМОК В ЖИЗНИ ГОРОДА

В этом вопросе много общего с вопросом о роли замка в образовании города, как бы сходная типология. В замковых городах, где коммуна небольшая, преобладало влияние сеньора (Франция, Германия). В крупных коммунах и немецких городах-государствах наблюдалось равенство влияний. В Италии сеньоры подстраиваются под жизнь коммуны. Хотя надо признать, что присутствие аристократии, пользующейся судебными привилегиями, не платившей налогов и разъезжавшей вооруженной, выглядело несколько странно в городском пейзаже. И все же замок играл существенную роль в экономической и политической жизни города, хотя и неодинаковую в разных регионах. Рассмотрим каждый из вышеупомянутых типов отношений замок-город.

Во Франции (Север и Запад) замки традиционно отвечают за охрану и поддержание дорог, мостов, рек. Сеньор осуществляет верховный суд и судит наиболее крупные уголовные дела. Будучи заинтересованным в развитии экономики города (в частности и потому, что горожане платили ему налоги, а также обслуживали его семью, слуг и гарнизон), сеньор нередко давал городу широкие привилегии. Немалую роль в жизни города играли должностные лица сеньора: чеканщики монет, сборщики подорожных податей, десятины и цензивы, мельники. По мере развития городской экономики их роль возрастает. Да и первые преобразования городов были из числа слуг сеньора, а не городского дворянства или бюргеров. Даже после получения городом коммунальных вольностей у сеньора оставались большие права: в судебной области, монополия на мельницы, винный бан (право продавать вино из своих земель в определенные периоды), право постоя (один-два раза в год), право брать кредиты (тоже ограничивалось двумя месяцами). Сеньоры были напрямую заинтересованы в развитии обмена, покровительствуя ему. В Монбрисоне после того, как замок стал постоянной резиденцией графа Фореза, рынок сразу получил региональный характер, соответственно город начал расти по обе стороны Большой дороги (торгового пути). Здесь сеньор получал не только выгоды от продажи своей сельскохозяйственной продукции, но и налоги с перевозок и продаж. Особенно нагляден протекционизм сеньоров в истории ярмарок. Так, граф Шампани брал на себя обеспечение безопасности купцов и их товаров, используя сопровождение или охранные грамоты. Охрана самой ярмарки, контроль и гаран-

тии безопасности операций купцов, фискальные льготы также находились в руках чиновников графа. Укрепления города до 1200 г. оплачивал сеньор, только в XIII в. это дело передается в руки горожан.

Печи, погреба, прессы и мельницы также находились в руках сеньора. Акведуки, колодцы, каналы и фонтаны зависели от него. Нередко он держал в своих руках и финансовый контроль: так, с 1279 г. во Фландрии города обязаны делать финансовые отчеты графу (по образцу дома короля Франции). В 1332–1333 гг. в Брюгге была проведена проверка счетов в присутствии трех комиссаров графа Фландрии (эта практика была отменена в 1338 г.). В 1329 г. граф Луи де Невер установил, что сеньоры должны дать ему отчет там и тогда, где и когда он пожелает, что вызвало сопротивление горожан. Надо учесть, что вмешательство сеньоров в финансовые дела города – новое явление в XIV в., вызванное укреплением власти крупных сеньоров Франции. При этом графы Фландрии делали это с редким умением. В свою очередь города поддерживали своих сеньоров: горожане образуют корпорации воинов и защищают города. И все же по мере усиления город тяготится вмешательством сеньоров и стремится освободиться от опеки. Так постепенно и неуклонно акцент смещается от замка к его окружению.

В Германии и на территории Империи сложилось некое равновесие сил: сеньоры давали привилегии городу в своих интересах. А город руководствовался экономическими интересами, иногда в ущерб политическим. Здесь, как и повсюду, поселки ремесленников, обслуживавших замок, предшествуют образованию города. Поэтому сеньориальная власть и бург становятся синонимами, а обострение противоречий между торгово-ремесленным населением и сеньором выглядит как противостояние города и бурга. Города и бургы противостояли друг другу и в борьбе центральной власти с крупными сеньорами, где город был союзником центральной власти. Так, Эрфурт поддерживал короля Рудольфа Габсбурга в 1289–1290 гг., когда тот пытался превратить Тюрингию в центр своих владений. За год при поддержке городского ополчения Эрфурта было разрушено 60 бургов (Гослар, Мюльхаузен, Нордхаузен). Там, где бургы были опорными пунктами контроля над торговыми дорогами, города старались завладеть ими, чтобы разместить в них свои гарнизоны. Иногда бургы покупались у их владельцев, переселявшихся таким образом в город. И все равно бургы оставались центрами пребывания администрации на местах, но уже в лице городских властей. В конце XV в. они потеряли свое решающее военно-административное значение. Замок уступил роль центра управления городской ратуше.

Специфика Юга Франции, роднящая его с Италией, заключалась, как уже говорилось выше, в значительном числе дворян среди населения города. Это выражалось не только в облике городов, украшенных башнями, но и в распределении обязанностей. Так, в Авиньоне и Тарасконе городские рыцари держали дома как лены от сеньора города за службу по постоянной охране городских стен. Город постоянно нуждался в охране, и передавая эту службу дворянам, сеньор или город делал ее наследственной. Отсюда такие дворянские фамилии, как *de la Porte* и т.п. В Бордо дома дворян непосредственно соприкасались с укреплениями го-

рода. В Арле дворяне не платили ни соляной, ни мостовой пошлины, ни цента за выпас скота, но участвовали в городском управлении. В Ниме в 1116 г. дворяне входили в Совет, в Каркассоне в 1119 г. – в суд. Дворянский род Ато был в числе тех семнадцати лиц, которые владели в Тулузе пошлиной с кож (или “сапожной пошлиной”) и вынуждены были в 1148 г. отказаться от нее в пользу коммуны. Со второй половины XII в. переселившиеся в Тулузу дворяне начали играть заметную роль в городских занятиях. В то же время в Монпелье сеньоры занимались скупкой земель у разоряющихся дворян города, сосредоточив в своих руках сбор ценов с жителей городских кварталов, поборы за занятие ремеслом, купцов – за провоз и взвешивание товара. Только в 1204 г. новый сеньор Монпелье Педро II Арагонский, сменивший Гильома, отменил эти поборы. Гильомы скупали земли вблизи дорог и рек, контролируя всю торговую деятельность города. Из неофициальной патрицианской верхушки Гильомы назначали членов суда, курии, бальи. В результате вассалы Гильома быстро разорялись: продавали земли, брали в долг под залог земли, шли к ростовщикам. Таким образом, сеньор своей политикой разорял дворян, особенно тех, кто наживался ростовщичеством, вкладывал средства в земли и не зависел от ремесленно-торговой жизни города.

В Провансе и Лангедоке, как и в Каталонии, фонтаны и вода находились в руках сеньоров. В этом было отличие от Италии, где за это платил муниципалитет. Возможно, так произошло потому, что в городах Италии дворянство имело слишком много власти и преимуществ, чтобы цепляться за такие “мелочи”

Хотя старая античная аристократия почти везде исчезла (следы ее видны лишь в некоторых главах городов: Орсини в Риме, Висконти в Милане, Фьечи в Генуе), ее преемники держали в своих руках административное и хозяйственное управление городами. Земельные владения аристократии в городе и его округе в Италии были их основным источником доходов, но они активно внедрялись и в торговлю, возглавляя снабжение продуктами, и поэтому участвовали в муниципальном управлении.

Несмотря на разветвленные семейные связи в этом “обществе башен” и владение ими целыми кварталами в городах (компактное поселение), предпочтение, отданное ими к концу XII в. общественным функциям в ущерб коммерческим, поставило их перед выбором: город или деревня. Так, старая аристократическая элита в городах с середины XIII в. уменьшается и сходит на нет, за исключением нескольких семей, о которых чуть позже. С другой стороны, расцвет городов Италии в XII–XIV вв. привел к переселению туда феодалов. При этом все укрепляло их власть: и внутренние распри в городе, и борьба с внешними угрозами. Принято считать, что сеньоры подчинялись коммуне, однако на деле это они – крупные сеньоры – овладевали городом. Только к началу XIV в. и в силу исключительных обстоятельств они изгонялись из городов (Фьечи из Генуи). Колонна и Орсини доминировали веками. В Палермо одна из самых могущественных феодальных семей острова – Кьярамонте просто обосновалась в городе благодаря сети операций с недвижимо

стью. Заплатив свой взнос коммуне, построив придел в церкви Сан-Антонио (1302–1313) и присвоив свое имя “гражданской башне” в центре города, Кьярамонте купили в 1306–1315 гг. обширный домен на юге столицы, перед воротами. В 1320 г. началось строительство их дворца *Hosterium Magnum*, который стал символом власти, довлевшей над городом, над сетью улиц и дворов, над которыми осуществлялась эта власть и где размещалась клиентела сеньоров. При этом членство в консортерии и курии оставалось легко доступным для пришедших из родных мест, из сельского далека, ибо так поддерживалась постоянная связь между сеньорами городов и сельскими сообществами – сильный и постоянный симбиоз двух миров. Кьярамонте, желая закрепиться в Палермо, не случайно выбрали место для своего проживания именно у ворот, что давало им не только контроль над прибывающими в город продуктами, но и возможность постоянных связей их городского поселения с другими, внегородскими. Топографически их положение выглядело как крайнее продолжение замка в сторону области, подчиненной семье. В Неаполе семья Гриффо также первоначально обосновалась около ворот, но затем скупила у трех монастырей земли, сады и виноградники, находившиеся на побережье, и установив прочные связи своих городских владений с округой, спокойно правила три века (1149–1435).

Многие консортерии основывали церкви, назначали там священников, руководили бюджетом и казной. В городах их называли “дворянскими церквами”: здесь родные и друзья собирались целым кланом, здесь отмечались свадьбы, похороны, поминались общие предки и герои. Милан и Венеция стали образцом такой практики. В Милан феодалы устремились с начала XI в. – со своей свитой, домашними слугами и даже ремесленниками, украсив город пышными дворцами с башнями. Вскоре феодальная аристократия, землевладельцы, капитаны стали самым заметным слоем города. Они входили в судебную курию, в городскую администрацию. Те из них, кто остался после провозглашения коммуны, сблизилась с купечеством, не порывая связей с поместьями. Так, расцвет городов и экспансия феодалов здесь шли рука об руку, как неразрывный процесс.

Венеция стала объектом притязаний сеньоров, увидевших преимущества торговли, и начинается строительство их домов в сторону моря. Сеньоры покидают свои замки на островах лагуны и переселяются в Риальто. Иезоло, Гераклея, Торчелло превращаются в захолустья. В итоге симбиоза с бюргерством сеньоры ведут торговые операции, а купцы приобретают земли. “Документы венецианской торговли” называют имена Кандиамо, Фальери, Граденито, Моросини и других господ. Те же самые имена фигурируют в перечне владельцев мест, удобных для добычи соли, других земельных угодий. Дожд Пьетро Циани (1205–1226) помимо капиталов, помещенных в торговлю и ростовщические операции, овладел домами в Венеции, “салинами” на Брондоло, мельницами. Так феодальная аристократия Италии просто внедрилась в городской быт и хозяйство, став ведущим слоем в развитии городов.

В целом дворянский поведенческий идеал – рыцарский кодекс чести – влиял на городскую жизнь. И гуманизм не случайно возник в аристократически-меркантильном мире итальянского города. И турниры бюргеров Валансьена заимствованы у дворян-горожан, и немецкие стихотворные хроники написаны городскими дворянами.

От Франкфурта до Любека все члены аристократических семей заказывали свои портреты в камне, соблюдали культ своих предков или общего героя клана. Во Фландрии, Брабанте и Артуа бюргеры имитировали дворянский образ жизни: гербы, турниры, триумфы чемпионов. То же в Италии, где городская культура находилась под влиянием дворянской: каждый клан придумывал свой декор, строил маленькие отгороженные *saggio* с куполом, стенами с фресками, родовыми символами, аллегорическими или историческими сценами. Даже дворянский фонтан с его украшениями и символами обыгрывался во время процессий въездов сеньоров.

В процессе эволюции города замок и его башни перестали лишь обеспечивать военные нужды – они стали элементом городской архитектуры и отражением престижа города.

Имитируя и усваивая дворянские модели поведения, город включал их в интеллектуальные, эстетические, политические и религиозные формы своего бытия, в чем сказалось именно культурное взаимодействие города и замка. Создав новый порядок равенства и горизонтальной иерархии, город приспособил рыцарские и аристократические ценности к новым задачам. Артисты, связанные с замком, в периоды конфликтов с городом пытались смягчить эту оппозицию. В стихах Марии Французской конца XII в. показан гармоничный город, где рыцари живут рядом с горожанами, частично у них, и где оба мира соперничают лишь в куртуазности. Эмблемы городов – на дворцах, домах, в судах, воротах некрополей и даже на башнях с часами – имитировали эмблемы сеньоров. Богатые горожане даже имитировали костюмы аристократов, чем вызвали законы 1279 и 1294 гг. во Франции, предписывающие каждому одеваться в соответствии с его статусом.

В принципе быть дворянином означало жить преимущественно в деревне и на доходы с земли предков. Но аристократы отнюдь не были чужды городской цивилизации. Так, в Бретани бароны имели свои главные резиденции именно в городах и чаще всего жили в городе, если не находились на войне или при дворе короля. Интерес, который высшая знать проявляла к своим городским замкам, отражался в регулярных работах по их внутреннему убранству и внешнему блеску. Некоторые дворяне имели простые дома, временные резиденции, предпочитая тот город, где обычно находился двор герцога Бретани. Некоторые улицы Ренна и Ванна заселены сплошь сеньорами и дворянами, и город нередко соучаствует в их развлечениях. Так, несколько раз в год город празднует отъезд на охоту и возвращение сеньора и его свиты. Птицу, на которую собирались охотиться, покупали и наполняли ею озера. Затем в городе организовывали праздничное зрелище, когда птиц везли в боч-

ках с водой по городу. Рядом с каждым крупным замком жили ремесленники, способные изготовить оружие и капканы, сети и садки.

Двор герцога Бретани имитировал королевский. Там было пятнадцать камерариев из числа представителей лучших фамилий, служивших в течение одного-трех месяцев (постоянно исполнялись только определенные службы – капитаны городов и т.п.). Блеск двора в XV в. отражался в грандиозных праздниках, турнирах, даваемых на площадях для ристалищ в Ренне и Ванне, в прекрасных гражданских и религиозных церемониях, как, например, создание Ордена рыцарей Горностая (1381). Если город был резиденцией сеньора, то во время проведения его Совета сюда съезжались принцы крови, прелаты, бароны, аббаты. В 1454 г. по поводу основания университета в Нанте в Совет были приглашены и 1/8 граждан. Прием около 200 членов Совета или Штатов области со свитами требовал помещения, залов для заседаний. Так росли города герцога Бретани, где все это проводилось. Заседание Штатов Бретани проходило 19 раз в Ванне, 17 раз в Нанте, в Ренне и т.д. Собрание Штатов области сопровождалось празднествами, приемами: торжественному открытию предшествовал проход по улицам, в котором участвовали в строгом порядке герцог и его семья, высшие сановники двора, бароны, депутаты и толпы секретарей, охраны, музыкантов, знаменосцев. Сессии парламента дорого обходились городу, который был обязан организовывать банкеты, праздники, фейерверки с бесплатной раздачей вина, с подношением подарков. Но это и развивало город, и повышало его престиж, вызывая соперничество за право быть резиденцией той или иной герцогской структуры. Так, Палата счетов заседала в Мулене (1374), Бурже (1379), Дижоне, Лилле. Университеты были основаны в Гренобле, Доле, Кане, Бордо, Пуатье, Нанте. Последние герцоги Бретани любили жить в городских замках, помещая там свои судебные палаты. Все это наполняло жизнь города: “радостные въезды”, дары, визиты делегаций к герцогу, обмен письмами – все показывало глубокую связь “доброго города” и сеньора.

Во Фландрии, в Брюгге порой казалось, что жизнь сплошь состоит из праздников с обильной пищей и бесплатным вином. При этом сеньоры строили церкви в городе, в Замке Графов комнаты отделялись в римском стиле. При дворе графов Фландрии хороший прием был обеспечен поэтам, труверам. Филипп Эльзасский любил Кретьена де Труа, который посвятил ему “Роман о Св. Граале”, Бодуэн Храбрый был образован, знал наизусть трактат Боэция. Бодуэн Константинопольский окружил себя менестрелями, труверами, жонглерами – хотя горожане увидели в этом экспансию французского рыцарства и потешались над таким увлечением графа. Но тот же Бодуэн Константинопольский прислал в Брюгге огромного золотого дракона, поделку ремесленников Византии, и его подняли на штурмовую башню коммуны, чем вызвали зависть всех соседних городов. Тьерри Эльзасский привез из Св. Земли капище св. крови Христа и построил капеллу в итальянском стиле – шедевр и предмет гордости горожан. В XIV в. горожане снисходительно смотрели на времяпрепровождение графов Луи де Невера и Луи де Маля: астрологи, жонглеры, сокольникчи, экзотические животные...

Герцоги Бургундии, придя во Фландрию, изменили не только форму правления, но и культуру (конец XIV в.). В обмен на потерю коммунальной самостоятельности (и даже тиранию) города получили коммерческое процветание и культурный подъем. Брюгге превратился в столицу западноевропейского искусства. Филипп Смелый едва слышав о талантливом художнике, менестреле, тут же приглашал его к себе на работу. Брюгге стал не только богатым, но и веселым городом – все было поводом для праздника. Герцоги поощряли это стремление к роскоши. Пытаясь смягчить жесткость своей политики, они даже участвуют в состязаниях по стрельбе из лука и арбалета. Некоторые из этих мирных соревнований собирали до 60 обществ лучников и арбалетчиков. Приспешая из других областей и стран, они являли пестрое разнообразие костюмов, штандартов; их кортежи проходили по улицам, где специально строились триумфальные арки, возводились фонтаны из вин и медовухи. Призами была золотая и серебряная посуда. В этих праздниках давался выход энергии былой независимости и самостоятельности коммуны; горожане всецело отдавались этим торжествам. Когда Филипп Добрый привез Людовика XI, еще дофина, праздник длился многие недели. Вечером загоралось множество огней на окнах. Далее шли представления, мистерии, аллегии, пантомимы, фарсы и сотти. Женитьба Филиппа Доброго на Изабелле Португальской в 1430 г. стала поводом для банкета, прославившегося красотой и богатством. Двор короля Франции был в это время скромнее! Женитьба Карла Смелого на Маргарите Йоркской в 1468 г. сопровождалась исторической пантомимой, военными состязаниями и завершилась банкетом. 300 художников Нидерландов были задействованы в этом. Присутствовавший там англичанин позднее записал свое впечатление: ему казалось, что воплотились наяву легенды о короле Артуре и Рыцарях Круглого Стола. Немало дворян было вынуждено продавать свои земли и замки, чтобы купить украшения для этих праздников. Но и горожане проявляли в этом активность. Многие ремесленные профессии в городе развивались благодаря присутствию дворян и их образу жизни: обшивка панелей, ювелирные, стеклодувные, керамические работы. В 1448 г. Жан Люксембургский даже поставил на “аукцион” право провести турнир в течение 30 дней. Все участники торго жаждали выиграть, поскольку участие в таком большом празднике прославляло имя ремесленника, который украшал праздник и процессию, и прославляло город.

* * *

Так в течение пяти веков замок и город сосуществовали, споря из-за власти, обогащая друг друга, пройдя через этапы зависимости города от замка, через открытую борьбу за самостоятельность города, затем через приспособление замка к городу и наоборот, наконец, через взаимодействие рыцарского и бюргерского идеалов – к созданию феномена городской культуры. И напоследок замок принес городу массу разнообразных впечатлений, изысканные развлечения, нетленную красоту архитектуры, непреходящую память о благородном сеньоре и его блестящем дворе.

- Белов Г., фон.* Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912.
- Майер В.Е.* К истории взаимосвязи феодальной крепости и средневекового города Германии с X по XVI вв. // Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.
- Осинов В.И.* Судьбы городского дворянства Монпелье (XII–XIII вв.) // Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Саратов. 1968.
- Стам С.М.* Возникновение городского патрициата средневековой Тулузы // Там же.
- Стам С.М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов, 1969.
- Стоклицкая-Терешикович В.В.* Основные проблемы средневекового города X–XV веков. М., 1960.
- Anglo-Saxon towns in Southern England. Chichester, 1984
- Arnold B.* Princes and territories in Medieval Germany. Cambridge, 1991.
- Aux origines du second reseau urbain: Les peuplements castraux: Dans les pays de l'Entre-deux...: Actes du colloque de Nancy 1-e – 3 oct. 1992. Nancy, 1993.
- Barel Y.* La ville médiévale: Systeme social, systeme urbain. Grenoble. 1977.
- Benevolo L.* La ville dans l'histoire europeene. P., 1993.
- Beresford M.* New towns in the Middle Ages. Town plantation in England, Wales, and Gascony. N.Y.; Washington, 1967.
- Cadre de vie et société dans le Midi médiéval, en hommage a Gharles Higounet. Toulouse, 1990.
- Chateaux et peuplements en Europe occidentale du Xe au XVIIIe siècles. Auch, 1980.
- Le Chateau médiéval, forteresse habitée (XIe–XVIe s.). Archeologie et histoire: perspectives de la recherche en Rhone-Alpes. Actes du colloque de Lyon, avril, 1988. P., 1992.
- Contamine Ph.* La noblesse et les villes de France de la fin du Moyen âge // Bulletino dell' Instituto storico italiano per il Medio Evo e archivio muratoriano. Roma, 1984.
- L'Etat et les aristocrates. France. Angleterre, Ecosse: XIIe–XVIIe siecles: Actes de la table ronde. Org. par le C.N.R.S., 26–27 sept. 1986. P., 1989.
- Fleming R.* Kings and lords in conquest England. Garbridge, 1995.
- Fournier G.* Le chateau dans la France médiévale. Essai de sociologie monumentale. P., 1978.
- Génese et les premiers siècles des villes médiévales dans les Pays-Bas méridionaux: Un problème archeol. et hist.: 14 Golloque intern., Spa, 6–8 sept. 1988. Bruxelles, 1990.
- Genicot L.* La noblesse dans l'Occident médiéval. P., 1982.
- Guiliato G.* Chateaux et maisons fortes en Lorraine centrale. P., 1992.
- Heers J.* La Ville au Moyen Age en Occident: Paysages, pouvoirs et conflits. P., 1990.
- Laret-Kayser A.* Entre Bar et Luxembourg: le comte de Chiny des origines a 1300. Bruxelles, 1986.
- Lavedan P.* L'Urbanisme au Moyen âge. Geneve, 1974.
- Lestocquoy J.* Les villes de Flandre et d'Italie sous le gouvernement de patriciens XI–XV siècles. P., 1952.

Lordship and landscape in Norfolk, 1250–1350: The early records of Holkham
Oxford, 1993.

La Noblesse au Moyen age, sous la dir. De Ph. Contamine. P., 1976.

Le Paysage urbain au Moyen âge: Acte du Ier Congrès des historiens médiévistes de
l'enseignement supérieur, Univ. De Lyon II et III 1980. Lyon, 1981.

Les Princes et le pouvoir au Moyen âge: XXIIIe Congrès de la S.H.E.S., Brest, 1991
1992. P., 1993.

Rigaudière A. Gouverner la ville au moyen âge. P., 1993.

Rorig F. The medieval town. Berkeley; Los Angeles, 1967.

Villes, bonnes villes, cités et capitales. P., 1989.

Villes et campagnes au Moyen âge. Liege. 1991.

Villes et sociétés urbaines au Moyen âge: Hommage à M. le Prof. J. Heers. P., 1994.

КАСТРУМ И УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИТАЛИЯ

КАСТРУМ КАК ОСОБОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Италия долгое время воспринималась как страна городов. Действительно, город имел огромное значение для развития Италии, особый характер средневекового итальянского города отмечен в историографии. Но надо учитывать, что даже в Италии, унаследовавшей традиции древнеримского муниципия, городов в Средние века насчитывалось не более трехсот. Замки же (*castri*) были в несколько сот раз многочисленнее. И феномен итальянского каструма был тем необычайно ярким явлением, которое необходимо учитывать при анализе проблем развития итальянского города.

Нередко укрепления сохранялись на месте пришедших в упадок древних городов. И в целом феномен развития *castrum* имел множество точек соприкосновения с процессами эволюции урбанистических структур, причем взаимодействие город – замок, видимо, могло быть как позитивным, так и негативным.

Замок обычно располагался на возвышенности, откуда просматривались подступы к нему, окрестные дороги и уголья. Горы и каменистые холмы часто служили естественными фундаментами, почти незаметно переходя в кладку стен. Поблизости нередко имелась каменоломня, которой пользовались еще с незапамятных времен; отсюда брали известняк для возведения или перестройки замка. Стены его обычно имели несколько башен, а наиболее неприступной частью укреплений являлась башня-цитадель “рокка”, которая возвышалась над замком. Иногда вблизи находились еще несколько отдельно стоящих небольших укреплений, составлявших вместе с большим замком единую линию обороны. Конфигурация замковых стен отличалась неправильностью из-за частых дополнительных пристроек и включений (только в позднее Средневековье появилось тяготение к строгим симметричным формам).

В стенах замка находилась приходская церковь, возведенная на средства сеньора или самого сообщества жителей. Из светских зданий выделялось палаццо курии – здание местного суда или резиденции сеньора. Перед ним обычно устраивалась площадь, служившая местом сбора жителей замка. На ней же располагался и рынок. Еще один центр жизни замка – *taberna*. Это не только харчевня и постоялый двор, но и что-то вроде лавочки, где велась мелкая торговля, хранились эталоны мер и весов.

В замке поддерживался особый порядок: так, большие штрафы налагались за загрязнение улиц и источников нечистотами, за то, что хозяева спускали собак с цепи, не говоря уже о наказуемости драк и прочих бесчинств. На ночь ворота замка запирались, с наступлением сумерек подавался сигнал, после которого запрещалось посещать таверну и вообще находиться вне дома. Человек, обнаруженный чуть далее, чем за три дома от собственного, считался злоумышленником и должен был платить штраф. Штрафы предусматривались и для тех, кто днем или ночью проникал в замок “не через ворота” (видимо, стены иногда были не столь уж неприступны). Для охраны замка в ночное время выставляли внутреннюю и внешнюю стражу из числа жителей. За стенами замка лежали общие угодья – луга, леса или рощи, источники и водоемы, мельница, дороги, которые поддерживались в порядке за общественный счет. Вообще, говоря о замке, мы должны подразумевать не просто укрепление (*fortilitium*), но некий территориальный комплекс.

Сам термин “*castrum*” имел в Средние века двоякое значение: 1) собственно укрепленное поселение; 2) территориальная единица, включающая в себя от 10 до 40 вилл. На центральной вилле находился замок, дававший название всей округе. В документах нередко упоминаются территории, владения таких замков.

Еще позднеантичные авторы, например, Вигеций, упоминали *каструм* как крупный укрепленный военный центр; при этом малый *каструм* часто назывался *бургом*. Античные виллы и купеческие фактории, как показали археологические исследования, также бывали укрепленными. Некоторые конструктивные особенности позднесредневековых замков, например, центральные повышенные башни, имеют античные аналоги.

Но, конечно, даже сохраняя конструктивные принципы или прямую преемственность местоположения от центра античного времени, *каструм* Средневековья представляет собой качественно новое явление по сравнению с укреплениями древнего мира. Во-первых, на процессе конституирования замка сказалось не только римское влияние, но и византийское (через подвластные Византии территории полуострова), а также и варварское. Во-вторых, можно сказать, что замок становится распространенным типом поселения именно благодаря небывалому по размаху строительству укреплений и их восстановлению, которое происходило уже в начале II тысячелетия. Некоторые исследователи, например, Дж. Фазоли, связывают этот всплеск строительства замков с опасностью внешнего вторжения (венгров-кочевников). Но нельзя не отметить, что время наиболее интенсивного развития замков – это и период экономического подъема Италии, роста ее городов-коммун.

На юге полуострова это был переход от исполнения военно-стратегических функций к включению замка в процессы социально-экономического развития сельского мира. Замки, возведенные в ходе активной аграрной колонизации, производимой по инициативе и на средства бенедиктинских монастырей, способствовали интеграции населения, возобновлению хозяйственных связей на заброшенных территориях, складыванию поземельных отношений нового типа. (В дальнейшем замки крайнего юга стали опорой центральной власти, этот вариант развития существенно отличался от эволюции замковых центров различных территорий, где сохранялись тенденции партикуляризма и полицентризма.)

В X–XI вв. на севере Италии, в Лангобардии, отмечены такие новые функции замкового центра, как юрисдикционная и социально-политическая, помимо существовавшего ранее военно-стратегического значения. Завоеватели-лангобарды, избегавшие селиться в городах, очевидно, не просто взяли под контроль укрепления в окрестностях, но и определенным образом противопоставили их городам, наполнили своим особым жизненным укладом. Нередко укрепления сохранились на месте пришедших в упадок древних городов.

Замок способствовал концентрации населения: сеньориальное укрепление могло превратиться в достаточно крупное поселение, включающее в себя и прежний сеньориальный центр, и его сельскую округу. Папская область обычно рассматривается в качестве классической зоны так называемого, озамкования. Действительно, Римский регион в средние века особенно выделялся числом замков и оборонительных сооружений. Здесь и после варварских разрушительных вторжений уцелели некоторые античные укрепления. Но не прекращавшаяся военно-политическая нестабильность требовала увеличения их числа, причем для средневековых построек стали использовать любые античные фундаменты, например, усыпальницы и мавзолеи эпохи императорского Рима, устроенные на возвышенностях вдоль больших дорог.

Замок достаточно выделялся из округи уже самым своим внутренним распорядком, который регулировался особым *статутом*. Затем (что немаловажно) к замку тяготел местный приходский центр, приходская церковь – главная церковь территории – или монастырь. Жители замка составляли церковный приход, и забота о благочестии была неотъемлемой частью жизненного уклада. Очень часто в статутах предписывалось наказание за богохульство или просто божбу (и тут же подробно приводились все возможные варианты нечестивой речи). Существовали некоторые правила поведения в церкви и возле нее, например, запрет для женщин старше 12 лет подниматься на хоры, полагался штраф за шум во время мессы; с первым ударом колокола к вечерне в местной таверне прекращалась торговля вином.

Жизнь, честь и имущество жителей ограждались статутным законодательством. Прежде всего гарантировалась защита личного достоинства простолюдинов, как мужчин, так и женщин; оскорбление бранным словом каралось таким же штрафом, как разорение чужого имущества или кража.

Свои дела жители замка разрешали полюбовно или через суд. В том, что касалось отношений с сеньорами, они выступали сообща, от-

стаивая единые интересы. Как правило, сеньор подписывал определенные обязательства перед замковой общиной, и произвол его был ограничен. Например, в одном из статутах содержится такое любопытное условие: сородичи сеньора, прибывшие в замок со свитой, должны были размещаться в местной таверне и платить за постой как обычные визитеры. Но зато сеньор мог рассчитывать, что община будет охранять замок от любого неприятеля и выделит воинов в помощь сеньору, где бы ни происходили военные действия, пусть даже и в самом Риме.

Известное регулирование некоторых цен, правил взимания пошлин, отношений залога и поручительства, сроков сбора урожая, также зафиксировано в большинстве замковых статутах.

Забота о поддержании обороноспособности замка, совместные военные занятия, как и необходимость координации хозяйственной активности и участие в приходской организации способствовали консолидации местных жителей и округа, тяготевшей к замковому центру.

В замке, в самих его стенах и в посаде, вблизи укреплений, могли проживать от десятка семей до нескольких тысяч человек. В документах той эпохи обычно выделяют среди них “нобилес” и “педитес” – “благородных” и “простолюдинов”. Это основное социальное разграничение жителей замков Римской Провинции характерно для городского населения этого региона. Однако, если известно, что в экономически развитых городах Тосканы XII–XV вв. нобилитет был достаточно разнородной категорией, включавшей в себя цеховые и торгово-ремесленные верхи, то в Риме и Римской Провинции слой нобилей сохранял свою “классическую” специфику – потомственную привилегию нести конную военную службу. Был в замке и небольшой круг служилых образованных людей (чаще всего судьи и нотариусы).

Основными же занятиями простолюдинов было земледелие и животноводство, причем сельское хозяйство было товарным, ориентированным на рынок. На продажу шли чаще всего зерно, вино и мясо. Этими продуктами торговали и простолюдины, и привилегированные жители. С другой стороны, у некоторых обитателей замка была нужда самим покупать съестное. В замке обычно имелся свой рынок, кроме того здесь могли временно складировать товары транзитной торговли (специальные платежи за это составляли источник дохода замка). Хотя замок нельзя назвать ремесленным центром, свои мастера и ремесленники в нем жили.

Наличие социальной стратификации, занятия и особенности юридического статуса населения замка позволяют заключить, что замок представлял собой особый, своего рода промежуточный, тип поселения, отличный и от городского, и от собственно сельского – при том, что возможны параллели между социальными группами замка и города. Примечательно что, насколько можно судить, этот тип имел множество вариаций.

Если многие города Италии оставались независимыми и, во всяком случае, не могли отдаваться в феодал, то замки обычно имели сеньоров и достаточно часто являлись юрисдикционными центрами феодалов (хотя не всяких феодалов включал в себя замок). При этом, однако, в замке, как и

в городе, конституировалась общность жителей, которая начинала противопоставлять себя “внешнему миру”, стремиться к приобретению свобод, привилегий и особого юридического статуса. Интересно проследить и сопоставить некоторые моменты правового развития городских и негородских коммун Италии.

В последней четверти XII в. итальянские города, объединенные в Ломбардскую лигу, отстаивали свою самостоятельность в борьбе с германскими императорами. Эта самостоятельность фактически превосходила границы предписаний мирного договора 1185 г. и проявлялась прежде всего в том, что наиболее развитые городские центры Италии стали регулировать основной круг вопросов административного местного управления, судебной власти и судопроизводства вне зависимости от центрального имперского правительства. Хотя формально итальянские территории считались частью Германской империи, немецкие императоры оказались не в силах воспрепятствовать подобной политике городов и коммун Италии. С другой стороны, ни одному из итальянских центров не удалось сыграть консолидирующую роль в масштабах Италии или хотя бы для значительной части полуострова.

Этот полицентризм несомненно способствовал бурному развитию в Италии именно местного уровня структур управления, а также местного законодательства, традиции “*jus proprium*”. Кроме того, расцвету коммунального самоуправления и выработке соответствующего ему законодательства способствовало и то, что достаточное большинство населения имело статус “лично свободных” и еще не изжили себя некоторые традиционные основы в области общественной жизни, унаследованные от античности. Оформление статута в качестве законодательства итальянских коммун происходило в XII–XIII вв. Статуты, как правило, создавались на основе уже записанных местных обычаев (*consuetudines*). Последние, однако, уже не вмещали в себя реалии быстро усложняющейся жизни городских сообществ, развития коммунальных структур, которые получили большой простор для своего роста и совершенствования после заключения Констанцкого мира.

В дальнейшем источником формирования статутного права являлось уже развитие самих коммунальных институтов. Прежде всего, это деятельность народных собраний, на которых производилось, в частности, одобрение кандидатов на коммунальные должности, зачитывались присяги вступающих в должность. Видимо, развернутые присяги должностных лиц коммуны и их запись следует рассматривать в качестве первого этапа формирования статута. Впоследствии такие присяги сохранялись как необходимая составная часть коммунального законодательства на всем протяжении существования статута. Статуты уже с XIII в. стали универсальной формой законодательства, регламентирующей нормы как частной, так и общественной жизни. Статутное право являлось также исходным источником судопроизводства; только при отсутствии хотя бы сходного казуса для разбираемого дела в статуте при разрешении этого дела прибегали к иным нормам права.

Утверждение статута в качестве основы законодательства и судебной практики произошло вопреки существовавшей доктрине, согласно

которой имперское законодательство расценивалось как имеющее всеобщее значение; статуты же, как плод развития *jus proprium*, могли претендовать на частное значение. Нарушив эту иерархию, статут стал символом свободы и независимости итальянских коммун. Хотя и верно, что без успехов развития городского коммунального строя было бы невозможно оформление и закрепление статутного законодательства как такового, однако представление о статуте только как о законодательстве самостоятельных городов-коммун не является исчерпывающим. Наряду с городскими статутами существовало большое количество разнохарактерных установлений, к которым в Средние века применялось также общее название “статут” – в том числе и статуты замков. С одной стороны, далеко не все из этих установлений можно рассматривать как образцы статутного права (в собственном смысле *jus statuendi*). С другой стороны, распространенное определение статута как законодательного постановления, самостоятельно принятого коммунной или ее выборным органом, было бы излишне узким, так как оно неприменимо к статутам зависимых городов и негородских поселений и сообществ, имевших сеньора (индивидуального или коллективного), а ведь они существовали даже в период расцвета коммунального движения. Принятие статута особым органом самоуправления – независимым народным собранием или выборным советом – можно считать лишь вторичным признаком, проявившимся на особой стадии коммунального развития, которой достигли лишь некоторые города. Но верно будет отметить другое: как в плане своего исторического происхождения, становления, так и в каждом конкретном случае статут был связан с развитием начатков коммунальной структуры в данной местности. Кроме того, статут органически вытекал из сложившегося способа и режима правления, являясь законодательством для подчиненной этому режиму территории. Третьей определяющей чертой статутного права являлось то, что это собственное местное законодательство на данной территории имело преимущество перед любыми другими общими нормами права. Эти три признака в совокупности составляют критерий, по которому можно выделить среди разнородных постановлений, получивших наименование статут, образцы статутного права в полном смысле этого слова. Такой статут есть местное законодательство, связанное с режимом правления, сложившимся на данной территории, и особенностями коммунального развития, и он является источником норм общественной и частной жизни, а также судебной практики.

Обращаясь к определению статутного законодательства, можно заключить, что замковые установления функционально соответствуют статуту города. Они фиксируют, во-первых, режим управления замком (с большим или меньшим преобладанием сеньориального диктата при элементах самоуправления), а во-вторых, – юридический статус жителей. Этот статус населения выражался либо преимущественно в системе привилегий и повинностей жителей-вассалов, либо – при более благоприятном развитии коммунальных структур – подразумевал, прежде всего, равные права и свободы членов замковой коммуны, гарантирующие каждому из них охрану жизни, чести, имущества.

В данном случае наиболее интересен вариант коллективного господства коммуны города над общиной замка. Влияние городской коммуны-сеньора, видимо, не только не пресекало конституирования общины жителей замка, но, напротив, стимулировало его, в том числе прямо переноса некоторые элементы из собственного устройства на вассальный замок: учреждая в замке административные посты, систему взаимного контроля должностных лиц, практику регламентации различных сфер активности членов коммуны.

Очевидно, что наиболее благоприятные условия для передачи такого импульса коммунального развития создавались при наличии демократического устройства самой коммуны – сеньора. И наоборот, когда отношения городской коммуны с зависимой округой были опосредованы активным участием сеньоров-нобилей, членов коммуны, этот импульс терялся.

В то же время обострение тенденций сеньориального партикуляризма повышает значение укрепленного центра округи – замка, что и объясняет согласие сеньора пойти на уступки и предоставление привилегий его жителям. В частности, это касается предоставления возможностей самоуправления, самоорганизации жителей замка.

Вообще процесс формирования административного аппарата, общественных институтов происходил как бы по двум противоположным направлениям – из органов сеньориального управления и путем делегирования собственных официальных представителей со стороны жителей замка. Можно предположить вероятность такого процесса, как своего рода “вживание” сеньориальных оффиций и органов в конституирующую коммунальную структуру. Так же, видимо, шло формирование новых функций общинной элиты, представленной такими группами, как “*boni homines*” и массарии, получившими опыт взаимодействия с сеньориальной администрацией. Их авторитет арбитров, традиционно признаваемый членами общины, мог превратиться в постоянное должностное полномочие. Формирование административно-фискальной структуры замка, как и правовой его организации, происходило как бы по двум направлениям: “сверху”, по сеньориальной инициативе, и “снизу”, по инициативе сообщества жителей замка. Сеньору нужен был некий административный аппарат для поддержания порядка в подвластном замке и организации сбора податей. Общине же нужны были собственные официальные представители, которые могли бы вступать в переговоры с сеньориальной стороной, ходатайствовать за всех жителей данной местности, защищать их интересы. Возможность коммунального развития общности жителей зависимого замка и открывала сеньориальная уступка, самоограничение сеньориальной стороны – хотя сеньориальная власть могла в будущем приостановить, законсервировать это развитие.

В дальнейшем, по мере получения общиной различных прав и привилегий, оффиции и органы, прежде являвшиеся опорой сеньориальной власти, возможно, могли, сохраняя свою компетенцию, включиться в систему самоуправления замковой общины.

Тот же двойственный характер, что и административная структура, имеет статутное право зависимого замка. Разнообразные его варианты

показывают переход от чисто сеньориальных установлений (типа *charta libertatis*) к собственно коммунальному законодательству. Типологически первоначальной функцией статута было регулирование взаимоотношений общины жителей замка и его сеньоров (часто не имевших постоянной резиденции в замке). Высшей же стадией статутного законодательства зависимого замка является такой статут, который не просто в некоторой степени учитывает интересы общности местных жителей, но преимущественно трактует нормы взаимоотношений общинников, в которых сеньориальная власть либо вовсе не участвует, либо причастна к ним косвенно. Следующим (и последним) значительным этапом эволюции итальянского замка является период, когда замок стал играть роль военно-политического центра господства новых феодальных сил.

Суммируя изложенное, следует отметить, что развитие каструма в качестве поселения и общности жителей имело черты сходства с эволюцией городских структур. Это сказывалось не только в процессе приобщения замка к хозяйственным функциям, рыночным отношениям, но и, прежде всего, в складывании административно-фискальных систем и функций каструма, оформлении особого юридического статуса, свобод и привилегий, возможностей самоуправления для населения. При этом, когда речь идет о проблеме “город – округа”, то в отношении Италии периода Средневековья и раннего Нового времени здесь следует подразумевать не просто связи город – деревня, но скорее взаимодействие городского и замкового центров, каждый из которых выступал носителем определенных социальных, политических, юрисдикционных ролей. Взаимодействие это временами осуществлялось как симбиоз, временами превращалось в антагонизм, и городу далеко не всегда удавалось сохранять диктат или даже лидерство в данном процессе.

Влияние городской коммуны как коллективного сеньора могло стимулировать формирование общины жителей замка, прямо перенося некоторые элементы собственного устройства на новую почву: учреждая в замке административные посты, систему взаимного контроля ответственных лиц и т.п. Есть примеры, в частности, в Папской области, того, что при более демократической организации коммуны-сеньора импульс коммунального развития успешнее передавался окрестным замкам. Хотя и при соблюдении демократических принципов внутри “большой коммуны” это не гарантировало автоматически широких свобод и перспектив развития для подвластной “дочерней” общины (такие негативные примеры можно указать даже для динамично развивавшейся Тосканы). Но, если власть в городе безраздельно принадлежала узкой элите нобилей, которые опосредовали взаимоотношения города и округа, то это сказывалось отрицательным образом при оформлении правового статуса и свобод жителей и общин окрестных замков.

Необходимо подчеркнуть, что связь между городом и замком не была односторонней, активной для города и пассивной для жителей каструма. Прежде всего очевидно, что существовали социальные группы (не считая собственно переселенцев), которые в равной мере принадлежали миру города и миру замка: это в первую очередь элитные группы – разветвленные нобильские роды с резиденциями в городе и округе, нотариин

и судьи. Вряд ли их можно назвать проводниками определенной, городской или антигородской политики; скорее можно отметить их роль посредничества в некоем круговороте общих социальных процессов. Известны и социальные явления, явно зародившиеся в поле притяжения замкового центра, а затем получившие развитие в городах. В первую очередь, из их числа следует выделить процесс активизации отношений зависимости в форме вассалитета, который берет начало в замковых центрах, а затем укореняется в городах и существенно преобразует характер итальянского города.

Итак, каstrум так или иначе был включен в процесс урбанизации. Однако, если судить по истории Италии, механизм взаимодействия города и каstrума представляется более тонким и сложным, чем это могло быть в случаях, когда замок просто служил одним из ядер градообразовательного процесса или когда крепость-цитадель возводилась внутри городских стен.

КАСТРУМ – ГОРОД

В некоторых случаях поселение, имея формальный статус *castrum*, являлось по сути городом. Примером такой коммуны служит средневековый Корнето.

Средневековый Корнето получил импульс развития от крупного античного города Тарквиния (именно отсюда происходили цари древнего Рима – династия Тарквиниев). В Средние века Тарквиния пришла в упадок и была включена в сферу влияния успешно развивавшегося близлежащего поселения Корнето (такое перемещение *locus*'а поселения, местного центра на несколько километров – обычное явление). Уже в середине V в. Корнето стал епископской резиденцией вместо Тарквинии и оставался епископальным центром до середины IX в. Замок на вершине холма, который некогда полностью занимала античная Тарквиния стал частью оборонительного комплекса Корнето. Как удобный порт торговый центр и город Корнето сформировался в богатую и многонациональную коммуну. Но этот крупный *civitas* формально не имел городского статуса и числился как *castrum*.

Пример Корнето интересен тем, что имея статус замка, этот центр развился в крупный и богатый *civitas*, который сам распространил влияние на окрестные замки и поселения, став их коллективным сеньором.

Корнето считался независимой, т.е. самоуправляемой, коммуной, свободно избирающей своих должностных лиц, имеющей собственные финансы. Тем не менее, коммуна была связана рядом обязательств с папским престолом и Римом; в частности, документы из коммунального архива церкви Маргариты Корнетанской свидетельствуют, что Корнето, как и другие коммуны Патримония Св. Петра, должен был оказывать церкви военную поддержку, но эта вассальная повинность заменялась денежной выплатой.

В понтификат Бонифация VIII Корнето вместе с другими коммунами и замками Патримония в Тусции получил от папы привилегию осу-

исцествлять на своей “территории” “*terrum et mixtum imperium*”, т.е. право проводить судебные разбирательства (по всем преступлениям, кроме особо тяжких, как то: подделка папской монеты или писем). Но одновременно с этой уступкой Бонифаций заставил Корнето исполнять военную повинность как верноподданных папского престола (свидетельство об этом участии случайно сохранил краткий документ от июня 1297 г.; в нем удостоверялось, что члену коммуны Маттео Вителлески было уплачено за потерю боевого коня во время экспедиции коммуны. Но в 1301–1302 гг., видимо, из-за того, что положение грозного папы Бонифация уже пошатнулось, Корнето дважды отказывался от своих союзнических обязанностей по отношению к папскому престолу – во время войн Бонифация с Гвидо ди Санта Фьоре и Маргаритой Алдобрандеска. В 1301 г. коммуна уплатила за это 1000 флоринов штрафа, а в 1302 г. – также тысячу этой монетой не только за отказ послать войска против замка Питильяно – цитадели рода Альдобрандеска, но и за то, что на территории Корнето нашли пристанище лица, пребывавшие под банном (т.е. оглашенные преступниками, провинившимися перед папой). Кроме того, Корнето использовал статуты, не исправленные согласно воле папского престола.

Таким образом, даже перед авторитетом папской власти коммуна Корнето ощущала себя достаточно независимой.

Что касается обязанностей Корнето перед коммуной Рима, то исполнению их коммуна Корнето явно предпочитала выплату денежных штрафов. Так, если в реестре от 1283 г. упоминается о подтверждении клятвы верности Корнето Риму, то уже в 1284 г. один из документов констатирует неисполнение поставок зерна в Рим. Документ, датированный маем 1292 г., содержит целый перечень проступков и преступлений коммуны Корнето, ее должностных лиц и отдельных членов против коммуны Рима. Например, Корнето отправил два корабля, груженных пшеницей, в Геную, что явно противоречило римским интересам (Рим вел тогда борьбу с Генуей и постоянно испытывал недостаток хлеба). При этом Корнето недопоставил Риму натуральный побор грасция (шесть сальм вина на шести ослах, как точно указано в документе). В результате всего по искам, выдвинутым Римом вплоть до конца мая 1292 г., Корнето уплатил 284 флорина золотом, считая, видимо, для себя это более выгодным, чем неукоснительное соблюдение римских интересов. Римские сенаторы-нобилы шли на компромисс с Корнето скорее всего потому, что большая часть этих гигантских штрафов оставалась в их руках. Что касается собственных должностных лиц Корнето, то в различных документах XIII в. упоминаются Совет коммуны и консул, а также официалы: камерарий, нотариий, синдик и ректор коммуны. Режим правления подеста утвердился в Корнето около середины XIII в. или чуть раньше.

Все эти документы связаны с признанием власти Корнето над рядом окрестных замков. Как сказано в документе от 13 марта 1201 г., граф Уголино – владелец замков Тольфа Веккиа и Монте Монастерио, с согласия своей супруги и сыновей признал верховную власть Корнето над этими замками и вместе со всеми жителями (старше 14 лет) принес клятву верности-подчинения (*sequimentum*) “консулам и народу Корнето”.

Клятва секвиментиум подразумевала, что новые подданные Корнето будут вести войну и заключать мир строго в интересах Корнето, а также ежегодно приносить ко дню Св. Секкондино 10 либр воска¹.

В том же году церковь Сан Арканджело Палтоне передала в дарения консулам Корнето замки Сан Арканджело и Казанело. При этом банны, различные поборы, а также права на виноградники делились между аббатом и коммуной, а права на ведение охоты, отлов птиц и т.п. сохранялись за аббатом. Но он приносил клятву верности коммуне (за себя и своих преемников) и должен был привести к этой присяге всех жителей указанных замков старше 14 лет.

В 1283 г. при подтверждении клятвы со стороны тогдашнего аббата Сан Арканджело – Энрико и массариев замка Сан Арканджело консул Корнето учредил в замке должностное лицо – висконте. А в 1251 г. кроме двух должностных лиц конте (один из которых был поставлен аббатом Сан Арканжело, другой коммуной), подеста и ректор Корнето назначили для замка еще двух должностных лиц – кастеллана и гастальди. Таким образом, развитие коммунальных институтов коллективного сеньора Корнето и подчиненной малой коммуны замка шло параллельно и взаимосвязано.

Список коммун, над которым в XIV в. Корнето имел сеньорию или патронат, был достаточно обширен: Тольфа Веккиа, Монте Монастерио, Сан Арканджело, Чивителла, Рота, Чивиабеккиа, замок Тарквинии (на месте античного города, затем слившийся с территорией самого Корнето), Аккарано, Монтебелло, Монтевалерио, Монтелеоне, Кастелли Чеццы, Кастель Маринелло, Кастельлана.

ЛИТЕРАТУРА

Archeologia medievale dei castelli: Estratto da Tavola rotonda nazionale Udine–Cividale Trieste 26–29 ot. 1967. Istituto italiano dei castelli. Città contada e feudi nell'urbanistica medioevale / A cura di E. Guidoni. Roma. 1974.

Cortonesi A. Terre e signori nel Lazio medioevale. Un economia rurale nei secoli XIII–XV. Napoli, 1988.

Dasti L. Notizie storiche-archeologiche di Tarquinia e Corneto. Roma, 1878.

Fasoli G. Città e feodalità // Structures feudales ex feodalisme dans l'Occident mediterranean (X–XI s.). Bilan et perspectives de recherches. Roma, 1980.

Fasoli G. Caselli e signorie rurali // Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1966.

---

¹ У этого “добровольного” акта была достаточно бурная и драматичная предыстория. Дело в том, что в свое время граф Уголино из дома Николиди захватил у Корнето замки Тольфа и Монте Монастерио; коммуна повела с ним войну, в результате чего тот вынужден был вернуть не только оба замка, но и подчинить контролю и верховенству Корнето свои замки Кастель Нуово, Рокка Джорджо. Таким образом, коммуна Корнето подчиняла себе округу и вассальной и юрисдикционной зависимостью. Эти юрисдикционные и сеньориальные права коммуне удалось получить в первую очередь путем ослабления позиций местных нобилей, разного рода компромиссов с ними, а равно и покупки их владений.

- Fasoli G.* Feudo e castello // Storia d'Italia. Torino, 1973.
- Fumagalli V.* Civiltà curtense in Italia. Pistoia, 1981.
- Fumagalli V.* Le campagne medievali dell'Italia del Nord e del Centro nella storia geografica del nostro secolo fino agli anni '50 // Medio evo rurale. Sulle tracce della civiltà contadina / A cura di V. Fumagalli, G. Rossetti. Bologna, 1980.
- Heers J.* Consorterie familiair alla fine del Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento / A cura di G. Chittolini. Bologna, 1979.
- Jones Ph.J.* Economia e società nell'Italia medievale: La leggenda della borghesia // Storia d'Italia Annali. Torino, 1978. V. I.
- Larner J.* Signore di Romagna. La società romagnola e l'origine delle signorie. Bologna, 1972.
- Il Lazio meridionale tra papato e impero al Tempo di Enrico VI. Roma, 1991.
- Medioevo rurale. Sulle tracce della civiltà contadina / A cura di V. Fumagalli, G. Rossetti. Bologna, 1980.
- Santini G.* I comuni di valle del Medio evo. La costituzione federale del Frignano. Milano, 1960.
- Santini G.* I "comuni di pieve" nel Medio evo italiano. Milano, 1964.
- Schmiedt G.* Città e fortificazioni nei rilievi aerofotografici // Storia d'Italia. Torino, 1973.
- Settia A.* Villam circa castrum restringere. Migrazione e accentramento di abitati sulla collina torinese nel basso medio evo // Quaderni storici. 1973. N 24.
- Structures féodales ex féodalisme dans l'Occident méditerranéen. (X–XII s.) Bilan et perspectives de recherches. Roma, 1980.
- Tabacco G.* Egemonie sociale e strutture del potere nel medioevo italiano. Torino, 1979.
- Tomassetti G.* La campagna romana antica, medievale e moderna. Roma, 1910. Vol. 1–2; Roma, 1925. Vol. 3–4.
- Toubert P.* Les structures du Latium medieval: Le Latium meridional et la Sabine du IX a la fin du XII siecle. Roma, 1973.
- Waley D.* La féodalité dans la région romaine dans la 2e moitié du XIII et début du XIV. Roma, 1980.

Монашество и город в средние века – тема, не получившая в историографии достаточного освещения, хотя историкам-урбанистам, в особенности на уровне локальных штудий, не раз приходилось говорить о влиянии монастырей на градообразовательный процесс, об их хозяйственной деятельности в городах, а в связи с оформлением бюргерства и о борьбе городских общин против правовой обособленности монастырей в городе. Кроме того, ни одно исследование развития городского образования не может обойтись без упоминания как школ при городских монастырях, так и монастырей при европейских университетах высокого Средневековья. И тем не менее, Жан Дюбуа спрашивал в 1970 г. “Можно ли написать историю городского монашества?” Само понятие “городское монашество” представляется парадоксальным и внутренне противоречивым. Это противоречие коренится в изначально сложившемся антагонизме города и монаха, осмысленном в монашеской теологии поздней античности и средних веков (см. опыт реконструкции так называемой “монашеской теологии” и ее истоков, предпринятый Ж. Леклерком). Вместе с тем, рост городов в высокое Средневековье, с одной стороны, и развитие христианского этического идеала – с другой, подготовили рождение нового понимания отношений монашества и города.

ГОРОД В МОНАШЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Монашество – одна из форм осуществления христианского аскетического идеала¹. Аскетический образ жизни еще в античной этике (орфики, пифагорейцы, платоники, неоплатоники, стоики, киники), наряду с различными духовными упражнениями, предполагал нередко асоциальность, отказ от общины, дома, отечества ради философского созерцания в уединении (пещера Пифагора или бочка Диогена). Уже тогда аскеза во многом была вызовом урбанизированной культуре античности. В Римской империи христианство распространилось преимущественно в

¹ Литература, посвященная проблематике христианской аскезы и ее истокам, а также генезису монашества, обширна. Наиболее полные обзорные работы: *Lohse B. Askese und Mönchtum in der Antike und der alten Kirche.* München; Wien, 1969; *Deseille P. L'évangile au désert. Origines et développement de la spiritualité monastique.* P., 1985.

городах. Однако раннехристианские общины I–II вв., малые числом, состоявшие порою целиком из инородцев, оставались преимущественно асоциальными (отказ от военной службы и участия в культе гения императора), замкнутыми, нередко законспирированными мирками внутри города, суету и соблазны которого они отвергали. Для раннехристианских аскетов, как позднее и для средневекового монашества, смысл аскетического образа жизни был выражен в словах Христа, учившего о тщете всего мирского и призывавшего следовать за собой, оставив имущество и родных во имя стократного воздаяния (*Мат. 19, 17–30*). Следование Христу, единение с ним, понималось, таким образом, прежде всего как отрицание традиционной системы социальных связей.

В III–IV вв. христианские общины постепенно теряют свою замкнутость, образуют “массовую” церковь. Но эта церковь во многом ограничивалась еще пределами римских *civitates*, составляющих, собственно, епархию позднеантичных епископов. Неслучайно оппозиция *civitas* и *pagus*, буквально деревни, приобрела тогда конфессиональный оттенок: *christianus* – *paganus*. Новые реалии породили противостояние аскетов и разросшейся общины, в которой неизбежно происходило усреднение христианского идеала. В III–IV вв. аскеты порывают с городской общиной и, следуя примеру Христа (*Мат. 4*), удаляются *in desertum*, в пустыню, где и конституируется монашество как институт, обособленный от городской церкви. Еще авторы житий первых монахов подчеркивали своеобразный эгоизм аскетов, стремившихся, покинув общину, обрести личное спасение, “лишь на себя одного обращать внимание” “Следование за Христом”, единение с ним, и позднее представлялось осуществимым лишь *in egeto* или *in solitudine*, как в средневековой литературе нередко именовали монастыри – места молитвенного созерцания. И в других терминах, характеризующих аскетический образ жизни, заложена оппозиция *frequentia urbium*: монах, анахорет-отшельник; ерemit-пустынник или на древневерхненемецком *waldlih*, т.е. живущий в лесу. В раннемонашеской, а позднее и в средневековой традиции *egetus* или *solitudo*, избранные для монашеского поселения, поэтизировались, им придавали черты идеального аграрного ландшафта, райского сада. Природа, сотворенная Богом, противопоставлялась культуре в античном понимании слова, т.е. делу рук человеческих. Неслучайно возвращение в мир из монастыря еще в Галлии Григория Турского есть возвращение в “уличную грязь” и сопоставимо с “изгнанием из Рая”.

В Священном Писании, связанном с реалиями урбанизированного средиземноморского мира, содержатся многочисленные упоминания городов, иногда в виде символов, важнейшими из которых были Вавилон, олицетворяющий в христианской традиции *civitas diaboli*, и Иерусалим, воплощающий *civitas Dei*. Небесный Иерусалим, или “*burg Jerusalem*”, как его на древневерхненемецком назвал Ноткер Санкт-Галленский (ум. в 912), согласно Апокалипсису, есть “великий город”, город-государство Божие. Это своего рода урбанистическое видение Рая в противоположность саду Эдем Книги Бытия. Нередко источники именуют монахов “гражданами” или “горожанами” (*cives*) Небесного Иерусалима, а монастыри порою в топонимике и архитектуре следовали прообразу Ие-

русалима земного. На массивном западном портале церкви аббатства Корвей, выстроенном в эпоху Каролингов, начертано: “Город этот, I’ou поди, обнеси стенами и да охраняют их Твои ангелы”. Этот образ монастыря как Небесного Иерусалима отражал активную сторону монашеского самосознания. Для созерцательной, пассивной деятельности пригодны *eremus* и *solitudo*, “уготованные Богом”. Но созерцательность исключает напряженной работы над собой, “вращения” добродетелей, “выстраивания” себя и строительства, таким образом, Небесного Иерусалима. “Праздность есть враг души”, – утверждали “отцы монашества” Неслучайны поэтому и строительные мотивы в дидактической монашеской литературе, изобразительном и прикладном искусстве.

Блаженный Августин, рассуждая в начале V в. о двух *civitates*, противостоящих друг другу с момента грехопадения прародителей, подразумевал скорее не города, а общности, государства. Недавний конфликт немногих избранных с воплощенным государством Зла – Римской империей – был еще памятен. В высокое же Средневековье, с ростом городов и усилением их политического, экономического и духовного влияния, монашеские теологи стали трактовать противоборство двух *civitates* как конфликт Небесного Иерусалима или всей совокупности монастырей с реальными городами, частями тела Антихриста или “города дьявола” Эта идеологическая борьба с городами, во многом подготовленная ростом монашеского самосознания в эпоху реформ X–XI вв., была направлена на сохранение монополии монашества в духовной жизни христианского мира. Так, св. Бернард Клервосский (1090–1153) противопоставлял свое мистическое чувственное понимание Бога, достижимое в стенах обители, схоластической философии городских учебных заведений, прежде всего, Парижа, этого нового Вавилона в понимании Бернарда.

Показательны в этом смысле также рассуждения аббата Руперта Дойтского (1120–1130), одного из выдающихся экзегетов и теологов бенедиктинской традиции. Пожар, случившийся в 1129 г. в протогородском поселении, выросшем вблизи аббатства Дойтц, подтолкнул Руперта к написанию небольшого теологического сочинения о городах вообще. С тоской Руперт вспоминает те славные времена, когда его монастырь не имел никакого соприкосновения с миром. Но потом в близлежащем укреплении расположились “чужаки” – *extranei*, образ жизни которых вызывал праведное негодование аббата. И пожар кажется ему достойной карой, ниспосланной на город свыше. Ведь и первый город в истории человечества основал Каин, первый убийца на земле (*Быт.* 4, 17). Да и все вообще города никогда не были угодны Богу, а их создатели, согласно Священному Писанию, “тираны” Таковы, например, Нимрод и Ассур, построившие Вавилон и Ниневию и установившие “наигустейший смрад жертвоприношений”. “А был ли хоть когда-либо кто-нибудь из всех вообще святых или прославленных мужей, – вопрошает Руперт, – который основал бы земной город или земное укрепление?” Напротив, на фоне градостроительной деятельности “тиранов” “все сильнее и сильнее сияло дело странствующих (*peregrini*), св. Авраама, Исаака и Якова и других, которые не строили городов или укреплений”, но

строили “алтари во имя Бога” Отвергая города, они удалились “в хижины, сознавая, что являются всего лишь странниками и чужаками на земле” Мало того, “сыны Израилевы..., некогда сыны странствующих, а именно святых патриархов”, руководимые Господом, не прельстились сокровищами Иерихона, но разрушили его до основания, не желая “иметь здесь постоянного города”, но ища город “будущий”. Судьба других городов Ханаанских, завоеванных Израилем, представлялась Руперту не более завидной. Отвлекаясь от текста Писания, Руперт обращается к недавней истории. В ней он видит немало благочестивых “странников”, “помощников в Божьем строительстве”, строительстве будущего великого города – Небесного Иерусалима. Таковы, например, кельнские архиепископы Бруно и Хериберт, основавшие множество монастырей и сокрушившие немало “крепостей” Но для окончательного успеха этого предприятия следует, подобно сынам Израилевым, и впредь “твердой проповедью истины захватывать и разрушать все укрепления (*munitiones*) лжи и козни неистового заблуждения”.

Ж. Ле Гофф, характеризуя XI–XII столетия в истории Западной Европы, говорил об обращении к земному, о переходе “с небес на землю”, о новых акцентах в системе ценностных ориентаций общества. В XII в. претерпевает существенные изменения и прежний идеал аскетического образа жизни. Наряду с движениями, стремившимися в максимальной степени осуществить идеал пустынножительства, возникают и быстро набирают силу религиозные течения, по новому трактующие взаимоотношения аскета и мира, в частности аскета и города. В городах конца XI–XII в. широкого распространения достигло движение регулярных каноников, окончательно размежевавшихся с монашеством. Для регулярных каноников высшей нравственной ценностью и детерминантой их отношения к миру являлась *Caritas* – Любовь, питавшая, среди прочего, и мистическое богословие многих соборных школ Западной Европы. Любовь трактовалась как жертвенная, наставляющая сила, идущая от высшей Любви к Богу и обращенная к ближнему. Регулярных каноников она побуждала отказаться от монашеского уединения, пригодного лишь для просветления себя самого, от изначальной асоциальности монашеской аскезы. Именно это чувство легло в основу их ревностного пастырского служения в городах. Не аскет, будь то черный бенедиктинец или даже белый, “ангелический” цистерцианец, а благочестивый проповедник, живущий в гуще толпы, становится постепенно типической фигурой эпохи.

Для каноника-августинца Хуго Фольетского (1100–1153), склонного к экзегезе и мистическому созерцанию, города, как и для его современника аббата Руперта, оставались “исполненными пороков”, преданными “земным наслаждениям”, утопающими в “богатствах” Монастыри же, соответственно, представлялись “замками (*castra*) Господа”, защищающими их обитателей от “козней древнего врага” Но отношение Хуго к городам сложнее, чем у Руперта. Обращаясь к истории войн Израиля, Хуго утверждает, что богоизбранный народ разрушал города порока и злых нравов, но тотчас возводил на их пепелище новые города, верные Богу. Город, таким образом, не противопоставлен “хижинам” патриар-

хов, и за ним признается известное право на существование. Вообще благочестие, следование Христу, не сопряжены у Хуго лишь с пребыванием в монастыре. Образ монастыря у него спиритуализируется, отрывается от материального воплощения. Это, прежде всего, “монастырь души”, *claustrum animae*.

Вторая половина XII–XIII в. – эпоха беспрецедентного распространения разнообразных еретических учений в странах Западной Европы. Удобную почву они находили в городах, население которых в силу сравнительно высокого уровня грамотности было наиболее восприимчиво ко всякого рода духовным исканиям. В то же время в этих еретических движениях нашли отражение и острые социальные конфликты эпохи, прежде всего вызванные интенсивным развитием товарно-денежных отношений и растущей поляризацией городского общества. В свою очередь, знакомство с Евангелием, переведенным на народное наречие, приводило к выводу, что богатая католическая церковь давно забыла заветы святой бедности и служит не Христу, но Маммоне. Жизнь в бедности, странствование Христа ради со словами Евангелия на устах, казалось, более отвечают подлинному христианству, нежели, в частности, праздное уединение в богатом монастыре. Это новое понимание христианской аскезы питало и ортодоксальные религиозные течения, включая те из них, которые в начале XIII в. оформились в нищенствующие ордена: “братья проповедники” – доминиканцы, “минориты” – францисканцы, августинцы-еремиты, кармелиты и др. Создание их диктовалось необходимостью укрепить пастырское служение в городах, неэффективность которого среди прочего рассматривалась как причина массового распространения ересей. В этом смысле нищенствующее монашество опиралось на традиции, восходящие к регулярным каноникам. Евангельская бедность, аскеза, иными словами, *vita evangelica*, на которую ориентировалось и старое монашество, в идеологии и практике нищенствующих орденов соединяется с *vita apostolica*. Последняя предполагала жизнь в миру, ради наставления других, жизнь, не ограниченную стенами монастыря, жизнь странника, везде чужого и вечно неприкаянного. Св. Доминик видел, например, задачу своих братьев-проповедников в том, чтобы “передавать другим плоды созерцания”². Характерно, что и в уставах нищенствующих орденов полностью исчезает оппозиция монастырь – город. Так, тексты св. Франциска знают единственную коллизию: брат, “идущий по миру”, приходит в дом христианина.

Нищенствующие ордена – первые исключительно городские монашеские объединения. Вообще мениканти словно внезапно заметили горожан. Еще полтора столетия назад Бернард Клервосский представлял общество в традициях трехчленной функциональной схемы и обращался с проповедями к трем сословиям: духовенству, рыцарству и “трудящимся”. Нищенствующие же монахи увидели в горожанах самостоя-

---

² Литература о нищенствующих орденах, практически, необозрима. Их общая характеристика с указанием основных исследований: *Elm K. Bettelorden // Lexikon des Mittelalters / Hg. R. Auty u. a. München; Zürich, 1980. Bd. 1.*

тельную общественную группу, обладавшую специфическими интересами, своим кругозором, своими, присущими только ее представителям, пороками и слабостями. Но даже и эту группу братья воспринимали дифференцированно, различая правителей городов, купцов, средние слои и плебс.

Какие-либо обобщающие исследования городского монашества практически отсутствуют, хотя в последнее время появилось достаточно много работ о монашестве и монастырях в отдельных городах (попытку подвести предварительный итог этих, в целом локальных, штудий предприняли Ж. Дюбуа и Ю. Зюдов). Вместе с тем очевидно, что известная поговорка, согласно которой бенедиктинцы любят горы, цистерцианцы – долины, а францисканцы – города, верна лишь отчасти. Хотя старому, добенедиктинскому и бенедиктинскому монашеству город представлялся несовместимым с аскетическими идеалами монашества, а потому непригодным для основания монастырей и, более того, враждебным христианскому благочестию, в древних городских центрах, сохранившихся еще от римской эпохи, имелась хотя бы одна, а иногда и несколько бенедиктинских обителей. Строжайший запрет основывать монастыри в городах содержался лишь в статутах ордена цистерцианцев XII в. Но уже женские конвенты, подчинявшиеся цистерцианскому ордену, нередко располагались в городах. Иначе обстояло дело в городах, возникших в высокое Средневековье. Особого внимания здесь заслуживают те из них, которые в IX–XI вв. сложились вокруг крупных бенедиктинских аббатств. В остальных новых городах бенедиктинские монастыри за редким исключением отсутствовали. И монашество было представлено одними конвентами нищенствующих орденов.

СТАРОЕ МОНАШЕСТВО В ГОРОДЕ

Говоря о старом монашестве в городе, мы, прежде всего, как уже было сказано, имеем в виду монастыри в тех городских центрах, которые сложились еще в римскую эпоху и являлись или стали позднее резиденциями епископов. Таким образом, география городского монашества до возникновения нищенствующих орденов по преимуществу ограничена территорией *Rex Romani*. К этому основному ареалу следует присоединить также епископские города, появившиеся в VII–X вв. в ходе христианизации земель к северу и востоку от Рейна.

Не всегда монастыри основывались непосредственно в пределах современного им городского пространства. Как правило, они находились в пригороде – *suburbium*; именно в *suburbium* аскеты в эпоху раннего монашества прежде всего обретали “пустынь”, воделенное уединение. Иногда монастырь постепенно вырастал из культа у могилы какого-либо мученика на кладбище, которое, согласно римскому законодательству, всегда находилось вне городских стен. Такие монастыри, оказавшиеся затем в черте города, представляют и по сей день зримые свидетельства роста городского поселения. В этой связи показательна история монастыря св. Эммерама в Регенсбурге. Он был основан в VIII в. при церкви

св. Георгия, построенной примерно ок. 500 г. на кладбище частично еще римской эпохи. Это кладбище соответственно располагалось за пределами римского укрепленного лагеря и развивавшегося в его черте протогородского поселения. Около 1050 г. по словам Отлоха, монахи св. Эммерама, его обитель находилась уже *in pago mercatorum* (в районе купцов) Регенсбурга, т.е. в наиболее динамично развивающейся новой части города, характеризуемой даже как *urbs nova* в отличие от существовавших ранее *pagus regis* и *pagus cleri*, районов королевской, некогда герцогской резиденции, и резиденции епископа.

Большинство монастырей в позднеантичных и раннесредневековых городах было основано епископами. Наряду с задачами интенсификации религиозной жизни в городе на них возлагались и функции репрезентации епископской власти. Монастырь мыслился как неперенный компонент духовного окружения, сообщавшего епископской кафедре надлежащую святость и вместе с тем великолепие. Такой монастырь наряду с каноникатами и приходами, ориентированными по сторонам света, был частью креста или своего рода “венка”, в центре которого находился кафедральный собор – устойчивый мотив архитектурной планировки епископских городов прежде всего в Германии и Италии. Конкретные причины основания епископом монастыря в городе могли быть различными. С одной стороны, закладка монастыря нередко диктовалась стремлением организовать достойное почитание святых мощей, уже имевшихся или доставленных в город специально. Близ этих мощей епископ – основатель рассчитывал либо сам обрести последний покой, либо, по крайней мере, обеспечить себе наиболее интенсивное посмертное поминовение в литургии и молитвах монахов. С другой стороны, рецепция уже в раннее Средневековье “стационарного” богослужения римских епископов потребовала строительства в епископском городе все новых церквей, в том числе монастырских, как *statio* для богослужения соборного клира. В Констанце, например, подражание Риму зашло еще дальше. Х. Маурер, анализирувавший эволюцию “сакрального ландшафта” города в X в., обратил внимание на отчетливо выраженное стремление констанцских епископов уподобить свой город Риму с его восемью *Tituli* – основными церквями. Центром ансамбля является кафедральный собор св. Марии, соответствующий римской Санта-Мария Маджоре. В свою очередь монастырь Петерсхаузен (*Petri domus*), основанный на еще не заселенном и заболоченном северном берегу Рейна, мыслился как параллель базилике св. Петра в Риме, которая находилась на противоположном берегу Тибра.

Вместе с тем, городские монастыри бенедиктинцев крайне редко развивались в значительные духовные центры, каковыми были обители, основанные вдали от городов. Духовной и властной доминантой епископского города оставался прежде всего кафедральный собор и резиденция прелата. Неслучайно один из крупнейших западных отцов монашества Иоанн Кассиан (ум. в 435) подчеркивал: “Монах всеми путями должен бежать от епископа и женщины”. Город отталкивал монахов не только соблазнами, суетой и суетностью, относительным комфортом жизни, “губительным” для души. В соответствии с постановлениями со-

боров V–VI вв., епископ мог вмешиваться в быт монахов, назначать предстоятелей, распоряжаться имуществом монастыря; принуждать братьев участвовать в пастырском служении и обременять различными литургическими обязанностями, – все это в совокупности означало отвлечение от монашеского призвания, состоявшего лишь в служении одному Богу. Уже в раннее Средневековье, по мере роста монашеского самосознания начинается борьба за полную автономию монастырей от епископата. Положение городских монастырей в силу близости к епископу (многие из них к тому же принадлежали епископам по праву “частной церкви”) в этой борьбе было наименее завидным. Симптоматично, что нередко они получали поддержку со стороны бюргерства, также стремившегося к независимости от епископа, но уже как сеньора города. В целом, однако, большинству городских монастырей так и не удалось добиться самостоятельности.

Исключение составляли лишь обители, созданные на месте захоронения особенно популярных святых, как правило, епископов соответствующих городов (Сен-Мартен в Туре, Сен-Жермен в Оксере, Сент-Илэр в Пуатье, Сен-Реми в Реймсе, Санкт-Арнольф в Меце и др.). Такие монастыри получали всевозможные королевские привилегии, в частности освобождавшие их от власти местных епископов и закреплявшие за ними особый правовой статус королевского или имперского аббатства, подчиненного непосредственно монарху и находящегося под его покровительством. Исследователи ранней городской истории подчеркивают особую, иногда главенствующую, роль крупных городских монастырей Галлии в континуитете городов от античности к Средневековью. Вместе с тем, в историографии отмечается и своеобразный дуализм старой *civitas* и поселения, складывавшегося вокруг монастыря. Так, св. Мартин был похоронен на западной окраине Тура, где уже его преемник – епископ Брикциус (ум. в 444) выстроил первую капеллу в честь святого. На ее месте вскоре была сооружена базилика, вокруг которой сложился своеобразный город св. Мартина. Ко временам Григория Турского близ этой базилики, помимо собственно монастыря св. Мартина, существовало еще пять других монастырей, хоспитий, хозяйственные постройки. Монастырский центр, требовавший значительных ресурсов, притягивавший многочисленных паломников, нередко вдыхал затем новую жизнь в античную *civitas*. Средневековый Тур, как и многие подобные ему города, в конечном итоге сложился за счет сращивания двух этих поселений.

Известным своеобразием отличались городские монастыри в Англии. Английская церковь, созданная монахами-миссионерами из Рима, и, вместе с тем, на этапе своего становления испытывавшая сильное влияние ирландского монашества, несла на себе, по крайней мере в раннее Средневековье, отчетливо выраженный отпечаток монашеской спиритуальности. Помимо крупных аббатств, основанных монахами-миссионерами в некоторых епископских городах, как, например, в Кентербери, при каждой епископской кафедре создавались также соборные монастыри, которые в отличие от континентальных городских обителей всегда занимали центральное положение в топографии города. К белому духовенству предъявлялись строгие аскетические требования, приближающие

его к монашеству. Считалось, что и епископ, и соборный клир должны жить по-монашески в обособленной от мира общине. В результате деятельности англо-саксонских миссионеров на континенте, во Фрисландии, Тюрингии, Баварии и Саксонии, при основании епископств были образованы и соборные монастыри (Утрехт, Эрфурт, Вюрцбург, Регенсбург, Зальцбург, Фрайзинг, Мюнстер и др.). Их настоятелями являлись соответственно епископы городов. Неслучайно за многими кафедральными соборами в этих регионах, при которых еще в высокое средневековье продолжали существовать общины клира во главе с епископом, закрепилось название *monasterium*, *Münster*. Вместе с тем, эти общины лишь по названию могут быть отнесены к монастырям в собственном смысле слова, – скорее они приближаются к распространившимся особенно со второй половины XI в. формам киновийной организации белого духовенства.

Монастыри в городе образовывали замкнутое в правовом отношении пространство, отразившееся и в топографии. Еще сегодня в планировке городов можно заметить следы различных иммунитетных округов, существовавших в Средние века вокруг собора, некоторых церквей и монастырей. В ряде случаев сохранились и стены, отделявшие их от остального города. Монастыри были исключены из сферы деятельности городского права, регулирующего, собственно, жизнь бюргерства, и находились либо под защитой епископа, либо светского сеньора города, либо короля на основании привилегий покровительства и иммунитета. Особое право распространялось также на *familia* монастыря, т.е. всех зависимых от него лиц, живших в городе: ремесленников, торговцев, крестьян или министриалов. Освобождение их от цензов и личной зависимости, интеграция в бюргерство, происходили в течение XII в. постепенно и не безболезненно. Острые конфликты возникали и в связи с правовой обособленностью бенедиктинских монастырей в городе. Однако, в Средние века попытки инкорпорировать такие аббатства в городскую общину в целом не увенчались успехом.

МОНАСТЫРСКИЙ ГОРОД

Исследования последних десятилетий ввели в научный обиход понятие “монастырский город”. Под ним подразумевается город, ядром которого, ведущей градообразующей силой, доминантой топографии, а также сеньором являлся тот или иной крупный монастырь. К числу монастырских городов следует относить и те, в которых аббатство, игравшее существенную роль в развитии городского поселения, являлось лишь одним из сеньоров города или позднее утратило свои права – обычно через институт фогтства – в пользу территориального правителя (Санкт-Васт, Нивелле, Жамблу, Зигбург и др.).

Э. Эннен, уделявшая много внимания разработке типологии средневекового города, не склонна причислять к монастырским городам те поселения, которые, хотя и возникли вокруг крупных обителей, в большей степени были обязаны своим процветанием не аббатству как таковому,

по реликвиям притягивавшим к себе многочисленных паломников (Wallfahrtsstadt). Таков, например, Сен-Жиль в Нарбонской Галлии. Импульс градообразования исходил в данном случае не столько от аббатства св. Эгидия, сколько от гробницы самого святого, которая стала в XII в. одним из важнейших центров паломничества, сопоставимым по значению с Сантьяго де Компостела и притягивавшим многочисленных пилигримов не только из Франции, но также из Италии, Испании, Германии, Польши и Дании. Некоторые паломники соединяли посещение Сен-Жиля с поездкой в Рим или Сантьяго. Экономический подъем поселения связан с ростом в XI в. популярности святого. Аббатство получило привилегии рынка и чеканки монет, близ него появился *burgus*, жители которого, *burgenses* (в XII в. их насчитывалось 5000 человек), вели себя вполне автономно по отношению к монастырю. Существенным подтверждением важности паломничества для экономического преуспеяния горожан является регламент менял 1178 г. Менялы в первую очередь должны были обслуживать паломников, фигурирующих под именем *romei*. В городе к тому времени работало 109 самостоятельных менял, располагавших 25 компаньонами и помощниками. Другой сферой деятельности горожан было обеспечение многочисленных паломников продовольствием. Помимо постоянной торговли рыбой, вином и другими товарами, Сен-Жиль в XII в. являлся центром крупных ежегодных ярмарок. Торговые связи города простирались от Сирии до Нидерландов, от Каталонии до Ломбардии. Корабли сенжильских купцов плавали на Левант, а в 1200 г. они наряду с купцами Марселя, Монпелье и Кагора получили от Фридриха II торговую привилегию на Сицилии. Конец экономическому процветанию Сен-Жиля положили лишь Альбигойские войны в начале XIII в. Типологически с Сен-Жилем сходны и другие популярные центры паломничества, в которых уже, собственно, не аббатства, а кафедральные соборы располагали реликвиями, притягивавшими толпы людей (Ле Пюи, Шартр и др.). В ряде случаев протогородские поселения возникали и вдоль международных путей следования паломников, например, к Сантьяго де Компостела. Эти *salvitates*, иногда основанные крупными аббатствами и получавшие привилегии от местных сеньоров, появлялись в Испании и на юге Франции с середины XI и вплоть до первой половины XII в.

Действительно, крупные центры паломничества, такие как Сен-Жиль, стоят особняком среди других городских поселений, возникших вокруг монастырей. Хотя абсолютизировать эту разницу, кажется, тоже не стоит. По-видимому, реликвии, находившиеся в том или ином монастыре, всегда притягивали к себе определенное число паломников и создавали условия для развития как ежегодного рынка в праздник святого, так и более или менее устойчивых форм экономической деятельности по обеспечению постоянно прибывающих в аббатство ради святости места гостей и пилигримов. Но все же не аббатство Сен-Дени с его знаменитыми ярмарками, а Париж стал столицей Франции.

Противопоставление крупных центров паломничества прочим городским поселениям, возникшим вокруг монастырей, оправдано лишь постольку, поскольку позволяет выделить субстрат собственно мона-

стырского города, охарактеризовать те специфические потенции, которые таил в себе монастырь как ядро градообразовательного процесса. В первую очередь следует отметить, что города возникали лишь вокруг древних и крупных бенедиктинских аббатств, экономическая организация которых существенным образом отличалась от цистерцианской. Крупные бенедиктинские монастыри обладали обширными земельными владениями, которые не образовывали, как правило, компактного комплекса вокруг самой обители, хотя их концентрация в непосредственной близости от монастыря и была наиболее интенсивной. Так, Фульда в IX в. располагала владениями общей площадью приблизительно в 162 000 га, рассеянными от Северного моря до Верхнего Дуная и от Мозеля до Заале. Монастыри выступали как центры организации и управления домениальным хозяйством, аккумуляции и перераспределения феодальной ренты. Аббатства, подобные Фульде, осуществляли не только значительные транспортные перевозки в рамках своих владений, разбросанных на достаточном удалении друг от друга, но и довольно активно занимались торговлей, прежде всего, сельскохозяйственными продуктами. Так, скажем, география владений монастыря Нивелле в Брабанте (от Соммы далее на север, вплоть до Зеландии) создавала естественные условия для торговли с Англией. И Брюссель, первоначально перевалочный пункт внутри домениальной системы коммуникаций, около 1000 г. превратился в *portus*, в котором монастырские негоцианты (*negotiatores*) пересаживались на суда, направлявшиеся в Англию. Кроме того, крупные аббатства обладали также таможенными и монетными привилегиями, а со второй половины IX в. приобретали и привилегии организации рынка, что в ряде случаев способствовало развитию вокруг них торговых поселений.

Купцы, о которых речь шла выше, принадлежали к *familia* монастыря, т.е. происходили из числа зависимых от него лиц. Любопытно, что статус таких купцов, на которых распространялись монастырские привилегии, мог быть притягательным и для других торговцев, рассчитывавших через полную или частичную утрату свободы обрести право беспошлинной торговли во владениях аббатства и в первую очередь на рынке, функционировавшем под защитой монастырского святого, куда, как, например, к св. Бавону в Генте “одни приезжали молиться, а другие торговать, многие же из любопытства к рыночной суете” (*Vita S. Macarii*).

Вместе с тем, крупные бенедиктинские аббатства являлись порою значительными центрами организации ремесленной деятельности. Достаточно взглянуть на знаменитый санкт-галленский монастырский план IX в., чтобы убедиться, сколь важное место отводилось ремесленным мастерским в жизни обители. Этот план зримо воплощает идею, заложенную еще в Правиле св. Бенедикта и развитую затем в каролингских комментариях и дополнениях к уставу, отчасти также в монастырских *consuetudines*: “Монастырь, если это возможно, так и должен быть основан, чтобы все необходимое, а именно: вода, мельница, сад, пекарня или различные ремесла, существовали внутри монастыря, дабы у монахов не возникло потребности скитаться снаружи, ибо в том содержится вред

для их душ". Иными словами, монастырь в идеале представлялся автономным от внешнего мира, и эта автаркия обители рассматривалась как непереносимое условие осуществления монашеского призвания – *opus Dei*.

Каролингские монастыри или реформированные обители X–XI вв. насчитывали порою сотни монахов. Сама по себе задача обеспечить продовольствием и одеждой столь значительное число людей диктовала экстраординарные усилия – не говоря уже о иных потребностях монастыря, например, в воске, пергаменте, богослужебной утвари или содержании тысяч бедняков во спасение душ монахов. Какие огромные финансовые ресурсы должны были находиться в распоряжении монастырей IX–XI вв. и сколь высокого уровня достигли монастырские ремесла, можно судить по грандиозным монастырским соборам, таким, например, как в Фульде, Херсфельде, Санкт-Галлене, Корби или Ключни (Ключни III). Однако деятельность монастырских ремесленников не всегда ограничивалась лишь удовлетворением нужд самой обители. На том же санкт-галленском монастырском плане упомянуты, например, *emundatores et politores gladio* (т.е. ремесленники, занимавшиеся шлифовкой мечей) и *scutarii* (изготовители щитов). Учитывая же благоприятные условия для развития домениальной торговли, можно предположить, что и монастырские ремесленники поставляли на рынок часть своей продукции либо самостоятельно, либо через монастырь, которому они были обязаны цензом. Из многих торгово-ремесленных поселений при крупных бенедиктинских аббатствах и развивались со временем города. Город, возникший в IX в. вблизи монастыря Сен-Рикъер и специализировавшийся на производстве и экспорте сукна, продолжал, например, существовать даже после того, как само аббатство было разрушено норманнами в 881 г.

В немалой степени градообразовательные процессы стимулировало строительство вблизи монастырей на случай военной опасности бургов или крепостных стен с башнями, непосредственно защищавших обитель и прилегающее к нему поселение. Однако упомянутые выше обители, в большинстве своем давшие импульс развитию монастырских городов, все же составляли относительно немногочисленную группу на фоне “монастырского пейзажа” средневековой Западной Европы. По-видимому, градообразовательные потенциалы монастыря не всегда могли быть реализованы, что очевидно хотя бы из географии монастырских городов.

В целом бенедиктинские аббатства гораздо реже, нежели резиденции епископов, имевшиеся во всех римских *civitates*, становились ядрами градообразования. В первую очередь это объясняется особенностями расположения большинства обителей, – как правило, в труднодоступных и относительно малонаселенных регионах. Кроме того, римские *civitates* сохраняли как остатки городского населения, так и определенную традицию рынка, притягивавшего к себе жителей аграрной периферии города. Наконец, епископы располагали более обширными властными прерогативами, а частности в *civitates*, и эти прерогативы во многом были закреплены за ними еще римским законодательством. Так, в Италии, где сохранилась густая сеть римских *civitates*, не возникло ни од-

ного монастырского города, хотя там и имелись древние и влиятельные аббатства, такие как Боббио, Бадиа ди Помпоза, Фарфа, Нонантола, Субьяко, Монте Кассино и др. Также в южной и юго-западной Галлии средневековые города формировались на основе многочисленных римских *civitates* (почти единственное исключение – рассмотренный выше *Wallfahrtsstadt* Сен-Жиль, а также небольшие городки при аббатствах в Аквитании, как например, Моиссак). Вместе с тем, как уже отмечалось выше, крупный монастырь, основанный на окраине *civitates* или в их *suburbium* мог благоприятствовать городскому развитию. Севернее Луары, в районах прилегающих к Рейну и Дунаю, по мере убывания плотности римских *civitates* – резиденций епископов, монастырские города встречаются чаще (Центула-Сен-Рикъер, Санкт-Вааст, Сан-Трон, Нивелле, Жамблу, Фульда, Лорш, Эхтернах, Санкт-Галлен, Зигбург, Херсфельд и др.). Аналогичное явление наблюдается и в Англии, где монашество традиционно пользовалось большим авторитетом (Бари Сент-Эдмундс, Ридинг, Сент-Олбанс и др.). В Ирландии же, находившейся за пределами римского мира, процессы христианизации, начавшиеся в V в., не привели к созданию епископских резиденций. С VI в. церковная структура Ирландии развивалась как монашеская: именно монастыри взяли на себя функции епископата. Наиболее крупные из них, такие, как Армагх, Килдаре, Клонмакнойз и др., стали ядрами градообразования. Вместе с тем, в Восточной Европе и в Скандинавии, также не входивших в *Rex Romana*, отсутствовали и другие крупные аббатства, которые могли бы стать центрами протогородских поселений. Более того, в Северной Европе, на славянских землях между речья Эльбы и Одера, в Прибалтике, где христианизация завершилась позже, чем в прочих регионах Западной Европы, пользовались популярностью по преимуществу цистерцианцы и другие новые монашеские ордена, появившиеся в XII в.

Возникшие в конечном итоге монастырские города были сравнительно небольшими (при всей относительности критериев) и насчитывали к концу Средневековья в лучшем случае до 3000 человек. В Фульде, например, в 1525 г. облагаемое налогом бюргерство составляло всего 370 человек. По-видимому, в соседстве с монастырем, в зависимости от него, было нечто, замедлявшее или даже консервирующее городское развитие. В монастырских городах гораздо дольше сохранялась личная зависимость горожан от сеньора-аббата, медленно складывалась собственная, независимая от сеньора, юстиция и городское самоуправление. Кроме того, монастырские города были окружены вотчинами аббатства, и приток нового населения в городскую общину существенно тормозился сеньором. Не в последнюю очередь, вероятно, давал о себе знать антагонизм монастыря и городских форм жизни. Аббат Руперт Дойтский, как мы видели выше, ликовал по поводу пожара в протогородском поселении близ его обители. В Санкт-Галлене же аббат Ульрих Рёш в 1485 г. попытался вообще перенести монастырь из города. Горожане, однако, не желая лишиться как своего патрона, так и доходов, которые приносили многочисленные паломники, разрушили первые постройки Ульриха в избранном им для нового аббатства месте.

История Санкт-Галлена, довольно крупного монастырского города, типична для монастырских городов вообще, вернее, тех из них, сеньором которых и после кристаллизации городского поселения оставалось аббатство. Наиболее ранние сведения о поселении вокруг монастыря относятся к первой четверти X в. В силу особенностей рельефа местности это поселение развивалось к северу от церкви аббатства. Монастырь был основан в долине между двумя возвышенностями, вблизи слияния горных рек – Штайнаха и Ирабаха, которые, собственно, и образовывали до начала XV в. границы Санкт-Галлена на юге (Штайнах), востоке и севере (Ирабах). С юга к церкви аббатства примыкал клаустр, т.е. жилые помещения монастыря. Непосредственно за ними вдоль крупного горного склона пролегалo русло Штайнаха. В свою очередь открытое западное направление в силу неровности рельефа было менее приспособлено для развития поселения, нежели северное. В 926 г. венгры, напавшие на Санкт-Галлен, сожгли расположенные поблизости от него дома. Опасность повторения венгерского набега в середине X в. побудила аббата начать строительство валов и крепостных стен вокруг монастыря и поселения. В кольце укреплений X в. городу стало тесно лишь к началу XV в. Это позволяет предположить, что уже в X в. протогородское поселение было достаточно значительным. Вместе с тем, рост его в XV в., как мы увидим ниже, совпал с решающими успехами в борьбе за независимость от аббатства.

Развитие топографии Санкт-Галлена в Средние века отражало усиливавшийся дуализм монастыря и примыкающего к нему города. Первые известные конфликты горожан с аббатством относятся ко второй четверти XIII в., но лишь в XV в. можно говорить о решающих успехах в борьбе с сеньориальной властью монастыря. Если жители поселения X в. характеризуются как *servi* или *famuli*, то к концу XIII в. *burger von sante Gallen* в правовом отношении уже отличался от прочих зависимых от монастыря лиц, живших в его вотчинах. Обособленность их правового статуса обозначали четыре креста, установленные на дорогах в разных направлениях, отходивших от города. Тем не менее, монастырь являлся верховным собственником всей земли горожан, которые, соответственно, рассматривались как его ленники, обязанные сеньору клятвой верности, а при покупке земли уплатой особой подати. За исключением “кровавой” юрисдикции, принадлежавшей фогту аббатства, вся судебная власть в городке была сосредоточена в руках назначаемого аббатом “амманна”. Он же, по-видимому, собирал и причитающуюся аббату рыночную пошлину. Амманн председательствовал в городском совете, упомянутом впервые в начале XIV в. Еще в середине XIV в. состав этого совета определялся самим аббатом. Аббат же назначал начальника монеты, смотрителя хлебов, вина и других городских официалов. Кроме того, в его ведении находились меры и весы, а также все городские мельницы. Ремесленные цехи и бургомистр, избираемый общиной на год и приносящий ей клятву, впервые упомянуты в середине XIV в. По-видимому, тогда же бургомистр вместо или наряду с амманном, стал председательствовать в совете, который к концу столетия мог уже избираться бюргерами, но требовал все же утверждения со стороны аббата.

Санкт-галленцы нередко искали поддержки своих притязаний на независимость у различных политических сил, будь то фогты аббатства, соседи – аппенцельцы, недовольные властью монастыря, Швабский союз, Швейцарская конфедерация, Габсбурги или Люксембурги. Так, за помощь в политической борьбе император Сигизмунд из дома Люксембургов в 1415–1417 гг. пожаловал горожанам привилегии, согласно которым совет мог сам назначать фогта, отправляющего “кровавую” юрисдикцию в городе. Кроме того, совету жаловалось право чеканки мелкой монеты, а сам город освобождался от каких-либо податей империи. С тех пор санкт-галленцы, хотя и не добившись еще полной автономии от монастыря, все чаще стали называть свой город имперским (*rich stadt*). В середине XV в. горожане получили уже от Габсбурга – императора Фридриха III – привилегию самостоятельно, без участия аббата, избирать городской совет и назначать всех городских официалов. В дальнейшем оба Санкт-Галлена для урегулирования возникавших конфликтов по преимуществу обращались к Швейцарской конфедерации, с которой аббатство заключило союз в 1451, а город – в 1454 г. Согласно “Бернскому приговору” от 1457 г., город обретал желанную независимость от монастыря с условием выплаты ему 7000 золотых гульденов. Но и после этой сделки сохранялись некоторые привилегии аббатства в городе, которые удалось аннулировать лишь после Реформации, к середине XVI в.

XV столетие вместе с успехами в борьбе за независимость принесло и изменения в планировке Санкт-Галлена. Современные очертания монастырского квартала восходят в целом еще к раннему Средневековью. Улицы, имеющие форму полудуг, словно обнимая его, следовали одна за другой с востока на запад. Мысль отделить монастырский квартал от города возникла, по-видимому, под влиянием усилившихся конфликтов с горожанами. Аббаты жаловались даже на участвовавшие кражи фруктов в монастырском саду. Строительство стены, разделявшей монастырь и город, началось еще в середине XV в., но завершить его удалось лишь во второй половине XVI в., когда аббатство получило отдельные ворота. Граничащая с монастырским кварталом церковь св. Лаврентия превратилась в городскую, а затем стала центром протестантской общины Санкт-Галлена. Но еще до Реформации она служила своего рода антитезой собору св. Галла. Противостояние городской и сеньориальной церкви характерно в целом для топографии всех монастырских и епископских городов Средневековья. За Санкт-Лоренцем уже в раннем Средневековье находился городской рынок, воспоминания о котором сохранило название улицы, идущей параллельно монастырскому кварталу, – Марктгассе. В 1418 г. пригород Санкт-Галлена – Санкт-Манген, находившийся на противоположном берегу Ирабаха, был обнесен стенами, участок же прежних укреплений демонтирован, а Ирабах убран под землю. На место, освободившееся между Санкт-Галленом и его прежним пригородом, переместился рынок. К Марктплатц примыкало первое известное здание городской ратуши. Таким образом, в XV в. сложился новый центр Санкт-Галлена, противостоящий сеньориальному ядру, от которого город некогда отпочковался.

Дуализм монастыря и города нашел выражение также в гербе Санкт-Галлена. Как и у аббатства, гербовым животным города являлся черный медведь. Согласно агиографической традиции, медведь некогда служил св. Галлу и за свою службу получил из его рук хлеб. На гербе аббатства обязательно изображался этот кусок хлеба, ставивший Галла в ряд с другими “властелинами” пустыни, отцом Герасимосом, блаженным Иеронимом, св. Северином. Однако на новой городской печати, изготовленной после пожалования городу в 1475 г. герба, отсутствовал хлеб, да и зверь, оскалившийся и как бы приготовившийся к нападению, был далек от смиренного и согбенного монастырского медведя. Городской медведь не собирался принимать хлеб из рук аббата. В ликовании по поводу обретения герба как формального признака независимости в городе даже завели живого медведя, а городская касса в 1488–1491 гг. возложила заботы по его содержанию на санкт-галленского крысолова. Неизвестно, правда, продолжал ли и впоследствии этот оживленный герб получать свой “хлеб” от горожан.

НИЩЕНСТВУЮЩИЕ ОРДЕНА В ГОРОДАХ

Нищенствующие ордена – это первые исключительно городские монашеские объединения и в то же время первые монашеские объединения, которые имели свои конвенты почти во всех городах Западной Европы. Существует даже тенденция рассматривать наличие конвентов нищенствующих орденов как “барометр уровня урбанизации” и как критерий определения города вообще. Так, к маленьким городам следует, по мнению Ж. Ле Гоффа, причислять те, в которых имелся лишь один монастырь францисканцев. Соответственно верхняя планка величины городского поселения определяется наличием трех и более конвентов миноритов. Население таких городов, как правило, достигало 10 тыс. человек. Вместе с тем, некоторые исследователи предостерегают от подобных механических обобщений. В этой связи особого внимания заслуживают уже те сравнительно немногочисленные случаи, когда в силу ряда локальных обстоятельств конвенты нищенствующих орденов все же отсутствовали в городах. Так было, например, в Зальцбурге, где мендиكانты натолкнулись на решительное противодействие архиепископа. С другой стороны, в Бретани, регионе довольно слабого городского развития, конвенты нищенствующих монахов во множестве возникают в течение XIII в., правда, с небольшим запозданием по сравнению с остальной территорией Франции. Кроме того, следует учитывать, что ориентация на одни города появилась в нищенствующем монашестве не сразу, а основание конвентов в тех или иных центрах, их число были обусловлены нередко самыми многообразными факторами, начиная от особенностей конкретного ордена, его стратегии в данной провинции и вплоть до всякого рода имущественных и потестатных условий, варьировавших от города к городу.

Св. Франциск послал своих учеников в *civitates et castella*. Однако на начальной стадии развития ордена город еще не стал основной ареной

деятельности миноритов. Так, в Италии в XIII в. от 25 до 30% поселений францисканцев располагались в сельской местности. Святой же Франциск подготовил специальный устав, “предназначенный еремиториям” Лишь позднее, по настоянию генералов ордена францисканцев св. Бонавентуры и ордена доминиканцев Гумберта Романского, город был признан наиболее подходящим для францисканцев местом поселения, поскольку отвечал целям ордена.

Общие цели нищенствующих орденов перечисляет папа Александр IV в предписании, данном ордену августинцев-еремитов, сложившемуся в 1256 г. из отдельных общин отшельников: “...По примеру орденов братьев проповедников и миноритов эти братья должны переселиться в города и в них обзавестись жилищами (loca), [с тем чтобы] словом учения или проповеди, а также примерами святого образа жизни или таинством исповеди оплодотворять народ Божий” (Йордан Саксонский). Папа, таким образом, подчеркивал, что основной задачей нищенствующих монахов является попечение над духовной жизнью городского населения, будь то организация учебных заведений, проповедь словом и примером или же индивидуальная работа с отдельными людьми. Во многих городах решающим мотивом основания конвента нищенствующих монахов, и в первую очередь доминиканцев, являлась необходимость борьбы с еретическими движениями, которые в конце XII – начале XIII в. в ряде случаев оформились в антицеркви со своим священством и епископатом. “С тем и задумал [я] орден проповедников, чтобы во множестве обращал при поддержке Духа Святого еретиков и прочих грешников” (см. Anonymus Leobensis). Известно, что уже первая община братьев проповедников во главе со св. Домиником возникла в Тулузе по инициативе епископа и при поддержке горожан именно для борьбы с еретиками катарами. Нищенствующие ордена как централизованные духовные организации руководствовались определенной стратегией при выборе тех или иных городов для поселения, хотя у францисканцев эта стратегия выражена менее отчетливо, чем у доминиканцев. Желание же местного населения или городских властей, всегда, как будет показано ниже, активно участвовавших в создании конвентов нищенствующих монахов, учитывалось лишь в определенной степени. Поначалу избирались крупные городские центры, преимущественно города, где имелись епископские кафедры, с тем, чтобы оттуда осуществлять свою деятельность в рамках всего диоцеза. Из этих центров в дальнейшем нищенствующие братья продвигали свои поселения и в менее крупные города. Однако конвенты мендикантов в небольших городах, по выражению одного из исследователей (К. Эльм), как правило, оставались “чахлыми” (Kümmerkonvente) и в целом нежизнеспособными. В Южной, Западной и Средней Европе уже в первой половине XIV в. экспансия нищенствующих орденов в целом затухает, тогда как в еще не полностью “освоенных” областях Восточной и Северной Европы массовое строительство монастырей нищенствующих орденов продолжается в течении всего XIV столетия. Попытки впоследствии основать новые монастыри в областях, уже давно и плотно освоенных мендикантами, оканчивались неудачами. В лучшем случае такие обитатели скоро теряли самостоятельный статус и обращались

в терминии, т.е. временные пристанища для братьев соседних крупных конветов.

Вместе с тем, “экспансия” каждого из нищенствующих орденов имела свою специфику. В действиях францисканцев исследователи отмечают больше импровизации. Уставы св. Франциска не содержат каких-либо указаний касательно процедуры основания монастыря. Франциск считал, что для основания конвента достаточно двух братьев. Поэтому и сеть францисканских монастырей оказалась более плотной, тогда как сами монастыри небольшими. Доминиканцы, напротив, предпочитали основывать крупные монастыри. В статутах ордена детально регламентируется порядок организации конветов: “Конвент числом до 12 и без разрешения генерального капитула, без приора и доктора недопустим”. Сам процесс основания являлся многоступенчатым, занимал достаточно продолжительный отрезок времени и находился в компетенции различных инстанций ордена. Два небольших нищенствующих ордена – августинцев-еремитов и кармелитов, – начали свою деятельность позднее, в середине – второй половине XIII в. К этому времени в целом уже оформилась структура расселения двух первых нищенствующих орденов. Августинцам и кармелитам нелегко было найти свое место в духовной жизни крупных городов, в которых к тому времени уже прочно обосновались францисканцы и доминиканцы. Поэтому поначалу они предпочитали средние и небольшие города, где еще отсутствовали конветы первых нищенствующих орденов. И лишь затем, с течением времени, августинцы и кармелиты также проникают в метрополию.

В XIII в. число нищенствующих орденов возросло настолько, что II Лионский собор 1274 г. был вынужден распустить большинство из них. Согласно постановлению собора, в ордена, подлежащие роспуску, запрещалось принимать новых членов. Был наложен запрет и на основание новых конветов, а также на всякого рода пастырское служение. Братьям же распущенных орденов предлагалось вступить в одну из четырех оставленных собором организаций, а именно в ордена доминиканцев, францисканцев, кармелитов или августинцев-еремитов.

Целями нищенствующих орденов определялся выбор в городе места для основания монастыря. В ряде случаев нищенствующие монахи селились в suburbium. Впоследствии им либо удавалось проникнуть внутрь городских укреплений, либо город сам, постепенно расширяясь, включал их поселение в кольцо новых стен. Подобно многим монастырям старого монашества такие обители и по сей день фиксируют фазы развития городов, а расстояние, отделяющее их от бенедиктинских аббатств, представляет зримое свидетельство темпов роста города от раннего к высокому и позднему Средневековью. Однако в отличие от старого монашества, некогда искавшего в suburbium уединения, нищенствующие братья предпочитали места у городских ворот или непосредственно при дорогах, выходивших из города, где скопление народа и постоянное движение создавали благоприятные условия для проповеди и сбора милостыни. Исследователи отмечают также стремление мендикантов обосноваться на окраинах городов, что, по-видимому, отвечало задачам нищенствующего монашества вступить в контакт с теми группами горо-

жан, которые до сих пор не были в достаточной мере охвачены пастырским служением клира, а именно с низшими и средними слоями населения. К тому же расположение на окраине, порою еще не слишком плотно застроенной, открывало перспективы расширения обитателей. Ко времени, когда в большинстве городов уже имелось несколько монастырей, принадлежавших к различным нищенствующим орденам, относится предписание папы Климента IV, согласно которому в радиусе 500 м от монастыря мендикантов не может быть основан еще один конвент (1265). Однако позднее папы, подтверждая постановление Климента IV, сокращали величину минимального расстояния, что, очевидно, было связано как с ростом плотности городского населения, так и с увеличением числа нищенствующих конвентов в городах (1295, 1343).

Вместе с тем, локальные штудии убеждают, что расположение монастырей во многом зависело от специфики сложившейся застройки городского пространства, отчуждаемости тех или иных участков земли и особенностей социальной топографии каждого конкретного города. Так, в Трире низшие и средние слои городского населения не были сконцентрированы в какой-либо одной части города, но распределялись более или менее равномерно в пределах всего городского ареала. Нередко нищенствующим монахам вообще приходилось довольствоваться тем, что они получали от частных лиц, оказывавших им свое покровительство, городской общины или сеньора города. Конвенты миноритов по мере продвижения ордена на север часто возникали при госпиталях, лепрозориях, в домах приходских священников, приютах для студентов, — словом везде, где им готовы были предоставить ночлег, хотя бы и ненадолго. В Кентербери минориты, например, обосновались в старой синагоге, которая имела один вход с примыкающей к ней тюрьмой. Иногда городские власти при выделении земли и помещений для нищенствующих братьев руководствовались соображениями укрепления обороноспособности города, организации и планировки нового городского квартала или задачами объединения до того разрозненных и развивавшихся изолированно поселений. Так, в Базеле монастырь францисканцев первоначально был основан за пределами города, но в 1250 г. епископ и городской совет приняли решение перенести его под защиту укреплений, выделив ему участок городской альменды. Новое место было выбрано в низине между южной оконечностью холма, на котором располагались собор и древнейшая часть города, и склоном Штайнлендберга. Церковь и конвент находились непосредственно позади второго, возможно, относящегося еще к XII в., но впервые упомянутого в 1206 г. пояса городских укреплений. В этом месте стена образовывала наиболее дальний и опасный выступ в южном направлении. Насколько известно, монастырь миноритов был здесь первым крупным и постоянным поселением. И именно с его основанием начинается освоение этого тогда еще малозаселенного и небезопасного района города.

Правовой статус конвентов нищенствующих орденов существенно отличался от того, которым обладали городские монастыри бенедиктинцев, хотя на самих мендикантов распространялись привилегии, общие как для “черного” монашества, так и для духовенства в целом, и исклю-

чавшие все духовное сословие из состава городской общины. Согласно этим привилегиям, окончательно закрепленным в канонистике XII–XIII вв., духовенство освобождалось от светского суда (*privilegium fori*) и всякого внешнего налогообложения (*privilegium immunitatis*). Симптоматично, что 19 канон III Латеранского собора 1179 г. утверждал налоговый иммунитет священства и монашества, как раз оспаривая притязания горожан на обложение городского клира. Однако наряду с этими общими привилегиями нищенствующие ордена обладали особыми, дарованными папством правами и образовывали замкнутую в юридическом отношении группу – *quatuor unum*, согласно терминологии источников XIV–XV вв. Четыре нищенствующих ордена были исключены из сферы действия епископской юрисдикции и структуры диоцеза. Им было разрешено осуществлять пастырское служение независимо от его территориальной организации, образуемой приходами. Иными словами, меникентам дозволялось проповедовать, выслушивать исповеди и хоронить на принадлежащих им кладбищах. Орденская система *cura animarum* была организована, таким образом, параллельно приходской и конкурировала с ней, что уже на ранней стадии развития орденов стало причиной острых конфликтов с городским клиром. Монастыри бенедиктинцев также участвовали в пастырском служении в городе, но они, располагая инкорпорированными городскими приходами, были интегрированы в уже существующую территориальную структуру *cura animarum*, и, по крайней мере, в духовных вопросах находились в ведении епископа диоцеза. Кроме того, бенедиктинские аббатства не были объединены в орден с общими привилегиями, подобно, скажем, ответвлениям бенедиктинства XII в. – цистерцианцам или клунийцам. Как уже было сказано выше, правовой статус монастырской земли в городе определялся либо соответствующими королевскими и императорскими привилегиями, либо принадлежностью к сфере сеньориального права епископа.

Наконец, важным компонентом статуса нищенствующего монашества была так называемая “привилегия бедности”, которая санкционировала и регламентировала жизнь милостыней, требовала отказа от собственности, прежде всего недвижимости, и всякого рода постоянных доходов. Хотя с развитием орденов требования святой бедности были значительно ослаблены, правовая и хозяйственная основа существования конвентов нищенствующего монашества была качественно иной, нежели у старых бенедиктинских аббатств, для которых именно вотчинное землевладение являлось базой и условием регулируемой правилами жизнедеятельности. Интересы старых монастырей в основном лежали за пределами городов, в аграрной периферии. Нищенствующие же конвенты были тесно вовлечены в городскую экономическую жизнь и прежде всего в сферу денежного обращения. Например, попытки меникентов в XV в. создать в Бретани поселения вне городов не увенчались успехом, поскольку деревня была не в состоянии предоставить необходимые им для существования и, вместе с тем, разрешенные уставом, финансовые субсидии. Несмотря на ряд общих черт, в каждом из нищенствующих орденов идеал святой бедности интерпретировался по-своему.

Наиболее последовательно его отстаивал св. Франциск Ассизский, предписывавший: “Братья пусть ничего не присваивают себе, ни дом, ни поместье, ничто другое”. В своем “Завещании” Франциск объясняет этот запрет теологически: “Пусть остерегаются братья вообще принимать церкви, пристанища убогие и все, что для них сооружается, иначе как пришельцы и странники, всегда пребывающие там в гостях, как подобает святой бедности...” Стремление впоследствии, несмотря на рост ордена, сохранить верность “госпоже бедности”, породило сложные юридические конструкции, призванные, без видимого отступления от завещания Франциска обеспечить жизнеспособность обитателей миноритов. Так, скажем, в 1225 г. в Лондоне минориты обрели приют благодаря горожанину и купцу Иоаннесу Ивину, “который купленную для братьев землю передал в собственность общине горожан (*communitati civium*) и благочестивейше закрепил за братьями право пользования ею (*usufructum eiusdem*)...” В 1227–1228 гг. с увеличением лондонского поселения францисканцев последовало новое дарение городской общине на нужды братьев, а в 1238–1239 гг. – еще одно. Нередко инициатором создания прочного поселения миноритов выступала сама городская община, собиравшая для этого деньги или выделявшая братьям участок альменды. Городская община, совет, шультгейс, сеньор города или прочие дарители сохраняли свою власть над предоставленной недвижимостью, даже культовыми постройками в том случае, если минориты переходили на другое место. В 1230 г. папа Григорий VII лишь закрепил давно сложившуюся практику условного владения имуществом, предназначенным миноритам (*usus moderatus*). Права собственности сохранялись при этом за дарителями. А в 1245 г. папа Иннокентий IV объявил верховным собственником недвижимости, находящейся в пользовании братьев, Апостольский Престол, обезопасив, таким образом, конвенты от возможного произвола со стороны дарителей. Позднее, в 1322 г. Иоанн XXII, раздраженный теоретическими спорами вокруг святой бедности, назвал юридической фикцией различие понятий “собственность” и “использование”, имевшее столь принципиальное значение для миноритов, и отказался от права собственности на имущество францисканцев. В результате францисканцы были вынуждены вернуться к практике, узаконенной буллой Григория VII от 1230 г. Лишь в 1428 г. папа Мартин IV, пытаясь поддержать конвентуалов в их борьбе с обсервантами, вновь объявил имущество ордена собственностью Апостольского Престола.

Для доминиканцев, в отличие от францисканцев, имущественное состояние было, в первую очередь, условием успешной проповеди и пастырского служения. Занятия языками, философией и теологией, необходимые для квалифицированной проповеди, требовали досуга, удобного рабочего места, а также предполагали наличие особой системы образования. Во имя осуществления основных целей ордена проповедникам, уже согласно Конституциям 1228 г., дозволялось приобретать все необходимое. Доминиканцы (а вслед за ними ориентировавшиеся на их опыт августинцы-еремиты и кармелиты) рассматривали церкви и жилые постройки конвентуалов в качестве владения *in communi*. Так, по терминологии источников доминиканцы получали землю в собственность (*omne*

dominium или allodium), что обеспечивало их большую материальную самостоятельность. Известны, однако, случаи, когда дарители все же сохраняли некоторое влияние в пределах владений доминиканцев. В 1241 г. братья проповедники получили от епископа, пропста и капитула Лозанны деньги на покупку земли в полную собственность. Однако в грамоте указывалось, что “братья не могут облекать функциями защитника (tutorem) или фогта (advocatum) никого, кроме пропста и капитула”. В случае же ухода с этого места все, что было приобретено для доминиканского конвента, должно было перейти к упомянутым духовным инстанциям. За доминиканцами оставалось лишь построенное самими братьями на средства ордена.

Вместе с тем, юридические нюансы в определении статуса конвентов францисканцев и доминиканцев играли на практике едва ли значительную роль. Правда, Э. Штюдели, исследовавший эволюцию правового положения конвентов миноритов в городах Швейцарии, отмечал, что еще в XV–XVI вв. городская община в ряде случаев считала землю, находившуюся в пользовании братьев, собственностью города и оставляла за собой право распоряжаться ею. Более строгий идеал бедности у миноритов привел также к утверждению особой формы управления владениями конвентуалов и их финансовыми делами. Оно возлагалось не на монахов, как было в остальных нищенствующих орденах, но на третьих лиц, по преимуществу уполномоченных дарителя, иными словами, мирян. Поэтому связи миноритов с отдельными горожанами и общиной были более тесными, чем у других орденов. Однако требования бедности в той или иной мере толкали конвенты всех нищенствующих орденов к установлению контактов с горожанами и городскими властями, от которых в основном они и получали землю для основания своих монастырей, а также содержание, будь то милостыня, оплата различных церковных треб или же регулярные и экстраординарные отчисления из городской казны. Неудивительно поэтому, что в конфликтах между духовными институтами города и городской общиной нищенствующие ордена оказывались, как правило, на стороне последней. При этом немаловажную роль играли довольно напряженные отношения самих мендикантов с городским клиром. Так, в 30-е гг. XV в. совет Трира попытался обложить налогом городских духовных иммунитетов, а именно древние бенедиктинские аббатства и каноникаты, торговавшие в городе вином. В ответ трирские монастыри св. Максимиана, св. Матфея, св. Марии ad martyres и св. Мартина заключили оборонительный союз с соборным капитулом и каноникатами св. Симеона и св. Паулина, угрожая уходом клира из города. Им удалось заручиться поддержкой Базельского собора, легаты которого наложили на Трир интердикт. Вслед за тем большая часть клира покинула город. Нищенствующие ордена, напротив, поддерживали городскую общину и обеспечили пастырское служение в городе, в частности, отправлением мессы.

В отличие от бенедиктинских монастырей, каноникатов и приходского клира мендиканты были глубже интегрированы в городскую общину, которая использовала зависимость нищенствующих монахов от города в целях собственного религиозного и морального самоутвержде-

ния. С XV в. мендиканты в большинстве своем принимали городское право или приносили клятву верности городскому совету. О степени этой интеграции свидетельствует уже тот факт, что во время проведения орденских реформ в XV в. на городские власти нередко возлагалось право контроля за внутренней жизнью братьев. По-видимому, еще раньше, с конца XIII в., городской совет следил за отправлением месс и треб, заказанных частными лицами и выступал, таким образом, распорядителем выделенного мендикантам на эти нужды имущества. Нередко в источниках встречается и особая городская магистратура – попечитель церковного имущества, которому вменялось в обязанности следить от имени монастыря за состоянием его хозяйственных дел. Нищенствующие монахи как “бюргеры” возносили молитвы и служили специальные мессы “во благо” (*pro bone statu*) соответствующего городского поселения. Кроме того, целые конвенты или отдельные монахи принимали на себя различные поручения от городских властей, духовного или светского характера, за которые им выплачивалось вознаграждение из городской казны. Однако с ростом финансовой самостоятельности мендиканты сами порою предоставляли кредиты городской общине на различных условиях, прежде всего в расчете на регулярные отчисления в пользу конвентов или отдельных монахов.

Тесная связь монастырей мендикантов с горожанами и городской общиной, их взаимная заинтересованность, позволяла городскому совету использовать монастырские постройки для разнообразных городских нужд. Известно, что строительство как приходских церквей, так и церквей нищенствующих конвентов во многом финансировало бюргерство. Такие церкви в то время, когда город еще не имел ратуши, нередко служили местом заседаний городского совета или даже собраний всей общины бюргеров. Здесь иногда проходили выборы, а вновь избранные городские официалы приносили затем клятву верности “общему благу”. В Италии, например, в сборниках церковного права встречаются многочисленные запреты всякого рода собраний в городских храмах, остававшиеся, по-видимому, в основном на бумаге. Согласно итальянским городским статутам, размеры строящихся в городе церквей следовало рассчитывать таким образом, чтобы храм мог вместить все население, обладающее правом голоса. Церкви нищенствующих орденов уже в силу особенностей орденской архитектуры вполне подходили для крупных собраний горожан. Такие церкви были ориентированы не на восприятие богослужения, а на проповедь. Поэтому в них отсутствовал поперечный неф, обычный в том числе и для монастырских храмов бенедиктинцев. В плане они представляли просторный зал, призванный вместить максимальное число горожан.

Выбор церквей нищенствующих орденов для заседаний городского совета, по-видимому, диктовался стремлением придать высшему органу городской общины религиозную санкцию. Неслучайно заседания обычно проводились в день каких-либо определенных святых (“набор” таких святых варьировал от города к городу), нередко в праздник св. Франциска. Неофициальные встречи членов городского совета также часто происходили в монастырях мендикантов. В Трире, например, они были

приурочены к дням освящения соответствующих церквей. Члены совета с семьями и родней посещали праздничное богослужение, после чего собирались на общую трапезу. В 1505, а затем в 1512 г. в монастыри доминиканцев и францисканцев на такое мероприятие был даже приглашен музыкант, которого оплачивала городская казна. Эти закрытые встречи для узкого круга лиц призваны были подчеркнуть дистанцию между общиной всех горожан и городской олигархией, скрепленной родственными и духовными узами, освященной “своим”, преданным ей монашеством.

Кроме того, нищенствующие монастыри нередко использовались и как места публичного судопроизводства, заключения различных сделок и т.д. На колокольни церквей меникантинов городские власти часто помещали часы и оплачивали затем их содержание. Конвенты же, получившие от городских властей землю непосредственно у крепостных стен, включались в систему обороны города. Так, в 1299 г. шультгейс, совет и община Берна, выделяя конвенту доминиканцев очередной участок городской альменды, примыкающий к стене, обязали братьев прорубить в ней новые ворота и в случае опасности обеспечить свободный проход через территорию монастыря, а ключи от башен и ворот вручить властям города. В Базеле и Цюрихе меникантины “ради общей пользы” согласились достроить стену, отделяющую их от города, до уровня городских стен. В военное время братья должны были предоставлять городскому ополчению доступ в этот дополнительный комплекс укреплений. Вообще традиция привлечения поселений нищенствующих орденов для всевозможных внецерковных нужд прослеживается и позднее, отголоски ее заметны еще в наши дни. Мало кто задумывается, например, о том, что скрывается за громкими названиями некоторых партий эпохи Великой Французской революции, таких как якобинцы или кордельеры. Вместе с тем, эти наименования происходят от парижских монастырей меникантинов, основанных в XIII в., в которых революционеры конца XVIII в. арендовали помещения для своих заседаний: кордельеры – во францисканской обители (corda – веревка, которой препоясывались минориты), якобинцы же – в доминиканском конvente св. Якова. Открытость обителей нищенствующего монашества контрастировала с замкнутостью, предписанной уставом бенедиктинским аббатствам, которые с ростом самосознания городской общины все более воспринимались как образования, чужеродные и даже враждебные городу.

Вместе с тем, взаимоотношения города и конвентов нищенствующих орденов не следует представлять идиллически. Наверно, неслучайно дьявол в “Народной книге” Иоганна Шписа является Фаусту в облике “францисканского монаха с колокольчиком”. В Страсбурге, городе, где еще в XIV в. проповедовал и учил знаменитый доминиканский мистик Иоганн Таулер, а в XV в. горожане охотно собирались на проповеди не менее любимых, но менее известных пастырей-меникантинов, в начале XVI в. была написана часть “Писем темных людей”, наиболее острой сатиры на идеологию и практику нищенствующих монахов. Не останавливаясь здесь в целом на характеристике реформационных идей, следует

все же отметить, что реформация среди прочего вбирала в себя и накопившееся раздражение существующими в городах конвентами мендикантов. Прежде всего конфликты городской общины с нищенствующими монастырями возникали в связи с их экономической деятельностью, а именно активным приобретением конвентами городской недвижимости. Но иногда, как было, например, в Страсбурге или Кёльне, существенную роль играла расстановка политических сил в городе. Та степень интеграции в городскую общину, которая вполне устраивала власти и самих мендикантов в большинстве других городов, здесь казалась недостаточной. И все же во многих городах, где в конечном итоге победил протестантизм, нищенствующие монахи охотно пошли за общиной, а некоторые из них даже стали активными организаторами и сторонниками реформации. Мартин Лютер, монах-августинец из Эрфурта, – лишь наиболее яркий, но далеко не единственный пример подобного поведения братьев мендикантов.

Отдельного разговора заслуживают конвенты второго, т.е. женского ордена нищенствующего монашества. Уже в конце XI–XII в. по мере массового распространения женского аскетического движения остро стала ощущаться проблема укрепления регулярной жизни в многочисленных женских обителях и организации пастырской опеки над ними силами прежде всего мужского монашества. В свою очередь св. Доминик и св. Франциск осознавали необходимость попечения над женским аскетическим движением. Так, женский монастырь Провилль под Тулузой явился даже первым опорным пунктом складывавшейся вокруг Доминика группы последователей. А Клара Ассизская, основательница женского ответвления ордена миноритов – кларисс – находилась в тесных контактах со св. Франциском. В отличие от доминиканцев и францисканцев ордена августинцев-еремитов и кармелитов не играли существенной роли в попечении над женским монашеством и занялись им лишь в конце Средневековья.

Однако женские монастыри, находившиеся под опекой нищенствующих орденов, оставались в целом ближе к традиционному монашеству, тем более, что большинство из них возникло независимо от движения мендикантов. Монахиням была предписана жесткая оседлость, они не могли заниматься пастырским служением, а также собирать милостыню. Пожалуй, стремление следовать идеалу святой бедности заметно лишь у кларисс, но и здесь оно наталкивалось на сопротивление папской курии. Только в отдельных случаях сестрам удавалось получить “привилегию бедности”. От подавляющего большинства женских обителей изначально требовалось наличие постоянного имущества и доходов, достаточных для проживания в монастыре вне общения с миром. Основание таких монастырей прежде всего преследовало цель обеспечить достойное и благочестивое существование незамужним дочерям или вдовам представителей городского патрициата и мелкого дворянства. Неслучайно при вступлении в обитель было необходимо внести довольно значительную сумму или предоставить монастырю какое-либо иное имущество. Так, в XIV в. в Южной Германии “вступительный взнос” в конвенты кларисс составлял три марки ежегодной ренты или сорок фунтов

пфеннигов, что соответствовало имуществу стоимостью примерно в 220 гульденов.

Расположение женских конвентов в еще большей степени, чем мужских, определялось конкретными, варьиовавшимися от города к городу, обстоятельствами. Обычно общины монахинь занимали незамысловатые строения за чертой города и лишь со временем, главным образом в конце XIII в., по соображениям безопасности, получали землю внутри городских укреплений. Число монастырей второго ордена в отдельных городах могло значительно превосходить обители первого ордена. Например, в Страсбурге накануне реформации существовало четыре мужских конвента и десять женских. Однако, населенность таких конвентов была сравнительно невелика. Так, в Англии в 63 из 111 существовавших в позднее Средневековье женских монастырей насчитывалось менее десяти монахинь.

Кроме женских монастырей, составивших второй орден, уже на стадии организационного оформления нищенствующего монашества к его конвентам тяготели разнообразные группы благочестивых мирян, часть которых впоследствии была объединена в третий орден – орден терциариев. При этом его мужская ветвь – бегарды, по своему значению и численности во много раз уступала женской – бегинкам. Бегинки составляли общины женщин (реже жили отдельно), которые вели благочестивый образ жизни, но не следовали какому-либо уставу, не принимали монашеского обета и могли, скажем, со временем выйти замуж. Бегинки зарабатывали себе на жизнь собственным трудом, реже милостыней. Как правило, они были задействованы в различных текстильных ремеслах, а после инкорпорации в третий орден в основном брали на себя исполнение каритативных функций: ухаживали за больными, сиротами, готовили умерших к погребению и т.д. Впервые движение бегинок фиксируется в XII в. в регионе между Маасом и Шельдой, здесь и позднее существовала наиболее плотная сеть *fraternitates beginarum*. Отсюда в течение XIII в. бегинки распространились в прирейнских городах. Области, прилегающие к Рейну, стали вскоре вторым значительным центром концентрации бегинок.

Происхождение названия, причины распространения и социальный состав этого движения до сих пор остаются предметом дискуссий в историографии. Предполагается, что расцвет женских аскетических движений в городах был частью общего религиозного подъема конца XI–XIII в. Слабость же существовавших форм женского монашества, по крайней мере до появления нищенствующих орденов, заставляла искать собственные пути реализации аскетических устремлений. По-видимому, бегинки также не устраивали конвенты второго ордена мендикантов, ориентированные на старое монашество с присущей ему замкнутостью от мира и традиционными занятиями, прежде всего молитвой и созерцанием. Однако идеал бедности и активной благочестивой деятельности в миру, исповедовавшийся нищенствующими братьями, побуждал их искать именно у мендикантов духовного покровительства. Вместе с тем, движение бегинки обычно вызывало подозрение у церковных и городских властей, особенно в Южной Франции и Северной Италии, где они

поддерживали тесные контакты с францисканскими спиритуалами, и нередко навлекали на себя обвинения в ереси. В течение XIV в. преследования бегинок стали обычным явлением и в Центральной Европе. Инкорпорация в третий орден была поэтому для многих из них средством доказать свою лояльность церкви.

В расположении дворов бегинок заметно тяготение к тому или иному монастырю первого ордена: они находились, как правило, по соседству. Их жилищем при этом служили обычные бюргерские дома, лишь изредка имевшие небольшие капеллы. Число бегинок в городах, особенно в названных выше регионах наибольшего распространения движения, было значительным. В Кёльне, например, в середине XIV в. существовало 169 дворов бегинок, в которых проживало 1170 женщин, что составляло примерно 3,3% от общего населения города. В среднем, однако, число бегинок колебалось в пределах одной или нескольких сотен и, очевидно, было пропорционально величине городского поселения. Общины бегинок – типично городской феномен. В основном в XII–XIV вв. они рекрутировались из патрициата, позднее также из средних и низших слоев населения, и были активно вовлечены в городскую экономическую жизнь.

* * *

Ответить на вопрос, сколько же в конечном итоге было монахов в городах и к каким социальным группам они принадлежали, не просто. Не обязательно видеть в городских монахах выходцев только из городской среды или исключительно из того города, в монастыре которого они подвизались. Особенно это касается нищенствующих орденов, для которых характерна значительная мобильность как внутри отдельных провинций, так и в рамках всего ордена. А их проповедь не ограничивалась лишь городами, так же как знаменитые реликвии, хранящиеся в городских бенедиктинских аббатствах, не теряли своей притягательной силы для жителей деревни, феодального замка или клириков.

Наверно, не столько важно, кем по происхождению были городские монахи, – в конце концов вступление в монашеское сословие приравнивалось к новому рождению, – сколько какие функции выполняли городские обитатели, какое место занимали они в жизни городов. То же можно сказать о численности городского монашества. Его влияние и сила определялись прежде всего не числом братьев, а числом монастырей, их духовным, правовым и экономическим положением в городе. Очевидна лишь одна простая закономерность: чем древнее и крупнее был город – как правило, центр диоцеза – тем больше в нем находилось монастырей всех направлений, тем более пестрым и разнообразным по покрою одеяния было монашество. Даже белые цистерцианцы, обычно сторонившиеся городов, делали исключение для крупных торговых метрополий, в которых они основывали подворья своих монастырей, или же значительных духовных центров, где они брали под покровительство ордена женские обитатели. Ландшафт древних городов, епископских резиденций, трудно представить без характерных вертика-

лей — многочисленных колоколен и мощных башен, обрамляющих западные, иногда и восточные фасады церквей. Взглянув на такой город сверху, легко выделить городские монастыри с неизменным клаустром, примыкающим к храму, нетрудно отличить и старые бенедиктинские аббатства от конвентов нищенствующих орденов. Массивный западный фасад с двумя башнями по бокам, скорее походящий на фортификационное сооружение, словно символизировал независимость и могущество бенедиктинского монастыря, его закрытость от мира. Церкви же нищенствующих конвентов, выдержанные в простых и ясных формах, лишь иногда имеют скромную башню, пристроенную к храму, служившую колокольной, приглашавшей паству к проповеди, и, как правило, снабженную часами, отмерявшими новое время — время горожан.

ЛИТЕРАТУРА

- Anonymus Leobensis / Ed. H. Pez // *Scriptore Rerum Austiacarum*. Leipzig, 1721. T. I.
- Jordani de Saxonia. Liber Vita Fratrum* / Ed. R. Arbesmann, Whümpfner; N.Y., 1943.
- Vita S. Macarii, c VI // *Acta Sanctorum...* / Ed. Societé des Bollandistes. Brussel, 1675.
- Dubois J. Elements d'une histoire du monachisme urbane* // *Lettre de Liguge*. 1970. № 143.
- Ehrenzeller E. Geschichte der Stadt St. Gallen*. St. Gallen, 1988.
- Ennen E. Stadt und Wallfahrt in Frankreich, Belgien, den Niederlanden und Deutschland*. // *Ennen E. Gesammelte Abhandlungen zum europäischen Städtewesen und zur rheinischen Geschichte*. Bonn, 1977.
- Ennen E. Abteistadt* // *Lexikon des Mittelalters* // Hg. R. Auty u.a. München; Zürich, 1980. Bd. 1.
- Hecker N. Bettelorden und Bürgertum. Konflikte und Kooperation in deutschen Städten des Spätmittelalters*. Frankfurt a. M.; Bern; Circencester, 1981.
- Leclercq J. Wissenschaft und Gottverlangen. Zur Mönchstheologie des Mittelalters*. Düsseldorf, 1963.
- Le Goff J. Apostolat mendiants et urbanisation dans la France médiévale. L'implantation des ordres mendiants. Programme-questionnaire pour une enquête* // *Annales*, E.S. C. 23. 1968.
- Le Coff J. Ordres mendiants et urbanisation dans la France médiévale* // *Annales* E.S.C. 25. 1970.
- Little L.K. L'utilité sociale de la pauvreté volontaire* // *Etudes sur l'histoire de la pauvreté* / Ed. M. Mollat. Paris, 1974. (Publications de la Sorbonne, série "Etudes" T. 8).
- Martin H. Les ordres mendiants en Bretagne, vers 1230–1530. Pauvreté volontaire et prédication à fin du Moyen-âge*. Rennes, 1975.
- Maurer H. Konstanz als ottonischer Bischofssitz. Zum Selbstverständnis geistlichen Fürstentums im 10. Jh.* Göttingen, 1973. (Veröffentlichungen des Max-Plank-Instituts für Geschichte. Bd. 39).
- Moeller B. Kleriker als Bürger*. // *Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971*. Göttingen, 1972. Bd. 2.
- Nahter D. von der. Über Ideallandschaften und Klostergründungsorte* // *Studien*

und Mitteilungen zur Geschichte des Benediktiner-Ordens und seiner Zweige. 1971
Bd. 84.

Neidiger B. Mendikanten zwischen Ordensideal und städtischer Realität
Untersuchungen zum wirtschaftlichen Verhalten der Bettelorden in Basel. Berlin, 1981
(Berliner Historische Studien. Bd. 5: Ordensstudien, Bd. 3).

Pelligrini L. Insediamenti rurali e Insediamenti urbani dei Francescani nell' Italia del
secolo XIII. // Miscellanea Francescana. 1975. Vol. 75.

Schmidt H.-J. Bettelorden in Trier. Wirksamkeit und Umfeld im hohen und späten
Mittelalter. Trier, 1986. (Trierer Historische Forschungen. Bd. 10.)

Stellung und Wirksamkeit der Bettelorden in der städtischen Gesellschaft. / Hg. K.
Elm. Berlin, 1981. (Berliner Historische Studien, Bd. 3: Ordensstudien, Bd. II.)

Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Konstanz, 1955–1956
(Vorträge und Forschungen. Bd. IV.)

Stüdeli B.E.J. Minoritenniederlassungen und mittelalterliche Stadt: Beiträge zur
Bedeutung von Minoriten- und anderen Mendikantenanlagen im öffentlichen Leben der
mittelalterlichen Stadtgemeinde, insbesondere der deutschen Schweiz. Werl, 1969
(Franziskanische Forschungen. Hft. 21.)

Sydov J. Stadt und Kirche im Mittelalter. Ein Versuch. // *Sydov J.* Cum omni men-
sura et ratione. Ausgewählte Aufsätze. Sigmaringen, 1991.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

КОММУНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ФЕНОМЕН “ВОЛЬНОГО ГОРОДА”

За почти двухсотлетний период своего существования урбанистика уделяла значительное внимание политико-правовой истории средневекового города, не исчерпав, тем не менее, для современной науки возможностей ни открыть новые аспекты в этой теме, ни, тем более, пересмотреть старые оценки. Не разделяя преувеличений науки XIX в., видевшей в политико-правовой природе главную сущность средневекового города, нельзя не признать ее исключительного значения для самого города, судеб феодального общества и вариантов цивилизационного развития.

В раннесредневековой Западной Европе именно политико-правовая функция города, его роль в качестве епископского или княжеского центра, его прочные стены, крепостные сооружения составляли основные компоненты его образа как типа поселения. Это утверждение справедливо не только для городских новообразований, но и городов римского корня, сумевших в условиях преобладания натуральной экономики сохранить, в частности, в районе Средиземноморья, ремесленные и торговые занятия населения.

В период классического Средневековья, когда город, обретя полностью многофункционального организма, стал центром ремесла и торговли, его политическое развитие – власть и управление в городе, его политическая организация и роль в обществе, – существенно изменились. В самом общем виде эти изменения резюмировались в двух вариантах. Город мог сохранить частносеньориальную форму политического управления с разной степенью автономии и различными типами взаимоотношений с центральной властью. Борьба за политические привилегии могла остаться на уровне скромных договоренностей или вылиться в отдельные восстания, которые завершились обретением политических свобод для редких городов, или приобрести характер массового освободительного движения, результатом которого стал “вольный город” как характерный феномен ряда регионов Западной Европы.

Феномен “вольного города” сыграл заметную роль в формировании западноевропейской цивилизации, во многом определив в ряду других факторов такое ее своеобразие, как динамика развития, позволившая Западной Европе опередить на этапе Средневековья другие регионы мира; исключительную активность городского сословия, реализованную, в

Нюрнберг. Замок императора

частности, в системе сословного представительства; особую концепцию личности, базирующуюся на рационализме и разработанной системе личного права.

ПРИРОДА И ФОРМЫ ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ГОРОДОВ

Город в условиях Средневековья первоначально существовал на земле господина — будь то государь, монастырь или дворянин, — который становился его владельцем. Подобно сельским жителям, городское население включалось в отношения феодальной поземельной и личной зависимости, хотя положение последнего было принципиально иным, чем у крестьян. Это исходно создавало дополнительные противоречия и сложности во взаимоотношениях с сеньором. Горожане платили ренту и испытывали внеэкономическое принуждение вплоть до наиболее жесткой формы — личной несвободы, но земля являлась для них в гораздо большей мере общим условием их существования и труда (месторасположение дома, лавки, мастерской), нежели основным средством производства. Между тем, собственность на землю в качестве всеобщего средства производства подавляла и отодвигала на второй план по значимости собственность на орудия труда и, особенно, на профессию — торговую и ре-

мсленную, хотя именно от судьбы последней, от ее условий зависели перспективы общественного развития горожан. Однако используя свои функции протектора, сеньор города претендовал на значительные доли городских доходов от торговли и ремесла.

Общую картину политической и экономической ситуации в городе позволяют восстановить ранние хартии, отразившие первые попытки горожан ограничить власть сеньора. Одна из них, известная как Первое Городское право Страсбурга (1189), рисует картину некогда полного подчинения города административной, судебной-правовой и экономической власти его сеньора-епископа. Епископ назначал всех должностных лиц города, причем, из состава тех, кто непосредственно зависел от его церкви (*de familia ecclesie sue*). Это были: шультгейс – судья по делам, связанным с кражами; бургграф, ответственный за порядок в городе; телонеарий, ведающий взиманием пошлин, и магистр монеты. Судьей по делам высшей юрисдикции, то есть чреватый наказанием смертной казнью, являлся фогт. Назначенный епископом, он тем не менее получал свое право “наказывать мечом” от императора, что объяснялось духовным саном сеньора города: в соответствии со средневековой теорией и практикой разделения властей, церковь не совершала действий, направленных на пролитие крови, оставляя эту функцию светской власти. Вместе с чиновниками низшего ранга – помощниками бургграфа – геймбурггами, надзирателем и стражниками тюрьмы, служащими суда и т.д., этот аппарат позволял епископу всесторонне контролировать жизнь горожан. Принадлежавшая епископу политическая прерогатива – право чеканки монеты и суда над фальшивомонетчиками – служила для него важным рычагом воздействия на экономическую жизнь города. Помимо доходов от суда, штрафов и чеканки монеты, часть которых шла на содержание аппарата, епископ взимал пошлины с продаваемых и транспортируемых через город товаров; контролировал производственную деятельность профессиональных объединений, связанных с поставками для его двора (перчаточников, оружейников, кузнецов, кожевников). Подобно любому другому феодалу, он обладал правом постоя, баном вина, печи, мельницы, монополией на меры веса. Наконец, он требовал от горожан исполнения барщины. Для части ремесленников, чье производство было связано с нуждами епископского двора, она выливалась в бесплатные поставки части их продукции или бесплатную работу в пользу епископа. Для остальных жителей это были сельскохозяйственные работы 5 дней в году в городских владениях епископа. В этой многосторонней зависимости горожан от сеньора таились причины освободительного движения, которое должно было бы вычленив город из состава вотчины, а ремесленников и торговцев – из числа лично зависимых и целиком связанных этой зависимостью людей.

Конечно, в изменении статуса города свою роль сыграла воля отдельных феодалов. На волне внутренней колонизации и экономического подъема XI–XII вв. заинтересованные в доходах от ремесла и торговли господа подтверждали особые права старым и новым поселениям (из которых далеко не все трансформировались в собственно города, как это было с сальветатами и бастидами во Франции).

Однако радикальное решение вопроса обретения городом свободы стояло на путях собственной активности горожан, на путях организованной оппозиции феодалам. Степень выраженности самой оппозиции, ее формы и результаты зависели от конкретных экономических и политических обстоятельств. Но само явление освободительного движения как определенного этапа в становлении города и городского сословия распространилось по всей территории Западной Европы в определенный, хотя и с разбросом по времени, период: в XI–XII – начале XIII в. в Италии, Испании, Франции, Англии, Германии; в XIII–XIV вв. – в Скандинавском регионе. Это составило отличительную черту западноевропейского города и Западной Европы вообще. Очень многое зависело от экономической силы города, степени развития в нем ремесла и торговли и, следовательно, степени его богатства и средств, которыми располагали его жители для того, чтобы вести борьбу не только с помощью оружия, но и денег, а во многих случаях – денег прежде всего. Таких городов было немало в Западной Европе, хотя они и не составляли большинство (да и не все они овладели полными муниципальными свободами).

Мелкие города, как правило, запаздывали в сроках и темпах обретения привилегий, чаще шли на компромисс с сеньором, добивались только ограниченных прав и свобод. Тем не менее, их малые возможности в освободительном движении были до известной степени компенсированы усилиями крупных центров, определивших в конечном счете ход этого движения и создавших общий благоприятный климат в Западной Европе для городского развития.

Характер политических обстоятельств в качестве фактора освободительного движения был более разнообразен и зависел исключительно от внешних для города условий. В основном проблема заключалась в субъекте власти. В случае, если город находился на земле монарха, и тот сумел к моменту освободительного движения укрепить свои позиции, выраженная автономия и вооруженная борьба как средство ее достижения практически исключались для города. Города в домене частносеньориальной власти могли себе позволить вооруженные столкновения и имели больше шансов на победу. Любопытную разность вариантов развития дают примеры английского и шведского города, с одной стороны, и французского – с другой. Основная часть английских городов были расположена на земле короля; ранняя централизация английской монархии, делала борьбу городов или невозможной, или весьма смягчала формы этой борьбы (ставка на выкуп привилегий) и ограничивала ее результаты. Подконтрольность городов короне в Швеции, также в условиях ее ранней централизации, по мнению исследователей, была еще более сильной, чем в Англии. По иному сложилась ситуация во Франции, где начавшийся в XI и особенно в XII в. подъем городов королевской власти в лице Капетингов встретила ослабленной. Небольшой по размерам королевский домен, окруженный компактными крупными княжествами и графствами, владельцы которых претендовали на политическую самостоятельность, особая норма вассального права, отсутствие резервов в виде свободного крестьянства, которым располагали английские и шведские короли, – вот краткий перечень основных трудностей, с кото-

рыми сталкивались Капетинги. Города Франции, расположенные по преимуществу вне королевского домена, стремясь к освобождению, искали и находили политического союзника в лице королевской власти. Последняя, желая ослабить своих политических противников, если не поощряла, то использовала ожесточенную борьбу городов против крупных сеньоров с выгодой для себя.

В Испании королевская политика поощрения городских свобод определялась задачами Реконкисты, для ведения которой города обеспечивали людские резервы и денежные поступления в государственную казну. В отвоеванной у арабов Центральной Испании во второй половине XII в. возникают городские автономии с широкими правами, закрепленными в муниципальных фуэрос. В Италии борьба городов с частными сеньорами была осложнена вмешательством общеевропейских сил – папы и императора, сила и авторитет которых затрудняли неизбежно возникающую в этих условиях возможность лавирования. Такого рода возможность существовала чаще всего в случаях, если город принадлежал двум частным сеньорам, как это имело место в Амьене. В восстаниях горожан против одного из владельцев города – графа их всегда поддерживал епископ, имевший в городе и вне его церковные земли. Иногда их союзником оказывался король. В 1117 г. после нескольких лет вооруженной борьбы в городе была установлена коммуна.

Борьба городов была исходно осложнена, если сеньором их оказывалось духовное лицо: ситуация предполагала вмешательство или покровительство Рима. Кроме того, церковные феодалы были, как правило, более организованной силой, и они опирались на папский престол, в частности, прибегая к такому сильному оружию, как запрет богослужения не только в мятежном городе, но и на более обширной территории.

ОСОБЕННОСТИ ДВИЖЕНИЯ. АНАЛОГИИ С ДВИЖЕНИЕМ ЗА “БОЖИЙ МИР”

В оценке внутренних резервов города хотелось бы подчеркнуть не только значение его экономического потенциала, но и наличие социальной консолидации горожан, их организации, позднее в виде малых ассоциаций – цеховых и прочих профессиональных объединений. Эти общности в той или иной мере в случае необходимости брали на себя политические функции. Объединения преследовали некие общие цели и нередко подкреплялись клятвой участников. Реализация этой способности западноевропейских горожан составила одну из наиболее важных отличительных особенностей движения, имевшую институционные последствия – образование присяжных коммун (см. ниже).

Любопытно отметить, что города боролись за свои привилегии, как правило, изолированно, на свой страх и риск. При этом практически было исключено взаимодействие с округой, хотя часто город и близлежащие деревни могли иметь общего сеньора. К тому времени, когда началось освободительное движение городов, последние уже проявили себя как сила, если и не противостоящая деревне, то способная посягать на ее

интересы, главным образом, через регулирование цен, установленных на городских рынках на сельскохозяйственную продукцию. Красноречивое свидетельство об отношениях города и деревни в конфликтах освободительной борьбы оставил аббат Гвиберт Ножанский. Из его описания восстания в Лане против господина города епископа Годри очевидно, что крестьяне явились в город отнюдь не для поддержки горожан, а чтобы пограбить их богатства.

Вместе с тем, несомненно влияние самого факта освободительного движения городов на ситуацию в деревне. Оно совпало по времени с существенными сдвигами, которые там происходили: это смена форм ренты и повышение хозяйственной значимости крестьянского индивидуального хозяйства, процесс личного освобождения крестьянства, возникновение в ряде регионов Западной Европы сельских коммун, обеспечивших определенную автономию сельской общины в рамках феодальной вотчины. Успехи городов в борьбе с сеньорами содействовали самоопределению крестьянства. Сохранились многочисленные свидетельства антропоприспособления сельскими поселениями городских хартий. Как правило, это были хартии небольших городов с выраженными сельскохозяйственными занятиями его жителей, например, хартия Бомона во Франции.

Судьба сельских коммун была значительно более скромной. Исключением составило восстание трех сельских общин – Ури, Швиц и Унтервалден – против власти их сеньора, Австрийского герцога в XIII в., положившее начало Швейцарской конфедерации.

Наконец, если говорить о взаимоотношениях города и деревни в ходе освободительного движения городов, следует упомянуть об исключительном примере прямого вмешательства итальянских городов в социально-политическую ситуацию в деревне. Речь идет о сознательной политике итальянских городов, направленной на личное освобождение крестьян округи, которая являлась продолжением их борьбы за городскую автономию и политическое ослабление феодалов в целом на близлежащей к городу территории: акция в Вероне 1207 г., статус Тревиизо 1233 г., Райская книга об освобождении за выкуп сервов в Болонье 1257 г.

Сам процесс освободительного движения городов отличался растянутостью, он шел с остановками и отступлениями. Отдельные привилегии завоевывались постепенно, и город мог только на определенном этапе свести их в хартию, суммировавшую тот или иной уровень автономии. Поэтому многие из хартий ссылались на “древний обычай” или более раннюю хартию. Грамота Кёльна в 1169 г. упоминает о некоей записи привилегий, настолько давней, что к этому году ее “источили черви”. Вормская хартия 30-х годов XIII в. сводит воедино привилегии, полученные городом в 1074 г. от императора Генриха IV и в 1190 г. – от Генриха VI. Страсбург располагал несколькими грамотами привилегий, главным образом, судебного характера, прежде чем появилось уже упоминаемое нами первое городское право (1105, 1113, 1129). Эти ранние грамоты, как и факты восстаний с целью ограничить власть сеньора города в Кёльне (в 1074 и 1113 гг.), Вормсе (1073), Страсбурге (распря епископа с горожанами в 906 г.), позволяет откорректировать распространенное и

литературе мнение о традиционном отставании германских земель не только в оформлении феодальных отношений, но и в освободительном движении городов. Часть их, во всяком случае, действует в своей оппозиции сеньору более или менее синхронно с городами Италии: первые хартии Мантуи, Феррары, Пизы, Милана, Генуи относятся к XI в., Кремоны, Болоньи, Лукки, Вероны, Пистойи – к XII в. Даже во Франции массовый характер освободительного движения городов приходится на конец XI – начало XII в. (Манс – 1069 г., Лан – 1112 г., Санс – 1147 г. и т.д.).

Процесс освобождения городов был чаще всего постепенным, так что любой самоуправляющийся город проходил через этап ограниченной автономии, когда у горожан отсутствовали собственные институты власти, или какое-то время они существовали с согласия сеньора и под его контролем.

Наступательную последовательность городских притязаний четко отражают Первое и Второе право Страсбурга, с разрывом в 25 лет (1189, 1214 гг.). Уже Первое право, на основе которого мы реконструировали объем власти епископа, говорит об ограничении ее со стороны горожан. Сеньориальные чиновники творили суд, но он должен был быть публичным и происходить в определенном месте и в определенное время, а не на дому у чиновников или во дворце епископа; чиновники должны были соблюдать определенную процедуру вызова в суд и не допускать возможность неявки горожанина.

Обременительность барщины в виде сельскохозяйственных и ремесленных работ, требуемой от жителей крупного торгового и ремесленного центра, каким был Страсбург в конце XII в., смягчается ее малым размером и строгой регламентацией; жители получают право свободно пользоваться мерами веса, основывать мельницы. Право фиксирует размеры торговых пошлин, отменяет их в случае, если товар изготовлен трудом своих рук “и не превышает сумму в 5 солидов”; в городе уничтожено “право обломков”, позволяющее сеньору конфисковывать транспортируемые через его землю товары в случае, если сломалась повозка и товар упал на землю. Особый интерес представляют попытки прямого контроля со стороны горожан за деятельностью чиновников, затрагивающей наиболее серьезные стороны их жизни, в частности, чеканку монет: отныне всякие изменения ее размера и веса должны были осуществляться только с согласия горожан. Согласно новому праву на назначение высшего судебного чиновника-фогта теперь требовалось “согласие” горожан. Уже в начале XIII в. Страсбург, согласно Второму праву, получил ограниченную возможность выбирать органы управления – консулов и присяжных-скабинов, которые сосуществовали с сеньориальными институтами и контролировались ими. Аналогичное сочетание сеньориальных и городских институтов с точно оговоренным разделом власти дает Монпелье в начале XIII в., Альби и Тулуза – в течение XIII в. Подобные примеры можно было бы умножить.

Говоря об общем ходе, формах и средствах освободительного движения городов, интересно остановиться на имеющих место в литературе попытках рассматривать его, помимо прочего, в контексте с движе-

нием за “Божий мир”. Последнее родилось в конце X в. (собор в Шарру 989 г.) как реакция на политическую анархию, в условиях которой вой на была правилом, а кулачное право сопровождалось грубым произволом вооруженных феодалов и их слуг. Движение, вначале имевшее выраженную не только клерикальную, но и народную, крестьянскую тональность, со второй половины XI в., получило институционное оформление, которое передало контроль над ним в руки епископата и светских принцев. Попытавшись заполнить вакуум власти, оно провозгласило идеал мира, включающего заботу о бедных, практику убежищ, клятвы на соборах с требованием их соблюдения дворянством в отдельных регионах и последующим отлучением от церкви и санкциями в случае нарушения клятв. Действительно, попытки усматривать здесь аналогию с городским освободительным движением не лишены смысла, поскольку оно тоже имело выраженное стремление к установлению “мира” на городской территории – мира права, порядка, отрегулированных взаимоотношений с сеньором города и его слугами. Хартии обычно открываются статьей об установлении в городе “мира во всякое время и для всех”. Почти все они содержат много статей охранного порядка – запреты обнажать в городе “острое оружие”, неприкосновенность жилищ, штрафы за нарушение мира и убийство (хартия Фрейбурга от 1178 г. 15 статей из 55, Вены от 1221 – 10 статей из 28 и т.д.). Подобно крестьянству в движении за “Божий мир”, горожане привносили в требование “установление мира” и “установление справедливости” сильный социальный оттенок: ограничение феодальной эксплуатации. Перед лицом аграрного мира мир города отстаивал и свое право на нормальное существование.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ГОРОДОВ

Типы городской автономии. Несмотря на растянутость во времени и постепенность процесса освобождения городов, к XII – началу XIII в. можно говорить о некоторых его результатах: город мог добиться права самоуправления, реализованного, в частности, в коммуне, – или обрести только часть привилегий и свобод экономического и политического характера.

Коммуна являлась естественным следствием и институционным воплощением той социальной консолидации горожан, скрепленной клятвой, которая возникла в ходе антисеньориальной оппозиции.

Клятва означала решимость и обязанность стоять друг за друга, поэтому связанная ею общность обозначалась термином *conjuratio*, а члены ее – термином *iurati*. Выше отмечалось, что объединения этого рода, в отличие от союзов профессионального, религиозного и прочего характера, существовали на территориальной основе. Присяжная ассоциация жителей получала права выборного управления, собственного суда, самообложения и сбора налогов, созыва военного ополчения. Выборное управление реализовывалось в действии ассамблеи горожан (общего-

родской и поквартальной) и исполнительной власти в виде городского совета. Последний был двух типов. Первый характеризуется наличием мэра или бургомистра – главы совета эшевенгов или присяжных, числом от 12 до 24 членов; второй, распространенный на юге Западной Европы (Италия, Прованс, Лангедок), представлял собой коллегия консулов от двух до 30 членов, которые правили коллегиально. Расхождение могло существовать в типе конституирования городского совета: выборы, назначение, кооптация, то есть он мог быть более или менее демократичным: например, 12 присяжных, избранных всеми горожанами, назначали своей властью остальных. Почти всегда параллельно общему собранию горожан имела вторая ассамблея из 100 и меньше человек, обычно подтверждающая решение исполнительных органов (“выдающихся”, “заслуженных” лиц общины).

Причем, горожанин мог быть избран мэром или заседателем неоднократно. Выборами или назначением город формировал также институт “счетчиков”, обычно четырех человек, ответственных за налогообложение.

Коммуна, обладая правом юридического лица, имела собственную печать, обеспечивающую действенность частным и публичным актам. Символом независимости города был колокол, подвешиваемый на башне (во Франции она называлась “beffroi”). В случае опасности дозорный, наблюдающий за окрестными землями с вершины башни, звуками колокола призывал сограждан к оружию. Существовал и особый колокол для созыва собрания. Специальные мастера создавали герб города, символический индивидуальный знак его истории, особенностей развития и независимости.

В институционном оформлении городской свободы в Западной Европе известную роль сыграла муниципальная организация римских городов. Особая ситуация в связи с этим сложилась в городах римского корня, в частности, в Северной и Средней Италии уже в VIII–IX вв. История позднеримского города (деятельность должностных лиц, понятие муниципальной земли и административного порядка) создала базу для публично-правовой жизни лангобардского города и города эпохи Карла Великого. Последние имели выборных чиновников (*curator*, *procurator*), общее собрание жителей, на котором решались вопросы благоустройства города, созыва ополчения, сбора налогов и т.д. Опыт этих городов непосредственно предвещал и служил фактором коммунального движения в Италии.

Коммунальное устройство в условиях полицентризма могло дать крайнюю форму автономии – полную независимость города в его политических отношениях с внешним миром. Подобный вариант развития дали крупные центры международной торговли в Италии – Флоренция, Венеция, Генуя, Сиена, Милан, Лукка. Существующие не просто в условиях полицентризма Италии, но борьбы двух общеевропейских сил – империи и папства, а также преемственности с римскими временами (опыт политической организации внутригородской жизни), эти центры добились максимума самостоятельности, став городами-государствами (слабое и своеобразное уподобление греческим городам-полисам). Выразитель-

ным знаком этого нового качества являлось обретенное ими право вести войну, дополнявшее свободу решения властных и административных, судебных и хозяйственных вопросов, составляющих круг потребностей внутренней жизни города. Важной вехой на пути к полной автономии явилась битва при Леньяно в 1176 г., где впервые в средневековой истории военное ополчение политического объединения городов – Ломбардской Лиги – одержало верх над претендующим на монополию военной функции феодальным ополчением рыцарей Фридриха Барбароссы. Некоторые города распространили свою власть не только на округ, но на более широкую территорию, включавшую в свой состав мелкие города, регулируя в округе отношения сельских жителей с земельными собственниками и свои отношения с подчиненными городами и сельскими коммунами. Венеция создала, как известно, крупнейшую колониальную державу, сделав соседние территории, а также район Причерноморья объектом своей финансовой и торговой экспансии.

Судьбу городов-государств Италии до известной степени разделил, хотя и на более коротком историческом этапе, соседний Дубровник и Далмации. В известном смысле в пограничных пределах этого варианта обычно рассматривают имперские города Германии – Любек, Бремен, Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, поскольку они существовали в рамках слабого политического объединения – имперской федерации. Находясь в окружении княжеских земель и стремясь осуществлять активную самостоятельную политику, прежде всего торговую, они использовали имперское подчинение в качестве средства этой политической независимости. Компенсируя слабость центральной власти, они стимулировали формирование городских союзов экономического и политического характера типа Ганзы или Швабского союза городов. Последний включал в себя города Юго-Западной Германии – Аугсбург, Нюрнберг, Ротенбург, Ульм, Нордлинген и др., объединившиеся в целях защиты торговых путей от разбоя, используя для этого военные отряды городов и заключая соглашения с князьями. В непродолжительной войне с князьями в середине XV в., которые хотели заставить их поделиться с ними доходами, они сумели отстоять свою неприкосновенность, чтобы затем, разочаровавшись в эффективности союза с императорами, все-таки отказаться от самостоятельной политики и обратиться к союзу с дворянством Юго-Западной Германии.

Коммуна как наиболее полное выражение идеи самоуправления города могла существовать в рамках централизующихся и централизованных государств. Так, Франция и Испания смогли соединить на несколько веков коммунальное устройство городов с волей набирающего силы монарха, то есть дали вариант более равновесного сочетания общегосударственной централизации и местной автономии (своеобразные государства в государстве, по выражению Дживилегава). Степень свободы здесь даже в рамках коммунального устройства могла варьировать в зависимости от экономической мощи городов: развитых, как Амьен, Аббевиль, Сен-Кантен, Турне во Франции, или с более низким уровнем ремесла и наличием сильного сеньора, как Бове и Лан. Во втором случае свободы были ограничены. Однако наиболее заметным фактором

ограничения коммунальных свобод являлась центральная власть. Во Франции с XIII в. она сделала непременным условием практику личного утверждения коммунальных хартий. При этом Капетинги предпочитали Руанскую хартию всем другим, поскольку по ее условиям мэра назначал сам король, выбирая его из трех представленных городом кандидатов. Королевская власть недвусмысленно стремилась постепенно поставить под свой контроль работу муниципальной администрации. Своим тулузским ордонансом 1389 г. Карл VI декретировал генеральную волю в следующем заявлении: "...отныне все консулаты страны не могут держать совет без присутствия сенешала или его лейтенанта", т.е. королевских должностных лиц.

Аналогичная тенденция просматривалась и в испанских городах, также располагавших всем необходимым для высокой степени самостоятельности набором муниципальных свобод: собранием общины, городским советом – консехо с судебными и распорядительными функциями, надзором за ремеслом и пастбищами (последнее было важно из-за большой роли скотоводческих занятий населения, составлявших одну из важных особенностей испанского города). Однако и здесь автономия города не была полной, т.к. ограничивалась со стороны должностных лиц короля.

С городами-коммунами разного типа соседствовали города, добившиеся только отдельных привилегий хозяйственного и политического характера. Чаще всего это были города, менее значимые по своей экономической роли, нередко полуаграрные центры, исходно находившиеся в сильной зависимости от сеньора или, чаще, от королевской власти (города Англии, Швеции и Дании, мелкие города любой европейской страны) или попавшие в орбиту особых интересов монарха, как Лондон, Орлеан или Париж, которые никогда не располагали правом коммуны.

Английские короли, как правило, стремились не давать городу всей совокупности свобод, поэтому его экономические привилегии обычно соединялись с ограниченной политической независимостью.

В Швеции полным городским правом располагали только так называемые торговые города. Из 52 таких городов, получивших хартии свобод до конца XV в., только 40 были полноправными. Следует подчеркнуть, что и этот второй вариант городского устройства предполагал большое разнообразие условий, которые не исключали городского самоуправления, пусть ограниченного. Так, политическую жизнь шведских полноправных городов (Стокгольма, Арбуги, Кальмара) характеризовали такие элементы, как собрания горожан, наличие городского совета с судебными функциями из выборных советников (родманов) в составе от 12 до 36 человек, с выборным бургомистром и контролем короля через фогта, утверждавшего все решения совета и имевшего право высшей юрисдикции. С XIV в. шведские города получили право выбирать собственного фогта, но в XV в. не более двух городов подтвердили это право у короля. Не менее важно и то обстоятельство, что "большая свобода" коммун в условиях усиливающейся государственности носила преходящий характер, и подчинение коммун королевскому контролю или вообще их ликвидации постепенно сближат этот тип городов и горо-

да с ограниченными свободами, конечно, если иметь в виду крупные центры.

Воздух городского пространства. Феномен “вольного города” это вопрос не только о его положении во внешнем мире, о соотношении с местной сеньориальной или центральной властью, но и личном статусе проживающего в нем горожанина. Для последнего, однако, были важны не только право самоуправления в области администрации, суда и финансов, но и, прежде всего, права, непосредственно касающиеся его жизни и труда, – в отношении собственности, наследования, завещания, брака, условий производства и торговли, то есть свободы распоряжаться собой, своим временем и имуществом. Чем выше был уровень автономности города, тем последовательнее и полнее были обеспечены личные права горожанина. Наиболее важным в этом плане был один общий итог освободительного движения городов в Западной Европе: независимо от вариантов политического устройства, на городской территории уничтожались все виды личной и до известной степени поземельной зависимости. Связь личной свободы с принадлежностью к городской общине заключалась в формуле: “городской воздух делает человека свободным”. Хартии утверждали этот принцип в правовой норме, согласно которой чужак, проживший в городе в течение “одного года и одного дня”, не востребованный за это время своим сеньором, уравнивался с другими гражданами в праве личной свободы; “да возрадуется он свободе, являющейся общим достоянием других горожан”, – было записано в городском праве Гослара 1219 г. Многие хартии намеренно усложняли для сеньора условия возвращения серва в поместье: если сеньор, доказав зависимость от него какого-то человека, не сумел тут же увести его, серв обретал свободу.

Свободный личный статус горожанина характеризовался несколькими наиболее важными показателями. Прежде всего, в городе сплошь и рядом уничтожались прямые поземельные связи с сеньором: участки под домом и мастерской переходили во владение города. Рента (ценз) превращалась в налог в городскую казну. Если рента не выкупалась и земля не переходила в собственность – налог частично отчуждался сеньору, становясь, таким образом, “превращенной” рентой. Если же рента выкупалась – земля становилась собственностью города. Но даже в этом достаточно редком случае город не выключался из феодальной системы, оставаясь на положении коллективного сеньора или короля. Но при всех условиях, если благодаря освободительному движению феодал не мог прямо эксплуатировать ремесло и торговлю – на место частного сеньора заступало государство, и часть налоговых поступлений от города, аккумулированных в государственной казне, могла вернуться тем же феодалам в виде платы за военную службу или службу в государственном аппарате, а также в виде пенсий.

Горожанин как частное лицо мог производить операции с землей: брать в аренду или покупать участок земли под дом, мастерскую, огород. Иногда он брал в аренду не землю, а только дом или часть его, но соб-

ственное жилище было неперменным исходным условием вхождения человека в городскую общину и полноправия в ней. При этом хартии гарантировали неприкосновенность жилища.

Личная свобода предполагала уничтожение всех поборов и служб, связанных с сервилльной зависимостью. Отмена поголовного и посмертного побора обеспечивала, в частности, право полного распоряжения имуществом – продажу, залог, завещание. Вводилась свобода брака и равенство сторон в нем: “имеют муж и жена одно и то же правосудие”, “никто не имеет права расторгнуть брак... в случае смерти одного из них – имущество без посмертного побора достается другому” (хартия Вормса 1114 г.). Совокупность экономических привилегий обеспечивала горожанину свободу профессиональной деятельности: продажи и транспортировки товаров, фиксации и регламентации торговых сборов, право основывать цех или гильдию, устанавливать монополию на производство, право строительства мельниц, разработки недр земли в округе и т.д.

Все эти личные права, гарантированные городским правом, были обеспечены практикой городского суда – “справедливого”, то есть гласного, с корпусом избранных судей, с более рациональной процедурой, чем ордалии или судебный поединок “божьего суда”, – процедурой, предлагавшей судебное расследование с показаниями свидетелей. “Право на суд” (право Гослара, 29 статья), то есть право судиться и быть судимым только в своем городе, согласно его правилам и привилегиям, служило важной гарантией и вместе с тем свидетельством личных прав горожан.

Итак, следует в первую очередь подчеркнуть исключительное значение факта социальной консолидации и активности горожан, получившей конституционное оформление. На этапе непосредственной борьбы за свободу он воплотился в организацию “клятвенного союза” участников борьбы. Собственно, само достижение свободы реализовалось в утверждении муниципального устройства, вершиной которого явилась коммуна.

Наличие городского самоуправления существенно изменило дух средневекового общества. В городе провозглашался принцип политического равенства членов городской общины, несущий в себе отрицание авторитарности и иерархичности, столь характерных для сообщества светских и церковных феодалов. Они вырабатывали в сознании общества понятие воли “большинства” вместо привычного и доминирующего представления о “воле господина”, сеньора, выражающего интересы группы своих вассалов и зависимых от него людей. Наконец, утверждался принцип выборной, коллегиальной власти, в наиболее яркой форме воплотившейся на данном этапе в практике итальянских городов-республик. Не менее существенной особенностью освободительного движения городов явилась правовая оформленность его результатов. Институционное самоопределение городской общности и его правовая завершенность отличают западноевропейский город от средневековых городов Востока и России, делая его в ряду некоторых других качеств важнейшим показателем и фактором цивилизационного своеобразия Западной Европы.

ГОРОДСКОЕ ПРАВО И КОРНИ “ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА” В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

При анализе природы освободительного движения особое значение приобретает правовой аспект. Обретение городом письменного правового свидетельства, отразившего и закреплявшего его статус, само по себе являлось величайшим достижением освободительного движения. Горожане не хотели рассчитывать на устную договоренность – да это и не было принято в ту эпоху. Как памятники обычного права, письменные хартии фиксировали локальную ситуацию; они представляли собой фрагментарное соединение установлений гражданского и уголовного характера: правовое начало в них переплеталось с конституционным, учредительным. Городские хартии несли на себе печать казуальности, весьма медленно изживаемой. Несмотря на существенное усложнение, рационализацию и упорядочение судебной процедуры, в них еще долго можно различать следы правовых норм раннесредневекового общества. Продуманная, обеспечивающая публичность и права горожан процедура вызова в суд и расследования преступления не исключала присяжничества и процедуры “очищения себя от обвинений простой клятвой”. Первое Страсбургское право допускает апелляцию к “суду народа” (*ad iudicium populi*) и поединок, правда, применительно только к случаю личного оскорбления, нанесенного публично.

Хартии поражают разнообразием и вместе с тем общностью зафиксированных в них позиций, которая определялась одинаковыми условиями и потребностями жизни горожан. С этим обстоятельством связан распространенный во всех странах факт филиации хартий, благодаря которой некоторые из них становились как бы моделью муниципального устройства и заимствовались другими городами. Во Франции такой моделью для городков полуаграрного типа стала хартия Лорисса, обеспечившая право выборных муниципальных чиновников. Она была частично использована в хартии Блуа, послужившей, в свою очередь, моделью для Роморантена, Шатодена и Монтиля. Аналогичную картину дает хартия Бомона 1182 г. с правом свободного назначения мэра и присяжных, а также правом свободного выпаса скота и пользования водами. Она просуществовала до 1789 г. и была очень популярна в деревнях, в частности, ее апроприировали 70 местечек Люксембурга. Однако особый интерес представляет коммунальная хартия Руана. Город получил ее от английского короля во второй половине XII в. Желая обеспечить свои позиции в домене Плантагенетов на материке, тот дал Руану недостижимый для английских городов статус коммуны, хотя с ограничениями в выборах мэра, уже упоминаемыми выше, а также в военных вопросах. Отсюда ее широкая популярность во Франции: хартия была адаптирована на независимом юге, в бывших владениях английского короля и других местах – в Тулузе, Ля Рошели, Коньяке, Ангулеме, Пуатье, Туре.

В Испании такой популярной хартией – фуэро являлась хартия Куэнки (1179 г.): ее повторяли более 30 фуэро (Теруэль, Альбаррасин, Базас и т.д.). Большинство городов Германии, Центральной и Северной

Европы руководствовались правом Магдебурга, возникшем в XII в. Первые записи его относятся к XIII в., в конце XIII – начале XIV вв. на их основании была создана Вульгата или Саксонский Вейхбильд – запись общего права городов Саксонии. Другой систематической записью Магдебургского права стал мейсенский сборник середины XIV в., или Магдебургский цветок 1386 г., составленный юристом Николаусом Вурмом.

Общие потребности и практика филиации могли служить основанием для унификации городского права. Однако проблема соотношения частного и общего городского права решалась проще лишь при том, если права городов были ограниченными, а центральная власть сильна. Так, в Швеции именно благодаря политике королевской власти были созданы общие городские судебники: судебник Биркрэттен существовал уже в XIII в. и действовал до середины XIV в., когда новое городское уложение – Стадлаг было создано. Во Франции работа по унификации статуса городов предопределялась тенденцией к ликвидации коммунального устройства. Хотя она четко обозначилась к началу XIV в., ее реализация была затруднена конкретно-исторической ситуацией XIV–XV вв. (Столетняя война и гражданская смута), трудным преодолением провинциального сепаратизма, которое сопровождало процесс централизации страны. Отражением этой непростой ситуации может служить выработка общего права в стране в целом. В XIII в. начались стимулируемые королем записи, доработка и публикации провинциальных и местных кутюм Шампани, Бургони, Нормандии, Анжу, Амьена, Бовези. В их разработке сыграли свою роль и городские хартии. Однако еще в конце XV в. проблема письменной редакции местных кутюмов, судя по тому, что короли неоднократно создают по этому поводу новые комиссии, не была решена. Основные результаты этой работы пришлось на вторую половину XVI в., когда в итоге отбора было выправлено около 300 кутюм, из которых 60 являлись провинциальными.

По мере развития городов хартии дополняются новыми источниками городского права, которыми являются статуты, то есть уже собственно городское законодательство. Постепенно статуты систематизируются и возникают попытки их кодификации. Во Франции активность подобного рода имеет место в XIII в. Такие кодексы заверяются печатью коммуны, их клянутся соблюдать мэр, консулы и присяжные. В работе принимают участие юристы. Тулуза, составив текст официального свода всех статутов к 1283 г., попыталась добиться санкции короля. Филипп Смелый утвердил текст в 1286 г., однако без 26-го артикля, отметив на полях необходимость дальнейшего его обсуждения.

Исследователи обращают внимание на мобильность городского законодательства: Вольтерра за 34 года создала пять кодексов городских статутов, Падуа только в XIII в. меняла их восемь раз, Флоренция менее, чем за 100 лет (с 1213 по 1307 г.), – 17 раз.

Существенную роль в эволюции и совершенствовании городского права сыграло римское право (причем не только в городах римского корня), начиная с XII в. Следует отметить, что именно города являлись центрами его изучения и преподавания: в Оксфорде в XII в. действовали

знатоки римского права Гернериус и Вакариус; в Тулузе и Орлеане при подавал и действовал Пьер де Бельперш. Горожане с особым интересом относились к римскому праву в части, касающейся дел о завещаниях и наследстве, укреплении собственности и личной ответственности. Именно городские юристы открыли путь к расширительному толкованию права городов судить, править и управлять (*de judicare, regere et administrare*) в соответствии, в частности, с утверждением Исидора Севильского о том, что каждый народ или город устанавливает себе собственный порядок (*quisque populus vel civitas sibi proprium constituit*). В XII в. эту мысль повторит Этьен де Турне, оценив город как “творящую сущность” (*entité creatrice*). Городские законодательные своды обычно тоже составлялись юристами, знатоками римского права. В Арле, например, в 1245 г. над составлением городского законодательства трудился представитель знаменитой болонской школы Жан Альвернатиус. В Германии сборник Магдебургского права (Вульгата) в XIV–XV вв. подвергся глоссированию. Подробные глоссы превосходили основной текст документа и содержали многочисленные ссылки на римское и каноническое право.

Сохранились имена юристов, действовавших в области городского законодательства Италии: Якопо Бальдини в Генуе, Томазо Губбио и Лаппо в Прато, Паоло Кастро во Флоренции. Исследователи отмечают факт одновременного воздействия на городское право в Италии лангобардского и римского права. Влияние последнего сказывалось на более приниженном положении женщины, на процедуре регистрации торговых сделок, на решающей роли письменного договора. Лангобардское влияние обнаруживает себя в факте ограничения права на следования для женщин, выходящих замуж вне города; на преимущественном праве перворождения; существовании части приданого, приносимого мужем жене в качестве свободного дара (лангобардский и вообще германский “утренний дар”).

Наибольший интерес в плане влияния римского права представляет трансформация принципов в отношении земельной собственности. В городском праве она выразилась в отходе от феодальной идеи верховной собственности и фактического владения. В XII в. статуты Тревибио устанавливают, что покупатель земли может добавить к цене феода еще 1/6 часть его стоимости и стать полновластным его владельцем. В Модене в начале XIII в. любой держатель церковной земли мог выкупить свои права.

Изучение эволюции городского права помогло исследователям выделить некоторые черты бюргерской идеологии: ее религиозную окраску (формула “по воле бога”), авторитет обычая, который, тем не менее, не мешал динамике права, продиктованной интересами горожан; идею справедливости и общего блага, подчинения интересов индивида общему благу; идею равенства бюргеров, столь далекую от реальности, но вместе с тем отразившую факт принадлежности каждого бюргера к городской общине, коллективно обладавшей правом юридического лица.

Очевидно, что правотворчество западноевропейского города сыграло заметную роль в предыстории европейского правового общества. Освободительное движение городов убедительно продемонстрировало со-

циальную активность горожан, их способность не только создать органы городского самоуправления, которые руководствовались принципами демократии, но и закрепить их деятельность юридическим обоснованием. Оба эти обстоятельства способствовали выработке государственной практики диалога центральной власти с обществом, отличающей западноевропейское развитие. Особенность вклада городов в данном случае связана с тем, что эту способность проявила прослойка, не принадлежавшая к привилегированной части общества, платящая налоги, и лишь ценой собственных больших усилий занявшая более высокое положение, нежели крестьянство.

Вместе с тем, не следует преувеличивать степень “свободы личности” в городах. Горожанин располагал собой по праву соучастия-принадлежности к городской общности. Эта свобода была свободой в рамках корпорации, гильдии или города в целом. Кроме того, своего толкования требуют и понятия “демократия” и “равенство”, с которыми выступала присяжная ассоциация (см. ниже).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ АВТОНОМИИ

Коммунальное движение принесло с собой новые начала политической жизни, утверждая в феодальном мире формы средневековой демократии, основанной на противостоящих авторитаризму и иерархичности принципах корпоративного равенства и выборной власти. Но какова была социальная реальность, которая наполняла формы городского самоуправления? Анализ такого рода предполагает характеристику социального состава населения и соотношение всех его слоев с политическими правами в городе.

Как известно, город во всех отношениях был весьма гетерогенным. В территорию города были неизбежно включены иммунитетные локальные единицы – резиденция сеньоров или монастыри, в границах которых проживали зависимые от них люди, слуги, министерялы и монахи, не подлежащие судебной и налоговой компетенции города. В городах обитала какая-то часть рыцарей, в силу различных причин предпочитавших городскую жизнь. Положение этих элементов в городе представляет особый интерес в контексте освободительного движения, нередко проходившего в формах острой борьбы. Поэтому характеристика их судеб составит первую задачу данной главы.

ФЕОДАЛЫ В ГОРОДЕ. ВОЙНА И КОМПРОМИССЫ “БАШЕН И БАНКОВ”

Имеющаяся в литературе общая оценка положения феодалов в городе сводится к альтернативе вариантов Средиземноморского и остальных регионов Западной Европы. Первый вариант в этой альтернативе предполагает инкорпорирование феодального элемента в городскую жизнь. Как всякая общая оценка, она требует поправок, которые бы учли не только конкретные особенности регионов, но и время, в рамках которого могли меняться взаимоотношения двух социальных сил.

Вариант французских городов, казалось бы, подтверждает альтернативу, поскольку в Северной Франции, где конфронтация приобрели особенно острые формы, дворянский элемент был исключен из среды, обладающей городским правом. На юге той же Франции дворянство частично вовлекалось в занятия торговлей. Городское рыцарство привлекалось на военную службу, исполняло административные функции. Существовали даже смешанные консулаты, с представителями соответственно ремесленно-торговых и рыцарских слоев населения. По переписи городского населения Тулузы от 1335 г. 56% недвижимости составляли земельная собственность (виноградники, земельные участки). Даже сделав скидку на возможную причастность к ней ремесленно-торговых элементов, нельзя исключать из числа собственников дворянство.

Однако документы городской истории Северной Франции уже в XII в. отразили частые попытки горожан подчинять городскому суду и налогам те феодальные элементы, которые занимались торговлей и, следовательно, как-то вписывались в городскую жизнь. Города должны были также сосуществовать с многочисленными университетскими корпорациями. Наконец, в ходе складывания городского самоуправления происходило не только противостояние, но и взаимодействие сеньориального и городского мира, поскольку в первых городских советах чаще всего городские представители делили власть с сеньориальным министериалитетом. Для городов Германии XII в., например, исследователи отмечают значительное влияние министериалитета, в составе которого были рыцари. Не предоставляя им права “городской свободы”, горожане тем не менее считались с их политическим влиянием и признавали их притязания на самостоятельную роль в борьбе с епископатами (города Трир и Майнц). Хартии Фрейбурга и Брейсгау (1120–1178) разрешали проживание в городе рыцарям и министериалам герцога, хотя и “с общего согласия и по воле всех горожан”. Столь же неоднозначна была ситуация в Средиземноморском регионе, в частности, в городах Италии. Освободительное движение здесь сопровождалось разрушением замков и контадо и насильственной урбанизацией нобилитета. В стенах города воздвигаются башни нобилей и грандов как знак силы семьи или клана (консортерии). В Болонье башни феодальных фамилий Горизенда и Азенелли достигали 47 и 97,6 м.

Находясь в политическом подчинении городу, феодалы, тем не менее, проникали в его среду, оказывая на нее влияние. Иногда они соглашались на военную службу в пользу города и получали в качестве привилегий право гражданства. В 1156 г. капитаны Корволи договариваются с коммуной Модены, дав присягу верности и обязательство помогать ей против “врагов”. Договор включал предоставление охранных грамот жителям Модены во владениях капитанов, прежде всего на рынках, а также их обязательство допускать в свои крепости должностных лиц коммуны, вносить налог со всего зависимого от них населения и проживать в Модене в течении одного месяца в мирное время и двух месяцев – в военное.

Ситуация для феодалов осложняется в XII–XIII вв., после походов Фридриха Барбароссы: в Болонье, Флоренции, Сиене, Падуе, Лукке, Брешии феодалы лишаются политических привилегий. Новая конститу-

ция Флоренции от 1293 г. – “Установление справедливости” – окончательно, по словам хрониста Дино Компаньи, сломила “гордыню нобилей и грандов”: “Каждая семья, имеющая в составе рыцаря, считается принадлежащей грандам, и члены ее не могут быть избраны в синьорию, стать гонфалоньерами справедливости или членами правительственных комиссий.” Дома 33 семейств были разрушены, и пополаны стали полными господами коммуны. Политические права оказались только у членов цехов. Но и в этой ситуации нобилитет находил выход, отказываясь от семьи, вступая в цех, обращаясь к торгово-банковской деятельности. “Занятия делами” открывали путь к компромиссу “башен и банков”. В дальнейшей истории городов, независимо от региона, судьба феодалов в городе будет определяться эволюцией самого городского сословия.

ОТ ДЕМОКРАТИИ К ТИРАНИИ

Наличие в городе дворянского и церковного элементов не было единственной и даже главной причиной гетерогенности городской среды. Более существенным ее фактором являлась динамика социального развития самого городского сословия, то есть ремесленно-торговой общности. Дробные и мелкие коллективы, связанные с профессиональными занятиями, экономическим и политическим статусом – принадлежностью к цеху, гильдии, городскому управлению, – организовывались на какое-то время в более крупные, противостоящие друг другу, страты: патрициат и ремесленную массу, чтобы затем пережить перегруппировку сил, в которой патрициат и бюргерство объединяется против широких городских масс – обедневших цеховых мастеров, “вечных подмастерьев”, наемных рабочих и люмпенов. Поэтому в социальной и политической эволюции города можно выделить несколько этапов, различающихся сменой ведущих сил и трансформацией городской демократии. Изменения в сфере внутренней эволюции городского сословия позволяют подчеркнуть новые акценты в политической реальности города. Важным оказывается не столько вопрос о том, на кого распространяется городское право, но и о том, кто в городе располагает полноправием.

Очевидно, именно на раннем этапе городского самоопределения существовали условия, наиболее благоприятные для реализации городской демократии. Общий подъем социальной и политической активности, захвативший торговую и ремесленную массу, организованную в цехи и гильдии, образование клятвенного союза для борьбы с общим врагом, каким являлся сеньор города, – все это объединяло горожан. Обладание городскими привилегиями на этом этапе определялось принадлежностью лица к городской общности, являвшейся коллективным субъектом городских вольностей. Здесь присутствовал также экономический элемент, поскольку полноправные члены общины должны были обладать недвижимостью, точнее, быть “домохозяевами”. Это условие не было лишено справедливости, так как именно домохозяева составляли основную массу налогоплательщиков: при существующих нормах налогообложения в средневековом обществе неимущие слои, к которым

на этом этапе принадлежали также подмастерья и ученики, платили не большие поборы или вовсе освобождались от них. Не имея права голоса при выборах городских советов, эти неимущие, тем не менее, пользовались теми свободами, которых добился город: личной свободой, правосудием, рыночными привилегиями, цеховой регламентацией, обеспечивающей нормальные условия труда и оплаты для подмастерьев и учеников, и т.д.

Однако постепенно круг полноправных лиц начинает сужаться и наиболее крупные плоды коммунальных свобод оказываются в руках сравнительно небольшой группы, которая получает в литературе название патрициата. Второе городское право Страсбурга от 1214 г. противопоставляет эту группу лиц, именуя ее "*cives majores*", общей массе горожан, обозначенной как "толпа" – "*turba civitatis multa*". Патрицианская прослойка, сложившаяся чаще всего на основе городских форм экономической жизни – ремесел и торговли, стояла, тем не менее, обычно вне сферы непосредственного производства. Ее представители были крупными оптовыми купцами, землевладельцами и домовладельцами, ростовщиками и банкирами. Слой мог пополняться за счет бывших министериалов сеньора или рыцарства, инкорпорированного в городскую жизнь. Патрициат активно скупал землю внутри и вне города, часто становясь держателем рент, то есть "феодализируясь". Отмеченные тенденции, в том числе к аноблированию, создавали в его среде встречный по отношению к дворянству поток социальной динамики, облегчая, таким образом, условия инкорпорирования последнего в городскую жизнь. В среде патрициата рождается желание и ощущение своей причастности к нобилитету. В Кёльне в одном из органов управления наряду с судебной коллегией и скабинатом из шеффенов (присяжных заседателей) – Рихерцехе были сосредоточены представители только богатых родов, получавших доходы от земли, домов, лавок и ростовщических операций. С XIII в. представители не более чем 100 семей торговцев, владельцев земли и виноградников контролировали всю политическую жизнь города.

В испанских городах, специфической особенностью экономики которых было распространение скотоводства, определился самый влиятельный в политическом отношении слой кабальеро, составлявший главную силу военных отрядов. В их составе, в отличие от западноевропейского города, были не только собственники земли и стад, богатые торговцы, но и богатые ремесленники. Однако в XIII в. вступление последних в сословную группу кабальеров было для них закрыто.

В новых условиях полноправие перестает быть связано только с принадлежностью к городской общине и обладанием недвижимостью, но с доступом к политическому управлению. Особенностью его становятся олигархические формы власти в городе, принадлежащей ограниченной по численности и более или менее стабильной группе семей. Члены ее обычно связаны родственными или брачными узами. Отступая от принципов раннегородской демократии, они нарушали ограничения для повторного избрания на должность, подменяли принцип выборности системой кооптации, когда старые магистраты сами назначали

или узким кругом выборщиков определяли своих преемников. Оправданием подобной практики служило внедряемое в сознание горожан представление о правящей группировке, как о “лучшей”, “самой мудрой” и “здоровой” части населения. Городская автономия оказывалась поставленной на службу интересам патрициата, благодаря чему налоговая политика (в частности, само освобождение патрициата от поборов, из-за чего муниципальные налоги для прочих горожан подчас оказывались тяжелее государственных) и экономическая жизнь в целом (городские монополии, политика цен, операции с недвижимостью, залоговые и кредитные операции), были организованы в ущерб интересам широких городских масс, прежде всего, ремесленников, – если не ведущей, то решающей силы коммунального движения и важной базы последующего экономического процветания города. Правление патрициата не могло не вызвать социального напряжения, заметного уже в XIII в. Филипп Бомануар в следующих словах оценивал ситуацию во французских городах: “Мы видели много споров в городах – одних против других, когда бедные с богатыми или богатые друг с другом не могли добиться согласия при выборах мэров, прокуроров и адвокатов, или одни возлагают на других то, что нельзя заставить принять”. (Видимо, имеются в виду налоговые тяготы – Н.Х.) Обыкновенный порядок видится автору, как положение, при котором богатые должны знать, что всякое нарушение общественного спокойствия будет жестоко наказано, а бедные могут добывать свой хлеб в мире.

Социальное напряжение неизбежно разрешается массовыми движениями средних слоев, которые получили неточное (слишком узкое) наименование “цеховых революций” Борьба ремесленников, мелких торговцев, среднего бюргерства в целом против патрициата могла принять более или менее острую форму и подобно освободительному движению прошла через несколько этапов. Бюргерство нередко добивалось успеха в случаях, когда были сильны промышленные силы (в городах Кёльн, Аугсбург, Флоренция), патрициат, соответственно, удерживал свои позиции чаще всего там, где первенство в экономической жизни города имела торговля (Любек, Гамбург, Генуя).

Не следует преувеличивать непримиримость отношений между патрициатом и остальным бюргерством: чаще всего они договариваются, особенно на первых порах. В Ульме в 1397 г. в состав Большого Совета вошли 30 представителей от цехов и 10 от патрициата. Три цеховых представителя и два патриция в Тайном Совете обеспечивали общественное равновесие в Аугсбурге. Во французских городах сравнительно быстро устанавливается союз патрицианских и бюргерских элементов. Это получившее массовое распространение явление, скорее всего, связано с последствиями эволюции цеховой ремесленной среды.

Победа цехов вовсе не означала возврата к демократическим формам правления, поскольку к этому времени новые противоречия осложнили городскую жизнь. Теперь они проявились в ремесленной среде. Доминанта исходной характеристики цеха – уравнилельный принцип производства. Корпоративные ограничения, направленные на его сохранение, не могли, однако, сдерживать индивидуальных импульсов, идущих от

мелкого производства. Уже статуты Этьена Буало (Париж, вторая половина XIII в.), рисующие идеальный образ цехового устройства, были вызваны к жизни как раз его расхождением с действительностью. Волнения и несогласия в среде ремесленников вынудили прево Парижа к наивным попыткам апелляции к устным правилам, в целом уже пережившим себя, которым он дал письменную форму и государственную санкцию. Уже в XIII в. цехи раздирались имущественными противоречиями, которые могли перерасти и переросли в социальные: обеднение части мастеров, вынужденных попадать в зависимость от своих более удачливых собратьев, нарушение цеховых норм с целью увеличения доходов, отнюдь не патерналистские отношения подмастерьев и учеников с мастерами и т.д. Эти тенденции в условиях сравнительно узкого рынка привели к “замыканию цеха”, делавшему практически невозможным некогда вполне естественный переход от подмастерья к мастеру. Право вступления в цех усложняется благодаря увеличению вступительного взноса, общего удорожания “шедевра” (испытания на мастерство), а также ранее безобидного условия – устройства пирушки. Оформление бюргерской верхушки сопровождается изменением ее социальной природы: она скупает земли и подобно патрициату реализует операции с землей (покупка рент, заклад земли), тяготеет к торговой деятельности. Эти изменения делают возможным политический союз верхушки средних слоев с патрициатом, завершающий оформление олигархического режима в городе, а также союз с феодальными сеньорами, тем более, что эксплуатация бюргерством земли велась чисто феодальными способами. В Италии символом компромисса пополанов и грандов явилось оформление политических объединений в рамках гвельфской партии: “черные” гвельфы – из состава грандов, “белые” – богатых пополанов.

Дальнейшая социальная и политическая история средневекового города пойдет под знаком зарождения в нем новых отношений, связанных с укрупнением производства, которые не могут не вызвать резкого обострения внутренней ситуации. Важным ее фактором являются союзы подмастерьев, оказавшихся на положении наемных рабочих. Они меньше всего напоминают клубы для общего времяпровождения, вырастая в организации взаимопомощи, гарантирующие условия найма, размер заработной платы, длину рабочего дня и, наконец, в организации протестов. Они вырабатывают свою форму борьбы – стачку, иногда выходящую за рамки узко профессиональной или локальной борьбы (подмастерья нескольких цехов нескольких городов). Эти организации являются новым свидетельством потенций городской среды в отношении социальной консолидации и активности. Однако оппозицию на этом этапе отличали не только сильные, но и слабые стороны. Последние были связаны в первую очередь с участием в оппозиции прослоек, представляющих новую и старую общественные структуры, что неизбежно обрекало участников на разность интересов. Цеховые элементы – обедневшие ремесленники и вечные подмастерья – видели свое будущее в возвращении к прошлому, т.е. в укреплении цеха и восстановлении позиций мелкого производства. Ранние рабочие, связанные с первыми ранними мануфактурами, подчас обнаруживали способность к высокоорганизованному и

осознанному сопротивлению. Самый известный и яркий пример такого рода – восстание чесальщиков шерсти – чомпи во Флоренции в 1378 г. Они выступили на начальном этапе с требованием уравнивания в политических правах и участия в управлении через организацию цеха. По их расчетам эта мера должна была ликвидировать монополию на власть городской олигархии, которая, по словам хрониста Прима Анонима, “все делала для себя и подносила ко рту (бедного народа) пустую ложку”. Постепенно, осознав глубину пропасти, разделявшей их с “жирным народом”, они сумели выдвинуть требование организации собственного народного правительства (Четырех Святых Божьего народа). Радикальность требований чомпи разделяла лишь небольшая часть участников восстания. Дробным усилиям восставшего народа противостояли общие действия пополанов и грандов, сумевших организовать голодную блокаду города и подавить восстание.

На ход городских восстаний этого периода накладывало печать участие в них третьего элемента внутригородской организации – городско-го плебса, вобравшего в свой состав маргинальные слои, лиц без определенных занятий, поденщиков и т.д., – неустойчивую и агрессивную массу, неспособную на самостоятельные и организованные формы борьбы. Идеи социальной справедливости, воплощенные в радикальном требовании имущественного и социального равенства, в их интерпретации приобретали уродливые формы: выливались в грабежи, разрушения и насилие над теми, кто имеет “больше, чем они”. Радикальные формы борьбы обычно приобретала в крупных городах с выраженной имущественной и социальной дифференциацией. В мелких и средних гордах, в которых занятия населения в большей мере были связаны с аграрной сферой, обычно брали верх умеренные слои города. Так, в Ажене восстание против городской власти – восьми консулов, исполнявших свои функции не в силу личных “заслуг и достоинств”, а благодаря круговой поруке родственников и кумовьев, и рассматривавших, по свидетельству участников, эту власть как родовое имущество, – под воздействием умеренных элементов превратилось в безнадежную судебную тяжбу города с консулами.

К концу XV в. социальная и политическая борьба в городах-коммунах на этом этапе способствовала трансформации республиканских форм правления в тиранию – отступившую от принципов выборности власть одного человека (Медичи во Флоренции, Сфорца в Милане), которую исследователи рассматривают как аллюзию на абсолютную монархию в варианте государственных образований.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД И ГОСУДАРСТВО

Традиционная в исторической литературе оценка средневекового города в государственной истории обычно сводится к вопросу о его роли в процессе централизации и проблеме политического союза с королевской властью. Действительно, развитие города является непременным условием процесса централизации, хотя наличие этого условия не

обязательно приводит к централизации. Если иметь в виду все-таки роль города в варианте объединенного государства – варианте, наиболее перспективном для экономического процветания страны за счет внутренних ресурсов и гарантий ее независимости, – то значение этой роли исключительно и множественно. Именно развитие города создает наиболее прочную базу политической централизации оформлением экономических связей, опосредованным влиянием на позицию феодалов в этом процессе, благодаря развитию товарно-денежных отношений, втянувших в них деревню, самим фактом возникновения городского сословия, которое становится заинтересованной силой объединения страны. Естественным в этих условиях является оформление так называемого “союза” городов с центральной властью.

Следует подчеркнуть, что в этом союзе важной была не только военная, политическая и финансовая помощь городов королевской власти, но и роль последней в качестве гаранта их самоопределения и общественного спокойствия, необходимого для экономического процветания. Так случилось во всех странах, добившихся значительных успехов в деле централизации страны: в Англии, Франции, Испании, Швеции. Такой силой не смогла стать императорская власть – ни для Германии, где она уступила территориальным князьям, ни для Италии, для которой она стала чужеземной силой, усугубившей политические распри. Любопытно, что политический союз имел свое начало как раз в освободительном движении городов, которое обнаружило их заинтересованность в поддержке.

Тема “вольного города” в его соотношении с центральной властью вводит нас в проблему более общего характера, а именно, специфики реализации политической власти в феодальном обществе, которую характеризует дуализм, сочетающий власть в центре с властью на местах – вотчинника, города, сословия. Эта особенность объяснялась исключительной ролью политического фактора в механизме экономической структуры общества. Королевская власть в зависимости от конкретной ситуации примирялась, как отмечалось выше, с разной долей городской автономии. Особый интерес в этой связи представляет вариант французских городов, переживших выраженную перемену в степени их независимости. Форма коммунальной свободы, терпимая французской монархией на начальных этапах ее усиления, оказалась невозможной на следующем витке государственности, когда последние Капетинги и особенно первые Валуа заставили французское общество почувствовать реальность их притязаний на суверенитет. Тогда начинается процесс ликвидации коммунальных свобод, городское управление переходит под контроль королевских чиновников.

Однако союз, сыгравший исключительную роль в судьбах французской государственности, не прекратил своего существования. Подобно тому, как это случилось в Англии и Швеции, он укрепился и обогатился новыми формами сотрудничества городов с государством в условиях сословно-представительной монархии. Города на этом этапе обретали для себя новые качества и новые результаты. Одним из этих результатов явилось оформление городского сословия на общегосударственном

уровне. Начало было положено самим фактом возникновения города, как новой общности. Однако начало реальной истории городского сословия определило коммунальное движение, дав городской общности юридический статус. Влияние коммунального движения было, тем не менее, двойственным. Коммунальные вольности являлись для городского сословия школой политической и социальной активности и смелости. Однако надолго сохранившаяся приверженность городов к местным вольностям служила одним из источников слабости городского сословия, она тормозила консолидацию сословия на общегосударственном уровне. Политическая решительность горожан часто опережала действительную сословную зрелость.

Во Франции в событиях 1356–1358 гг. парижская городская верхушка приняла участие в выработке проекта общегосударственных реформ, который предполагал радикальное изменение роли Генеральных Штатов в системе власти: регулярность и непереносимость их созыва, контроль над исполнительным аппаратом. В письме к дофину, будущему королю Карлу V, прево Парижа Этьен Марсель выдвинул идею общественного договора между монархом и его подданными: “Вы первый обязаны оказать им покровительство и защиту, а они обязаны оказывать почет и повиновение, и, если одна из сторон не выполнит свои обязательства, то и другая считает себя от них свободной”. Горожане, однако, не смогли удержать эту высокую планку государственного сознания. Трудности финансового характера привели к попытке поставить столицу в исключительное положение по отношению к другим городам, облегчив для нее налоговые тяготы, что обрекло парижан на политическую изоляцию. Это подчеркнуло и слабость консолидации сословия на общегосударственном уровне.

Конечно, процесс консолидации сословия исходил из собственного внутреннего развития последнего, однако, весьма существенное воздействие на этот процесс оказывала именно центральная власть. Ее политика была рассчитана на снижение уровня самостоятельности, унификацию статуса городов, на переориентацию в известном смысле их интересов на общегосударственные проблемы. Нельзя не заметить при этом, что политика центральной власти была поддержана изнутри силами городской олигархии, неспособной справиться с внутригородскими противоречиями. Потеряв свои средневековые вольности, городское сословие обрело, таким образом, новый уровень консолидации, новый масштаб видения, самопознания и политической активности. Города получили право на представительство в местных и общегосударственных органах сословного представительства. Политическое признание горожан на общегосударственном уровне и институциональное оформление их участия в представительных органах в качестве третьего сословия завершило процесс их сословной консолидации. Именно представительство городов расширяло наиболее заметным образом базу диалога правительства с обществом.

Любопытно, что эта форма феодальной государственности сложилась не во всех централизованных монархиях. Там, где центральная власть смогла в процессе собственного усиления опередить процесс

оформления сословий, нарушив таким образом баланс в отношениях с обществом в свою пользу, эта политическая форма отсутствовала. Примером может послужить Византия, где корпоративность общества не переросла в его сословную структуру, которая предполагает политическое и социальное самоопределение общественных сил. Даже экономически сильные города в этой стране не пережили этапа освободительного движения. Английские города, добившиеся, как известно ограниченных свобод, тем не менее смогли обеспечить себе важную политическую роль на общегосударственном уровне, в частности, благодаря политическому и экономическому союзу со средним и мелким дворянством. Именно этот союз, реализованный в деятельности палаты общин английского Парламента, сделал последний образцом сословного представительства.

Французские города успели завоевать свое место под солнцем, и королевская власть, обретая силу, была вынуждена считаться с ними и даже поощряла их роль на общегосударственном уровне. Словом, во Франции сложилось в целом равновесное соотношение городов и центральной власти, подтверждая плодотворность взвешенных, без крайностей, форм развития.

Такие страны, как Германия и, особенно, Италия дали другой, чем Византия, вариант нарушенного равновесия. Свободные имперские города Германии укладывались только в рамки такого своеобразного политического образования, каким была империя. Только они получали право представительства на общеимперском уровне – в рейхстаге. Зато консолидация немецкого бюргерства обнаруживает себя на уровне территориальных княжеств – в ландтагах. Интересы крупных городов нередко лежали вне Германии, и, пожалуй, первое убедительное свидетельство общегосударственного сознания и действий городское сословие обнаружило в событиях Реформационного движения (Гейльбронская программа).

В условиях полицентризма в Италии, где городская автономия разрослась до масштабов государственности, консолидация сословий осталась на уровне города. Полицентризм, сопровождаемый нарушением равновесия в пользу городов, нацеленных на внешние рынки, – ситуация, которая обернется для Италии потерями не только политического, но и экономического характера. Она станет объектом притязаний и борьбы соседних государств – Германии, Франции, Испании. Отсутствие национального рынка сделает уязвимой экономику городов и страны в целом в новых условиях, с перемещением торговых путей в Атлантику. Именно в этот решающий для хозяйственного развития Западной Европы период Италия потеряет положение экономически наиболее развитой страны.

Суммируя приведенный материал, можно, тем не менее, сказать, что потери и обретения имели место в обоих обозначенных вариантах развития, то есть в условиях и универсальной государственности, и полицентризма. Их различия стали результатом особых географических и исторических особенностей, не зависящих от воли горожан. Но что, в любом случае, явилось результатом их творчества – это те формы поли-

тической жизни и власти, которые они создали. Их достижения в этой области побуждают шире взглянуть на проблему вклада городов в систему государственности. Обычно итальянские и немецкие города оцениваются со знаком минус в сравнении с английскими или французскими, сыгравшими позитивную роль в процессе централизации, которым подменяется вопрос о государственности в собственном смысле слова. Анализ “вольного города”, независимо от региона или конкретно-исторической судьбы, позволяет рассматривать его политическое и социальное развитие как конструктивный фактор средневековой государственности и важнейшую часть предыстории государств нового времени в Западной Европе. По возможности не повторяясь, хотелось бы в этой связи подчеркнуть следующие моменты:

1. Факт институционального оформления городской общности, которое вырабатывало в обществе осознание общей пользы и общего интереса.
2. Создание органов выборного управления, отразивших и стимулировавших социальную и политическую активность сословия. Они стали альтернативой авторитарной наследственной власти феодального мира.
3. Победа коллективного принципа в реализации власти. Именно в итальянских городах он стал принципом республиканского устройства, которого в целом не знал средневековый мир. Исключение составила конфедерация Швейцарских кантонов (XIII в.) и Голландская республика, история которой связана скорее с Новым временем.
4. Выработка норм, которые подготавливали общество без сословных различий: принцип большинства при выработке решений, представительство (депутат или прокуратор, представляющий интересы коллективного юридического лица), принцип равенства (в условиях корпорации).
5. Правотворчество и правовая активность городского сословия, закрепившая их победу.

ЛИТЕРАТУРА

- Гутнова Е.В.* Возникновение английского Парламента. М., 1960.
- Средневековый город: Межвузовский сборник. Саратов, 1963–1998. Вып. 1–12.
- Социальная природа средневекового бюргерства. М., 1979.
- Репина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.
- Сванидзе А.А.* Городские хартии и распространение муниципальных привилегий в шведских городах середины XIII–XV веков // Средние века, 1973. Вып. 35.
- Стоклицкая-Терешкович В.В.* Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960.
- Тушина Г.М.* Города в феодальном обществе Южной Франции. М., 1985.
- Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.
- Belov G.* Das ältere deutsche Städte-Wesen und Bürgertum. Bielefeld; Leipzig, 1898.
- Les Chartes et le Mouvement communal: Colloque Saint-Quentin*, 1980. P., 1982.
- Chevalier B.* Les bonnes villes de France du XIVe au XVIe siècle. P., 1989.
- Green A.S.* Town Life in the Fifteenth Century. L.; N.Y., 1894. T. I–II.

Histoire de la France urbaine sous la dir. J. Duby. 5v. P., 1980–1981. T. II: La ville médiévale. T. III: La ville classique de la Renaissance aux Révolutions.

Les libertés urbaines et rurales du XI au XIV siècle. Colloque international de Spa, 1966.

La ville, le bougeoisie et la genèse de l'Etat moderne (XII–XVIII siècles): Colloque de Bielefeld, 1985. P., 1988.

Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. 1970.

Mollat M. et Wolff Ph. Ongles blens, Jaques et Coimpi. Les révolutions populaires en Europe au XIV siècle. P., 1970.

Petit-Dutaillis Ch. Les Communes francaises. Caracteres et évolution des origines au XVIII siècles.

Villes de l'Europe méditerranéenne et de l'Europe occidentale du Moyen Âge au XX siècle. Annales faculté de Nice 9–10, 1969.

Russel J.C. Medieval Regions and their Cities. Newton-Abbot, 1972.

Vercauteren F. Conceptions et méthodes de l'histoire des villes médiévales an cours du dernier demi-siècle: Dans Congres international des sciences historiques. Vienne, 1965 (Commission de l'histoire des villes).

ЛОНДОН – СТОЛИЦА И МЕГАПОЛИС

Географическое положение, несомненно, во многом определило и особенности генезиса, и всю раннюю историю города. Недаром повелось говорить, что без Темзы не было бы Лондона. Остатки кельтских свайных построек, найденные археологами в устье притока Темзы – реки Флит, свидетельствуют о том, что это удобное возвышенное место среди болот на берегу большой реки очень рано привлекло своих первых поселенцев. Позднее римские завоеватели возвели новые стены и укрепления, построили дома, загородные виллы и мост через Темзу.

Через Лондон проходили важнейшие дороги Римской Британии. Первое упоминание о нем как о процветающем торговом городе встречается уже у Тацита. Сведения о Лондоне в последовавший за уходом римских легионов англосаксонский период очень фрагментарны, хотя и дают основания утверждать, что во время набегов викингов он не лишился репутации военно-стратегического, торгового и религиозно-культурного центра. На месте многих районов современного Лондона располагались англосаксонские, а позднее и датские деревни. Но и в это время Лондон был местом рыночного обмена. Именно в Лондоне, согласно судебникам и купеческим грамотам, еще в VII в. заключались торговые сделки, а в VIII в. Беда Достопочтенный называет его “рынком для многих народов, прибывающих сюда по суше и по морю”. С конца IX в. значение самого города резко возрастает – не в последнюю очередь благодаря оборонному потенциалу его сохранившихся фортификационных сооружений, который был в полной мере оценен во время войн с норманнами.

Уже с этого времени, не будучи официальной столицей, Лондон начинает играть исключительную роль в английской истории. Город в лице своих выборных представителей – олдерменов нередко ведет переговоры от собственного имени с англосаксонскими и датскими претендентами на королевский престол. В X в. Лондон уже является важнейшим экономическим центром. Наконец, в XI в. столица объединенного англосаксонского королевства переносится из Винчестера в Лондон. После победы при Гастингсе Вильгельм Завоеватель предпочитает не брать Лондон штурмом, а добивается признания своих прав на английский престол в качестве законного наследника Эдуарда Исповедника, за что и гарантирует Лондону сохранение его старых вольностей и обычаев особой королевской хартией. Он же предусмотрительно взламывает городскую

стену и встраивает в нее Тауэр: королевская крепость на многие века надежно обеспечила своим хозяевам контроль над городом, что, впрочем, не помешало Лондону сыграть заметную роль во многих политических конфликтах XIII–XV вв. В частности, город оказал поддержку баронской группировке, добившейся от короля Джона подписания “Великой хартии вольностей” в 1215 г., затем выступил в рядах приверженцев отца-основателя английского парламента Симона де Монфора во время “гражданской войны” 1258–1267 гг. Позднее он принял активное участие в оппозиции Эдуарду II и позднее Ричарду II и, соответственно, в переворотах 1326–1327 и 1399 гг., завершившихся низложением этих монархов, восстановивших против себя всю страну.

Социально-экономические и политические условия английского Средневековья очень рано поставили Лондон в центр довольно густой и равномерной, в основном мелкоячеистой городской сети, покрывавшей всю эту небольшую страну. Все дороги Англии, в конечном счете, вели в Лондон. Но Лондон был не только центром внутреннего обмена. Он имел торговые связи почти со всеми странами континента. В течение средних веков неизменно растет потенциал столицы в международной торговле. В начале XIII в. через Лондон проходило не менее 16% всего внешнеторгового оборота страны, а к концу века – почти 35%. В импорте вина к 1350 г. доля лондонских купцов составляла половину. В 1332 г. через лондонский порт проходило уже более 32% экспорта шерсти, а к концу XIV в. до той же цифры возросла его доля в экспорте сукна.

Довольно долгое время в научной исторической литературе было широко распространено представление о Лондоне прежде всего как о центре потребления, а его экономическое значение связывалось преимущественно с рынком, купцами и торговлей. Между тем Лондон столь же динамично развивался и как центр ремесленного производства. В XII в. в Лондоне было уже не менее шести ремесленных гильдий. Лондонская гильдия ткачей пользовалась монопольными правами в Лондоне и предместьях еще со времен Генриха I и была самой крупной и состоятельной из всех ремесленных гильдий Англии XII в. Лондонские ремесленники производили предметы роскоши для всего королевства: изделия ювелиров, меховщиков, портных, поясников, седельщиков Лондона продавались на всех крупных ярмарках и рынках Англии. Лондонское хозяйство всегда было многоотраслевым: в городских документах начала XIV в. упоминается более 120-ти специальностей лондонцев. К 1423 г. в городе насчитывалось уже 111 торгово-ремесленных гильдий.

Кроме того, Лондон был и важнейшим финансовым центром. В середине XIV в. лондонские купцы, сколотившие крупные по тому времени состояния на заморских торговых операциях, откупках и военных поставках, стали главными кредиторами короны. Известно, что в 1351 г. они обладали долговыми расписками короля на сумму свыше 60 тысяч фунтов стерлингов. Отдельные лондонцы и городская корпорация предоставили короне от 30 до 40% всей суммы займов, зарегистрированных в свитках казначейства при Ричарде II. Клиентура видных лондонских ростовщиков была весьма обширной: например, у Джилберта Мэгфила (конец XIV в.) она включала десятки купцов Англии, Пруссии, Фран-

ции, Италии, Испании, рыцарей и сквайров, парламентских чиновников, клерков казначейства и канцелярии, судей, священников и аббатов, шесть епископов, мэра и общину Лондона, графа Дерби, герцога Глостера и самого короля.

Лондон раньше других городов Англии получил многие права и привилегии, обеспечивавшие его горожанам не только экономическую свободу, но и целый ряд дополнительных вольностей юридического и административного характера. Еще до нормандского завоевания Англии он пользовался особыми правами, которые и были позднее гарантированы хартией Вильгельма Завоевателя. Новые важные привилегии и статус графства Лондон получил по хартии Генриха I в 1100 г. В конце XII в. лондонцы приобрели права самоуправления, включавшие право избирать мэра и других должностных лиц. Тем не менее, постоянное соседство с королевским двором доставляло городским властям немало поводов для беспокойства, прежде всего связанного с нарушением их компетенции со стороны королевской администрации.

Серьезные трения существовали, например, между сеньориальным королевским судом (*court of the verge*), юрисдикция которого обычно распространялась на всю территорию в пределах 12 миль от королевского двора, и местными городскими судами, которые оспаривали право королевского маршала вести тяжбы горожан даже в тех случаях, когда они оказывались в пределах дворцовой юрисдикции. На этой почве нередко возникали острые конфликты. В 1377 г. произведенный королевским маршалом арест одного из горожан, воспринятый лондонцами как незаконное посягательство на городские вольности, вызвал небывалое возмущение и вылился в прямое насилие. Горожане во главе с представителями муниципалитета ворвались в резиденцию маршала, захватили арестованного им в городе человека и переправили его в городскую тюрьму Ньюгейт. Городские власти, вполне солидарные с массами горожан в отношении защиты лондонских привилегий, не сделали никаких попыток прекратить бунт, но затем, обеспокоенные реакцией короля на беспорядки в столице, направили к нему примирительную делегацию.

Кроме судебно-административных изъятий в пользу светских институтов власти – таких, как королевский двор, канцелярия, Тауэр, различные судебные корпорации, – внутри городских стен существовали и другие анклавы, в которых не действовали предписания городских властей. Большинство лондонских иммунитетных зон в Средние века располагались вокруг монастырей и других религиозных учреждений.

Что касается территории, на которую распространялась городская юрисдикция, то она уже в очень ранний период разделялась на округа, главной функцией которых была охрана тех или иных ворот, ведущих в город. По крайней мере с начала XIII в. каждый округ Лондона являлся отдельной судебно-административной единицей. Уже в источниках первой половины XII в. отразился исключительно высокий статус олдерменов, стоявших во главе городских округов и решавших все вопросы городского управления, включая раскладку городских податей. Этот статус сохранился и в последующее время. Именно из числа олдерменов, имущественный ценз которых определялся капиталом в 1 тысячу фун-

тов стерлингов, избирались мэры и шерифы Лондона. Многие олдермены были выходцами из семей средних и мелких землевладельцев и сами владели недвижимостью в городе и в графствах.

Английские епископы, аббаты и бароны имели в Лондоне свои собственные дома, а король – дворец, построенный Вильгельмом Рыжим в западном предместье Лондона – Вестминстере. В Лондоне было 139 церквей и приходов. Лондонцы гордились своим родным городом. Один из них, Уильям Фиц-Стефен, описывал его около 1175 года (это вообще одно из самых ранних, подробных и красочных описаний европейского средневекового города) в восторженных тонах, создавая совершенно идеальную картину: “Среди знаменитых и блестящих городов мира Лондон, столица королевства англичан, простирает свою славу дальше, чем все другие, и шлет свои богатства и товары в самые дальние земли. Он поднимает свою главу выше всех остальных. Он выделяется чистотой своего воздуха, верностью христианским обычаям, силой своих укреплений, своим природным положением, благородством своих горожан и скромностью своих матрон...” И далее автор подробно описывает внешний вид города, его обитателей, их развлечения и праздники.

Из-под пера Уильяма Фиц-Стефена Лондон предстает перед читателем и как столица, и как центр внутренней и международной торговли, но в первую очередь – как грандиозная сцена городской жизни. Несмотря на очевидную субъективность возникающего из него образа Лондона (сквозь заемные цитаты и культурные штампы панегирика просвечивают неподдельные чувства любви и гордости за родной город), это описание не только отражает особенности авторского восприятия и литературного стиля, но и содержит бесценный материал для изучения организации внутреннего пространства Лондона, жизненного уклада, праздничных развлечений, нравов и обычаев его жителей. Собственно, многие детали городской среды и быта лондонцев XII в. стали впервые известны историкам именно из этого источника и лишь частично подтверждены и дополнены в результате позднейших архивных изысканий и археологических раскопок. Последние не только поставляют новый материал для изучения истории, культуры и быта городов, но и позволяют порой уточнить, скорректировать или по-иному оценить свидетельства письменных источников, как нарративов, так и документов. Далеко не все современники считали Лондон столь приятным для жизни и времяпрепровождения, как восславивший его патриот Уильям Фиц-Стефен. Так, например, по свидетельству одного из хронистов XII в., некий купец из Франции советовал своему другу, собиравшемуся посетить Англию: “если ты прибудешь в Лондон, выбирайся из него побыстрее... Все зло, какое только можно найти где-либо на земле, ты найдешь в одном этом городе. Не присоединяйся к толпам сводников, не смешивайся с массой людей в харчевнях, избегай азартных игр в кости и в карты, театра и таверны. Ты встретишь там больше картежников, чем во всей Франции. Там несметное число тунеядцев. Актеры, шуты, юноши с гладкой кожей, мавры, льстецы, прелестные мальчики, женоподобные мужчины, педерасты, поющие и танцующие девки, шарлатаны, исполнители танца живота, ведьмы, вымогатели, ночные бродяги, фокусники, мимы, ни-

щие, фигляры – этот сброд заполняет все дома. Поэтому, если ты не желаешь обитать рядом с грешниками, не живи в Лондоне”

Видимо, истину следует искать где-то между этими двумя крайними – оптимистическим и пессимистическим – взглядами на средневековый Лондон и его общественную мораль, между совершенным панегириком и столь же законченным пасквилем. Впрочем, оба в своих пристрастных характеристиках не проходят мимо одной детали, которая получила и вполне объективное статистическое подтверждение: ученые подсчитали, что в самом начале XIV в. в Лондоне было 354 таверны и более 1300 лавок, где продавался эль. “Неумеренные кутежи глупцов” во все эпохи обычно приводят к умножению криминальных эксцессов, они, очевидно, внесли свою лепту и в чрезвычайно высокий уровень насильственной смертности в Лондоне: в XIII в. он многократно превышал аналогичный показатель для всей Британии XIX в. Хотя справедливо было бы отметить, что по потреблению эля средневековая английская деревня по крайней мере не уступала, а по уровню насилия даже опережала свою столицу. В среднем по стране тогда совершалось семь убийств на каждые сто тысяч населения – ровно в семь раз больше, чем сейчас.

Конечно, все эти подсчеты и оценки весьма относительны. Нынешнее состояние источниковой базы и технические возможности новых исследовательских методов, с одной стороны, дают историкам более твердую почву под ногами, а с другой – порождают все новые споры. Один из наиболее жарких разгорелся вокруг численности населения средневекового Лондона: исходя из данных налоговых списков начала XIV в. было принято считать, что в это время в Лондоне проживало не более 50 тысяч человек. На основании результатов изучения изменений в плотности застройки и математического анализа тенденций в движении цен на земельные участки и рентных платежей по десятилетиям с 1300 по 1600 г. английский историк Д. Кин высказал предположение о том, что уже в 1300 г. население Лондона составляло около 200 тысяч человек, т.е. равнялось населению Парижа и вдвое превышало население Флоренции. И если эта цифра кажется невероятной, то столь же сомнительной в свете новых данных, убедительно доказавших, что Лондон в 1300 г. был гораздо больше Лондона образца 1500 г. выглядит теперь общепринятая оценка. Вполне возможно, что около 1300 г. население Лондона достигало 80 или даже 100 тысяч человек. Затем его численность резко упала в результате серии опустошительных эпидемий XIV–XV вв., но уже с конца XV в. начался новый подъем, и Лондон, преуспев в привлечении избыточного населения из провинции, быстро компенсировал свои потери. В Лондон стекались иммигранты не только из восточных районов Англии: его миграционная зона фактически охватывала всю страну.

В любом случае, имея в середине XII в. около 30 тысяч жителей и продолжая интенсивно расти, Лондон намного превосходил по своим размерам все другие города Англии: по некоторым оценкам, в XIV–XV вв. в столице проживало около 2% населения страны. Безраздельно доминируя в своем регионе, он являлся одним из ведущих торговых центров Северо-Западной Европы и имел гораздо больше сходства с крупными континентальными городами, чем с остальными городами Англии.

Упомянутые Фиц-Стефеном дома и дворцы епископов, аббатов, баронов и самого короля, множество церквей, прекрасные сады украшали облик столицы, но не исчерпывали всей картины. Улицы были немощеными, и по ним бродили не только люди, собаки и лошади, но и свиньи. Город нанимал специальных работников, чтобы очищать улицы от мусора и отбросов. В Лондоне существовала канализационная система – единственная в Англии, которая, однако, состояла из открытых стоков. Имелся даже общественный туалет. Узкие улицы города были застроены домами и мастерскими, лишь немногие из них были каменными, большинство домов все еще строилось из дерева, что делало пожары постоянной угрозой. Старый деревянный мост через Темзу сгорел в страшном пожаре 1136 г., который уничтожил большую часть города, и был заменен в 1176 г. новым, каменным Лондонским мостом (он оставался единственным мостом через Темзу до 1756 г.). Забота о благоустройстве представлялась неотъемлемым элементом образа добропорядочного горожанина, которому старались следовать лондонские купцы, завещая крупные суммы денег на улучшение дорог, ремонт и поддержание Лондонского моста, стен и башен, общественных зданий, приходских церквей, городских тюрем.

Обилие и полнота сохранившихся в лондонских архивах документов, которые относятся к истории одной из его центральных улиц – Чипсайда, позволяют реконструировать физическое окружение, в котором жили и трудились ее средневековые обитатели (несмотря на то, что от построек того времени не осталось и следа). Начиная с XIII в., большинство живших здесь людей занималось розничной торговлей. Первые этажи домов вдоль улицы были заняты очень маленькими лавками, площадью в среднем от 5 до 6 кв. м. В 1300 г. их было около четырехсот. Позади лавок располагались торговые ряды, где в первой половине XIII в. продавались главным образом перчатки и прочая кожгалантерея, а во второй половине века – ткани и одежда. В период демографического кризиса XIV–XV вв. число лавок уменьшилось, зато увеличились размеры тех, что продолжали использоваться. К началу XIV в. многие дома в районе Чипсайда имели три этажа и мансарду. Наиболее солидные дома состоятельных горожан располагались вблизи главной улицы, но не на ней самой. В XV в. примерно 20–25% их площади было занято под торговые помещения, склады и подвалы, 10% приходилось на кухню, до 15–20% – мансарду, и лишь около 50% было отведено под жилые и спальные комнаты. В боковых улицах и переулках в условиях большой скученности жили ремесленники: сапожники, портные, чулочники, кошелечники, булавочники, ножовщики и др.

На двух полюсах социального спектра городских обитателей располагались, с одной стороны, элитные группы дворянства, духовенства и многочисленных чиновников центральной королевской администрации, жившие в собственных особняках, и, с другой – маргинальные группы, которые составляли городской плебс, заполнявший улицы и трущобы города. Имущественное и социальное расслоение заметно затронуло и основную массу торгово-ремесленного населения Лондона. Лондонские купеческие и ремесленные гильдии рано добились значительных привилегий, что обеспечило им наиболее благоприятные условия для разви-

тия. На этой экономической основе в XIV–XV вв. достиг высокого уровня процесс имущественной дифференциации населения города, который привел к достаточно четкому выделению узкого круга богатейших представителей торгово-ростовщического капитала, довольно значительного среднего слоя самостоятельных ремесленников и лавочников и массы малоимущих фрименов. Многие представители купеческой верхушки инвестировали накопленные денежные ресурсы в городскую недвижимость и земельную собственность в графствах, поддерживали тесные, в том числе матримониальные, связи с дворянством. Приобретение крупных земельных владений, конечно, способствовало повышению социального статуса купцов, и в то же время, являлось самым надежным и достаточно выгодным вложением капитала. В первом случае обычно следовал разрыв связей с городом – особенно в следующем поколении – и вступление в класс сельских землевладельцев.

Социально-групповое размежевание внутри Лондона шло по трем направлениям: между полноправными членами гильдий и подмастерьями, между рядовыми мастерами и гильдейской верхушкой, между “старшими” и “младшими” гильдиями. Первые конфликты между последними относятся к раннему времени. Так, в сообщении о разногласиях между суконщиками и ткачами города в конце XIII в. говорится о том, что споры между ними возникали и прежде, “в незапамятные времена” Целые группы ремесленных гильдий Лондона, особенно те, которые работали на экспорт или использовали сырье, поставляемое с отдаленных рынков, попадают в зависимость от крупных купеческих корпораций. Гильдии купцов занимали ведущее положение и в городском самоуправлении.

Вторым аспектом социальной дифференциации было расслоение внутри гильдий, в которых явственно выделялись две группы: “бедные общины” и гильдейская верхушка, интересы которых все более расходились. Например, по хартии 1327 г. избранная группа ювелиров, имевших лавки в Чипсайде, получила особые права: все остальные мастера гильдии должны были покупать золото и серебро только у них и им же сбывать готовую продукцию, что отрывало их от самостоятельного сбыта. В других цехах такая ситуация сложилась несколько позднее, в конце XIV–XV вв. Аналогичным образом выделяются различные группы внутри торговых гильдий: купцы-оптовики, зажиточные лавочники и торговцы-разносчики.

Процесс социального расслоения в торгово-ремесленных гильдиях Лондона в XIV–XV вв. нашел свое формальное завершение в поглощении некоторыми “старшими” “младших” и в образовании внутри каждой корпорации особой привилегированной ячейки, члены которой носили специальные ливреи – одежду цвета данной гильдии и занимали ведущие позиции в ее администрации. Самые значительные из этих корпораций вошли в элитную группу, получившую почетный титул “Двенадцати больших ливрейных компаний” Последние фактически монополизировали высшие городские должности и представительство Лондона в парламенте. Однако семейно-персональный состав городской элиты Лондона в XIV–XV вв. отличался текучестью. Подъем по социальной лестнице оставался открытой перспективой для представителей средних слоев горожан по крайней мере до конца XV века.

Через всю историю Лондона проходит тенденция к наращиванию людских ресурсов и концентрации богатства. Еще в 1018 г. из всей суммы “датских денег” (82 500 фунтов), которыми Англия откупилась от короля Кнута, на долю Лондона пришлось около 13% (10 500 фунтов). В XII в. Лондон платил в королевскую казну почти в три раза больше, чем Йорк, второй по значению город в королевстве. В конце XIII–XIV вв. по суммам налогов с населения, отражавшим аккумуляцию движимого имущества, Лондон был совершенно недостижим для остальных городов, с ним могли сравниться лишь несколько крупнейших графств. В 1334 г. он превосходил своего ближайшего соперника (тогда это был Бристоль) почти в пять раз, а к началу XVI в. (когда вторым стал Норидж) уже в 10 раз.

С каждым десятилетием экономическое могущество и политическое влияние столичного региона возрастало. Фернан Бродель дал самую яркую и емкую характеристику роли Лондона в последующей истории: “Какой только роли не сыграет Лондон в британском величии! Он выстроил и сориентировал Англию от А до Я. Его тяжесть, его необъятность вели к тому, что другие города едва существовали в качестве региональных столиц... В отличие от слишком обширной, внутренне разделенной Франции, разрывавшейся между Парижем и Лионом, Англия имела не только одну голову, но громадную... Все английское экономическое пространство подчинялось царственной власти Лондона...” (Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1992. Т.3. Время мира. С. 373–374).

ЛИТЕРАТУРА

Репина Л.П. Potentiores и meliores Лондона в начале XIV века. // Средние века. 1981. Вып. 44.

Репина Л.П. Лондонские землевладельцы в начале XV века (по данным налогового списка 1412 г.) // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.

Keene D. Medieval London and its region // The London Journal. 1989. V. 14, № 2.

Thrupp S. The merchant class of medieval London, 1300–1500. Chicago, 1948.

Unwin G. The gilds and companies of London. L., 1925.

Williams G. Medieval London, from commune to capital. L., 1963.

СУДЬБЫ ЛИМОЖА

Лиможу не повезло. Как не повезло прекрасным городам – Чухломе и Урюпинску. В современном французском глагол “улиможить” – значит убрать подальше неспособного генерала или чиновника. Так стали говорить в начале XX века, но уже за триста лет до того за Лиможем утвердилась репутация захолустья, места почетной ссылки. И напрасно лиможцы заказывали написать историю своего города кому-нибудь из прославленных эрудитов – ничто не помогало. Попробуем и мы воспользоваться этой, пусть и незаслуженной, репутацией и обратимся к истории Лиможа как рядового, “заштатного” города.

Римляне называли его Августоритум или Лемовик (центр области галльского племени лемов). Добротный римский мост через реку Вьенну превращал город в важнейший узел коммуникаций Восточной Аквитании. Ко II в. здесь были кварталы регулярной планировки, прекрасные акведуки, форум, термы, громадный амфитеатр. Считают, что здесь на 100 га площади проживало до 10 тысяч человек. В начале IV в. в городе обосновался первый христианский епископ Марциал.

Бурные события следующего столетия привели к упадку – лишь у моста теплилась городская жизнь. Центром притяжения становится епископская “материнская церковь” Сент-Этьен, расположенная на тридцатиметровом холме над рекой, в километре к северу от моста. Укрепленный епископский замок – Ситэ занимал всего около 2,5 га. Тем не менее городу удалось сохранить роль важного политического центра. Лиможские епископы Меровингской эпохи принадлежали, как и везде, к местной галло-римской аристократии. Епископы старательно занимались укреплением своего городка, отстраивая собор и приходские церкви. В 579 г. один из них выступил посредником между Хильпериком I и мятежными горожанами. Григорий Турский, описавший эти события, свидетельствует также и о растущем почитании мощей Марциала – первокрестителя Лимузена. У его могилы, в пятистах метрах к северу от Ситэ, складывается второй полюс городской жизни. Основанная здесь община клириков святого Марциала, находившаяся в ту пору под властью епископа, становится важным центром паломничества, получает земли от аквитанской знати.

После смерти Людовика Благочестивого Лимож оказался расколот: епископ, как и вся местная знать, поддержал Пипина II в его борьбе за Аквитанию, а клирики св. Марциала выступили на стороне Карла Лысого. Когда тому после десятилетней борьбы удалось одержать победу, он помог поддержавшей его общине стать полноправным аббатством, вопреки отчаянному сопротивлению епископа.

В X в. в Лиможе сосуществовали три власти. Карл Лысый из числа своих “верных” назначил в городе своего представителя – виконта. Им был некий Хильдеберт, чьи потомки стали фактически независимыми от суверенов и удерживали виконтство вплоть до XIII столетия. Опорная база виконтов Лимузена находилась в горной крепости Сегюр, но парадная резиденция – в “виконтской башне” на холме близ аббатства Святого Марциала. Епископ продолжал владеть Ситэ, обнеся его новыми стенами, причем на рубеже X и XI вв. епископами становились члены виконтской семьи. Третьей силой было окрепшее аббатство. Виконтам долго удавалось осуществлять свой патронат и над ним, но виконт считался вассалом аббата, поскольку виконтская башня находилась на монастырской земле. В X в. поселение при монастыре окружают стены – это место называли “замком святого Марциала” или “Шато”

В X в. создается новый текст жития св. Марциала, где утверждалось, что креститель Лимузена был направлен самим апостолом Петром из Рима. Мощи святого творили все новые чудеса, герцог Аквитанский и его бароны приносили на святых мощах клятвы мирных договоров, архиепископы Буржа и Бордо проводили здесь соборы. Но не всех устраи-

вала новая версия. Против нее выступили епископ Лиможа и виконт, утратившие контроль над аббатством. Все же лиможский поместный собор 1031 г. принял решение об апостольском характере патрона Лимузена.

Теперь уже монастырский Шато начинает превосходить епископский Ситэ. Соперничество было не всегда мирным: в 1105 г. весь Ситэ и даже старые предмостные кварталы были выжжены соседями до тла. Над Шато возвышалась новая аббатская церковь Спасителя, освященная самим Урбаном II, – одна из самых величественных построек Запада. Шато и Ситэ окружала россыпь предместий и приходских церквей. Именно в эту эпоху начинается слава лиможских ювелиров, изготавливавших эмали как для культовых, так и для мирских целей.

Рост агломерации осложнился вереницей смут – после того, как при Элеоноре Аквитанской герцогство стало объектом соперничества Плантагенетов и Капетингов. Но именно тогда стал слышен голос самих горожан, появляются упоминания о городских консулах. Восстанавливая укрепления и обороняя город, лиможцы выказывали все большую независимость. Если епископ, аббат и виконт в начале XIII в. ориентировались на французского короля, то горожане искали поддержки у герцога Аквитанского, то есть у английского монарха.

В XIII в. уже ничто не сдерживало развития города. Новые стены ограничивали площадь в 32 га. Перестроенные в готическом стиле приходские церкви не уступали теперь зданиям аббатства. Ситэ также оброс новыми стенами. Его площадь была скромнее (12 га), но местные жители построили свой собственный второй мост через Вьенну и начали готическую реконструкцию собора.

Несмотря на то, что виконтская башня оказалась включенной в черту укреплений Шато, сами виконты и не думали отказываться от своей власти над городом. И хотя аббат в 1212 г. признал консулат и отказался от своих судебных прав в городе, виконты сдаваться не собирались и зывали к королям Франции. Однако поддержка англичан давала горожанам уверенность. Консулат добивался все новых успехов, оставив городским сеньорам только право чеканки монеты. Согласно миру, подписанному Людовиком Святым и Генрихом III, Шато отходил под власть английского короля, приносившего за него вассальную присягу королю Франции. Тогда же, в 1260 г. Генрих III утвердил права консулата и редакцию местной кутюмы, по которой горожане жили уже не менее полувека. Двенадцать консулов (по одному от каждого квартала) ведали охраной ворот и ночной стражей, заботились о состоянии укреплений и акведуков, контролировали торговлю, хранили эталоны мер и весов. Муниципальный совет, “прюдомы Госпиталя” (названные так по месту проведения заседаний), кооптировавшийся пожизненно, помогал консулам в осуществлении власти. Новоизбранные консулы шли поклониться мощам св. Марциала, приносили присягу на верность городу и обещали верность сеньорам – герцогу Аквитании и королю Франции.

Французские короли, верные своей политике, искали повод для вмешательства. Такой случай вскоре представился: виконты сразу же после 1260 г. попытались восстановить свои права над Шато. Виконт Ги IV (ум. в 1263 г.), а затем его вдова Маргарита целых пятнадцать лет вели военные действия, опираясь на сеть своих замков. Англичане не смогли ока-

зять помощь горожанам. Королевский арбитраж 1274 г. был исключительно выгоден виконтессе: советником Филиппа III был один из “верных” виконта, которому и поручили вести дело. По решению короля совет приюдомов ликвидировался, виконтесса получила право назначать половину консулов, в ее руки переходила вся юстиция, контроль над рынками, право созыва городского ополчения.

Вскоре последовало новое вмешательство короля. Одержав победу, Маргарита вышла замуж за бретонского принца Артура II, принеся в приданое виконтский титул. Новый виконт отказался дать присягу аббату Святого Марциала за виконтский холм в Шато. Аббат конфисковал городские земли непокорного вассала, что привело к новому конфликту. Филипп III в 1285 г. посетил Лимож и взял его под свою руку; все оммажи приносились отныне только королю.

Ситуация в Ситэ складывалась несколько иначе: епископский город не выходил из-под прямой власти французского короля. Горожане и здесь имели своих консулов, которым пришлось бороться с притязаниями сеньора. Вмешательство короля в данном случае оказалось более выгодно горожанам. В 1283 г. Парижский парламент признал права консулов, в чье ведение входил контроль за оборонительными сооружениями. Филипп IV учредил в Ситэ свое постоянное представительство, поделив с епископом судебные права.

Относительное процветание продолжалось до середины XIV в. Обошли Лимож стороной и Черная Смерть, и первые кампании Столетней войны. Напротив, ослабление французского короля позволило консулам вернуть былые свободы и сбросить власть виконта. Консулат был поддержан Черным Принцем, в 1365 г. восстановившим действие кутюмов столетней давности. После того как Карл V обещал признать все городские свободы, лиможцы перешли на его сторону (1371). Но вслед за этим Черный Принц подверг “предательский” город страшному погрому. По словам Фруассара в одном Ситэ погибло свыше трех тысяч жителей. С тех пор жизненные силы Лиможа теплились только в Шато. Несколько раз город штурмовали разбойничьи бригады.

В XV столетии опасности постепенно отступают. Город восстанавливает свою былую мощь и служит надежной опорой Карлу VII, снарядив ему в подмогу четырехтысячный отряд. В благодарность король дополнил городской герб тремя королевскими лилиями.

Буржуа становятся подлинными хозяевами своего процветающего города. Лиможские суконщики торговали в основном двумя видами тканей: сортов “брюнет” (дешевое сукно для лимузенского рынка) и “лиможатюр” (парчовая ткань, экспортируемая по всему югу Франции и в более отдаленные регионы). Славу городу по-прежнему составляли ювелиры, открывшие технологию крашеной эмали, что дало возможность перейти в конце XV в. к “массовому” производству. Лиможские купцы чаще торговали в Шампани и Провансе, но заезжали в Испанию и Италию, поддерживали традиционные связи с Англией. Благоприятная конъюнктура способствовала либеральным порядкам: никому не запрещалось заниматься ремеслом и торговлей. Лишь в эпохи бедствий консулы старались защитить рынок: так, в 1372 г. ввели налоги на ввоз французского сукна, сыра, воска.

Ремесленных корпораций было мало, но религиозные братства встречались в изобилии. В XV в. существовало не менее 75 конфрерий, объединенных культом своих патронов. Братствам принадлежали притворы в аббатстве или приходских церквях, где постоянно горели свечи перед иконой покровителя. Об этом заботились ежегодно избираемые бальи, хранившие ключи от сундуков с казной, знаменами и реликвиями братства. В члены братства принимались как люди одной профессии, так и соседи, но в любом случае требовались свидетельства о моральных достоинствах нового члена. На праздник своего патрона братство заказывало мессу, устраивало процессию и банкет. Статуты предписывали не объедаться, но получать радость от совместного общения. Впрочем, вино и сыр должны были быть самые лучшие.

Двенадцать конфрерий так или иначе были связаны с культом Богоматери. Члены братства Нотр-дам-де-Пюи ежегодно выставляли кольцо свечей перед ее иконой и сами со свечами в руках выстраивались кругом. Это должно было напоминать о кольце осады Шато в 1182 г., когда только заступничество Девы Марии спасло город от уничтожения. Но самыми влиятельными были братства св. Марциала. Кстати, и в завещаниях горожан он обычно поминался сразу же после Христа и Девы. Его культ сопровождал лиможцев повсюду — знакомый бородатый лик “апостола” украшал городской герб, чеканился на монете. В XIV–XV вв. аббат по согласованию с консулами организовывал вынос мощей святого. Это был великий праздник, привлекавший толпы паломников. Обыкновенный вынос реликвий осуществлялся раз в 10 лет, с четверга пасхальной недели и до конца мая. Но мощи могли выносить на два-три дня в экстренных случаях (стихийные бедствия, приезд важных гостей). Голову святого выставляли в базилике, затем носили по всему городу. Толпы паломников желали прикоснуться к чудодейственным реликвиям, что порой приводило к жертвам. Так, когда в 1364 г. мощи были вынесены в честь приезда Черного принца, толпой было задавлено 18 человек, и чем современники справедливо усмотрели дурное предзнаменование.

Консулы считали заботу о благочестии не менее важным делом, чем содержание оборонительных сооружений, и стремились подчинить и регулировать частную благотворительность. К XV в. под муниципальный контроль подпадают странноприимные дома и ренты в пользу бедных, основанные богатыми буржуа. В XIV в. некая затворница поселилась в предместье, замуравив себя в маленьком домике. Но ее окно выходило на оживленную дорогу, и она охотно беседовала с горожанами, просившими молиться за них. После ее смерти затворничество превратилось в муниципальный институт, финансировавшийся городом. Консулы рассматривали каждую кандидатуру новой затворницы: она должна быть вдовой, “порядочной женщиной” (то есть достаточно состоятельной), вести добродетельную жизнь и быть воздержанной на язык. Ей выдавался добротный плащ с капюшоном, во главе кортежа она шла в церковь, где на коленях приносила обет целомудрия, а после мессы консулы просили ее быть заступницей города.

В консульских списках попадаются одни и те же фамилии богатейших купцов. Впрочем, долгое время консулом мог стать любой горожанин, достаточно зажиточный для того, чтобы нести немалые расходы,

связанные с этой должностью. Однако патрициат стремился оградиться от “выскачков”. Так, часто пересказывалась история Готье Прадо. Он происходил из Шаранты, разбогател на торговле сукном, осел в городе и был избран консулом в 1426 г. Но он вступил в союз с виконтом, не оставившим мечты о реванше, и за 10 тысяч экю согласился открыть вверенные его охране ворота. Письмо Готье Прадо было перехвачено консулами, изменника обезглавили и четвертовали. Его голова была насажена на пику и выставлена у тех самых ворот, куда намеревались войти враги. Консулам было важно подчеркнуть, что только подлинные старожилы достойны доверия.

Все же выборы не всегда проходили гладко, что дало повод Людовику XI предписать в 1470 г. избирать консулов лишь из числа ста “богатых нотаблей”. Позже он подчинил город прямому управлению своих комиссаров. И хотя Карл VIII вернул муниципальные свободы, власть в Лиможе неумолимо перетекала в руки людей короля.

Видимо, тогда, на рубеже XV и XVI в., город упустил свой шанс в меняющихся условиях. Лимож не стал финансово-экономическим центром наподобие Лиона. Роль административной столицы Юго-Запада перешла к Бордо, где в 1465 г. был образован парламент. В соседнем Пуатье и южнее – в Тулузе и Кагоре – действовали университеты. А в Лиможе городской коллеж был основан лишь в 1525 г. Возможно, купеческие “отцы города” оказались слишком самоуверенными и не поспешили влиться в новую королевскую административную элиту. Как бы то ни было, если в начале XVI в. 25-тысячное население Лиможа обеспечивало ему место в двадцатке важнейших городов Франции, то 25-тысячный Лимож кануна Революции считался уже захолустьем.

ЛИТЕРАТУРА

Crenier P. La Cité de Limoges, ses évêques, son chapitre, son consulat, XII–XIIIe siècle, Limoges, 1908.

Guibert L. Limoges a la fin de la guerre de Cent Ans. P., 1902.

L'histoire de Limoges / Sous la dir. De L. Pérouas. Toulouse, 1989.

Louis S. La spiritualité des laïcs dans le diocèse de Limoges 1220–1520. Poitiers, 1979.

РИМ И РИМСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

“Вечным Городом” назвал Рим поэт Тибулл, и слова его оказались пророческими. Римская Империя пала и на Западе, и на Востоке, а ее первая столица продолжала жить. Конечно, Рим стал другим. После вторжения варваров город “сжался”, далеко отступив от своих стен – прежних границ античного Рима. Были разрушены многие замечательные здания и сооружения, оставшиеся запустели. Прекрасные мраморные статуи и колонны, их украшавшие, нередко сбрасывали в известковые ямы и пережигали на известь. Зброшенными оказались улицы и даже целые кварталы. Первыми были покинуты знаменитые холмы, на

которых возрос Рим. Так, прославленный Капитолий в Средние века стал называться Козьей горой – сюда выгоняли пастись скот. Та же участь постигла и Форум, величественную некогда площадь, украшенную колоннадами и статуями. Он был превращен в коровье поле, и само место его забылось. Спустя века археологи далеко не сразу смогли отыскать былой центр Римского государства. Из многочисленных акведуков-водопроводов, питавших город свежей водой, уцелел только один. Еще сохранившиеся мощеные улицы нередко прерывались огородами и пашнями, рядом появились болота. Одним словом, средневековый Рим уже не являлся крупнейшим и богатейшим среди городов Италии; по сравнению с Венецией или Флоренцией он был захолустьем.

Но пришла к нему новая судьба, новая слава, которая затмила былое великолепие. Вечный Город стал святыней христианского мира.

Тем, кто жил в первые века нашей эры, трудно было бы даже представить рядом эти два слова – “христианский Рим”. Как известно, тогда христиан жестоко преследовали. В те времена христианским был лишь “подземный Рим” – катакомбы. Римские катакомбы начинались за городской чертой и тянулись сложным коридором на десятки километров и только в начале V в. они были оставлены. Многочисленные общины и религиозные секты хоронили на этих подземных кладбищах своих братьев. Самыми большими катакомбами были христианские, как правило, вблизи могил мучеников и исповедников, пострадавших за веру. Их стены и своды по сей день украшают росписи на сюжеты Ветхого Завета, такие, как история Трех отроков, Ионы или изображения Христа как Доброго пастыря.

С окончанием эпохи гонений тайные молельни ушли в прошлое, и Рим украсился новыми храмами – христианскими. Наиболее ранним из них был, очевидно, храм Санта-Мария ин Трастевере (Святой Марии за Тибром). В V–VI вв. были сооружены самые роскошные базилики Сан-Пьетро, Сан-Лоренцо, Сан-Паоло, Санта-Кроче и другие. У каждой из них своя история. Например, Санта-Кроче была перестроена из части императорского дворца по желанию императорской семьи, обратившейся в христианство. Средства на возведение церкви Санта-Мария Маджоре, как повествует предание, пожертвовал благочестивый римский патриций. Однажды во сне он увидел Богородицу, повелевшую воздвигнуть церковь там, где утром выпадет снег. Патриций рассказал об этом епископу. Оказалось, что и тому было такое же видение. Вскоре прибыли вестники с изумительными сообщениями, что на холме Эсквилин лежит, не тая, снег, хотя стоял август, а в Риме снег редкость даже зимой. Поспешивший туда епископ прямо на снегу начертил план будущей церкви. Все эти древнейшие храмы сохранились и поныне, в перестроенном или обновленном виде.

Строительство церквей в Риме более не прекращалось, во множестве возникали монастыри на склонах холмов. Свою церковь стремились иметь знатные семьи, объединения ремесленников, торговцев, рыцарей; учебные заведения, общины, состоящие из жителей одной улицы или квартала, всевозможные братства и союзы. Каждый приход пользовался самоуправлением, его члены сообща обсуждали и сугубо мирские дела.

Главным храмом города вначале был собор Сан-Джованни ин Латерано, а затем уже, много позже, собор Сан-Пьетро. Здесь совершал богослужение сам епископ Римский – папа. Рим был его резиденцией, хотя история знает отступления от этой традиции. Восшествие на престол св. Петра его очередного преемника бурно праздновалось. Устраивались зрелища, карнавалы, раздачи денег. Оформился особый ритуал: папа торжественно объезжал город на белом коне в окружении пышной свиты, его приветствовали все общины Рима, в том числе и нехристианские, как иудеи. Иудейский старейшина подносил папе Тору – священную книгу иудеев, вошедшую в библейский канон.

С 800 г. в Риме короновались и светские владыки Запада – французские, затем германские императоры. Восшествие их на престол сопровождалось не меньшими торжествами, и так почти не смолкавшими в Риме. По католическому календарю треть дней в году считались праздничными. Если прибавить сюда еще традиционный римский карнавал и ежегодное празднование Дня Рима, то покажется, что народные гуляния никогда не затихали в Вечном Городе. Любимыми забавами являлись бег вразнос, метание копья. Главное развлечение происходило на горе Монте Тестаччо. С нее сталкивали тележки, запряженные свиньями. Остановить такую повозку было нелегко, зато в случае удачи смельчак получал в награду и тележку, и свинью. Существовали и “благородные” турниры для знати. Самый известный состоялся на арене Колизея.

Римская знать безраздельно господствовала в городе на протяжении всего Средневековья. Знатные – “нобилы” – имели не только высшие посты в войске, но и в суде, городском управлении и даже распоряжались делами церкви. Епископами и кардиналами, настоятелями крупных монастырей становились отпрыски знатных римских фамилий. Нередко и главой вселенской церкви делался ставленник знатного римского рода, тут же жаловавший доходные церковные должности своим родственникам. Один из пап, принадлежавший к роду Орсини, перенес церковный центр Рима из Латерана в Ватикан, ставший его резиденцией лишь потому, что здесь, на Ватиканском холме, располагались владения семейства Орсини, и папа мог чувствовать себя в безопасности (ведь авторитет первосвященника не всегда мог служить ему надежной защитой).

Средневековый Рим был буквально поделен на части враждовавшими между собой знатными родами Орсини, Колонна, Конти, Аннибальди и др. Господство нобилей преобразовало Рим. Над городом выросли башни, цитадели, замки. Холмы, на которых долгое время избегали селиться римляне из-за недостатка воды, были заняты знатью. Здесь оказалось удобно строить укрепления для контроля над целыми городскими кварталами. Укрепленные дома и замки северной части Рима от ворот Порто дель Пополо, Кампо Марцио и до Квиринала включительно контролировали Колонна. Род Орсини, их извечные соперники, стремились укрепиться в районах, граничивших с кварталами Колонна, к юго-востоку от них (Сан Агостино, Пьяцца, Навона), а на другом берегу Тибра опирались на мощнейший замок Каstell Сан Анджело, имели владения вокруг церкви Сан-Пьетро. Оба рода – и Колонна, и Орсини – приписывали себе происхождение от древнеримских фамилий, однако дос-

товерные данные этого не подтверждают, скорее всего они получили владения в Риме и округе не ранее конца XI – начала XII в. Савелли, державшие позиции у Театро Марчелло и на Авентинском холме, являлись ветвью рода Крешенци, известных уже в X в. графов Сабина, имевших резиденции и в Риме. Владение одного из старейших римских семейств Франджипани – группировались вокруг Колизея, на Палатине. Франджипани боролись и за холмы вокруг Чирко Массимо, а с другой стороны, контролируемая ими зона доходила до самой святыни католического Рима – Сан-Джованни ин Латерано, а далее этот латеранский квартал держали в своих руках Аннибальди, как и холм Эсквилин и важнейшую цитадель – башню Милиции, столь ценимую, что это давало ее владельцу особый титул (в начале XIV в. их вытеснили отсюда Гаэтани).

Кроме того, римские аристократы, как правило, располагали и загородными резиденциями, которые они меняли по желанию в течение года. Они служили им оплотом в случае политических неурядиц в Риме. Сильнейшие из римских нобилей были в состоянии контролировать даже дороги и подступы к Риму, выстроив цепь укреплений из замков и владений своего рода – от наиболее удаленных от города до укрепленных резиденций в самом Риме.

На протяжении всей средневековой истории коммуна Рима сохраняла аристократический характер, несмотря на неоднократные попытки демократических преобразований: результаты их были крайне недолговечными. Так, цехи не смогли закрепить за собой определенной политической роли в жизни Рима, их представители не имели обычного доступа к важнейшим коммунальным должностям. Во главе римской коммуны стояли сенаторы, и если большинство итальянских коммун в этот период принимало на высший коммунальный пост уроженцев других городов, не причастных к соперничеству между членами коммуны, то институт сенаторов достаточно прочно держала в своих руках именно римская аристократия. В принципе сложилась практика правления двух сенаторов, хотя временами их число колебалось от одного до нескольких десятков, причем сенатор сам избирал себе ближайшее окружение советников. Традиционно нобильской была и должность командующего военными силами коммуны – “капитана дженерале”. Городскую охрану осуществляли также нобили – рыцари со своими людьми. Обе политические партии – и гвельфов, и гибеллинов – возглавляли представители римской аристократии.

С XIII в. Рим стал претендовать на подчинение округи, подлежащей юрисдикции Вечного Города еще согласно античному административному делению. Однако господство над этими территориями, укрепленными замками, самоуправляемыми коммунами и малыми городами могло осуществляться только путем военного контроля. Ведь если в некоторых областях Италии при отсутствии политического единства все-таки обозначился экономический доминирующий центр, как Флоренция, Милан, Венеция, то в пределах Римской провинции такого бесспорного лидера не было. Экономически Рим мог претендовать на это звание ничуть не больше, чем близлежащие Тиволи, Витербо, Орвьето. В Риме главенствующими цехами были не ремесленные, а подобные цехам организа-

ции поставщиков скота и зелени. При всем том Риму была присуща характерная для столиц и крупных городов перенаселенность, диспропорция между производительными и непроизводительными слоями населения; сюда стекались тысячи паломников, многие из которых желали остаться на долгий срок подле христианских святынь, здесь находился громоздкий аппарат Римской курии, посольства к папскому дворцу, челядь и свита вельмож, которых Рим привлекал как политический центр европейского значения; наконец, римский плебс, чернь, требовавшая хлеба и зрелищ от коммунальных властей и самого папы как своей законной да ни. Именно поэтому полуаграрный Рим испытывал нехватку продуктов питания не менее, чем экономически развитые центры. Положение усугублялось тем, что возможные поставщики сельскохозяйственной продукции – провинциальные сельские коммуны – были уже экономически и политически подчинены местным центрам, городам и даже замкам, привязаны ими к своему рынку или подчинены видам дальнего экспорта. Обеспечить невыгодную для провинции поставку продовольствия в Рим можно было лишь путем прямого принуждения. Подчинение округа становилось единственным средством разрешить продовольственную проблему Рима, а осуществить его была призвана нобильская военная сила. Насколько высоко ценилась эта военная сила нобилей, свидетельствует такой красноречивый факт: в 1291 г. коммуна Рима предприняла успешный поход против своего давнего соперника – города Витербо, подчинив себе этот торговый центр с богатой сельскохозяйственной округой. На жителей Витербо была наложена контрибуция в 25 тысяч лир римскими денариями и еще по тысяче лир семьям погибших пополанов, а сородичам единственного павшего в этом бою нобиля Франческо Орсини – 6 тысяч лир.

Роль рыцарского нобилитета как социального лидера не могла не сказываться в такой важной сфере, как политика коммуны по отношению к округе. В результате отношения между коммуной Рима и общинами округа (а в том числе, что особенно важно, общинами провинциальных замков) часто были опосредованы или даже определялись таким активным участником, как нобильские фамилии. Они являлись одновременно и членами городской коммуны, и сеньорами окрестных замков.

Судьбы Рима и его округа были тесно взаимосвязаны. Облик римской округи также очень изменился по сравнению с античным периодом: теперь ее покрывали многочисленные укрепления, монастыри и церкви. Здесь возникли древнейшие христианские обители в Западной Европе. Римлянин св. Бенедикт Нурсийский стал основателем монашества не только в средневековой Италии, но и во всем западном мире.

Повседневная жизнь Средневековья отнюдь не стала соответствовать христианскому духу миролюбия. Материальную безопасность людям и их хозяйству могли обеспечить лишь надежные укрепления. Убежища для слабых, символы власти и господства для сильных – вот чем были замки и крепости. Их строительство велось в больших масштабах по всей Италии, но Римский регион особенно выделялся количеством оборонительных сооружений. Здесь и после варварских нашествий уцелели некоторые античные крепости. Не прекращавшаяся военно-поли-

тическая нестабильность требовала увеличения их числа. В новые укрепления перестраивались любые античные руины, как например, мавзолеи императорского Рима на возвышенностях близ больших дорог. Их превращали в охранные посты и места сбора пошлин (наиболее известен мавзолей Чечилии Мателлы у Алпиновой дороги). С VIII в., когда участвовавшие набег сарацин причиняли большой урон населению дальней округи Рима, был создан целый оборонительный кордон в прибрежной полосе.

Вот несколько иллюстраций к истории развития замков в Римской провинции. Возьмем, например, Субьяко. Некогда здесь располагалась одна из вилл Нерона, в VI в. – известная христианская обитель. В VII в. монастырь и существовавшие к тому времени укрепления были разорены лангобардами, а со второй трети IX в. источники снова упоминают о местном замке. Вокруг этого замкового центра возникли другие замки, которые постепенно подпадали под власть монастыря. Так, Рояте (возникший на месте оппидум племени эрничии доримского времени) упомянут в Дипломе Оттона I от 967 г. в качестве владения Субьяко. Средневековый Ровиано, развившийся на основе античного центра – крупного поместья рода Рубриев, находился под властью Субьяко со времен Григория IV, как свидетельствует папская булла от 833 г. В дипломе Оттона I того же 967 г. в перечне владений Субьяко названы уже два поселения – Ровиано и Ровианелло.

Поселение Дженаццано ведет начало также от античного “фундус” А первое упоминание о нем в качестве замка опять-таки связано с историей Субьяко и содержится в Регистре Субьяко под 1022 г.: владельцы Палестрины и Дженаццано – Джованни ди Пьер Доменико и его супруга – свершили дарение в пользу монастыря.

На месте средневекового Виковаро некогда существовал значительный центр племени эквов, а затем римское укрепленное поселение “викус” Булла Григория VII свидетельствует, что Виковаро с этого времени был подвластен монастырю св. Павла “за стенами” (Сан Паоло fuori le mura), но собственно о замке в этом документе еще не говорится. Целестин III передал Виковаро в руки фамилии римских нобилей Орсини. При этих владельцах Виковаро пережил свой расцвет и в XIII в. считался уже одной из мощнейших крепостей. Замок – важнейший после городского центр военного и юрисдикционного господства над округой – оказывался сферой влияния сложных социально-политических тенденций, объектом постоянной борьбы.

Римская курия пыталась утвердить на практике выработанную ею юридическую доктрину, согласно которой все земли и замки на территории Папской области подчинялись бы папе либо прямо, либо в опосредованной форме. На деле же магнаты осмеливались захватывать земли Римской церкви, особенно когда они были уступлены (например, в наследство до третьего колена) другим нобильским родам. Имперские инвеституры также забывались по мере ослабления влияния империи, пожалованные ими владения уже рассматривались как безраздельная собственность новых сеньоров.

В конце XIII–начале XIV в. замки средневековой округи Рима получили свое собственное официальное законодательство – статуты, при-

чем жители замка рассматривались в нем как особая общность, имеющая коллективные права перед лицом своего сеньора. Как и статут города, статут замка являлся основным источником судопроизводства, предпочтительным видом законодательства для жителей самого замка и прилегающих к нему территорий.

Усобицы римских нобилей происходили довольно часто, и на подмогу стекались отряды “верных” из дальней округи. И наоборот, римские события волновали провинцию. Так было, например, во время войны папы Бонифация VIII из рода Газтани с семейством Колонна. Два кардинала из этой фамилии были дружны с будущим папой и поддержали его кандидатуру на выборах. Но после провозглашения папой Бонифаций отказался выполнить условия сговора и расплатиться за свое избрание. В гневе покинули Колонна своего недавнего союзника. А вскоре их сородич напал с отрядом “верных” на кортеж, посланный папой за своей сокровищницей из города Ананьи в Рим. Папа предал семейство Колонна проклятию и приказал осаждать и разрушать повсюду родовые замки мятежников. По окончании войны (окончившейся в пользу папы) прекраснейший из замков Колонна – Палестрина был буквально стерт с лица земли.

Битвы и целые войны сотрясали столетиями земли Римской Провинции. Сражения разгорались и затухали, замки и крепости разрушались и укреплялись вновь сильнее прежнего. Но ни город-коммуна Рим, ни владетельные аристократы, ни сам папа долгое время не могли прочно объединить эти территории под своей верховной властью.

* * *

Итак, мы бегло осмотрели пеструю панораму: Рим и римские окрестности в Средневековье. И остаемся в недоумении: чем особенно отличалась жизнь Вечного Города от жизни городков и бесчисленных замков округи? Те же цитадели и церкви вырастали на античных развалинах, такие же непрекращающиеся сражения за старые башни и виноградики, бойкая торговля съестным на мраморных постаментах сброшенных статуй... Вряд ли мы поймем, как же продолжал сиять для современников сквозь эти грубые реалии образ Вечного Города, символического ключа к мировому господству, без которого не открывался путь ни императорской, ни папской власти...

ЛИТЕРАТУРА

Carossi S. Baroni di Roma. Roma, 1993.

Codice diplomatico del Senato Romano. Roma, 1948. V. 1.

Brentano R. Rome before Avignon. A Social History of Thirteenth Century. Rome; N.Y. 1974.

Cortonesi A. Terre e signori nel Lazio medioevale. Un economia rurale nei sec. XIII–XIV. Napoli, 1988.

Dupre-Teseider E. Roma dal comune del popolo alla signoria pontificia. Bologna, 1952.

Il Lazio meridionale tra papato e impero al Tempo di Enrico VI. Roma, 1991.

Statuti della città di Roma / A cura di Re C. Roma, 1880.

Tomassetti G. La campagna romana antica, medievale e moderna. Roma, 1910; Vol. 1–2. Roma, 1925. Vol. 3–4.

Toubert P. Les structures du Latium médiéval: Le Latium méridional et la Sabine du IX a la fin du XII siècle. Roma, 1973.

КЕНИГСБЕРГ – ГОРОД-КРЕПОСТЬ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА XIII–XIV веков

Изучение ранней истории Кенигсберга представляет немало сложностей, так как архивы города, относящиеся к тому далекому времени, почти полностью погибли. Почти не уцелели и архитектурные памятники того времени. Значительную часть сохранившейся информации о Кенигсберге XIII–XIV вв. доносят орденские хроники XIV в., составленные Петром из Дусбурга и Вигандом Марбургским; в меньшей мере могут быть использованы письменные источники других европейских стран.

Датой основания Кенигсберга принято считать 1255 год, когда для участия в военных действиях Немецкого ордена в Пруссии с большим войском пришел король Богемии (Чехии) Отакар (Пржемысл) II. По материнской линии (Кунигунда, дочь Филиппа Швабского) он был правнуком Фридриха I Барбароссы. Будучи одним из претендентов на германскую корону, он надеялся своим походом на Пруссию укрепить свои шансы на избрание германским королем. В январе 1255 г. войско крестоносцев выступило из Эльбинга на Самбию¹ и прошло по ней с огнем и мечом. На завоеванной земле, на р. Прегель, была воздвигнута крепость Кенигсберг, получившая свое название в честь чешского короля (от нем. König). Таково сообщение Петра из Дусбурга. Хотя современные событию источники связывают название Кенигсберг только с королем Пржемыслом, среди историков существует также мнение, что оно могло возникнуть в память об одноименной крепости Ордена в Палестине. Прусское же наименование крепости было Тувангсте (от названия близлежащего леса).

В 1286 г. между крепостью и р. Прегель поднимался Старый город, к востоку от которого располагался Лебенихт (от названия речушки Лебо, или Лебе), или Новый город, основанный в 1299–1300 гг. К югу от Старого города, в западной части одного из островов на реке, находился город Кнайпхоф (основан в 1327 г.), получивший собственное городское право. Таким образом, существовало три независимых друг от друга города, каждый со своим рынком и церковью, и орденская крепость. Единый Кенигсберг возник из этих составных частей лишь в 1724 г.

---

¹ Самбия – земля прусского племени самбов, занимавшая Самбийский полуостров до рек Прегель на юге и Деймы на востоке. Комтуром крепости стал Бургард фон Хорнхаузен, “со многими братьями и оруженосцами”. Впоследствии крепость была перенесена на новое место и “обнесена двумя каменными стенами с 9 башнями”.

Впервые городские привилегии были даны Старому городу прусским магистром Конрадом фон Тирбергом (1283–1288) 28 февраля 1286 г. на Кульмском праве. Тем самым выражалось признание верности горожан Ордену во время восстаний пруссов. Городу жаловались земельные угодья и ряд хозяйственных и юридических прав. Одновременно очерчивались границы юрисдикции Ордена и города.

Кенигсберг получал в вечное пользование (*in perpetuum*) поля, луга, пастбища, леса, болота, озера, реки, острова и рыбные ловы. Городу была пожалована дальняя (*superior*) часть большого острова Вердер на р. Прегель, тогда как ближняя часть (*inferior*) была оставлена для общего пользования Ордена и горожан. Так называемый остров Фогта сохранялся за Орденom, но горожанам было позволено держать там сено, дрова и зерно в амбарах. Особо оговаривалось, что в случае военных действий все острова должны в равной мере принадлежать и Ордену, и горожанам. Все горожане получали свободу рыбной ловли на море и в реке “всеми рыболовецкими снастями..., кроме сети, называемой неводом”, за исключением трех мест, которые не названы, но в которых ловить рыбу могут только братья Ордена. Город получал также лесные угодья для заготовки леса на дрова и на строительные нужды.

В судебной сфере предусматривались случаи взаимного оскорбления, увечья или убийства среди пруссов, принадлежавших Ордену или людям Ордена. В этом случае право суда предоставлялось исключительно Ордену. В случае нанесения оскорблений или причинения физического насилия горожанину или немцу-рыцарю прочими пруссами суд совершался городским судьей. То же касалось и судебных тяжб относительно собственности.

Из текста грамоты явствует, что население Кенигсберга в конце XIII в. состояло из немцев и, в значительной части, из пруссов, вероятно, крещеных. По причине скудости источников определить точное число жителей средневекового Кенигсберга не представляется возможным. Ф. Гаузе называл цифру 8–10 тысяч человек, но современный немецкий историк В. Паравичини считает ее несколько завышенной.

В городе чеканилась (1261–1262) собственная монета (кенигсбергский денарий), развивались ремесла и торговля. В XIV в. Кенигсберг вошел в Союз прусских городов, составлявших часть Ганзы: помимо Кенигсберга в него входили: Кульм (Хелмно), Торн (Торунь), Эльбинг, Данциг (Гданьск) и Браунсберг.

Кенигсберг имел для Ордена важное стратегическое значение. Воздвигнутая на 40 метровом холме, омываемом излучиной р. Прегель, крепость была надежно защищена самой природой: с запада, севера и востока ее окружала болотистая равнина. Одновременно крепость блокировала и держала под контролем судоходство по р. Прегель, а также подступы к Неману. По своей значимости Кенигсберг занимал второе место в Пруссии после Мариенбурга, куда в 1309 г. была перенесена из Венеции резиденция великого магистра. В XIV в. Кенигсберг стал крепостью верховного маршала Ордена, который одновременно был и гла-

вой (комтуром) комтурства² Кенигсберг, владения которого простирались до самой Литвы. В его руках сосредоточивалось управление Восточной Пруссией. Среди подчиненных маршала был фогт Самбии, а также наместники в Лохштедте, Таппиау, Гердау и Инстербурге.

Первые годы существования Кенигсберга совпали с началом второго антинемецкого восстания пруссов (1260–1274), когда пруссы осадили замки Кенигсберг, Крейцбург и Бартенштейн, доведя их гарнизоны до жестокого голода. Борьба велась с переменным успехом. В 1262 г. пруссы потерпели поражение от Ордена у деревни Склуниен близ Кенигсберга; тогда, по словам хрониста, “с обеих сторон многие были ранены и убиты,... в тот день было убито более трех тысяч самбов и прочих пруссов”. Затем пруссы пытались помешать продвижению по р. Прегель судов, везущих провизию в Кенигсберг, а затем соорудили “мост через реку Прегель, а на каждом конце моста прочное укрепление в виде башни...”, чтобы держать под контролем пути, ведущие в Кенигсберг. Упоминает хронист и о неоднократных штурмах крепости восставшими пруссами, впрочем, безрезультатных.

Освободительная борьба прусского и литовского народов с Тевтонским орденом продолжалась и в XIV в., о чем повествуется в “Новой прусской хронике” Виганда Марбургского. Кенигсберг в то время был опорным пунктом, откуда выступали войска для подавления восстания “язычников”.

По поручению великого магистра и в его отсутствие возглавлять военные операции Ордена должен был маршал, который по праву считался вторым после великого магистра лицом в Пруссии. Именно к нему, в Кенигсберг, прибывали рыцари из разных стран Европы, желавшие участвовать на стороне Ордена в войне с “язычниками”. Особенно значительную роль Кенигсберг стал играть во второй половине XIV в., когда усилился приток в Пруссию рыцарей практически из всех европейских стран. Именно он служил своеобразным плацдармом для походов (так называемые “рейзы”) на Литву, продолжавшихся почти до самого конца XIV в. Об участии иноземных рыцарей в военных действиях Тевтонского ордена долгое время напоминали геральдические знаки европейской знати, запечатленные на витражах церкви св. Марии в Кенигсберге. Среди гостей Ордена в Кенигсберге бывал Генрих Дерби (будущий английский король Генрих IV) и французский маршал Жан Бусико, произведенный в маршалы в Кенигсберге королем Карлом VI (1390).

Каждый из независимых городов, составляющих Кенигсберг, имел собственную церковь. В Старом городе это была церковь св. Николая, в Лебенихте – церковь св. Варвары (строилась в течение 1333–1351 гг.). Церковь св. Николая упомянута Петром из Дусбурга в весьма характерном контексте: “Вокруг приходской церкви святого Николая на горе близ замка Кенигсберг братья поставили некий город, но неожиданно нагрянули самбы, и поскольку он не был хорошо укреплен, то, взяв в плен

---

² Комтурство – административно-территориальная единица Немецкого ордена, находящаяся под властью комтура (командора), имевшего военные, судебные и прочие полномочия.

и убив многих людей, они подвергли его плачевному разрушению. Вот почему после он был перенесен в долину между рекой Прегель и замком, в то место, где стоит по сей день”.

1325–1380 гг. – время воздвижения Домского собора; первый Домский собор (1302) находился в Старом городе. Великий магистр Ордена Лютер фон Брауншвейг (1330–1335) незадолго до смерти поднес дары Домскому собору в Кенигсберге и выбрал место своего погребения в центре хоров собора. “Брат Лютер фон Брауншвейг, магистр, – пишет Виганд Марбургский, – погребен был на хорах [церкви] каноников в Кенигсберге”.

Домский собор нередко становился и местом захоронения останков погибших в Пруссии знатных рыцарей. Среди них – англичанин Джеффри Скруп, сражавшийся в Пруссии и Литве, где и погиб в начале 60-х годов XIV в. Тело его было переправлено в Кенигсберг.

В честь победы, одержанной рыцарями над литовцами в битве на Стреле (приток Немана) в феврале 1348 г., великий магистр Ордена Генрих Дусмер (1345–1351), согласно обету, начал строительство в Кенигсберге “девичьего монастыря”. Это был монастырь св. Марии в Лебенихте. Сооружение его продолжалось не один десяток лет. Среди других церковных сооружений известны часовни: при лепрозории св. Георгия, переданная магистрату Старого города в 1329 г.; часовня Антония в Кнайпхофе, впервые упомянутая в 1369 г....

ЛИТЕРАТУРА

Dehio G., Gall E. *Deutscherdensland Preissen.* München; Berlin, 1952.

Detlefsen R. *Die Domkirche in Königsberg und in Preussen nach ihrer jungsten Wiederherstellung.* Berlin, 1912.

Franz W. *Geschichte der Stadt Königsberg.* Königsberg, 1934.

Franz W. *Vom Blutegericht zu Königsberg.* Königsberg, 1970.

Gause F. *Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen.* Köln; Graz, 1965. Bd. I.

Krollmann C. *Die Entstehung der Stadt Königsberg.* Königsberg, 1939.

Maass W. *Der Königsberger und preussische Handel bis 1410 im Rahmen der allgemeinen Handelsbedingungen: Inaug.-Diss.* Berlin, 1926.

Tumler M. *Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400, mit einem Abriss der Geschichte des Ordens bis zur neuesten Zeit.* Montreal; Wien, 1955.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ ФАМАГУСТЫ В XIII–XIV ВЕКАХ

Кипрский торговый порт Фамагуста находился на восточном побережье острова. Именно в этот город сходились торговые пути левантийско-ближневосточного торгового региона, там аккумулировались капиталы и концентрировались товары купцов Европы и Азии.

Путешественники и паломники эпохи Лузиньянов не раз отмечали выгодное географическое положение Фамагустаны и поражались ее богатствам. Автор XIV в., Этьен де Лузиньян рассказывает интересную ле-

генду о происхождении названия города: «Во времена Птолемея, царей Египта и Сирии, Фамагуста называлась Арсеном (Arsenoe). Это и есть известный и прекрасный город Фамагуста, который подвергался бесконечным атакам и разрушениям... Он находится на берегу Восточного моря, и его маленький порт был укреплен дубовой стеной. Свое название город поменял во времена Цезаря Августа, который одержал победу над царицей Египта и Кипра Клеопатрой. В связи с этим он назвал город Фамагустой, что означает “Славный” (Renommes, Gloire d’Auguste). Греки дают другую этимологию. Они называют его Amogoste, что значит “скрытый в песке”, потому что вокруг города огромное количество песка. Говорят, что латиняне исказили имя города, называя его “Фамагустой”». Этьен говорит также, что Фамагуста была богаче столицы Кипра Никосии. Именно в Фамагусте проживали самые богатые горожане, которых он называет грандами.

Современные историки объясняют расцвет Фамагусты не только выгодой ее географического положения и связями с азиатским побережьем Средиземноморья, но и тем, что иностранное купечество пользовалось здесь многочисленными торговыми привилегиями, эффективной поддержкой со стороны местных монархов, что способствовало развитию обмена и было выгодно обеим сторонам.

Расцвет международной торговли и увеличение численности населения в то время способствовали расширению границ города, активизации в нем светского, церковного и фортификационного строительства. Сами масштабы города, находившегося, в сущности, на территории очень небольшого государства на окраине христианского мира, также удивляли и восхищали современников. Фон Зухен, автор XIII в., писал, что в Фамагусте “становятся на якорь корабли со всего моря и из всех королевств; скапливаются паломники и купцы. Она (Фамагуста – С.Б.) находится прямо против Армении, Турции и Акры. Это самый богатый из всех городов, а ее жители самые богатые из людей. Когда какой-то горожанин выдавал замуж свою дочь, то драгоценные камни ее венка были оценены французскими рыцарями, которые пришли вместе с нами (т.е. паломниками – С.Б.), как более дорогие, чем все украшения французской королевы”.

Справедливости ради нужно заметить, что для автохтонного населения жизнь в Фамагусте не всегда была тем раем, который зачастую видели паломники и путешественники. Дж. Хилл подчеркивал, что картина процветания и счастья на острове полностью искажена внешним блеском двора Лузиньянов и богатой торговлей Фамагусты, закрывавших сердцевину бедноты и притеснений. В качестве доказательства своего вывода исследователь приводит слова Виллибранда Ольденбургского, описавшего в 1211 г. франков как властителей страны, которым греки и армяне повиновались, словно вилланы, и платили дань, как сервы. Слова Дж. Хилла абсолютно верны в отношении социальной и этнической поляризации кипрского общества на протяжении всего XIII в. и не могут вызвать возражений. Для середины XIV в. уже невозможно не признать большее взаимовлияние и взаимодействие между латинским и греческим населением острова. Однако в данном случае для нас важна другая

сторона истории развития кипрского эмпория Фамагусты: каким образом Лузиньянам удалось добиться стремительного возвышения Фамагусты в международной левантийской торговле, что обеспечило в итоге расцвет экономики всего Кипрского королевства.

Первые попытки выделить Фамагусту среди других городов Кипра были сделаны королем Генрихом II (1285–1324). Несомненно, он хотел дать Фамагусте особый статус, который бы позволил королям династии Лузиньянов венчаться именно в этом городе иерусалимской короной и носить титул королей Иерусалима и Кипра. “После потери св. Земли, — пишет Ансельм Адорно, — король Иерусалима с князьями и баронами своими бежали на остров Кипр и перенесли сюда королевство Иерусалим”.

По мере завоевания мамелюками государств крестоносцев в Сирии существовавшие в них должности и титулы постепенно переходили на Кипр. Первым кипрским королем, носившим титул “король Иерусалима и Кипра”, был Гуго III (1267–1284). Он был венчан иерусалимской короной 24 сентября 1269 г. Вплоть до падения в 1291 г. Акры, последнего города крестоносцев в Сирии, коронация проходила в Тире. В 1286 г. сам Генрих II был венчан иерусалимской короной в Тире. С 1291 г. Фамагуста, до той поры являвшаяся простым епископством, стала олицетворением “святого города Иерусалима”, его преемницей и символом. Леонтий Махера писал следующее о стремлении Лузиньянов выделить город среди других кипрских городов: “Так как сарацины захватили Иерусалим, из-за вражды и многих других несчастий короли передали его титул Фамагусте, а также передали печати и монетный двор. И когда короли Иерусалима должны были короноваться, они приходили в Фамагусту” Здесь при коронации сохранялся церемониал бывшего Иерусалимского королевства, отличный от того, который был принят в столице Кипра Никосии. Именно в Фамагусте Лузиньяны жаловали своим приближенным титулы и должности Иерусалимского королевства. Таким образом, отличие Фамагусты от других городов Кипра проявлялось в ее теоретической принадлежности к Иерусалимскому королевству. Думается, именно потому, что город был уподоблен Иерусалиму, в 1295 г. папа Бонифаций VIII решил объединить епископию Антерадена (Тортозы), самую близкую к Фамагусте область Сирии, с епископией Фамагусты. В городе существовал также квартал Тортозы. Подобно тому как на Кипре сохранялись светские должности и титулы, перенесенные из государств крестоносцев, в 1295 г. на острове появился титул “епископ Фамагусты и церкви Антерадена”. В рамках епископии Фамагусты с этого времени действовали капитул, каноники, казначей церкви Антерадена. Таким образом, церковь Фамагусты также была поставлена в особое положение, что еще больше подчеркивало исключительный политический статус города.

Чтобы превратить Фамагусту в международный центр торговли, помимо системы покровительства и поощрения иностранного купечества, Генриху II пришлось приложить немало усилий для создания порта и фактически строительства заново города, максимально приспособленного и удобного для осуществления всевозможных торговых предприятий.

Прежде всего, необходимо было “повернуть” город непосредственно к побережью, сделав порт его своеобразным центром.

В XII – начале XIII в. Фамагуста действительно была маленьким, плохо укрепленным городом с небольшим причалом и единственными “Морскими воротами”. В начале XIII в., при Генрихе I (1218–1253), была возведена единственная башня, защищавшая подступ к городу. Сам порт занимал всего несколько сотен метров от одной башни до “Морских ворот”. Прибрежные скалы выполняли роль естественных волнорезов. Изначально город застраивался не столько вдоль побережья, сколько на небольшом расстоянии от него. Большая часть города уходила от берега в глубь острова. Лишь при Генрихе II была построена дамба, позволявшая приблизить город непосредственно к порту. Дамба простиралась от городской цитадели до входа в порт Фамагустан. В XIV в. Фамагусту называют “одной из основных гаваней моря и мира”. Все без исключения отмечают наличие прекрасного и удобного порта.

В начале XIII в., по свидетельству Виллибранда Ольденбургского, город был фактически не укреплен; его окружала лишь небольшая стена, более похожая на изгородь. Этьен де Лузиньян пишет, что городские стены начали сооружаться только при Генрихе II и были закончены во время его изгнания узурпатором Амори в 1310 г. Мартони пишет о городских укреплениях Фамагустан следующие: “Названный город имеет самые прекрасные стены, которые я видел в каком-либо другом городе... и много высоких башен вокруг них”. Далее автор отмечает, что эти стены построены из такого же прочного камня, как мрамор.

Существовало всего лишь две возможности проникнуть в город: либо через “Морские ворота”, либо через “ворота Лимассола”, располагавшиеся в юго-западном углу города. Стены со стороны суши были укреплены многочисленными башнями и бастионами и окружены рвом. Со стороны моря стены были укреплены тремя башнями: Арсенальной башней (располагалась в юго-восточном углу города и получила свое название из-за близости арсенала), башней Карпаси в северо-восточном углу города и Сеньориальной башней, находившейся на небольшом расстоянии от башни Карпаси. Наиболее укрепленной частью города была, конечно, цитадель, располагавшаяся непосредственно напротив входа в порт. Она представляла собой вытянутый прямоугольник с плато в центре и четырехугольными башнями по углам, за исключением северо-восточного угла, который выходил к дамбе и защищал вход в порт. Цитадель, которую еще называли королевской крепостью, также была окружена глубоким и широким рвом, заполненным водой. Судя по плану города, составленному на основании археологических исследований, ширина рва доходила до 40 м. Никола де Мартони рассказывает, что “замок выброшен в море; он поворачивается к городу своей четвертой стороной и почти неприступен, но он имеет скромные размеры”. Об этом пишет и Ансельм Адорно. Итак, в XIV в. Фамагуста превратилась в город-крепость, представлявший собой в плане неправильный четырехугольник (1500 на 700 м), растянувшийся вдоль побережья с севера на юг.

Наконец, самая главная проблема, которая была успешно решена, – создание широкого рынка, подобного тому, которым привыкли

пользоваться средиземноморские купцы в Сирии. Для торговых нужд в Фамагусте приспособлялись целые улицы и площади-рынки, строились лоджии короля, венецианцев, генуэзцев, пизанцев, здания для обмена денег и сбора налогов (*commerchium, commercium Famaguste*), фондако, станции, банки и лавки, где ежедневно встречались купцы из самых разных городов Европы и Востока, где заключались торговые сделки, где кипела деловая жизнь делового города.

Основной торговый район города непосредственно примыкал к порту и находился между пристанью и кафедральным собором св. Николая; вдоль побережья он простирался от латинской церкви св. Георгия (находилась рядом с цитаделью) до госпиталя св. Антония (250 м южнее “Морских ворот”). Мартони говорит о том, что в центре города, между собором св. Николая и королевским дворцом, находилась большая торговая площадь. Эмануэль Пилоти сообщает, что в городе была специальная улица с прекрасными торговыми прилавками, принадлежавшими христианам Запада. Самыми же лучшими из них владели пизанцы. Действительно, расстояние между кафедральным собором и королевским дворцом было около 150 м. Между ними находилась главная торговая площадь, от которой отходили две основные торговые улицы города. Одна из них шла до “Морских ворот” Именно на этой улице происходила самая бойкая торговля в городе. Вторая улица вела от центральной площади в северную часть города. По сообщению того же Пилоти, на ней располагались лоджии западноевропейских государств. Дома западноевропейских купцов также находились вблизи и вокруг площади-рынка. Королевская лоджия непосредственно примыкала к королевскому дворцу и имела вид закрытой готической галереи, выходившей на улицу. Согласно хронике Ф. Бустрона, ее строительство было закончено при узурпаторе Амори в 1310 г., т.е. одновременно с городской стеной и цитаделью. Чуть севернее королевского дворца располагались церкви тамплиеров и госпитальеров. Именно эти улицы и площадь и создавали тот “самый богатый рынок”, которым так восхищались современники. Именно здесь “приобреталось тонкое золото Арабии, – пишет Филипп де Мезьер, – драгоценные камни, специи, прекрасная корица, благовония, златотканые материи, шелк и все богатства мира, которыми был милостиво вознагражден весь христианский мир, нуждавшийся во всем этом”

Район компактного проживания греков, коренного населения острова, находился в южной части города. Здесь же был построен основной собор греков, собор св. Георгия. Иудеи селились прежде всего на юго-западе, вблизи “ворот Лимассола”. Создается впечатление, что сирийцы, представленные различными этническими и конфессиональными группами, а также армяне поселялись главным образом вдоль западной границы города. Однако, как представляется, Фамагуста не была четко разделена на кварталы по этническому признаку. Многочисленные этноконфессиональные группы не столько соседствовали, сколько сосуществовали между собой. Необходимость такого сосуществования касалась и западноевропейского купечества. Ни одно из западноевропейских государств не имело в Фамагусте своего квартала. Всем без исключения бы-

ло запрещено обносить стеной какой бы то ни было район внутри города, что было позволено генуэзцам, венецианцам и пизанцам в Акре. Возможно, памятуя о пагубных последствиях для города Акры от постоянных вооруженных столкновений между жителями различных европейских кварталов, похожих скорее на маленькие крепости внутри города, возможно, памятуя также о пагубных последствиях для самой королевской власти, фактически потерявшей всякий контроль над деятельностью иностранных предпринимателей в Акре, Лузиньяны никогда не допускали столь резкой поляризации иностранного купечества на территории своего королевства.

При Генрихе II начинается активное церковное строительство, призванное в конечном итоге также обеспечить нормальную жизнь густонаселенного средневекового города. При этом короле начинается строительство уже упоминавшегося самого большого на острове латинского собора св. Николая. Великолепный, богато украшенный внешне трехнефный храм св. Николая является едва ли не лучшим образцом готики во всей Латинской Романии. Ф. Амади и Ф. Бустрон говорят о том, что строительство собора было начато в 1308 г. Завещания, составленные генуэзским нотарием Ламберто ди Самбучето, сообщают о погребениях в названном соборе с 1296 г. М. Балар, основываясь на этих документах, считает, что строительство собора длилось в течение 20 лет, но с декабря 1296 г. в нем совершались обряды. В одном из венецианских завещаний сказано о службе в соборе уже в январе 1294 г. Следовательно, начальную дату можно отодвинуть на несколько лет раньше. Ламберто ди Самбучето называет также многие другие церкви и монастыри Фамагусты. Часто упоминаются церковь и кладбище св. Михаила, которые, однако, находились за пределами города. Итак, церковное строительство в конце XII – первой половине XIV в. было в полном разгаре.

С середины XIV в. более активную роль в экономической и культурной жизни Кипра начинает играть греческая община. Греческие купцы охотно вкладывали деньги в строительство новых православных храмов. Наиболее ярким примером служит собор св. Георгия в Фамагусте, полностью построенный на деньги богатых греческих купцов и судовладельцев города между 1360–1370 гг. Этот собор, противопоставленный самому крупному на Кипре латинскому собору св. Николая своим богатством и размерами и расположенный не так далеко от последнего (около 200 м), стал своеобразным символом возрождения и укрепления греко-православной церкви Кипра, возрастания ее влияния на население королевства.

Крупные преобразования в городе, предпринятые Лузиньянами на рубеже XIII–XIV вв., создание благоприятных, а зачастую льготных условий для купечества, позволили превратить Фамагусту в важнейший центр транзитной торговли Леванта, обеспечили ее экономическое процветание и привлекли в восточный кипрский порт многочисленных купцов со всего Средиземноморья. Это первенство в левантийской торговле город сохранял с 1290-х до 1373–1374 г. Тлеющая вражда между Венецией и Генуей вылилась при коронации Пьера II (1372) в конфликт, который, как полагает Хилл, “означал начало конца Лузиньянов как не-

зависимых королей Кипра". Споры генуэзцев и венецианцев из-за Фамагусты длились несколько лет. Киприоты, выступившие в этих событиях на стороне Венеции, оказались втянутыми в длительную войну с могущественным врагом – Генуей. Спор, в действительности исходивший от Венеции, должен был решаться исключительно между Кипром и Генуей. В 1432 г. король Кипра Пьер II безоговорочно уступил самые важные области острова генуэзцам, и Фамагуста попала под генуэзское господство, продолжавшееся вплоть до 1464 г., когда королю Жаку II (1464–1473) удалось вернуть ее королевству Лузиньянов.

ЛИТЕРАТУРА

Близнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М., 1994.

Balard M. Famagouste au début du XV e siècle // Fortifications, portes de villes, places publiques dans le monde Méditerranéen / Publ. J. Heers. P., 1987.

Balard M. Il paesaggio urbano di Famagosta negli anni 1300 // Storia dei Genovesi, 1985. T. 5.

БЕРЛИН – “СРЕДНИЙ ГОРОД”

До начала XVIII в. на месте современной столицы Германии, точнее, ее центральной части, стояли два города, располагавшихся друг против друга на противоположных берегах реки Шпрее: Берлин и Кёллн. В 1709 г. Берлин, Кёллн и три ближайших пригорода были слиты в единую городскую общину, которая и получила название Берлин. Правда, и средневековый двуединый город Берлин-Кёллн чаще всего называют просто Берлином. Первое документальное упоминание Кёллна относится к 1237 г., а Берлина – к 1244 г. Долгое время бытовало мнение, что оба города были основаны на пустом месте по воле маркграфа, однако археологические исследования последних десятилетий доказали, что здесь и прежде существовали поселения, созданные в XII в. купцами из области Нижнего Рейна – Вестфалии. Отсюда и название Кёллн (Kölln, Cölln, Colonia; рейнский Кёльн пишется Köln). Эти поселения, служившие опорными пунктами для ведения нижнерейнскими купцами внешней торговли, возникли в стороне от какого-либо княжеского бурга и независимо от него. Вскоре Берлин-Кёллн стал центральным рынком и ремесленным центром для новых поселений, возникавших в ходе экспансии немецких феодалов против полабских и поморских славян. По мере продвижения немцев на Восток Берлин-Кёллн все больше перерастал из опорного пункта в центр внешней торговли. И превращение купеческого поселения в полноценный средневековый город происходило без участия князей и без опоры на княжеский бург. Первый и к тому же неукрепленный двор маркграфов из рода Асканиев в Берлине упоминается в источниках лишь в 1261 г.

Средневековый Берлин занимал площадь 47, а Кёллн 23 га. Оба города соединялись насыпной дамбой, служившей для регулирования уровня воды в Шпрее и приведения в действие водяных мельниц, и так называемым Длинным мостом. Берлин-Кёллн был обнесен городской стеной, возвышавшейся более чем на 6 м и имевшей боевые и дозорные башни и пять ворот. Там, где Шпрее втекала в город и вытекала из него, в дно реки были вбиты ряды свай, а проход для судов открывался и закрывался плававшим в воде бревном. К дамбе примыкала центральная часть Кёллна с рыночной площадью, приходской церковью Св. Петра и ратушей. Напротив, на другом берегу, располагалась древнейшая часть Берлина со Старым или Молочным рынком, приходской церковью Св. Николая и своей ратушей. На Молочном рынке стояло изваяние Роланда – символ средневековых городских свобод. Приходские церкви, а также церковь монастыря францисканцев являются важнейшими памятниками берлинской кирпичной готики. Большинство домов в средневековом Берлине было построено из дерева и глины (т.н. фахверковые строения) и не сохранилось до наших дней. За стенами города простирались принадлежавшие ему земельные угодья: сады, поля, луга. Сельское хозяйство служило важным подспорьем, а для многих горожан и основным источником средств к существованию.

По оценочным данным, население Берлина-Кёллна в средние века составляло 6–7 тысяч человек, т.е. он был средним по величине торгово-ремесленным городом. Для его социальной структуры характерна дифференциация, типичная для того времени. В уставах, принимавшихся городским советом, упоминаются наряду с членами совета (патрициями) члены цехов и простые бюргеры; к последней категории относились лица, обладавшие гражданскими правами, но не являвшиеся членами цехов. С конца XIV в. обычной стала сословная формула: “члены совета, члены четырех цехов и простые бюргеры”, причем представители младших цехов относились к последним. Старшими были цехи пекарей, мясников, сапожников и суконщиков. Берлинский совет состоял из 12 членов, в том числе двух бургомистров, Кёллнский – из 6, включая бургомистра. Члены совета занимали свою должность пожизненно. Кроме того, различались низшие городские слои, не обладавшие вовсе или обладавшие ограниченными гражданскими правами.

В состав патрициата входили наиболее богатые купцы, а также бюргеры, имевшие большие доходы от земельной собственности или состоявшие на службе у маркграфа. Эта верхушка богачей составляла 10% от всего населения города. Средние городские слои включали в себя непатрицианское купечество, цеховых мастеров, а также наиболее зажиточных мелких торговцев. Их доходы позволяли им иметь городской земельный участок с домом, владение которым являлось, по Магдебургскому городскому праву, регулировавшему в Средние века жизнь городов на востоке Германии, обязательным условием для получения гражданских прав. К низшим городским слоям относились, прежде всего, подмастерья, многие из которых уже с XIV в. пожизненно оставались в этом звании. Собственно плебейство было представлено поденщиками, носильщиками, грузчиками, подсобными рабочими и слугами. Они жили

в лачугах или у чужих людей. На долю этой категории приходилось более половины населения города. Численно небольшую, но влиятельную группу составляло духовенство.

Маргинальной городской группой являлись евреи, впервые упоминающиеся в Берлине в 1295 г. Во второй половине XV в. они уже могли приобретать гражданские права.

Берлинские купцы активно вели торговлю в Гамбурге, где они пользовались таможенными льготами, и на рынках Фландрии. Из Берлина по Шпрее, Гавелю и Эльбе провозили через Гамбург во Фландрию рожь, древесину, поташ, воск, холст, а оттуда везли сукна, медь, свинец, цинк и железо. Сельдь и рыбий жир, закупленные в Гамбурге или Любеке, берлинские купцы везли как во Фландрию, так и домой. Тесные торговые связи Берлина с Гамбургом, Любеком, Штеттином и другими городами на побережье Балтийского моря обусловили его членство в Ганзейском союзе с 1358 по 1518 г.

Ремесло в средневековом Берлине-Кёльне имело лишь местное значение. Ремесленные цехи здесь вполне сформировались уже в XIII в. Изданные в 80-х годах XIII в. городским советом цеховые уставы обеспечивали ему контроль над цехами. Во главе цеха стояли два мастера, или назначаемые городским советом, или избираемые членами цеха. Берлинская городская книга, которая велась с конца XIV в., свидетельствует, что в городе было множество ремесленных специальностей. Хотя каждый ремесленник мог продавать свои изделия прямо дома, значительная часть продукции поступала на рынки и в специализированные лавки. Базарным днем в Берлине был вторник, а в Кёльне – пятница. 1 мая, 14 сентября и 1 ноября в Берлине, 10 августа и 11 ноября в Кёльне проводились ярмарки, открытые для ремесленников из других городов.

Городское развитие Берлина могло опереться на достижения коммунального движения XI–XIII вв. Получив Магдебургское право, Берлин сразу же обрел права и свободы, которых более старые немецкие города добивались в борьбе со своими феодальными сеньорами. Однако это еще не означало полной городской автономии. Маркграф назначал в городе своего шульца, который утверждал членов городского совета и был городским судьей. Он председательствовал в суде, состоявшем из семи шеффенов (4 от Берлина и 3 от Кёльна), оглашал и исполнял приговор. В 1307 г. Берлин и Кёльн объединились для решения общих политических и военных задач. Сформированный из советов обоих городов общий совет отвечал за отношения с сувереном, с другими городами, за приобретение и защиту городских прав и свобод. В знак объединения на Длинном мосту была построена общая ратуша. Во внутренних вопросах обе городские общины сохраняли известную самостоятельность. В 1317 г. маркграф Вальдемар расширил права Берлина-Кёльна настолько, что это давало полную городскую автономию в рамках территориального княжества. Однако в XV в. положение изменилось. С 1415 г. Бранденбургом правили курфюрсты из рода Гогенцоллернов. В 1441 г. в Берлине разгорелась борьба между городской верхушкой и массой торгово-ремесленного населения. Курфюрст Фридрих II, по прозвищу

Железный Зуб, вмешался и, играя на противоречиях сторон, лишил патрицианский совет его полномочий, фактически полностью подчинив себе город, что и было закреплено соответствующей грамотой 1442 г. На следующий год, как бы в ознаменование своей победы, курфюрст приступил к строительству в Берлине дворца, для чего была снесена часть городской стены.

Со второй половины XV в. происходит возвышение Берлина как резиденции Гогенцоллернов. Возросло и его значение как места проведения ландтагов курфюршества Бранденбургского. Достаточно прочным оставалось в XV в. и экономическое положение города. Вместе с тем в области образования, гуманистической учености, культуры и искусства Берлин и в XV в. сильно отставал от городов Южной Германии. Для получения высшего образования берлинцы вынуждены были ехать в другие края, чаще всего в Лейпциг, Эрфурт, Росток и Прагу. Таким образом, в XIII–XV вв. Берлин был одним из многих средних немецких торгово-ремесленных городов.

ЛИТЕРАТУРА

Barthel R. Neue Gesichtspunkte zur Entstehung Berlins // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1982. Bd. 30.

Bauer R. Berlin: Illustrierte Chronik bis 1870. Berlin, 1988.

Geschichte Berlins von den Anfängen bis 1945. Berlin, 1987.

Seyer H. Berlin im Mittelalter: Die Entstehung der mittelalterlichen Stadt. Berlin, 1987.

ОВЬЕДО – ГОРОД ПАЛОМНИКОВ

Овьедо – город на далеком горном севере Пиренейского полуострова – возник в тот момент, когда завоевание мусульманами полуострова лишило тех, кто остался вне их подчинения, столицы, крупных городских центров, древних святынь. Отсюда и судьба этого города, и его роль в жизни полуострова.

В 761 г. на горе Оветум несколько монахов основали обитель св. Винсента – весьма почитавшегося на полуострове святого. Вокруг него постепенно выросло поселение, видимо, настолько выделявшееся в этом безлюдном крае, что король Фруэла велел построить там для себя дворец и церковь Спасителя. При Альфонсо Целомудренном (791–842) город приобретает фактически роль столицы – королевской резиденции. Альфонсо перевел сюда свой двор, перенес в Овьедо из Бритонии епископскую кафедру, укрепил его стенами.

Подъем Овьедо при Альфонсо Целомудренном совпал и был напрямую связан с идейным движением “неоготицизма” (попыткой связать существование, историю Астурийского королевства и деятельность и происхождение его королей с Вестготской монархией). Овьедо стал восприниматься как второй Толедо, или по крайней мере его наследник –

urbs regia. Передача традиции подкреплялась и легендой, согласно которой мощи св. Винсента и других святых были перевезены “добрыми христианами” сначала из Иерусалима в Толедо, а затем, с приходом мусульман, — “епископами и прелатами Испании” на гору у Овьедо. Дважды спасенные от несправедливых рук реликвии освящали город и все королевство. При Альфонсо II заново отстроенный собор Спасителя получил большие земельные владения и приобрел этот комплекс реликвий, а позднее также мощи святых Лукреции, Эулалии, Серрано, Флорентины, Эвлогия, Пелайо, Винсента, Юлиана; часть креста Иисуса Христа, камень от гроба Господня, кусок рубахи Иисуса, кусочек хлеба с тайной вечери и многое другое. Кроме того, Альфонсо II даровал собору так называемый Крест Ангелов, который впоследствии также стал источником легенд и чудотворным средством.

При Альфонсо II “столица” была перенесена в Леон (910 г.). Реконкиста, ушедшая на юг, лишила Овьедо возможности играть роль королевского города. В X в. он пережил тяжелые времена, хотя и сохранил статус цивитас как епископский город. Короли лишь изредка наезжают сюда. В начале XI в. епископом стал Понсе да Тавернолес, каталонец по происхождению. Он попытался возродить город, основываясь на его значении как религиозного центра. Именно при нем получили широкое распространение легенды о спасении реликвария. И действительно, слава Овьедо вновь начала расти. Милость королей тоже вернулась к городу. Фернандо I часто бывал в Овьедо, приезжал поклониться всеиспанским святым и могилам астурийских королей. Альфонсо VI, будущий покоритель Толедо, в 1075 г. устроил здесь торжественную церемонию, включавшую ритуал обнаружения ларца с реликвиями, на которой присутствовали весь двор и весь цвет королевства.

Овьедо стал привлекать к себе паломников. Многие из них стремились в Сантьяго, но по пути туда или обратно сворачивали к Спасителю Овьедо. Трудная дорога, через опасные перевалы и крутые горы, не отпугивала пилигримов, а скорее притягивала, воспринимаясь как искупление на пути к прощению и спасению. Известность Овьедо росла с помощью создания и распространения житийной литературы, появления путеводителей, где к тому же описывались и совершавшиеся в Овьедо чудеса, молва о которых расходилась с толпами паломников. В конце XI–XII в. Овьедо считался вторым по значению местом поклонения после Сантьяго де Компостела. О нем оставляют записи французские хронисты; а участник и хронист крестового похода и осады Лиссабона клирик из Англии Осборн считал, что “церковь Спасителя обладает самыми ценными реликвиями во всей Испании”. Начиная с Альфонсо VI (вторая половина XI в.) государи Леона, Кастилии и других королевств почитали Овьедо наравне с Сантьяго и осыпали его дарами и земельными владениями в разных местах полуострова; в частности, капитул Овьедо владел половиной города Туделы.

Уже Альфонсо III отдал церкви для нужд паломников свой дворец в Овьедо — он получил название “дворца франков”, ибо останавливались в нем преимущественно паломники из-за Пиренеев. Постепенно сложилась целая система обслуживания паломников вдоль всей дороги через

Кантабрийские горы к Овьедо. На перевалах устраивались приюты, где путники могли найти кров, пищу и лечение в случае нужды. В трудных местах паломников сопровождали проводники. Сам Овьедо как бы живет за счет паломников, как и многие другие города на “дороге франков”: здесь много ремесленников, в том числе иноземцев, которые обслуживают путников; в городе процветают постоянные дворы, но наряду с ними существуют и приюты; в том же русле можно рассматривать и создание в XIV в. братства Спасителя, вступление в которое было свободным (если не считать ежегодного взноса); наконец, в XIV–XV вв. Овьедо переходит к практике продажи индульгенций, тем самым вызвав очередной всплеск своей популярности.

Однако XIV–XV вв. для Овьедо – все-таки скорее эпоха воспоминаний о былой славе. Папские буллы, расширявшие компетенцию Овьедской церкви и даровавшие каждый раз все большие права индульгенции, в середине этих столетий ненадолго оживляли жизнь города. Событиями являлись чудесные исцеления, которые продолжались здесь и в то время и даже, в духе эпохи, нотариально фиксировались. Традицией стали многочисленные процессии, на которые тоже съезжались верующие. В город нередко приходили люди из дальних областей полуострова – из Андалусии, Каталонии, проделав всю дорогу пешком.

Таким образом, Овьедо несколько столетий живет как город паломников. Не только повседневная жизнь горожан, но и его экономика была тесно связана и зависела от потока паломников. Основывая братство Спасителя, добиваясь от папы буллы с привилегиями, епископ Хуан в XIV в. открыто говорит об обнищании, запустении города и необходимости восстановить его. Обладание сакральными ценностями в полной мере становится и осознается основным источником процветания и дохода.

ЛИТЕРАТУРА

Caso F. La construcción de la catedral de Oviedo. Oviedo, 1981.

García Larragueta S.A. “Sancta Ovetensis”. La catedral de Oviedo, centro de vida urbana y rural en los s. XI al XIII. Oviedo, 1962.

De la Peña J.I., Suárez Beltrán S. y otros. Las peregrinaciones a San Salvador de Oviedo en la Edad Media. Oviedo, 1990.

Valina Sampedro E. El camino de Santiago. Madrid, 1971.

КОПЕНГАГЕН: СУДЬБА “ГАВАНИ КУПЦОВ”

Копенгаген не относится к числу наиболее старых датских городов. Сохранились сведения анналов от середины XI в., что напротив о. Амагер, в Зеландии, на пологом участке берега Зунда, располагается рыбацкое местечко Хаун. Вероятно, оно уже тогда активно посещалось торговцами и викингами и, возможно, было как-то укреплено. В 30-е гг.

XII в. неподалеку от него появился один из первых датских замков – в виде многоэтажной круглой башни. Судьба местечка круто изменилась в блистательную для средневековой Дании “эпоху Вальдемаров” (середина XII–последняя треть XIII в.), когда в Дании были оформлены феодальные отношения и страна пережила мощный общественный и культурный подъем. Король Вальдемар I Великий подарил Хаун с прилегающей территорией своему “клятвенному брату”, другу детства и соратнику Абсалону, бывшему тогда Роскильским епископом, впоследствии – архиепископом. Это был человек, во многих отношениях замечательный: церковный и государственный деятель, воин, мудрый советник двух государей, просветитель и патриот, он задумал превратить полученное владение в цитадель, равно пригодную для защиты от пиратов и вообще внешних врагов, и для консолидации Дании. Он возвел здесь маленькую крепость (все первые замки и крепости Дании были небольших размеров) в форме неправильного круга, с башней. Ее стены были сложены у основания из крупных булыжников, выше – из тесаного камня. В центре современного Копенгагена, глубоко под великолепным замком – королевской резиденцией Кристиансборгом – археологи обнаружили остатки круглой стены и самого замка Абсалона, который почитается как основатель будущей датской столицы. Не менее известный современник событий, деятель датской культуры, клирик и писатель Саксон, позднее прозванный Грамматиком, свидетельствует, что закладка замка произошло в 1167 г., каковая дата и считается временем основания Копенгагена. Заложенный на холме, непосредственно у залива, по берегам которого селились рыбаки, с гаванью, охотно посещаемой купцами, которые совершали здесь свои торговые сделки, замок оброс предместьем. Наличие крепости и торговые привилегии, пожалованные Абсалонам Хауну, способствовали превращению его в город, который получил адекватное наименование: Копенгаген (Copenhagen), т.е. “гавань купцов”.

Новый городок привлекает население, постепенно растет, получает муниципальные привилегии, но лишь с рубежа XIII–XIV вв. становится заметным центром. В отличие от подавляющего большинства скандинавских городов, Копенгаген со времен Абсалона и в течение пары последующих столетий был собственностью Роскильских архиепископов, т.е. его сеньором был не король. Между тем, как раз для королевской власти он представлял, несомненно, большой интерес. Во-первых, в “клочковатой” Дании, состоящей из разделенных морем областей-ландов, именно Зеландия являлась опорой монархии, и расположенные на острове города были важны для нее как опорные узлы. Во-вторых, короли и церковь в Дании не ладили, их соперничество порой принимало резкие формы, и владение Копенгагеном было в этом противостоянии заметной козырной картой. В-третьих, Копенгаген сам по себе был весьма “лакомым куском”. После завершения походов викингов торговые связи между Восточной и Западной Европой становятся все более заметным фактором общественной жизни всего континента. Как известно, они особенно активизируются и принимают организованный характер после создания Ганзейского торгового союза городов, Вендский

филиал которого, во главе с Любеком, стал “дирижером” торговли на европейском Севере и значительной политической силой. Копенгаген оказался на важнейшем транзитном пути, связывающим Балтийский мир – Восточную Европу, включая Прибалтику и Орден, ту же Швецию и саму Данию – со странами Северного моря, Северной Атлантики, да и всей Западной Европой. Этим путем был пролив Зунд, борьба из-за которого красной нитью проходит через все политические пертурбации Северной Европы. И когда в конце XIV в. корона все же забрала город под свою руку, это был шаг не только объяснимый, понятный, но и ожидаемый.

Между тем, Копенгаген успешно развивался. Новый мощный замок Калуннборг в XIII в. почти окончательно обезопасил его от угроз со стороны моря. Над городом доминировали здания великолепных каменных церквей – Св. Клеменса, Богоматери (Frue Kirke, вскоре ставшей главным храмом города), Св. Педера и покровителя мореходов Св. Николая. Ряд новых церквей принадлежал монастырям, прежде всего нищенствующим орденов, которые обосновывались в городе и вокруг него, возводя на своей территории солидные здания. С XIV в. расширяется строительство в городе каменных бюргерских домов. Многие из них, как и наиболее величественные церкви и монастыри, принадлежали немецким бюргерам, обосновавшимся в перспективном городе.

Защищенный и удачно расположенный Копенгаген уже в XIII в. привлек внимание ганзейских бюргеров, прежде всего любечан. Немецкие бюргеры охотно поселялись здесь сами или присылали сыновей, родичей, торговых агентов. Они образовывали в городе свои землячества, подчас селились поблизости, формируя улицы и кварталы (Тюскеманнегаде и старая гавань Виммельскафтет – тому прямое свидетельство). Непосредственные контакты с Империей, в том числе территориальные – через Южную Ютландию – определили постоянное проникновение в страну представителей немецкой знати, рыцарства, советников, финансистов, солдат-наемников из немецких земель. Немцы – купцы, ремесленники, господа, солдаты, священнослужители – составляли заметную, в известном смысле, благодаря своей состоятельности на фоне более бедных скандинавов, привилегированную часть населения Копенгагена. Они постоянно вмешивались во внутренние дела страны, а совместно с многочисленными ее соседями – Империей, Ганзой, Орденом, Швецией, Польшей – и в ее внешнюю политику. Город все более оказывался втянутым во все конфликты, разрывающие страну.

Особенно обострилось положение в середине и второй половине XIV в., когда Дания фактически распалась на отдельные герцогства, а затем железной рукой ее объединителя Вальдемара IV Аттердага была снова собрана воедино. В это же время Дания активно включается в многовековую и тяжелую борьбу за господство на Балтийском море. Ключевая политико-стратегическая и важная экономическая роль Копенгагена в это время становится особенно важной, фактически он воспринимается как главный город страны. Не случайно после того, как Вальдемар Аттердаг в 1361 г. захватил и разграбил ганзейский богатейший город и порт Висбю (на о. Готланд), любечане сочли целесообраз-

ным отомстить ему, напав именно на Копенгаген. Совместно с другими противниками датчан – мекленбуржцами, голштинцами, ругиями (с о-ва Рюген), шведами – 74 “морских города” Ганзы собрали флот из 3 тысяч кораблей и осадили Копенгаген. Впрочем, морскую кампанию они проиграли, но замок и город порядком разрушили. Прошло долгих пятьдесят лет, пока каменщики завершили его восстановление.

Борьба за торгово-политическое преобладание в Северной Гвронии стала одной из основных побудительных причин заключения в конце XIV в. знаменитой Кальмарской унии – политического объединения трех скандинавских стран под властью датского короля. Вдохновительница и первая “полномочная госпожа” унии Маргрета Вальдемарсдоттер в числе своих первых мероприятий занялась Копенгагеном, отобрав город у архиепископства. Началась новая полоса в его истории. Племянник и законный преемник Маргреты Эрик Померанский, взойдя на престол унии, сделал Копенгаген своей резиденцией. С этого времени город стал столицей Дании и все более решительно вмешивался в ее общественную жизнь. (В частности, при его поддержке произошло изгнание из страны короля Кристиана II “Тирана” в 20-е гг. XVI в.)

Древнейшей из сохранившихся городских построек Копенгагена можно считать старое здание Консистерии, с его восстановленными ныне готическими подвалами, позднее включенное в университетский комплекс. В XVI в. город обрел многие великолепные ренессансные постройки, став по праву одной из красивейших столиц Западной Европы. Но это – уже новая глава его истории.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббельвиль 322
Абингдон 103
Або (Турку) 133, 135
Августориум *см.* Лимож
Авила 123, 147, 222
Авиньон 175, 179, 196, 202, 203, 234, 260, 265
Авиш 127
Австрия 141, 150, 151
Агатэ 60
Адриатика Северная 242
Адриатическое море 167
Ажен 335
Азия 363
    Центральная 195
Азов 122
Айзенах 206
Айл 103
Айфель 113
Аквитания 62, 69, 296, 349, 350
Аккарано 282
Аккасторп 109
Акра 364, 365, 368
Алезия (Ализ) *см.* Сен-Рено
Ализ (Алезия) *см.* Сен-Рено
Аликанте 126
Алкмар 113, 114
Алмере 109
Аль-Андалус 121, 122, 125, 129
Альбаррасин 326
Альби 146, 255, 319
Альбижуа 255
Альмаденские рудники 236
Альмерия 147
Альпы 44, 75, 141, 144, 145, 148, 160, 175, 196, 232, 237, 242, 253
Альтшпайер *см.* Шпайер
Альфандек 223
Амагер 374
Амальфи 45, 49, 141, 179
Амбуаз 256
Америка Северная 13
Амстел 111, 112
Амстердам 111, 112, 114–116, 179
Амьен 21, 22, 175, 179, 199, 317, 322, 327
Ананьи 359
Англия 12, 23, 24, 26, 29–31, 36, 37, 82, 88, 92–103, 108–110, 125, 131, 135, 154, 173, 175, 176, 189, 192, 196, 197, 199, 200, 203, 205, 229, 232, 253, 258, 262, 291, 294, 296, 309, 316, 323, 336, 342–346, 348, 351, 373
    Восточная 200
    Юго-Восточная 24, 108
    Юго-Западная 196
Ангулем 177, 326
Андалусия 126, 129, 131, 147, 222, 235, 236, 262, 374
Анжу 327
Антверпен 23, 175, 178, 179, 196, 206
Антераден (Тортоза) 365
Антиб (Антиполис) 60, 64
Антиполис *см.* Антиб
Апеннинский п-ов 42, 45, 48
Аппиева дорога 358
Арабия 367
Арагон 124, 125, 127–129, 207, 221–223, 236
Арбуга 323
Арецо 48, 179
Арлон 263
Арль 23, 63, 64, 70, 178, 179, 190, 192, 201, 204, 208, 266, 328
Армагх 296
Армения 364
Арморика 62
Арнем 111, 113–116
Аррас 64, 66, 70, 149, 175, 179, 199
Арсеной (Arsenoe) *см.* Фамагуста
Артуа 66, 268
Астурийское королевство 372
Атлантика (Атлантическое побережье) 36, 126, 127, 338, 376

- Аугсбург 73, 76, 78, 80, 86, 152, 175, 179, 186, 206, 244, 322, 333
 Аугуста Треворорум *см.* Трип
 Африка 221, 224, 236
 Ахен 88, 178
 Бавария 79, 80, 292
 Багдад 121
 Баден 206
 Баден-Вюртемберг 142
 Бадиа ди Помпоза 296
 Базель 86, 90, 91, 175, 179, 189, 193, 206, 302, 307
 Балтийское море (Балтика) 21, 36, 79, 80, 82, 133–136, 138, 167, 371
 Бамберг 82, 157, 162–165
 Бар 141
 Бардовик 21, 149
 Бари 45, 49, 175
 Бари Сент-Эдмундс 296
 Барселона 23, 34, 126, 175, 179, 187, 190, 196, 198
 Бартенштейн 362
 Баскония 119, 124
 Баутцен 238
 Баэса 326
 Беверли 179, 186
 Беесков 239
 Бежа 125
 Безансон 86
 Белград (Сингидунум) 24
 Белорато 125
 Бельгия 260
 Бергамо 44, 47, 141
 Берген 36, 134, 135, 196
 Бери 103
 Бери-Сент-Эдмундс 179
 Берлин 152, 179, 241, 369–372
 Берлин-Кёлльн 369–371
 Берн 84, 91, 179, 307
 Бирка 21, 22, 108, 133, 134, 136
 Бискайский залив 36, 141
 Ближний Восток 23, 45, 58, 59, 134, 195
 Блуа 326
 Боббио 296
 Бове 66, 150, 175, 179, 322
 Бовези 327
 Богемия *см.* Чехия
 Боденское оз. 82, 88
 Болонья 42, 45, 47, 52, 55, 58, 60, 146, 175, 177, 179, 186, 187, 193, 195, 318, 319, 330
 Бомон 318, 326
 Бонн 73, 178
 Бордо 23, 36, 70, 145, 146, 175, 177, 179, 196, 199, 265, 269, 349, 353
 Бостон 100, 179
 Брабант 24, 100–101, 106, 154, 257, 268, 294
 Брага 124
 Бранденбург (Бранденбургское курфюршество) 75, 238, 239, 241, 371, 372
 Бранденбургская марка (маркграфство) 241
 Бранибор 75
 Браунсберг 361
 Брауншвейг 78, 87
 Брейсгау 330
 Бремен 36, 88, 108, 150, 175, 179, 196, 322
 Бреннер 79
 Бреслау (Вроцлав) 76, 179
 Бретань 62, 70, 101, 131, 199, 256, 263, 268, 269, 299, 303
 Брешиа 141, 177, 330
 Брил 114
 Бристоль 94, 96–98, 100, 101, 179, 196, 200, 208, 262, 348
 Британия 145, 341, 345
 Британские о-ва 196
 Бритония 372
 Брондоло 267
 Брук-на-Лайте 141
 Брунsvик 179
 Брюгге 24, 36, 64, 66, 76, 141, 152, 156, 175, 178, 179, 196, 232, 234, 257, 262, 265, 269, 270
 Брюссель 24, 175, 178, 180, 196, 206, 208, 210, 256, 257, 294
 Буда 141, 150, 153
 Будапешт 23
 Булгар 21
 Булонь 62
 Бургонь 327
 Бургос 126, 175, 236
 Бургундия 131, 214, 257, 270
 Бурж 177, 180, 269, 349
 Бьеркё 134
 Ваал 107, 109, 112
 Вавилон 285, 286
 Вагенинген 111, 114–116
 Валансьен 175, 268

Валенсия 23, 117, 124, 126, 175, 180, 196, 222
Вальхерен (Домбург) 21, 109, 110
Вальядолид 125, 126, 175, 222, 236
Ванн 256, 263, 268, 269
Ватикан (Ватиканский холм, Монте-Ватикано) 355
Везер 108
Вейк *см.* Дорестад
Веймар 238
Вена 73, 76, 87, 90, 151, 154, 156, 157, 180, 186, 211, 320
Венгрия 24, 82, 150, 229
Вендланд 240
Венецианская республика 55–57
Венеция (Риальто) 23, 35, 45, 47, 51, 55–60, 76, 79, 80, 140–143, 147, 165, 174, 180, 186, 187, 196, 197, 216, 229, 234, 254, 267, 321, 322, 354, 356, 361, 368, 369
Вента (Вента Белгарум, Винтачестер) *см.* Уинчестер
Верден 63, 86, 178
Вердер 361
Верона 42, 43, 47, 55, 57, 146, 165, 175, 180, 187, 194, 318, 319
Верхний Лаузиц (Верхние Лужицы) 88
Вестготское королевство 120
Вестминстер 98, 103, 344
Вестфалия 80, 82, 201, 240, 369
Веттерау 88
Выборг 134
Византия (Византийская империя) 12, 20, 23, 42, 45, 58, 79, 227, 269, 273, 338
Виковаро 358
Виллареал 147
Вилльзюиф 227
Винтачестер (Вента, Вента Белгарум) *см.* Уинчестер
Винчестер (Вента, Вента Белгарум, Винтачестер) *см.* Уинчестер
Виртенберг (Виродунум) 24
Висбю 79, 135, 136, 376
Висмар 36, 180
Витербо 356, 357
Витла 109, 110
Витре 256
Виттербо 162
Виттория 147
Виченца 57
Волга 21

Волин (Юмне) 21
Вольтерра 180, 327
Вормс 23, 73, 75, 78, 86, 89, 90, 148, 150, 175, 204, 206, 318, 325
Восток 17, 20, 121, 122, 125, 224, 225, 227, 325, 353, 367
Восточное море 364
Вроцлав *см.* Бреслау
Вустер 100, 180
Выборгский лен 136
Вьенна 349, 350
Вюрцбург 75, 149, 157, 180, 292

Гаага 180
Гавель 371
Гавр 141, 257
Гадес *см.* Кадис
Галисия 126
Галич 80
Галлия 23, 62, 285, 291, 296
Нарбоннская 60, 293
Гамбург 21, 36, 85, 108, 150, 175, 180, 186, 198, 241, 333, 371
Ган 257
Гарделеген 241
Гаронна 255
Гарц 82
Гасконь 101, 131
Гастингс 341
Гданьск *см.* Данциг
Гейдельберг 90, 180
Гельдерн 106, 110, 113–116
Гендт 114
Гент 23, 24, 64, 66, 76, 115, 152, 154, 175, 177, 178, 180, 196, 201, 208, 210, 252, 294
Генуя 23, 44, 45, 47, 55, 56, 58, 59, 79, 146, 174, 178, 180, 186, 187, 195, 209, 236, 254, 260, 261, 266, 281, 319, 321, 328, 333, 368, 369
Геракля 267
Гердау 362
Герлиц 88
Германия 12, 23, 24, 28, 29, 31–32, 35–37, 52, 73, 75–82, 84, 85, 87–91, 96, 116, 139, 142, 149, 162, 164, 165, 167, 170, 173, 178, 189, 196, 202, 203, 206, 209, 227, 228, 244, 247, 258, 261–265, 290, 293, 316, 322, 326, 328, 330, 336, 338, 369, 370
Верхняя (Южная) 80, 82, 86, 308, 372
Восточная 154, 258

- Западная 20, 23, 31
 Северная 138
 Северо-Восточная 152
 Юго-Западная 206–207, 322
 Германская империя 48, 75, 152, 243, 265, 276
 Гертруденберг 113
 Герц (Гориция, Горица) 242
 Герцберген-Эльстер 240
 Герцинский лес 167
 Гессен 82, 165
 Гёттинген 85, 87
 Гибралтар 236
 Гиень 62, 69, 71
 Гиспал *см.* Севилья
 Гластонбери 103
 Глостер (Глева, Глевум, Глочестер) 24, 93, 94, 100, 180, 343
 Гнездово 21
 Гоби 195
 Голландия 101, 110, 111, 113, 115
 Голландская республика 339
 Голландское графство (Голландия, Randstad) 106, 113–115
 Гориция/Горица *см.* Герц
 Гослар 75, 82, 86, 150, 180, 265, 324, 325
 Готланд 79, 134, 135, 376
 Гравезанде 113
 Гравелин 257
 Гранада 122, 147, 174, 180, 223, 224
 Гранадское королевство 126, 223
 Грац 156
 Гренобль 177, 180, 269
 Греция 20, 23
 Гримсби 101
 Гробин 21
 Гронинген 111, 112
 Гулль (Халл) 180
 Далмация 57, 322
 Дамаск 165
 Дания 12, 26, 30, 32, 79, 88, 133–139, 196, 293, 323, 375–377
 Данстебл 103
 Данциг (Гданьск) 76, 89, 151, 180, 258, 361
 Дарем 94
 Дартмут 97, 100
 Дархем 262
 Девентер 106, 109, 111, 112
 Девоншир 93
 Дейма 360
 Делфт 111, 113
 Дерби 103
 Дженацано 358
 Дижон 175, 178, 180, 234, 257, 260, 269
 Динан 256
 Днепр 21
 Днестр 23
 Дойтц 286
 Доль 269
 Домбург *см.* Вальхерен
 Дон 167
 Дордонь 148
 Дордрехт 111–114, 116
 Дорестада (Вейк) 21, 107–111, 134
 Дортмунд 77, 86, 149, 153, 201
 Дорчестер 21
 Дрезден 160, 181, 206, 238
 Дрентзе 112
 Дройтвич 21
 Дубровник 322
 Дувр 100
 Дунай 20, 23, 24, 73, 75, 86, 141, 167, 294, 296
 Дурстед 22, 108
 Дусбург 360, 362
 Дуэ 152, 175, 178, 181
 Дуэро 126
 Дюнкерк 257
 Дюссельдорф 110
 Европа 10, 13, 18–21, 24, 25, 31, 42, 44, 46, 48, 51, 58–60, 66, 75, 81, 82, 90, 122, 125, 127, 133–135, 144–146, 152, 167, 170, 171, 173–177, 186, 188, 193, 195, 197–201, 205, 208, 224, 225, 227, 229, 231, 229, 231, 247, 249, 253, 254, 362, 363, 367
 Восточная 39, 69, 243, 244, 296, 300
 Западная 6, 8, 9, 12, 19, 23–25, 27–29, 31, 32, 35, 39, 40, 45, 81, 85, 101, 124, 125, 130, 139, 144, 145, 148, 154, 170, 171, 173, 195, 197, 198, 204, 205, 251, 253, 254, 287, 288, 295, 296, 299, 300, 313, 316, 318, 321, 324–326, 329, 338, 339, 357, 375–377
 Северная 36, 133–136, 160, 175, 178, 189, 203, 206, 243, 253, 296, 300, 326–327, 376–377
 Северо-Западная 345
 Средиземноморская 145
 Трансальпийская 145
 Центральная 80, 175, 243, 244, 246, 253, 310, 326–327

Южная 159, 160, 225, 300
Египет 364
Жамблу 292, 296
Женева 141, 177, 181, 211
Жерона 226
Жосселен 256
Заале 237, 294
Зальцбург 75, 157, 181, 206, 292, 299
Зальцведель 241
Запад 10, 13, 17, 37, 42, 63, 142, 258,
350, 353, 355, 367
Западная Двина 80
Западная Римская Империя 20, 42, 75,
144
Зеландия 101, 113, 134, 294, 374–375
Зигбург 292, 296
Зирикзее 111
Зоест 76, 79
Золинген 206
Зорау 242
Зунд 374, 376
Зутфен 106, 111, 113–116
Иберийский п-ов *см.* Пиренейский п-ов
Иглава 244, 246
Иезоло 267
Иерихон 287
Иерусалим, г. 164, 285–286, 365, 373
Иерусалим (Святая Земля) 28, 269,
365
Иерусалимское королевство 365
Израиль 287
Иль 141
Инсбрук 141, 168
Инстербург 362
Ипр 24, 175, 177, 178, 181, 187, 189,
190, 193, 196, 201, 257
Ипсвич 97, 100
Ирабах 297, 298
Иран 225
Ирландия 12, 24, 101, 196, 296
Исландия 133, 196
Испания 12, 20, 35, 81, 100, 101,
119–122, 145, 147, 165, 174, 175,
196, 199, 207, 214, 222, 226, 229, 230,
235, 258, 293, 316, 317, 322, 326, 336,
338, 343, 351, 373
Центральная 317
Южная 144, 159
Испанская марка 126
Италия 12, 20, 22–24, 28, 31, 35, 36, 42,
44–47, 49, 50, 54, 56–58, 60, 81, 96,

100, 139, 141, 144, 145, 147, 162, 172,
173, 175, 177, 189, 195, 196, 199, 202,
203, 205, 209, 211, 226, 229–231,
234, 236, 253–255, 260–268, 272–
276, 279, 280, 290, 293, 295, 300, 306,
316, 317, 319, 321, 322, 328, 330, 334,
336, 338, 343, 351, 354, 356, 357
Северная 24, 46, 47, 49, 50, 55, 57,
95, 106, 146, 195, 255, 309, 321
Средняя 24, 146, 321
Центральная 24, 44–50, 55, 195,
255, 261
Южная 42, 49, 52, 58, 145, 146, 159,
195, 227

Итиль 21

Йомсбург 21

Йорк 93, 94, 98, 100, 101, 103, 181, 186,
192, 196, 200, 348

Кагор 177, 293, 353

Кадис (Гадес) 117, 120, 126, 236

Казанело 282

Кайзербург 163, 164, 166

Кайзерсверт 110

Калатаюд 222

Калатрава 127

Кале 71, 97

Кальмар 134, 136, 323

Камбре 28, 65, 86, 90

Кампен 111, 116

Кан 196, 269

Кантабрийское побережье 119

Кантабрийские горы 124, 374

Каринтия 165, 241

Каркассон 141, 147, 181, 196, 205, 253,
260, 266

Карлайл 94

Картахена 117

Кассель 257

Кастелло Висконтео 261

Кастельлана 282

Кастель Маринелло 282

Кастель Нуово 282

Кастельфранко ди Сотто 147

Кастель Чеццы 282

Кастилия 124, 127–129, 207, 223, 230,
236, 237, 262, 263, 373

Кастильское королевство 235

Каталония 23, 126, 127, 222, 235, 266,
293, 374

Каупанг 21, 133

Каффа 195

- Кведлинбург 75
 Квентовик 21, 22, 63
 Кембридж 100, 101, 141, 181
 Кенигсберг (Тувангсте) 206, 360–363
 Кентербери 93, 94, 99, 100–102, 181, 291, 302
 Кёлльн (Köln, Cölln, Colonia) 369–371
 Кёльн 73, 75–79, 82, 84, 86, 89, 110, 148, 152–154, 157, 160, 175, 178, 181, 186, 198, 202, 206, 208, 308, 310, 318, 332, 333, 369
 Киев 21, 79, 80
 Килдаре 296
 Кипр 364, 365, 368, 369
 Кипрское королевство 365
 Клагенфурт 141
 Клермона 177
 Клиссон 256
 Клонмакнойз 296
 Ключи 295
 Кнайпхоф 360, 363
 Кобленц 73, 76
 Ковентри 100, 103, 181
 Коимбра 23, 119, 124, 131
 Колчестер 93, 100, 103, 181
 Конимбрига 119
 Константинополь 35, 165, 227
 Констанц 47, 86, 88, 90, 178, 202, 290
 Конфлан 234
 Коньяк 326
 Копенгаген 35, 36, 134–137, 139, 374–377
 Корби 295
 Корвей 286
 Кордова (Кордуба) 23, 35, 120, 121, 126, 147, 174, 222, 263
 Корнето 280–282
 Корсика 236
 Коттбус 240, 242
 Крайна 84, 241
 Краков 80
 Крейцбург 362
 Крема 47
 Кремена 47, 57, 175, 319
 Кремс 150
 Ксантен (Colonia Ulpia Trajana) 107
 Кувертуарад 147
 Кульм (Хелмно) 361
 Кунгахэлла 133
 Кур 86
 Куртре 181
 Куртэ 23
 Кутна Гора 244, 246, 249
 Куэнка 126, 326
 Ладлоу 94
 Ладога 21, 133
 Лаленд 263
 Ламбаль 256
 Ла-Манш 62, 196
 Лан 65, 318, 319, 322
 Лангедок 64, 152, 195, 260, 266, 321
 Лангобардия 274
 Ланьи 141, 234
 Лаон 181
 Ла-Рошель 70, 199
 Латинская Романия 368
 Лаузиц 241, 242
 Лебе *см.* Лебо
 Лебенихт (Новый город) 360, 362, 363
 Лебо (Лебе) 360
 Левант 79, 82, 293, 368
 Ледесе 133
 Лейден 111–115
 Лейпциг 75, 181, 211, 372
 Лек 109, 111
 Ле Манн 65
 Лемовик *см.* Лимож
 Леньяно 47, 322
 Леоминстер 103
 Леон 126–128, 373
 Ле Пюи 293
 Лестер 23, 100, 103, 181, 200
 Ливерпуль 103, 154
 Ливония 80
 Лилль 66, 175, 177, 181, 257, 269
 Лимож (Августориум, Лемовик) 149, 177, 348–351, 353
 Лимузен 349, 350
 Линдау 85
 Линкольн 93, 94, 96, 100, 103, 181, 196
 Линн 100, 103, 181
 Лион 62, 70, 146, 175, 196, 233, 348, 353
 Лионский залив 141
 Линчэпинг 134
 Липа 246
 Лиссабон 36, 117, 122, 125–127, 131, 141, 175, 181, 236, 262, 373
 Литва 79, 229, 362, 363
 Лозанна 86, 141, 305
 Локр (Локритум) 24
 Ломбардия 47, 57, 131, 175, 233, 236, 293
 Лондон 21, 24, 29, 35, 36, 79, 94, 96–101, 104, 154, 171, 175, 181, 186,

189, 196, 200, 203, 208, 209, 233, 234,
323, 341–348
Лорисс 326
Лорх 23
Лорш 296
Лоршское аббатство 114
Лотарингия 91
Лохем 114
Лохштедт 362
Лош 256, 259
Луара 23, 62, 64–66, 70, 255, 296
Лувен 24, 113, 156, 175, 178, 181
Лузиньян 71
Лукка 44, 45, 55, 57, 59, 147, 175, 177,
182, 196, 234, 319, 321, 330
Луккау 238
Лунд 134
Льеж 149, 152, 175, 178, 182
Любек 21, 22, 34, 36, 75–77, 80, 81, 86,
135, 153, 175, 178, 182, 186, 200, 201,
209, 239, 240, 268, 322, 333, 371, 376
Люксембург 111, 256, 326
Люнебург 82, 87, 152, 182, 240, 241
Лютетия *см.* Париж
Ля Рошель 326
Ля Шез 256

Маас 21, 23, 24, 75, 82, 106, 109,
111–113, 148, 309
Маастрихт 22, 23, 148, 178, 182
Магдебург 75, 78, 87, 138, 149, 153,
166, 175, 244, 327
Магриб 121
Майн 86, 149, 167
Майнц 23, 73, 75, 79, 82, 86, 148, 167,
175, 178, 182, 206, 208, 330
Македония 165
Малага 126, 147
Малин 178
Мальме (Сконе) 134
Мальмсбери 103
Манс 319
Мантуя 47, 55, 60, 165, 175, 177, 182,
319
Марибор 238
Мариенбург 149–150, 258, 361
Марна 234
Марсель (Массилия) 23, 60, 63, 120,
177, 187, 195, 196, 204, 293
Масан 147
Массилия *см.* Марсель
Медемблик (Medetelaciha) 109–111
Медиолан *см.* Милан

Мейссен 182, 246
Мекленбург 182, 201, 238, 241
Меларен 21, 134
Мемминген 85, 206
Мерведа 109, 111
Мерведский лес 109, 111
Месета 124, 126, 128
Мессина 175, 182, 195, 257
Мец 23, 63, 75, 76, 86, 91, 109, 111, 148,
152, 175, 177, 182, 199, 291
Мидделбург 106, 111–113
Мидденлек 109
Мидленд 200
Милан (Медиолан) 24, 35, 42, 45–47,
52, 55–60, 76, 146, 174, 182, 187, 195,
197, 254, 266, 267, 319, 321, 335,
356
Миланское герцогство 57
Модена 42, 175, 182, 328, 330
Мозель 65, 294
Моиссак 296
Мойа 125
Монбрисон 199, 264
Монкотур 256
Монлюсон 259
Монпазые (Монпасье) 147, 148, 263
Монпелье 23, 70, 177, 182, 186, 196,
204, 234, 266, 293, 319
Монрэ 22
Монсегюр 64, 147, 263
Мон-Сен-Гибер 154, 257
Монтаперти 53
Монтебелло 282
Монтевалерио 282
Монте Кассино 296
Монтелеоне 282
Монте Монастерио 281, 282
Монте Тестачьо 355
Монтиль 326
Монтобан 147, 255
Монториоль 255
Монфор 256
Моравия 244, 245, 248
Муассак 63
Мулен 269
Мурсия 126, 129, 222
Мюльхаузен 150, 182, 265
Мюнстер 175, 182, 292
Мюнхен 75, 87, 90, 206

Наварра 125
Намюр 152
Нанси 256, 257
Нант 256, 257, 263, 269

- Нарбонна 23, 62–64, 70, 182, 196, 204, 205, 260
- Неаполитанское королевство 57, 60
- Неаполь 49, 146, 165, 175, 182, 259, 267
- Неймеген (Новый рынок, Noviomagus) 107, 111, 112, 115
- Нейштадт 153
- Неккар 142
- Неман 361, 363
- Нивая 60
- Нивелле 292, 294, 296
- Нидарос-Тронхейм 134
- Нидерланды (Нижние земли) 12, 23, 31, 42, 75, 81, 111, 112, 114–116, 141, 178, 196, 206, 209, 270, 293
- Северные 106, 110, 116
- Средние 106
- Южные 106
- Нидерлаузиц 238, 241
- Нижняя Крайна 238
- Никосия 364, 365
- Ним 182, 234, 253, 260, 266
- Ниневия 286
- Ницца 64, 259
- Новгород 21, 36, 79, 135
- Новый рынок (Noviomagus) *см.* Неймеген
- Нонантола 296
- Норвегия 108, 133–136, 138, 196
- Нордлинген 154, 182, 322
- Нордхаузен 150, 265
- Норидж 94, 100, 182, 196, 200, 348
- Нормандия 61, 66, 101, 131, 196, 199, 327
- Нортгемптон 98
- Ноттингем 94, 100
- Нуманция 119
- Ньюкасл 94, 96, 98, 100, 101, 182
- Ньюпорт 257
- Нью Солсбери 154
- Нюрнберг 74–77, 80–82, 84, 85, 88, 90, 91, 150, 152, 154, 157, 160, 162–168, 175, 178, 182, 186, 190, 193, 196, 198, 206, 207, 244, 314, 322
- Обуда (Старая Буда) 150
- Оверстихт 106
- Оветум 372
- Овьедо 126, 372–374
- Од 141
- Оденсе (Фюн) 134
- Одер 237, 239, 241, 242, 296
- Оксер 291
- Оксфорд 94, 98, 100, 141, 182, 262, 327
- Ольборг 134
- Ольвия 60
- Орвието (Орвьето) 175, 182, 195, 356
- Орей 256
- Орлеан 63, 65, 70, 71, 152, 182, 323, 328
- Ортен 113
- Орхус 134
- Осло 134
- Ослофьерд (Осло-фьерд) 21, 133
- Оснабрюк 141, 182
- Отен 62
- Павия 145, 162, 175, 177, 182
- Падуя 47, 52, 55–57, 175, 182, 327, 330
- Палермо 45, 49, 147, 175, 182, 186, 266, 267
- Палестина 205, 360
- Палестрина 358, 359
- Пальманова 147
- Памплона 126
- Паннония 145
- Папская область (Папское государство) 48, 49, 57, 60, 274, 279, 358
- Париж (Лютеция) 23, 32, 35, 62, 65–71, 76, 140, 146, 154, 157, 165, 175, 178, 183, 186, 196, 198, 208, 211, 232–234, 257, 260, 286, 293, 323, 334, 337, 345, 348
- Парма 42, 52, 147, 175, 177, 183
- Пархим 238
- Пегниц 157, 163, 167
- Перигор 255
- Перигу 70
- Перуджа 44, 52, 165, 175, 198
- Петерсхаузен 290
- Пиза 44, 45, 47, 55, 57, 146, 175, 177, 183, 187, 195, 196, 234, 260, 263, 319
- Пикардия 66
- Пиренейский (Иберийский) п-ов (Пиренеи) 26, 32, 117, 120, 122, 124, 125, 128, 131, 146, 174, 207, 221, 235, 236, 262, 263, 372, 373
- Пистойя 175, 177, 183, 196, 197, 319
- Питерборо 103
- Питильяно 281
- Пласенсия 126
- Плзень 244
- Плимут 97, 100, 183
- Польша 79, 206, 229, 293, 376
- Понс 236
- Понтиви 256

Порту 126, 127, 183
Португалия 23, 101, 119, 126–131, 229,
235–237, 262, 263
Прага 76, 80, 87, 90, 243, 245–248, 372
Прато 59, 177, 183, 194, 328
Прегель 360–363
Прибалтика 135, 138, 296, 376
Причерноморье 322
Прованс 141, 176, 178, 202, 229, 230,
260, 266, 321, 351
Провен 141
Провилль 308
Пруссия 101, 154, 342, 360–363
Прюм 113
Птуй 238
Пуатье 62, 63, 71, 177, 269, 291, 326,
353
Пьяченца 145, 183, 236

Равенсбург 183
Райхенхалль 82
Ревель (Таллинн) 36, 79, 258
Регенсбург 23, 73, 75, 80, 82, 86, 88,
152, 154, 156, 157, 159, 183, 206, 244,
289, 290, 292
Реджио Эмилия 183
Рединг 103
Реймс 62, 63, 183, 190, 193, 199, 291
Рейн 20, 23, 24, 26, 62, 64, 70, 73, 75, 76,
79, 80, 82, 86, 88, 107–112, 134, 141,
145, 148, 196, 289, 290, 296, 309, 369
Рейнская долина 141
Рейнская область 76, 89
Рейсвейк 108
Ренн 255–257, 263, 268, 269
Риальто *см.* Венеция
Рибе 133
Рига 36, 258
Ридинг 296
Рим, г. 42, 44, 48, 58, 145, 175, 183, 229,
254, 261, 266, 274, 275, 280, 281, 290,
291, 293, 317, 349, 353–359
Рим, гос-во 20, 116, 280
Римская империя 19, 145, 173, 284,
286, 353, 376
Римская провинция 275, 353, 356, 358,
359
Римский регион 274, 357
Римини 44, 60, 175
Ровиано 358
Ровианелло 358
Роган 256

Рокка Джорджо 282
Романья 57
Ромбург 107
Ромни 100
Роморантен 326
Рона 69
Роскилле 134
Россия (Русь) 11, 12, 79, 80, 206, 325
Северная 79
Северо-Западная 36, 133
Ростов Великий 21
Росток 36, 78, 160, 175, 178, 183, 238,
239, 258, 372
Рота 282
Ротвейл 142
Ротенбург 83, 154, 322
Рочестер 94
Рояте 358
Руан 21, 22, 61, 66, 68, 70, 175, 177, 183,
196, 326
Рудные горы *см.* Эрцгебирге
Рурмонд 111, 114
Рюген 82, 377
Саагун 125, 131
Саарбрюккен 141
Савойя 202
Сайренсестер 103
Саксония 36, 135, 258, 292, 327
Нижняя 201
Саламанка 175
Салоники 227
Самбийский п-ов 360
Самбия 360, 362
Самора 126, 127
Сан Арканджело 282
Сан-Джиминьяно 44
Сан Паоло фуори ле мур 358
Санкт-Арнульф 291
Санкт-Вааст 292, 296
Санкт-Галлен 295–299
Санкт-Манген 298
Сан-Лукар 236
Санс 319
Сантьяго де Компостелла 147, 293,
372, 373
Сарагоса 122, 125, 175, 222
Саттон 103, 183
Саутгемптон (Хамвих) 21, 100, 101,
196, 208
Святая Земля *см.* Иерусалим
Святого Бавона м-рь 294
Святого Бурхарда м-рь 150

- Святого Винсента м-рь 372
 Святого Иоанна аббатство 103
 Святого Лусьена м-рь 150
 Святого Максимиана 305
 Святого Мартина бург 63
 Святого Мартина м-рь 291, 305
 Святого Марциала аббатство 349
 Святого Матфия 305
 Святого Ремигия, бург 63
 Святого Эммерам м-рь 289, 290
 Святого Якова м-рь 150
 Святой Женеьевы м-рь 66
 Святой Марии аббатство 103
 Святой Марии ad martyres 305
 Священная Римская империя 46, 243, 249
 Север 133, 135, 376
 Северное море 21, 24, 79, 80, 133, 294, 376
 Севилья (Гиспал) 35, 36, 120, 126, 129, 147, 174, 183, 222, 235, 236, 263
 Сеговия 124, 147, 175
 Сегюр 349
 Семифонте 147
 Семур-ан-Оксуа 257
 Сена 62, 66, 68, 70, 140, 145
 Сен-Бертен 256
 Сен-Бертенский м-рь 65
 Сен-Виктор 66
 Сен-Готардский перевал 79
 Сен-Дени 63, 293
 Сен-Жан-д'Анжели 71
 Сен-Женеьев, аббатство 68
 Сен-Жермен в Оксере 291
 Сен-Жермен-д'Оксерруа 68
 Сен-Жермен-де-Пре 66, 68
 Сен-Жиль 293, 296
 Сен-Кантен 322
 Сен-Марсель 66, 68
 Сен-Мартен 68, 291
 Сен-Медар, м-рь 66
 Сен-Реми 291
 Сен-Рено (Ализ, Алезия) 24
 Сен-Рикъер 295
 Сент-Илэр 291
 Сент-Одилиенберг 111
 Сент-Олбанс 93, 103, 296
 Сент-Омер 65, 66
 Сен-Трон 296
 Сент-Эдмундсбери 100
 Сен-Фуа-ля-Гранд 263
 Сепульведа 126
 Сёдертелье (Телье) 134
 Сигтуна 22, 133, 134
 Сигуэнса 220
 Сиена 44, 47, 55, 57, 146, 165, 175, 184, 195, 260, 321, 330
 Силвеш 131
 Силезия 82, 84, 244
 Сингидунум см. Белград
 Сирия 293, 364, 365, 367
 Сицилийское королевство 49
 Сицилия 146, 195, 207, 227, 259, 293
 Скандинавия (Скандинавский п-ов) 24, 82, 108, 110, 133–138, 196, 203, 296
 Скандинавские страны 36, 79, 175
 Скандинавский регион 316
 Скара 134
 Скарборо 98, 101
 Скирингсаль 133
 Склуниен 362
 Сcone 36, 82, 133, 134
 Солсбери 93, 100, 103, 184
 Сомма 70, 294
 Сомюр 256
 Сона 62
 Спарна 112
 Средиземное море (Средиземноморское побережье) 57, 60, 64, 122, 126, 127, 236, 368
 Средиземноморье (Средиземноморский регион) 14, 23, 108, 144, 145, 147, 148, 154, 173, 175, 187, 235, 253, 313, 329, 330, 364
 Ставангер 134
 Стамфорд 184
 Старая Буда см. Обуда
 Старая Ладога 21
 Старая Русса 21
 Старый город 360–363
 Стаффордшир 93
 Стокгольм 21, 22, 34, 36, 135, 137, 138, 203, 323
 Страсбург 73, 75–77, 82, 85, 86, 88, 141, 151, 154, 160, 175, 177, 178, 184, 186, 206, 211, 307–309, 315, 318, 319, 332
 Стрева 363
 Субъяко 296, 358
 Судан 236
 Сьюдад Реаль 153
 Сэндвич 100

Таллинн *см.* Ревель
 Таппиау 362
 Тараскон 265
 Тарквиния 280, 282
 Тарракона 120
 Таубер 154
 Тахо 124, 140
 Телье (Сёдертелье) 134
 Темза 196, 341, 346
 Тенсберг 134
 Теруэль 126, 326
 Тибр 145, 290, 354, 355
 Тиволи 356
 Тил 109, 110
 Тиль 22, 106
 Тир 365
 Тироль 79, 82
 Тоledo 23, 118, 120–122, 124, 126, 130,
 140, 221, 222, 236, 372, 373
 Толоса 131
 Тольфа Веккиа 281, 282
 Торн (Торунь) 361
 Торреш Ведраш 155
 Тортоза *см.* Антираден
 Торунь *см.* Торн
 Торчелло 267
 Тоскана 45, 57, 170, 174, 187, 193, 195,
 197, 261, 275, 279
 Тосканское великое герцогство 54
 Трайектум 111
 Тревизио 318, 328
 Тренто 100, 141
 Трир (Аугуста Треворорум) 73, 75–
 77, 150, 152, 184, 302, 305, 306,
 330
 Труа 141, 152
 Тувангсте *см.* Кенигсберг
 Тудела 222, 373
 Тулон 64, 156, 178, 184
 Тулуза 23, 63, 70, 71, 145, 145, 152,
 175, 178, 184, 190, 196, 199, 229, 254,
 255, 266, 300, 308, 319, 326–328,
 330, 353
 Туль 86, 152, 256
 Тур 63, 184, 291, 326
 Турин 42, 44, 141, 178
 Турку *см.* Або
 Тур-Нев 257
 Турне 23, 322
 Турция 364
 Тусция 280
 Тюрингия 265, 292

Уинчелси 100
 Уинчестер (Винчестер) 22, 24, 93, 100,
 102, 103, 178, 196, 200, 341
 Ульм 80, 82, 84, 85, 88, 153, 157, 175,
 184, 206, 211, 322, 333
 Умбрия 261
 Унд 150
 Уничов 245
 Унтервальден 318
 Упсала 134, 139
 Ури 318
 Урюпинск 348
 Утрехт 77, 106, 109–112, 114, 178, 184,
 292
 Уэймут 97, 100
 Уэльс 93, 95, 100, 101
 Уэска 222

 Фамагуста (Арсеной, Arsenoe) 363–369
 Фарфа 296
 Фелькермаркт 242
 Феррара 47, 55, 60, 165, 319
 Фехт 109, 111
 Филлах 141
 Фландрия 21, 24, 64, 66, 69, 70, 79, 81,
 88, 95, 100, 101, 106, 125, 152, 154,
 170, 173, 174, 196, 199, 202, 203, 236,
 257, 258, 261, 265, 268–270, 371
 Фли 109
 Флит 341
 Флорентийская республика 54
 Флоренция 23, 32, 35, 36, 42, 45, 47,
 51–60, 76, 146, 147, 154, 171, 174,
 177, 184, 187, 189–195, 197, 198,
 207–210, 213–219, 232, 234, 321,
 327, 328, 330, 331, 333, 335, 345, 354,
 356
 Форбург (Forum Hadriani, Municipium
 Aurelium Cananefatium) 107
 Форез 257, 264
 Фрайзинг 292
 Франкония Верхняя 88
 Франкская империя 31
 Франкфурт 187, 201, 206–209, 268
 Франкфурт-на-Майне 80–82, 84, 88,
 90, 141, 153, 157, 175, 178, 184, 186,
 193, 201, 206, 322
 Франция 12, 20, 24, 28, 29, 31, 35, 52,
 60, 62, 64–66, 69–72, 81, 88, 97, 100,
 125, 139, 141, 173, 175, 188, 189, 196,
 199, 203, 205, 209, 211, 214, 229,
 231–234, 253, 255–257, 260,

262–265, 268, 270, 293, 299,
315–319, 321–323, 326, 327, 330,
336–338, 342–344, 348, 350, 351, 353
Восточная 23, 31
Западная 202
Северная 21, 23, 24, 64, 196, 202,
227, 256, 330
Юго-Западная 147, 202, 353
Южная 23, 32, 64, 144, 172, 173, 190,
211, 226, 309

Фрежюс 64

Фрейбург (Швейцария) 184, 189, 190,
193, 205, 320

Фрейбург (Саксония) 152, 184, 206,
330

Фридланд 238

Фризия 134

Фрисландия 292

Фужер 263

Фульда 294–296

Фюн *см.* Оденсе

Хаарлем (Харлем) 111–114, 184

Хайтхабу 108

Халл 100

Халле-на-Заале 82

Халль 82

Халльштат 82

Хамвих (Саутгемптон) 21, 22

Хантингдон 100

Хардервейк 111, 114, 115

Хастингс 100

Хеб (Эгер) 85, 244, 248

Хедебю ((Хайтхабу)-Шлезвиг) *см.*

Шлезвиг (Хедебю)

Хелиниум 107

Хелмно *см.* Кульм

Хельге 21

Херес 236

Херефорд 100, 184

Херсфельд 295, 296

Хертогенбос (Герцогский лес) 111,
113

Хит 100

Хондсруг 111

Хунзе 112

Центральный массив 62, 70

Центула-Сен-Рикъер 296

Цербст 241

Цюрих 81, 82, 84, 88, 91, 175, 184, 193,
205, 307

Чернигов 79

Честер 100, 101

Чивитавеккиа 282

Чивителла 103

Чичестер 103

Чехия (Чешское государство, коро-
левство) 82, 84, 85, 229, 243–246,
248, 249, 360

Чухлома 348

Шалон 141

Шалон-сюр-Марн 66

Шамбери 260

Шампань 141, 257, 264, 327, 351

Шаранта 353

Шарру 320

Шартр 154, 175, 178, 185, 293

Шатобриан 256

Шатоден 326

Швабия 82, 87, 88

Швабское герцогство 86

Шварцвальд 2

Швебиш-Халль 82, 84

Швейцария 141, 205, 305

Шверин 152, 239

Швеция 12, 22, 26, 30, 32, 108, 133–
139, 196, 203, 316, 323, 327, 336,
376

Швиц 318

Шельда 23, 107, 109, 148, 309

Шинон 64, 256

Шлезвиг (Хедебю) 21, 22, 133, 134,
136

Шотландия 196

Шпайер (Альтшпайер) 75, 86, 148,
175, 206, 227

Шпрее 369–371

Шрезбюрен 262

Шрусбери 100, 185

Штайн 150

Штайнах 297

Штайнберг 302

Штайр 151

Штендаль 78, 238

Штеттин 185, 371

Штирия 84, 241

Штральзунд 36, 238, 239

Штутгарт 206

Шютт (Schütt) 167, 168

Щецин 21

Эбро 124
Эвора 125
Эгер *см.* Хеб
Эг-Морт 69
Эйссел 110–112
Экеторп 21
Экс 176, 178, 185, 201
Экс-ан-Прованс 253
Эксетер 103, 185
Эланд 21
Эльба 85, 145, 151, 201, 237, 239, 258, 296, 371
Эльбинг 89, 360, 361
Эльче 132
Эммерик 115, 116
Эр 257
Эрфурт 78, 81, 87, 149, 175, 185, 206, 265, 292, 308, 372
Эрфуртский р-н 258
Эрцгебирге (Рудные горы) 83
Эхтернах 111, 296

Ю
Юберлинген 85
Юденбург 153, 227
Юмне (Волин) 21
Ютербог 241
Ютландия 133, 134, 136, 376

Я
Ярмут 97, 100, 101, 185

Amogoste (Arsenое, Арсеной) *см.* Фамагуста

Batavodorum 107
Bossche *см.* Хертогенбос

Castel Capuano 259
Castel Nuovo 259
Castel di San Salvatore 259
Colonia Ulpia Trajana *см.* Ксантен

Famagusta 367
Forum Hadriani *см.* Форбург

Germania 164, 166

Italia 164

Köln *см.* Кёльн
Kölln (Cölln? Colonia) *см.* Кёлльн

Levefanum *см.* Дорестада

Medetelaciha *см.* Медемблик
Municipium Aurelium Cananefatium *см.* Форбург

Norimberga *см.* Nürnberg
Noviomagus *см.* Новый рынок
Nürnberg (Нюрнберг) 165, 167

Randstadt *см.* Голландия

Schütt 167

Научное издание

ГОРОД
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Т о м I

Феномен
средневекового
урбанизма

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Заведующая редакцией
“Наука – история” *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *З.Д. Алексеева,*
Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 11.02.99

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 24,5. Усл. кр.-отг. 25,0. Уч.-изд.л. 28,6

Тираж 1000 экз. Тип. зак. №3153.

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ГОРОД
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Феномен
средневекового урбанизма

Средневековые города
Западной Европы:
некоторые общие проблемы

Регионально-национальные
особенности городской истории
средневекового Запада

Облик и устройство
средневекового города

Демографические
характеристики
средневекового города

Этнические
и конфессиональные
меньшинства в городе

Замок и город

Монастыри в городе

Политическая организация
средневекового города

Эти разные, разные,
разные города...